

НАЦИОНАЛЬНАЯ АКАДЕМИЯ НАУК БЕЛАРУСИ
Институт социологии

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ■ АЛЬМАНАХ

Основан в 2010 году

Выпуск **7**

Минск
«Беларуская навука»
2016

УДК 316.42(476+470+477+510)

В сборнике представлены статьи ведущих белорусских, российских и украинских социологов, посвященные актуальным проблемам развития белорусского, российского и украинского обществ, социальной теории, методологии и методикам социологических исследований.

Впервые в этом выпуске представлен большой блок статей китайских социологов. Эти статьи отражают наиболее важные вопросы в области социологии в современном Китае, такие как социальная структура, социальная стратификация, семья, брак и проблемы молодежи. Опыт подобного академического обмена результатами научных исследований будет способствовать взаимодействию белорусских и китайских ученых-исследователей и укрепит дружбу между государствами.

«Социологический альманах» рассчитан на студентов, аспирантов, профессиональных социологов, а также читательскую аудиторию, интересующуюся современным социальным развитием Беларуси.

Редакционная коллегия:

И. В. Котляров (главный редактор),

Dr. Xiong Yang (главный редактор),

В. Л. Абушенко (зам. главного редактора),

И. В. Лашук (зам. главного редактора),

М. И. Артюхин, Е. М. Бабосов (зам. главного редактора),

Н. А. Барановский, В. А. Ильин, В. В. Кириенко, А. А. Коваленя,

Н. Е. Лихачев, Ю. М. Резник, Н. М. Римашевская, Р. А. Смирнова,

Г. Н. Соколова (зам. главного редактора), С. А. Шавель,

Е. В. Мартищенко (отв. секретарь)

Рецензенты:

доктор социологических наук, профессор Д. Г. Ротман,
доктор социологических наук, профессор В. А. Клименко

*«Социологический альманах» подготовлен в рамках выполнения
Государственной программы научных исследований
«Гуманитарные науки как фактор развития белорусского общества
и государственной идеологии» («История, культура, общество, государство»)
на 2011–2015 гг.;*
Подпрограмма 3 «Социология и философия». Раздел 1. «Социология»

© Институт социологии НАН Беларуси,
2016

© Оформление. РУП «Издательский дом
«Беларуская навука», 2016

СОДЕРЖАНИЕ

Колонка главного редактора

<i>Котляров И. В.</i> Социология перед новыми рисками и вызовами	6
--	---

Теория и методология социальных исследований

<i>Котляров И. В.</i> Государство vs гражданское общество: традиция или реальность (социологический дискурс)	12
<i>Шавель С. А.</i> «Божественное социальное» Дюркгейма в современном прочтении	25
<i>Мельников А. С.</i> Экзистенциальная социология Андреа Фонтаны	35
<i>Комаровский А. В.</i> Дискурсивный анализ концепции «публичной социологии» М. Буравого	42
<i>Смирнов В. Э.</i> Механизмы реализации социальных проектов: социологический аспект	51
<i>Литвинович В. М.</i> Телефонное интервью по технологии CATI: преимущества и ограничения	58

Социология социальной сферы и здоровья населения

<i>Шухатович В. Р.</i> Здоровоохранение – приоритет развития белорусского общества	68
<i>Барановский Н. А., Осипчик С. И., Пилипенко Е. В.</i> Проблема пьянства и алкоголизма в социологическом измерении	81
<i>Ображей О. Н.</i> Социальная инфраструктура детства как значимое направление социальной политики в области охраны здоровья детей	93
<i>Яковлева Н. И.</i> Особенности развития сферы страхования в Республике Беларусь	101
<i>Дулина Н. В., Ануфриева Е. В.</i> Изменение пространства женщины крупного промышленного города как социальное продолжение Первой мировой войны (на примере г. Царицына)	109

Экономическая социология

<i>Соколова Г. Н.</i> Белорусский рынок труда в условиях структурных изменений в экономике: эффективность механизмов подстройки	120
<i>Титаренко Л. Г.</i> Ценности труда молодежи в белорусском обществе: потенциал инновационности и традиционности	134
<i>Смирнова Р. А.</i> Мотивы выбора рабочей профессии и интеграции в производство молодежи страны	146
<i>Чекмарева Е. А., Шабунова А. А.</i> Работа по призванию: выгодно ли это для экономики?	156
<i>Андрос И. А.</i> Роль индивидуальной трудовой деятельности в возрождении частной инициативы в Советском Союзе	165

Социология науки и образования

<i>Храмцова Ф. И.</i> Образовательный кластер вуза как механизм академической преемственности и социальной мобильности учащейся и студенческой молодежи	173
<i>Артюхин М. И., Щурок Э. М.</i> Проблемы подготовки научных кадров высшей квалификации в аспирантуре НАН Беларуси	181

<i>Душина С. А., Ломовицкая В. М.</i> Социальные детерминанты карьеры молодых ученых в период реформирования российской науки (на материалах полевого исследования)	187
<i>Шарый И. Н.</i> Особенности воспроизводства научных кадров в Беларуси и проблемы кадрового обеспечения приоритетных направлений научных исследований: социологический анализ	199
<i>Назаренко Ю. С.</i> Трансформация образовательных практик в современном социуме	208
<i>Ворошень О. Г.</i> Научные гранты как форма государственной поддержки аспирантов академического сектора науки: социологический анализ.....	217

Социология культуры и молодежи

<i>Хамзяева О. С.</i> Современная молодежь в условиях трансформации (по материалам конкретного социологического исследования)	224
<i>Кузьменко Т. В.</i> Жизненные ресурсы рабочей молодежи: социологический анализ	231
<i>Арясова А. Ю.</i> Динамика базовых ценностей населения Астраханской области (по материалам конкретного социологического исследования)	239
<i>Балич Н. Л.</i> Религиозная идентичность населения Беларуси и Краснодарского края: сравнительный социологический анализ	248
<i>Сосновская Н. А.</i> Семейная политика Республики Беларусь: социологический анализ оценки эффективности	256
<i>Фабринова О. Н.</i> Интернет-культура как социальный феномен современности	264
<i>Каргаполов С. В., Каргаполова Е. В.</i> Электронные средства коммуникации в социальных практиках современной молодежи (по материалам конкретного социологического исследования).....	271

Социальная экология

<i>Мельницкая Т. Б., Белых Т. В.</i> Оценка уровня информированности граждан России и Беларуси по проблемам проживания на территориях, пострадавших в результате аварии на ЧАЭС	277
<i>Борисевич Н. Я., Горанская Е. И.</i> Решение информационных постчернобыльских задач на основе социологических исследований	290
<i>Мартищенко Е. В.</i> Информационные потребности жителей наиболее загрязненных радионуклидами территорий Гомельской области	297
<i>Барбашев С. В.</i> Подходы Украинского ядерного общества к организации PR-деятельности в районах расположения АЭС	308

Social development transitional China /

Социальное развитие Китая в переходный период

<i>Dr. Xiong Yang.</i> Введение	318
---------------------------------------	-----

Social structure and social development /

Социальная структура и социальное развитие

<i>Lu Hanlong.</i> Three Major Transformations of Chinese Socialism / Три основные трансформации китайского социализма	323
<i>Sun Jiaming.</i> Expanding Civil Global Connectivity and Its Impact on Chinese Society: A Research Note of Micro Perspective of Globalization / Расширение глобального взаимодействия и его влияние на китайское общество: исследование микроперспективы глобализации	331
<i>Tao Xidong.</i> Theory and Practice of Trans-Boundary Governance in China / Теория и практика трансграничного управления в Китае	343
<i>Zhu Yan.</i> Market Transition, Inequality and Social Policy: Shanghai in the Reform / Переход к рыночной экономике, неравенство и социальная политика: Шанхай в период реформы	359

<i>Denglei Tang Tianyuan.</i> From “Finding a Job” to “Decent Work”: New Employment Expectations of Urban Youth / От «поиска работы» до «достойного труда»: новые ожидания городской молодежи в трудоустройстве	375
---	-----

**Youth, marriage and family /
Молодежь, брак и семья**

<i>Xu Anqi.</i> The Powers of Intimate Companions: Probing the Mechanisms that Affect Sense of Gender Equality / Полномочия супругов: исследование механизмов, влияющих на смысл гендерного равенства	383
<i>Bao Leiping.</i> The Chinese Only Child’s Life Course: An Institutional Choice under Family-State Relationship View / Жизненный курс единственного ребенка в семье: институциональный выбор в рамках семейных отношений	400
<i>Li Yu.</i> Status Homogamy in Contemporary China (1949–2006): A Dual-Trait Analysis / Статус гомогамии в современном Китае (1949–2006): двусторонний анализ	414
<i>Yang Xiong & He Fang.</i> Growth Conditions, Social Risks and Coping Strategies of “Sub-Mono-Children” / Условия роста, социальные риски и стратегии разрешения проблем «суб-моно-детей»	428
<i>Zhang Liang.</i> DINK Family: The Fashion of the Youth? – A Cross-National Comparative Study / Семья DINK: молодежная мода? – межнациональное сравнительное исследование	442
<i>Liu Wenrong.</i> Attitudinal Changes and Trends of Marriage and Family in Today’s China / Изменения в установках и тенденциях брака и семьи в современном Китае	455
<i>Lan Kang.</i> Differences and Sameness between Generations: The Emergence of Neo-Familism / Различия и сходства между поколениями: возникновение неофамелизма	470

Научная жизнь

Обзор научно-практического семинара «Беларусь на современном этапе развития: социально-политический и экономический анализ» (<i>М. И. Артюхин</i>)	484
Обзор Международного круглого стола «Сирийская Арабская Республика на рубеже веков» (<i>М. И. Артюхин</i>)	486
Обзор Международной научно-практической конференции «Традиционные ценности общества – основа сохранения межнационального согласия и толерантности», прошедшей в г. Минске 3 ноября 2015 г. (<i>И. В. Лащук</i>)	487
Обзор Международной научно-практической конференции «Социальное знание и проблемы интенсификации развития белорусского общества», прошедшей в г. Минске 12–13 ноября 2015 г. (<i>А. В. Комаровский</i>)	489
Памяти белорусского социолога и философа Владимира Леонидовича Абушенко посвящается	491

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

УДК 316.654:316.1(476)

И. В. КОТЛЯРОВ,

*доктор социологических наук, профессор,
директор Института социологии НАН Беларуси, г. Минск*

СОЦИОЛОГИЯ ПЕРЕД НОВЫМИ РИСКАМИ И ВЫЗОВАМИ

Показана роль социологии в жизни современного белорусского общества, проанализированы основные задачи, которые должна решать социология в современных условиях.

Ключевые слова: Беларусь, социология, общественное мнение, Институт социологии, социологические опросы, перспективы.

Человечество вступило в XXI век. Это новый век, который ставит перед современным миром принципиально новые и очень сложные задачи. Мир сейчас находится в начале рождения шестого технологического уклада, ключевыми направлениями развития которого являются нанотехнологии, генная инженерия, системы искусственного интеллекта, глобальные информационные сети и высокоскоростные транспортные системы, клеточные и энерго-сберегающие технологии. Наиболее бурный общественный интерес вызвали бозон Хиггса, квантовая телепортация и эксперименты на Большом адронном коллайдере.

Совсем недавно многие люди были убеждены, что XXI век будет веком торжества справедливости и толерантности, дружбы и добрососедства, равноправия и человеколюбия, демократии и гуманизма. Однако они глубоко ошибались. Он становится веком глубочайшего кризиса, временем тотальной деградации человечества. Рушится практически все. Серия «оранжевых революций» прокатилась по странам Ближнего Востока. Символом трагедии беженцев стал трехлетний сирийский мальчик Айлан Курди, искавший мир и спокойствие за морем, а нашедший смерть на пустынном турецком пляже.

Человечество стоит перед вызовом. Перед вызовом оказалась и социология. Способна ли она ответить на вызовы и риски, противостоять им?

Люди верят, что придет то время, когда победят справедливость, честность, порядочность. Но чтобы спроектировать конкретные действия по решению существующих проблем, необходимо их знать, знать желания и стремления людей. Этим прежде всего и занимается социология.

В последние годы авторитет социологии растет. Это детерминировано постоянными инновациями во всех сферах общественной жизни. Без знания реального положения дел и понимания происходящих в обществе процессов невозможно внедрение в жизнь смелых идей. Налицо все возрастающая по-

требность человечества в социологическом знании и вырабатываемых социологией подходах к анализу социальной реальности. Именно социологи анализируют, почему происходят те или иные процессы, почему они происходят именно таким образом, и что надо делать, чтобы избежать негативных последствий.

Белорусская социология также наращивает свой вес. В прошедшем году в Институте социологии НАН Беларуси разработана принципиально новая модель исследования мнения избирателей на выходах из избирательных участков (экзит-полов). Данная модель предусматривает использование современных компьютерных и математических технологий при подготовке экзит-полов, что повышает их точность и результативность, снижает материальные и финансовые издержки. 11 октября она была проверена во время выборов Президента Республики Беларусь и дала хорошие результаты, которые практически полностью совпали с результатами, объявленными Центризбиркомом Республики Беларусь.

Разработана новая модель социологического исследования электорального поведения избирателей. Накануне выборов был проведен социологический опрос, позволивший определить ожидания населения Беларуси в политической и социальной сферах. Предложены конкретные меры по обеспечению стабильности в белорусском обществе накануне и во время президентских выборов. Ход избирательной кампании и президентских выборов показал правильность результатов опроса и эффективность рекомендаций по его итогам.

Достаточно интересны результаты исследований, связанных с проблемами развития провинциального сообщества, места регионов в налаживании социальных связей и взаимоотношений в системе «центр – периферия», роли провинциального сообщества в социализации, интеграции и адаптации живущих в селах и малых городах людей. Учеными Института социологии осуществлена теоретическая экспликация основных понятий, на обширном конкретно-социологическом материале обоснованы основные идеи и положения, касающиеся образа жизни провинциального населения, их менталитета, ценностных ориентаций, социального самочувствия и гражданского поведения.

Представляют интерес теоретические и эмпирические исследования в области анализа рынка труда Республики Беларусь как социального феномена. Движение от экономического взгляда на проблемы функционирования рынка труда к социологическому связано со стремлением показать «укорененность» экономических отношений в социальном устройстве общества. Это движение имеет серьезные перспективы и подкрепляется появлением более «мягких» направлений в экономической теории.

Заслуживает высокой оценки и экспертная оценка, даваемая сотрудниками Института социологии различным нормативным актам и управленческим решениям. Оказалось, что ученые-социологи способны выступать в качестве «специализированных интеллектуалов» (по выражению Мишеля Фуко). Особо следует выделить эффективную и плодотворную работу Института

с Советом Республики Национального собрания Республики Беларусь и Министерством культуры Республики Беларусь. Здесь прекрасно понимают, что для эффективного использования интеллектуального потенциала необходимо управлять человеческими ресурсами, постоянно обращаться к социологическому знанию. Социологи Института проводят исследования, помогающие найти ответы на вопросы, которые задают сенаторы и их избиратели, жители города и села, работники культуры и образования, все те, кому не безразлично будущее Беларуси. Социологи не имеют права говорить от имени всех социальных групп страны, но они должны обращать больше внимания на их проблемы и использовать социологическое знание для решения существующих проблем.

Набирает обороты тенденция к рефлексии, которая призывает к широкому использованию социологии во всех сферах белорусского общества. Это показала и избирательная кампания, когда все кандидаты в Президенты страны активно использовали данные социологических исследований в своей предвыборной деятельности. Понимание общества через общение с людьми, группами и организациями, изучаемыми социологами, является важным вкладом в формирование у представителей других государств знания о нашей стране.

Впервые в истории белорусской социологии нами проведено прогностическое исследование «Беларусь–2030». Оно было посвящено «предвосхищению» будущего – поиску факторов целенаправленного воздействия на ситуацию в ближайшей и отдаленной перспективе. Выявление и анализ рисков, опасностей и угроз предполагает наличие некоторого прогностического контекста, включающего как научно обоснованные предположения, так и социологические проекты относительно важнейших тенденций развития социальных объектов в будущем. Исследование позволило определить, какой хотели бы видеть белорусы через 15 лет свою страну, что они будут предпринимать для этого, чем они гордятся, что хотели бы поменять в относительно недалеком будущем.

Огромные надежды возлагаем на республиканский кластер изучения социально-политической ситуации, созданный в Институте социологии. Это социологическое подразделение поможет более продуктивно проводить социологические исследования по данной проблеме и предлагать более качественный анализ.

И в то же время перед современной социологией стоит большое количество нерешенных проблем. Одна из них – безопасность. Проблемы безопасности на всех этапах развития человеческого общества никогда не утрачивали своей актуальности. Сегодня вопросы безопасного развития мира и безопасного существования в нем человека осознанно или неосознанно выходят на первое место. При этом никого не удивляет тот факт, что вопросам их разрешения уделяется пристальное внимание как со стороны различных органов государственного управления, так и научных институтов. Особую актуальность эта проблема приобрела после взрыва российского лайнера над Синай-

ским полуостровом и террористических актов в Париже. Данной проблемой стали активно заниматься исследователи самых различных направлений. А вот теоретических и прикладных социологических исследований безопасности явно не хватает. Они не приобрели важной самостоятельной научной траектории и находятся в тени других социально-политических исследований.

В последние годы еще одна проблема стала актуальной – это беженцы. В разные времена, в разных регионах мира сотни тысяч людей покидали родные места из-за принадлежности к той или иной расе, национальности, религии, определенному социальному классу или вследствие политических убеждений. Кто-то бежал от войны, от погромов, кто-то от политических репрессий, а кто-то в поисках лучших условий жизни. Но нас это не особенно волновало. Все было далеко от Беларуси. Однако наступил распад Советского Союза, и десятки тысяч людей покинули насиженные места и уехали в чужие края. Тем самым многие не только спасли свои жизни, но и обрели новую родину, получили возможность работать, содержать семьи. Часть из них осела в Беларуси. А совсем недавно началась гражданская война в Украине. А это уже не сотни километров, а сотни метров. Как будут беженцы чувствовать себя в Беларуси? Как будут чувствовать коренные жители? А здесь еще одна беда – поток «цветных революций» на Ближнем Востоке и создание Исламского государства. Некоторые беженцы оказались весьма специфическими – с автоматами и поясами шахидов. Как поступать с ними? Ведь деление беженцев по религиозному признаку только усилит ряды исламистов. Органы государственного управления ждут от ученых ответы на конкретные вопросы. И «первую скрипку» здесь должны играть социологи.

По всему земному шару полыхает пожар «цветных революций». Гибнут не тысячи, а сотни тысяч людей. Гибнут дети, женщины, старики. Как утверждают многие исследователи, активно реализуется достаточно популярная в настоящее время модель «гражданское общество против государства». Так ли это? Можно ли «цветные революции» если не предотвратить, то хотя бы предвидеть? Социология должна ответить на эти вопросы, но она почему-то молчит.

Во время предвыборной кампании кандидаты в Президенты Республики Беларусь постоянно поднимали вопрос о переходе с мажоритарной на пропорциональную избирательную систему. Насколько она важна, нужна и актуальна для нашей страны? Ведь основа пропорциональной избирательной системы – политические партии Беларуси, а они находятся в глубочайшем кризисе. Однако через несколько месяцев парламентские выборы, и этот вопрос вновь будет подниматься различными политическими силами.

Практический характер социологического знания обладает не только эвристичностью – способностью объяснять и предсказывать закономерности, регулирующие жизнь социумов, но и прагматичностью – способностью выработать эффективные решения конкретных проблем. Социологи способны в полной мере осознавать свою социальную ответственность перед обществом, помогать ему решать имеющиеся задачи. Тем более, что их много,

и они грандиозные. Об этом говорил А. Г. Лукашенко в своей речи «За будущее независимой Беларуси», произнесенной на церемонии принятия присяги при вступлении в должность Президента Республики Беларусь 6 ноября 2015 г.

Система образования, подчеркнул Президент страны, будет сохранена, чего бы нам это ни стоило. Ибо не будет ни знаний, не будет ни экономики знаний, ни народа. Социологические исследования показали, что в Беларуси хороший уровень образования. Об этом говорят и студенты, и педагоги, и работодатели. Так, каждый пятый респондент полностью удовлетворен тем образованием, которое получил, а около половины – скорее удовлетворены им, чем не удовлетворены. Однако существует достаточно много проблем, которые выявили социологические опросы. Например, средний студент получает явно недостаточно внимания со стороны преподавателей, кураторов, руководителей различных структур вуза. А ведь из этого среднего студента при соответствующей работе вырастет отличный инженер, учитель, врач. А может и не вырасти.

Крайне низкое качество знаний у студентов заочного образования. Невежественность нынешних студентов-заочников убийственна, об этом говорят как практически все вузовские преподаватели, так и эксперты. Знания лучшего заочника на уровне знаний худшего студента стационарного отделения. Необходимо, по мнению респондентов, существенно уменьшить число студентов, обучающихся на заочных отделениях. Но так ли? К сожалению, научные сотрудники Института так и не смогли ответить на этот вопрос.

Как уже отмечалось, Институт социологии НАН Беларуси активно работает с Министерством культуры Республики Беларусь. Несколько специфических социологических исследований, направленных на изучение культуры белорусского общества, дали весьма интересные результаты. Однако, как показывает социальная реальность, этого недостаточно. Нужны исследования на различных уровнях белорусского общества. Но явно не хватает социологов. Мы неоднократно предлагали Белорусскому государственному университету культуры и искусств помощь в подготовке дипломированных социологов в сфере культуры, но вопрос так и не был решен.

Проблема огромной важности – консолидация социологов, преодоление разобщенности, систематичности в обмене информацией и публикациями. Это требует создания ряда постоянно действующих организационных структур. Мы уже давно предлагаем всем заинтересованным сторонам создать некую структуру, куда бы входили ведущие социологи и там бы обсуждались гласно и открыто все монографии, диссертации. Благодаря данному кластеру социологи будут учиться друг у друга, помогать друг другу, по крупице перенимать передовой опыт и расти в профессиональном плане. Тем более что в стране явно не хватает высококвалифицированных социологических кадров. Необходимы воля, управленческие решения и определенная нормативная база. Руководство страны, Министерство образования Республики Беларусь поддержали это предложение, однако некоторые социологические структуры

убеждены, что лучше вариться в собственном соку, не замечая ничего и никого вокруг. Социология должна развиваться, не стоять на месте. Без решения данной проблемы социологии будет трудно эффективно выполнять поставленные Президентом страны и национальным государством задачи.

Социология должна стремиться к инновационному, увлекательному развитию, а результаты эмпирических исследований быть доступными широкой публике. Исследователи обязаны уметь не только хорошо и красиво писать. Они должны быть всесторонне подготовлены к дискурсу с широкой научной общественностью, показывать результаты социологических исследований, убеждать их в правильности, важности и необходимости.

Белорусская социология имеет хорошие перспективы. Но социологи должны обладать гражданской ответственностью не меньше, чем профессиональными знаниями и навыками.

I. V. KOTLIAROV

SOCIOLOGY FACING NEW RISKS AND CHALLENGES

Summary

The role of Sociology in the life of Belarusian society is shown and the main problems which must be solved by Sociology in contemporary conditions are analyzed.

Keywords: Belarus, Sociology, public opinion, Institute of Sociology, polls, perspectives.

Поступила 27.10.2015 г.

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

УДК 316.46:303.443.2(476)

И. В. КОТЛЯРОВ,

*доктор социологических наук, профессор,
директор Института социологии НАН Беларуси, г. Минск*

ГОСУДАРСТВО VS ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО: ТРАДИЦИЯ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ (СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ДИСКУРС)

Раскрываются внутренние противоречия современных концепций государства и гражданского общества, их социологический, политический и идеологический подтексты. Недостатки и неадекватность указанных дефиниций рассматриваются с учетом выявления путей повышения их социальной значимости, а также переосмысления теоретического наследия и взглядов исследователей политической социологии на государство и гражданское общество. Обосновывается необходимость изменения смыслового содержания, ракурса зрения и критериев, используемых для анализа государства и гражданского общества в современных условиях.

Ключевые слова: государство, гражданское общество, демократия, естественные права, дихотомия, политическая власть, политическое общество, право, социальное развитие, тирания.

Формирование концепции конструктивного взаимодействия между государством и гражданским обществом является одной из важнейших задач современной науки. При этом характер их взаимоотношений оказывает непосредственное влияние как на эффективность функционирования политической системы общества, так и государства как целостного образования. Следует особо подчеркнуть, что отношения государства и гражданского общества всегда были сложными и противоречивыми. Постоянно возникал вопрос: кто важнее: гражданское общество или государство, кто над кем возвышается? Кто для кого существует: человек для государства или государство для человека? Эти проблемы до сих пор вызывают споры и дискуссии на различных научных и политических уровнях.

Изучение взаимоотношений гражданского общества и государства в данной работе производится с помощью метода дискурс-анализа Лакло – Муффа [6]. Дискурс понимается не просто как отражение действительности, а как режим знания, в соответствии с которым социальные субъекты судят об истинном и ложном. Дискурс задает правила поиска истины и одновременно устанавливает границы, за пределами которых остаются исключенные значения.

В центре данного исследования находятся следующие важнейшие категории гражданского общества и его взаимоотношения с государством:

- 1) определение гражданского общества;
- 2) его ценности и цели в историческом нарративе;

3) социально-политическая ситуация в различные периоды развития общества;

4) способы достижения цели и программа действий социально-политических акторов;

5) структура гражданского общества.

Прежде чем начать социологический анализ, необходимо четко определить, что такое гражданское общество. С ним, сложным и противоречивым, трудно уловимым и постоянно ускользающим, вызывающим массу противоречивых чувств, потоки формальной популистской фразеологии и полное отсутствие логики, огромное количество ложных иллюзий и совершенно несовместных критериев, все очень сложно. Данная дефиниция является одной из самых модных категорий, однако в серьезных изданиях серьезные авторы постоянно допускают серьезные ошибки. До сих пор нет четкого и однозначного определения гражданского общества. Каждый исследователь вкладывает в него свой смысл. А. А. Гусейнов высказался следующим образом: «Никто не может сказать толком, что такое гражданское общество, но все знают, что это хорошо» [5, с. 31].

Следует особо отметить, что понятие «гражданское общество» никогда не отличалось концептуальной обоснованностью, строгостью и системностью. Данная дефиниция в большинстве своем отражает мифические отношения, объекты и свойства, не существующие в объективной реальности. Его нельзя увидеть, потрогать, почувствовать. Известный голландский исследователь Дирк ван ден Боом неоднократно подчеркивал, что понятие «гражданское общество» никогда не было научным термином, который мог бы служить общезначимым теоретическим обоснованием или определением современных общественных форм или общих представлений о целях. Он утверждал, что в результате различных интерпретаций понятие «гражданское общество» стало «амебообразным», расплывчатым, трудноуловимым и мягким со всех сторон; оно обладает чрезвычайной приспособляемостью, и его легко применить почти ко всему [24, с. 285].

Так что такое гражданское общество? Наиболее примитивным, в то же время и достаточно популярным, является утверждение, что все то, что не является государством, является гражданским обществом. Наиболее простое и часто встречающееся в учебной и научной литературе определение рассматриваемого нами понятия выглядит следующим образом: гражданское общество есть совокупность всех негосударственных форм самоорганизации граждан. Так считают многие исследователи. Подобные дефиниции кажутся простыми и понятными, но они совершенно не раскрывают смысл и сущность сложнейшего общественного феномена.

В западной социологии и политологии выделяют, по крайней мере, три основные традиции понимания гражданского общества. Одна берет свое начало с исследований известного английского ученого Джона Локка. Он и его после-

дователи понимали под гражданским обществом некое этическое сообщество полноправных и свободных граждан, равных в своем достоинстве и живущих по естественным законам до и вне политики, общество, обеспечивающее защиту прав и свобод граждан, обладающих гражданской ответственностью, активностью и долгом [11]. Для Жан-Жака Руссо гражданским является общество граждан, политическая свобода означает для него участие свободных и равных граждан в отношениях управления и подчинения [18; 19].

Шарль-Луи Монтескьё представлял гражданское общество как систему независимых ассоциаций граждан, детерминирующих отношения между индивидом и государством и в случае необходимости защищающих свободу человека от власти. В данном случае гражданское общество есть сфера, отличная от государства и включающая в себя главным образом гражданские организации и ассоциации, независимые средства массовой информации, местное самоуправление, другие формы самоорганизации граждан, обладающих частной собственностью на средства производства и землю [13].

Следует отметить и традицию, идущую от американского публициста Томаса Пейна. Более двухсот лет назад он написал, что люди сами создали порядки, при которых они живут. Пейн отмечал, что гражданское общество само способно выполнять почти все функции, которые приписываются правительству [15].

Сегодня гражданское общество понимается многими исследователями как определенное социальное пространство, в котором люди взаимодействуют как независимые друг от друга и от государства индивиды, объединенные на принципах свободы и добровольности. Как сообщество тех, кого объединяют солидарность, социальная справедливость и демократия, тех, для кого важны гражданская активность и ответственность, нетерпимость к нарушениям прав и свобод граждан. Здесь в наиболее полном виде могут реализовываться социальные интересы, ценности и нормы человеческого общежития, проверяются прочность и гармоничность всего многообразия социальных отношений. В экономическом плане эта дефиниция означает многообразие форм собственности, свободный рынок, свободное предпринимательство, в идеологическом – плюрализм мнений, свободу слова и печати.

Отмечая сложность и многофункциональность понятия гражданское общество, учитывая, прежде всего, позитивные подходы Томаса Пейна и Алексиса де Токвиля, Джона Стюарта Милля и некоторых других классиков, предлагаем авторское определение: *гражданское общество* – это свободное и справедливое общество равных возможностей, которое формируется на основе принципов морали и демократии, политического плюрализма и правового равенства граждан, их самоопределения и самоорганизации, социальное пространство, в котором происходит переход некоторых властных функций от государства к независимым от власти общественным структурам, способным создавать необходимые и достаточные условия для развития личности, реализации ее прав, удовлетворения законных интересов и важнейших по-

требностей, формирования высоких морально-нравственных идеалов и принципов, ценностей и ориентаций.

Гражданское общество возникает на определенном этапе эволюции человеческих сообществ, в конкретных исторических, экономических, социальных условиях. Каждая историческая эпоха создавала конкретную модель как гражданского общества, так и его взаимосвязей с государством, задавала масштабы пространства человеческой свободы, формулировала идеал гражданского общества и предлагала соответствующие предпосылки для его практической реализации.

С позиций современных представлений о гражданском обществе можно выделить несколько моделей взаимоотношения естественного состояния общества и государства. Идея гражданского общества появилась в Древней Греции и Древнем Риме. В античном обществе был сформирован институт права. Государство-полис обладало властью над гражданами и являлось независимым политическим субъектом. В зрелой форме оно представляло систему самоуправления. Управление античными обществами осуществлялось с помощью выборных органов. Греческое народное собрание – агора – было центром политической и общественной жизни. В разных государственных образованиях полномочия народного собрания были различными. По-разному они соотносились с другими структурами управления и самоуправления. Это взаимоотношение и определяло характер общественного строя. Некоторые современные ученые считают, что историко-философские и социально-политические основания гражданского общества можно найти в античности, что это был период, в котором существовали реальные предпосылки его формирования [8].

С таким подходом трудно согласиться. Можно ли считать гражданским обществом, где на двух свободных граждан приходилось три раба, где слабых детей сбрасывали в пропасть, где одни люди убивали других ради развлечения третьих? В огромной Римской империи большинство населения являлось рабами. Рабство было распространено и в государственных образованиях италиков, галлов, иберов. Во многих греческих полисах роль бесправных рабов принадлежала местному населению, покоренному захватившими их греками. В Древнем Риме рабами были гладиаторы, педагоги, артисты, литераторы. Иногда, находясь в рабстве, они были знаменитыми и состоятельными людьми, но не были свободными. Рабы были вещью, говорящими орудиями труда, гражданские законы и нормы к ним никакого отношения не имели. Самым лучшим рабом был сытый раб, не понимающий, что он в оковах.

В настоящее время достаточно популярно мнение, что идеи свободы пронизывали христианскую веру, и это детерминировало формирование в Средние века религиозных объединений как элементов гражданского общества. Действительно, свободная личность была идеалом в эпоху Возрождения. Средневековая система самоуправления нашла свое отражение в мэриях и муниципальных организациях. Системы выборности и самоуправления

формировали институт буржуазной демократии. Христианство создало определенную нравственную среду, в которой существовали некоторые моральные ценности, в том числе идеи равноправия, свободы и справедливости.

Однако экономические ресурсы в те времена были сосредоточены у феодалов, духовные, культурные и идеологические – у Церкви, политические стали предметом ожесточенной борьбы светской и духовной власти. Общественным структурам не оставалось места. Таким образом, тезис о существовании гражданского общества в Средневековье не подтверждается конкретными примерами.

Английский философ Эрнест Геллнер в классической, но весьма спорной и на редкость тенденциозной работе «Условия свободы. Гражданское общество и его исторические соперники» писал, что «в феодальном обществе политическая и экономическая области, закрепленные законом и ритуалом, представлены наглядно и зримо, и соотношение их как будто совершенно ясно. Здесь нет никакого лицемерия. И фактически нет водораздела между этими обществами. Перед нами единый – политический и экономический – социальный строй. В таком случае бессмысленно говорить о гражданском обществе как о чем-то отличном от государства, ибо политическая иерархия и экономическая специализация здесь почти идентичны, наложены друг на друга и взаимно друг друга подкрепляют» [3, с. 68–69].

Фрэнсис Бэкон, Гуго Гроций, Томас Гоббс, Джон Локк, Жан-Жак Руссо, Шарль-Луи Монтескье и некоторые другие мыслители в своих работах выражали требования времени, детерминирующие борьбу формирующейся буржуазной демократии против абсолютной монархии. В основе их социально-политических взглядов лежит представление о гражданском обществе как неполитической сфере социума, противостоящей государству или сосуществующей с ним, которая включает также такие институты и организации, как предпринимательство, торговля, семья и родственные объединения, различные общественные союзы и ассоциации. По мере развития общественных отношений модель «естественное состояние – гражданское состояние (общество)» постепенно начала сменяться моделью «государство – это и есть гражданское общество».

Первая серьезная работа о гражданском обществе была написана английским философом Томасом Гоббсом в один из самых сложных периодов английской истории. Кризис абсолютизма, гражданская война, казнь короля Карла I – «тирана, изменника, убийцы и врага государства», установление республики, диктатура Кромвеля и реставрация Стюартов – все это происходило на его глазах. Т. Гоббс был свидетелем завоевания Ирландии и покорения Шотландии, войн Англии со своими извечными соперниками – Францией, Испанией и Голландией. Он панически боялся реальной действительности, толп беснующегося народа и рек крови, грязи и постоянных человеческих нечистот – «войны всех против всех». Французский писатель Абель-Фран-

суа Вильмен в книге «История Кромвеля» писал о Т. Гоббсе: «Особенно в зрелище английской революции он почерпнул любовь к деспотизму, презрение к религии, профанированной столькими безумствами, этот позорный культ рока и силы, к которому он свел все верования и все права. Принимая абсолютную власть из ненависти к народным неистовствам, прибегая к атеизму, чтобы избежать нелепостей сект, этот неверующий философ был человеком, наиболее преданным королевской власти и одним из наиболее страстных врагов всяких политических реформ» (цит. по: [23, с. 137]). Чтобы прекратить войну всех против всех, Т. Гоббс придумал некое мифическое гражданское общество, показал права короля и убедил элиту в необходимости его неограниченной верховной власти для обеспечения мира, написал в 1642 г. книгу «О гражданине», а затем в 1651 г. – «Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского» [4].

Другой английский исследователь Джон Локк поддержал и дальше развил идею гражданского общества Т. Гоббса. Причем Дж. Локк и его сторонники были убеждены, что жить в мире намного лучше, комфортнее, чем убивать друг друга и вешать на площадях. Они понимали гражданское общество как сообщество полноправных и свободных граждан, равных в своем достоинстве и живущих по естественным законам до и вне политики, пространство, детерминирующее независимость гражданина от государства и других граждан, защиту его прав и свобод, непосредственно связанных с гражданской ответственностью, активностью и долгом. Причем в работах Дж. Локка «Два трактата о правлении» и «Опыт о человеческом разуме» естественное состояние намного больше походило на нынешнее понимание гражданского общества, чем на гражданское состояние того времени. Естественное состояние – это «состояние полной свободы в отношении действий и распоряжения своим имуществом и личностью», «состояние равенства, при котором всякая власть и всякое право являются взаимными, никто не имеет больше другого» [11].

Дж. Локк считал правоммерным и возможным восстание народа против тирании, посягающей на естественные права и свободы людей. Если власть пытается отнять и уничтожить собственность народа или загнать его в рабство, то, по его глубокому убеждению, она ставит себя в состояние войны с народом, который вследствие этого освобождается от обязанностей какого-либо дальнейшего повиновения. Тогда народ использует право выражать свое неудовольствие либо мирным путем – голосованием, либо посредством революции.

Дж. Локк был одним из родоначальников идеологии либерализма и теории естественных прав, на которые сегодня молятся многие правозащитники. Интересно отметить, что «икона прав и свобод» Дж. Локк является автором Конституции рабовладельческого штата Каролина, одна из статей которой гласила: «Каждый свободный человек Каролины обладает абсолютной властью над своими черными рабами». Он вложил свои сбережения в акции Королевской Африканской компании, которая занималась работорговлей. Он же создал

теорию стоимости, узаконившую захват земли индейцев в Северной Америке. Один из главных «идеологов прав и свобод» считал, что гражданское общество имеет естественное право вести войну против тех, кто не обладает разумом, обращать их в рабство и экспроприировать их богатство в уплату за военные расходы.

По мере развития капиталистических отношений, преобразования гильдий в кооперативы и корпорации, структур самоуправления – в мэрии и муниципалитеты, формирования системы независимых от государства общественных институтов и отношений, призванных обеспечить условия для самореализации индивидов и коллективов, реализации частных интересов и потребностей, стала создаваться популярная в настоящее время модель *«гражданское общество против государства»*.

Наиболее ярко модель «гражданское общество против государства» описал известный американский журналист Томас Пейн. В основу своих произведений он положил идею их противостояния. Общество, по его мнению, требует минимального политического вмешательства. Государство должно существовать в строго ограниченных рамках, установленных и закрепленных путем волеизъявления граждан через механизмы народного представительства. Его власть, по Т. Пейну, должна быть ограничена в пользу гражданского общества, так как каждому индивиду по своей природе присуще стремление к коллективизму. Чем совершеннее общество, тем успешнее регулирует собственную жизнедеятельность и меньше нуждается в управлении со стороны государства [15]. По мнению Т. Пейна, «общество создается нашими потребностями, а правительство – нашими пороками; первое способствует нашему счастью положительно, объединяя наши благие порывы, второе же – отрицательно, обуздывая наши пороки; одно поощряет сближение, другое порождает рознь. Первое – это защитник, второе – каратель» [15, с. 21].

Прошло много десятков лет. Ко второй половине прошлого столетия о дефиниции «гражданское общество» успешно забыли. Главная причина резкого падения интереса заключалась в том, что была предложена концепция построения реального «корпоративного государства» вместо мифического гражданского общества. В корпоративных государствах элементарными ячейками общества являются не классы или отдельные лица, а общественные организации, объединяющие представителей работников и собственников частных предприятий определенного сектора экономики для координации действий и разрешения конфликтов. Как результат, классовая борьба сменилась, не без проблем, сотрудничеством работодателей, включая государство, и наемных работников. Начало этому процессу положила Советская Россия уже в 1918 г., но затем Гражданская война и другие эпохальные события затормозили этот процесс. Но он был подхвачен (при сохранении, более или менее формальном, частной собственности) на Западе. Корпоративными (в разной степени) были государства Бенито Муссолини в Италии, Франклина Рузвельта в США, Франсиско Франко в Испании, Антониу Салазара в Португалии [1]. Теория

корпоративного государства достаточно полно изложена в книге Бенито Муссолини «Доктрина фашизма» [14]. Однако постепенно гипотетическая идея «корпоративного государства» переросла в фашистскую диктатуру.

В конце прошлого столетия произошел резкий всплеск интереса к гражданскому обществу. Английский исследователь Джон Кин утверждал, что «примерно полтора столетия назад из интеллектуальной и политической жизни практически исчезла тема гражданского общества, и еще не так давно, всего десять лет назад, сам этот термин казался непривычным на слух, старомодным и в определенных кругах даже воспринимался с цинизмом и враждебностью. Затем в европейском регионе и в других местах термин “гражданское общество” начал входить в моду и столь часто слетал теперь с губ политиков, представителей крупного бизнеса, преподавателей, ученых, руководителей фондов и благотворительных организации и даже простых граждан» [7, с. 15].

Катализатором процесса возрождения дефиниции «гражданское общество» стала перестройка в Советском Союзе. Некоторые руководители КПСС по самым разным причинам попытались «транзитировать» перестроечные процессы в социалистические страны Европы. Автор этой статьи был направлен Центральным Комитетом Коммунистической партии Советского Союза для чтения лекций в Чехословакию. В международном отделе ЦК КПСС перед ним была поставлена четкая и конкретная задача – содействовать победе перестройки в Чехословакии, в том числе с помощью использования идей гражданского общества как альтернативы реальному социализму. Противники социалистического общества считали, что в процессе борьбы против социализма центр тяжести необходимо переносить из области политической в неполитическую сферу общественной жизни, в условное гражданское общество – мир социального общения, который составлен из сетей гражданского взаимодействия и скреплен сотрудничеством и общественным партнерством.

Следует особо подчеркнуть, что модель «гражданское общество против государства» была положена в основу технологий так называемых «цветных революций». Вспомним Варшаву, Прагу, Киев, Тбилиси, Белград, Бишкек, Кишинев. В революциях грузинской роз и киргизской тюльпанов, в украинских оранжевой и достоинства, череде арабских революций чувствовалась опытная и сильная рука кукловода, просматривался единый сценарий, использовались одни и те же хорошо отработанные технологии. Все было сделано по одним и тем же лекалам. Совершенно очевидно, что речь идет об одних и тех же средствах, одних и тех же методах, одних и тех же политических силах одной и той же модели «гражданское общество против государства».

Первая «цветная революция» на постсоветском пространстве начиналась более десяти лет назад. «Апельсиновой зимой 2005 года, – писал украинский политолог Андрей Ганжа, – с окруженных возбужденными революционерами помостов Майдана, можно было услышать: “Передадим власть от бюрократии гражданскому обществу”» [2].

Майдан 2013–2014 гг. стал прообразом новой украинской модели гражданского общества. Это был продукт весьма специфической самоорганизации общества, который затем превратился в тренировочную площадку для протестного движения, дал мощный толчок росту антигосударственной активности людей, причем явно в извращенной форме. Насилие как форма политической борьбы прочно укоренилось в украинском гражданском обществе. В стране идет полномасштабная гражданская война. В ней каждый день гибнут мужчины, женщины, дети и старики. То, что украинская модель «гражданское общество против государства» полностью провалилась, поняли многие ее ярые сторонники. В статье «Власть – гражданское общество: системный сбой», опубликованной в еженедельнике «Зеркало недели. Украина», анализируется доклад «Демократия участия в Украине. Состояние реализации государственной политики содействия развитию гражданского общества». В нем говорится, что украинское «гражданское общество ожидало, что новая власть на законодательном уровне и уровне практик обеспечит процесс увеличения свобод во всех сферах, создаст правовые гарантии их соблюдения. Однако изменения системы: замены неэффективных постсоветских институтов новыми, инновационными, применения новых технологий в публичном управлении, изменения общественно-политических и экономических отношений в государстве, лишения чиновника возможности собирать с граждан “коррупционный налог” не произошло» [20].

Зачатки модели *«государство против общества»* появились в Китае в IV в. до н. э. Известный мыслитель Шан Ян считал, что государство сильно, когда народ слаб. Идущее правильным путем правительство стремится ослабить общество. Через много сотен лет эта модель стала популярной в Европе. С ростом радикальных настроений многие мыслители испугались революционных бурь, угрожавших основам устоявшегося государственного строя. В любых призывах к переустройству жизни они видели опасное подстрекательство, идущее вразрез с социальной реальностью, и были убеждены, что именно гражданское общество является причиной постоянных конфликтов и требовали более жесткого государственного регулирования. Авторы данной модели пытались найти возможность устранить существующие противоречия, неизбежно возникающие в буржуазном государстве, средствами самого государства. Модель «государство против гражданского общества» достаточно четко прослеживалась в трудах Иеремии Бентама, Жана Шарля Леонара Симонда де Сисмонди, Пауля Пфицера, Лоренца фон Штейна.

Наиболее ярким примером реализации модели «государство против гражданского общества» явилась война государства САСШ (Северо-Американские Соединенные Штаты) против коренных жителей Северной Америки – индейцев, их племен, поселений и национальных структур – типичных представителей основ гражданского общества.

Государственная власть США не считалась с правами и интересами коренных жителей и с самого начала объявила им войну на истребление. Вооружен-

ные луками и стрелами, коренные жители не могли достойным образом противостоять пришельцам. В вооруженных схватках на одного убитого солдата американской армии приходилось многие десятки индейцев. Расправившись с мужчинами, колонисты нападали на индейские селения, где оставались только женщины, дети, старики, и безжалостно убивали их. Те индейские племена, которых не могли уничтожить силой оружия, истребляли подлостью и коварством. Самыми распространенными методами были продажи индейцам одеял, зараженных черной оспой или другими страшными болезнями, а также отравленной водки. Захватив земли, принадлежавшие индейцам, американское государство объявило коренных жителей иностранцами [17; 21; 22].

Войны и сражения с индейцами продолжались до начала прошлого столетия. Всего американское государство уничтожило около ста миллионов индейцев, что вполне позволяет говорить о геноциде государства против гражданского общества.

Можно привести достаточно много примеров, когда политические руководители, целенаправленно используя модель «государство против гражданского общества», уничтожали не только его основные структуры, но и значительную часть собственного народа. Вспомним фашистскую Германию. История установления фашизма в ней является ярким примером того, как государство поглощает общество, как происходит огосударствление всех его сфер, осуществляется всеобщий (тотальный) контроль над социумом [12].

Идеальной матрицей взаимоотношений современных гражданского общества и государства является полное равенство всех их структур и элементов (*модель «сильное государство – сильное гражданское общество»*), при котором действует принцип паритета, равенства, справедливости, доверия. Полноценное гражданское общество возможно тогда, когда оно находится в состоянии равноправного партнерства и качественного правового взаимодействия с государством.

Гражданское общество и государство должны находиться в постоянном динамическом равновесии. Резкое ослабление гражданского общества может привести к гипертрофированному росту государства и сделать его тоталитарным. Ослабление государства ведет к росту хаоса, анархии, усилению власти толпы, торжеству деструктивных элементов. Типичный пример – события в современной Украине.

Гражданское общество в определенном смысле способно контролировать государство и его органы, через определенные механизмы управлять конкретными, ранее заданными процессами. Такими механизмами в определенном смысле могут быть политические партии, профессиональные союзы, некоммерческие неправительственные организации, национально-культурные и религиозные объединения, ассоциации и структуры общественного самоуправления и т. д. Государство обеспечивает необходимые условия развития гражданского общества и его институтов, детерминируя успешную деятельность его структур, обеспечивая соблюдение прав и свобод граждан.

Для формирования эффективной белорусской модели взаимоотношений государства и гражданского общества важно учитывать не только западные и восточные концепции, но и собственный опыт, обусловленный традициями и менталитетом, уровнем правовой культуры и правосознания граждан. Необходима модель типа контракта между гражданским обществом и государством, в котором оговорены обязанности двух сторон, направленные на защиту интересов государства, общества и народа. В рамках этой модели белорусское государство должно гарантировать безопасную, полнокровную и достойную жизнь своих граждан, отвечать за качество и последствия принимаемых управленческих решений. Гражданское общество должно взять на себя определенную долю ответственности за положение дел в стране, принять участие в формировании основ национальной идеологии и стратегии национального развития; добиваться ответственности государственных служащих за качество и последствия их решений.

Государство и гражданское общество в нашей стране не являются антиподами. Они, напротив, едины в деле построения сильной и процветающей Республики Беларусь, действуют в единой связке, взаимно дополняют друг друга. И, вопреки навязываемым стереотипам, именно такое единение – важнейшее достижение белорусского государства и надежда на еще лучшее будущее.

Республика Беларусь как сильное и независимое государство, с которым считаются во всем мире, состоялась. Социологический опрос «Беларусь–2030», проведенный в конце лета 2014 г., показал, что так утверждает более $\frac{2}{3}$ населения страны. Беларусь обрела полную самостоятельность и государственную независимость, она признана полноправным участником мирового сообщества государств. Единственным источником государственной власти и носителем суверенитета является народ. Существует многообразие политических институтов, идеологий и мнений. Создан прочный фундамент, позволяющий белорусскому обществу и национальному государству энергично и эффективно развиваться по всем направлениям. Почти три четверти жителей страны с уверенностью и оптимизмом смотрят в будущее, считают, что Беларусь способна и дальше целеустремленно развиваться и прогрессировать, чтобы занять еще более достойное место в мировом сообществе.

По мнению соотечественников, Беларусь–2030 – это государство справедливости и законности, солидарности и правопорядка, партнерства и ответственности, страна, в которой безопасно ходить по красивым и уютным улицам, престижно рожать и воспитывать детей, помогать попавшим в беду, комфортно отдыхать, где каждому гражданину доступно качественное образование и здравоохранение, где трудолюбивому и ответственному человеку легко найти престижную, любимую и высокооплачиваемую работу. Более $\frac{2}{3}$ населения считает, что через 10–15 лет наша страна будет страной с благоприятной природной, экономической и социальной средой, обеспечивающей необходимые условия для жизни. В этом огромная задача как национального государства, так и белорусского гражданского общества [9; 10].

Литература

1. Антонов, М. Русский идеал и корпоративное государство / М. Антонов // Молодая гвардия. – 2012. – № 3. – С. 45–93.
2. Ганжа, А. Куда катится гражданское общество Украины? [Электронный ресурс] / А. Ганжа. – 2015. – Режим доступа: <http://www.apn.ru/publications/article24414.htm>. – Дата доступа: 01.08.2015.
3. Геллнер, Э. Условия свободы. Гражданское общество и его исторические соперники / Э. Геллнер. – М. : Моск. школа полит. исслед., 2004. – 240 с.
4. Гоббс, Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского / Т. Гоббс // Соч. : в 2 т. – М. : Мысль, 1991. – Т. 2. – 731 с.
5. Гражданское общество, правовое государство и право («Круглый стол» журналов «Государство и право» и «Вопросы философии») // Вопр. философии. – 2002. – № 1. – С. 3–50.
6. Йоргенсен, М. В. Дискурс-анализ. Теория и метод / М. В. Йоргенсен, Л. Дж. Филлипс. – 2-е изд., испр. – Харьков : Гуманитар. центр, 2008. – 352 с.
7. Кин, Дж. Демократия и гражданское общество / Дж. Кин. – М. : Прогресс-Традиция, 2001. – 400 с.
8. Коптев, А. В. Античное гражданское общество / А. В. Коптев // Проблемы эволюции общественного строя и международных отношений в истории западноевропейской цивилизации : сб. ст. / под ред. Ю. К. Некрасова. – Вологда : Русь, 1997. – С. 11–30.
9. Котляров, И. В. Беларусь между прошлым и будущим / И. В. Котляров // Белая вежа. – 2014. – № 7. – С. 92–105.
10. Котляров, И. В. На пути к будущему. Социологические тренды / И. В. Котляров // Беларус. думка. – 2015. – № 1. – С. 89–96.
11. Локк, Дж. Два трактата о правлении. В первом ложные принципы и основания сэра Роберта Филмера и его последователей исследуются и опровергаются. Второй есть опыт об истинном происхождении, области действия и цели гражданского правления / Дж. Локк // Соч. : в 3 т. – М. : Мысль, 1988. – Т. 3. – С. 137–405.
12. Мельников, Д. Преступник номер один. Нацистский режим и его фюрер // Д. Мельников, Л. Чёрная. – М. : Новости, 1991. – 464 с.
13. Монтескьё, Ш. Л. О духе законов или об отношениях, в которых законы должны находиться к устройству каждого правления, к нравам, климату, религии, торговле / Ш. Л. Монтескьё. – СПб. : Издание Л. Ф. Пантелеева, 1900. – 706 с.
14. Муссолини, Б. Доктрина фашизма / Б. Муссолини ; пер. В. Н. Новикова. – Париж : Возрождение, 1938. – 346 с.
15. Пейн, Т. Избранные сочинения / Т. Пейн. – М. : АН СССР, 1969. – 633 с.
16. Платон. Государство / Платон // Соч. : в 3 т. – М. : Мысль, 1971. – Т. 3, ч. 1. – С. 89–454.
17. Платонов, О. Почему погибнет Америка. Конец империи зла / О. Платонов // Рус. вестн. : спец. вып. – 1998. – № 11–13. – 456 с.
18. Руссо, Ж.-Ж. О политической экономии / Ж.-Ж. Руссо // Трактаты. – М. : Наука, 1969. – С. 109–141.
19. Руссо, Ж.-Ж. Рассуждение о происхождении и основаниях неравенства между людьми / Ж.-Ж. Руссо // Трактаты. – М. : Наука, 1969. – С. 31–108.
20. Ставнийчук, М. Власть – гражданское общество: системный сбой / М. Ставнийчук, В. Кулик, Л. Мудрак // Зеркало недели. Украина. – 2015. – 19 июня.
21. Стингл, М. Индейцы без томагавков / М. Стингл. – М. : Прогресс, 1984. – 454 с.
22. Уайт, Дж. М. Индейцы Северной Америки: быт, религия, культура / Дж. М. Уайт. – М. : Центрполиграф, 2006. – 314 с.
23. Фейербах, Л. История философии / Л. Фейербах. – М. : Мысль, 1974. – Т. 1. – 544 с.
24. Boom, D. van den. Bürgergesellschaft und Globalisierung – die Sprengung des nationalen Rahmens / D. van den Boom // Bundesrepublik Deutschland: Politisches System und Globalisierung. – Munster etc., 2000. – S. 245–295.

*I. V. KOTLIAROV***STATE VS CIVIL SOCIETY: TRADITION OR REALITY (SOCIOLOGICAL DISCOURSE)****Summary**

Internal conflicts of state and civil society modern concepts, as well as their sociological, political and ideological subtexts are disclosed in this article. Disadvantages and inadequacy of these definitions are considered taking into account the identification of ways to improve their social significance as well as rethinking of the theoretical heritage and political sociology researchers' views on the state and civil society. The need to change the semantic content, the angle of view and criteria which are used for analyses of state and civil society in the current conditions are proved.

Keywords: State, civil society, democracy, natural rights, dichotomy, political power, political society, right, social development, tyranny.

Поступила 27.10.2015 г.

С. А. ШАВЕЛЬ,

*доктор социологических наук, профессор,
Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск*

«БОЖЕСТВЕННОЕ СОЦИАЛЬНОЕ» ДЮРКГЕЙМА В СОВРЕМЕННОМ ПРОЧТЕНИИ

Рассмотрено «божественное социальное» в понимании Э. Дюркгейма в его современном прочтении. Раскрывается содержание социального как надындивидуальной реальности *sui generis* – особого рода. Прослеживается генезис социального в истории общества и его последующих структурных изменениях.

Ключевые слова: надындивидуальное, *sui generis*, социальный факт, субстантивация, коллектив, неаддитивное множество, методологический индивидуализм.

В социологической работе, каких бы тем она ни касалась, будь то оперативное исследование обслуживания населения жилищно-коммунальным хозяйством по месту жительства, магазином, поликлиникой и т. д. или тем высокой абстракции, таких как, например, «структурация» Э. Гидденса, «дифференциация» Н. Лумана, «коммуникативное действие» Ю. Хабермаса и др., всегда за отправную точку – осознанно или не вполне определенно – принимается «божественное социальное». Этим термином французский социолог Э. Дюркгейм (1858–1917) обозначал связующую силу, лежащую в основе любого общества или ассоциации людей. Кажущаяся пафосность названия не случайна, если учесть следующие слова автора. «С моей точки зрения, – писал социолог, – этот выбор между Богом и обществом не очень существенен, так как я вижу в божестве лишь общество, преобразованное и мыслимое символически» [1, с. 337]. Его критикуют за то, что он мистифицировал и сакрализировал общество, гипостазировал его и проигнорировал противоречия и сложность его структуры. Но в отличие от многих философов, в том числе и от О. Конта, Дюркгейм не субстантивировал общество и не искал строгих логических его дефиниций. Для него важнее было понять, как, за счет каких имманентных средств общество сохраняет свою целостность, поддерживает существование и динамику. Это, по Дюркгейму, становится возможным только благодаря эффекту социального – силе, связям, ткани и т. п., как бы его не идентифицировали. Он оказался дальновиднее и прозорливее многих своих современников, включенных вполне справедливо в состав классиков социологии, – В. Дильтея, Г. Зиммеля, Ф. Тённиса, Г. Тарда, даже и М. Вебера, хотя с оговорками, – по крайней мере, в одном, но судьбоносном для науки вопросе, а именно –

в понимании социального не как арифметической суммы индивидуальных сил, воли, идеалов, мнений и т. п., а как надындивидуальной реальности особого рода. Подобно тому, как современники А. Данте назвали его произведение «Божественной комедией», Дюркгейм сам присваивает аналогичный статус понятию «социальное». Конечно, «надындивидуальную реальность» гораздо труднее операционализировать, чем, например, аддитивное множество (сумма единиц). Можно предположить, что названные выше социологи, случись им участвовать в известном споре Фрейда с Юнгом, стали бы на сторону Фрейда, который утверждал, что бессознательного не может быть в коллективе, поскольку оно элемент (часть) сугубо индивидуальной психики. Но сегодня в науке и повседневной жизни существует много терминов, образованных с помощью префикса «над», в реальности которых никто не сомневается. Так, в Евросоюзе есть десятки надгосударственных образований – комиссии, банки, суды, парламент, вплоть до единой надгосударственной валюты. Также в психологии, социологии инноваций используется понятие надситуативной активности, которая не просто отвечает на требования ситуации, но возвышается над ней и направлена на творческое преобразование всех ее элементов.

Заслуга Дюркгейма и в том, что он связал надындивидуальное с коллективным, хотя и не развил эту линию в полной мере. Дело не в новых элементах, а в комбинировании по-новому. «Новизна комбинаций создает новизну результата, – отмечает Дюркгейм. – Будучи предоставлен самому себе, индивид никогда не смог бы извлечь из себя материалы, необходимые для подобной конструкции, т. е. для того, чтобы возвыситься над самим собой» (цит по: [1, с. 300]). Действительно, тот, кто участвовал в командных играх, признает, что командный дух – азарт, кураж, образ победителей возникает как будто из ничего, но его истоки в состоянии коллективного социального – отношений, связей, уважения, доверия и пр.

Западные социологи вынуждены были сосредоточиться на изучении малых групп, групповой динамике со стороны коммуникативных процессов эмоционального характера – симпатии, конформизма, аффилиации и т. п. Так, Т. Парсонс считал первичной социальной системой диаду. Формально – это верно, ибо малые в XVIII в. робинзонады социологического смысла иметь, конечно, не могут. Но ведь и в двойке акторов отношения складываются по-разному, и собственно социальной системой диада является лишь постольку, поскольку в ней доминирующими становятся социальные начала. Парсонс, надо отдать ему должное, использовал это «просоциалистическое» понятие «коллектив» даже в разгар маккартизма в США, что было не безопасно. Однако этот термин он понимает слишком обобщенно и схематично, «как такую систему действий, в которой ее участники определяют некоторые действия как необходимые в интересах интеграции данной системы, а другие действия как несовместимые с этой интеграцией, поэтому и санкции организуются с учетом этого определения» [2, с. 181]. Под это определение подойдет и лю-

бая криминальная структура, ибо она также заинтересована в интеграции. К «эмпирическим коллективам» он относит «семьи, церкви, фирмы, правительственные организации, университеты» [2, с. 275]. Верховным социетальным коллективом является общество, понимаемое как страна-государство. Как видим, Парсонс ушел или недооценил главную идею Дюркгейма о том, что социальное есть надындивидуальное, и реально оно существует только в подлинном коллективе, а он выделяется из других человеческих сообществ тем, что в нем «межличностные отношения опосредованы общественно ценным и личностно-значимым содержанием совместной деятельности» [3, с. 227]. Ясно, что в мафии, банде, шайке и т. п. мысли об общественных ценностях быть не может, следовательно, в них нет социального, они не коллективы, их можно назвать асоциальными или антисоциальными формированиями. В этом и состоит различие подходов к социальному между реализмом Дюркгейма и сторонниками либерал-индивидуализма.

Определение термина «социальное» представляет значительные трудности, учитывая, что суть этой логической операции состоит в установлении или уточнении связи языкового выражения с тем, что оно обозначает как знак языка, то есть требуется найти смысл, предметное значение данного выражения. Трудности связаны с тем, что, во-первых, социальное(ый) есть имя прилагательное, а в науке принято, чтобы определяемое, по крайней мере, глосса – исходный термин, было именем существительным в именительном падеже или субстантивированным глаголом (социализация – от социализировать, миграция – мигрировать и т. д.). Во-вторых, этимологически социальное (лат. *social*) воспринимается как отщепление от полиморфной (многозначной) категории «общество» (*society*). Поэтому в широком смысле социальными называют все общественные явления – политические, экономические, культурные, нравственные и т. п. В-третьих, к социальным относят многие виды насекомых (пчелы, муравьи) и животных (львы, антилопы, гиены), которые живут в организованных колониях, прайдах и ведут стадный образ жизни. В-четвертых, с методологической точки зрения сложнейшей проблемой является соотношение общества и индивида, особенно в плане выяснения, где социальное (в узком смысле) в обществе и где в индивиде.

Эта проблема разделила социологов на реалистов (общество – особая надындивидуальная реальность *sui generis* (особого рода) и номиналистов (общество – сумма индивидов, действующих «здесь и сейчас»), подтолкнула многих ученых либерального толка к «методологическому индивидуализму», к персонализму и отрицанию социального как научного понятия. Между тем понятие «социальное» и десятки производных от него терминов составляют центральный блок, ядро, «систему координат», по Т. Парсонсу, любого социологического теоретизирования. Все эти термины образуются путем соединения социального с определенной глоссой, благодаря чему создаются новые полноценные, содержательно корректные понятия: например, социальное равенство, а не просто равенство, социальный капитал, а не просто капитал;

социальная услуга, справедливость, пенсия, роль, благо и т. д. В этих словосочетаниях социальное является дополнением (эпитетом, иногда метафорой), позволяющим выделить обозначенные явления (объекты, процессы) из ряда многих смежных – экономических, культурных и прочих – по тем признакам, которые вносятся комплементным термином. Например, общее равенство между людьми можно определять по признакам пола, возраста, веса, роста, интересов, увлечений и т. д., а социально равными можно назвать людей одинакового статуса, скажем, доцентов кафедры, которые получают равную зарплату, выполняют одну и ту же нагрузку и т. д., если у них нет иных источников или привилегий. Авторы известного социологического словаря «Коллинз» Д. Джери и Дж. Джери определяют социальное(ый) как «относящееся к человеческому обществу и/или к человеческой интеракции в организациях, группах» [4, с. 254]. Здесь не видно стремления к категоризации, ибо к обществу относятся не только люди, но и здания, машины, сооружения и т. д., к тому же и не всякая интеракция может быть названа социальной (например, рабский труд, криминальные разборки, рэкет и пр.). Более развернутую дефиницию предложил Г. В. Осипов: «Социальное – совокупность тех или иных свойств и особенностей общественных отношений данного общества, интегрированная в совместной деятельности (взаимодействии) индивидами или группами индивидов в конкретных условиях места и времени и проявляющаяся в их отношениях друг к другу, к своему положению в обществе, явлениям и процессам в общественной жизни» [5, с. 431]. Автор подчеркивает, что содержательными элементами социального являются понятия равенства, справедливости, свободы. В широком смысле оно противопоставляется природному, а также биологическому. В данном определении остается, к сожалению, не выясненным главный вопрос, а именно – какие конкретно свойства и особенности общественных отношений отличают социальное от ряда смежных явлений – экономического, политического и других. И это серьезно затрудняет проведение операционализации для целей эмпирико-социологических исследований.

На наш взгляд, более понятным и оправданным может быть генетический подход, с выделением сущностных признаков социального.

Генезис социального. Этимологически термин «социальное» восходит к группе латинских слов, обозначающих те или иные аспекты понятия «общее»: *social, socius, society, socialis, communis, socium* и др., обозначающих общностное, товарищеское, союзное, общественное. К сожалению, в многочисленных дискуссиях вокруг «социального», в опровержениях его «справа» и «слева» не уделяется должного внимания выяснению, что такое «общее» как философская категория и как оно соотносится с единичным (особенным). Существуют, как показал известный русский философ Э. В. Ильенков, два крайних значения общего. Он писал: «Общим, хотя бы только для двух, не говоря уже о всех, называется и то, что принадлежит к составу каждого из них и не может существовать отдельно от них, и то, что существует именно вне индивидов: общий предок, общее поле, общая автомашина или кухня, общий друг

или знакомый и т. д. и т. п.» [6, с. 249]. Однако они не образуют антиномию, ибо, согласно генетическому принципу, общим является некое исходное начало («общий предок»), которое, будучи «единым во многом»), способно порождать новые явления, в том числе противоположные себе и друг другу. В геометрии таким общим («первой фигурой», по Гегелю) [7, с. 283–285] является треугольник; в политической экономии (теории стоимости) – прямой, безденежный обмен, называемый обычно бартером; в антропологии – способность Homo faber – человека созидającego, производить орудия труда и т. д.

В этом смысле социальное противопоставляется индивидуальному, имея в виду, что у изолированного индивида (Робинзон Крузо, до появления Пятницы, или Агафья Лыкова и др.) социальное возможно только в ретроспекции, как мнемическая связь с прошлым человеческим общением. Следовательно, исходным началом, генетическим источником социального является межличностная интеракция, как обмен социальной деятельности и, соответственно, чувствами и коммуникативными символами.

Вообще попытки основательной категоризации социального начинаются, по-видимому, с конституирования сферного подхода. Конечно, люди с глубокой древности видели и знали о неравенстве, но называли его материальным, имущественным и пр., русская классическая литература и общественная мысль в целом горячо обсуждали «проклятый социальный вопрос», имея в виду крепостное право; движение аболиционизма (ликвидации рабства) началось в Европе и США, можно сказать, вместе с поставкой первых рабов; борьба за права – с Великой хартии вольностей (1215 г.) и Habeas Corpus Act (1679), многочисленных восстаний во многих регионах Земли. Все это носило социальный характер, хотя воспринималось только как проявление локальной неудовлетворенности, неудовольствия и т. п.

Сферный подход, понимаемый как деление общества (страны – государства) на кластеры институтов по их функциональному предназначению, выделил социальную сферу и поставил на повестку дня вопрос о социальных отношениях в узком смысле слова. Известно, что основные сферы общества выделяются и отделяются друг от друга по специфическому характеру в них человеческих отношений, составляющих их собственный предмет. Политика – это сфера отношений между людьми по поводу власти, ее завоеваний, удержания, использования. Экономика – отношения по поводу производства материальных ресурсов, товаров и услуг, их обмена, распределения и потребления. Духовно-культурная сфера включает отношения по поводу производства духовных ценностей, символических форм их презентации, сохранения историко-культурных памятников и т. д.

Аналогично приведенным дефинициям социальная сфера определяется как специфические отношения между людьми по поводу их общественно-го положения, образа или уклада жизни. Эти отношения в своей совокупности и образуют понятие «социальное», которое субстанциально (предметно-содержательно) отличается от политического, экономического и культурного.

Общественное положение – это место человека в обществе, его позиция (статус) относительно других индивидов. Статус может быть как аскриптивным, то есть унаследованным от рождения, например, князь, виконт, граф в сословном обществе или брахман, шудра – в кастовом, так и достижительным, который обеспечен собственными талантом и усилиями, например, звания профессора, народного артиста, высшего офицера, успешного предпринимателя и т. д. Чем больше в обществе аскриптивных статусов (в сословном смысле) или их превращенных форм в виде синекуры, nepотизма – кумовства и т. п., тем выше потенциал латентного социального напряжения из-за предполагаемой или действительной несправедливости. И наоборот, успехи тех, кого называют *Selfmademan* – человек, сделавший себя, везде оцениваются позитивно и не вызывают зависти и социальных распрей. Общественное положение может быть оценено по нескольким показателям, таким как отношение к собственности (имущество), доход, должность (роль), престиж. Тем самым анализ социальных отношений (в узком смысле) становится практически осуществимым. Эти отношения и составляют первый признак социального.

Социальное как надындивидуальная реальность *sui generis*. Этот тезис можно считать вторым сущностным признаком данного понятия. Заслуга в его формулировании и введении в научный оборот принадлежит Э. Дюркгейму, что не подвергается сомнению ни сторонниками, ни противниками такого подхода. Тем не менее эта формула разделила в методологическом плане не только социологов, но и все социогуманитарное сообщество на два класса: реалистов и номиналистов, и это деление сохраняется до настоящего времени, правда, с добавлением тех или иных нюансов, аспектов и т. п.

Это положение Дюркгейма направлено против номинализма (точнее, против «методологического индивидуализма» в социологии), который сохраняет свое немалое влияние в социогуманитаристике (философии, социологии, социальной психологии и др.) до наших дней. Так, создатель «Хартии методологического индивидуализма» Дж. Уоткинс утверждает, что «конечными конституэнтами (создателями, определителями. – С. III) социального мира являются индивиды» [8, р. 270–271]. В основу такого вывода положена банальная, даже inferнальная (адская) мысль: «нет людей – нет общества». Однако правомерен и другой вопрос: «Везде ли, где есть люди, есть и общество?» Французский психолог А. Пьерон предельно радикализировал подобную ситуацию. «Если бы нашу планету, – предположил он, – постигла катастрофа, в результате которой остались бы в живых только маленькие дети, а все взрослое население погибло, то хотя человеческий род и не прекратился бы, однако история человечества неизбежно была бы прервана. Сокровища культуры продолжали бы физически существовать, но их некому было бы раскрыть для новых поколений. Машины бездействовали бы, книги оставались бы непрочитанными, художественные произведения утратили бы свою эстетическую функцию. История человечества должна была бы начаться вновь» (цит по: [9, с. 423]). И добавим: это начало оказалось бы куда более сложным, чем при-

ключения семьи Ноя во время Всемирного потопа. Этот пример показывает, как опасно аксиоматизировать то, что кажется на первый взгляд очевидным.

Второй тезис методологического индивидуализма гласит, что общество конструируют люди своей деятельностью «здесь и сейчас», в соответствии со своими представлениями, интересами, желаниями и т. п. Для них совершенно неприемлема и непонятна мысль, что «общество существует до индивида» [10, с. 54]. Конечно, для того чтобы понять, кто населяет такое общество до появления человеческого индивида, необходим глубокий философский анализ категории «становление», как перехода от возможности к действительности, что номинализм игнорировал во все времена. М. Арчер справедливо критикует Э. Гидденса за то, что тот от анализа соотношений «структуры и деятельности» неожиданно «перескакивает к утверждению: общество – вот это, ибо вот они, эти люди – здесь и теперь» [10, с. 57]. Имеется в виду неправомерность аддитивного подхода к обществу, когда целое определяется как простая сумма частей (элементов). Реконструкция антропосоциогенеза показывает, что процесс становления продолжался многие тысячи лет, но он стал реальной возможностью, которая превратилась в действительность потому, что у самых далеких предков человека (протантропов, архантропов) существовал потенциал социальности в виде первых проблесков социальных чувств.

Стремясь конституировать социологию, обосновать ее притязания на самоопределение, Дюркгейм, идя по общей логике генезиса научных дисциплин, пытается выделить собственный предмет социологии. Он понимает, что этимологическая расшифровка термина «социология» как науки об обществе, предложенная О. Контом, – это не определение, а только топологическая метка для схемы классификации. По его мнению, предметом социологии должно быть социальное как особая реальность, воплощенная в социальных фактах. «Эти факты, – подчеркивает автор, – нельзя смешивать ни с органическими явлениями, так как они состоят из представлений и действий, ни с явлениями психическими, существующими лишь в индивидуальном сознании и через его посредство. Они составляют, следовательно, новый вид, и им-то и должно быть присвоено название **социальных**... С другой стороны, оно применимо только к ним, так как слово “социальный” имеет определенный смысл лишь тогда, когда обозначает исключительно явления, не входящие в одну из установленных и названных уже категорий фактов (то есть органических, психологических, экономических и др. – *С. III*). **Они составляют, следовательно, собственную область социологии**» [1, с. 31]. Активно борясь с растворением социологии в психологии, с характерным для нее в то время интроспективным методом (самонаблюдения) и индивидуалистической методологией, Дюркгейм доказал надындивидуальную (коллективистскую) природу социальных фактов. Он пишет: «Верующий при своем рождении находит уже готовыми верования и обряды своей религии; если они существовали до него, то, значит, они существуют вне его» [1, с. 33]. Аналогичное относится к системе знаков (язык), деньгам, орудиям, кредиту, профессиональным

обычаям, общественным обязанностям, веяниям моды, тенденциям брачности, детности, рождаемости и пр., одним словом, всех тех способов мышления, деятельности и чувствования, которые составляют фактуальную основу социальности.

Заметим, что префикс «над» придает выражению («индивидуальное») некую таинственность и делает трудным его адекватное толкование. Достаточно вспомнить, что З. Фрейд категорически отверг понятие «коллективное бессознательное» К. Юнга, считая, что никакого бессознательного вне отдельного индивида быть не может. Спор привел к полному разрыву и прекращению всякого общения великих психологов. И сегодня понятие «надиндивидуальное» провоцирует порывы к опровержению у многих номиналистов, либералов и др. На самом деле Дюркгейм имел в виду, что генезис надиндивидуального связан не с практикой, идеями или чувствами отдельного индивида (никто не может создать для себя лично язык, религию, обычаи, ценности, вкусы и т. п.), а с обществом в целом или отдельными группами, школами, корпорациями, в нем заключающимися. Оно является социальным, потому что рождается только в конкретном социуме (независимо от того, анонимно оно или имеет авторство, как, например, религии по именам их основателей), в нем оно и утверждается, приобретает устойчивость функционирования и развития или траекторию изменений во времени. Именно поэтому социальное обладает принудительной силой относительно индивидов. Во-первых, социальное имеет тенденцию к распространению и превращению во всеобщее, то есть свойственное всем членам общества или, по крайней мере, большинству из них. Но явление (факт) становится социальным отнюдь не потому, что всеобщее. Например, двуногость или мягкая точка уха присущи каждому человеку, но это факты анатомические, а не социальные. Наоборот, к всеобщности стремится то, что социально по своей природе, то есть обязательно или крайне желательно для жизни в обществе, среди людей. Дюркгейм приводит пример воспитания ребенка: «С самых первых дней его жизни мы принуждаем его есть, пить и спать в определенные часы, мы принуждаем его к чистоте, к спокойствию и к послушанию, позднее мы принуждаем его считаться с другими, уважать обычаи, приличия, мы принуждаем его к работе и т. д.» [1, с. 33]. Он категорически против теории Спенсера о «полной свободе ребенка», которая «никогда не практиковалась ни одним из народов» и является лишь выдумкой автора. Не согласен он и со сторонниками абсолютного индивидуализма, «которым кажется, что индивида унижают всякий раз, как дают ему почувствовать, что он зависит не только от самого себя» [1, с. 31]. Вполне очевидно, что добровольное признание зависимости от других людей, от социума в целом, не переходящее в фобию, манию и т. п., никак не может унижить индивида; оно вполне реалистично и ведет к пониманию необходимости согласования взаимных ожиданий в социальных интеракциях. В современном мире полностью независимым, полагающимся только на себя мог бы быть только отшельник (типа Г. Торо или Р. Крузо), ведущим натуральное хозяйство автаркической (самообеспечивающей) формы.

Во-вторых, в политико-правовом поле принуждение осуществляется с помощью позитивных и негативных санкций (поощрений и наказаний); а в сфере ценностного сознания, этикета, морали, обычаев, вкусов, моды и др. – путем интериаризации нормативной системы общества в процессах социализации, образования и т. д.

В-третьих, Дюркгейм внимательно отнесся к критическим замечаниям на первое издание «Социологии», касающихся, в частности, его понимания «принудительной власти» социальных фактов. Действительно, бросается в глаза отличие обыденного восприятия принуждения как подчинения, заставления, насилия от «гидравлического давления» общественной атмосферы, которая воздействует на всех и каждого, но, как и воздушное (атмосферное) давление, в нормальных условиях не замечается. Это характерно для всех общепринятых стандартов конкретного социума – от языка, логики мышления, научных знаний и т. п. до множества регулятивных норм и правил, таких как правила поведения, дорожного движения, гигиены и др. Все это можно связать с принуждением в первом значении лишь формально, имея в виду внешний источник, но фактически они осваиваются и принимаются людьми добровольно, только потому, что они члены данного сообщества. Дюркгейм не стал искать новые понятия, сохранив следующее определение: «Социальным фактом является способ действий, устоявшихся или нет, способный оказывать на индивида внешнее принуждение» [1, с. 39]. Конечно, он не хотел обращаться ни к психологической, ни к философской терминологии, с которыми активно боролся за самоопределение социологии. Критикуя «остроумную систему Тарда», определявшего социальный факт через подражание, Дюркгейм замечает: «Но передающееся подражанием индивидуальное состояние не перестает все-таки быть индивидуальным состоянием» [1, с. 37]. Следовательно, сделать его предметом новой науки – социологии – невозможно. Добавим, что не меняет ситуацию и используемый А. Тойнби греческий термин «мимесис» (подражание), хотя он имеет в виду не отдельных индивидов, а целые цивилизации. Дюркгейм справедливо ставит перед Г. Тардом, а также А. Тойнби и их последователями вопрос: «Подходит ли слово “подражание” для обозначения распространения, вызванного силой принуждения?» [1, с. 37]. В самом деле, кто скажет, что солдатская униформа есть результат подражания, и таких примеров много. Кроме логических противоречий, они далеки от целевой установки автора, состоящей в том, чтобы доказать, что социальное есть ничто иное, как надындивидуальная реальность *sui generis*.

Литература

1. Дюркгейм, Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение / Э. Дюркгейм. – М. : Канон, 1995. – 352 с.
2. Парсонс, Т. О социальных системах / Т. Парсонс. – М. : Акад. Проект, 2002. – 831 с.
3. Психологическая теория коллектива / под ред. А. В. Петровского. – М. : Педагогика, 1979. – 240 с.

4. Джерри, Д. Большой толковый социологический словарь (Collins) : в 2 т. / Д. Джерри, Дж. Джерри. – М. : АСТ, 1999. – Т. 1. – 543 с.
5. Осипов, Г. В. Социальное / Г. В. Осипов // Социологический словарь / отв. ред. Г. В. Осипов, Л. Н. Москвичев. – М. : Инфра-М, 2010. – С. 431.
6. Ильенков, Э. В. Диалектическая логика. Очерки истории и теории / Э. В. Ильенков. – М. : Политиздат, 1974. – 271 с.
7. Гегель, Г. Ф. Сочинения : в 14 т. / Г. Ф. Гегель. – М. : Партиздат, 1932. – Т. 10 : Лекции по истории философии. Книга 2. – С. 283–285.
8. *Watkins, J.* Methodological Individualism and Social Tendencies / J. Watkins. – New York : Macmillan, 1968.
9. Леонтьев, А. Н. Проблемы развития психики / А. Н. Леонтьев. – М. : Изд-во МГУ, 1981. – 584 с.
10. Арчер, М. Реализм и морфогенез / М. Арчер // Социол. журн. – 1994. – № 4. – С. 50–68.

S. A. SHAVEL

DURKHEIM'S "DIVINE SOCIAL" IN CONTEMPORARY PERUSAL

Summary

The "divine social" in Durkheim's understanding in his contemporary perusal is considered in the article. Content of the "social" as reality that means *sui generis* – special type is revealed. Genesis of the "social" in the history of society and it's following structural changes are observed.

Keywords: supra-individual, *sui generis*, social fact, substantivization, collective, non-additive majority, methodological individualism.

Поступила 30.10.2015 г.

А. С. МЕЛЬНИКОВ,

кандидат социологических наук, доцент,

Восточноукраинский национальный университет им. В. Даля, г. Северодонецк

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНАЯ СОЦИОЛОГИЯ АНДРЕА ФОНТАНЫ

В статье содержится общая характеристика экзистенциальной социологии современно-го американского социолога, представителя калифорнийской школы Андреа Фонтаны. Среди особенностей его научного творчества выделена проблема историко-теоретической концептуализации экзистенциальной социологии. Показано, что теоретический подход Фонтаны развит на фоне эмпирических исследований и отражает базовые положения о ситуационизме, тотализме и этическом дуализме социальной реальности.

Ключевые слова: Андреа Фонтана, экзистенциальная социология, калифорнийская школа, опыт, ситуационизм, тотализм, этический дуализм.

Многообразие современной социальной жизни создает сложные условия для построения устойчивых теоретико-методологических ориентиров социологической науки. Тем не менее можно говорить о текущем проявлении целого ряда тенденций, которые позволяют выдвигать аргументы в пользу экзистенциального поворота в социологии. К таким тенденциям следует отнести смещение исследовательских акцентов от абстрактного к конкретному, онтологизацию социологической теории, развитие качественных методологий, повышение интереса к проблематике повседневности, субъективности, ситуационности. Развитие экзистенциальной парадигмы в социологической науке может иметь различные траектории, однако актуальным является укрепление историко-социологических оснований этого процесса через общетеоретическую интеграцию уже существующих концепций экзистенциальной социологии. Одна из таких оригинальных концепций была предложена современным американским социологом, представителем калифорнийской школы А. Фонтаной.

При рассмотрении деятельности калифорнийской школы (Дж. Дуглас, Дж. Джонсон, Дж. Котарба и др.) научное творчество Андреа Фонтаны (р. 1942) нельзя обойти вниманием. Этот талантливый исследователь предложил свою версию общей концептуализации экзистенциальной социологии, а также применил базовые принципы данного направления в изучении проблем старения и смерти, медицины, теоретико-методологических вопросов постмодернизма, символического интеракционизма и социологической этнографии.

Диссертационное исследование А. Фонтаны было проведено в традиционном стиле калифорнийской школы и представляло собой этнографиче-

ское, полевое изучение смыслов старения и смерти в контексте конкретного опыта пожилых людей [1]. Несмотря на обращение в этом исследовании к одной из центральных тем экзистенциализма, которой является тема смерти, Фонтана еще не использует здесь терминологию экзистенциальной социологии, как он делает это в несколько более формализованном теоретическом подходе, отраженном в первой программной работе калифорнийской школы «Экзистенциальная социология» (1977) [2]. В этой работе Фонтана и его коллега Р. Ван де Ватер попытались раскрыть социологическое содержание экзистенциально-философских идей Ж.-П. Сартра и М. Мерло-Понти. Они ссылаются на ту тенденцию развития современной западной мысли, согласно которой признается невозможность абсолютной объективации социальной реальности и утверждается необходимость преодоления субъект-объектной дихотомии посредством категории целостного субъективного опыта. В своей трактовке субъективности Ж.-П. Сартр указывал на негативную проблематику абсурдности, ничтожности и одиночества человека, сталкивающегося с бессмысленностью бытия. Последующее развитие идей Сартра показывает смещение его предметного фокуса от изолированного человека с эстетическими установками к социально-вовлеченному человеку, который не может избежать выбора в определенной ситуации, зависящего от других и морально взаимосвязан с ними перед лицом конкретных повседневных обстоятельств. Однако, по мнению Фонтаны и Ван де Ватера, в методологическом отношении Сартр значительно уступает М. Мерло-Понти, который указал на большую взаимозависимость человека и окружающей реальности, но не дошел до детерминистских крайностей марксизма. Мерло-Понти критикует объективизм за попытку осмыслить действительность с точки зрения стороннего наблюдателя и его неспособность занять позицию понимающего субъекта в реальном дотеоретическом мире, первичном по отношению к любой науке. Субъективный смысл является продуктом опыта как тотальности, а сам опыт наличествует до идеалистического разделения субъекта и объекта. Реальность опыта конституируется восприятием, которое не всегда является сознательным и зачастую не подлежит интеллектуальной интерпретации. Восприятие объекта происходит на более широком фоне, который вносит вклад в смысл объекта, но сам не осознается и принимается как данное, как то, что есть и что само собой разумеется. Суть принципа первичности перцептуального опыта отражается понятиями телесности, воплощенности и включенности в реальность. Индивид как тело-субъект сопresentствует и сосуществует с другими индивидами, сливаясь с ними в дообъективной воплощенности естественного бытия (*brute being*), в экзистенции, которая является полем возможностей. В методологическом отношении позиция Мерло-Понти выражается в необходимости научной саморефлексии, открывающей исследовательский процесс как часть общей реальности, включая его прагматичные цели. Данное утверждение представляет собой важнейший принцип экзистенциальной социологии.

Фонтана продолжил развивать концептуализацию экзистенциальной социологии в контексте теоретической систематизации проекта социологии повседневной жизни, предложенного Дж. Дугласом и его ближайшими учениками [3]. Фонтана обращает внимание на парадоксальную методологическую установку экзистенциализма, состоящую в протесте и уклонении от любой строгой парадигмальной формализации. Причиной этому становится объективирующая сила категоризаций, уничтожающих индивидуальность реального опыта человека. Предметом экзистенциализма является существование конкретных индивидов из «плоти и крови» и их попытки разрешения проблемы построения смыслов в различных повседневных ситуациях. Однако способы осмысления указанного предмета могут варьироваться вплоть до их полного взаимоисключения. Плюрализм экзистенциального метода связан с принятием любого подхода, который способен проникнуть под поверхность социальной жизни и раскрыть истинные, глубинные особенности конкретного переживания реальности. Перенимая эту установку, экзистенциальная социология изучает индивидов в их естественной среде, и элементы данной стратегии встречаются в полевых исследованиях чикагской школы, в социологических версиях натурализма и феноменологии. Однако специфика экзистенциально-социологического подхода заключается, по мнению Фонтаны, в тезисе о чрезвычайной сложности, проблематичности и ситуационности социального мира. Эти ключевые характеристики не могут быть полностью схвачены ни рациональной теорией, ни самими индивидами, участвующими в социальных событиях. Поэтому ситуационный анализ представляется не вопросом выбора, а вынужденной мерой экзистенциальной социологии в ответ на сложность общества, когда, по выражению Дж. Дугласа, неопределенность является единственной определенностью. Невозможность абсолютной систематизации не приводит к отказу экзистенциальной социологии от рациональности и лежит в основе ее стремления объединить чувственные и интеллектуальные аспекты реальности, синтезировать научно-сциентистский и субъективно-гуманистический подходы.

Опираясь на критерии разграничения философских версий феноменологии и экзистенциализма, предложенные немецко-американским феноменологом Г. Шпигельбергом, Фонтана отмечает, что, в отличие от философии, экзистенциальная социология возвращается к некоторой систематичности и поиску закономерностей, но придерживается принципа смысловой проблематичности повседневной реальности. Хотя экзистенциальная социология не опирается на строгую методологическую стратегию, ее основным методом является включенное наблюдение, позволяющее проникнуть за пределы «фронтов» и «схватить конкретный опыт, как он проживается в его ситуационной тотальности» [3, p. 166]. Экзистенциальная социология опирается на философское знание, но не ищет предельных истин, предпочитая концентрироваться на взаимодействиях конкретных индивидов в повседневных ситуациях. Эта рефлексивная перспектива учитывает историческую обусловленность смыслов и ситуа-

ционность самих социологов, включенных в единую социальную реальность с изучаемыми людьми. При этом возникает необходимость учета чувственных и иррациональных сторон жизни, также присущих социологам, которые зачастую скрываются за маской сверхрационального ученого и отдаляются от самой сути исследовательского предмета – естественной социальной среды. Эта тенденция возврата к реальности иногда доходит до «примитивного экзистенциализма», радикальная позиция которого состоит в невозможности понимания социальных феноменов без слияния с ними (стать социальным феноменом), несмотря на угрозу потери объективности [4]. Согласно данной позиции, знание всегда возникает из личного опыта и не должно определяться предварительно заданными теоретико-методологическими границами. Такая трактовка знания совпадает с дзен-буддистскими и другими духовными учениями, в которых на высших уровнях развития стирается граница между индивидом и его средой, однако Фонтана ставит под сомнение возможность построения экзистенциальной социологии как науки на основе этой радикальной позиции.

Говоря о других подходах, Фонтана не соглашается с мнением Э. Тирьяна, который предложил синтез социологической традиции и экзистенциальной феноменологии, но не учел большие различия, не позволяющие подвести их под общий знаменатель. Более адекватное описание экзистенциально-феноменологического подхода, по мнению Фонтаны, представлено в работах П. Мэннинга, С. Лаймена и М. Скотта, которые не ставили задачу общего синтеза социологического мейнстрима, но внесли вклад в развитие экзистенциально-социологической проблематики. Например, так называемая «социологии абсурда» С. Лаймена и М. Скотта объединяет в себе категории экзистенциализма и феноменологии, но отличается от экзистенциальной социологии более абстрактным и отстраненным подходом. Акцент на проблемных и ситуационных аспектах экзистенциальной социологии связан с невозможностью полного предсказания возникающих событий и собственных внутренних состояний человека. Таким образом, ее ключевой задачей становится изучение взаимозависимости чувств и мышления, а также осмысление способов разрешения различных дилемм или неопределенностей. Экзистенциально-социологические исследования начинаются с погружения в повседневную реальность членов общества и направлены на максимальное сохранение естественной целостности (тотальности) изучаемого феномена. Участие в событиях позволяет социологам проникнуть за пределы фронтов, обычно скрывающих реальное положение дел (принцип этического дуализма¹). Однако, в более широкой перспективе, их целью является раскрытие транситуационных смыслов социальности, что отличается от позиции примитивного экзистенциализма.

---

¹ А. Фонтана внес свой вклад в развитие идеи лидера калифорнийской школы Дж. Дугласа об этическом дуализме социальной реальности (см.: [5]).

Пытаясь подытожить дифференциацию экзистенциальной социологии и других направлений, Фонтана отмечает, что, в отличие от экзистенциальной философии, экзистенциальная социология в своем теоретизировании опирается на данные эмпирических исследований повседневного опыта. От феноменологической социологии экзистенциальная социология отличается тем, что она фокусируется не только на описании рутинизированных аспектов ситуации, отстраняясь от всего прочего, но и на контекстуальной тотальности социального взаимодействия. Экзистенциальная социология разнится с натурализмом, который также стремится к возвращению к реальности, но сохраняет множество недостатков классической социологии, таких как игнорирование чувственного опыта и роли исследователя, а также абстрактное искажение целостности фактов. В частности, как уже отмечалось, учет роли исследователя позволяет больше приблизиться к отображению феномена в его целостности. Экзистенциальную социологию нельзя сводить к простому журнализму, поскольку она выходит за пределы репортажа и дескрипции к теоретической интерпретации опыта. Подобным образом позиция экзистенциального социолога отлична от обыденной позиции члена общества тем, что социолог пытается в результате выйти за пределы естественной установки индивида и посмотреть на ситуацию с разных позиций.

В контексте коллективных исследований калифорнийской школы экзистенциальная социология обращается к изучению разрешения неопределенностей и этического дуализма применительно к таким конкретным аспектам повседневной реальности, как опыт хронической боли, нетрадиционная сексуальная ориентация, смертная казнь, наркомания, спорт, старение, смерть и др. Данная перспектива, согласно Фонтане, может подвергнуться критике, как позитивистских, так и феноменологических социологов. Для позитивистов экзистенциальная социология будет представляться ненаучной, субъективной, журналистски-ориентированной, релятивистской и доходящей до солипсизма. Для феноменологов слабая сторона экзистенциальной социологии заключается в недостаточном углублении в анализе эмпирических данных (видео- и аудиозаписи) и в этической неприемлемости раскрытия интимных чувств людей. Позитивистская и феноменологическая социологии понимают науку об обществе как строгую абстрактную дисциплину, ищущую объективно-абсолютное знание и отдаляющуюся от конкретности повседневной реальности, которая является предметом экзистенциальной социологии, стремящейся к отражению всей полноты сложного мира человеческих взаимодействий. Таким образом, традиционная социология «склоняется к чрезмерному упрощению человеческого поведения, кластеризируя его многообразие в... упрощенных аналитических категориях, обычно утверждаемых без учета переменных элементов пространства, времени и ситуации» [6, р. 4]. Именно эти элементы представляют собой главный интерес экзистенциальной социологии.

Подобно другим представителям калифорнийской школы, Фонтана принимал попытки эксплицитной концептуализации экзистенциальной

социологии на фоне различных исследований имплицитного и, чаще всего, эмпирического характера. Так, помимо своего основного интереса в области социологической геронтологии, он обратился к изучению проблематики истории социологии, социологии смерти и медицины, теоретических и прикладных аспектов постмодернизма и символического интеракционизма, методологии и методов социологического исследования [7–9]. Типичным примером такого подхода можно считать этнографический анализ Фонтаной скоростных гонок в соляных пустынях Бонневила (штат Юта, США), выполненный с помощью метода «коротких историй», совмещающего в себе постмодернистскую перспективу и экзистенциальный фокус на чувствах и эмоциях [10]. Исключением из этого правила стала совместная теоретическая работа Фонтаны и учеников Дугласа Питера и Петти Адлеров, посвященная продолжению теоретической систематизации социологии повседневной жизни и определению экзистенциальной социологии в качестве одного из ее базовых элементов [11]. Авторы пришли к выводу, что широкий спектр подходов социологии повседневной жизни, к которым, помимо экзистенциальной социологии, можно отнести символический интеракционизм, драматургическую социологию, теорию навешивания ярлыков, феноменологическую социологию и этнометодологию, объединяют критическая позиция в отношении макросоциологии, отказ от жесткой субъект-объектной дихотомии и принцип контекстуальности, отстаивающий важность сохранения максимальной естественности изучаемых феноменов.

Целостный анализ работ А. Фонтаны показывает, что его основной заслугой в области экзистенциальной социологии является историко-теоретическая концептуализация данного направления, упорядочивание его внутренних структурных элементов, спецификация, а также установление отношений с другими научными и философскими течениями. Он показал, что экзистенциальная социология не несет в себе опасности солипсизма и примитивного экзистенциализма. Концептуализация Фонтаны еще четче обозначила важные программные принципы калифорнийской школы, к которым можно отнести: нивелирование жесткой субъект-объектной дихотомии; акцент на тотальности опыта (сохранение целостности социального феномена); ситуационизм; этический дуализм публичной и частной сфер общества; утверждение о проблематичности, сложности, неопределенности и высокой степени иррациональности социальной жизни; индуктивная исследовательская логика (от конкретного к абстрактному/транситуационному); учет исследовательского опыта социолога. Фонтана отметил важную характеристику экзистенциальной социологии, которая заключается в уклонении от строгой теоретической формализации в пользу эмпирического анализа социальной реальности, основанного на включенном наблюдении и погружении в изучаемую социальную среду. При этом предмет экзистенциальной социологии определяется как опыт конкретных индивидов в повседневных социальных ситуациях и их по-

пытки построить или обнаружить смыслы реальности в условиях неопределенности и проблематичности.

Экзистенциальная социология А. Фонтаны стала органичной частью исследовательской деятельности калифорнийской школы, а его историко-теоретическая интерпретация данного направления еще раз показала, что стремление Дж. Дугласа и его учеников к свободе от формализации не стало причиной полного отказа от каких-либо научных принципов, оставляя возможность последующей интеграции идей калифорнийской школы в общую структуру экзистенциально-социологической парадигмы.

Литература

1. *Fontana, A.* The Last Frontier: The Social Meaning of Growing Old / A. Fontana. – Beverly Hills : Sage, 1977.
2. *Fontana, A.* The existential thought of Jean Paul Sartre and Maurice Merleau-Ponty / A. Fontana, R. Van de Water // *Existential Sociology* / eds.: J. Douglas, J. Johnson. – New York : Cambridge Univ. Press, 1977. – P. 101–130.
3. *Fontana, A.* Toward a Complex Universe: Existential Sociology / A. Fontana // *Introduction to the Sociologies of Everyday Life* / J. Douglas [et al.]. – Boston : Allyn and Bacon, 1980. – P. 155–180.
4. *Morrison, R.* Primitive Existentialism / R. Morrison. – New York : Philosophical Library, 1967.
5. *Fontana, A.* Ripping Off the Elderly: Inside the Nursing Home / A. Fontana // *Crime at the Top* / ed. J. Douglas. – Philadelphia : Lippincott, 1978. – P. 125–133.
6. *Fontana, A.* Existential Sociology and the Self / A. Fontana // *The Existential Self in Society* / eds.: J. Kotarba, A. Fontana. – Chicago : Univ. of Chicago Press, 1984. – P. 3–17.
7. *Fontana, A.* The Interview: from Formal to Postmodern / A. Fontana, A. Prokos. – Walnut Creek : Left Coast, 2007.
8. *Fontana, A.* Death and Dying in America / A. Fontana, J. Keene. – Cambridge, UK : Polity, 2009.
9. *Postmodernism and Social Inquiry* / eds.: D. Dickens, A. Fontana. – New York : Routledge, 2015.
10. *Fontana, A.* Short Stories from the Salt / A. Fontana // *Postmodern Existential Sociology* / eds.: J. Kotarba, J. Johnson. – Walnut Creek : Altamira, 2002. – P. 201–218.
11. *Adler, P. A.* Sociologies of Everyday Life / P. A. Adler, P. Adler, A. Fontana // *Annual Rev. of Sociology*. – 1987. – Vol. 13. – P. 217–235.

A. S. MELNIKOV

EXISTENTIAL SOCIOLOGY OF ANDREA FONTANA

Summary

The article contains a general description of existential sociology of contemporary American sociologist, a representative of the California School, Andrea Fontana. Among the features of his scientific work the problem of the historical and theoretical conceptualization of existential sociology is highlighted. It is shown that the theoretical approach of Fontana developed on the background of empirical studies and reflects the basic statements of situationism, totalism and ethical dualism of social reality.

Keywords: Andrea Fontana, existential sociology, California school, experience, situationism, totalism, ethical dualism.

Поступила 31.10.2015 г.

А. В. КОМАРОВСКИЙ,

кандидат социологических наук, Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

ДИСКУРСИВНЫЙ АНАЛИЗ КОНЦЕПЦИИ «ПУБЛИЧНОЙ СОЦИОЛОГИИ» М. БУРАВОГО

Статья посвящена дискурсивному анализу концепции «публичной социологии» Майкла Буравого. Выделяются и описываются три дискурсивные стратегии, являющиеся, в сущности, образцами применения принципов классической, неклассической и постнеклассической рациональности в социологии.

Ключевые слова: публичная социология, порядок дискурса, дискурсивная рациональность, дискурсивная стратегия, М. Буравой, неолиберализм, гражданское общество, социология и социальное, знание, классика, неклассика, постнеклассика, дисциплина, коммуникация.

Случай одного дискурса

Уже с момента своего вступления в должность президента Американской социологической ассоциации в 2004 г. Майкл Буравой предпринял активные действия по продвижению концепции «публичной социологии» в международном социологическом сообществе. И хотя данная идея в целом не нова для социологической науки, предложенная Буравым концепция вызвала широкий резонанс в научном сообществе и как таковая, в сущности, не могла обсуждаться и проблематизироваться исследователями, если бы не обладала достаточной актуальностью и, не будет преувеличением сказать, злободневностью. Представляется, что актуальность эта состоит не только в том, что вновь была найдена общая тема для оживления неутихающих споров между достаточно сильно политически (граждански) ангажированным, с одной стороны, и научно-нейтральным крылом внутри социологического сообщества, с другой. Нам она видится в первую очередь в том, что данная тема позволила в очередной раз поставить на повестку дня и обсудить фундаментальные вопросы устройства и «призвания» социологической науки, статус которой в современном мире значительно изменился, а ролевой набор достаточно дифференцировался, чтобы провести его обзор и предложить убедительное ранжирование различных, часто противоположных друг другу ролевых «поведенческих образцов» внутри социологической науки.

Материалом данного анализа стали ключевые тексты зарубежных и русскоязычных авторов, задавшие векторы и тон дискуссии о «публичной социологии» [2; 3; 4; 5; 6]. Мы осуществим анализ дискуссии на уровне ее/их «порождающих» эпистемологических схем, составляющих целостность всей

концепции и дискуссии, и, как следствие, выступающих сегодня как целостный дискурс в рамках социологической дисциплины. Под дискурсом мы, вслед за М. Фуко, понимаем «совокупность высказываний постольку, поскольку они принадлежат к одной и той же дискурсивной формации» [1, с. 117]. Дискурсивная формация зафиксирована, если между элементами дискурса выявлена система рассеиваний, подчиняющаяся правилам формации. Эти правила выступают «правилами применения (но вместе с тем и существования, удержания, изменения и исчезновения) в перераспределении дискурсивных данных» [1, с. 39–40]. Мы представим функциональные элементы дискурса, которые будут понятиями для эмпирического анализа дискурса о публичной социологии.

Дискурсивные объекты учреждаются посредством дискурсивной ассимиляции некой области действительности. Они фиксируются на *поверхности появления* посредством понятийных *решеток спецификации*, которые отсылают к *инстанциям разграничения*. В область дискурса входит и «система первичных, или реальных, отношений и система вторичных, или рефлексивных, отношений, которые мы могли бы назвать собственно дискурсивными» [1, с. 46].

Позиции субъекта фиксируются в различных модальностях высказывания. Внутри *институционализованной области* всякие индивиды могут занимать различные *позиции субъекта*, допускаемые (!) определенными объектами, благодаря *принятию статуса и прав*, определяющих порядок высказывания. Дискурс не просто выражает уже имеющиеся до него внедискурсивные отношения, а регулирует высказывание истины, делающее возможными некоторые практики.

Концепты организованы в поле высказываний по специфическим правилам. «Наша задача – определить, согласно каким схемам (рядоположенностью, одновременным группировкам, линейным или взаимообращающимся) высказывания могут быть связаны друг с другом в определенном типе дискурса» [1, с. 61]. Эти процессы определяются *доконцептуальным уровнем*, который навязывает исторически специфическую для каждого дискурса *анонимную единообразность* использования концептов.

Стратегии дискурса не укоренены вне дискурса в качестве «мировоззрения» или «интереса», как и не являются суммой различных мнений. Стратегии нужно описывать как *способ* образования трактовок объектов, способ расположения форм высказывания, способ манипулирования концептами. Определенный способ обустройства взаимосвязи между первичными и вторичными отношениями является некоторым *случаем* дискурсивной рациональности.

Таким образом, дискуссию о публичной социологии мы проанализируем как специфический дискурс. В заключение методологической части сделаем два дополнительных замечания и определим цель статьи. Во-первых, этот дискурс мы анализируем как ныне учреждаемую область знания, отку-

да обустроивается некая позитивность, ведь наша «археология рассматривает схему дискурсивная практика – знание – наука» [1, с. 182]. Имеются попытки задать «предварительные условия для того, что будет осуществляться и функционировать как познание или иллюзия» [1, с. 181], как знание научное или знание идеологическое. Мы спрашиваем не об «истине вообще»: какова единственная, самая публичная «публичная социология». Мы спрашиваем о случаях учреждения «порядка истины»: как формулируются возможные версии публичной социологии. Мы говорим не о ставшем окончательным дискурсе, а о делящемся и сегодня процессе разработки версий в рамках дискурса публичной социологии.

Во-вторых, мы не рассматриваем этот дискурс как мета-дискурс «социологии о социологии». Если он имеет некое рефлексивное отношение к дискурсивной формации, обобщенно именуемой «социология», то не в качестве всеобщего, привилегированного обозревателя всей социологии, а лишь как предъявляющий некие «способы рассеивания» и упорядочивания некоторых, для специальных целей («прагматически») отобранных дискурсивных элементов (объектов, позиций субъекта, концептов и стратегий). Участниками дискуссии предпринимаются попытки трансформировать эти элементы и тем самым установить специфический способ связывания первичных и вторичных отношений, который определяет возможность специфических практик.

Таким образом, наша цель состоит в выделении и описании стратегий дискурса публичной социологии, регулирующих совокупности правил связывания дискурсивных и внедискурсивных отношений (то есть уровней социологического и социального). Каким образом определенные дискурсивные стратегии делают возможными определенные позитивности, определенные социальные и социологические практики в рамках дискурса публичной социологии?

Случай Майкла Буравого

Выделим поле объектов и позиции субъекта в тексте М. Буравого. В качестве современной социальной действительности Буравой определяет «социальное бытие в глобализирующемся мире» в состоянии деградации. Деградация влияет на здравый смысл, политическую практику и публичный дискурс: такова решетка спецификации, отсылающая к инстанции различения – неомарксистскому (грамшианскому) прочтению ленинской статьи «Что делать?». Эти специфические области появляются на поверхности объекта – «подчиненных (subaltern) групп, подчиненных по гендерным, классовым, расовым, этническим или национальным линиям» [2, с. 4]. Соответственно выделяются три позиции социолога, когда он 1) понимает здравый смысл подчиненных групп, 2) осуществляет политическую практику в отношении подчиненных групп и 3) выражает интересы подчиненных групп. Однако проблема состоит в том, чтобы понять, «как социологи могут делать общее дело с социальными

группами и сохранить свою честь (integrity)» [2, с. 6], свою целостность и общность. Таким образом, имеется взаимообусловленность общего дела и общности социологов. Обратимся к специфике отношений между подчиненными группами и социологией в контексте некоего «общего дела».

Современная, третья, волна маркетизации (подчинение рынку) происходит в скрытом сговоре с либеральной демократией, производящей глобальную деградацию социального. Другим силовым полюсом выступает гражданское общество, являющееся убежищем социального. Хотя некоторые социологи следуют влиянию рынка, поддерживая теории рационального выбора, ядро социологов стоит на позиции гражданского общества, чтобы изучать и отстаивать «силу социального», «ценность социального». Но само «гражданское общество грешит собственными эксклюзивами, формами подчинения, дискриминации и эксплуатации» [2, с. 5]. Ввиду этого «общее дело» всех – это борьба с деградацией социального, требующая защищать «интересы общества как интересы всех» [2, с. 5]. Таким образом, деградация социального состоит в том, что оно *разобцено, подчинено и невидимо*. Здоровое социальное – это автономное, целостное и предьявляемое (видимое/слышимое) социальное.

Соответственно социология разделяется так, как требуют различные доминанты и силовые линии. Буравой фиксирует четыре возможные позиции социолога: прикладная социология на службе у государства и рынка либо социологии в пределах «чистой» науки: академическая социология, профессиональная социология и критическая социология. Чистота науки сохраняется при невмешательстве в общество, в борьбу за гражданское общество. Условием наличия таких социологий выступает линия «научность–ненаучность», изоморфная линии «нейтральность–ангажированность». Буравой избегает наложения линий и шантажа безусловной максимы «научность тогда и только тогда, когда нейтральность». Его задача двойная: одновременно выйти к внешнему миру и преодолеть расщепленность социологии.

Объединение социального и объединение социологов взаимно обусловлены. В пространстве между рынком, государством и гражданским обществом у подчиненных групп и социологов появляются новые имена – публики и публичные социологи. Эта терминологическая трансформация отражает взаимное изменение статуса субъекта и объекта. Существуют традиционная и органичная публичная социологии, а существование этих типов обусловлено двумя типами публики. С одной стороны, существует публика широкая, безымянная, пассивная, состоящая из «частных индивидов, не выработавших общую волю» [2, с. 6], публика, которая не понимает условия собственной подчиненности. Поэтому *традиционный* публичный социолог должен монополизировать знание, бороться с ложным здравым смыслом, вещая с высокой трибуны на расстоянии. С другой стороны, есть публика немногочисленная, сосредоточенная в одном месте, видимая, сплоченная и противящаяся обыденному и общепринятому [2, с. 6]. Соответственно *органичный* публичный социолог обращается к публике, веря в то, что им достает разума для осозна-

ния своего подчиненного положения. Поэтому «коммуникации органичного социолога с его “публиками” двусторонние и взаимные» [2, с. 6]. Какой тип публичного социолога требуется сегодня?

Это определяется объектом изучения и заботы социолога. Первая волна маркетизации осуществляет коммодификацию труда, вторая – денег, а третья – уже самой природы. Для Буравого принципиально, является ли подчинение *видимым*, осязаемым подчиненными. Возможно, что подчинение «происходит на более удаленном уровне, затрудняя понимание подчиненными группами их жизненного опыта» [2, с. 7]. В эпоху третьей волны маркетизации коммодификация природы «делает себя видимой своим жертвам» [2, с. 7], что благоприятствует органичной публичной социологии. Видимыми являются конфликты за жизненные природные ресурсы – территорию, воду, землю. Глобальность подчинения соседствует с локальным характером подчинения и требует специфической стратегии – политической практики глобального масштаба. Буравой говорит о необходимости «подняться на уровень мира» [2, с. 7]. Ответ формулируется как необходимость перевода, посредничества, что в условиях позиционной войны на различных местах оборачивается необходимостью создания универсального дискурса, а в пределе – глобального гражданского общества, способного на равных бороться с союзом глобального рынка и государств.

Таким дискурсом является публичный дискурс прав человека. Цель здорового социального – это формирование «сообществ для самореализации на путях симметричной взаимности и взаимного признания» [2, с. 8], выполнение прав на достойный труд и материальный комфорт. Дискурс прав человека сегодня монополизирован неолиберальной имитацией свободы, он является площадкой идеологической борьбы. В процессе борьбы происходит создание общностей борющихся, требующих участия публичных социологов в качестве переводчиков, состоящих в не *опосредуемых* отношениях с публикой, обустроиваемых вне каналов коммодифицированных СМИ. Университет также не может служить убежищем, потому что уже вовлечен в рыночные отношения производства и торговли знанием. Нужно покинуть академическую башню из слоновой кости. Такова программа Буравого.

***

Обратимся к аналитике концептуальной сетки М. Буравого и ее интердискурсивным основаниям. Мы отмечали три патологических качества деградировавшего социального: разобщенность, подчиненность и невидимость (безмолвность).

Рассмотрим концепт разобщенности. Единство – это обратная сторона разобщенности. Оно является центральным вопросом в борьбе против разобщающего неолиберального атомизма. Этот концепт регулирует совокупность терминов: разделенность, разобщенность, сплочение, объединение и др. Совокупность в тексте распадается на два ряда. Один принадлежит ариф-

метико-геометрической метафоре о социальном как множестве: имеются разрозненные совокупности, которые могут быть собраны в единую совокупность (*унификация*), в одну силовую точку сопротивления. Другой описывает скорее процедурный способ единства (*гомогенизация*), допуская автономию совокупностей. К примеру, понятие позиционной войны предполагает возможность глобальной полицентричной борьбы благодаря рамочной регуляции: сопротивление на местах при координации рассредоточенных сил через общий язык. Примечательно, что в дискурсе публичной социологии предъясняются те же концептуализации, которые присутствуют у философских наследников Антонио Грамши. Речь идет о соотношении универсального и партикулярного [7], а также о проблематике множественности [8; 9]. Отметим лишь, что установка на «единство» есть «родовая травма» модернового способа мыслить социальность, исходящего из просвещенческой идеи *всеобщего* рационального порядка, устанавливаемого посредством унификации множественностей социального.

Совокупность терминов концепта разобщенности коррелирует с совокупностью терминов концепта подчинения (эксплуатация, угнетение, принуждение, дискриминация). С одной стороны, значима логика глобального характера эксплуатации: проблемы нельзя, в конечном счете, свести к локальным составляющим, ведь глобальный масштаб проблем обусловлен скорее синергетическим, чем аддитивным эффектом. Это и вопрос причин, и необходимого способа борьбы с глобальной эксплуатацией. С другой стороны, наличие разделительных социальных линий есть условие и материал для обустройства и трансляции дискриминации и эксплуатации. При этом одна логика квалификации патологии социального («разобщение всех» как таковое, скрыто предполагающее некое всеобщее Единое, обобщающее всех социальное тело) соседствует с иной логикой, которая содержит два момента. Деграция социального возможна не столько ввиду наличия линий разделения самих по себе (разделения Единого), сколько ввиду их «больного» использования. А это подчинение разделенных обусловлено неолиберальной идеологией, воспроизводящей атомизированного субъекта – рационального, самоопределяющегося, автономного индивида («робинзонада» Номо economicus, Единичного). Таким образом, образ активной множественности видится ни во всеобщем Едином, ни во всеобщем Единичном, а в локальных сообществах, способных противостоять подчиняющему разделению.

Третье патологическое качество – его невидимость, безмолвность. Невидимость подчинения соседствует с невидимостью подчиненных. Артикуляция первого требует артикуляции вторых. Задача социолога состоит в получении и донесении знания об эксплуатации и возможностях освобождения. Речь идет не просто об информировании, а о коммуникации и переводимости социологического языка в понятные публике языки и обратно (эта позиция усилена Буравым в следующей статье), о посредничестве между сообществами сопротивленцев. В этом контексте стоит отметить, что термин «subultern»

концептуализирован в эссе крупного теоретика постколониализма Гаятри Спивак «Can the Subaltern Speak?», опубликованном в сборнике «Marxism and the Interpretation of Culture» (1988). Поэтому мы акцентируем перевод «безмолвный», усиливающий коммуникационный аспект.

В другом тексте Буравовой мы фиксируем те же регулярности дискурса. Предметом обзорной статьи стали стратегии глобальной социологии: высокая социология сверху или социология снизу, «связывающая повседневные практики реальных социологов, реагирующих на окружающие проблемы их обществ» [3, с. 14]. Автором отмечается «односторонняя» (Китай, Россия) и «двойная контекстуализация» (ЮАР, Индия, Бразилия). В первом случае исследуется, как производится знание, а во втором – как производится знание и каков объект исследования. Таким образом, взаимосвязь объекта и субъекта, прочитываемая в данном приеме, рассматривается в различных историко-культурных версиях, в различных случаях совмещения прикладной, академической, профессиональной и критической социологий. В заключение этого комментария Буравовой рассматривает три вызова снизу для глобальной социологии, три вызова локального: возможность 1) общего проекта, 2) общего дискурса, «который бы позволил связать наши общие практики» [3, с. 19] и 3) общего языка, преодолевающего границы.

Три стратегии

Проведя эмпирический анализ текстов, мы выделим и кратко опишем три дискурсивные стратегии. Напомним, что речь идет о версиях учреждения *позитивности* дискурса, то есть об отправлении определенных практик в условиях дискурсивно заданного способа отношения социального и социологического. Дискурс обуславливает возможность регулярности (деления) практик посредством их «регуляризации» (установления правил).

В анализируемой области знания учреждается порядок истинного и ложного, задающий правила высказывания истины, которые регулируют отправление практик. Комплекс таких правил есть ни что иное, как стратегия дискурса. Фактически эти стратегии соседствуют, пересекаются и взаимно трансформируют друг друга. Нам следует выяснить, какие стратегии *присутствуют* в дискурсе публичной социологии и как они *взаимодействуют*.

Дисциплинарная стратегия заявляет безусловную дистанцию между социологией и социальным. На передний край может выдвигаться то проблема демаркации науки и не-науки (ценностной нейтральности), то проблема *научности* ангажированной публичной социологии. Дискурсивная стратегия представляет социологию как *рефлексивную* технологию обустройства социальности. Дискурсивное социологическое знание участвует в специализированных практиках в политике, экономике, образовании и т. д. Коммуникативная стратегия проблематизирует опосредование как между социологией и социальным, так и внутри социального. На передний план выходит проблема взаимопереводимости специальных и повседневных языков.

В общем виде проблему *публичности* социологии мы можем представить как проблему *необходимой* конвертации социологического (специализированное знание о социуме) и социального знания (повседневное знание для ведения совместной жизни). Дисциплинарная стратегия учреждает дистанцию между этими знаниями, стягивает на себя привилегию дешифровки социальной и «открытия» истины социального знания. Это стратегия чтения, информирования, просвещения. Здесь публичный = «известный». Дискурсивная стратегия мыслит отношение знаний как взаимоналожение и трансформацию двух способов знать, чтобы действовать. Это стратегия рефлексии, высказывания, проектирования. Здесь публичный = «гражданский». Коммуникативная стратегия стремится к снятию дистанции между знаниями, заботясь о взаимопереводимости языков, выработанных в этих знаниях. Это стратегия понимания, коммуникации, кооперации. Здесь публичный = «коммунитарный» (сообщенный).

В заключение отметим, что для дискурсивного случая Буравого предельной стратегией является коммуникативная стратегия, поскольку ставится вопрос о публичности – способе участия и взаимодействия социологии и социального в «общем деле». Иные стратегии отстраиваются относительно коммуникативной, отталкиваясь от фоновых смыслов научности, участия и т. д., отсылающих к иным стратегиям. На поверхности дискурса публичной социологии стратегии могут разворачиваться одна в другую. Например, социологическое исследование представимо как этап в цикле коммуникации, либо как инструмент рефлексивной практики управления.

Является ли дискурс публичной социологии специфическим «эпистемологическим разрывом» в линии социологического знания, отражающим рождение нового этапа развития дисциплины? При всей неоднозначности возможных ответов на этот вопрос следует отметить, что поднятые в ней вопросы вновь актуализируют вопрос о статусе (социальной) науки в современном обществе, ее ответственности за «объективно» изучаемую социальную действительность. Дискуссия публичной социологии, ее основания и положения требуют дальнейшей рефлексии, которая поможет оценить жизнеспособность концепции в современных условиях развития науки.

Литература

1. Фуко, М. Археология знания / М. Фуко. – Киев : Ника-Центр, 1996. – 208 с.
2. Буравой, М. Что делать? Тезисы о деградации социального бытия в глобализирующемся мире / М. Буравой // Социол. исслед. – 2009. – № 4.
3. Буравой, М. Комментарий: за глобальную социологию низших слоев? / М. Буравой // Социол. исслед. – 2009. – № 4.
4. Вевёрка, М. Некоторые соображения по прочтении статьи М. Буравого «Что делать?» / М. Вевёрка // Социол. исслед. – 2009. – № 4.
5. Тоценко, Ж. Т. Публичная или профессиональная публичная социология? / Ж. Т. Тоценко, Н. В. Романовский // Социол. исслед. – 2009. – № 4.
6. Подвойский, Д. Г. «Публичная социология» в прошлом и настоящем: уточнение координат / Д. Г. Подвойский // Социол. исслед. – 2009. – № 5.

7. Лакло, Э. К радикальной демократической политике: предисловие ко второму изданию «Гегемонии и социалистической стратегии» [Электронный ресурс] / Э. Лакло, Ш. Муфф // Политиздат. – Режим доступа: <http://www.politizdat.ru/outgoung/15/>. – Дата доступа: 28.08.2009.

8. Хардт, М. Империя / М. Хардт, А. Негри / под ред. Г. В. Каменской, М. С. Фетисова. – М. : Праксис, 2004. – 440 с.

9. Хардт, М. Множество: война и демократия в эпоху империи / М. Хардт, А. Негри ; под ред. В. Л. Иноземцева. – М. : Культур. революция, 2006. – 559 с.

A. V. KAMAROUSKI

DISCURSIVE ANALYSIS OF THE CONCEPT “PUBLIC SOCIOLOGY” BY M. BURAWOY

Summary

The given article is devoted to the discursive analysis of the concept of “public sociology” by Michael Burawoy. Three discursive strategies are revealed and described. They are, in fact, samples for application of classical, non-classical and post non-classical rationality in sociology.

Keywords: public sociology, discourse order, discursive rationality, discursive strategy, Michael Burawoy, neoliberalism, civil society, sociology and sociality, knowledge, classic, non-classic, post non-classic, discipline, communication.

Поступила 29.10.2015 г.

В. Э. СМIRHOV,

кандидат социологических наук, Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

МЕХАНИЗМЫ РЕАЛИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОЕКТОВ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В статье на основе критики теоретиков антиисторизма (К. Поппер, Р. Нисбет, Ф. А. фон Хайек и др.) и социальной инженерии раскрывается механизм реализации социальных проектов, связанных с коренным переустройством общества. Предлагается рассматривать политико-экономические проекты не столько как следующие из идеологической доктрины, но, в первую очередь, как результат распространения новых форм социальных связей и взаимоотношений, определяемых соответствующими идеалами, ценностями и социальными нормами. На историко-культурном материале показывается, что любые решения, которые осуществлялись создателями новых социальных систем, нового типа социальных взаимодействий, как бы они не были ситуативны, строились на основе ценностей и идеалов этой системы, в контексте новых представлений о должных способах взаимоотношений людей.

Ключевые слова: антиисторизм, социальное проектирование, социальная инженерия, локус нового типа взаимоотношений, ценности и нормы, социальные практики, социальные преобразования.

Кризисные явления в современном мире заставляют ученых-гуманитариев поднимать вопросы, которые, казалось, вышли из моды пару десятилетий назад. Речь идет о крупных проектах социальных изменений, которые конструировались в рамках масштабных теоретико-идеологических нарративов XIX–XX вв., названных Ж.-Ф. Лиотаром «Великими повествованиями». С легкой руки западных теоретиков, предвестников фукуямовского конца истории (К. Поппер, Т. Парсонс и др.) легитимным объявлено исключительно социально-технологическое конструирование, где в на века утвердившемся «открытом», демократическом, буржуазно-рыночном обществе лучшее борется с хорошим методами социальной инженерии. Но прошло не так уж и много лет по историческим меркам, как стало ясно, что система, еще недавно праздновавшая окончательную победу, оказалась в идейном и экономическом тупике. Впрочем, идейный тупик был очевиден давно, но, как обычно, только экономические трудности заставили обратить на него внимание.

Сделалось все более очевидным, что человечеству требуется новый проект, который бы позволил преодолеть весь сложившийся узел нерешенных проблем и противоречий. Причем появились довольно мощные силы, желающие не преодолевать проблемы, а разрубить узел, в результате чего в воздухе запахло порохом. Так что времени для создания и реализации нового проекта

осталось не так уж много. К тому же не очень понятно, что такое «проект», когда мы говорим не о какой-то конкретной социальной технологии, а о существенном изменении мироустройства. Ограничивается ли он обоснованием исключительно определенного числа неких принципов, или это достаточно обширный план социальных преобразований. Причем хорошо известно, что в эпохи кардинальных социальных изменений ни один план не выдерживает столкновения с действительностью. И это не удивительно, ибо планы осуществляют люди, принадлежащие, в свою очередь, к разным социальным коллективам, имеющим разные социальные интересы. В этой связи важно разобраться, как рождаются и осуществляются проекты глобальных социальных изменений, а для этого нам придется обратиться к истории.

Однако, как уже неоднократно подмечалось, в методологии исторической науки, начиная с 70–80-х гг. XX в., произошли серьезные изменения [1, с. 61–68]. Исчезли работы по истории в традиционном понимании, а именно истории событий, в которых, как правило, в явном или неявном виде присутствовали элементы некой историософии, определенной проектности исторического движения. Изменения в методах и объекте исторического исследования, совершившиеся в конце XX столетия, на наш взгляд, являются отражением не столько методологических изъянов, сколько общего культурного поворота, связанного с отказом от понимания истории как длящегося проекта. Исследования ученых свелись к «календарю ежедневных действий человечества, движущие факторы которых были сужены до уровня биологических или семейных проявлений существования людей – рождению, браку, смерти» [2]. Содержание подобных работ не выходило за рамки описания мира повседневности. Более того, появились идеи «конца истории», смысл которых заключается в том, что хотя сложившийся способ жизни и не совершенен, но это лучший из возможных миров, а любые представления о неизбежности исторической смены общественной организации в будущем определяются как зло и вредный экстремизм. С этой точки зрения не только объявляется конец истории, но и сама история определяется как не имеющее смысла броуновское движение индивидуальных волей. Тем самым отрицается всякая проектность в историческом процессе, осмысленное движение и, как следствие, теряется всякий смысл рассмотрения истории как единого процесса.

В этом контексте показательным примером являются взгляды Карла Поппера, согласно которому многие мыслители, подверженные «греху» историзма, желали одним махом переместить общество в идеальное, по их мнению, состояние, вместо того, чтобы следовать рациональным социально-инженерным методам, сторонником которых был сам Поппер. Сопутствовали, продолжали и развивали традицию антиисторизма известные экономисты Ф. А. фон Хайек и Л. фон Мизес, но вряд ли стоит специально останавливаться на взглядах этих ученых, поскольку в существенной части они разделяли подход Поппера. В работе «Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма» Хайек полностью присоединился к попперовской критике историзма.

Нужно заметить, что дискуссии на философском уровне вполне выражаются на куда более предметном языке исторической науки и социологии. И вопрос о возможности рассмотрения истории как проекта или суммы проектов выглядит следующим образом: как можно говорить о проекте в те эпохи человеческой истории, когда самого представления об истории как направленном движении не было, а если и было, то исключительно в форме религиозного мифа. Уже в контексте вопроса признается, что с некоторых пор, а именно с появлением марксизма, и, еще конкретнее, со свершением Октябрьской революции в России, проекты строительства общества появились и были реализованы. С этим трудно согласиться, ибо буржуазные революции, во всяком случае, начиная с эпохи Великой Французской революции, имели вполне очевидную проектную составляющую, да и как суметь в действиях любых социальных сил, осуществляющих осознанные социальные изменения, не разглядеть наличия того или иного проекта, естественно, обусловленного представлениями эпохи. Скорее проблема лежит в другой области, в частности в том, что проекты, на основании которых всевозможные революционеры и реформаторы ставят себе цели и задачи, на самом деле, вовсе не реализуются в том виде, в котором они были задуманы. Как правило, результатом революционной и даже просто реформаторской деятельности становится нечто совсем непредвиденное и неожиданное для ее инициаторов.

Посмотрим, как развивался большевистский проект после революции 1917 г. и в чем вообще заключалась проектность деятельности новой власти. Каков это был социальный проект до революции, и как он соотносился с реально достигнутыми результатами? Это не пустой вопрос. Дело в том, что Ленин и партия большевиков до революции вполне понимали, насколько не готова крестьянская Россия к социалистическим преобразованиям. Не удивительно, что еще до Октябрьского переворота и сразу после него в планах большевиков было создание государственно-капиталистической системы. Еще в сентябре 1917 г. Ленин в своей работе «Грозящая катастрофа и как с ней бороться» отмечал, что государственный капитализм является шагом к социализму. Он полагал, что «государственно-монополистический капитализм есть полнейшая материальная подготовка социализма, есть преддверие его, есть та ступенька исторической лестницы, между которой (ступенькой) и ступенькой, называемой социализмом, никаких промежуточных ступеней нет» [3, с. 193]. В планах большевиков национализация сводилась к национализации банков и некоторого, сравнительно небольшого количества крупнейших частных предприятий. Вкупе с уже существующей казенной промышленностью России, доля которой была довольно значительной, советская власть контролировала бы достаточную часть экономики, чтобы управлять ею государственно-капиталистическими методами.

Однако ситуация стала развиваться по непредусмотренным, «обескураживающим» (словами Э. Карра) сценариям. Даже национализацию банков пришлось проводить не в соответствии с каким-то планом, а в виде ситуативного

ответа на организованный саботаж банковских служащих. Тем более стихийно начала развиваться ситуация с промышленностью. Как писал означенный Э. Карр, «большевики ожидали на заводах тот же обескураживающий опыт, что и с землей. Развитие революции принесло с собой не только стихийный захват земель крестьянами, но и стихийный захват промышленных предприятий рабочими. В промышленности, как и в сельском хозяйстве, революционная партия, а позднее и революционное правительство оказались захвачены ходом событий, которые во многих отношениях смущали и обременяли их, но, поскольку они [эти события] представляли главную движущую силу революции, они не могли уклониться от того, чтобы оказать им поддержку» [4].

При том, что старый государственный аппарат был уже разрушен, и его остатки саботировали осуществление мероприятий новой власти, а большевикам остро не хватало кадров даже для того, чтобы контролировать самые важные элементы государственного управления, все-таки брать на себя управление промышленностью они не собирались, и то, что произошло, было результатом действия революционной стихии, а никак не продуманного планирования.

Но если те или иные действия новой власти были не более чем следование за революционной стихией, можем ли мы сказать, что большевики осуществляли свой проект? Или они просто следовали революционной стихии, и ни о каком осуществлении большевистского проекта в России говорить не приходится? Например, можно предположить, что каждое следующее решение было всего лишь реакцией на возникающие обстоятельства, и, нужно заметить, в принципе, провести такую линию от первых декретов Советской власти чуть ли не до распада страны в 1992 г. возможно. Так ли это? Или все же определенная «проектность» была, а если была, то в чем она заключалась?

Мы предлагаем посмотреть на реализацию большевистского проекта через социологическую призму, и в этом смысле рассматривать политико-экономические проекты не столько как следующие из идеологической доктрины, но, в первую очередь, как результат распространения новых форм социальных связей и взаимоотношений, определяемых соответствующими идеалами, ценностями и социальными нормами. Их предтечей было рождение ко второй половине XIX в. в России локуса нового типа человеческих взаимоотношений со своими ценностями, идеалами и поведенческими нормами (именно тип социальных связей и взаимоотношений, на взгляд автора, и отличает подобные локусы друг от друга и от существующей, уже сложившейся, развернутой системы социальных отношений). В качестве примеров можно привести локус взаимоотношений поздней античности (имеется в виду христианский локус как система социальных связей и взаимоотношений нового типа) и, соответственно, ценностей идеалов и целей деятельности, или протобуржуазные локусы в позднефеодальном мире. Такие локусы выступают в виде зародышей суперсистем и при благоприятных исторических обстоятельствах могут раскрываться в суперсистему.

Особенности нового типа взаимоотношений, возникших в России в XIX в., были выражены в ценностях и идеалах, включающих в себя идеалы служения обществу и народу, неконкурентного отношения между людьми, утрированной немеркантильности, непрактичности как «милой» черты и утверждение идеального как единственно достойного побудительного мотива деятельности. Этической доминантой стало представление о том, что моральное действие должно быть только следствием внутреннего побуждения, а не внешнего принуждения. Со временем в виде теоретико-идеологической платформы для этой рождающейся суперсистемы выступил марксизм. Именно в пафосе марксизма, направленного на освобождение человечества или, словами Маркса, «разрешение загадки истории», люди, связанные новым способом отношений, нашли свое идейное оформление. Кратко замечу, что эта новая общность, новый локус вырос на основе крайне специфических социальных практик, связанных с особенностями русской петровской модернизации.

Со временем, с появлением в России относительно многочисленного и влиятельного пролетариата в начале XX в., локус нового типа социальных взаимоотношений, зародившийся в интеллигентской среде и в существенной степени распространившийся на рабочих (речь о наиболее квалифицированных рабочих), в процессе и по окончании Октябрьской революции развернулся во все слои общества. В результате началось его «вхождение» в широкие массы, где именно рабочие стали основным посредником между мировоззренческим ядром этого локуса и общественной средой.

Но вернемся к большевистскому проекту. Нужно понимать, что любые решения, которые осуществлялись представителями этой новой суперсистемы, нового типа социальных взаимодействий, как бы они не были ситуативны, строились на основе ценностей и идеалов этой суперсистемы, в контексте представлений о должных способах взаимоотношений людей. Поэтому все эти решения, несмотря на их кажущуюся абсолютную случайность и злободневность, складывались в цельный проект развития общества. Каждый большевик, на любом месте, просто собственной, самоочевидной для него деятельностью, следовал естественным для него новым способам человеческих действий, представлений и идеалов, осуществляя тем самым большевистский проект преобразования общества. Такой процесс был продемонстрирован в фильме «Коммунист» Юлия Райзмана.

На подобном принципе была основана система комиссаров, и даже не столько в армии, сколько в процессе мирного государственного строительства. Причиной ее появления была крайняя узость образованного слоя в России, сократившегося в годы катаклизмов революции и гражданской войны. В свою очередь, только часть образованного сословия России, и, вероятно, меньшая, четко и однозначно выступила на стороне революции и в полной мере приняла ее идеалы. Это вовсе не значит, что большинство русских образованных людей были против революционных преобразований. Это, конечно, не так. Решительных противников, тем более противников, которые не удалились

в эмиграцию, насчитывалось сравнительно немного. Однако основная масса служащих и интеллигенции были скорее пассивно-лояльными гражданами страны и не более. В результате партия большевиков, завоевавшая власть, испытывала острый кадровый голод с самых первых дней своего становления. А голод, в том числе и кадровый, это не та вещь, которая располагает к поискам идеальных вариантов. На руководящие должности приходилось ставить людей либо хотя бы приемлемо образованных, но, зачастую, сомнительно лояльных, просто безразличных к новой системе ценностей и идеалов, либо вполне эти ценности и идеалы разделяющих, но по своему уровню подготовки далеко не дотягивающих до необходимых требований соответствия занимаемым должностям.

Казалось бы, первый тип, то есть люди образованные и даже лояльные, пускай и пассивно, это лучше, чем некомпетентные активные сторонники. Но оказалось, что это не так. Несмотря на лояльность, они искренне руководствовались в своей деятельности нормами и принципами, сложившимися в прежнем, откровенно разложившемся имперском обществе дореволюционной России. Но, как выше мы уже отмечали, советский красный проект складывался главным образом не как результат заранее задуманного и подготовленного плана преобразований, а как плод ценностного единства и общих поведенческих реакций для всех представителей новой суперсистемы, занявших ключевые управленческие позиции. То есть, встречаясь с той или иной проблемой, представители советской суперсистемы реагировали относительно единообразно и иначе, чем реагировали бы представители прошлой, консервативной суперсистемы. Этим и определялось единство «красного проекта».

Поэтому, если поставить на ответственные и руководящие места людей образованных и профессионально подготовленных, пускай и лояльных, но не разделяющих в полной мере новые ценности и идеалы, не принявших как единственно возможный новый тип социального поведения, означенного единства реакций добиться невозможно. А это грозит проекту попросту развалом. Именно эту проблему решал институт комиссаров. Комиссару вовсе не было необходимости быть специалистом в том деле, к которому он был приставлен. Он должен был всего лишь проверять решения специалистов собственным нравственным чувством, оценивать их с точки зрения разделяемого им нового этноса. В дальнейшем система комиссаров сменилась номенклатурной системой, но это уже другая эпоха. Речь идет лишь о примере социально-исторического проекта, достаточно близкого нам исторически, чтобы мы могли наблюдать его генезис и развитие. И из данного примера мы можем сделать определенные выводы.

Во-первых, нужно понимать, что в основе социально-исторического проекта общественных изменений лежит, в первую очередь, появление нового типа социальных связей и взаимоотношений, что, конечно, не отрицает важности их теоретико-мировоззренческой оболочки. Соответственно, ожидать рождения проекта в рамках старых господствующих социальных отношений нет никаких оснований.

Во-вторых, такой проект на феноменологическом уровне не есть инженерный план изменений (хотя без планов действовать невозможно, но нужно осознавать, что на пути социальных изменений такие планы будут меняться многократно), а представляет собой новую систему социальных практик, новых ценностей и идеалов, утверждение (пускай в рамках относительно немногочисленной консорции) новых норм человеческих взаимоотношений и взаимодействия.

В-третьих, появление новых локусов, заключающих в себе новые формы социальных взаимоотношений и деятельности, есть результат конкретных форм общественной практики, а не результат спекулятивных измышлений. Поэтому сегодня можно обнаружить способность к социальному проектированию в тех социальных коллективах, практики и, в первую очередь, организация трудовой деятельности которых, по своим основополагающим принципам, оказывается в конфронтации с доминирующими на сегодняшний день способами деятельности, организации и взаимоотношений в сфере общественного производства.

Литература

1. Смирнов, В. Э. За горизонтами постмодерна, или Судьба «Великих повествований» / В. Э. Смирнов // Социология. – 2014. – № 4. – С. 61–68.
2. Dosse, F. History in pieces: from the militant to the triumphant Annales / Telos. – St. Louis, 1986. – N 67. – P. 163–176.
3. Ленин, В. И. Грозная катастрофа и как с ней бороться / В. И. Ленин // Полн. собр. соч. / В. И. Ленин. – 5-е изд. – М. : Политиздат, 1969. – Т. 34.
4. Карп, Э. История Советской России: Часть IV. Экономический порядок [Электронный ресурс] / Э. Карп // Скепсис. – Режим доступа: http://scepsis.net/library/id_2279.html. – Дата доступа: 24.09.2015.

V. SMIRNOV

SOCIAL PROJECTS MECHANISMS REALIZATION: SOCIOLOGICAL ASPECT

Summary

The mechanism of social projects implementation related to fundamental reconstruction of society is revealed on the basis of the antihistoricism criticism theorists (K. Popper, R. Nisbet, F. A. von Hayek, etc.) and social engineering. It is proposed to consider the political-economic projects not as ensuing from ideological doctrines, but primarily as a result of the spread of new forms of social relations and ties established in accordance with the ideals, values and social norms. On the basis of the historical-cultural material it is shown that any solutions that were implemented by the creators of new social systems, or new types of social interactions, no matter how they were situational, are built on the values and ideals of this system, in the context of new ideas about the proper ways of communication between people.

Keywords: antihistoricism, social designing, social engineering, the locus of a new type of relations, values and norms, social practices, social transformation.

Поступила 05.11.2015 г.

В. М. ЛИТВИНОВИЧ,

*Информационно-аналитический центр
при Администрации Президента Республики Беларусь, г. Минск*

ТЕЛЕФОННОЕ ИНТЕРВЬЮ ПО ТЕХНОЛОГИИ САТИ: ПРЕИМУЩЕСТВА И ОГРАНИЧЕНИЯ

Проанализирована специфика применения телефонного интервью по технологии САТИ, выявлены его преимущества и ограничения. Показано, что к главным преимуществам метода относятся: оперативность, сравнительно низкая стоимость, высокий уровень доступности респондентов. Среди основных проблем называются невозможность использования метода в регионах с низким уровнем телефонизации, небольшая продолжительность интервью, ограничение на применяемый инструментарий. Предлагаются варианты преодоления обозначенных проблем.

Ключевые слова: методы сбора данных, телефонное интервью, САТИ, преимущества телефонного интервью, ограничения телефонного интервью.

Наглядным примером эффективного применения современных возможностей информационно-коммуникационной сферы при сборе социологических данных является телефонное интервью по технологии САТИ. Первоначально сформировавшиеся как самостоятельный исследовательский метод, телефонные опросы были существенно усовершенствованы с внедрением компьютерных технологий.

Под телефонным интервью понимается один из методов сбора первичной социологической или маркетинговой информации, предполагающий проведение устного опосредованного (с помощью телефонной связи) опроса респондента и фиксацию интервьюером его ответов. На протяжении нескольких последних десятилетий телефонные опросы получили широкое распространение в исследовательской практике социологов и маркетологов. В профессиональной среде этот метод зарекомендовал себя как оперативный, сравнительно недорогой и эффективный способ сбора первичной информации. В 2008 г. по данным агентства ESOMAR в европейских государствах и России в общем обороте исследований (в денежном выражении) 16 % приходилось на метод телефонного интервью (для сравнения: на почтовый опрос – 5 %, личное интервью «face to face» – 10 %, онлайн-исследования – 20 %, другие (неколичественные) – 33 %) [1].

Термин САТИ (computer assisted telephone interviewing) переводится с английского языка как «телефонное интервью с помощью компьютера». Рассматривая понятие САТИ, необходимо различать технологию САТИ и систему

CATI. Смысл технологии CATI заключается в том, что процесс организации и проведения телефонных интервью управляется компьютером (специальным программным обеспечением). Функциональные возможности такого программного обеспечения чаще всего включают следующие составляющие:

управление выборкой (программное обеспечение контролирует выполнение заданных исследователем параметров выборочной совокупности);

планирование и распределение звонков (компьютер по заданному алгоритму выбирает номер телефона для участия в опросе и организует дозвон до респондента);

ведение интервью (на мониторах интервьюеров появляются вопросы и варианты ответов, которые необходимо зачитать, а затем зафиксировать полученные ответы респондентов);

онлайн-мониторинг (система позволяет контролировать работу интервьюеров в режиме реального времени и при необходимости вмешиваться в ход интервью для его корректировки);

автоматическая запись разговоров (все интервью: состоявшиеся и незавершенные автоматически записываются и сохраняются);

представление данных (программное обеспечение дает возможность получать как промежуточные данные опроса, так и итоговые результаты в виде отчетов, таблиц или графиков) [2].

В свою очередь система CATI (в отечественной литературе соответствует понятию «колл-центр», или звоноквый центр) представляет собой аппаратно-программный комплекс для проведения телефонных интервью по технологии CATI. Система CATI в большинстве случаев включает аппаратную часть, специализированное программное обеспечение, операторов-интервьюеров (которые зачитывают вопросы респондентам и фиксируют их ответы), а также супервайзера (организующего и контролирующего работу интервьюеров). Аппаратную часть этого комплекса составляют персональные компьютеры – рабочие места интервьюеров, средства телефонии, сервера, программную – специальные решения, непосредственно организующие и контролирующие процесс телефонного интервью.

Таким образом, телефонное интервью по технологии CATI – это один из методов сбора первичной социологической или маркетинговой информации, при котором с помощью специальных аппаратных устройств и программного обеспечения по каналам телефонной связи (как стационарной, так и мобильной) проводится устный опрос респондента и фиксация интервьюером его ответов.

Необходимо отметить, что, несмотря на активное применение метода телефонного интервью, в том числе по технологии CATI, в исследовательской практике ученых из США и ряда европейских стран, данный способ сбора первичной информации неоднозначно воспринимается среди российских и отечественных социологов. По мнению скептиков, телефонные опросы могут быть использованы только для исследований по общеизвестной,

понятной для респондентов тематике, но никак не для изучения сложных социальных процессов [3]. Высказываемые замечания, по всей вероятности, не лишены оснований, в то же время критическое отношение к методу, очевидно, вызвано отсутствием опыта его активного применения. Для объективного и целостного восприятия телефонного опроса как способа сбора социологической информации необходимы доскональная проработка его методических особенностей, анализ специфики и практики использования. Понимание преимуществ и ограничений конкретного исследовательского метода позволит не только получать валидные данные, но и совершенствовать его, устраняя при возможности недостатки.

Рассмотрим основные достоинства и ограничения метода телефонного интервью по технологии САТІ путем его сравнения с наиболее распространенным в Республике Беларусь опросным методом – личным интервью по месту жительства респондентов.

Использование телефонного опроса на полевом этапе проведения исследований имеет ряд преимуществ. Одно из наиболее очевидных – это **оперативность**. В современных условиях ускоренного темпа жизни, когда обмен информацией и общественные процессы протекают стремительно, очень важно иметь возможность своевременно и в оперативном режиме оценивать восприятие населением происходящих событий. Использование новейших информационно-коммуникационных технологий при организации телефонных опросов позволяет это делать. Так, полевой этап исследования, проведенный методом телефонного интервью по технологии САТІ, в среднем занимает в 2,5–3 раза меньше времени по сравнению с методом личного интервью. Экономия временных ресурсов происходит в первую очередь за счет исключения некоторых этапов технологического процесса (печать бланков интервью, их пересылка интервьюерам и прием заполненных бланков, ввод собранной информации). В таблице приведено сравнение временных затрат при проведении опроса методами личного интервью и телефонного интервью по технологии САТІ с помощью аппаратно-программного комплекса (АПК).

Следующим важным преимуществом телефонного интервью по технологии САТІ является его **относительно низкая стоимость**. Как показывает практика, организация полевого этапа исследования указанным методом обходится в среднем на 40–50 % дешевле по сравнению с личным интервью по месту жительства респондентов. Еще большему снижению стоимости будет способствовать внедрение новых видов телефонной связи (в первую очередь – ip-телефонии) [4]. Кроме того, поддержание в актуальном состоянии опросной сети интервьюеров требует весьма значительных финансовых затрат (командировки в регионы с целью подбора интервьюеров, их инструктажа и т. д.), несопоставимых с подготовкой и обучением операторов телефонных опросов, которые, как правило, размещаются в одном месте.

Применение метода телефонного интервью по технологии САТІ обеспечивает **высокий уровень автоматизации** технологического процесса сбора

Сравнение временных затрат для проведения опросов методами личного интервью по месту жительства респондентов и телефонного интервью по технологии CATI

Этапы опроса	Личное интервью по месту жительства	Телефонное интервью по технологии CATI
Подготовительный	Определение населенных пунктов для опроса; расчет выборки; подбор интервьюеров; верстка бланка интервью; тиражирование, брошюровка бланков интервью; инструктирование, маршруты, удостоверения; рассылка пакетов документов 18–21 день	Определение населенных пунктов для опроса; расчет выборки; кодировка бланка интервью; выборка телефонных номеров 1–2 дня
Проведение опроса	1000 респондентов (25 интервьюеров) 10–14 дней	1000 респондентов (5 рабочих мест для интервьюеров-операторов) 8–10 дней
Обработка данных	Компьютерный ввод и обработка данных 3–5 дней	Получение результатов в режиме реального времени
ИТОГО: затраченное время	31–40 дней	9–12 дней

данных. Все необходимые процедуры полевого этапа исследования, как уже было показано выше, выполняются либо непосредственно компьютером, либо при его участии и контроле. Такая организация работы позволяет минимизировать ошибки, связанные с человеческим фактором.

Кроме того, высокий уровень использования информационно-коммуникационных технологий дает возможность «оцифровать» процесс сбора данных – все происходящее фиксируется и может применяться для повышения качества проводимых исследований. Появляется возможность собирать различного рода статистику, связанную непосредственно с ходом опроса, позволяющую оценивать его эффективность и качество, – так называемые параданные [5]. Например, можно рассчитать коэффициенты, характеризующие результативность опроса (коэффициент ответов, кооперации, отказов, контактов и т. д.), продуктивность каждого отдельного интервьюера или их группы, определить наиболее (наименее) продуктивное время для проведения полевого этапа и т. д. [6].

Использование метода телефонного интервью по технологии CATI предоставляет широкие возможности для **контроля процесса сбора данных**. Так, современное программное обеспечение позволяет в режиме онлайн контролировать выполнение выборки: исследователь перед началом опроса вводит параметры выборочной совокупности в соответствии с контролируруемыми признаками, а компьютерная система впоследствии отслеживает реализацию

указанного алгоритма. Практически все системы САТІ имеют опцию записи разговоров интервьюеров и респондентов. Эта функция является очень востребованной и позволяет детально проанализировать работу интервьюеров: как отбирались в домохозяйстве респонденты для опроса, правильно ли зачитывались вопросы и варианты ответов и т. д.

Необходимо отметить такое важное свойство телефонных опросов, как **высокая степень управляемости**. Так как телефонные интервью по технологии САТІ проводятся из единого центра, то не составляет никаких проблем в случае появления необходимости даже в процессе исследования внести изменения в бланк интервью или скорректировать процесс отбора респондентов (время опроса, местожительство респондента и т. д.). Произвести аналогичные действия при использовании метода личного интервью с минимальными затратами практически невозможно, поскольку это связано с повторной печатью бланков интервью, их отправкой интервьюерам и другими трудностями.

Использование телефонной связи для изучения общественного мнения дает возможность проигнорировать фактор расстояния и **проводить опросы территориально удаленной аудитории**. Обязательными условиями для организации таких исследований являются: соответствие уровня телефонизации региона необходимым требованиям, доступ к базе телефонных номеров респондентов (это условие может быть преодолено с помощью генератора случайных чисел, который смоделирует номера телефонов).

По мнению ряда исследователей, метод телефонного интервью по технологии САТІ обеспечивает **высокий уровень доступности респондентов** [4]. Действительно, социологи-практики отмечают, что в последнее время при применении метода личного интервью по месту жительства респондентов снижается уровень доступности населения [7]. Обусловлено это как физическими препятствиями (нежеланием открывать дверь незнакомым людям, появлением кодовых замков в подъездах и т. д.), так и просто отсутствием дома активного трудоспособного населения в силу высокой занятости.

Однако ситуация не такая однозначная, как кажется на первый взгляд. С одной стороны, применение метода телефонного интервью при высоком уровне проникновения телефонной связи действительно упрощает процесс доступа к респонденту. С другой стороны, практики телефонных опросов сталкиваются с существованием так называемой «телефонной аудитории», когда к домашнему (стационарному) телефону чаще всего подходят люди определенных социальных категорий: женщины, домохозяйки, находящиеся в отпуске по уходу за ребенком, безработные, пенсионеры. Активное же трудоспособное население опросить с помощью стационарного телефона также проблематично, ведь звонки по телефону обычно совершаются до 21.00. В это время жители крупных городов только добираются домой, а в малых городских и сельских населенных пунктах люди уже готовятся ко сну и беспокоить их крайне проблематично.

Существует несколько решений этой проблемы. Использование технологии САТІ позволяет подстроиться под ритм жизни разных категорий насе-

ления: запрограммировать работу системы CATI таким образом, чтобы телефонная связь с респондентами, проживающими в небольших населенных пунктах, осуществлялась до 20.00, а проживающими в столице и областных центрах – до 21.30–22.00. Кроме того, эффективным способом изучения мнения труднодоступных категорий населения является проведение опросов с помощью мобильной телефонной связи.

Перечень приведенных выше преимуществ телефонного интервью по технологии CATI не является исчерпывающим и по итогам активного применения указанного способа сбора информации может быть дополнен. Перечисленные достоинства наиболее очевидны в исследовательской практике и минимально подвергаются сомнению в профессиональных кругах социологов. Для целостного и объективного понимания методических особенностей телефонного интервью необходимо детально рассмотреть и его ограничения.

Одним из основных недостатков метода телефонного интервью по технологии CATI является **невозможность его использования в регионах** (населенных пунктах) с **низким уровнем телефонизации**. В случае игнорирования этого обстоятельства повышается вероятность возникновения ошибки неохвата (относящейся к систематическим ошибкам), которые, как известно, могут стать источником серьезных искажений выборки. Вместе с тем необходимо понимать, что доступность абсолютно всех жителей определенного региона через телефонную сеть – это идеальная ситуация, которая труднодостижима в реальных условиях. В связи с этим возникает закономерный вопрос: каков минимальный порог телефонизации для проведения репрезентативных опросов методом телефонного интервью? Наиболее распространенное мнение по данной проблеме приводят российские социологи В. И. Добреньков, А. И. Кравченко, утверждающие, что «проводить опросы населения, которые требуют построения репрезентативной выборки, методом телефонного интервью можно только в населенных пунктах (регионах) с уровнем телефонизации свыше 75 %» [8, с. 441].

Необходимо отметить, что для Республики Беларусь проблема низкой телефонизации не актуальна. Уровень обеспеченности населения страны квартирными телефонными аппаратами является самым высоким в СНГ: по данным Национального статистического комитета Республики Беларусь, в 2009 г. 90,6 % домашних хозяйств страны имели стационарный телефон [9, с. 90]. Кроме сети фиксированной телефонной связи общего пользования в Беларуси действуют три GSM оператора (МТС, Velcom, Life), общая численность абонентов которых составляет 11,1 млн, что превышает население всей республики в целом [10].

Важным элементом организации полевого этапа исследования является процесс подготовки основы выборки. При проведении телефонных опросов роль основы выборки могут выполнять телефонные справочники, где приводится номер телефона, фамилия пользователя и его адрес. Впрочем, использование этого источника информации о респондентах не всегда является

возможным. Во-первых, не все населенные пункты имеют свои телефонные справочники. Во-вторых, телефонные справочники не всегда содержат информацию обо всех абонентах телефонной связи (не все номера телефонов по разным причинам находятся в общем доступе). В-третьих, не вся информация является достоверной – справочники издаются не часто, и со временем данные изменяются по причине переездов, смерти и т. д. В этой связи одним из недостатков телефонных опросов называются **проблемы с подготовкой основы выборки**.

Вместе с тем эта проблема имеет свои пути решения. Так, основа выборки может быть сформирована на компьютере с помощью метода генерации случайных чисел (RDD – аббревиатура, в переводе «набор случайных номеров»). То есть, зная количество цифр в номерах телефонов, а также особенности набора определенной местности (код, с каких цифр начинается номер), можно подготовить некоторое множество телефонных номеров для осуществления звонков. Впрочем, этот вариант имеет свои недостатки. Значительное число номеров, которые сгенерирует компьютер, могут оказаться либо несуществующими, либо принадлежать юридическим лицам, что будет неприемлемым при опросах населения. В результате придется совершить существенное число лишних звонков, которые приведут к увеличению как временных, так и финансовых затрат. Таким образом, наиболее приемлемым вариантом для подготовки основы выборки может стать использование, при наличии возможностей, информации операторов телефонной связи, которые обладают всей полнотой необходимых данных.

Ряд ограничений в применении метода телефонного интервью по технологии САТИ связан с тем, что коммуникация «интервьюер – респондент» происходит не в прямом, а в **опосредованном аудио-режиме**. По мнению В. Г. Андреевкова, «опосредованная форма общения видоизменяет процедуру установления контакта с респондентом, процесс интервью предъявляет специфические требования к проектированию инструмента сбора данных, к индивидуальным качествам интервьюера и принципам их отбора» [11, с. 8].

Практический опыт многих социологов-исследователей показывает, что для успешного интервью очень важны первые минуты общения интервьюера и респондента – большинство отказов от опроса приходится именно на это время [12, с. 89]. Вместе с тем, как резонно отмечают В. И. Добренков, А. И. Кравченко, «отказаться по телефону психологически гораздо легче, нежели в личном или уличном опросе» [8, с. 442]. Таким образом, применение метода телефонного интервью по технологии САТИ сопряжено с трудностями **установления контакта** интервьюера с респондентом. Однако на сегодняшний день разработаны и используются на практике методики ведения беседы, которые дают возможность максимально снизить актуальность названной проблемы, более того, в последнее время в русскоязычной научной литературе стали появляться работы, непосредственно посвященные приемам успешного ведения телефонной беседы [13; 14].

Существенным недостатком телефонных опросов, по мнению ряда исследователей, выступает ограничение по **продолжительности интервью**. В специализированной литературе указывается, что длительность одной беседы не может превышать 10–15 минут, поскольку дольше удерживать внимание респондента является проблематичным [15, с. 328]. В то же время практика показывает, что возможно проведение опросов с большей продолжительностью. Важным в данном случае является заинтересованность респондентов в тематике исследования и качество инструментария: если респондент заинтересован высказать свое мнение по исследуемой проблематике, ему понятны задаваемые вопросы, то продолжительность интервью может превышать вышеуказанные 10–15 минут без потери качества собираемых данных. Так, в работе В. Г. Андреевкова среди причин, побуждающих вести более длительную беседу, выделен, прежде всего, интерес к тематике исследования: «желание высказать свое мнение по наиболее острым и злободневным вопросам, оказаться причастным к решению актуальных проблем, безусловно, стимулирует у людей готовность довести начатую беседу до конца» [11, с. 22].

Используемый в процессе интервью опосредованный способ коммуникации также накладывает значительные **ограничения и на применяемый инструментарий**. Так, вопросы бланка интервью должны быть максимально короткими и простыми для легкого восприятия на слух, количество вариантов ответов также должно быть минимальным (до 7–9), инструментарий должен вызывать у респондента заинтересованность и тем самым способствовать налаживанию взаимодействия. Кроме того, метод телефонного интервью, в том числе по технологии CATI, **не позволяет использовать** какие-либо **элементы визуализации**: картинки, карточки, фото и т. д. (что особенно важно при проведении маркетинговых исследований).

Отчасти нестандартные условия проведения телефонных интервью (в большинстве случаев респондент поднимает трубку телефона, не зная заранее о предстоящей беседе; не готов к ней; возможно, был оторван от каких-либо личных дел; не видит своего собеседника и т. д.) **затрудняют качественный сбор информации по сложной, глубинной проблематике**. Как показывает практика, большую эффективность телефонные опросы демонстрируют при их использовании для проведения установочных исследований, оперативных, экспресс-опросов, которые направлены на изучение информированности о каком-либо факте или событии, медиа-поведения населения.

Специфика телефонной коммуникации, а именно слабость эмоциональных связей между взаимодействующими сторонами, сказывается на **искренности респондентов** при ответах на вопросы, что затрудняет возможность обсуждения по телефону сенситивной (чувствительной) проблематики: деликатных и острых тем, вопросов о социально осуждаемом поведении, а также требующих сильного умственного напряжения и большого количества времени на обдумывание [16]. Кроме того, при таком способе коммуникации легче скрыть свое отношение или уклониться от ответа, прервав разговор по телефону.

Некоторые из проводимых исследований показывают, что респонденты при участии в телефонных опросах чаще, чем при других опросных методиках, выбирают общественно одобряемые варианты ответов [15]. Для преодоления такого поведения респондентов «выработан ряд специальных коммуникативных приемов, позволяющих снизить субъективную остроту обсуждаемых тем за счет особого подхода к составлению инструментария и формулировке вопросов» [16, с. 81]. Например, проектные вопросы, «поддерживающие» преамбулы, ссылки на авторитетные мнения, «уважительные» причины и другое.

Не менее актуальной является и проблема **обеспечения анонимности** при проведении телефонного интервью. Исследования, проведенные российским социологом А. Ю. Мягковым, показывают, что в восприятии участников опросов анкетирование и личное интервью, «опирающиеся на очный контакт с исследователями и использующие визуальный канал коммуникации... наилучшим образом могут гарантировать конфиденциальность ответов. Телефонные опросы, по мнению респондентов, обладают меньшими возможностями для обеспечения анонимности» [17, с. 18].

Как показывает проведенный анализ, метод телефонного интервью по технологии CATI обладает рядом существенных достоинств по сравнению с наиболее часто используемым на сегодняшний день в республике опросным методом – личным интервью по месту жительства респондентов. В первую очередь, это высокая скорость, низкая стоимость, лучшие возможности для контроля, высокая управляемость. Эти преимущества делают метод телефонного интервью более привлекательным для использования социологами в своей исследовательской практике. В то же время изучение методических особенностей указанного способа сбора информации показывает ряд ограничений, присущих телефонным опросам: невозможность его применения в регионах с низким уровнем телефонизации, проблемы с подготовкой основы выборки, трудности коммуникации «интервьюер – респондент» в опосредованном аудио-режиме, вопросы искренности респондентов и т. д. Как показано выше, часть проблем в рамках метода телефонного интервью решить довольно затруднительно, какие-то из обозначенных ограничений могут быть успешно устранены.

В то же время для целостной оценки возможностей применения указанного метода в Республике Беларусь необходимо дальнейшее изучение и обсуждение в профессиональной среде методических особенностей этого способа сбора первичной социологической информации.

Литература

1. Häder, S. Introduction: Telephone Surveys in Europe / S. Häder, M. Häder, M. Kühne // Telephone Surveys in Europe: Research and Practice / eds.: S. Häder, M. Häder, M. Kühne. – Heidelberg : Springer, 2012. – P. 7–13.
2. Nicholls II, W. L. The status of Computer-Assisted Telephone Interviewing: Part I – Introduction and Impact on Cost and Timeliness of Survey Data / W. L. Nicholls II, R. M. Groves // J. of Official Statistics. – 1986. – Vol. 2, N 2. – P. 93–115.

3. *Andreenkova, A. Russia / A. Andreenkova // Telephone Surveys in Europe: Research and Practice / eds.: S. Häder, M. Häder, M. Kühne. – Heidelberg : Springer, 2012. – P. 3–16.*
4. *Османов, Т. Э. Методическое представление общероссийского опроса по мобильным телефонам, или процедуры оценки качества выборочного исследования на примере опроса трудоспособного населения России / Т. Э. Османов, Д. М. Рогозин // Мониторинг общественного мнения. – 2013. – № 2. – С. 40–54.*
5. *Kreuter, F. Paradata [Electronic resource] / F. Kreuter, C. Casas-Cordero // German Council for Social and Economic Data (RatSWD), working paper. 136, 2010. – Mode of access: http://www.ratswd.de/download/RatSWD_WP_2010/RatSWD_WP_136.pdf. – Date of access: 01.10.2015.*
6. *Стандартные определения: систематическое описание диспозиционных кодов и коэффициентов результативности для массовых опросов. 3-е изд. 2004 год / Американская ассоциация исследователей общественного мнения ; пер. с англ. Д. М. Рогозина, Е. М. Киселева // Социол. журн. – 2005. – № 2. – С. 78–120.*
7. *Паниотто, В. Кризис в методах опроса и пути его преодоления / В. Паниотто, Н. Харченко // Социология: теория, методы, маркетинг. – 2012. – № 1. – С. 3–19.*
8. *Добренёв, В. И. Методы социологического исследования / В. И. Добренёв, А. И. Кравченко – М. : ИНФРА-М, 2009. – 768 с.*
9. *Информационное общество Республики Беларусь : ст. сб. Минск, 2011.*
10. *«Наконец, может, операторы полюбят своих абонентов». Как в Беларуси защищают права абонентов? [Электронный ресурс] // Портал TUT.BY. – Режим доступа: <http://it.tut.by/390272>. – Дата доступа: 01.10.2015.*
11. *Андреевков, В. Г. Телефонные опросы населения (Методические рекомендации организации и проведения выборочных массовых опросов) / В. Г. Андреевков, Г. Н. Сотникова. – М. : ИСИ АН СССР, 1985. – 59 с.*
12. *Рогозин, Д. М. Влияние интервьюера на доступность респондентов в телефонном опросе / Д. М. Рогозин // Социол. журн. – 2004. – № 1/2. – С. 75–106.*
13. *Ипатова, А. А. Условия коммуникативного успеха в стандартизированном телефонном интервью / А. А. Ипатова, Д. М. Рогозин // Социол. журн. – 2014. – № 1. – С. 21–54.*
14. *Рогозин, Д. М. Как быстро, эффективно и безопасно сфабриковать телефонный опрос / Д. М. Рогозин, А. А. Ипатова // Социол. журн. – 2012. – № 2. – С. 80–97.*
15. *Добренёв, В. И. Фундаментальная социология : в 15 т. / В. И. Добренёв, А. И. Кравченко. – М. : ИНФРА-М, 2004. – Т. 3 : Методика и техника исследования. – 932 с.*
16. *Мягков, А. Ю. О достоверности ответов респондентов в телефонном интервью (экспериментальное тестирование ряда приемов) / А. Ю. Мягков, С. Л. Журавлева // Социол. исслед. – 2010. – № 10. – С. 81–93.*
17. *Мягков, А. Ю. Восприятие респондентами метода телефонного интервью / А. Ю. Мягков // Телескоп. – 2010. – № 4. – С. 14–20.*

V. M. LITVINOVICH

CATI: ADVANTAGES AND LIMITATIONS

Summary

The specifics of CATI application was analyzed and its advantages and limitations were revealed. It is shown that the main advantage of the method includes: efficiency, relatively low cost, high level of respondents approachability. Among the main problems are the following: impossibility of method using in areas with low installation of phones, low duration of the interview, restriction on the tools applied. Available options for overcoming the identified problems are suggested.

Keywords: data collection methods, telephone interview, CATI, the advantages of telephone interviews, telephone interviews limitations.

Поступила 10.10.2015 г.

СОЦИОЛОГИЯ СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЫ И ЗДОРОВЬЯ НАСЕЛЕНИЯ

УДК 316.422.42

В. Р. ШУХАТОВИЧ,

кандидат социологических наук, доцент, Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

ЗДРАВООХРАНЕНИЕ – ПРИОРИТЕТ РАЗВИТИЯ БЕЛОРУССКОГО ОБЩЕСТВА

В статье рассмотрены особенности современной социальной политики в области охраны здоровья. На основе результатов эмпирических исследований, проведенных в Беларуси, охарактеризовано отношение населения к системе охраны здоровья и перспективные направления его развития.

Ключевые слова: здравоохранение, современная социальная политика в области охраны здоровья, отношение населения к системе охраны здоровья, перспективные направления развития здравоохранения.

Особенности современной социальной политики в области охраны здоровья

Социальная политика есть деятельность государства, опирающаяся на структуры гражданского общества и активность самого человека, направленная на поддержание устойчивого развития социальных систем и организацию деятельности, обеспечение достойного уровня жизни людей, регулирование социального расслоения и стимулирование собственной активности человека [1]. В настоящее время она включает семнадцать основных направлений (отраслей), каждое из которых, так или иначе, влияет на сохранение здоровья населения. Более других со здравоохранением связаны образование, рекреация, физическая культура, спорт и туризм, экология, жилищно-коммунальное хозяйство, питание, социальная защита. Они образуют единый комплекс – систему охраны здоровья населения. Министерство здравоохранения, являясь лидером данного направления, не может решить всех проблем собственными силами. Здоровье населения – не только высшая цель, но и практическая задача всех социальных институтов общества. Роль системы здравоохранения не ограничивается исключительно лечением заболеваний. При надлежащем управлении и финансировании хорошо функционирующая система здравоохранения при взаимодействии с другими социальными институтами содействует социальной сплоченности и стабильности общества [2].

Роль здравоохранения в современных условиях постоянного возрастает, и это объясняется следующими обстоятельствами.

Во-первых, стабильное существование общества возможно при условии оптимального демографического воспроизводства населения – воспроизводства действительной (биологической) жизни и социально-демографической структуры (половозрастной, образовательной, профессиональной), которое обеспечивает возобновление сложившейся системы разделения труда и нормальное функционирование основных социальных и экономических институтов.

В числе демографических вызовов, способных оказать дестабилизирующее влияние на развитие современного общества, можно отметить такие явления, как старение населения (за счет снижения рождаемости, увеличения продолжительности жизни и роста численности пожилых людей), депопуляция (за счет превышения смертности над рождаемостью), неконтролируемая миграция, деградация института семьи. К возникновению демографических угроз и появлению диспропорций в социально-демографической структуре населения могут привести эпидемии и чрезвычайные ситуации (техногенные, экологические, военные), кризисные явления и просчеты в управленческой деятельности. Эти и некоторые другие обстоятельства могут стать причиной массовой миграции и ухудшения здоровья населения (роста заболеваемости и инвалидности, повышения смертности, снижения рождаемости).

В данной связи социальная политика государства ориентирована на предотвращение и преодоление демографических угроз. Она включает в себя комплекс мер, направленных на обеспечение высокой доступности для населения медицинской помощи (прежде всего, первичной и экстренной), защиту материнства и детства, сохранение репродуктивного здоровья и обеспечение репродуктивных прав граждан, программы вакцинации и санитарного просвещения населения, повышение качества жизни людей, в том числе имеющих хронические заболевания и/или ограниченные возможности. Имеется настоятельная необходимость в сохранении трудового потенциала пожилых людей (здоровья, интеллекта) и переосмысления их роли в развитии современного общества [3]. Ресурсы и усилия мобилизуются в тех направлениях, которые наиболее актуальны для конкретной страны или региона. Приоритетное значение имеют меры профилактического характера.

Во-вторых, в результате развития научно-технического прогресса постоянно возникают новые, не ведомые предшествующим поколениям, масштабные угрозы и глобальные риски для здоровья и жизни людей, эффективно противостоять которым может только адекватная по сложности и уровню развития система охраны здоровья.

Экономический рост не всегда выступает гарантом социального благополучия и психического здоровья. Э. Фромм приводит пример, когда на фоне экономического благополучия в США и ряде стран Западной Европы наблюдался высокий уровень убийств и самоубийств [4].

К актуальным угрозам можно отнести неблагоприятные последствия загрязнения окружающей среды в результате экономической и военной деятель-

ности, последствия техногенных катастроф и стихийных бедствий, террористических атак и аварий на дорогах, рост числа психических заболеваний вследствие повышения интенсивности социальных взаимодействий и проблем социально-психологической адаптации, трудно прогнозируемые для здоровья человека последствия применения современных биотехнологий и генно-инженерной деятельности.

Ситуация усугубляется влиянием процессов коммерциализации и глобализации, в результате которых управленческие решения, принимаемые в интересах отдельных стран (корпораций и групп влияния), в ряде случаев способны нанести ущерб здоровью жителей огромных регионов.

Предотвращение глобальных рисков становится важной задачей не только отдельных государств, но и надгосударственных образований. В частности, Европейский союз, Содружество Независимых Государств (СНГ) и другие межгосударственные объединения проводят на своих территориях согласованную социальную политику в области охраны здоровья. Глобальная координирующая роль в вопросах охраны здоровья принадлежит Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ).

В-третьих, современная политика здравоохранения рассматривается не только как набор мер защитного, адаптационного и компенсаторного характера, позволяющих обеспечить простое биологическое воспроизводство человека и поддерживать на приемлемом уровне основные показатели здоровья населения, но и как стратегия, ориентированная на гуманизацию всего комплекса общественных отношений, развитие человеческого потенциала, формирование отношения к здоровью и жизни человека как к высшей общественной ценности.

В данной связи Всемирная организация здравоохранения ориентирует государства на снижение неравенства в вопросах охраны здоровья; увеличение продолжительности жизни путем предоставления всем людям возможностей для полного развития и использования своих физических, умственных и социальных способностей; обеспечение более здоровой жизни путем снижения заболеваемости и инвалидности. ВОЗ нацеливает системы здравоохранения на достижение трех фундаментальных задач:

улучшение состояния здоровья населения;

достижение справедливости в распределении бремени финансирования здравоохранения;

отзывчивость к ожиданиям пациентов.

В-четвертых, мировая практика показывает, что наиболее эффективной является политика здравоохранения, основанная на консолидации усилий и согласованном функционировании всех институтов общества, распределении ответственности за сохранение здоровья человека между государством, работодателем, семьей и индивидом. Акцентируется необходимость в развитии мотивации человека к сохранению здоровья и продуктивному долголетию. Низкий уровень мотивации делает общественные усилия неэффектив-

ными, а в ряде случаев бессмысленными. Поэтому одной из приоритетных задач политики здравоохранения является создание необходимых условий для формирования здорового образа жизни, ответственного отношения к здоровью, обеспечение институциональной поддержки благоприятных для здоровья форм поведения и общественных инициатив.

Перечисленные обстоятельства в настоящее время в той или иной мере актуальны для всех экономически развитых стран и в значительной мере объясняют повышение роли государства в вопросах охраны здоровья.

Постановка проблемы

За годы обретения суверенитета социальная сфера Республики Беларусь претерпела существенные изменения: оформились организационно-методически и структурно отрасли, которые ранее были подразделениями союзных министерств; созданы новые направления социальной защиты и охраны здоровья; расширился и усложнился круг решаемых задач, их общесистемное единство и стратегическая нацеленность, что сегодня по праву называется социальной политикой государства. Страна, несмотря на трудности переходного периода, огромные потери от аварии на ЧАЭС и затраты на ликвидацию ее последствий, в полной мере сохранила все механизмы жизнеобеспечения и прежде всего систему охраны здоровья.

Благодаря активной и взвешенной социальной политике государства, самоотверженному труду медицинских работников и усилиям самих граждан, в Беларуси удалось стабилизировать показатели смертности и добиться определенного увеличения ожидаемой продолжительности жизни населения, существенно уменьшить уровень детской смертности, особенно младенческой. В то же время проблемы здоровья и качества медицинского обслуживания сохраняют свою актуальность.

Характеризуя проблемную ситуацию в здравоохранении Беларуси, можно отметить следующее.

В настоящее время в системе охраны здоровья происходят реальные и по ряду направлений успешные преобразования. Большой частью они имеют стратегический характер и осуществляются на уровне социальной политики государства.

Так, с целью повышения институциональных возможностей здравоохранения и устранения организационных противоречий ведется работа по совершенствованию его нормативно-правовой базы. Развивается и укрепляется информационная инфраструктура здравоохранения, создана и функционирует многоуровневая система социально-гигиенического мониторинга, позволяющая контролировать параметры среды обитания человека и изучать их влияние на состояние здоровья. Укореняются нормы и практики международного и межведомственного сотрудничества, в том числе в сфере научных исследований и подготовки кадров.

На уровне социальной политики государства осуществляются масштабные меры по социальной (факторной) профилактике заболеваний. В соответствии с известными в мировой и отечественной науке данными об основных причинах ухудшения состояния здоровья людей и рекомендациями ученых осуществляется комплекс мер, направленных на уменьшение негативного влияния экономических, экологических и социальных факторов. Проводится контроль за дифференциацией доходов населения. Установлены государственный контроль и регулирование цен на основные продукты питания. Осуществляются масштабные меры, направленные на преодоление последствий аварии на Чернобыльской АЭС, реабилитацию пострадавших территорий и социальную поддержку населения. Предпринимаются меры, нацеленные на предотвращение чрезвычайных ситуаций и повышение безопасности условий проживания населения, труда и учебы. Развивается социальная инфраструктура в сельской местности и малых городах. Осуществляются мероприятия, направленные на реализацию государственных минимальных социальных стандартов. Улучшаются условия для занятий физической культурой и спортом. При государственной поддержке проходят оздоровление школьники и матери с малолетними детьми. По актуальным вопросам здоровья через средства массовой информации организовано информирование населения ведущими специалистами системы охраны здоровья.

Осуществляется комплекс мер, направленных на повышение качества медицинской помощи и эффективности функционирования здравоохранения. В их числе: мероприятия, направленные на децентрализацию внутренней структуры здравоохранения; рациональное использование ресурсов и преодоление диспропорций в их распределении; развитие амбулаторной помощи и стационарозамещающих технологий; импортозамещение и расширение производства отечественного оборудования и лекарственных средств; развитие профилактических и реабилитационных технологий; расширение доступа граждан к эффективным, безопасным и качественным лекарственным средствам; обеспечение доступности высокотехнологичной медицинской помощи – диагностики и лечения заболеваний.

Все эти меры привели к определенному улучшению ситуации в сфере здравоохранения. В то же время, несмотря на позитивные изменения (увеличение ожидаемой продолжительности жизни и снижение смертности), показатели состояния здоровья населения Беларуси пока еще существенно отстают от показателей развитых в экономическом отношении стран: разница в ожидаемой продолжительности жизни составляет у женщин 6–8 лет, у мужчин – 10–14 лет; разница по данному показателю между полами в Республике Беларусь составляет 11 лет, что на 5–6 лет больше, чем в странах-лидерах. Сохраняется высокий уровень смертности в группах населения трудоспособного возраста, особенно мужчин. В результате перечисленных процессов сокращается доля населения трудоспособного возраста, и, как следствие, социально-демографическая структура продолжает испытывать деформации.

Показатели смертности населения Беларуси, особенно мужчин, существенно увеличились в период после распада СССР (табл. 1).

Таблица 1. Возрастные коэффициенты смертности мужчин, число умерших на 1000 человек соответствующей возрастной группы

Возрастные интервалы, лет	1958–1959 гг.*	2002 г.*	2013 г.**
25–29	2,4	4,0	2
30–34	3,1	5,1	3,2
35–39	3,9	7,0	5,0
40–44	4,9	9,9	6,7
45–49	6,7	14,5	9,4
50–54	10,0	21,4	14,0
55–59	15,0	30,4	21,4

*Источник: Статистический ежегодник Республики Беларусь. – Минск, 2003.

**Источник: Демографический ежегодник Республики Беларусь : стат. сб. – Минск, 2014. – С. 265.

Российский исследователь Н. М. Римашевская связывает ухудшение здоровья населения в этот период с дезадаптацией населения к происходящим переменам и негативным влиянием бедности (в результате резкого падения уровня жизни подавляющей части населения, ухудшения питания, уменьшения потребления основных продуктов питания, приближения потребления белков к предельно допустимой границе) [5].

За прошедшее десятилетие проблему бедности и доступности продуктов питания в Беларуси в целом удалось решить, но проблема адаптации (социальной, психологической и физиологической) сохраняет свою актуальность. За период 2002–2013 гг. ситуация улучшилась, однако показатели смертности населения трудоспособного возраста пока еще заметно выше, чем в 60-е гг. прошлого столетия (табл. 1); этот разрыв свидетельствует о возможностях их снижения, поскольку изменения происходят в рамках одной популяции.

Среди причин смертности в настоящее время лидируют хронические инфекционные заболевания, а также внешние причины, в основе которых – факторы социальной природы.

В данной связи повышается актуальность проведения социологических исследований. Важно знать, как оценивают ситуацию в системе охраны здоровья сами люди, соответствуют ли проводимые преобразования ожиданиям населения.

Отношение населения Республики Беларусь к системе охраны здоровья

Суть реформы как общественного явления и управленческой задачи состоит в том, чтобы найти и реализовать адекватные способы (когнитивные, ресурсные и другие) решения возникающих проблем.

Происходящие изменения должны поддерживаться населением и соответствовать реальным потребностям и социальным ожиданиям людей. Социологические исследования обеспечивают реализацию «принципа обратной связи» и позволяют оперативно реагировать на изменения общественного мнения, определять, в какой мере граждане ощущают на себе те или иные изменения, готовы ли поддерживать проводимые преобразования.

Здоровье занимает высшую ранговую позицию в системе наиболее значимых индивидуальных ценностей населения Беларуси (81,6 %), а доступность медицинского обслуживания рассматривается более чем половиной населения (55,7 %) в качестве приоритетной социальной цели развития белорусского общества (по данным национального опроса, проведенного Институтом социологии НАН Беларуси в 2013 г.).

Социологический анализ доступности медицинской помощи в разрезе «город–село» за период 2006–2011 гг. показал, что именно в сельской местности происходят наиболее динамичные изменения¹. Согласно результатам исследования, за указанный период наблюдалось существенное повышение доступности амбулаторной и экстренной медицинской помощи населению, приобретения лекарств и медикаментов. Только 2 % населения отметило, что никогда не могут обратиться за помощью к участковому врачу, 0,2 % – вызвать «скорую помощь», 2,5 % – приобрести необходимые лекарства и медикаменты. За этот период произошло выравнивание показателей доступности медицинской помощи жителям города и села, существенно уменьшились различия между ними (табл. 2).

Анализ данных обращаемости населения за медицинской помощью показал, что чаще всего жители Беларуси посещают поликлиники и амбулатории по месту жительства (78,7 %; табл. 3). Каждый седьмой городской житель обращался за медицинской помощью в частное медицинское учреждение. Обращения к консультантам Интернета отмечаются не часто, но полагаем, что процесс виртуализации отношений «врач–пациент», «медучреждение–пациент» будет развиваться.

Удовлетворенность различными аспектами медицинской помощи можно рассматривать как один из показателей «отзывчивости» системы здравоохранения.

---

¹ Национальный опрос был проведен Институтом социологии НАН Беларуси (2006–2011 гг., объем выборки 2100 человек). Выборка случайная маршрутная с контролем квот населения в возрасте 16 лет и старше в соответствии с зоной проживания, полом, возрастом и образованием. Репрезентативность выборки обеспечена соблюдением следующих условий: в выборке пропорционально представлено население Минской (с выделением Минска), Могилевской, Витебской, Гродненской, Гомельской и Брестской областей; городское и сельское население; внутри областей пропорционально представлено население шести «зон» (1 – Минск и областные центры; 2 – города с численностью населения от 100 до 250 тысяч человек; 3 – города с численностью населения от 50 до 100 тысяч человек; 4 – города с численностью от 10 до 50 тысяч человек; 5 – поселки городского типа с населением менее 10 тысяч человек; 6 – сельское население). В каждой «зоне» пропорционально представлено население в соответствии с такими характеристиками, как пол, возраст, образование.

Таблица 2. Доступность медицинской помощи по месту жительства, в разрезе «город–село», 2006–2011 гг., в % от числа опрошенных

Вариант ответа	Город		Село		Республика Беларусь	
	2006 г.	2011 г.	2006 г.	2011 г.	2006 г.	2011 г.
Имеете ли Вы возможность по месту жительства:						
1. Обратиться за помощью к участковому врачу						
Да, всегда	80,5	80,4	68,6	69,7	76,7	77,1
Да, но не всегда	13,8	12,7	20,9	18,1	16,1	14,4
Нет, никогда	1,5	1,4	6,1	3,1	2,9	1,9
Затрудняюсь ответить	4,20	5,5	4,4	9,1	4,3	6,6
2. Обратиться за помощью к врачам-специалистам						
Да, всегда	47,2	57,6	36,8	40,9	44,0	52,4
Да, но не всегда	38,3	31,6	39,3	30,5	38,6	31,2
Нет, никогда	4,8	2,2	12,8	11,4	7,3	5,1
Затрудняюсь ответить	9,7	8,6	11,2	17,2	10,2	11,3
3. Вызвать врача на дом						
Да, всегда	82,6	89,5	61,8	61,6	76,1	80,1
Да, но не всегда	9,9	7,7	20,6	20,3	13,2	11,4
Нет, никогда	1,6	0,7	9,4	7,8	4,0	2,9
Затрудняюсь ответить	6,0	2,1	8,2	10,3	6,7	5,6
4. Приобрести необходимые лекарства и медикаменты						
Да, всегда	46,0	53,3	45,7	47,6	45,9	51,5
Да, но не всегда	41,7	36,0	39,0	37,9	40,9	36,6
Нет, никогда	2,8	2,1	8,3	3,3	4,5	2,5
Затрудняюсь ответить	9,5	8,6	7,0	11,2	8,7	9,4
5. Вызвать «скорую помощь»						
Да, всегда	91,3	95,3	79,7	90,1	87,7	93,7
Да, но не всегда	4,1	2,7	10,9	6,6	6,2	3,9
Нет, никогда	0,6	0,2	3,2	0,2	1,4	0,2
Затрудняюсь ответить	4,0	1,8	6,2	2,9	4,7	2,2

Таблица 3. Обращаемость за медицинской помощью, 2011–2014 гг., в % от числа опрошенных

Куда Вы обращались за медицинской помощью в течение последних 12 месяцев?	2011 г.	2013 г.	2014 г.
В поликлинику (амбулаторию) по месту жительства	67,5	78,7	78,5
В частный медицинский центр	3,1	12,0	13,1
В службу скорой медицинской помощи	5,4	11,0	11,3
К консультантам Интернета	6,9	2,9	4,1

ранения. Отзывчивость (чуткость) к ожиданиям пациентов рассматривается Всемирной организацией здравоохранения как одна из трех главных целей систем охраны здоровья.

Анализ удовлетворенности населения медицинской помощью во взаимосвязи с обращаемостью показал, что среди обратившихся за медицинской помощью в поликлинику по месту жительства в 2014 г. 72,9 % отметили удов-

летворенность работой участкового врача (сумма ответов «удовлетворен» и «скорее, удовлетворен»); 26,5 % ответили «скорее, не удовлетворен» и «не удовлетворен»; зафиксировано почти трехкратное превышение удовлетворительных оценок над неудовлетворительными, в то же время обращает на себя внимание тот факт, что каждый четвертый из опрошенных дал негативную оценку работе участкового врача.

Среди обратившихся в 2014 г. за медицинской помощью в поликлинику по месту жительства 64,1 % отметили, что «удовлетворены» ее работой; 34,1 % ответили «скорее, не удовлетворен» и «не удовлетворен».

Среди тех, кто обратился в службу скорой медицинской помощи, 77,6 % отметили, что «удовлетворены» и «скорее, удовлетворены»; 22,5 % – «скорее, не удовлетворены» и «не удовлетворены».

Результаты исследования показали, что уровень удовлетворенности работой участкового врача и поликлиники по месту жительства связан с показателями обращаемости населения в частные медицинские центры и к консультантам Интернета: среди обратившихся в частный медицинский центр и к консультантам Сети чаще, чем в целом по выборке, встречались респонденты, отметившие низкий уровень удовлетворенности работой участкового врача и поликлиники по месту жительства.

Обращаемость населения за медицинской помощью можно рассматривать в качестве одного из показателей доверия системе охраны здоровья со стороны населения. В Беларуси этот показатель является высоким. В то же время каждый пятый из числа опрошенных отметил, что при наличии серьезных проблем со здоровьем (в момент проведения опроса) он по каким-то причинам не обращается за медицинской помощью. В числе наиболее распространенных мотивов необращения за медицинской помощью были названы: отсутствие времени для визита к врачу, безразличное отношение медицинского персонала к пациентам, проблема попасть к нужному специалисту, неуверенность в получении квалифицированной помощи, невнимание к своему здоровью.

Доверие является фундаментальным основанием социальных взаимодействий и выступает индикатором согласованности социальных ожиданий в сфере здравоохранения, легитимности проводимых преобразований.

На основе результатов этого же исследования были выявлены уровни доверия и рассчитаны индексы доверия населения своему лечащему врачу, традиционной и народной медицине, а также экстрасенсам.

Индексы доверия рассчитаны по формуле:

$$\text{Ид} = (A - B) / 100,$$

где А – сумма ответов «да, доверяю» и «да, скорее доверяю»; В – сумма ответов «нет, скорее не доверяю» и «нет, не доверяю».

Индекс доверия может принимать значения от «1» до «-1», при этом значение индекса со знаком «+» показывает численный перевес положительных ответов, со знаком «-» – отрицательных. В результате произведенных расчетов были получены следующие значения индексов доверия:

индекс доверия лечащему врачу Ид = 0,53;

индекс доверия традиционной (официальной) медицине Ид = 0,60;

индекс доверия народной медицине Ид = 0,40;

индекс доверия экстрасенсам Ид = -0,55.

Результаты проведенного исследования демонстрируют высокий уровень доверия населения белорусским врачам и белорусской медицине. Доверие системе здравоохранения со стороны населения характеризует отрасль как устойчивую и жизнеспособную систему, обладающую высоким потенциалом развития и способную решать самые сложные задачи, связанные с обеспечением здоровья нации.

Показатели доверия и удовлетворенности выступают в качестве критериев социальной эффективности системы здравоохранения.

В условиях ограниченности ресурсов эффективность (экономическая, социальная, политическая) становится одним из основополагающих принципов социальной политики в сфере охраны здоровья.

Наиболее важной стратегической задачей системы охраны здоровья является постепенная переориентация ресурсов здравоохранения в сторону профилактики заболеваний.

Проблема состоит в том, что советская система здравоохранения эффективно справлялась с задачей профилактики инфекционных заболеваний, однако в настоящее время в структуре заболеваемости и смертности населения преобладают неинфекционные заболевания – сердечно-сосудистые и онкологические, которые требуют совершенно иных подходов к профилактике.

Образ жизни человека и его отношение к своему здоровью выступает одним из фундаментальных оснований профилактики заболеваний.

Исследования, проведенные совместно Институтом социологии НАН Беларуси и Республиканским центром гигиены, эпидемиологии и общественного здоровья за период 2003–2015 гг., показали, что за эти годы произошли позитивные изменения в отношении населения к своему здоровью, люди стали более рационально подходить к вопросам питания, отдыха и оздоровления, физической культуры, несколько снизилась распространенность потребления алкоголя и табакокурения. Эти изменения позволяют прогнозировать определенные позитивные изменения в состоянии здоровья населения.

Перспективы развития здравоохранения

Социальная политика Беларуси использует общепризнанные системные инструменты улучшения здоровья населения. Эти меры привели к уменьшению бедности, улучшению условий жизни населения, повышению уровня образования и информированности по вопросам здоровья, обеспечению высокой доступности широкого спектра медицинских услуг и повышению удовлетворенности населения работой системы охраны здоровья. В результате системных мер и действий произошло улучшение показателей работы отрасли.

Под влиянием глобальных изменений (урбанизации, миграции, секуляризации) многие традиции сохранения здоровья, сформированные на протяжении веков, утрачиваются и устаревают. Нормы и ценности здоровьесберегающего поведения, релевантные современному образу жизни, у населения Беларуси только формируются и не достаточно укоренены в культуру повседневной жизни. Необходимы целенаправленные исследования в данном направлении и информирование населения о факторах сохранения здоровья и продуктивного долголетия в современных условиях. Анализ особенностей и тенденций современного образа жизни во взаимосвязи со здоровьем позволяют не только прогнозировать рост актуальности рассматриваемой проблемы, но и определить ее статус как проблемы общесоциального характера, требующей адекватного по сложности научного анализа и междисциплинарного сотрудничества.

Улучшение качества медицинской помощи и адаптация здравоохранения к изменяющимся социальным, экономическим и политическим условиям являются важнейшими задачами системы охраны здоровья Беларуси. Проводимые преобразования должны быть направлены на улучшение положения пациентов и медицинских работников. Баланс прав и обязанностей пациентов и медицинских работников выступает фундаментальной предпосылкой формирования гармоничных социальных отношений в сфере здравоохранения.

Полагаем, что актуальные меры по совершенствованию деятельности здравоохранения необходимо объединить по четырем основным направлениям.

К первому направлению можно отнести все мероприятия научного и практического характера, связанные со здоровьесбережением – поиском, предотвращением и снижением потерь здоровья, устранимых силами государства, общественных институтов (включая медицину), семьи и самого человека.

Людям необходимо ориентироваться на более эффективные модели организации повседневной жизни, оптимальное использование индивидуальных ресурсов – здоровья, жизненной энергии, образования, материальных средств, развивать собственный физический, духовный и интеллектуальный потенциал. Государство, в свою очередь, должно содействовать формированию у населения мотивации заботы о себе, поддерживать и поощрять ответственность граждан, создавать условия для самореализации личности и эффективные стимулы к сохранению и укреплению здоровья.

Ко второму направлению могут быть отнесены меры, направленные на развитие и наращивание потенциала здоровья за счет укрепления в обществе системы ценностей саморазвития и самоактуализации.

Так, например, результаты исследований, проведенных под руководством автора Институтом социологии НАН Беларуси, показали, что выбор человеком профессии в соответствии со способностями, склонностями и призванием позволяет предсказывать более высокие показатели здоровья

и социального самочувствия, по сравнению с выбором вопреки способностям и склонностям [6].

Не в полной мере в Беларуси задействован оздоровительный ресурс досуга, полноценного отдыха, рекреации и физической культуры.

К третьему направлению могут быть отнесены меры, направленные на гармонизацию социальных отношений в системе здравоохранения, повышение удовлетворенности населения качеством медицинской помощи и сохранение доверия отечественной медицине.

Социальные ожидания населения Республики Беларусь связаны с решением проблем кадрового и лекарственного обеспечения медицинских учреждений; повышением профессиональной подготовки медицинского персонала; модернизацией отрасли и улучшением оснащенности лечебных учреждений современным медицинским оборудованием; повышением уровня финансирования здравоохранения и оплаты труда медицинских работников; усилением внимания к вопросам профилактики заболеваний.

К четвертому направлению можно отнести меры, направленные на развитие междисциплинарного научного сотрудничества по вопросам улучшения здоровья. Назрела настоятельная необходимость в более широком использовании потенциала социологической науки. Изучение зарубежного и отечественного опыта показывает, что при активном участии социологов социальные проблемы здравоохранения находят более продуктивные способы своего решения.

Меры первого направления позволили бы уменьшить экономические и социальные потери, связанные с преждевременной смертностью и старением, снизить нагрузку на лечебные учреждения и направить освободившиеся средства на профилактику. Меры второго способны обеспечить приращение потенциала здоровья и создать «запас прочности», который позволил бы белорусскому обществу осуществить все стоящие перед ним задачи. Меры третьего направления способствуют гармонизации социальных отношений в системе «медицина–общество». Меры четвертого направления позволят найти инновационные решения актуальных проблем в сфере здравоохранения за счет синергии знания и опыта различных наук.

Литература

1. Шавель, С. А. Императивы развития социальной сферы / С. А. Шавель // Социология. – 2015. – № 2. – С. 38–48.
2. Chan, M. The rising importance of family medicine [Electronic resource] / M. Chan. – June 2013. – Mode of access: http://www.who.int/dg/speeches/2013/family_medicine_20130626/en/. – Date of access: 25.05.2015.
3. Доброхлеб, В. Г. Ресурсный потенциал пожилого населения России / В. Г. Доброхлеб // Социол. исслед. – 2008. – № 8. – С. 55–61.
4. Фромм, Э. Здоровое общество / Э. Фромм. – М. : АСТ : Транзиткнига, 2005. – 571, [5] с.
5. Римашевская, Н. М. Социальные последствия экономических трансформаций в России / Н. М. Римашевская // Социол. исслед. – 1997. – № 6. – С. 55–65.

6. *Шухатович, В. Р.* Профессиональное призвание: к вопросу о неэкономических факторах экономического роста / В. Р. Шухатович // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз.* – Вологда : ИСЭРТ РАН, 2014. – № 5 (35). – С. 188–192.

V. R. SHUKHATOVICH

HEALTH CARE IS THE PRIORITY OF THE BELARUSIAN SOCIETY DEVELOPMENT

Summary

The article describes the features of contemporary health care policy. Based on the results of empirical studies the attitude of the Belarusian population to the health care system and future directions of its development are characterized.

Keywords: health care, contemporary health care policy, the attitude of the population to the health care system, perspective areas of health care.

Поступила 22.10.2015 г.

УДК 316.624

Н. А. БАРАНОВСКИЙ,

доктор социологических наук, Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

С. И. ОСИПЧИК,

кандидат медицинских наук, Республиканский научно-практический центр психического здоровья Министерства здравоохранения Республики Беларусь, г. Минск

Е. В. ПИЛИПЕНКО,

Белорусский государственный экономический университет, г. Минск

ПРОБЛЕМА ПЬЯНСТВА И АЛКОГОЛИЗМА В СОЦИОЛОГИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ

Представлен анализ особенностей распространенности, закономерностей генезиса и детерминации, а также масштабов негативных социальных последствий пьянства и алкоголизма в современном белорусском обществе. Выявлены модели потребления спиртных напитков среди различных социально-демографических групп, а также мотивы и причины употребления алкоголя.

Ключевые слова: пьянство, алкоголизм, распространенность и причины употребления спиртных напитков, антиалкогольная политика.

Белорусское общество на современном историческом этапе развития находится в состоянии системной трансформации и является обществом переходного типа, в котором эволюционным путем формируется новая система экономических, политических, социальных и культурных отношений и жизнедеятельности социальных субъектов. Процесс социальной трансформации страны развивается медленно, неравномерно и противоречиво, порождая как позитивные изменения, так и негативные социальные последствия. Одним из таких негативных социальных последствий является сохраняющийся высокий уровень потребления спиртных напитков, пьянства, алкоголизма и других социальных девиаций, которые препятствуют устойчивому развитию современного белорусского общества. В связи с этим большую актуальность и социальную значимость имеет научный социологический анализ особенностей распространенности, закономерностей генезиса и детерминации, а также масштабов негативных социальных последствий пьянства и алкоголизма в современном белорусском обществе. Данная социологическая информация послужит основой для разработки теоретико-концептуальных основ эффективной антиалкогольной политики и комплекса социально-практических мер по предупреждению и противодействию пьянству и алкоголизму.

Анализ статистических данных о производстве и потреблении алкогольных напитков в Беларуси за период с 2000 по 2014 г. показывает наличие негативной тенденции значительного роста и сохраняющейся чрезвычайно неблагоприятной современной алкогольной ситуации. За эти годы производство алкогольных напитков в стране увеличилось почти в два раза (с 10,8 млн дал до 19,4 млн дал), а продажа алкоголя населению возросла в 1,2 раза (в абсолютном алкоголе с 8,8 млн дал до 10,5 млн дал). Для сравнения отметим, что в 1990 г. в стране производилось только 5,6 млн дал всех алкогольных напитков, то есть в 3,5 раза меньше, чем в 2013 г. Статистически фиксируемый уровень потребления абсолютного алкоголя на душу населения в 1980 г. составлял 8,5 литра, в 1990 г. – 5,7, в 1995 г. – 6,7, в 2000 г. – 8,8, в 2006 г. – 10,9, в 2007 г. – 12,2, в 2008 г. – 12,5, в 2009 г. – 12,0, в 2010 г. – 12,2, в 2011 г. – 13,3, в 2012 г. – 12,6, в 2013 г. – 11,14, в 2014 г. – 10,47 литра. Таким образом, хотя в 2014 г. по сравнению с 2011–2012 гг. уровень потребления алкоголя снизился на 2,9–2,2 литра, однако продолжает оставаться высоким – 10,5 литра, что почти в два раза превышает показатель 1990 г. Вместе с тем по расчетам белорусских экспертов реальный уровень потребления алкогольных напитков в стране, который учитывает также объем нелегального алкоголя, составляет 16–17 литров абсолютного алкоголя на душу населения. Таким образом, показатель реального уровня потребления алкоголя в стране в два раза превышает европейский 8-литровый уровень, который Всемирной организацией здравоохранения определен как критический для демографического, экономического и культурного развития страны. По оценкам ВОЗ, Беларусь занимает десятое место в мире по уровню потребления алкоголя на душу населения. Негативной особенностью является преобладание в структуре потребления алкоголя крепленых вин, водки и других крепких спиртных напитков (так называемой «водочной» модели потребления алкоголя), которые, по мнению экспертов-медиков, являются наиболее вредными для физического и социально-нравственного здоровья населения (удельный вес потребления крепких алкогольных напитков более чем в два раза превышает 15%-ный оптимальный стандарт, установленный экспертами ВОЗ). Следствием высокого уровня алкоголизации населения является большая распространенность заболеваний алкоголизмом (по статистическим данным за 2013 г. – 174 076 человек, из них на профилактическом учете в связи с употреблением алкоголя состоит 86 702 человека, в том числе 39 011 женщин и 15 705 несовершеннолетних). В 2013 г. от причин, связанных с алкоголем, умер 1091 человек. Пьянство и алкоголизм тесно взаимосвязаны с преступностью и другими правонарушениями. По данным уголовной и административной статистики, в 2013 г. в состоянии алкогольного опьянения было совершено 19 869 преступлений, то есть каждое пятое зарегистрированное преступление, в том числе более 80 % умышленных убийств, а также 24 019 административных правонарушений в сфере семейно-бытовых отношений (73,4 % от общего количества всех семейно-бытовых правонарушений). За распитие алкогольных напитков в об-

пешественных местах в 2013 г. привлечено к ответственности 114 815 человек (из них на рабочем месте 9398 человек). По расчетам белорусских экспертов, уровень финансовых затрат, связанных с пьянством и алкоголизмом, составляет 5,6 % от ВВП, а доход, полученный за счет реализации алкогольной продукции, – только 2,8 % от ВВП. Такая статистика убедительно свидетельствует об экономической и социальной нецелесообразности большого производства и реализации алкогольных напитков для белорусского общества. В связи с этим можно полагать, что страна в настоящее время реально приблизилась к критическому порогу, за которым неизбежны порождаемые пьянством и алкоголизмом кризисные демографические, социально-экономические и культурные негативные последствия.

Общую панораму алкогольной ситуации в стране дают не только данные социальной, медицинской и правовой статистики, но и результаты социологических исследований, проведенных Институтом социологии НАН Беларуси и Республиканским научно-практическим центром психического здоровья Министерства здравоохранения Республики Беларусь. По данным социологических опросов, потребление алкогольных напитков в стране имеет устойчивый и массовый характер. Оно распространено среди всех социально-демографических групп населения и во всех регионах страны. Результаты социологического опроса, проведенного в декабре 2013 г. Республиканским научно-практическим центром психического здоровья, показывают, что абсолютное большинство взрослого населения употребляют алкоголь – 89,4 %, и только 10,6 % данной категории не употребляют алкогольные напитки. В наибольшей степени употребление алкоголя распространено среди мужчин (94,5 %, среди женщин – 86,0 %), а также среди 25–59-летних (91,3–95,6 %), среди безработных (100 %), рабочих (94,8 %), ИТР (94,2 %), предпринимателей (92,6 %), работников сферы обслуживания и торговли (91,0 %), работников творческой профессии (88,9 %), пенсионеров (88,5 %), работников сельского хозяйства (87,2 %) и госслужащих (86,7 %). Несколько выделяются по распространенности потребления алкоголя лица с неполным средним и начальным образованием (92,8 %), а также средним и специальным образованием (89,9 %). Среди городских и сельских жителей употребление алкоголя распространено примерно в равной степени (соответственно 88,8 и 92,3 %). В региональном плане наиболее высокий уровень потребления алкоголя имеет место в Гомельской (96,0 %), Брестской (92,9 %) и Витебской областях (92,3 %, для сравнения: в г. Минске – 83,7 %, Гродненской области – 85,4 %, Могилевской области – 87,8 %, Минской области – 88,4 %).

По результатам опроса *совсем не употребляют алкоголь и ведут трезвый образ жизни в наибольшей степени следующие социально-демографические группы населения*: женщины – 14,0 %, мужчины – в два раза реже – 6,5 %, молодежь от 18 до 24 лет – 19,0 %, 50–54 летние – 15,0 % и 60 лет и старше – 11,1 %, а также лица с высшим и средним специальным образованием (соответственно 14,2 и 10,1 %), студенты, учащиеся, домохозяйки и работники

правоохранительных органов (соответственно 28,7, 27,5 и 25,0 %), городские жители – 11,2 % и лица, проживающие в г. Минске – 16,3 % и Гродненской области – 14,6 %.

На характер и динамику процесса алкоголизации, а также негативные социальные и личностные последствия потребления алкоголя населением значительное влияние оказывают *вид и качество употребляемых алкогольных напитков*. По данным социологического опроса, структура потребления алкоголя среди взрослого населения в зависимости от вида и качества алкогольных напитков является достаточно однородной: слабоалкогольные напитки (пиво, джин-тоник и т. п.) – 49,5 %; напитки средней крепости (сухое вино, шампанское и т. п.) – 47,9 %; крепкие алкогольные напитки (коньяк, водка, самогон и т. п.) – 59,2 % (суммарное количество превышает 100 %, так как респонденты могли отмечать сразу несколько вариантов ответа).

В процессе исследования выявлено, что крепкие спиртные напитки, то есть так называемая «водочная» модель потребления алкоголя (при среднем показателе 59,2 %), в наибольшей степени предпочитают употреблять следующие социально-демографические группы населения: мужчины – 75,7 % (женщины – 39,1 %), лица возрастной группы 55–59 лет – 71,2 %, 40–49 лет – 63,0 % и 30–39 лет – 62,6 %, лица с неполным средним и начальным образованием – 71,3 %, работники сельского хозяйства – 86,4 %, безработные – 71,0 %, предприниматели – 66,1 %, рабочие – 65,2 %, сельские жители – 73,3 % и средних городов – 57,6 %, а также жители Брестской (74,1 %), Гродненской (64,6 %), Минской (60,3 %) и Могилевской (60,4 %) областей.

Алкогольным напиткам средней крепости (вино, шампанское и т. п.), то есть так называемой «винной» модели потребления алкоголя (при среднем показателе 47,9 %), отдают предпочтение следующие социально-демографические группы населения: женщины – 63,8 % (мужчины в два раза меньше – 34,7 %), лица возрастной группы 60 лет и старше – 51,0 %, 30–39 лет – 49,5 %, 40–49 лет – 47,6 %, 25–29 лет – 47,2 %; лица с неполным средним и начальным образованием – 62,4 %, работники сферы обслуживания и торговли – 61,0 %, работники творческих профессий – 57,0 % и пенсионеры – 53,3 %, сельские жители – 56,3 % и областных центров – 53,9 %, а также жители Витебской (63,1 %), Могилевской (59,5 %) и Гомельской (57,6 %) областей.

Результаты исследования свидетельствуют, что среди взрослого населения страны имеет место смешанная «водочно-винно-пивная» модель потребления алкоголя. Если исходить из той «идеальной для здоровья нации» структуры потребления алкогольных напитков, которая рассчитана экспертами ВОЗ (50 % – пиво, 35 % – вино и 15 % – крепкие напитки), то следует заключить, что общую алкогольную ситуацию в стране нельзя признать оптимальной. В структуре потребления алкогольных напитков чрезмерно высоким является уровень потребления крепких спиртных напитков, что свидетельствует о необходимости принятия мер по ее изменению в плане сокращения потребления водки и других крепких спиртных напитков и увеличения удельного веса потребления пива и сухого вина.

Важным показателем уровня распространенности и культуры потребления алкоголя среди взрослого населения является *временная регулярность употребления алкогольных напитков*. Результаты опроса показывают, что алкогольные напитки употребляются преимущественно эпизодически (от случая к случаю) – один раз в месяц или реже (45,8 %) или регулярно – достаточно часто – два-четыре раза в месяц (31,5 %). Систематическое употребление алкогольных напитков (два-три раза в неделю или еще чаще) зафиксировано среди 12,2 % (из них среди 9,9 % – 2–3 раза в неделю, а среди 2,3 % – 4 и более раз в неделю, то есть практически ежедневно). Таким образом, среди взрослого населения в целом преобладает эпизодическое употребление алкогольных напитков различной крепости (45,8 %), однако достаточно тревожно представлено регулярное (31,4 %) и систематическое употребление алкоголя (12,2 %, а среди 2,3 % – практически ежедневно).

Эпизодическое употребление алкоголя (один раз в месяц или реже) выше среднего уровня (45,8 %) в наибольшей степени распространено: среди женщин – 53,3 % (среди мужчин почти в два раза реже – 36,7 %), лиц в возрасте 60 лет и более – 53,9 % (для сравнения: среди 55–59-летних – 37,0 %, 30–39-летних – 40,4 %, 18–24-летних – 44,0 %), среди лиц с высшим и средним специальным образованием – соответственно 49,4 и 46,3 %, среди лиц с неполным средним и начальным образованием – 35,5 %, среди работников творческих профессий – 58,5 % и пенсионеров – 54,1 % (для сравнения: среди работников сельского хозяйства – 26,7 %, безработных – 30,6 %, рабочих – 37,5 %), среди жителей малых городов и областных центров – 52,0 и 50,6 % (для сравнения: среди жителей г. Минска – 37,8 %, сельских жителей – 43,6 %), а также среди жителей Гомельской, Гродненской и Витебской областей (58,0, 56,1 и 54,4 %).

Регулярное употребление алкоголя (два-четыре раза в месяц) выше среднего уровня (31,5 %) в наибольшей степени распространено: среди мужчин – 38,6 % (среди женщин – 25,4 %), лиц в возрасте 55–59 лет – 44,6 %, 30–39 лет – 38,7 %, 40–49 лет – 34,4 % (для сравнения среди 60-летних и старше – 23,6 %, 18–24-летних – 26,4 %), среди лиц с неполным средним и начальным образованием – 34,9 % (для сравнения: с высшим образованием – 30,3 %, средним специальным образованием – 31,3 %), среди рабочих – 40,1 %, ИТР – 39,7 %, работников сельского хозяйства – 39,5 %, работников сферы обслуживания и торговли – 36,5 %, среди жителей областных центров и села (36,7 и 34,5 %; для сравнения: среди жителей малых городов – 27,1 %, г. Минска – 29,3 %), а также среди жителей Минской, Брестской и Витебской областей (39,7, 39,3 и 32,3 %).

Систематическое употребление алкоголя (два-три раза в неделю или чаще) выше среднего уровня (12,2 %) в наибольшей степени распространено: среди мужчин – 18,1 % (среди женщин в два с половиной раза реже – 7,1 %), лиц в возрасте 40–49 лет – 14,4 %, 25–29 лет – 12,7 %, 30–39 лет – 12,0 % (среди 60-летних и старше – 11,4 %, 18–24-летних – 10,7 %), среди лиц с неполным средним и начальным образованием – 22,4 % (для сравнения: с высшим обра-

зованием – 6,0 %, средним специальным образованием – 12,3 %), среди безработных – 55,6 %, работников сельского хозяйства – 20,9 %, рабочих – 17,1 %, госслужащих – 16,0 %, среди сельских жителей – 14,1 % и средних городов – 13,9 %, а также среди жителей Брестской области, г. Минска и Минской области (17,4, 16,6 и 14,8 %).

Практически ежедневно (четыре и более раз в неделю) употребление алкоголя выше среднего уровня (2,3 %) в наибольшей степени распространено: среди мужчин – 4,2 % (среди женщин в семь раз реже – 0,6 %), лиц в возрасте 40–49 лет – 3,7 %, 60-летних и старше – 13,1 % и 50–54-летних – 3,0 %, среди лиц со средним и средним специальным образованием – 2,5 %, среди безработных – 16,7 %, госслужащих – 4,0 %, предпринимателей – 3,2 % и рабочих – 3,0 %, среди жителей средних городов – 4,9 % и села – 2,3 %, а также среди жителей г. Минска – 3,2 %, Могилевской (2,8 %), Минской и Брестской областей (по 2,7 %) и Гродненской области (2,4 %).

На процесс алкоголизации населения влияние оказывает не только регулярность употребления алкоголя, но также *количество разового употребления спиртных напитков*. По данным социологического опроса, обычное разовое употребление алкогольных напитков составляет 50–100 мл (г) – 32,5 % или 150–200 мл (г) – 33,4 %. Вместе с тем 15,9 % взрослого населения в повседневной жизни обычно за одно застолье употребляют от 250 до 300 мл (г), а еще 9,6 % – от 350 до 500 мл (г), и еще 4,4 % – более 500 мл (г), то есть свыше 250 мл (г) алкоголя за одно застолье употребляют 29,9 % респондентов.

Таким образом, можно сделать вывод, что если по показателю регулярности употребления алкогольных напитков каждому восьмому (12,2 %) взрослому жителю страны присуще злоупотребление алкогольными напитками (бытовое пьянство), то по показателю количества разового употребления алкоголя – почти каждому третьему (29,9 %). Если средневзвешенно учитывать эти два показателя, то фактически бытовое пьянство распространено среди 21 % взрослого населения (каждого пятого). Результаты проведенного социологического исследования соответствуют данным, полученным Институтом социологии НАН Беларуси в предыдущие годы. В частности, по данным опроса 2005 г. распространенность бытового пьянства была зафиксирована среди 20 % взрослого населения страны, по данным опроса 2007 г. – среди 19 %, а по данным опроса 2010 г. – 15 %. Выявленный в процессе настоящего исследования (2013 г.) уровень распространенности бытового пьянства в размере 21 % свидетельствует, что наметившаяся после 2007 г. тенденция некоторого снижения распространенности бытового пьянства сменилась его ростом, что чрезвычайно тревожно и требует принятия неотложных мер по стабилизации алкогольной ситуации в стране. Наиболее высокий уровень бытового пьянства, по данным социологического опроса, выявлен среди мужчин, лиц среднего возраста и молодежи 25–29 лет, среди безработных, рабочих, работников сельского хозяйства, лиц с неполным и начальным образованием, жителей села и средних городов, а также проживающих в Брестской области,

г. Минске, Минской, Могилевской и Гомельской областях. Вышеперечисленные социально-демографические группы взрослого населения можно отнести к группам риска алкоголизма, в отношении которых необходимо принятие первоочередных мер профилактического характера в рамках государственной антиалкогольной политики.

Социологический опрос показал, что из-за чрезмерного употребления алкогольных напитков у *31,1 %* взрослого населения в течение последнего года имели место случаи нарушения привычного режима жизни (в том числе у *20,1 %* – реже, чем один раз в месяц, у *8,0 %* – 1–2 раза в месяц, у *1,8 %* – 1–2 раза в неделю, а у *1,2 %* – практически каждый день). Симптомом алкогольного похмелья страдают *30,8 %* опрошенного взрослого населения (в том числе *16,9 %* – реже, чем один раз в месяц, *9,6 %* – 1–2 раза в месяц, *2,6 %* – 1–2 раза в неделю, а *1,7 %* – практически каждый день). В течение последнего года у *26,9 %* опрошенного взрослого населения на почве употребления алкоголя возникали ситуации, когда они испытывали чувство вины и угрызения совести после выпивки (в том числе у *19,7 %* – реже, чем один раз в месяц, у *4,9 %* – 1–2 раза в месяц, у *1,0 %* – 1–2 раза в неделю, а у *1,3 %* – практически каждый день).

Таким образом, если использовать средневзвешенно в комплексе всю совокупность вышеперечисленных медицинских диагностических показателей алкоголизма как болезни (алкогольный запой, нарушение привычного режима жизни, алкогольное похмелье, провалы памяти, чувство вины), а также учитывать степень регулярности их проявления в течение последнего года, то *27,7 %* взрослого населения страны может быть отнесена к группе лиц, predisposed к алкоголизму (в том числе к алкоголизму в легкой степени – *17,6 %*, в средней степени – *7,0 %*, к хроническому алкоголизму – *3,1 %*). В наибольшей степени патологические проявления алкоголизма распространены среди следующих социально-демографических групп взрослого населения: мужчин (среди женщин примерно в два раза реже), лиц в возрасте 30–39 лет и 50–54 года, лиц с неполным средним и начальным образованием, безработных работников сельского хозяйства и рабочих, а также жителей села и средних городов, жителей Брестской и Минской областей и г. Минска.

Помимо самооценок, высказанных респондентами в процессе социологического опроса, дополнительным показателем фактического уровня распространенности потребления алкогольных напитков, бытового пьянства и алкоголизма является социологическая информация о распространенности потребления алкоголя в их ближайшем социальном окружении. По данным социологического опроса, среди близких друзей и родственников респондентов употребление алкоголя распространено повсеместно – на это указало *96,2 %* опрошенных (в том числе *72,6 %* употребляют алкогольные напитки эпизодически и в меру, а *23,6 %* злоупотребляют алкоголем). Выше среднего уровня (*23,6 %*) в наибольшей степени злоупотребление алкогольными напитками в ближайшем социальном окружении респондентов распространено

среди следующих социально-демографических групп: среди женщин – 26,7 % (мужчин – 19,9 %), лиц в возрасте 50–54 лет – 27,8 %, 30–39 лет – 26,8 % и старше 60 лет – 25,9 %, лиц со средним и среднеспециальным, а также неполным средним и начальным образованием (соответственно 25,2 и 24,8 %), безработных – 42,9 %, домохозяйек – 35,0 %, работников сферы обслуживания и торговли – 29,3 %, предпринимателей – 28,7 %, пенсионеров – 26,1 %, работников сельского хозяйства – 23,5 %, жителей средних городов – 27,5 % и жителей села – 25,9 %, а также жителей Могилевской (33,5 %), Брестской (31,9 %) и Витебской (25,4 %) областей.

Социально-практический и научный интерес представляют социологические данные о поводах и мотивах употребления алкогольных напитков в повседневной жизни со стороны близких знакомых и родственников опрошенного взрослого населения. Значимость этой социологической информации состоит в том, что эти сведения косвенно можно экстраполировать на самих респондентов (при этом психологи полагают, что обычно человек склонен более откровенно и достоверно высказываться о других, чем о самом себе). Структура и иерархия конкретных мотивов употребления алкогольных напитков близкими знакомыми и родственниками респондентов следующая: застольные традиции и обычаи отмечать семейные и другие праздники и торжества – 56,6 %; для общения и развлечения – 40,9 %; снять усталость и расслабиться – 35,8 %; за компанию – 34,9 %; для поднятия настроения – 34,7 %; чтобы отвлечься от проблем – 27,0 %; просто так, без существенных причин – 9,7 %.

Важным социальным фактором распространенности и устойчивости питетных традиций и обычаев, а также массового употребления алкогольных напитков является *семейная нравственно-психологическая атмосфера и употребление алкоголя обоими или одним из родителей, особенно в период детства и юношества*. Опрос показал, что каждый четвертый респондент воспитывался в неполной семье (22,3 %), еще 1,9 % респондентов воспитывались в детдоме, интернате. По данным социологического опроса, только у 9 % респондентов родители придерживались здорового образа жизни, исключая употребление алкоголя. У абсолютного большинства опрошенного взрослого населения (91,0 %) родители употребляли алкогольные напитки (из них 77,8 % – очень редко и в меру, а 10,0 % – злоупотребляли алкоголем).

Международная социальная практика и результаты многочисленных социологических исследований свидетельствуют, что на уровень распространенности потребления алкоголя существенное влияние оказывают объем производства и реализации алкогольных напитков, а также фактор их доступности для населения. В ходе исследования выяснялся *вопрос о степени доступности приобретения алкогольных напитков*. Установлено, что торговые объекты продажи алкоголя у абсолютного большинства респондентов располагаются совсем недалеко от их места жительства (76,9 %, из них у 35,4 % – совсем рядом в соседнем доме, а у 41,5 % – недалеко, идти 10–15 минут

пешком), а еще у 16,2 % – в 20–30 минутах ходьбы от дома. Все это наглядно свидетельствует о чрезмерно высоком уровне доступности торговых мест возможного приобретения спиртных напитков в стране. В наибольшей степени близость торговых точек по реализации алкогольными напитками имеет место в средних городах (90,6 %) и областных центрах (82,6 %), а также в Витебской (82,6 %), Гомельской (82,4 %) областях и в г. Минске (80,0 %).

По данным опроса большинства взрослого населения, стоимость алкогольных напитков совсем или крайне незначительно влияет на приобретение ими алкоголя (у 18,1 % – совсем не влияет, а еще у 37,4 % – иногда влияет). При этом только каждый девятый респондент (11,1 %) ориентируется на приобретение только дорогостоящих алкогольных напитков, а каждый пятый (22,3 %) – исключительно на приобретение недорогих спиртных напитков. Среди тех, кто приобретает дешевые алкогольные напитки, преобладают мужчины (24,1 %, среди женщин – 20,2 %), лица в возрасте 50 лет и старше (30,3–32,2 %), лица с неполным средним и начальным образованием (57,7 %), безработные (58,1 %), работники сельского хозяйства (43,9 %) и пенсионеры (33,0 %), жители села (32,8 %) и средних городов (21,3 %), а также жители Брестской (29,7 %), Гродненской (27,1 %), Минской (25,2 %) и Витебской (23,5 %) областей.

Изучение причин и условий, детерминирующих потребление алкогольных напитков населением страны, проведенное в декабре 2013 г., показывает, что *основные причины употребления алкогольных напитков имеют социально-культурный и социально-психологический характер*: культурные застольные традиции и обычаи, социальные поведенческие стереотипы на их соблюдение в повседневной жизни – 56,6 %; конформизм при общении в малых социальных группах («за компанию») – 34,9 %; для общения и развлечения – 40,9 %. *Большое значение имеют психологические причины*: снять усталость и расслабиться – 35,8 %; поднять настроение – 34,7 %; отвлечься от жизненных проблем – 27,0 %. *И наконец, личностные причины, связанные с бездельем, неорганизованностью и неумением проводить свободное время*: просто так, без существенных причин – 9,7 %.

Социологический опрос, проведенный в 2012 г. Институтом социологии НАН Беларуси, показал, что, по мнению населения, на высокий уровень распространенности пьянства и алкоголизма в современной Беларуси *основное влияние оказывают следующие факторы*: низкий уровень жизни населения (43,5 %), отсутствие интересных занятий в свободное время (38,3 %), неправильное воспитание в семье (37,5 %), тяготы повседневной жизни (36,4 %), «питейные» традиции и обычаи (34,8 %), доступность приобретения спиртных напитков (34,3 %), большой объем производства и продажи спиртных напитков (25,7 %), семейные ссоры и конфликты (26,3 %), широкая реклама спиртных напитков на телевидении и в других СМИ (22,2 %), недостаточное антиалкогольное просвещение и воспитание (19,9 %), низкие цены на спиртные напитки (19,1 %), неэффективная антиалкогольная политика государства (17,6 %).

Таким образом, можно сделать вывод, что *основные причины пьянства и алкоголизма в стране лежат в сфере экономических и социальных отношений, а также связаны с уровнем и особенностями общественной, социально-групповой и индивидуальной культуры, психологии и образа жизни населения.*

Проведенные социологические исследования показывают, что в общественном сознании положительное отношение к употреблению алкоголя и высокий уровень бытового пьянства сочетается с пониманием личностной и общественной вредности негативных социальных и других последствий злоупотребления спиртными напитками. По мнению респондентов, социальные издержки бытового пьянства проявляются в возникновении проблем со здоровьем (40,4 %), в конфликтах в семье (19,5 %), в финансовых трудностях (15,2 %). Следует также отметить, что в общественном сознании присутствует и понимание вредности для здоровья не только пьянства и алкоголизма, но также и употребления спиртных напитков вообще (это мнение разделяет 45,3 % опрошенных в 2010 г. респондентов, из них 21,7 % полагает, что любое употребление спиртных напитков причиняет вред здоровью человека). Все это свидетельствует, что для прекращения злоупотребления спиртными напитками человеку недостаточно одного знания социальной и личностной вредности такого поведения. Необходима и другая профилактическая работа, как психологического, так и социального и культурного характера, направленная на повышение качества и культуры образа жизни людей.

На основе научного анализа данных статистики и результатов социологических исследований можно сделать следующие научно-практические выводы.

Во-первых, существующие в настоящее время чрезвычайно высокий уровень и негативная динамика алкоголизации населения создают реальные угрозы и риски глубоких кризисных процессов в демографическом, экономическом, социальном и культурном развитии страны.

Во-вторых, в современном белорусском обществе имеет место социальное противоречие между общественными потребностями в устойчивом демографическом, экономическом, социальном и культурном развитии и высоким уровнем потребления спиртных напитков, пьянства и алкоголизма, которые крайне негативно влияют на экономику, демографию, правопорядок, физическое и нравственное здоровье и образ жизни населения, препятствуют совершенствованию социума.

В-третьих, пятнадцатилетний период реализации двух Концепций антиалкогольной государственной политики, утвержденных Советом Министров Республики Беларусь в 2000 и 2010 гг., и принятых на их основе трех Государственных программ национальных действий по предупреждению и преодолению пьянства и алкоголизма, свидетельствует о низкой социальной эффективности государственной антиалкогольной политики. По мнению экспертов – практических работников здравоохранения, образования и правоохранительных органов, низкая эффективность антиалкогольной государственной политики обусловлена комплексом объективных и субъективных

причин: отсутствием в стране в полном объеме экономических, социальных и культурных условий для решения проблемы пьянства и алкоголизма (43 %); нежеланием большинства населения расставаться с «питейными» привычками и традициями (41 %); объективной невозможностью решить проблему злоупотребления спиртными напитками в краткосрочной исторической перспективе (37 %); недостаточным осознанием государственными структурами и общественностью социальной важности борьбы с пьянством (27 %); отсутствием комплексного подхода в практической реализации антиалкогольной политики (26 %); выбором и реализацией недостаточно эффективной стратегии и тактики антиалкогольной политики (23 %).

В-четвертых, научный анализ социальной практики предупреждения и борьбы с пьянством и алкоголизмом в различных странах мира, а также изучение проекта Глобальной стратегии сокращения вредного употребления алкоголя, разработанного Всемирной организацией здравоохранения в 2009 г., показывает, что наиболее эффективной государственной антиалкогольной политикой является стратегия социального предупреждения и снижения уровня потребления спиртных напитков, противодействия пьянству и алкоголизму, формирования здорового образа жизни, которая в полной мере учитывает социальную природу и сущность данных форм социальных девиаций, а также закономерности их генезиса и детерминации.

В-пятых, в настоящее время необходимо принципиально изменить теоретико-концептуальную парадигму современной государственной антиалкогольной политики – перейти от стратегии запретов, наказания и просветительства к стратегии комплексного социального предупреждения и снижения потребления спиртных напитков, противодействия пьянству и алкоголизму, формирования здорового образа жизни. Речь идет о стратегии, в которой главное место будут занимать меры по замещению и вытеснению пьянства и алкоголизма другой социально позитивной трудовой, семейно-бытовой и досуговой деятельностью. Это возможно сделать как путем создания благоприятных экономических, социальных и культурных условий и стимулирования социально позитивного и здорового образа жизни, так и через социальное и культурное развитие населения. Вместе с тем не следует исключать использование мер по поддержанию социально-правового порядка, ответственности и наказания, а также лечения и реабилитации лиц, страдающих алкоголизмом.

В-шестых, изучение причин и условий, детерминирующих потребление алкогольных напитков населением, показывает, что проблема пьянства и алкоголизма имеет комплексный экономический, социальный, культурный, правовой и медицинский характер. Социальные программы и технологии антиалкогольной профилактической работы должны носить не только системный и постоянно действующий характер, но также быть предметно-содержательными и дифференцированными с учетом как возрастных, гендерных, геокультурных, микросоциальных, духовно-нравственных, психологических

и других особенностей, так и моделей и типов культуры потребления алкоголя. Комплекс экономических, организационно-управленческих, социальных, правовых, культурных, медицинских и других мер по предупреждению и противодействию пьянству и алкоголизму должен включать две группы социально-практических мероприятий. Во-первых, меры «негативной профилактики» – выявление, нейтрализация и устранение причин и условий, детерминирующих злоупотребление алкоголем: оптимизация объема и структуры производства и реализации алкогольных напитков, торговой и ценовой политики с целью снижения уровня общего потребления алкоголя населением; уменьшение доступа к приобретению и потреблению спиртных напитков; запрет на продажу крепких спиртных напитков молодежи до 21 года; полный запрет рекламы спиртных напитков, включая пиво, во всех СМИ и общественных местах; создание эффективной системы профилактического учета и контроля поведения лиц, злоупотребляющих спиртными напитками; активизация борьбы с незаконным оборотом алкоголя; эффективная ранняя профилактика приобщения молодежи к употреблению алкоголя; создание общедоступной сети медицинской и реабилитационной помощи лицам, злоупотребляющим алкоголем; развитие системы антиалкогольного и нравственно-правового просвещения и воспитания; и др. Во-вторых, меры «позитивной профилактики» – создание социальных условий и формирование ценностных ориентаций на здоровый образ жизни, исключающий употребление алкоголя: обеспечение трудовой занятости; укрепление семьи; повышение духовной культуры; создание условий для развития массовой физической культуры, спорта, туризма, художественного творчества и других форм культурного досуга; популяризация и внедрение традиций здорового образа жизни; и др.

N. A. BARANOVSKI, S. I. OSIPCHIK, E. V. PYLYPENKO

PROBLEM OF DRINKING AND ALCOHOLISM IN THE SOCIOLOGICAL DIMENSION

Summary

The analysis of characteristics of prevalence, patterns of genesis and determination, as well as the extent of the negative social consequences of alcohol abuse and alcoholism in the modern Belarusian society are presented. The structure of alcohol consumption among various socio-demographic groups, as well as the motives, the number, frequency and factors influencing the consumption of alcoholic beverages are identified and examined.

Keywords: alcohol drinking, alcoholism, prevalence and reasons for drinking, non-alcohol policy.

Поступила 28.10.2015 г.

О. Н. ОБРАЖЕЙ,

Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

СОЦИАЛЬНАЯ ИНФРАСТРУКТУРА ДЕТСТВА КАК ЗНАЧИМОЕ НАПРАВЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В ОБЛАСТИ ОХРАНЫ ЗДОРОВЬЯ ДЕТЕЙ

В статье обоснована актуальность проблемы здоровья детей и значимости развития социальной инфраструктуры детства, направленной на сохранение здоровья детского населения. На основе статистических и эмпирических данных проведен анализ состояния социальной инфраструктуры детства, оценка ее потенциала и перспективных направлений развития.

Ключевые слова: человеческий потенциал, здоровье, дети, здоровье детей, социальная инфраструктура детства.

Основным источником экономического роста, одним из базовых индикаторов развития инновационной экономики в современных условиях являются нематериальные активы, важнейшим компонентом которых выступает человеческий потенциал. Именно от его состояния зависит использование всех других ресурсов развития. Человеческий потенциал является качественной характеристикой населения. Идею качества человеческого потенциала как главной характеристики состояния народа сформулировал П. А. Сорокин: «Судьба любого общества зависит, прежде всего, от свойств его членов... Внимательное изучение явлений расцвета и гибели целых народов показывает, что одной из основных причин их было именно резкое качественное изменение состава населения в ту или другую сторону» [1]. По мнению Н. М. Римашевской, «любая потеря людских ресурсов, как в количественном, так и в качественном отношении, дестабилизирует и ослабляет страну, может стать угрозой национальной безопасности» [2].

Человеческий потенциал включает следующие основные компоненты: врожденные способности, приобретенные ресурсы (знания), трудовые навыки, культурно-нравственные ценности, здоровье (психическое, физическое, социальное).

Важнейшей характеристикой качества населения является его здоровье, так как от него зависит «не только физическая дееспособность граждан страны, но и характер процессов демографического воспроизводства и само существование населения» [2]. В понимании современного общества здоровье имеет важное функциональное значение, от которого зависит благополучие страны. Здоровье становится все более востребованным как ресурс общест-

ва, как способность человека адаптироваться к изменяющимся социальным условиям, выдерживать постоянно возрастающие нагрузки на человеческий организм.

Современное состояние развития общества выдвинуло в ряду наиболее острых проблему здоровья детей. Обращение к проблеме сохранения здоровья человека на этапе детства связано, прежде всего, с тем, что основы здоровья человека формируются именно в детстве. По мнению Е. Б. Бреевой, «качественные характеристики детского населения определяют будущее благополучие, уровень экономического, духовного и культурного развития общества» [3].

Дети являются одной из значимых социально-демографических групп любого общества. В широком смысле дети выполняют функции демографического, социального, культурного воспроизводства и обновления общества, в узком – функции развития и саморазвития личности взрослого человека, удовлетворения его самых разнообразных потребностей. С точки зрения экономического подхода, дети – это человеческий капитал общества, они определяют перспективы общественного воспроизводства, его масштабы, темпы роста и качества.

Детство обладает наивысшим потенциалом развития человека, является стартовым этапом для всей его последующей жизни. Качества, которые приобретает человек в период детства, оказываются самыми прочными и сохраняются в течение всей жизни человека.

Здоровье детей относится к числу важнейших показателей, характеризующих экономическое, социальное и нравственное благополучие общества. «Состояние здоровья детей жестко программирует будущее страны на ближайшие 30–50 лет», – отмечает Е. Б. Бреева [3]. В настоящее время проблема потери здоровья человека на этапе детства является актуальной для многих стран мира, в том числе для Беларуси. Ухудшение здоровья человека на данном этапе нельзя рассматривать как функциональное явление, и оно может и должно быть искоренено. Социальные и экономические последствия потери здоровья детей очевидны: это угроза безопасности страны, экономические потери от качества здоровья трудовых ресурсов, нагрузка на здравоохранение, слабый репродуктивный потенциал населения и т. д.

В сложившихся условиях проблема качества будущих поколений требует пристального внимания. Необходимым является проведение серьезного научного анализа проблем формирования здоровья детей, выявление социальных ресурсов улучшения здоровья человека на этапе детства.

Методологическую базу исследований проблемы детского здоровья составляют теории, связанные с определением социального статуса детства. Интерпретация и значимость детского здоровья существенно зависят от социального статуса, занимаемого детьми в обществе. Важным для обоснования актуальности проблемы здоровья детей является структурно-функциональный подход. Наиболее значимой считается концепция Дж. Квортруп, в осно-

ве которой лежит объяснение детства как важной части социальной структуры общества, включенной в систему социальных отношений, участвующей в организованных видах деятельности и взаимодействующей со взрослыми. По мнению Дж. Квортруп, дети – не менее активная часть общества. Одним из основных принципов данной концепции является то, что детство и условия жизни детей определяются влиянием тех же факторов, которые создают структуру взрослой жизни. По мнению А. Джеймса и А. Праута, «детство должно расцениваться как часть общества и культуры, а не как нечто, предшествующее им; и что дети должны рассматриваться в качестве социальных деятелей уже в процессе становления» [4].

В рамках данного подхода можно говорить о проблеме детского здоровья как о важном и значимом явлении для общества.

В Республике Беларусь забота о здоровье детей относится к числу национальных приоритетов. В нашей стране, в соответствии с положениями Конвенции ООН о правах ребенка и другими международными договорами, создана и совершенствуется нормативно-правовая база, направленная на обеспечение условий для реализации права каждого ребенка на всестороннее развитие, сохранение здоровья, получение образования и социальную защиту.

Благодаря мерам, направленным на поддержку детства, удалось достичь положительных результатов, однако ряд проблем детского здоровья вызывают беспокойство. Согласно статистическим данным, численность детей в возрасте до 18 лет на начало 2014 г. составила 1760,0 тыс. человек, или 18,6 % от общей численности населения [5]. За последние 14 лет (с 2000 по 2014 г.) удельный вес детей в общей численности населения Беларуси сократился с 23,3 до 18,6 %. По данным переписи населения Республики Беларусь 2009 г., число домохозяйств, имеющих в своем составе детей в возрасте до 18 лет, составило 1250 тыс., или 32 % от общего числа домохозяйств.

В последние годы изменилась структура детских болезней. Причины указанных изменений социально обусловлены. Современная ситуация характеризуется глобальными процессами в социальном устройстве мира. Все эти изменения затрагивают и детей. Возникают новые социальные риски, влияющие на их здоровье. Для современных детей характерен высокий уровень хронической патологии, рост психических расстройств, увеличение числа социально обусловленных и социально значимых заболеваний. В Беларуси за последние годы выросло число детей с избыточным весом: за 10 лет вдвое увеличилось число детей с ожирением [6]. Одной из проблем детского здоровья является достаточно высокий уровень смертности от экзогенных причин.

Важно отметить, что большинство причин ухудшения здоровья детей предотвратимы. В связи с этим государству и другим социальным институтам необходимо предпринимать все возможное для сохранения здоровья человека на этапе детства.

Необходимость научной рефлексии проблемы здоровья детей связана с поиском адекватных методологических оснований исследования данной пробле-

мы; поиском социальных ресурсов улучшения здоровья и определением стратегических направлений социальной политики в интересах детей.

Развитие социальной инфраструктуры детства рассматривается нами как одно из перспективных направлений социальной политики в области охраны здоровья детей и как важный ресурс сохранения здоровья. Приоритетная роль социальной инфраструктуры определяется тем, что она способствует воспроизводству главной ценности общества – человека.

Значимость развития социальной инфраструктуры детства обусловлена теми специфическими особенностями, которые характерны для данного возрастного периода. По мнению С. Н. Майоровой-Щегловой, детство отличается рядом особенностей, среди которых она выделяет следующие: «детство не является саморазвивающейся системой, оно всеми сторонами своего существования и развития включено во все многообразие общественных структур и отношений»; «детство не обладает самостоятельным свойством самостабилизации и самоорганизации, не может без соответствующей коррекции и поддержки приспособиться и адаптироваться к сложившимся и динамично изменяющимся условиям его внешнего окружения. Его существование невозможно без внешних поддерживающих сил, семьи, ряда других социальных институтов» [7].

Данные характеристики детства указывают на то, что не всегда сам ребенок может обеспечить соответствующий способ жизнедеятельности, многое зависит от семьи, государства и других социальных институтов. В этом смысле ребенок пассивен, и от того, как организована его жизнедеятельность, во многом будет зависеть его образ жизни, уровень здоровья. Создание благоприятных и комфортных условий жизнедеятельности ребенка является значимым условием физического, интеллектуального, нравственного и духовного развития человека.

Социальная инфраструктура детства обеспечивает удовлетворение жизненно важных потребностей детей, семей с детьми, охватывая все пространство их жизнедеятельности. Эта инфраструктура является одним из доминирующих факторов повышения качества жизни детей, реализации потенциальных возможностей личности.

Социальная инфраструктура детства представляет собой сложный, многофункциональный комплекс элементов, обеспечивающих общие условия функционирования, развития и воспроизводства социальной сферы; совокупность отраслей и предприятий, устойчивую совокупность вещественных элементов, с которыми взаимодействует социальный субъект и которые создают условия для рациональной организации всех основных видов его жизнедеятельности.

Состояние и уровень развития инфраструктуры детства является одним из основополагающих условий обеспечения достойного уровня жизни детей. Доступность, безопасность и качество условий жизнедеятельности ребенка напрямую отражаются на благополучии и здоровье детей.

Таблица 1. Актуальные проблемы семей, имеющих детей в возрасте до 18 лет, % от числа утвердительно ответивших в каждой из категорий, имеющих детей в возрасте до 18 лет

Актуальны ли для Вашей семьи следующие проблемы?	Есть дети до года	Есть дети от 1 до 6 лет	Есть дети от 6 до 12 лет	Есть дети от 12 до 18 лет
Удаленность детских учреждений (детский сад, школа, поликлиника) от дома	56,7	48,3	39,6	30,9
Дефицит мест/наличие очереди в детских дошкольных учреждениях	62,5	53,4	–	–
Невозможность получить своевременную помощь педиатра	52,7	41,6	34,5	31,2
Отсутствие медицинских специалистов узкого профиля	59,1	61,4	51,8	48,5
Слабая материально-техническая оснащенность детских учреждений	56,2	60,0	54,7	49,4
Недоступность лекарственных средств	41,9	37,8	33,1	27,0
Неудовлетворительные жилищные условия	47,6	42,0	36,5	31,8
Плохое качество питьевой воды	53,3	52,4	50,3	44,7
Ограниченный выбор продуктов питания	42,7	40,0	28,7	26,0
Недостаток материальных средств	60,4	63,3	61,4	58,9
Затруднения в контроле и организации свободного времени на каникулах	–	30,1	30,9	33,8

Современная трансформация общества оказала влияние на все сферы жизнедеятельности человека, в том числе на состояние и развитие социальной инфраструктуры. И возникает вопрос, насколько современное состояние социальной инфраструктуры отвечает потребностям детей.

Социологический анализ состояния социальной инфраструктуры детства позволяет объективно оценивать ситуацию, выявлять проблемные аспекты, разрабатывать научно обоснованные рекомендации. В 2013 г. Институтом социологии НАН Беларуси было проведено социологическое исследование «Инновационное развитие отраслей социальной сферы». Одной из гипотез исследования являлось предположение о том, что существующая социальная инфраструктура не в полной мере отвечает потребностям семей с детьми и не всегда обеспечивает такие условия жизнедеятельности детей, которые способствовали бы их всестороннему развитию. В задачи исследования входило изучение актуальных проблем, с которыми сталкиваются семьи, имеющие детей; изучение доступности объектов социальной инфраструктуры.

Согласно данным, одной из актуальных проблем для многих семей, имеющих детей, является недоступность ряда объектов социальной инфраструктуры (табл. 1). Так, более половины респондентов (56,7 %), имеющих детей в возрасте до года, около половины респондентов (48,3 %), имеющих детей в возрасте 0–6 лет, 39,6 % респондентов, имеющих детей в возрасте 6–12 лет, 30,9 % респондентов, имеющих детей в возрасте 12–18 лет, сталкиваются с проблемой удаленности от дома детских учреждений. О нехватке детских дошкольных учреждений свидетельствуют следующие данные. Дефицит мест

или наличие очереди в детских дошкольных учреждениях отмечают 62,5 % респондентов, имеющих детей в возрасте до года, 53,4 % – имеющие детей до 6 лет¹.

Проблемы отсутствия медицинских специалистов узкого профиля для детей, недостаточной материально-технической оснащенности детских медицинских учреждений актуальны для многих семей, независимо от возраста ребенка. С ограниченным доступом лекарственных средств, ограниченным выбором продуктов для детского питания чаще всего сталкиваются семьи, имеющие детей до года. Треть семей, имеющих детей в возрасте 6 лет и старше, испытывают трудности в контроле и организации свободного времени ребенка во время каникул.

Значительное число семей, независимо от возраста ребенка, отмечают неудовлетворительные жилищные условия, плохое качество питьевой воды по месту жительства.

При ответе на вопрос: «Имеются ли по месту Вашего жительства благоустроенные детские дворовые игровые площадки?» положительный ответ дали 43,7 % опрошенных². На наличие спортивных площадок, дорожек, стадионов указала треть респондентов (34,3 %). Недостаточное внимание в населенных пунктах уделяется организации семейного досуга. Зоны для семейного отдыха имеются не во всех населенных пунктах, только 35,6 % опрошенных указали на их наличие. Физкультурно-оздоровительные и спортивные учреждения (бассейны, тренажерные залы и т. п.) имеются в 32,4 % населенных пунктов; специализированные спортивные секции для детей и подростков – в 26,2 %; кружки для детского творчества – в 36 %. Реже всего респонденты отмечали наличие оборудованных катков (12,9 %), пунктов проката спортивного инвентаря (10,9 %), велосипедных дорожек (7,6 %).

Выявлены различия в оценке доступности объектов социальной инфраструктуры в зависимости от региона страны. Наличие благоустроенных спортивных площадок, беговых дорожек чаще всего отмечают жители Брестской (40,5 %), Гомельской (41,7 %) областей и г. Минска (40,4 %); реже – жители Витебской области (23,4 %). Доля тех, кто отметил, что по месту их жительства имеются велосипедные дорожки, выше в г. Минске (16,8 %). Катки, пункты проката спортивного инвентаря, зоны семейного отдыха (парки, скверы и т. д.), физкультурно-оздоровительные и спортивные учреждения чаще всего отмечали респонденты Гомельской области. Менее всего доступны объекты социальной инфраструктуры для жителей Витебской и Минской областей.

Важно, чтобы и в семье были созданы все необходимые условия для всестороннего развития ребенка. С целью изучения условий, созданных в семье для развития ребенка, в рамках исследования, проведенного в 2015 г., респон-

¹ Данные республиканского опроса «Инновационное развитие отраслей социальной сферы», проведенного Институтом социологии НАН Беларуси, 2013 г.

² Там же.

дентам, имеющим детей до 18 лет, был задан вопрос: «Что имеется в вашей семье?»¹ Значительная доля опрошенных (84 %) отметили наличие велосипеда. У 69,6 % семей имеется спортивный инвентарь (мячи, скакалки и т. д.), у 61 % – развивающие интеллектуальные игры, у 54,3 % – коньки, лыжи, ролики. Обучающая литература по здоровью для детей имеется в 35,9 % семей, защитная экипировка для езды на велосипеде, роликах – в 32,4 % семей, спортивные игры – в 29,7 % семей. Отдельный спортивный уголок для занятий физкультурой и спортом и спортивные тренажеры имеет незначительное число семей (15,6 % и 12,6 % соответственно).

Полученные данные свидетельствуют о том, что социальная инфраструктура детства требует принятия эффективных мер по ее дальнейшему развитию и совершенствованию с учетом особенностей современного образа жизни и территории проживания. В соответствии с результатами исследований можно выделить ряд перспективных направлений развития этой инфраструктуры, реализация мер по которым даст положительные результаты по снижению потерь здоровья человека на этапе детства. Наиболее актуальными из них являются:

обеспечение доступности медицинской помощи детям независимо от региона и места их проживания;

совершенствование системы мер экономической, социальной поддержки семей с детьми в направлении формирования благоприятных условий для совмещения ответственного родительства и трудовой деятельности;

развитие сети детских учреждений (медицинских, образовательных, спортивных, досуговых) в шаговой доступности;

развитие рекреационной инфраструктуры детства (создание благоприятных условий для отдыха, восстановления сил, оборудование мест для проведения свободного времени);

дальнейшее развитие спортивной инфраструктуры для детей, в первую очередь создание малых спортивных объектов (благоустроенных спортивных площадок во дворах и парках, велосипедных и беговых дорожек, турников и т. п.);

повышение качества питьевой воды и продуктов питания для детей;

создание безопасной информационной и виртуальной среды;

научное сопровождение деятельности по развитию и совершенствованию социальной инфраструктуры детства.

Важнейшими принципами формирования социальной инфраструктуры детства должны быть доступность (экономическая, территориальная, образовательная) условий и услуг для каждого ребенка, их качество и безопасность.

---

¹ Данные республиканского опроса «Поведенческие факторы риска среди населения Республики Беларусь», проведенного Институтом социологии НАН Беларуси совместно с Республиканским центром гигиены, эпидемиологии и общественного здоровья, 2015 г.

Литература

1. *Сорокин, П. А.* Современное состояние России / П. А. Сорокин // Новый мир. – 1992. – № 4–5.
2. *Римашевская, Н. М.* Качество человеческого потенциала России как стратегическая цель / Н. М. Римашевская // Народонаселение. – 2004. – № 3.
3. *Бреева, Е. Б.* Дети в современном обществе / Е. Б. Бреева. – М. : Эдиториал УРСС, 1999. – 216 с.
4. *Зюнкер, Х.* От исследований социализации к социологии детства [Электронный ресурс] / Х. Зюнкер, Д. Бюллер-Нидербергер // Развитие личности. – 2003. – № 4. – Режим доступа: <http://rl-online.ru/articles/4-03/251.html>. – Дата доступа: 23.05.2015.
5. Количество детей в Беларуси неуклонно снижается [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ej.by/news/sociaty/2014/06/01/kolichestvo_detey_v_belarusi_neuklonno_snizhaetsya.html. – Дата доступа: 20.05.2015.
6. В Беларуси растет число детей с ожирением [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.sb.by/v-belarusi/news/v-belarusi-rastet-chislo-detey-s-ozhireniem.html>. – Дата доступа: 20.05.2015.
7. Социология детства [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.childsoc.ru/index.php?parametr=614>. – Дата доступа: 05.05.2015.

A. M. ABRAZHEI

SOCIAL INFRASTRUCTURE OF CHILDHOOD AS IMPORTANT DIRECTION OF SOCIAL POLICY IN THE FIELD OF CHILDREN HEALTH PROTECTION

Summary

The relevance of the problems of child health and the importance of the development of social infrastructure of childhood that is aimed at maintaining of the child population health is substantiated in the article. The analysis of social infrastructure of childhood, the estimation of its potential and perspective directions of development was conducted on the basis of statistical and empirical data.

Keywords: human potential, health, children, health of children, social infrastructure of childhood.

Поступила 20.10.2015 г.

Н. И. ЯКОВЛЕВА,

Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ СФЕРЫ СТРАХОВАНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

В статье содержится анализ сферы страхования в контексте сложившейся в Беларуси социально-экономической ситуации. Автором рассмотрены основные подходы становления и стратегии развития системы страхования в стране.

Ключевые слова: страхование, риск, социальная защита, социальная политика, страховая активность, стратегия развития.

Одним из ключевых понятий, раскрывающих сущность страхования, является «риск», что буквально означает «принятие решения, результат которого неизвестен, небезопасен». Очевидно, что принятие решения, прежде всего, связано с активным действующим субъектом, который ориентируется на определенный исход будущей ситуации. Специфику понятия «риск» в социологии определяет именно наличие связи действующего активного субъекта с будущей ситуацией [4, с. 116]. Так, Ф. Х. Найт утверждал, что риск возникает тогда, когда индивид оценивает объективную вероятность некоторого исхода и в соответствии с этим принимает решения [6, с. 210]. Субъект действия, таким образом, наделяется характеристикой, согласно которой «он принимает решения на основе исчисления вероятностей и оценки величин возможных последствий, что является определяющим в страховой сфере» [6, с. 235].

На основе существующих в настоящее время интерпретаций указанного понятия А. К. Шихов разработал концепцию риска применительно к страховой защите. Автор определяет страхование главным «инструментом» управления рисками, а страховой риск – основополагающим в совокупности понятий, связанных с организацией страховых отношений [12, с. 33]. А. К. Шихов приходит к выводу о том, что «страховой риск – это потенциально возможное, случайное событие или определенные действия людей с теми или иными характеристиками и благоприятными либо неблагоприятными последствиями для материальных, нематериальных ценностей физических, юридических лиц, муниципальных образований, которые обуславливают их объективную необходимость в страховании своих имущественных интересов в связи с вероятностью наступления таких событий, действий людей и/или их последствий» [12, с. 38]. Важным в данном определении риска является то, что за его основу принимаются действия людей, а не только события.

Фактор риска, необходимость компенсации и предотвращения возможных потерь в результате его проявления обуславливают потребность в страховании. Страхование гарантирует защиту, предоставляя свободу выбора и действий в достижении поставленной цели.

Постоянное развитие технологий, забота о безопасности жизнедеятельности, применение актуарных расчетов при моделировании различных рискованных ситуаций в сфере страхования ограничивают случайность, уменьшают ущерб. В то же время существуют ситуации (стихийные бедствия, несчастные случаи), где проявление риска в значительной мере не зависит от воли человека, что делает институт страховой защиты актуальным и в будущем [8, с. 21].

В настоящее время наиболее разработан анализ сущности страхования как рыночного института, в котором рискованная функция выражается в качестве основной. Однако, по мнению М. В. Мазаевой, поведение участников страховых отношений подчиняется не только экономическим законам и факторам риска, но и социальным законам развития систем [4, с. 17].

Направленность системы непосредственно на человека предполагает определенную структуру видов страхования и методы их проведения. Без создания позитивного опыта страховых отношений крайне сложно рассчитывать на рост доверия населения к страхованию. В числе первостепенных проблем – преодоление добровольно-принудительных методов заключения договоров и обеспечение прав страхователей. Далее следуют проблемы конкурентной борьбы на рынке, поскольку взаимоотношения страховщиков влияют на страховых агентов, у которых, в свою очередь, существует ряд во многом противоречивых интересов. Самый большой моральный резерв развития страхования в современной Беларуси – это укрепление доверия со стороны населения к страховым компаниям, которое реализуется при возникновении страхового случая и при справедливом решении вопроса о выплате/невыплате страхового возмещения и определении его размера [4, с. 37].

В настоящее время во всем мире страхование – это наиболее простой способ стимулировать рост накоплений населения, возместить потери в связи с утратой здоровья или смертью члена семьи, организовать медицинскую помощь в случае болезни. Однако следует понимать, что активность населения в сфере страхования связана с наличием определенного опыта (позитивного или негативного) страховых отношений, а также во многом обуславливается определенным уровнем дохода, качеством предоставляемых услуг и гарантий их исполнения [5, с. 7]. Необходимо фиксировать различные изменения поведения всех участников страховых отношений, определять тенденции и факторы, угрожающие развитию национальной системы страховой защиты.

Развитие систем социальной защиты в разных странах на данном этапе характеризуется уходом от традиционных, солидарно-распределительных представлений об инструментах и механизмах этих систем. Однако при этом следует учитывать, что чрезмерная либерализация может привести к утрате ее институциональных основ и целей, для достижения которых система соз-

давалась: гарантированные права на медицинское обслуживание; гарантированное право адекватной замены утраченного дохода; гарантированное право интеграции в систему социальной защиты; право на труд.

Одной из главных задач социальной политики государства в рамках осуществления социальной защиты населения является поддержание стабильности и устойчивого развития общества. Система страхования выступает в роли одного из направлений социальной политики и представляет собой многоуровневый социальный институт, значимость которого в современных условиях постоянно возрастает. Следовательно, для того, чтобы регулировать социальные отношения в данной сфере, необходимы адекватные по сложности методы социальной политики. На современном этапе развития общественных систем задача усложняется тем, что возникают новые социальные, политические и экономические институты, ценности и нормы становятся более подвижными, возрастают риски. В условиях ограниченного финансирования встает вопрос об эффективности функционирования системы страхования, о выборе ее модели, приемлемой для общества, посильной для экономики и соответствующей ожиданиям граждан.

Система социального страхования является в настоящий период фактором минимизации социального расслоения, и кардинальные изменения системы могут усилить поляризацию населения и во многом ограничить доступность гарантированных государством минимальных социальных благ [10, с. 23].

Характеризуя современное состояние системы социального страхования, можно отметить следующие особенности и проблемы, свойственные Республике Беларусь.

К особенностям следует отнести гарантированный минимальный объем социальной защиты, охватывающий широкий круг граждан; всеобщий характер программ социального страхования (право на выплату пенсий, пособий, предоставления перечня бесплатных социальных услуг имеет каждый независимо от вклада в систему).

К проблемам современной системы страхования относятся: высокая доля государственных расходов на социальные нужды, обезличенность страховых взносов, недостаточная их защищенность от инфляции. Отмечается настороженное отношение населения к системе страхования, недостаток информации о спектре страховых услуг и о самих страховых компаниях, дефицит квалифицированных кадров среди страховых агентов, а также трудности в получении страхового возмещения при наступлении страхового случая [3].

В сфере страхования сегодня сложилось определенное социальное противоречие: с одной стороны, существует необходимость в перераспределении ответственности по обеспечению социального благополучия населения между субъектами социальной политики (государством, работодателем, индивидуом) в направлении усиления самоответственности граждан; с другой стороны, имеет место недостаточная активность населения в сфере социального страхования.

Направленность социальной политики на создание активной позитивной мотивации граждан в различных сферах социальных отношений является ее важной составляющей. Так, даже в экономически благополучных странах значительная доля мер защиты носит кратковременный характер и ориентирует граждан на инициативу [10, с. 25].

Актуален вопрос об изучении национальной системы страхования, поскольку сегодня она остается без надлежащего научного социологического обеспечения, а локальные социологические исследования не могут обеспечить в полной мере реализацию принципа «обратной связи», включая анализ социальных факторов самосохранительного поведения людей, данные об удовлетворенности страховыми услугами, без учета которых невозможно успешно проводить реформы системы страхования.

Политические и экономические реформы всегда требуют проявления большой осторожности, поскольку могут вызвать серьезные социальные проблемы. Это связано с тем, что при проведении реформ пороги незащищенности в разных областях жизни поднимаются. Будучи средством, призванным облегчить болезненные явления переходного периода, система социального обеспечения в целом и социального страхования в частности играют ведущую роль в осуществлении экономической реформы. По этой причине любые изменения, затрагивающие функционирование системы социальной поддержки, могут оказывать глубокое воздействие на социально-экономическое положение государства [11, с. 43].

Недостатки существующей системы государственного страхования, истекающие из обезличенности, безадресности социальных фондов, усугубляются еще и тем, что, получив их в полное распоряжение, государство рассматривает финансирование социальных нужд как исключительно расходную статью бюджета.

Между тем эффективное использование страховых взносов может быть гарантировано только в случае свободного распоряжения ими самими плательщиками. Иными словами, страховые взносы должны накапливаться на лицевых счетах граждан и расходоваться ими на получение доступа не только к тем услугам, которые имеются на данной территории, а повсюду, где имеет хождение денежная единица, в которой осуществляются выплаты [11, с. 45].

В отличие от действующего порядка социального страхования, личный индивидуальный фонд социального страхования работника является собственностью самого работника со всеми вытекающими отсюда юридическими последствиями. При сохранении необходимых ограничений в его расходовании, определяемых его целевым назначением, он может быть получен непосредственно работником при увольнении на пенсию, передан по наследству или положен на депозит в любой банк на общих основаниях как для любого юридического лица.

Очевидно, государство не может полностью удовлетворить соответствующие социальные потребности людей только за счет общественных фондов

потребления [7]. Это создает объективные условия для дополнения общественной страховой защиты за счет части денежных средств самих граждан, что актуализирует проблематику популяризации добровольного личного страхования.

Социальное страхование проводится в обязательной форме, а личное – в добровольном порядке и направлено на расширение и повышение минимально возможного уровня потребностей с учетом материального благосостояния каждой семьи.

Перспектива состоит в одновременном совершенствовании добровольного личного и социального страхования, в увеличении страховой ответственности, числа страхователей и застрахованных, в повышении уровня страхового обеспечения, упрощении процедуры выплат [9, с. 51].

Система социального страхования современной Беларуси не претерпела существенных изменений по сравнению с советской, хотя государство сейчас находится в более сложном положении. Несмотря на то что делаются некоторые попытки модернизации, например, введение пособий по безработице, системы адресной социальной помощи, сложившиеся экономические условия пока не позволяют в массовом масштабе перейти на принцип личного накопления на цели социального самообеспечения. Но возможно увеличить участие застрахованных – как наемных работников, так и предпринимателей – в системе социальной защиты. Страховые взносы при этом должны быть строго целевыми, а система социального страхования ни в коем случае не должна поглощаться налоговой системой.

Основой политики в области социального страхования должна стать программа, которая предоставляет всем людям помощь в виде пособий, когда они испытывают нужду. Одним из возможных способов организации подобной программы может быть система разделения ответственности между всеми участниками страховых отношений: государством, страховщиками, страхователями, с привлечением частных источников финансирования, с одной стороны, и личного участия самих граждан – с другой.

Сейчас участие населения в добровольном социальном страховании минимально. По данным исследования, проведенного пенсионным фондом, всего около 3 % опрошенных застраховали дополнительные пенсии, не собираются участвовать в этом виде страхования более 40 % опрошенных. Аналогичная картина наблюдается и в отношении других видов индивидуального страхования. Сами респонденты объясняют это в первую очередь тем, что в условиях роста инфляции страховые выплаты скорее всего окажутся недостаточными для возмещения ущерба, либо застрахованные вообще не получают компенсацию, так как нет уверенности в добросовестности страховых компаний. Если добавить к этому невысокую информированность по вопросам страхования, становится ясным, что пропаганду позиции активного участника системы страхования следует начинать с нуля [9, с. 52].

В то же время, по данным социологического исследования¹, направленного на изучение отношения населения Беларуси к системе страхования, отмечено наличие потребности в страховой защите среди населения Беларуси (более 30 % опрошенных). Этот факт дает основания полагать, что формирование открытой справедливой легитимной системы страховых отношений будет воспринято населением позитивно.

Следует понимать, что совершенствование системы социального страхования сегодня стало необходимостью, и основными тенденциями реформирования в данном контексте являются: разграничение страхования и социального обеспечения; разделение участников социальной защиты на тех, кто получает ее из дотаций государственного бюджета, и на тех, кто получает средства из страховых фондов, поскольку ранее уплачивал соответствующие взносы [1, с. 4].

Необходимо отметить, что унаследованная Беларусью с советских времен система социального страхования имеет сущностные черты скорее государственного социального обеспечения, а не страхования. Учитывая данное обстоятельство, нельзя недооценивать роль государства, выступающего в большинстве случаев основным страхователем. Ведь государственное влияние, как нормативное, так и финансовое, на систему социального страхования помогает ей в целом более или менее успешно решать свои задачи и по сей день [1, с. 5].

В настоящее время усилия государства в сфере страхования направлены на укрепление нормативно-правовой базы, определение стратегии развития на долгосрочный период с ориентацией на достижение социальной и экономической эффективности.

В перспективе следует ожидать установления страховых тарифов, соответствующих определенному уровню замещения заработка работника при наступлении страховых случаев. Необходимо также совершенствовать систему индексации размера страховых выплат. Указанные меры увеличат социальную защищенность граждан, что станет одним из оснований экономического роста, поскольку пенсии и различные пособия, как и другие доходы граждан, формируют платежеспособный спрос населения [9, с. 53].

На межгосударственном уровне наша страна, как член Евразийского экономического союза, решает следующие задачи, связанные с формированием единого рынка страховых услуг: повышение финансовой грамотности граждан, защита прав потребителей, автострахование, перестрахование, страхо-

---

¹ Опрос населения Республики Беларусь проведен ГНУ «Институт социологии НАН Беларуси» в 2013 г. по национальной репрезентативной выборке (опрошено 1594 респондента) в соответствии с заданием 3.1.02 «Инновационное развитие отраслей социальной сферы», подпрограммы «Социокультурное развитие белорусского общества в современных условиях («Социология»)» на 2011–2015 гг. в рамках ГПНИ «История, культура, общество, государство», руководитель: доктор социологических наук, профессор С. А. Шавель.

вание жизни и разработка единой системы законодательных норм. Очевидно, что потенциально возможные изменения необходимо детально проанализировать и апробировать. Важно и то, что при совершенствовании законодательства в сфере страхования и социального обеспечения необходимо соотнести изменения с существующим гражданским, трудовым, административным и финансовым правом.

Стабильность в обществе и социальная безопасность граждан тесно связаны с обеспечением не только трудоспособной его части, но и лиц, не имеющих возможности получать доходы от трудовой деятельности. Полная ориентация на рынок не может обеспечить стабильность такого уровня, поэтому единственным гарантом исполнения социально-правовых норм сегодня остается государство и общественные институты, в том числе институт страховой защиты.

Особенность системы страхования заключается в том, что она, выполняя функции социальной защиты, сочетает в себе личную ответственность граждан за свое благополучие и солидарную взаимопомощь. Установление института страховой защиты и его развитие, без сомнений, способствует укреплению социальной стабильности и является достижением любого общества [2, с. 23].

Литература

1. Алпатова, Д. Ю. Фонд социального страхования РФ: особенности и перспективы / Д. Ю. Алпатова // Молодой ученый. – 2014. – № 8.2. – С. 4–5.
2. Аналитический вестник № 5 (257). Среднесрочная перспектива финансовой устойчивости государственных внебюджетных фондов. Комитет Совета Федерации по социальной политике. Аналитическое управление Аппарата Совета Федерации. – М., 2012. – С. 20–21.
3. Волчок, В. В. Рынок страхования в Беларуси: анализ и рекомендации [Электронный ресурс] / В. В. Волчок, Р. Джуччи. – Режим доступа: <http://www.research.by/pdf/pp2004r07.pdf>. – Дата доступа: 17.04.2015.
4. Мазаева, М. В. Рискологическая природа страховой защиты: социологический аспект / М. В. Мазаева // Социально-экономические проблемы Тюменской области : сб. науч. тр. – Тюмень, 2002.
5. Морова, А. П. Перегруппировка сил на приоритетные направления / А. П. Морова // Охрана труда и соц. защита. – 2002. – № 5. – С. 7.
6. Найт, Ф. Х. Риск, неопределенность и прибыль / Ф. Х. Найт. – М. : Дело, 2003. – 360 с.
7. Национальный статистический комитет Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://belstat.gov.by/>. – Дата доступа: 17.04.2015.
8. Николаевский, В. В. Социальная защита населения: теория и практика / В. В. Николаевский // Социология. – 2004. – № 3. – С. 21–41.
9. Тырышкина, Е. С. Социальное страхование: современное состояние и возможности развития / Е. С. Тырышкина / Динамика социальных процессов в условиях государственной независимости Беларуси : сб. науч. тр. – Минск, 2000. – Вып. 2. – С. 55–60.
10. Шавель, С. А. Социальная политика суверенной Беларуси / С. А. Шавель, Р. А. Смирнова. – Минск : АН Беларуси, Ин-т социологии, 1996. – 124 с.
11. Шавель, С. А. Императивы социальной политики / С. А. Шавель // Динамика социальных процессов в условиях государственной независимости Беларуси : сб. науч. тр. – Минск, 1999. – Вып. 1. – С. 43–47.

12. *Шихов, А. К.* К вопросу о предпринимательских и финансовых рисках / А. К. Шихов // Страховое дело. – 2005. – № 5. – С. 33–35.

N. I. YAKAULEVA

**PECULIARITIES OF THE INSURANCE SPHERE (INDUSTRY) DEVELOPMENT IN
BELARUS**

Summary

The article contains the analysis of the sphere of insurance in the context of the social and economic situation, which has been developed in Belarus. The author considered the main approaches of formation and strategy of development of the insurance system in the country.

Keywords: insurance, risk, social protection, social policy, insurance activity, development strategy.

Поступила 20.10.2015 г.

УДК 316.342.2-055.2

Н. В. ДУЛИНА,

*доктор социологических наук, профессор,
Волгоградский государственный технический университет*

Е. В. АНУФРИЕВА,

*кандидат философских наук, доцент,
Волгоградский государственный технический университет*

**ИЗМЕНЕНИЕ ПРОСТРАНСТВА ЖЕНЩИНЫ
КРУПНОГО ПРОМЫШЛЕННОГО ГОРОДА КАК СОЦИАЛЬНОЕ
ПРОДОЛЖЕНИЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ
(НА ПРИМЕРЕ г. ЦАРИЦЫНА)**

В статье показано, что Первая мировая война послужила основной причиной социально-исторического изменения роли и пространства женщины в социокультурном пространстве крупного промышленного города. Свои рассуждения авторы строят на примере города Царицына начала XX в.

Ключевые слова: социокультурное пространство, промышленный город, женщина, пространство женщины, гендер, память, Первая мировая война.

Гендерная проблематика фундаментальна для наук об обществе и относится к тем «вечным» темам, которые сопутствовали всем периодам становления научного знания и остаются актуальными в условиях современности. Трансформации, происходящие в системе гендерного устройства общества на протяжении двух последних столетий и имеющие стабильную динамику, исследователи называют «тихой революцией в мировом масштабе». Закономерное усложнение механизмов межполовых взаимодействий, регулятивов ролевого поведения вступает в противоречие со сложившейся социокультурной системой ценностей, не успевающей адаптироваться к столь стремительным изменениям. Полагаем, что одним из ключевых моментов, в результате которого женщинам в одночасье пришлось примерить на себя мужские роли и признать их уже своими, стала Первая мировая война. Интересно обратить внимание, что главным памятником этой войне в г. Царицыне (Сталинграде – Волгограде) как раз и стало изменение роли и места женщины в социокультурном пространстве города, других памятников волею судеб просто не осталось. Как отмечают волгоградские исследователи, главной причиной отсутствия в архитектурном облике довоенного и послевоенного Сталинграда значительного числа памятников архитектуры дореволюционного Царицына стала «особая историческая судьба города, оказавшегося в XX в. на пересече-

нии различных исторических альтернатив и воплотившего в своем архитектурном облике победы советской эпохи: победы военные, одержанные у стен города, во многом решившие исход Гражданской, Великой Отечественной и Второй мировой войн; победы трудовые, сделавшие Сталинград образцом индустриального социалистического города. Сталинград – город-символ советской эпохи, отсюда повышенное отрицание в его облике всего того, что было раньше, разрушение всего, что не соответствовало этой идее» [7, с. 55].

Совсем недолгую историю имеет памятник «Жителям Царицына – участникам Первой мировой войны 1914–1918 гг.», который был установлен во дворе Мемориально-исторического музея 1 августа 2014 г. Иных «фигур воспоминания» (по выражению Я. Ассмана) в пространстве города нет.

Понятно, что в Государственном архиве Волгоградской области (ГКУВО «ГАВО»), а точнее, его фондах, хранится немало документов по истории Первой мировой войны. В этих документах можно отыскать интересную информацию, «охватывающую все сферы жизни уездов – от обеспечения армии призывниками и продовольствием до решения бытовых вопросов. В циркулярах, рапортах, распоряжениях, постановлениях отложились сведения о мобилизации, исполнении воинской повинности поселянами уездов; о сборе средств, пожертвований для войск, пострадавших воинов и их семей, для беженцев; о размещении, охране и использовании на работах военнопленных» [11, с. 34] и т. д.

Ни для кого не секрет, что горожане, в том числе и волгоградцы, к сожалению, посещают музеи крайне редко, и объемные труды по истории просто не читают, оставляя объемные фолианты для специалистов. Но уроки войн, выпавших на долю города, горожане помнят хорошо.

В вихре исторических событий Первая мировая война оказалась забытой многими, что в общем-то и не удивительно, поскольку последствия этого события оказались в тени последующих. Известно, что политическим результатом Первой мировой войны стала ликвидация четырех империй: Германской, Российской, Австро-Венгерской и Османской. Две последние были разделены и сошли со сцены истории, а Германия и Россия оказались после этого в плену экономической разрухи – казавшийся уже преодоленным в эпоху капитализма голод опять занял свое место в жизни теперь уже цивилизованного общества. В результате войны в России и Германии произошли революции, и монархии были свергнуты. Но если в Германии процесс трансформации как-то достаточно быстро (по историческим меркам) сошел на нет, то в России в результате революции началась Гражданская война (красный и белый террор), погибло более 10 миллионов человек, 2 миллиона эмигрировали. Но самым жутким последствием, видимо, следует назвать все-таки другое, а именно то, что спустя всего четверть века именно Россия и Германия вновь сошлись на поле боя, теперь уже во второй по счету мировой войне.

Примером такого «вытеснения» из памяти событий Первой мировой войны может послужить тот факт, что только в декабре 2012 г. Президент России

утвердил поправку в Федеральный закон РФ «О днях воинской славы и памятных датах России», в соответствии с которой первое августа было объявлено Днем памяти российских граждан, погибших в Первой мировой войне 1914–1918 гг. [12].

На самом же деле Первая мировая война изменила масштаб событий, следствием чего и стало изменение координат социокультурного пространства страны в целом и конкретного города в частности. Объяснение данного феномена нам видится в том, что все войны, которые велись Россией до этого времени, включая, например, русско-японскую войну, были локальными и не требовали столь массового широкого призыва в армию миллионов мужчин. Мобилизация 1914 г. стала уникальной и породила массовые проблемы, с которыми прежде страна не сталкивалась, – по разным губерниям призванными в армию оказалось до половины всего трудоспособного мужского населения. Но женщинам страны надо было жить, поднимать детей, заботиться о стариках, обеспечивать фронт и много еще чего. Общим социальным итогом этой войны для всей страны стало изменение роли женщин.

Хорошую основу для более глубокого понимания того, что же случилось с Россией в годы Первой мировой войны, дает работа Я. Ассмана «Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности» [1]. Ян Ассман в своей работе выделяет четыре вида памяти: миметическую (предполагающую запоминание посредством подражательного повторения действий), «память вещей» из повседневного быта (или предметную память), осуществляющую «привязку» человека к миру, в котором он живет, коммуникативную и культурную. Понятно, что миметическая, «память вещей» и коммуникативная память по отношению к событиям Первой мировой войны уже «не работают». Напомним, что коммуникативная память – это своего рода «живое воспоминание», существующее, по историческим меркам, очень недолго, всего-то на протяжении жизни трех поколений: дети–отцы–деды. Иначе говоря, возможности коммуникативной памяти по отношению к Первой мировой войне давно исчерпаны. В таких условиях «главным предметом истории становится не событие прошлого как таковое, а *память* о нем, тот образ, который запечатлелся у переживших его участников и современников» [10, с. 41]. Полагаем, что для культурной памяти, наверно, достаточно сохранения того образа, который запечатлелся у переживших его участников и современников. Для социокультурной памяти, как представляется, главным предметом становится деятельность людей, то, как культурная память о событиях прошлого влияет и изменяет привычный уклад и строй жизни.

Какой же образ о Первой мировой войне хранят документы архивов, в том числе и ГКУВО «ГАВО»? Удивительно, но доподлинно известно [3; 14], что царицане встретили объявление о начале Первой мировой с радостью. С гимном «Боже, царя храни!» прошли по (в современных координатах города)

Аллее Героев в сторону вокзала к полицейскому управлению, где и состоялся патриотический митинг. Другая толпа собралась в саду театра «Конкордия», где оркестр заставляли непрерывно играть «Боже, царя храни!», а толпа скандировала: «Ура!» Газеты того времени писали, что в день объявления войны в Царицыне солнечное утро вдруг испортил страшный ветер, потом пошел ливень, рассеявший толпу митингующих патриотов. На следующий день был остановлен городской трамвай из-за потасовок, возникающих при посадке существенно возросшего числа пассажиров [15].

Отметим, что в годы Первой мировой войны в Царицыне основными периодическими изданиями были газеты «Волго-Донской край» и «Царицынский вестник», которые в первый же день войны вышли со срочным дополнительным выпуском, произведшим сенсацию в обществе. Так, в газете «Царицынский вестник» от 22 июля (4 августа) 1914 г. так описываются настроения горожан: «Высочайший манифест, опубликованный в срочном выпуске “Царицынского вестника”», произвел сенсацию. Телеграммы буквально вырывались из рук газетчиков и с захватывающим интересом тут же прочитывались» [5].

На пароходных пристанях можно было наблюдать такую картину: «Подходит пароход. Газетчики взбираются на второй этаж пристани и кричат вместо приветствия: “Высочайший манифест!” Пароход еще не остановился, но с террасы слышатся просьбы: “Бросайте! Бросайте газеты на пароход!” И вслед за этой просьбой летят пятаки и гривенники. Просьбы исполняются, и пассажиры, застыв на месте, впиваются глазами в слова» [14].

Молебны проходили в те дни во всех храмах. Помимо православных храмов, молебны о даровании победы русскому оружию были отслужены в мечетях, синагогах и кирхах.

Скорость перехода от состояния эйфории до отреченности от событий мирового масштаба просто поражает (видимо, далеко не все жители города переживали патриотический подъем по поводу начала военных действий, зафиксированный газетами того времени, о чем мы упоминали выше). Жесточайший продовольственный кризис буквально накрыл город. Если 3 августа пуд говядины стоил в Царицыне 5,60–6,40 руб., то 11 сентября уже 7,20. Хлеб, мясо и керосин также в разы были дороже, чем в Москве. 11 сентября в Москве пуд говядины стоил 5,0–5,60; мера картофеля – 45 коп., а в Царицыне – 65 коп. В Москве Городской Думой были установлены предельные цены, в Царицыне же они оставались свободными [17]. Голод в прямом смысле слова накрыл город, попытка законодательно ограничить цены на товары первой необходимости привела к тому, что товары исчезли вовсе, но появился черный рынок.

Большая часть мужчин (а именно они, как правило, были единственными кормильцами в многодетной семье) оказались призванными в армию (о чем мы уже упоминали выше), а закон № 37507 от 25 июня 1912 г. защищал права

лишь тех военнотружущих и членов их семей, которые получили ранения или погибли. Но положение этого закона никак не распространялось на членов семей военнотружущих, призванных в армию, но пока не убитых или не искалеченных.

Простые царицане знали, что с их уходом на войну у семей перспективы самые мрачные. Это же подтверждают и воспоминания рабочих. Например, рабочий металлургического завода «ДЮМО» (или просто «французского завода», как в тот период называли металлургический завод «Красный Октябрь»), В. М. Комов о мобилизации 19 июля (по старому стилю) 1914 г. писал в своих воспоминаниях: «Эта мобилизация произвела на рабочих убийственное, доходящее до полного отчаяния, настроение и создала в рабочих семьях большое горе. Главы семей, мобилизованные на войну, заранее знали, что их семьи обречены на голодное существование. Конечно, никакого патриотизма совершенно в то время не чувствовалось, и я не слышал ни одного слова, ни от одного рабочего, который бы говорил, что надо идти на войну» (цит. по: [2, с. 24]). Понятно, что это лишь субъективные впечатления конкретного человека, и к таким документальным источникам надо крайне осторожно относиться, но это та самая коммуникативная память, которая закладывает основу культурной памяти, фиксируя настроения, ожидания и т. д., царившие тогда в городе.

Общее напряжение нарастало и уже витало в воздухе. Саратовский губернатор, обеспокоенный сложившейся ситуацией, 5 августа прислал в Царицынскую Земскую управу телеграмму, в которой писал: «Насущнейшей нуждой переживаемого времени является обеспечение семей запасных и ратников ополчения, призванных на военную службу... Неизбежно в ближайшее время возникнет вопрос об обеспечении этих семей кровом, отоплением, одеждой, не говоря уже о других видах помощи, как то: призрение детей, оставшихся без призора старших, охраны имущества и т. д.» (цит. по: [14]).

Выход из ситуации пытались искать местные власти и владельцы крупных предприятий. Однако обойтись без многотысячных митингов в Царицыне не удалось. Исследователи отмечают, что «в Царицыне мобилизация проходила спокойно до 22 июля, когда возник конфликт жен запасных солдат с военным начальством на мобилизационном пункте в здании Александровской гимназии» [18, с. 7].

22 июля (4 августа), когда по городу еще проходили манифестации патриотически настроенных жителей города, у здания Александровской гимназии, где располагался мобилизационный пункт города Царицына, собралось около пяти тысяч человек, в основном жены призванных на войну солдат. Эти женщины требовали содержания, поскольку, они, как правило, не имели заработка, вели домашнее хозяйство и воспитывали многочисленных детей. Итогом долгостояния у гимназии стала потасовка с солдатами и казаками, стрельба и давка. Исследователи приводят точные цифры: «...было убито 32 и ранено до 80 человек. Волнения, закончившиеся кровопролитием, всколыхнули всю

Саратовскую губернию, которая с 25 июля была объявлена на положении усиленной охраны» [18, с. 7–8]. Известно, что в России времен Первой мировой войны митинги выглядели солиднее и более угрожающе, чем на Западе [6].

Рапорт помощника начальника Губернского жандармского управления в Царицынском уезде на имя директора департамента полиции от 22 июля 1914 г. зафиксировал сведения о беспорядках на призывных пунктах в г. Царицыне. Отмечено, что жены запасных солдат, требуя немедленной выдачи денежного пособия, ворвались в помещение сборного пункта призыва, сорвали шашку и револьвер у капитана Аварского полка Марцинкевича, нанесли ему ранение в голову, били окна, выламывали двери. Подавить беспорядки удалось лишь с помощью подошедшей роты солдат [9].

Воспоминания рабочего завода «ДЮМО» о том же событии: «В эти дни в г. Царицыне, где оформляли мобилизуемых, у здания воинского присутствия скопилась тысяча женщин и детей, пришедших провожать мужей, братьев, отцов и др. родственников, и, конечно, все это сопровождалось шумом, диким плачем, руганью в адрес воинского начальника. Наконец, все происходившее дошло уже до такого отчаяния, что женщины и ребятишки начали забрасывать здание воинского начальника. Начальник воинского присутствия вызвал себе на защиту воинские части, которые, явившись, открыли огонь по толпе. Поднялась неимоверная паника, все убежали куда попало. После этой кровавой расправы на площади остались десятки убитых и много раненых, преимущественно женщины и дети. Так печально были “отмечены” дни мобилизации в г. Царицыне, висевшие тяжелым камнем в сердце рабочего люда города Царицына и его заводских пригородов: французского завода, лесопильных заводов Бекетовки, Ельшанки и др.» [2, с. 25].

Нельзя сказать, что город не пытался решить проблему содержания тех семей, где кормильцы были мобилизованы на фронт. Попыток было много. Так, например, лесопромышленник И. В. Максимов объявил своим служащим, призванным на военную службу, что за все время пребывания на войне их семьи будут получать полное жалование за своих мужей и отцов. Купцы братья Максимовы людьми были не бедными, владели самыми крупными, высокомеханизированными (по тому времени) лесозаводами в Царицыне, гвоздильно-проволочными заводами в Ростове и других городах России. Но заявление это было сделано, видимо, под влиянием общего настроения, господствовавшего тогда в стране, что война будет недолгой. Уж точно никто не подозревал, что она растянется на долгих четыре года.

Решения (по силе возможностей предприятий и организаций) принимались повсеместно: служащим казенного винного склада решили выдать пособие: семейным в размере двухмесячного, а холостым – месячного жалования. Семьям призванных по мобилизации было решено выдавать полный оклад жалования ушедшего на войну главы семьи. Крупный купец и распорядитель торгового дома А. А. Мыльцын приказал выдавать половину получае-

мого жалования всем семьям мобилизованных работников, включая сезонных рабочих, на весь период войны. Служащие типографии Общества трезвости собрали по подписке в пользу своих мобилизованных служащих 12 рублей 35 копеек [16]. Городская дума постановила в закрытом заседании о введении особого налога на городское имущество по ставке 1 % от стоимости имущества в год [14]. Но понятно, что в условиях войны ежемесячно платить пособия в размере жалования или даже половины могли только крупные богатые предприятия (но далеко не все платили), работники средних предприятий, небольших фабрик, мастерских, как правило, оставляли свои семьи ни с чем. Кроме того, семьи, получившие пособия на предприятиях, теряли право на всякую поддержку со стороны города. А Царицын к этому времени был уже очень большой, чтобы справиться с такой нагрузкой: к 1913 г. в нем проживало 137 тысяч человек [8], хотя в преддверии войны это был богатый и динамично развивающийся город.

Экономический рост, начавшийся в 1860-е гг. с введением в строй Волго-Донской железной дороги, к концу столетия охватил весь г. Царицын, приведя к огромному увеличению населения: с 5–6 тыс. человек в 1860 г. до 70 тыс. к концу 1890-х гг. Столь мощное развитие города было беспрецедентным для России. Аналогов подобного роста и в мире известно совсем немного, разве что некоторые североамериканские города. Именно на них, а не на отечественных соседей, был похож Царицын того времени, который неофициально называли «русский Чикаго» [13, с. 30].

Быстро развивающийся город привлекал к себе значительное число сторонних предприятий и фирм, купцов, рабочую силу. Подтягивающиеся одна за другой железнодорожные ветки вкупе с постоянно растущим трафиком на Волге создавали мощный синергетический эффект. Благодаря этому в Царицын регулярно приходили капитал и высокие технологии. Например, в городе одновременно с Петербургом (раньше Москвы!) появилось электрическое освещение улиц. Царицын был одним из первых городов России, в котором заработал городской телефон. В Царицыне очень рано (особенно по меркам уездных городов) провели водопровод и канализацию, первым в уездных городах был запущен трамвай. Все это привело к тому, что в конце XIX в. на Царицын стали обращать внимание иностранные компании, ищущие оптимальные варианты под строительство в России промышленных предприятий. Одним из наиболее знаменитых в этом смысле был Нобелевский городок, резко выделявшийся на фоне остальной городской застройки.

В 1876 г. братья Нобели (Роберт, Людвиг, Альфред) и их российский компаньон П. А. Бильдерлинг основали нефтяную компанию, которая тремя годами позже была преобразована в «Товарищество нефтяного производства братьев Нобель». Танкеры Нобелей шли по Каспию, поднимались по Волге, далее нефть и керосин перевозили в Петербург, оттуда – в Ригу и далее – на экспорт. Функционирование такого транспортного пути требовало создания на Волге

поддерживающей инфраструктуры. Первыми на этом пути стали Астрахань и Царицын. В обоих городах в конце 1870-х гг. началось строительство городков, за которыми закрепилось название нобелевских [4, с. 135–141]. Городки эти строились по заранее утвержденному плану, их основная задача заключалась в «сопровождении» танкеров братьев Нобелей по пути следования нефти из Каспия в Петербург. Подобные городки затем появились в Астрахани, Самаре, других городах на Волге.

Однако крупнейшим и во многом изменившим судьбу города проектом стал, несомненно, завод, принадлежащий французской компании, построенный «Урало-Волжским металлургическим обществом». В 1912 г. завод был продан другому собственнику, которым стало «Донецко-Юрьевское металлургическое общество» («ДЮМО»). Но еще долго этот завод называли просто французским заводом. Ныне это предприятие (по-прежнему металлургический завод) носит название «Красный Октябрь», и до сих пор на территории современного завода сохраняются цеха и постройки, созданные в эпоху «французского завода». Руины некоторых из них не восстанавливаются, теперь это памятники – свидетели боев, которые проходили на их территории во время Сталинградской битвы. А поселок, что расположен рядом с заводом, среди жителей до сих пор именуется «Малой Францией».

Возвращаясь к событиям Первой мировой войны, следует сказать, что с первых дней войны Царицын стал работать для обеспечения фронта. В городе начали производить бомбы, патроны, сапоги для солдат. Для раненых построили несколько лазаретов. Удивительный факт: в городе, стертом с земли во время Второй мировой войны, сохранились три здания госпиталя времен Первой мировой войны (сейчас это по улице 39-я Гвардейская). Можно только догадываться, как радовались солдаты и офицеры, которые волею судеб оказались в лазарете при винном складе. Именно во время Первой мировой войны в городе начали строить «Красные казармы», которые и по сей день стоят в Волгограде. Однако жители по своему интерпретируют название этих строений, никак не связывая его с периодом Первой мировой войны.

Город работал для обеспечения фронта и тыла, однако уже в первые дни войны начались перебои в работе промышленных предприятий. Кроме того, мобилизации последовали одна за другой, стали призываться люди более пожилого возраста. Освобождение от воинской обязанности получали не все рабочие, а только работники основных цехов, да и то только на три месяца, но потом в случае необходимости ее продлевали далее. И постепенно на заводах начала ощущаться нехватка кадров, особенно малоквалифицированных и неквалифицированных, на которых бронь практически не распространялась. А рабочие руки на предприятия были очень нужны.

Удивительно, но как-то легко сошлись во времени и пространстве интересы промышленности и женщин, которые в своем долго- и противостоянии у здания Александровской гимназии не получили от городских властей («не предусмотрены в бюджете такие расходы») никакой поддержки, а детей

и стариков кормить надо было, несмотря ни на что. И это для города, в котором, с одной стороны, две трети населения к 1913 г. составляли переселенцы [8, с. 69], но, с другой стороны, это город казачьего края, изначально созданный как сторожевая крепость, и пространство женщины здесь всегда четко очерчивалось размерами домашнего хозяйства. Все связи с внешним миром осуществлял мужчина. У стен Александровской гимназии женщины могли появиться только уже будучи в полном отчаянии. И за каждой из этих пяти тысяч женщин, пришедших к зданию гимназии, стояла своя боль, свои слезы, свои утраты и потери.

В одночасье женщины из «неработающего элемента» быстро превратились в «элемент работающий». Уже в августе 1914 г. в Царицыне женщин начали нанимать на земляные работы. Переход из одного состояния в другое оказался коротким – женщины быстро освоили несвойственные своей «слабой» природе «сильные» мужские профессии. В воспоминаниях выше упомянутого В. М. Комова отмечено: «К тому же на заводе был введен в эксплуатацию прессовый цех, изготавливающий снарядные стаканы, где потребовалось большое количество рабочих, на операции, не требующие больших физических затрат. В связи с этим в прессовый цех было принято большое количество женщин, чего раньше совершенно не практиковалось» [2, с. 27]. Женщины заменили мужчин, ушедших на фронт. Но замена эта, замешанная на крови, оказалась очень крепкой, со временем в каких-то областях женщины не только заменили, но и практически полностью вытеснили мужчин из профессии. Именно тогда впервые в истории города появились женщины-коки на пароходах, женщины-матросы, женщины-сторожа, женщины-постовые, женщины (далее, как говорят в этом случае, необходимое подставьте сами...).

В этой связи очень показательным, на наш взгляд, является знаменитый агитационный плакат «Заменим!», созданный художником В. Серовым в 1941 г. Напомним, на плакате изображена женщина, одевающая рабочие рукавицы. А на дальнем плане – идущие на фронт мужчины в военной форме. Контекст плаката легко считывается: он направлен на призыв советских женщин заменить мужчин, уходящих на фронт, во всех отраслях народного хозяйства. Одно емкое слово «Заменим!» должно было не только вселять уверенность в мужчин, уходящих на фронт, что тыл будет исправно работать на цель победы над врагом, но и выступать гарантией этой победы.

Плакат, как и события, стоящие за этим плакатом, – свидетельство того, что однажды появившееся в жизни человечества никуда не девается, оно просто начинает жизнь своей собственной жизнью. Современный Волгоград – город с женской энергетикой, символом которого, без сомнения, является величественная скульптура «Родина-мать зовет!» И Родина, и мать, но в правой руке она держит стальной меч, длина которого составляет 33 метра, а вес – 14 тонн. Женщина с мужским характером, по-другому, видимо, она бы просто не выжила и не сохранила страну. Но это уже символ культурной памяти города, и другая история – история женщин современного Волгограда.

Литература

1. *Ассман, Я.* Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Я. Ассман ; пер. с нем. М. М. Сокольской. – М. : Языки славян. культуры, 2004. – 368 с.
2. *Болдырева, Н. Е.* Воспоминания рядовых работников завода «Красный Октябрь» как источник по истории Первой мировой войны / Н. Е. Болдырева // Первая мировая война: события и люди : материалы науч.-практ. видеоконф., Волгоград, 17 сент. 2014 г. / М-во культуры Волгогр. обл., Упр. культуры и архивного дела Тамбов. обл., Волгогр. ОУНБ им. М. Горького, Тамбов. ОУНБ им. А. С. Пушкина ; науч. ред. и авт. предисловия М. Б. Кусмарцев ; ред.-сост. Т. И. Климова ; отв. за вып. Л. А. Ульява. – Волгоград, 2014. – С. 23–28.
3. *Дулина, Н. В.* Неизвестная история всемирно известного города. Первая мировая война в пространстве Царицына–Сталинграда–Волгограда / Н. В. Дулина, Е. В. Ануфриева // Война и историческая память : тезисы докладов Междунар. науч.-практ. конф. «Война и историческая память», приуроченной к 100-летию начала Первой мировой войны, Россия, Санкт-Петерб. гос. ун-т кино и телевидения, 31 окт. 2014 г. – СПб. : СПбГУКИТ : Фор-а-принт, 2014. – С. 45–46.
4. *Дулина, Н. В.* Город в трансформирующемся обществе: методология и практика исследования / Н. В. Дулина / Волгогр. гос. техн. ун-т. – Волгоград : Волгогр. науч. изд-во, 2006. – 387 с.
5. Информационный портал «Царицын РФ» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://xn--80aqrk2ad9a.xn--plai/memory/208-nachalo_1.html. – Дата доступа: 08.08.2015.
6. История 8 Марта. Цеткин, Люксембург, «крылатый эрос» и революция [Электронный ресурс] // Старообрядческая мысль. – Режим доступа: <http://starove.ru/anons/ne-detskoe-8-marta-tsetkin-lyukseburg-krylatyj-eros-i-revolyuitsiya/>. – Дата доступа: 12.08.2015.
7. Культурное наследие Волгоградской области / О. В. Галкова [и др.]. – Волгоград : Перемена, 2014. – 234 с.
8. Мир и россияне в XX веке (Мир. Россия. Волгоград) / под общ. ред. проф. Г. В. Орлова. – 2-е изд., доп. – Волгоград : Ком. по печати и информации, 1999. – 448 с.
9. Рапорт директору Департамента полиции о беспорядках на мобилизационных пунктах в Царицыне. 22 июля 1914 г. // ГАВО. – Ф. 6. Оп. 1. Д. 370. Л. 5.
10. *Романовская, Е. В.* Морис Хальбвакс: культурные аспекты памяти / Е. В. Романовская // Изв. Саратов. ун-та. Новая серия. – 2010. – Т. 10 : Сер. Философия. Психология. Педагогика. – Вып. 3. – С. 39–44.
11. *Таджидинова, А. С.* Великая и забытая. К 100-летию Первой мировой войны / А. С. Таджидинова // Первая мировая война: события и люди : материалы науч.-практ. видеоконф., Волгоград, 17 сент. 2014 г. / М-во культуры Волгогр. обл., Упр. культуры и архивного дела Тамбов. обл., Волгогр. ОУНБ им. М. Горького, Тамбов. ОУНБ им. А. С. Пушкина ; науч. ред. и авт. предисловия М. Б. Кусмарцев ; ред.-сост. Т. И. Климова ; отв. за вып. Л. А. Ульява. – Волгоград, 2014. – С. 33–38.
12. О днях воинской славы и памятных датах России [Электронный ресурс] : Федер. Закон, 13 марта 1995 г., № 32–ФЗ : с доп. от 30 дек. 2012 г. – Режим доступа: <http://base.garant.ru/1518352/>. – Дата доступа: 16.08.2015.
13. *Шкода, Р. В.* Французский завод на волжской земле / Р. В. Шкода // Деловой Волгоград. – 2015. – № 9 (97). – С. 30–31.
14. *Шкода, Р. В.* Царицын в первые месяцы Мировой войны [Электронный ресурс] / Р. В. Шкода. – Режим доступа: <http://царицын.рф/memory/211-trudnosti.html>. – Дата доступа: 20.08.2015.
15. Царицынский вестник. – 1914. – 22 июля.
16. Царицынский вестник. – 1914. – 5 авг.
17. Царицынский вестник. – 1914. – 11 авг.
18. Царицын. Сталинград. Волгоград. Вехи истории : альм. – Волгоград, 2014.

N. V. DULINA, E. V. ANUFRIEVA

**CHANGING OF WOMEN SPACE IN THE LARGE INDUSTRIAL CITY
AS SOCIAL CONTINUATION OF THE FIRST WORLD WAR
(BASED ON THE EXAMPLE OF THE CITY TSARITSYN)**

Summary

The article shows that the First World War was the main cause of the socio-historical changes in the role of women in the socio-cultural space of a large industrial city. The authors' discussions are built on the example of Tsaritsyn at the beginning of the 20th century.

Keywords: socio-cultural space, industrial city, woman, women space, gender, memory, First World War.

Поступила 14.10.2015 г.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

УДК 316.334.2(476)

Г. Н. СОКОЛОВА,

доктор философских наук, профессор, Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

БЕЛОРУССКИЙ РЫНОК ТРУДА В УСЛОВИЯХ СТРУКТУРНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ В ЭКОНОМИКЕ: ЭФФЕКТИВНОСТЬ МЕХАНИЗМОВ ПОДСТРОЙКИ

В статье анализируются механизмы подстройки рынка труда к структурным изменениям в экономике. Выявлено, что механизмы количественной подстройки, связанные с сохранением избыточной рабочей силы, ослабляют конкуренцию за рабочие места; механизмы качественной подстройки не обеспечивают реакцию рынка образовательных услуг на структурные изменения в экономике; механизмы заработной платы не стимулируют в достаточной мере переход рабочей силы в новые сферы экономики; механизмы институциональной подстройки не способствуют согласованности действия названных механизмов. Для успешной адаптации рынка труда к структурным изменениям в экономике необходимы: сокращение неэффективных рабочих мест; социально ответственная реструктуризация (включая опережающее переобучение и современные методы кадровой работы); согласование рынка образовательных услуг и рынка труда; реализация заработной платой функции, стимулирующей работников на производительный и качественный труд; повышение институциональной гибкости рынка труда.

Ключевые слова: рынок труда, механизмы количественной подстройки, механизмы качественной подстройки, механизмы ценовой подстройки, механизмы институциональной подстройки.

Проблемное поле исследования. Рассмотрение рынка труда как социального феномена связано с тем, что в сфере рынка труда не только переплетаются интересы работника и работодателя, но и как в зеркале отражаются все социально-экономические отношения и процессы, происходящие в обществе. Социальные проблемы и тенденции в сферах занятости и безработицы на белорусском рынке труда связаны с переходом от эволюционного к инновационному пути развития, заложенному в программах социально-экономического развития на 2005–2015 гг. Эволюционный путь развития Беларуси создал условия для устойчивого развития, обеспечив необходимую инерцию движения. Вместе с тем эволюционный путь порождает социальные проблемы, связанные с замедленным формированием институтов рыночной инфраструктуры и затрудняющие переход от экстенсивной к интенсивной экономике рыночного типа в русле трансформационных процессов. Тенденции, связанные с поворотом государственной социальной политики в направлении инновационного развития, внутренне противоречивы. *Внешне* они еще положительны, но *внутри* уже отягощены грузом социальных проблем начавшихся преобразований.

Так, *позитивная тенденция* улучшения материального благосостояния и социального настроения в обществе основана на проведении курса социально ориентированной экономики рыночного типа. Государственный выбор республики в пользу социально ориентированной экономики характеризуется позитивными тенденциями в социальном настроении практически всех групп общества. Однако эти тенденции сопровождаются рядом социальных проблем, главная из которых – проблема баланса социального и экономического компонентов, так как издержки, сопровождающие внедрение неэкономических ценностей, предполагают потерю экономической эффективности производства. В экономической практике поднятие денежных доходов бедных слоев населения до уровня бюджета прожиточного минимума (БПМ) и создание определенных гарантий для социально уязвимых слоев населения связывается, с одной стороны, с темпами повышения ВВП и, соответственно, повышением заработной платы. С другой стороны, это связано с перераспределением денежных доходов между обеспеченными и бедными слоями населения в пользу последних. Социальным следствием этих в целом позитивных процессов является снижение трудовой мотивации в силу выравнивания оплаты труда разной природы и разного уровня квалификации, а также смещение профиля экономической стратификации общества в сторону малооплачиваемых слоев населения.

Наблюдается *позитивная тенденция* в отраслевой структуре занятости в процессе перераспределения рабочей силы по отраслям производства, это касается прежде всего перетока работников из производственной в непроизводственную сферу. Однако данное движение лишь отчасти свидетельствует об увеличении доли умственного труда, по сравнению с физическим, что является основным показателем научно-технического и социального прогресса. В основном это возрастание доли рутинного труда, не связанного с расширением НТП. Несмотря на рост занятости в непроизводственной сфере в целом, темпы прироста здесь не превышают 1 % в год. Во-первых, наблюдается сокращение расходов государственного бюджета на развитие социальной сферы экономики; многие предприятия не имеют средств для финансирования социальной инфраструктуры. Во-вторых, приватизация ряда предприятий сферы услуг в условиях невысокой платежеспособности населения зачастую ведет не к росту, а к сокращению числа рабочих мест. В-третьих, приток работников в эту сферу сдерживается более низким, по сравнению с производственными отраслями, уровнем оплаты труда и низким уровнем социальных гарантий, связанных с условиями труда.

Имеет место *позитивная тенденция* снижения уровня регистрируемой безработицы. Однако позитивная тенденция может смениться негативной тенденцией роста как общей, так и структурной безработицы. Санация экономики, направленная на снижение доли убыточных предприятий, неизбежно вызовет рост *общей* безработицы, а модернизация производства – возникновение и рост *структурной* безработицы, а следовательно, снижение уровня

жизни временно высвобожденного населения. Приоритетное развитие производств, в которых страна имеет конкурентные преимущества, не может не сопровождаться свертыванием других, неэффективных производств, что чревато возникновением структурной безработицы. В конечном счете структурная безработица повышает эффективность производства, способствует улучшению качества рабочей силы за счет возникновения спроса на новые профессии, стимулирует развитие профессионального образования. Но ее социальные последствия необходимо предвидеть и просчитывать, в частности с помощью такого инструментария, как социологическая экспертиза экономических преобразований.

Позитивная тенденция уменьшения структурных диспропорций между спросом и предложением рабочей силы наблюдается лишь в *количественном* отношении (в республике – в 2 раза больше, а в Минске – в 6 раз больше вакансий, чем безработных). В *качественном* аспекте структура спроса на рабочую силу существенно не изменилась. Рынок труда по-прежнему ориентирован на рабочие профессии, которые составляют до 70 % от общего числа вакансий. И такая ситуация остается устойчивой в течение ряда лет.

Проблемы обеспечения баланса спроса и предложения рабочей силы на рынке труда. В белорусской экономике к факторам, снижающим экономическую эффективность занятости, относятся: наличие избыточной численности персонала на предприятиях, что сопровождается снижением производительности труда; сохранение структурных диспропорций между спросом и предложением рабочей силы по профессионально-квалификационному составу; сохранение низкой конкурентоспособности лиц, особо нуждающихся в социальной защите. Но эти же факторы прямо или косвенно, в краткой и среднесрочной перспективе способствуют повышению социальной эффективности занятости, потому что спасают работников от увольнения и состояния безработицы. По существу, мы имеем конфликт между необходимостью достичь экономической эффективности занятости и не допустить при этом снижения ее социальной эффективности. Поэтому возникает необходимость поиска таких способов повышения экономической эффективности занятости, которые были бы не в ущерб ее социальной эффективности [1, с. 254–267].

Отметим, что под экономически эффективной занятостью мы понимаем деятельность, на результаты которой есть платежеспособный спрос в обществе и доход от которой позволяет занятому населению успешно воспроизводить свой человеческий капитал. Социально эффективная занятость рассматривается нами как деятельность, которая способствует удовлетворению социальных и духовных потребностей людей, гарантирует высокий уровень и качество жизни.

Проблемы несбалансированности спроса и предложения рабочей силы на белорусском рынке труда вызываются целым рядом факторов, связанных со снижением как экономически, так и социально эффективной занятости. Так, территориальная неравномерность размещения трудовых ресурсов и их

низкая мобильность выступают основными факторами трудоизбыточности в одних регионах и дефицита кадров в других, а также дисбаланса профессионально-квалификационной структуры локальных рынков труда. Так, более 37 % трудовых ресурсов приходится на центральную часть страны – г. Минск и Минскую область, в то время как, например, в Гродненской области – 10,6 %, Могилевской – 11 %. Более $\frac{2}{3}$ трудовых ресурсов (82,6 %) сосредоточены в городской местности. Одним из направлений решения данной проблемы является разработка и применение эффективных мер по стимулированию трудовой мобильности граждан [2, с. 7].

Наблюдается дисбаланс спроса и предложения рабочей силы по профессионально-квалификационному составу, причинами которого являются недостаточная согласованность рынка образовательных услуг и рынка труда. Структура профессионального образования в настоящее время смещена в пользу высшей школы. Снижается охват молодежи профессионально-техническим образованием, растет охват высшим образованием, в то время как рынок труда ориентирован на рабочие профессии, которые составляют около 70 % от общего числа заявленных нанимателями вакансий [2, с. 10].

Имеется наличие избыточной численности работников на ряде предприятий, что ведет к снижению производительности труда. Так, вынужденная неполная занятость в 2013 г. составила 5,7 % от списочной численности работников. При этом в промышленности в режиме вынужденной неполной занятости работали 16,5 % от списочной численности работников; в строительстве – 11,4 % от списочной численности [2, с. 10].

Имеет место низкое качество рабочей силы, что приводит к недостатку квалифицированных кадров при избытке рабочей силы на рынке труда. Ситуация отягощается отсутствием у нанимателей заинтересованности в повышении профессионального уровня работников. Так, профессиональное обучение в 2013 г. прошли 10,8 % работников, в то время как в 2010 г. – 13,4 % от общей численности работников [2, с. 11].

Наблюдается низкая конкурентоспособность отдельных категорий граждан (молодежи в возрасте 16–29 лет, инвалидов, женщин, имеющих малолетних детей и др.), которые составляют $\frac{1}{4}$ часть состоящих на учете безработных. Проблема конкурентоспособности обостряется отсутствием мотивации к труду, а также снижением престижа рабочих профессий среди молодежи, одной из причин которого является недостаточно развитая система профессиональной ориентации [2, с. 11].

Вместе с тем за период 2000–2013 гг. в сфере рынка труда проявился ряд новых тенденций: увеличение спроса на труд информационного типа и на работников сферы обслуживания; формирование растущей потребности в работниках по так называемым актуальным рыночным профессиям; рост спроса на работников ряда традиционных профессий, но способных выполнять работу на качественно ином уровне под влиянием более высоких требований работодателей; снижение спроса на неквалифицированную рабочую силу.

Наблюдается значительное снижение потребности в работниках индустриального типа (специалистов и рабочих), но не будучи подкрепленным технологическими изменениями и ростом производительности труда, оно свидетельствует скорее о размывании индустриального типа занятости, чем о реальном становлении ее нового типа. Решение данных проблем требует государственного вмешательства и регулирования отношений между сферой образования и рынком труда.

В ближайшие годы в Республике Беларусь предстоит решить задачу по поддержанию устойчивого экономического роста в условиях сокращения населения в трудоспособном возрасте, что сможет обусловить нарастание дефицита рабочей силы на рынке труда, усиление имеющихся структурных диспропорций и, в конечном счете, выступить барьером, сдерживающим инновации. В этой связи необходимо принятие действенных мер по повышению эффективности использования имеющихся трудовых ресурсов республики.

Механизмы подстройки рынка труда к изменяющимся социально-экономическим условиям. Основные векторы структурных изменений экономики обусловлены переходом к новым технологическим укладам, изменением соотношения в сферах рыночных и нерыночных услуг, диверсификацией различных форм хозяйствования. Экономистами выделяются два вида реструктуризации экономики: *защитная*, связанная с различными формами государственной поддержки нерентабельных предприятий, и *селекционная*, связанная с системной реструктуризацией с помощью банкротства и ликвидации нерентабельных производств. Соответственно, механизмы адаптации рынка труда к структурным изменениям, способствующие решению различных аспектов проблемы баланса, многообразны и включают количественную, качественную, ценовую и институциональную типы подстройки. *Количественная* подстройка означает изменение объемов используемых трудовых ресурсов, которые могут быть измерены через численность работников или ресурсы рабочего времени. *Качественная* подстройка отражает функциональную и профессиональную мобильность рабочей силы, то есть реакцию рынка образовательных услуг на структурные изменения экономики. *Ценовая* подстройка предполагает дифференциацию заработной платы в разрезе отраслей (видов экономической деятельности). Это обеспечивает перелив рабочей силы между секторами экономики и обуславливает изменение ее структуры. *Институциональная* подстройка означает оптимизацию сравнительных издержек, которые сопровождаются названными механизмами адаптации. Элементами институциональной подстройки рынка труда являются: ставка минимальной заработной платы; индексация заработной платы; бюджет прожиточного минимума, минимальный потребительский бюджет (МПБ) и др. [3; 4, с. 41–56].

Механизмы количественной подстройки белорусского рынка труда связаны с сохранением избыточной рабочей силы, с использованием инструментов, обеспечивающих стабильность занятости. Это вторичная занятость, различные формы гибкой занятости, занятость в условиях трудового контракта

и другие, которые изучаются в ходе социологических опросов. В целом занятость в Беларуси характеризуется традиционностью форм. Так, почти 90 % работников трудятся по найму и примерно столько же работают полный рабочий день/неделю. Несмотря на преобладание контрактной формы найма (по трудовым контрактам работают $\frac{2}{3}$ респондентов), занятость у одного работодателя нередко приобретает постоянный характер (табл. 1).

Отметим, что руководство белорусских предприятий и организаций, по данным опроса работающего населения, практически не прибегает к сокращению штата работников, а использует такие ценовые стратегии поддержания стабильной занятости, как снижение или несвоевременность оплаты труда, вынужденные социальные отпуска, сокращение рабочего времени. Однако такие меры не являются повсеместными и затрагивают относительно небольшую (примерно 15 %) долю работающих белорусов [5, с. 121–127].

Таблица 1. Формы найма мужчин и женщин (% от числа ответивших)

Показатель	Мужчины	Женщины	Итого
Работают по найму	82,8	89,4	86,0
Работают самостоятельно (самозанятость)	10,2	3,8	6,9
Являются работодателем, учредителем, акционером	4,2	4,2	4,4
Другое	2,8	2,6	2,7
Итого	100,0	100,0	100,0

Источник: данные социологического исследования 2013 г.

Примечание. В социологическом исследовании, проведенном в ноябре 2013 г., выборочная совокупность составила 2100 человек. Предельная ошибка выборки по оценочным показателям, гарантированная с 95%-ной вероятностью, составила $\pm 2\%$. С учетом данной погрешности выводы исследования можно экстраполировать на генеральную совокупность, то есть занятое население республики.

Оценки размера избыточной численности работников различны в зависимости от того, что сюда включают (неполную вынужденную занятость, трудовое измерение произведенной, но невостребованной и неконкурентной продукции, потенциал избытка на основе пересмотра норм труда и трудоемкости производственной программы и др.). Поддержание избыточной численности работников обусловлено институциональной средой, так как целесообразность ее сокращения определяется разницей между издержками ее сохранения и затратами при высвобождении. Неполная вынужденная занятость обходится дешевле, а для безусловного выполнения плановых заданий по росту объема производства приращение избыточной численности работников на микроуровне в краткосрочном периоде выгоднее.

Но применительно к макроуровню (в условиях усиления глобальной конкуренции), особенно в среднесрочном и долгосрочном периодах, такая адаптация необходимого результата не дает. На отдельных государственных предприятиях сохраняется значительное количество неэффективных с экономической точки зрения рабочих мест (с низкой производительностью труда

и низким уровнем заработной платы). Их сохранение защищает работников от высвобождений, но снижает экономическую эффективность занятости и тормозит структурные преобразования в экономике. Кроме того, неполная занятость является основанием для поиска дополнительных работ. Доля респондентов, имеющих дополнительную работу, включая случайные приработки и заработки, достигает $\frac{1}{4}$ от всех респондентов, ответивших на данный вопрос; и с 2012 по 2014 г. эта тенденция почти не меняется (табл. 2).

Таблица 2. Распространенность вторичной (дополнительной) занятости (% от числа ответивших)

Формы дополнительной занятости	2012 г.	2013 г.	2014 г.
Регулярная дополнительная работа по основному месту работы	3,0	4,0	3,4
Регулярная дополнительная работа в другом месте	4,9	4,1	5,3
Случайные приработки, заработки	16,3	14,5	16,5
Не было дополнительной занятости	75,8	77,4	74,8
Итого	100,0	100,0	100,0

Источник: данные социологических исследований 2012, 2013, 2014 гг.

В качестве главной причины, побуждающей работников иметь вторичную занятость, назван низкий уровень оплаты труда на основной работе (до 80 % респондентов); вторая по значимости причина – относительно высокий уровень заработков на дополнительной работе. Считается, что наличие вторичной занятости ухудшает отношение работников к труду, так как уменьшает их интерес к основной работе и снижает эффективность трудовой деятельности. Вместе с тем признается, что вторичная занятость является способом адаптации людей к условиям структурных изменений в экономике. Распространенность вторичной занятости среди разных социально-демографических групп дана в табл. 3.

Таблица 3. Распространенность дополнительной занятости среди разных социально-демографических групп занятых (% от числа ответивших)

Показатель	Доля респондентов, у которых за последние 2–3 месяца, предшествующих опросу:			
	была постоянная дополнительная работа	были случайные дополнительные заработки	не было дополнительной занятости	итого
В среднем по выборке	8,8	16,7	74,5	100,0
<i>Гендерные группы</i>				
Мужчины	9,4	21,7	68,9	100,0
Женщины	8,2	11,7	80,2	100,0
<i>Возрастные группы</i>				
До 30 лет	13,8	20,3	65,9	100,0
От 31 до 40 лет	8,1	20,6	71,3	100,0
От 41 до 50 лет	6,6	16,0	77,4	100,0
51 год и старше	6,7	10,2	83,1	100,0

Источник: данные социологического исследования 2013 г.

Характеризуя механизмы количественной адаптации белорусского рынка труда, нельзя не сказать об особенностях безработицы, которая является важным макро- и микроэкономическим индикатором, позволяющим принимать эффективные решения. Обратим внимание на то, что государственной статистикой учитываются в общем объеме трудовых ресурсов 4,6 % потенциальных работников (не включенных в производственную деятельность). Среди них наиболее значима по своему удельному весу группа лиц, не имеющих работы, но активно ее ищущих и готовых приступить к ней. По республике в целом она составляет 3,5 % от трудовых ресурсов (212 тыс. человек) [6, с. 6–7].

На микроуровне существование (в социально допустимых пределах) реальной безработицы является мощным мотиватором к труду, стимулирует конкуренцию за рабочие места и стремление к повышению индивидуальной конкурентоспособности (корректирует трудовое поведение, способствует непрерывному профессиональному образованию). Между тем субъективные оценки вероятности потери работы показывают, что более $\frac{2}{3}$ занятых белорусов считают, что им не грозит потеря работы (табл. 4).

Таблица 4. Оценки вероятности потери работы (% от числа ответивших)

Варианты ответов на вопрос: «Существует ли лично для Вас угроза потери работы?»	2012 г.	2013 г.	2014 г.
Да	4,0	5,2	8,3
Скорее да	7,1	8,9	8,9
Скорее нет	36,0	32,4	32,8
Нет	34,4	36,2	36,0
Затрудняюсь оценить	18,5	17,3	14,0
Итого	100,0	100,0	100,0

Источник: данные социологических исследований 2012, 2013, 2014 гг.

Сформированное при помощи реальной безработицы ощущение ценности рабочего места и ценности образования является главным звеном в системе мотивации и способствует росту производительности и качества труда на предприятиях. Однако социальные обязательства государства по обеспечению максимального трудоустройства и минимальной безработицы ослабляют такие мощные сигналы. Это формирует завышенный спрос на труд со стороны государства, который поддерживается законодательством о защите занятости и означает фактическое отсутствие количественной подстройки в средне- и долгосрочном периодах.

Механизмы качественной подстройки выявляются в увеличении рынка образовательных услуг, в первую очередь в расширении сферы высшего образования, связанного с формированием отраслей пятого технологического уклада. По данным статистики Республики Беларусь, охват молодежи высшим образованием постоянно возрастает: в 2005/06 г. он составлял 47,9 %, а в 2012/13 г. – 72,8 % к численности населения в возрасте 17–21 год [7, с. 143].

В этой связи в республике все активнее поднимается вопрос о переизбытке специалистов с высшим образованием. Казалось бы, выпускники вузов должны сталкиваться с ростом безработицы; однако в реальности этого не происходит. По данным государственной статистики, уровень занятости среди лиц с высшим образованием выше, а уровень безработицы ниже, чем в других группах (табл. 5).

Таблица 5. Структура безработных по уровню образования в регионах Республики Беларусь, 2013 г.

В среднем за год	Брестская	Витебская	Гомельская	Гродненская	Минская	Могилевская	Минск	Республика Беларусь
Уровень зарегистрированной безработицы, % к численности экономически активного населения	0,9	0,7	0,7	0,6	0,4	0,6	0,2	0,5
Структура безработных по уровню образования, %								
Высшее	9,1	8,4	8,6	10,1	6,4	9,0	24,7	10,3
Среднее специальное	40,9	35,4	40,0	37,7	38,4	45,0	32,8	38,6
Общее среднее	42,4	35,2	39,8	44,2	44,1	36,9	32,5	39,6
Общее базовое	7,6	21,0	11,6	8,0	11,1	9,1	10,0	11,5
Итого	100	100	100	100	100	100	100	100

Источник: [8, с. 108, 110].

Объяснением данному явлению может служить тот факт, что, по данным опроса 2013 г., имеет место относительно высокий уровень занятости не по специальности, полученной в учебном заведении (около 30 % занятого населения). Очевидно, данный разрыв заложен в целевой структуре отношения к высшему образованию как средству получения диплома, связанному с расширением возможностей трудоустройства.

Анализ количества и структуры свободных рабочих мест и вакансий в Республике Беларусь показал, что в течение 1991–2013 гг. более 70 % вакансий были предназначены для рабочих; порядка половины этих вакансий формируют промышленность и сельское хозяйство, то есть традиционный сектор экономики. Получается, что расширение сферы высшего образования в направлении традиционных профессий происходит независимо от состояния экономики, которая не генерирует спрос на возросшие объемы подготовки специалистов по этим профессиям. Рассогласование профессионально-отраслевого взаимодействия на белорусском рынке труда обнаруживает проблему консервативности рынка образовательных услуг, что сдерживает формирование поля стимулов, связанных с мотивами достижения, признания и продвижения, возможностями творческого роста. Вопросы, растет ли при этом в экономике спрос на высококвалифицированную рабочую силу, какие рабочие места создаются в процессе реструктуризации белорусской экономики, пока остаются открытыми.

Механизмы ценовой подстройки рынка труда к структурным изменениям в экономике предполагают дифференциацию заработной платы в разрезе отраслей (видов деятельности), что обеспечивает перелив рабочей силы между секторами экономики и обуславливает изменение структуры занятости. Основным механизмом, регулирующим структуру занятости, способствующим или препятствующим межотраслевым перемещениям рабочей силы, выступает заработная плата. Смысл заработной платы как механизма отраслевых перемещений состоит в том, чтобы заинтересовать работников в таких трудовых перемещениях, которые соответствуют прогрессивным тенденциям отраслевой структуры занятости. При этом наиболее приоритетные отрасли должны финансироваться в большей мере, чем отрасли меньшей значимости. Отраслевые и региональные коэффициенты заработной платы должны подчиняться главной цели – желаемой мобильности кадров. Однако действие механизма отраслевых перемещений стимулируется в этом плане со знаком минус. Так, заработная плата в таких отраслях, как здравоохранение, образование, культура, искусство, намного ниже, чем в среднем в экономике республики.

Особенностью адаптации белорусского рынка труда является жесткая ценовая подстройка на макроуровне в сочетании с гибкой на микроуровне за счет отсутствия долгосрочной количественной подстройки. В совокупности со слабой конкуренцией за рабочие места, это не создает достаточных сигналов для обогащения поля стимулов, способствующих мотивации работников к качественному и производительному труду. В *экономическом* контексте заработная плата является центральным инструментом действия законов спроса и предложения на рынке труда. В контексте социальной политики заработная плата должна мотивировать экономическое поведение индивида, как перебор экономических альтернатив с целью рационального выбора, через реализацию воспроизводственной, стимулирующей, регулирующей и социальной функций [9, с. 309–317].

Воспроизводственная функция призвана обеспечивать удовлетворение сложившегося в обществе уровня физических и духовных потребностей работников. Показателем успешной реализации воспроизводственной функции может служить превышение среднедушевого денежного дохода над минимальным потребительским бюджетом (в расчете на душу населения в месяц)¹. По данным статистики, успешность реализации воспроизводственной функции заработной платы повышается, начиная с 2005 г. В 2013 г., по сравнению с 2005 г., доля населения с уровнем располагаемых ресурсов ниже минимального потребительского бюджета уменьшилась в 2,4 раза, в том числе доля населения с уровнем располагаемых ресурсов ниже бюджета прожиточного минимума уменьшилась в 2,5 раза, составив соответственно 18,2 и 5,1 % от всего населения [8, с. 125].

¹ Минимальный потребительский бюджет – основной социальный норматив, представляющий стоимость набора материальных благ и услуг, необходимых для удовлетворения минимальных физиологических и социальных потребностей человека. МПБ в 2013 г. составлял 1608,3 тыс. руб., БПМ – 1023,5 тыс. руб.

Реализация воспроизводственной функции заработной платы связана со структурой денежных доходов домашних хозяйств. Если доля заработной платы (по основному месту работы) увеличивается в структуре денежных доходов населения, то возрастает и мотивация к основной работе. Если же доля заработной платы (по основному месту работы) уменьшается в структуре денежных доходов населения, то снижается мотивация людей к основной работе и повышается мотивация к разного рода подработкам, именуемым «вторичной занятостью».

Стимулирующая функция заработной платы предусматривает зависимость заработной платы от индивидуальных и коллективных результатов труда. В более широком смысле, заработная плата должна стимулировать перелив рабочей силы из производственных в непроизводственные сферы экономики, из традиционных в инновационные сферы хозяйственной деятельности. Реализация стимулирующей функции заработной платы выступает важнейшим механизмом повышения производительности труда, формирования инновационных сфер деятельности и межотраслевых перемещений в русле научно-технического прогресса. Однако действие механизма отраслевых перемещений заблокировано тем, что эти перемещения стимулируются со знаком минус. Так, заработная плата работников непроизводственной сферы намного ниже средней в экономике республики. Внутри непроизводственной сферы заработная плата в сфере управления выше, чем в сфере науки и образования, тогда как в экономически развитых странах все происходит наоборот. В результате подобного «стимулирования» темпы прогрессивных отраслевых перемещений низки и имеют тенденцию к замедлению.

Регулирующая функция заработной платы проявляется в том, что она выступает механизмом формирования спроса на продукцию и услуги конечного потребления, а также на труд. Само по себе повышение номинальной заработной платы сопровождается ростом цен на потребительские товары, что не позволяет повысить покупательную способность заработной платы и, соответственно, реализовать в полной мере ее регулируемую функцию. Для современного этапа характерен низкий уровень средней заработной платы и отсутствие стабильности в росте ее реальной величины. Об относительно низком уровне номинальной среднемесячной заработной платы свидетельствует и ее соотношение с МПБ (3,1) и БПМ (5,0), характеризующими стоимость жизни [8, с. 119, 125].

Социальная функция заработной платы нацелена на обеспечение социально справедливой дифференциации оплаты труда и, соответственно, избегание значительной социально-экономической дифференциации общества. Реализация социальной функции заработной платы является одним из основных механизмов социально ориентированной рыночной экономики в Республике Беларусь, согласно которой конечной целью развития должен выступать не сам по себе экономический рост, темпы и размеры накопления, а человек, обеспечение его материальных и духовных потребностей. Особое внимание при этом уделяется государственному регулированию оплаты труда; именно зара-

ботная плата становится одним из ведущих факторов повышения эффективности производства и основной роста уровня жизни населения.

Анализ функций, через реализацию которых заработная плата влияет на материальное положение и ценностные ориентации индивидов, позволяет заключить, что в условиях структурных изменений в экономике заработная плата как бы «выходит» из рамок собственно условий труда и становится одним из главных мотивирующих факторов экономического поведения индивидов. Само же экономическое поведение индивидов, в силу несоответствия низкой оплаты труда и высокой стоимости жизни, приобретает вынужденный характер и определяется по критериям количества и качества дополнительных работ и подработок. Очевидно, данное положение вещей сохранится до тех пор, пока оплата труда не придет в соответствие со стоимостью жизни, и у людей не сформируется личное представление о хорошей работе, связанное прежде всего с ее содержательными аспектами, при наличии достойной оплаты.

Механизмы институциональной подстройки обеспечивают оптимизацию сравнительных издержек, вызванных действием количественного, качественного и ценового механизмов в ходе реструктуризации экономики. Амортизируя риск высокой безработицы и высвобождений, институциональная среда способствует замедлению структурных преобразований белорусской экономики, препятствует перераспределению рабочей силы по критерию *экономической* эффективности занятости. Сочетание высокой гибкости основных элементов рынка труда и низких темпов структурных преобразований экономики объясняется особенностями институционального строения белорусского рынка труда и механизмами его институциональной подстройки.

Несмотря на то что созданный институциональный каркас белорусского рынка труда соответствует международным стандартам и рекомендациям МОТ, в нем присутствуют основные участники и правила (органы по труду, занятости и социальной защите, профсоюзы, объединения нанимателей и др.), именно механизм институциональной подстройки белорусского рынка труда создает возможность его ослабленного стимула к реструктуризации экономики. Такие элементы институциональной настройки белорусского рынка труда, как индексация заработной платы (административный контроль за ее динамикой), высокий уровень налогообложения фонда оплаты труда, жесткая регламентация процедур найма и увольнения, наличие неявных социальных контрактов (недозанятость – недооплата – вторичная и неформальная занятость – теневая оплата), слабый инфорсмент трудовых отношений на негосударственных предприятиях и у предпринимателей, амортизируют скорость и глубину процессов реструктуризации [4, с. 53–54].

В краткосрочном периоде это может быть оправдано, но в долгосрочной перспективе необходимо внести коррективы в систему мер государственной политики занятости и ее институциональное сопровождение, поскольку условия глобальной конкуренции не позволят сохранять такой тип равновесия рынка труда. Миграция трудовых ресурсов (прежде всего в Россию) и снижение конкурентоспособности белорусских производителей на внешних рынках

обуславливают необходимость реальной реструктуризации рынка труда, модернизации производств, что сопряжено с внедрением новых трудосберегающих технологий и повышением требований к качеству рабочей силы.

Выводы. Особенности подстройки белорусского рынка труда к структурным изменениям экономики состоят в следующем: доминирует краткосрочная количественная подстройка, что ослабляет конкуренцию за рабочие места; в механизме качественной подстройки присутствует формальный сигнал, что способствует накоплению избытка образования, не подкрепленного соответствующими рабочими местами в экономике. Механизм заработной платы не способствует переходу рабочей силы в новые сферы экономики; гибкость ресурсов рабочего времени сочетается с институциональной жесткостью и означает перенос издержек приспособления на микроуровень, что препятствует процессам реструктуризации и модернизации производств на предприятиях. Это влияет на скорость и результаты структурных преобразований в экономике, обеспечивает социальную эффективность занятости, но снижает ее экономическую эффективность. Меры по регулированию рынка труда при осуществлении структурных преобразований (снижение уровня безработицы за счет сохранения коллективов, увеличение ресурсов рабочего времени, финансовая помощь государства и пр.) в реальности препятствуют этим преобразованиям.

Для того чтобы рынок труда стимулировал структурные преобразования в экономике, связанные с повышением экономической эффективности занятости, без ущерба для ее социальной эффективности, необходимо перейти к долгосрочной количественной и качественной подстройкам, поддержав их соответствующими институтами. Основными векторами усилий должны стать: повышение эффективности использования рабочей силы на микроуровне; согласование рынка образовательных услуг и рынка труда; диверсификация инфраструктуры рынка труда, повышение его институциональной гибкости.

Основными векторами усилий в создании поля стимулов, мотивирующих работников к повышению производительности труда, конкурентоспособности, непрерывному профессиональному образованию, должны стать: дифференциация заработной платы с учетом индивидуальных и профессиональных достижений работников (образование, квалификация, обладание разносторонними техническими и научными знаниями); введение непрерывного профессионального обучения и опережающего обучения работников, находящихся под риском увольнения; расширение использования гибких форм занятости, особенно для лиц, имеющих ограниченную конкурентоспособность на рынке труда; содействие профессиональной мобильности рабочей силы.

Ключевая роль по обеспечению активизации механизмов количественной, ценовой и качественной подстройки принадлежит механизмам институционального типа адаптации. Они включают в себя повышение гибкости рынка труда за счет принятия нормативных документов, регулирующих формы высвобождения и современные формы занятости, содействие профессиональной

мобильности рабочей силы. Принимая современные вызовы и пытаясь сохранить социальную ориентацию экономики, белорусскому рынку труда предстоит повысить свои адаптационные способности, изменив их направления.

Литература

1. Рынок труда Республики Беларусь в социологическом измерении / Г. Н. Соколова [и др.] ; науч. ред. Г. Н. Соколова. – Минск : Беларус. навука, 2014. – 304 с.
2. Государственная программа содействия занятости населения Республики Беларусь на 2014 год [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 31 янв. 2014 г., № 93 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2014. – № 5/38396.
3. Капелюшников, Р. И. Российский рынок труда: адаптация без реструктуризации / Р. И. Капелюшников. – М. : ГУ ВШЭ, 2001. – 309 с.
4. Ванкевич, Е. В. Структурные изменения экономики и рынок труда: эффективность элементов подстройки / Е. В. Ванкевич // Белорус. экон. журн. – 2013. – № 3. – С. 41–56.
5. Таранова, Е. В. Стабильность занятости населения Беларуси: социологический анализ / Е. В. Таранова // Иппокрена. – 2013. – № 2 (23). – С. 121–127.
6. Трудовые ресурсы и занятость населения Республики Беларусь : стат. бюл. – Минск : Нац. стат. ком. Респ. Беларусь, 2014. – 65 с.
7. Образование в Республике Беларусь, 2013 : стат. сб. – Минск : Нац. стат. ком. Респ. Беларусь, 2013. – 232 с.
8. Статистический ежегодник Республики Беларусь, 2014. – Минск : Нац. стат. ком. Респ. Беларусь, 2014. – 535 с.
9. Соколова, Г. Н. Мотивация и стимулирование рынка труда в контексте мотивационно-гигиенической теории Ф. Херцберга / Г. Н. Соколова // Экономическая психология в России и Беларуси : сб. науч. работ / под ред. А. Л. Журавлева и В. А. Поликарпова. – Минск : Экономпресс, 2007. – С. 298–317.

G. N. SOKOLOVA

BELARUSIAN LABOR MARKET UNDER CONDITIONS OF STRUCTURAL CHANGES IN ECONOMY: EFFECTIVENESS OF MECHANISMS FOR ADJUSTMENT

Summary

In this article the mechanisms for labor market adjustment to structural changes in economy are analyzed. It is revealed, that the mechanisms for quantitative adjustment are connected with preservation of unnecessary labor, weaken competition for workplaces; the mechanisms for qualitative adjustment don't provide reaction of educational services market to structural changes in economy; the mechanisms for wages don't stimulate labour transition into new spheres of economy; the mechanisms for institutional adjustment don't promote coordination of the named mechanisms action. For successful adaptation of labor market to structural changes in economy it is necessary to implement the following measures: reduction of inefficient workplaces; socially responsible restructuring (including over retraining and modern methods of personnel work); coordination of educational services market and labor market; realization by wages of the function stimulating workers to productive and qualitative work; increase of labour market institutional flexibility.

Keywords: labor market, mechanisms for quantitative adjustment, mechanisms for qualitative adjustment, mechanisms for wages, mechanisms for institutional adjustment.

Поступила 09.11.2015 г.

Л. Г. ТИТАРЕНКО,

*доктор социологических наук, профессор,
Белорусский государственный университет, г. Минск*

ЦЕННОСТИ ТРУДА МОЛОДЕЖИ В БЕЛОРУССКОМ ОБЩЕСТВЕ: ПОТЕНЦИАЛ ИННОВАЦИОННОСТИ И ТРАДИЦИОННОСТИ

На основе данных европейских и мировых исследований ценностей рассматриваются изменения трудовых ценностных ориентаций белорусской молодежи. Ценности труда характеризуются с точки зрения потенциала их традиционности и инновационности. Автор также анализирует современные профессиональные стратегии выхода на рынок труда выпускников вуза как группы молодежи, способной внести вклад в инновационное развитие белорусской экономики.

Ключевые слова: трудовые ценностные ориентации, рынок труда, инновационность, традиция, выпускники вузов, Беларусь, европейские исследования ценностей.

В 1990-е гг. в постсоветских странах отмечался взлет ценностей материализма, связанных с необходимостью экономического выживания людей в новых условиях. Этот всплеск был зафиксирован в исследованиях в рамках Европейского исследования ценностей Р. Инглхартом и его коллег по всему миру [1]. Приоритет ценностей материализма означал, что труд оценивается инструментально: как важное средство получения материальных благ. Последующие этапы этого исследования (2000, 2008, 2013 гг.) продемонстрировали дальнейшие ценностные перемены в постсоветских странах, характерные для разных сфер жизни, включая труд. Значимость труда выросла, причем не только инструментальная, но и витальная, то есть как сфера раскрытия индивидуальных способностей, достижения социального статуса, развития личности. В данной статье предметом исследования будет белорусская молодежь как социально-возрастная группа, призванная активно продвигать цели инновационного развития общества. Трудовые ценностные ориентации молодежи анализируются в сравнении с ценностями других групп населения Беларуси; а по мере необходимости и в сравнении с Россией. По теории Инглхарта, инновационность в сфере труда связана с открытостью риску, рациональностью, ориентацией на карьеру, ответственностью и инициативностью, с переходом общества на так называемую стадию постматериализма, а традиционность – со стабильностью, несамостоятельностью, ведущей ориентацией работников на их материальное благополучие [2]. Покажем, насколько теоретическая интерпретация перемен в трудовых ценностных ориентациях белорусской моло-

дежи в рамках теории Инглхарта свидетельствует об инновационном потенциале молодежи и возможностях внести вклад в модернизационное развитие экономики страны.

В рамках теории Инглхарта существенным показателем модернизационности и постматериализма выступают высокая удовлетворенность трудом и степень свободы в принятии управленческих решений. Если оба показателя высокие, можно констатировать рост витальной ценности труда и рост степени свободы личности в обществе, если низкие – инструментализацию труда, что характерно для стадии индустриализма. Прежние исследования выявили наличие не прямой зависимости удовлетворенности трудом от материальных факторов: мировая тенденция состоит в том, что социальный капитал, связанный с вовлечением в трудовую сферу, оценивается как более значимый фактор, чем материальное вознаграждение. Важным показателем модернизационного развития общества у Инглхарта является также рост ценностей индивидуализма, которые проявляются в свободе выбора решений, в росте персональной ответственности и инициативности личности и т. п.

На эмпирической базе исследований EVS/WVS, проводимых в Беларуси и России, выявим общее и особенное в ценностных ориентациях молодого поколения каждой страны. При этом сфокусируем внимание на той значимости, которую имеет труд у молодого поколения по сравнению с белорусским населением в целом, и определим, можно ли различие в оценке значимости труда интерпретировать как рост индивидуализации ценностей молодежи по сравнению с другими группами населения.

Проанализируем отдельно динамику изменения ценностей белорусского населения старше 30 лет и молодежи в постсоветские годы, опираясь на социокультурный подход. Для этого сравним доминирующие ценности в годы, предшествовавшие трансформации, и непосредственно в период трансформации. В рамках EVS/WVS это были опросы 1990, 1999 и 2008 гг. Респондентам задавался ключевой вопрос: «Пожалуйста, ответьте, насколько важно (очень важно, скорее важно, скорее не важно или совсем не важно) в Вашей жизни: работа, семья, друзья и знакомые, досуг, политика, религия?» Ответ «очень важно» интерпретировался как подтверждение, что соответствующий институт представляет для респондентов важнейшую ценность.

Табл. 1 содержит данные EVS/WVS по системам ценностей, характерным для населения Беларуси старше 30 лет, табл. 2–3 – для молодежи Беларуси и России в 1990–2008 гг. Приведены ответы только тех респондентов, которые указали, что выделенные ценности для них «очень важны». Процент подсчитан от числа ответивших «очень важно» из числа всех ответивших на каждый вопрос (valid percent). Расчет произведен по: EVS (2011), WVS (2008).

В 1990 г. иерархия ценностей белорусской молодежи не совпала с иерархией ценностей остального населения Беларуси: если у остального населения работа сохранила второе место, то у молодежи второе место заняли друзья, а работа разделила 3–4 позиции (наряду с ценностью досуга). Разница про-

Таблица 1. Ценности белорусского населения, 1990, 1999 и 2008 гг. (в %)

Ценности	1990 г.	1999 г.	2008 г.
Семья	76	79	82
Работа	54	49	53
Друзья	36	27	33
Досуг	35	25	25
Политика	14	6	6
Религия	11	12	14

Таблица 2. Ценности белорусской молодежи, 1990, 1999 и 2008 гг. (в %)

Ценности	1990 г.	1999 г.	2008 г.
Семья	70	77	79
Работа	36	49	54
Друзья	43	41	43
Досуг	36	35	30
Политика	7	3	7
Религия	6	6	9

Таблица 3. Ценности российской молодежи, 1990, 1999 и 2008 гг. (в %)

Ценности	1990	1999	2008
Семья	73	80	79
Работа	34	47	53
Друзья	37	35	48
Досуг	34	31	52
Политика	6	3	5
Религия	7	9	11

явилась и в том, что у молодежи разрыв между первой и второй по значимости ценностями оказался равен 27 %, а между второй и третьей – всего 7 %, тогда как у остального населения разрыв между первой, второй и третьей по значимости позициями составлял везде около 20 %. Практически это означало, что накануне развала СССР ценность работы у белорусской молодежи упала намного ниже, чем у более старших поколений. Что касается политики и религии, значимость этих ценностей у обеих групп населения оказалась низкой, что позволяет заключить, что эти ценности являлись для них периферийными.

В 1999 г. иерархия ценностей населения Беларуси полностью сохранилась, она стала еще более четкой: разрыв между первыми двумя ценностями составлял 30 %, а между второй и третьей – более 20 %.

Что касается ценностей молодежи, то уже в 1999 г. произошел существенный сдвиг в отношении ценности работы: она выросла на 13 % и вышла на второе место. Можно сказать, что к этому времени молодежь вновь признала фундаментальность труда в своей жизни. В этом исследовании у более взрослого и молодого населения ценность труда была одинаковой. В остальных ценностях существенных изменений не было отмечено. В 2008 г. произошло

дальнейшее закрепление указанных тенденций: значимость семьи и труда выросли. Поскольку постсоветское общество к этому времени стабилизировалось, оценки населением уровня своей социальной безопасности, гарантий, ориентации на материальное благосостояние были устойчиво высокими.

Такой приоритет ценностей свидетельствует скорее о традиционности, нежели инновационности и населения в целом, и молодого поколения.

Сравнение ценностных ориентаций молодежи Беларуси и России показывает, что динамика их изменения почти сходна, за исключением оценки друзей (белорусы постоянно оценивали их как очень важные на уровне 41–43 %, россияне в 1990 и 1999 гг. – на порядок ниже, а в 2008 г. – близко к 50 %) и досуга (у белорусов высокую важность досуга постоянно признавало около трети молодежи, у россиян в 2008 г. эта цифра превысила 50 %, что, вероятно, отразило более высокий уровень жизни россиян и особенно рост доходов, позволяющий больше тратить в свободное время и проводить его разнообразнее).

Интерес представляет оценка белорусской и российской молодежью (возраст 18–29 лет) значимости различных аспектов трудовой деятельности, по которым можно судить о традиционной либо инновационной направленности этих групп в сфере труда. В исследовании был задан вопрос, насколько важным или не важным являются для респондента такие аспекты труда (работы), как зарплата, общественная значимость, соответствие интересам респондента и т. п. Табл. 4 дает представление о трудовых ориентациях молодежи обеих стран. Поскольку на момент исследования 62 % опрошенных белорусов

Таблица 4. Важность разных аспектов работы (множественный ответ), в %

№ п/п	Характеристики работы	Беларусь	Россия
1	Высокая зарплата	96	97
2	Хороший коллектив	79	73
3	Отсутствие жесткого контроля	34	39
4	Гарантия не потерять работу	53	68
5	Удобный режим работы	65	50
6	Возможность проявить инициативу	47	48
7	Полезная работа для общества	33	22
8	Большой отпуск	45	49
9	Общение с людьми	50	42
10	Работа, где можно достичь чего-то	62	67
11	Ответственная работа	32	38
12	Интересная работа	80	78
13	Работа, соответствующая способностям	58	60
14	Приобретение новых навыков	45	58
15	Работа не ущемляет интересы семьи	55	43
16	Право голоса при принятии важных решений	41	44
17	Равное отношение ко всем на рабочем месте	55	53
18	Нет предпочтений	0	1

и 64 % россиян работали, можно считать полученные результаты основанными на их профессиональном опыте.

Судя по результатам, традиционность белорусов и россиян достаточно велика: позиции 1, 2, 4, 5 отметили более половины молодых людей в обеих странах. Но и инновационные позиции 10, 12, 13, 17 также получили более половины позитивных выборов. При этом россияне более высоко оценили получение новых навыков, ответственности, возможности достижений в труде, то есть инновационные аспекты, а белорусы – удобный режим работы и то, что работа не ущемляет интересов семьи, то есть традиционные. Такая противоречивость свидетельствует, что инновационно-модернизационный потенциал молодежи обеих стран пока не получил достаточного развития, хотя россияне идут впереди белорусов в этом процессе.

Три высших рейтинговых места у молодежи обеих стран заняли: высокая зарплата, интересная работа, хороший коллектив. Только второй из этих мотивов соответствует витальной ценности труда, остальные являются традиционными и инструментальными. Главное ценностное отличие от советской эпохи состоит в низкой оценке общественной пользы работы и нежелании принять на себя ответственность за ее выполнение. Можно предположить, что в массе у молодежи пока не сформировались качества, которые нужны для достижения профессионального трудового личного успеха и активного участия в модернизации экономики.

Сравнительный анализ трех замеров (1990, 1999, 2008 гг.) базовых ценностей молодежи Беларуси показывает, что за неполные двадцать лет в иерархии ее ценностей произошли существенные изменения именно в отношении труда: ценностная ориентация на труд выросла на 18 %. Разрыв значимости между ориентацией на первые две сферы (семья и работа) достигает 25 %, тогда как разрыв значимости между второй, третьей и четвертой сферой составляет лишь около 10 %. При этом значимость ценности семьи осталась абсолютно доминирующей как у всего населения, так и у молодежи, несмотря на то, что на практике в Беларуси высок процент разводов и широко распространено сожительство без вступления в официальный брак, то есть брак как традиционный институт трансформировался. Значимость друзей прочно сохраняет у молодежи третье место в иерархии ценностей: она не изменилась за прошедшие годы постсоветской трансформации вообще. Значимость досуга также изменилась мало, однако лишь три из десяти молодых белорусов определяют ее как очень важную, что свидетельствует о том, что эта постматериалистическая, по классификации Инглхарта, ценность сильно отстает от значимости традиционных для молодежи базовых ценностей семьи, работы, друзей, занимающих первые три места в иерархии ценностей.

В целом, по данным 2008 г., можно отметить, что в ценностном сознании белорусской молодежи имеют место некоторые тенденции, свидетельствующие о том, что у молодых людей наблюдается разрыв между теми ценностями, которые они декларируют, и жизненными ориентациями, проявляемыми

в их поведении. Также наблюдается значимая разница между уровнями индивидуализма молодежи и более старшего населения Беларуси: первый значительно превышает второй. Этот факт можно считать показателем роста индивидуализма постсоветского поколения белорусов, что соответствует общим тенденциям изменения молодежных ценностей в современную эпоху глобализации и потенциальных возможностях ее активного включения в инновационное развитие экономики [3]. Однако данная возможность не является гарантией того, что молодежный потенциал не будет направлен в другую сторону: все зависит от наличия у молодых людей адекватных ресурсов для реализации данного потенциала. Добавим, что Беларусь и другие постсоветские государства не глобализируются так же стремительно, как страны Запада, поэтому тенденции, выявленные Инглхартом и его коллегами, не проявляются столь очевидно. Вместе с тем общее направление этих ценностных изменений в мире совпадает. Как утверждают Р. Инглхарт и К. Вельцель, ценности эволюционируют в мире в предсказуемом направлении под влиянием социально-экономических перемен, и «изменение ценностей, в свою очередь, ведет к важным социально-политическим последствиям, способствуя утверждению гендерного равенства и демократических свобод и совершенствованию государственного управления» [2, с. 10]. Таким образом, у Беларуси и России есть хорошие перспективы инновационного развития в будущем, когда нынешняя молодежь займет ключевые позиции в экономике и обществе в целом.

Остановимся теперь на исследовании профессиональных стратегий выхода на рынок труда выпускников вузов Беларуси как наиболее перспективной группы молодежи, выходящей на рынок труда. Поскольку речь идет о профессионалах, именно от них в значительной мере будет зависеть будущее страны.

Предварительно отметим, что в постсоветском обществе – будь то российское или белорусское – существует устойчивая мотивация на получение молодежью высшего образования. Поэтому значительное число молодых людей поступает в вузы. Например, согласно социологическому исследованию, проведенному российскими социологами [4], установка, связанная с получением высшего образования, является доминирующей: более $\frac{2}{3}$ респондентов в возрасте 20–24 года высказали желание получить высшее образование, а среди 15–20-летних респондентов об интересе к науке и учебе заявили более $\frac{1}{3}$. В Беларуси картина аналогичная. Более того, в последние годы число молодых людей, принятых в вузы на разные формы образования, превысило число выпускников школ указанных лет [5].

Целью нашего эмпирического исследования, проведенного дважды, было выявление сформированных профессиональных стратегий выпускников вузов на рынке труда. В частности, предполагалось выявить основные профессиональные стратегии на будущее место трудоустройства и дать характеристику каждой стратегии с учетом других ценностных ориентаций выпускников и их социально-демографических данных.

В качестве базы проведения исследования был выбран Белорусский государственный университет (БГУ) – старейший университет в стране. БГУ был

также выбран как вуз, который является одним из самых престижных в Беларуси: это вуз, имеющий самый высокий официально рассчитанный рейтинг в Беларуси и один из самых высоких в СНГ [6]. Высокий рейтинг БГУ, особенно его наиболее престижных факультетов (юридического, факультета международных отношений и др.), означает, в частности, что сюда поступают наиболее подготовленные абитуриенты, которые проходят сквозь сито «отбора», которое можно условно назвать конкурентным звеном на начальной стадии вхождения в вуз [7].

В то же время, поскольку это классический университет, многие выпускники не чувствуют рыночной востребованности своих профессий (например, таких, как школьный учитель истории, языка и литературы) и потому не имеют высокой мотивации на учебу и будущую профессиональную деятельность.

Исследование профессиональных стратегий выхода на рынок труда выпускников БГУ проводилось в 2011–2012 и 2014–2015 гг. кафедрой социологии БГУ под научным руководством автора данной статьи. Материалы исследования хранятся в архиве данной кафедры. Объектом исследования стали выпускники всех факультетов БГУ, которые опрашивались как в аудиториях, так и в общежитии. Генеральная совокупность выпускников 2012 г. составила 3056 человек. Выборочная совокупность конструировалась методом расслоенного систематического отбора лиц из генеральной совокупности (все выпускники), в обоих исследованиях в выборке были пропорционально представлены факультеты разной направленности и студенты платной и бюджетной форм обучения. При сборе информации использовался метод раздаточного анкетирования.

В исследовании ставились задачи выявить мотивы получения высшего образования, или определить «тип потребления образовательных услуг» (рыночные, личностные, престижно-формальные или неопределенные), ориентации на будущее трудоустройство (работа по специальности, по смежной специальности, не по специальности), целевые установки на работу по специальности (зарплата, интерес, стабильность, интересы семьи, общественная полезность). Студенты самостоятельно выявляли свою позицию (значимость того или иного аспекта) на шкале от 0 до 6, где ноль означал безразличие студента либо его нежелание отвечать, 1 – минимальную значимость для респондента, а 6 – максимальную значимость. При агрегировании показателей были определены три группы: с высоким уровнем ориентации (на рынок, другой тип деятельности), средней и минимальной.

Например, по типу потребления студентами образовательных услуг было выявлено, что две главные ценности – это значимость высокой оплаты труда и значимость для выпускника интересной работы. Средняя оценка их значимости в обоих случаях была близка к 5 баллам, тогда как значимость работы по специальности не получила даже 3 баллов. Еще более низко была оценена значимость общественной пользы работы и ее стабильность: они получили немногим более половины баллов по сравнению с оплатой труда.

Первые два места у выпускников вуза получили те же самые мотивы значимости труда, которые были выявлены в общенациональном опросе белорусского населения в рамках международных исследований EVS (2008 г.) и относились ко всей молодежи Беларуси, независимо от уровня ее образования, то есть высокая оплата труда и ее интересное содержание. Эта комбинация сугубо материалистического показателя и мотива к содержательному труду подтверждает противоречивость трудовых ценностей белорусской молодежи. На этом основании мы можем предположить, что вся белорусская (да и российская) молодежь ориентируется в трудовой сфере на занятость трудом с его высокой оплатой и интересным содержанием труда. Если считать, что средние оценки значимости интересной работы и оплаты труда являются высокими, тогда остальные оценки значимости аспектами труда (значимость общественной пользы труда, значимость работы по полученной специальности, а также стабильной работы) оказываются очень низкими. И этот результат опроса выпускников вузов также соответствует результатам, полученным в общенациональном исследовании всей молодежи.

Среди мотивов получения высшего образования первое место занял личностный (образование как основа личностного развития – 37 %), второе – чисто прагматичный, связанный с массовизацией образования (получить диплом о высшем образовании – 28 %). Самый важный, на наш взгляд, мотив получения высшего образования – получение востребованной в обществе специальности – отметили лишь 18 %, то есть менее пятой части выпускников. Вполне возможно, что при поступлении в вуз реальные мотивы были несколько иные, и что выпускники (при отборе первой позиции) руководствовались социально одобряемым вариантом ответа. Однако остается фактом, что ко времени выхода на рынок труда лишь немногие из выпускников осознают важность полученной профессии, возможности трудоустройства в соответствии с профилем образования. Значит, они не ориентированы на раскрытие трудового потенциала, сформированного в вузе, что снижает «отдачу» их учебы.

Комбинация выявленных ориентаций позволила сконструировать и затем эмпирически подтвердить наличие у выпускников двух основных типов рациональных ориентаций (стратегий) выхода на рынок труда: рыночный (13 % выпускников) и нерыночный (87 %). В рамках нерыночной стратегии также были выделены подтипы (академический, формалистский, неопределенный). Оба типа являются рациональными, но в их основе лежат разные ценности, выбираемые, как правило, сознательно. В случае рыночно-рационального типа главными ценностными ориентациями являются следующие:

- высокая оплата труда,
- личный интерес к работе,
- соответствие работы специальности,
- осознание рыночной востребованности своей специальности (вырабатывается только в процессе обучения в вузе).

Носитель подобной рыночной профессиональной стратегии хорошо осознает востребованность своей специальности на рынке труда, самостоятельно и заранее ищет возможности своего будущего трудоустройства на высокооплачиваемую работу по специальности. Главным фактором выбора места работы является ее высокая оплата, а само получение высшего образования рассматривается именно как средство доступа к такой работе. Такие выпускники хорошо понимают, что им нужен опыт работы по специальности, поэтому они уже с 3–4 курса работают на такой работе (меняя места занятости, если есть возможность найти лучшее). Большинство таких выпускников учатся на факультетах естественно-научного профиля. Они не являются отличниками, так как не нацелены на академическое будущее: они тщательно изучают те дисциплины, которые, по их мнению, могут принести им пользу, то есть адекватные рыночные знания. В целом это активные молодые люди, чаще выходцы из города, неженатые, мечтающие о карьере и не размышляющие о вечных истинах, общественной пользе труда. Можно предположить, что они смогут проявить инновационность и внести вклад в модернизацию экономики, однако они вряд ли будут активно трудиться там, где материальное вознаграждение не будет соответствовать их ожиданиям.

Поскольку в вузах Беларуси сохраняется государственная система распределения для студентов-бюджетников, многие выпускники с указанной выше ориентацией заранее переводятся на заочное отделение, чтобы избежать распределения и связанных с ним материальных проблем. Это – упреждающая стратегия выхода на рынок труда, с обходом обязательного распределения. Те, кто ее используют, вместо зачастую маргинального (по заработной плате) трудоустройства получают шанс сразу войти в рынок труда, заняв в нем вполне приемлемое (с точки зрения выпускника) место. Можно сказать, что такие выпускники используют данную стратегию в чисто рыночных целях – не теряя двух лет, устроиться на высокооплачиваемую работу.

Видимо, концепция труда, имеющаяся (хотя бы подспудно, бессознательно) у этой части выпускников, соответствует рыночной ориентации. Более того, чтобы найти такое «приличное место» трудоустройства, эти молодые люди, как правило, уже в студенческие годы приступают к работе, так что к концу вузовского обучения могут сменить несколько мест и найти то, которое им больше нравится (по доходу и другим критериям) и куда их готовы принять.

Судя по нашим исследованиям, практически большинство выпускников имеют опыт трудовой деятельности ко времени окончания вуза. Однако наибольшее число студентов, работающих по специальности, среди выпускников с рыночной стратегией, тогда как студенты с другими стратегиями могут работать на любой работе или вообще не работать.

Большинство выпускников без определенных стратегий на рынке труда (таких оказалось две трети всех опрошенных) – студенты гуманитарных факультетов, часто не интересующиеся своей специальностью или разочарованные в ней к моменту окончания вуза. Данный факт подтверждает, что именно

на такие факультеты чаще поступают те молодые люди, кому просто нужен диплом о высшем образовании, или кто с помощью диплома хочет остаться жить в большом городе (в данном случае – в столице), а призвания к определенному виду трудовой деятельности или интереса к выбору профессии, высоко ориентированной на рынок, у них нет. Вряд ли можно рассчитывать на то, что такие выпускники способны проявлять инновационные качества в своей будущей работе, какой бы она ни была. Массовизация высшего образования сделала для них диплом о высшем образовании доступным, но уровень экономического развития общества не обеспечил им работы по специальности, которая отвечала бы их современным (высоким, как правило) потребительским запросам. Да и сам белорусский рынок труда не нуждается в таком большом количестве специалистов-гуманитариев, какие выходят из стен вузов: рынку нужны инженеры, технические специалисты, а они в дефиците.

Массовизация высшего образования внесла вклад в рост женской безработицы среди лиц, получивших диплом о высшем образовании гуманитарного профиля. Часть таких выпускников, особенно со свободными дипломами, не могут найти работу по специальности. Как правило, это на 80–90 % девушки. Так, согласно официальной статистике, среди лиц со статусом безработных, получивших высшее образование, женщин больше, чем мужчин. За период времени с 2005 по 2012 г. количество безработных женщин, имеющих высшее образование, выросло, а мужчин – осталось прежним [8, с. 108]. До сих пор сохраняется осязаемый гендерный разрыв в оплате труда: согласно тому же статистическому источнику, средняя заработная плата белорусских женщин в 2012 г. составляла 75 % от средней заработной платы мужчин, несмотря на то, что женщины Беларуси являются более образованными, чем мужчины.

Можно выстроить следующую цепочку взаимосвязанных проблем образования и рынка труда: выпускники, у которых не было опыта работы по специальности, не могут сами найти себе место на рынке в соответствии с полученной квалификацией. В лучшем случае они будут работать в госсекторе на малооплачиваемой работе, а после двух лет отработки будут искать любую работу с более высокой оплатой. Однако в ряде случаев они будут вынуждены соглашаться и на работу с более низкой оплатой труда. Такая перспектива реальна в том случае, когда выпускник – женщина с гуманитарным дипломом. Ехать на периферию, чтобы работать по специальности за невысокую зарплату, они не хотят, поэтому готовы на любую работу в столице. Исследования выявили, что из выпускников – выходцев из сельской местности готовы вернуться в село лишь 10 %. Остальные хотят остаться в Минске на любой работе. Вуз становится средством перемещения из села в город, а не средством получения качественного образования, востребованного на рынке. Очевидно, что эта часть выпускников не сможет внести большой вклад в инновационное развитие страны, так как не ориентирована на профессию.

Сегодня среди белорусской молодежи укоренилось мнение, что работа не по специальности – это нормальное явление. Однако на самом деле за этим

стоят большие социально-экономические проблемы, впустую растроченные ресурсы общества и растрата человеческого потенциала. Исследователи отмечают, что за работой не по специальности «скрывается не только формальное несоответствие между записью о квалификации в дипломе и реальным характером и содержанием труда» [9, с. 85].

Таким образом, выявляются проблемы депрофессионализации молодых кадров с высшей квалификацией, несоответствие заработной платы уровню полученного ими образования. Этот известный с более ранних периодов времени феномен объясняется тем, что недостаточно инновационная экономика не может абсорбировать возрастающее количество специалистов с высшим образованием из-за рассогласования между рынком образования и рынком труда. Осуществление такого согласования возможно, однако для того, чтобы оно было безболезненным для вузовской системы, необходима дальнейшая модернизация белорусской экономики [10, с. 412]. Коммерциализация высшего образования и его доступность (массовизация) не способствуют решению данной проблемы. Поэтому не само молодое поколение, а те, кто сегодня принимают важные управленческие решения, должны взять на себя ответственность за сбалансированность указанных двух сфер, без которого значительная часть трудового потенциала молодежи может остаться невостребованной.

Очевидно, что решение выявленных в исследовании проблем согласованности системы высшего образования потребностям рынка труда, формирование рыночной стратегии выпускников вузов на рынке труда, как и выбор стратегий развития рынка труда в целом, его соответствия вызовам современности остаются среди важнейших проблем современного общества. Социологи труда могут внести в их решение свой вклад, хотя их решение зависит от государственной политики.

Литература

1. EVS. European Values Study 1981–2008 [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.europeanvaluesstudy.eu/>. – Date of access: 30.12.2011; *WVS* (2009). World Values Survey 1981–2008 [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.wvsevsvdb.com/>. – Date of access: 05.11.2013.
2. *Инглхарт, Р.* Модернизация, культурные ценности и демократия: последовательность человеческого развития / Р. Инглхарт, К. Вельцель. – М. : Новое изд-во, 2011. – 464 с.
3. *Bauman, Z.* New performance of the old vs. young drama / Z. Bauman. – Barcelona : Generalitat de Catalunya, 2008. – 58 с.
4. Доступность высшего образования в России / отв. ред. С. В. Шишкин. – М. : Независимый ин-т соц. политики, 2004. – 288 с.
5. Беларусь в цифрах : стат. справ. – Минск : Нац. стат. ком. Респ. Беларусь, 2013. – 76 с.
6. Рейтинги в высшем образовании. Специальный выпуск [Электронный ресурс] // Высшее образование в Европе. Русская версия. – 2005. – Т. XXX. – № 2. – Режим доступа: http://www.aha.ru/~moscow64/educational_book/archive.html. – Дата доступа: 25.12.2014.
7. Абламейко: авторитет БГУ среди вузов мира с каждым годом растет [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://news.mail.ru/inworld/belorussia/society/16262113/?frommail=1>. – Дата доступа: 25.12.2013.

8. Женщины и мужчины Республики Беларусь : стат. сб. – Минск : Нац. стат. ком. Респ. Беларусь, 2013. – 214 с.

9. Кочетов, А. Н. Профессиональное образование и рынок труда: проблемы взаимодействия / А. Н. Кочетов // Социол. исслед. – 2011. – № 5. – С. 82–90.

10. Соколова, Г. Н. Состояние и использование человеческого капитала в Республике Беларусь / Г. Н. Соколова // Социол. альм. – Минск : Беларус. навука, 2015. – Вып. 5. – С. 412–427.

L. G. TITARENKO

**LABOR VALUE ORIENTATIONS OF BELARUSIAN YOUTH:
POTENTIAL OF INNOVATION AND TRADITIONALISM**

Summary

On the basis of survey data from the European and World Value Studies the author discusses changes in the labor value orientation of Belarusian youth. Labor values are characterized through the lens of tradition and innovation. The author analyzes modern professional strategies of the university graduates considered as a youth group that is able to significantly contribute into the innovative development of Belarusian economy.

Keywords: labor value orientations, labor market, innovation, tradition, university graduates, Belarus, European value surveys.

Поступила 09.11.2015 г.

Р. А. СМИРНОВА,

доктор философских наук, Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

МОТИВЫ ВЫБОРА РАБОЧЕЙ ПРОФЕССИИ И ИНТЕГРАЦИИ В ПРОИЗВОДСТВО МОЛОДЕЖИ СТРАНЫ¹

В статье раскрываются мотивы и стимулы вхождения молодежи в рабочую профессию. Сравнительный анализ трех групп молодых людей: рабочих, работающих вне сферы промышленного производства и неработающих позволил дифференцировать значимость тех или иных факторов, способствующих интеграции их в общественное производство в целом. Показаны основные ценностные и социально-политические ориентации рабочей молодежи Беларуси.

Ключевые слова: профессиональные компетенции, социально-профессиональный статус, человеческий капитал, мотивация, рынок труда, социальный оптимизм, социальная и политическая активность.

Новые запросы производства, расширение высокотехнологичных сегментов во многих сферах сегодняшней экономики предполагают наличие новых квалификаций и навыков у современного рабочего. Обретение знаний и компетенций, то есть подготовка молодого человека в качестве рабочего, как известно, в значительной степени осуществляется системой общего и профессионального образования. Однако данное требование вступает в противоречие с тем, что в общественном сознании сформировалось устойчивое представление о рабочей профессии как социально несостоятельной, девальвированной. В частности, это касается рабочих профессий промышленного труда. Ориентация на получение высшего образования, «офисные» профессии приобрела в сознании современной молодежи массовый характер, а труд рабочего в промышленности – не менее массовое отторжение. Все это ведет к снижению ценности рабочих карьер в сознании молодежи.

Так как основой жизненных траекторий и человеческого капитала, определяющего наличие ресурсов для повышения социального и материального статуса, является уровень образования, то сравнение по уровню образова-

---

¹ Работа выполнена при поддержке НИР БРФФИ № Г14-069 от 23.05.2014 г., а также планового социологического исследования Института социологии НАН Беларуси (мониторинг 2015 г., всего опрошено 1740 человек). Изучались три группы молодежи: 1) рабочая молодежь, работающая на крупных промышленных предприятиях; 2) молодежь, занятая в различных сферах экономики страны, но не относящаяся к рабочим, далее по тексту – «молодежь нерабочих профессий»; 3) неработающая, или учащаяся, молодежь. Данная типология позволила не только описывать данные категории молодежи, но и сравнивать, тем самым выявляя особенности качественных характеристик рабочей молодежи.

ния разных групп молодежи показало, что образовательный уровень рабочей молодежи в основном колеблется в пределах общего среднего и среднего специального. Формирование представлений о себе как о рабочем, а также суждений о своем труде определяется степенью интегрированности на производстве и общеобразовательным багажом молодого рабочего: позитивные мотивы выбора рабочего труда, предложенные для оценки, выбирали чаще те молодые рабочие, которые заканчивали среднее специальное учебное заведение и полную среднюю школу, чем те, кто ограничивался основной школой-девятилеткой. Тот факт, что около $\frac{2}{3}$ рабочей молодежи (62,8 %) обладают средним специальным образованием, свидетельствует о достаточно высоком стартовом профессиональном капитале, способным стать основой роста социально-профессионального статуса молодого рабочего.

Нужно сказать, что приход молодого человека на промышленное предприятие в качестве рабочего часто является следствием ряда инициатив и попыток как в сфере образования, так и в трудовой сфере, не увенчавшихся ожидаемыми результатами. Анализ ответов респондентов, как и данные предшествующих исследований, показывают, что при определении мотивов «выбора» рабочей профессии, а конкретнее, при аргументации респондентом своего поступления на промышленное предприятие, выдвигаются в первую очередь мотивы внешнего, в основном принудительного характера: необходимость зарабатывать на жизнь, неудачи в сфере частного бизнеса, кризис занятости и т. п. Например, по результатам анкетного опроса 2014 г., такой мотив, как «призвание», лишь в самом незначительном числе случаев «играл большую роль» при «выборе» рабочей профессии, заняв последнее место в общем рейтинге мотивов.

Между тем внешние принуждения, определяющие выбор рабочего поприща, о которых высказывались молодые рабочие, не исчерпывают всю мотивационную структуру. Есть и другая сторона дела – внутренняя трудовая мотивация, то есть отношение молодого человека к своему рабочему труду, содержательные, творческие мотивы, представления о самооценности рабочего труда, что является важным фактором выбора, адаптации и стабилизации молодых в рабочем статусе. Та часть рабочей молодежи, которая получила в образовательном учреждении (колледжи, лицеи и др. училища) профессиональное образование и удовлетворена уровнем профессиональной подготовки, проявила достаточно позитивные социально-экономические позиции в отношении к своему труду, рабочей профессии, трудовому коллективу. В частности, расхожий стереотип о том, что рабочая молодежь только вынужденно работает на заводе и недовольна своим статусом, опровергается данными об ее отношении к своей работе. Оказалось, что 62,6 % рабочей молодежи удовлетворены своей работой, а не удовлетворенных ею – только 24,8 %; почти столько же (60 %) удовлетворены занимаемой должностью (25,4 % – не удовлетворены ею).

Однако в целом достаточно высокая степень удовлетворенности трудом и различными его сторонами в процессе трудовой деятельности нивелиру-

ется таким фактором, как низкая заработная плата: размером заработной платы удовлетворена лишь треть опрошенной работающей молодежи (33 % – рабочих) и не удовлетворены 53 %. Примечательно, что с возрастом число рабочих, удовлетворенных зарплатой, уменьшается (25,2 %), а неудовлетворенных увеличивается, в то время как среди молодежи нерабочих профессий количество удовлетворенных зарплатой увеличивается – 37,2 % и уменьшается число неудовлетворенных ею (53,8 %), что свидетельствует о тенденции повышения их материального статуса, в отличие от материального положения рабочих.

Большую роль для работников всех категорий играют отношения в коллективе (78,5 % рабочей молодежи удовлетворены ими) и отношениями с руководством (удовлетворены – 74,2 %). Тем не менее, на вопрос, что для них наиболее важно в работе, молодые рабочие отметили, прежде всего, такие позиции, как возможность зарабатывать хорошие деньги (81 % – рабочие и 77,3 % – молодежь нерабочих профессий), быть относительно самостоятельным в работе (30,5 % – рабочие и 39,7 % – молодежь нерабочих профессий), иметь хорошие условия и режим труда (57 % – рабочие и 59,3 % – молодежь нерабочих профессий), работать без перегрузок (22,2 % – рабочие и 21,7 % – молодежь нерабочих профессий). Как видим, по этим позициям все респонденты солидарны. Отличия проявляются в оценке роли таких трудовых ценностей, как реализация своих знаний, опыта, квалификации (высоко оценивают только 22,5 % молодых рабочих и 40 % – молодежь нерабочих профессий), работа над новыми, интересными проектами (9 % рабочих и 19,7 % молодых людей нерабочих профессий), работа с квалифицированными коллегами (11,8 % рабочих и 22 % молодежи нерабочих профессий), успешное продвижение по службе, карьера (19,7 % рабочих и 33,5 % молодых людей нерабочих профессий). Очевидно, что характер труда рабочих на предприятиях пока не располагает к творческому, требующему знаний, труду.

Что касается возможностей рабочей молодежи на рынке труда, то, как свидетельствуют ответы молодых работников, пока их не очень беспокоит угроза потери работы (только 16 % признались, что такая угроза существует), но с возрастом количество рабочих, обеспокоенных этим, увеличивается. Так, если 54,5 % молодежи до 29 лет уверены, что они всегда без особых трудностей найдут себе равноценную работу, то у старшего поколения оптимизм снижается – уже только 39,4 % респондентов уверены в этом. Нужно отметить, что молодые люди любыми средствами стремятся повысить уровень своего материального благосостояния: 33 % опрошенных имели за последние 2–3 месяца регулярные, случайные или дополнительные приработки.

В целом же рабочая молодежь, как и вся молодежь страны, отличается оптимизмом и способностью видеть жизнь в позитивных тонах. Так, являясь более динамичной, чем другие возрастные группы, рабочая молодежь в целом позитивно оценивает те перемены, которые происходят в ее жизни: смена места работы, должности, профессии, получение новой специальности оце-

нивается ею в основном как жизненный успех (из 40 % рабочей молодежи, претерпевших какие-либо перемены в трудовой деятельности, только 5–7 % расценивают их как неудачу).

Однако события в финансово-экономической сфере последних лет, связанные с международными экономическими катаклизмами и сказавшиеся на работе предприятий, не замедлили отразиться на оценке молодыми рабочими социально-экономического положения в стране: только 11,1 % оценили его как хорошее, 38,6 % – как среднее, а 35,8 % респондентов – как плохое и скорее плохое. Примечательно, что оценка социально-экономического положения рабочими старших возрастных групп почти не отличается от оценок молодых рабочих. В этом отношении оценки молодежи нерабочих профессий несколько выше: как хорошее социально-экономическое положение страны оценили 11,5 %, среднее – 46,8 % и плохое – 33,3 % респондентов. Эти суждения связаны, в первую очередь, с восприятием людьми собственного материального положения.

Согласно самооценок, материальное положение молодых рабочих ниже положения других групп молодежи – занятых на нерабочих профессиях и неработающих (табл. 1). Тот факт, что среди рабочей молодежи респондентов с плохим материальным положением больше, чем с хорошим, является свидетельством их низкого по современным потребительским меркам материального положения.

Таблица 1. Оценка молодежью своего материального положения, в %

Материальное положение	Рабочая молодежь	Молодежь нерабочих профессий	Неработающая молодежь
Хорошее и скорее хорошее	11,7	17,0	21,5
Среднее	64,3	63,3	49,2
Скорее плохое и плохое	17	15	20

Зарплата, как свидетельствуют ответы респондентов, в основном идет на питание и вещи первой необходимости. Такие траты, как покупка квартиры, отдых, путешествия и т. п., доступны незначительной части молодых рабочих. Рабочая молодежь вынуждена ограничивать себя, стараясь жить «по средствам» (39,2 %) или снижать уровень своих запросов и потребностей в питании, в одежде, отдыхе, лечении (21,6 %). Однако 29 % стараются повысить свой доход всеми возможными способами. О качестве жизни рабочей молодежи можно судить по соотношению потребностей и возможностей их удовлетворения (табл. 2).

Как свидетельствуют ответы респондентов, у рабочей молодежи не высока покупательская способность, особенно в сфере досуга и культурного времяпровождения, а также в удовлетворении таких потребностей, как строительство благоустроенного жилья и средств передвижения, что также свидетельствует о низком уровне материального благосостояния. Дополни-

Таблица 2. Распределение ответов на вопрос: «Хватает ли Вам средств на оплату следующих видов товаров и услуг?», в %

Виды товаров и услуг	Рабочая молодежь	Молодежь нерабочих профессий	Неработающая молодежь	В целом по стране
Продукты питания				
Да, хватает	87,1	89,5	76,9	83,5
Нет, не хватает	12,1	7,0	8,4	12,1
Я не трачу на это денег	–	0,9	10,7	1,7
У меня никогда не хватит на это денег	0,8	2,5	1,7	1,6
Одежда, обувь				
Да, хватает	61,0	60,0	56,4	53,8
Нет, не хватает	35,9	36,5	28,4	35,3
Я не трачу на это денег	0,9	0,5	11,2	6,8
У меня никогда не хватит на это денег	2,2	3,0	1,2	2,3
Товары текущего пользования				
Да, хватает	78,4	81,1	59,8	70,5
Нет, не хватает	17,7	12,7	16,6	19,1
Я не трачу на это денег	3,9	4,5	19,7	6,7
У меня никогда не хватит на это денег	–	1,7	0,8	1,6
Товары долговременного использования				
Да, хватает	19,7	20,1	20,6	15,7
Нет, не хватает	60,5	65,7	41,9	53,7
Я не трачу на это денег	17,7	8,5	30,7	20,4
У меня никогда не хватит на это денег	2,0	5,7	3,5	8,4
Квартплата, оплата коммунальных услуг				
Да, хватает	81,8	83,7	58,8	83,1
Нет, не хватает	6,7	9,6	6,8	8,8
Я не трачу на это денег	11,5	5,1	30,8	5,8
У меня никогда не хватит на это денег	–	1,2	0,5	1,0
Оплата бытовых услуг				
Да, хватает	60,1	63,1	50,6	53,2
Нет, не хватает	10,3	17,1	12,4	16,4
Я не трачу на это денег	27,2	16,2	31,9	25,7
У меня никогда не хватит на это денег	2,4	2,3	2,4	2,8
Содержание детей в дошкольных и учебных учреждениях				
Да, хватает	27,9	29,5	21,6	25,7
Нет, не хватает	8,6	8,4	7,4	10,0
Я не трачу на это денег	63,6	57,7	65,0	58,0
У меня никогда не хватит на это денег	0,9	1,6	1,8	1,7
Платное образование (профессиональное обучение) Ваше, Ваших детей				
Да, хватает	5,6	10,9	14,1	9,5
Нет, не хватает	17,8	25,0	22,4	19,7
Я не трачу на это денег	73,1	59,4	57,4	63,2
У меня никогда не хватит на это денег	2,7	3,6	3,1	3,5
Оплата лечения и медикаментов				
Да, хватает	63,1	60,5	50,9	51,8

Окончание табл. 2

Виды товаров и услуг	Рабочая молодежь	Молодежь нерабочих профессий	Неработающая молодежь	В целом по стране
Нет, не хватает	22,0	20,7	15,1	32,0
Я не трачу на это денег	12,6	13,5	29,0	10,2
У меня никогда не хватит на это денег	–	1,8	1,4	2,5
Алкогольная продукция, табачные изделия				
Да, хватает	35,6	30,4	18,6	25,9
Нет, не хватает	6,7	7,2	7,9	9,2
Я не трачу на это денег	52,5	60,1	69,0	59,4
У меня никогда не хватит на это денег	4,2	1,2	1,9	2,6
Содержание автомобиля (бензин, стоянка, ремонт, другое)				
Да, хватает	25,1	26,4	16,2	20,5
Нет, не хватает	27,2	27,0	14,2	21,9
Я не трачу на это денег	41,1	39,6	62,0	49,7
У меня никогда не хватит на это денег	6,6	6,4	5,0	5,3
Строительство дома, квартиры (ЖСК, другое)				
Да, хватает	4,6	4,9	5,8	5,1
Нет, не хватает	38,5	33,1	21,5	24,5
Я не трачу на это денег	35,5	34,6	59,9	49,8
У меня никогда не хватит на это денег	21,4	26,8	10,8	18,6
Отдых, путешествия				
Да, хватает	10,9	16,8	16,9	10,6
Нет, не хватает	54,4	48,4	44,3	39,3
Я не трачу на это денег	21,9	16,8	25,4	34,1
У меня никогда не хватит на это денег	12,8	17,3	10,4	14,1
Посещение концертов, театров, кино, выставок и т. д.				
Да, хватает	36,3	49,2	47,1	31,0
Нет, не хватает	25,8	23,4	28,9	23,2
Я не трачу на это денег	34,7	23,0	20,5	39,8
У меня никогда не хватит на это денег	3,2	3,1	1,9	4,3

ным подтверждением этого являются ответы респондентов на вопрос: «Как изменилось материальное положение Вашей семьи по сравнению с прошлым годом?» (табл. 3).

Таблица 3. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Как изменилось материальное положение Вашей семьи по сравнению с прошлым годом?», в %

Вариант ответа	Рабочая молодежь	Молодежь нерабочих профессий	Неработающая молодежь	В целом по стране
Существенно улучшилось	3,1	2,1	4,3	2,2
Немного улучшилось	13,8	14,2	9,8	9,5
Не изменилось	25,9	27,1	29,5	3,5
Немного ухудшилось	35,6	34,7	32,2	32,2
Существенно ухудшилось	17,0	17,4	13,7	18,6
Затрудняюсь ответить	3,5	4,6	10,5	3,7

Как видно из таблицы, среди всех групп респондентов втрое больше тех, у кого материальное положение за последний год ухудшилось, чем тех, у кого оно улучшилось. Более благоприятная тенденция просматривается в надеждах на будущее, где количество оптимистов и пессимистов равное, или, как у неработающих и нерабочих, оптимисты превышают число пессимистов (табл. 4).

**Таблица 4. Распределение ответов респондентов на вопрос:
«Как изменится материальное положение Вашей семьи через год?», в %**

Вариант ответа	Рабочая молодежь	Молодежь нерабочих профессий	Неработающая молодежь	В целом по стране
Существенно улучшится	7,6	6,3	6,8	3,6
Немного улучшится	9,4	16,8	14,7	10,0
Не изменится	19,4	15,0	18,0	20,8
Немного ухудшится	14,7	8,7	8,1	9,2
Существенно ухудшится	3,2	6,0	4,6	6,1
Затрудняюсь ответить	44,8	47,2	47,2	50,0

Сравнительный анализ разных профессиональных и возрастных групп позволил выявить некоторые различия и в показателях социального оптимизма при оценке жизни в целом. Так, молодые люди в целом (независимо от профессиональной принадлежности) выше оценивают свою жизненную ситуацию: с возрастом число оптимистичных оценок жизненной ситуации и предполагаемых жизненных изменений снижается одновременно с ростом числа пессимистичных оценок и прогнозов.

Однако в будущее молодые люди смотрят с оптимизмом: половина из них (46,7 % рабочих, 50,2 % работающих по другим специальностям и 54 % неработающих) прогнозируют положительные изменения в своей жизни в ближайшем будущем, тогда как в старших возрастных группах таких прогнозов оказалось в 2 раза меньше (22,9 % среди рабочих специальностей). О том, что ничего не изменится, говорят ответы каждого шестого молодого человека (от 15 до 17 %) независимо от профессиональной принадлежности и каждого пятого работающего старше 29 лет. Среди представителей старших поколений значительно больше тех, кто испытывает неопределенность в отношении своего будущего (среди рабочих – 46,4 %), по сравнению с молодежью (рабочие – 28,3 %, молодежь нерабочих профессий – 31,7 %, неработающие – 24,1 %).

Нужно сказать, что экономическое поведение молодежи, и рабочей в частности, ориентировано на увеличение материального достатка. Более того, более половины рабочей молодежи на вопрос: «Согласились бы Вы жить богаче, действуя с инициативой?» дали положительный ответ (55,5 %). При этом количество ответивших подобным образом почти одинаково у респондентов всех анализируемых групп. Но не только экономическая активность свойственна большинству молодых людей. Не менее значимой для них является социально-политическая активность, которая проявляется в установках и спосо-

бах поведения в той или иной политически и социально значимой ситуации. Социально-психологическая установка формируется под воздействием жизненных обстоятельств, положения в обществе, социальных связей, доверия, складывающегося между людьми и с властью. Доверие к властным структурам является интегральной оценкой их деятельности по сохранению социального порядка в стране, по созданию условий и возможностей для социально-политической самореализации человека, а также их честности, открытости и справедливости в принятии политических решений. Данные опроса показали, что молодые рабочие высказали наиболее высокие оценки и степень доверия таким социальным институтам, как армия, церковь, конституционный суд, администрация их завода (предприятия), милиция, судебные органы (37–40 %). Такой же уровень доверия высказан по отношению к Совету Министров Республики Беларусь, органам госбезопасности, комитету госконтроля. Невысокий уровень доверия – к налоговым органам, государственным и негосударственным СМИ, официальным профсоюзам, местным органам власти, представительствам зарубежных организаций, фондов в Республике Беларусь (15–29 %), низкий уровень доверия – к неофициальным профсоюзам, политическим партиям, оппозиции (6–14 %). При этом данное соотношение по степени доверия присуще всем категориям молодежи: и рабочей, и всей работающей, и неработающей (учащейся) молодежи, которая даже с возрастом, перейдя в старшие возрастные группы, существенно не поменяла своего отношения к данным структурам.

Нельзя сказать, что эти ответы связаны со слабой информированностью, незнанием или недопониманием; большинство рабочей молодежи (58 %) живо интересуются политическими событиями, происходящими в стране. Притом с возрастом их интерес значительно повышается. Поэтому оценку политической ситуации рабочая молодежь дает вполне осмысленно: оценили ее как спокойную 46,4 %, неопределенную – 30 %, напряженную – 8,8 %. Оценивая изменение политической ситуации за минувший год, большинство респондентов из среды рабочей молодежи отметили ее неизменность, устойчивость.

Геополитические ориентации белорусской молодежи проявились в отношении к крупнейшим межстрановым союзам и блокам – Европейскому союзу, блоку НАТО и России. Большинство рабочей молодежи поддерживают вхождение нашей страны в Евразийский экономический союз: 61,3 % рабочей, 66,8 % – нерабочих профессий и 65 % неработающей молодежи. Отношения Беларуси с Россией должны строиться, по мнению большинства респондентов из среды рабочей молодежи (68 %), на основе международных договоров как суверенных государств, 26,6 % респондентов считают, что по принципу равноправного союза с созданием наднациональных органов управления, и только 4,4 % – как самостоятельный субъект в качестве составной части Российской Федерации. При этом оказалось, что чем старше респонденты, тем более склоняются к варианту, предполагающему наличие между нашими странами наднационального органа. Поддержали бы вступление Беларуси в Евро-

союз менее трети рабочей молодежи. Рабочих старших возрастных групп, поддерживающих вступление в Евросоюз, в среднем на 5–7 пунктов меньше. Вступление в НАТО поддержали 5,7 % рабочей молодежи, 7 % – нерабочей и 18,8 % неработающей молодежи.

Ответы респондентов, касающиеся их возможного протестного поведения, характеризуются более низким протестным потенциалом рабочей молодежи, чем других групп, что позволяет сделать вывод о ее более высокой степени законопослушности и ориентированности на порядок в обществе, нежели занятых на других профессиях и неработающих (учащихся) молодых людей (табл. 5).

Таблица 5. Распределение ответов на вопрос: «В каких формах выражения протеста Вы допускаете свое участие?», в %

Формы выражения протеста	Рабочая молодежь	Молодежь нерабочих профессий	Неработающая молодежь
Санкционированные демонстрации	11,2	14,3	10,6 %
Несанкционированные митинги, демонстрации	0,6	5,0	4,0
Забастовки	3,1	7,9	3,7
Голодовки	0,6	5,3	2,5
Иные акции	–	2,8	1,3

Несмотря на эти допущения, реальное повседневное поведение молодежи, по существу, характеризуется низким уровнем включенности в политическую жизнь: только 9,6 % рабочей молодежи считают, что они знают депутатов на уровне Совета Республики и Палаты представителей, 7,8 % – областного Совета депутатов, 18,4 % – районного (городского) Совета, 15,4 % – сельского Совета депутатов. О работе этих организаций рабочая молодежь почти ничего не знает (знают 1–2 %), почти никогда к ним не обращается. Наиболее доступным для нее оказался сельский и крайне редко – районный Совет депутатов.

Результаты исследования позволили установить, что основными факторами, вызывающими беспокойство и неудовлетворенность жизнью молодых рабочих (и молодежи в целом), являются проблемы материального порядка. Проблемы социально-политического плана оказались менее значимы для молодых представителей рабочих профессий. Молодежь в силу возрастных особенностей отличается более высокими показателями социального оптимизма, большей уверенностью, смелостью в решении возникающих жизненных проблем. Если сравнивать группы молодых людей в зависимости от профессиональной принадлежности, то можно говорить о том, что молодые рабочие отличаются от своих неработающих сверстников более реалистичными взглядами на жизнь. Их в гораздо большей степени волнуют насущные проблемы материального и социального плана, они отличаются трезвым оптимизмом в оценках своей жизненной ситуации и представлениях о будущем.

При этом именно внутренняя личная мотивированность на работу обеспечивает не только и не столько интеграцию и стабилизацию молодого рабочего

в его профессии, сколько, что важнее, – позитивное самочувствие, ощущение самодостаточности молодого человека в этом качестве, удовлетворенность социальной средой и своими перспективами в обществе.

R. A. SMIRNOVA

**MOTIVES OF LABOR PROFESSION CHOICE
AND INTEGRATION OF YOUTH INTO COUNTRY INDUSTRY**

Summary

The article describes the motives and incentives of entering the youth into labor profession. Comparative analysis of three groups of young people: the workers, group working outside the sphere of industrial production and unemployed, helped to differentiate the importance of certain factors contributing to their integration into the social production in general. The key value and socio-political orientations of Belarusian working youth are shown.

Keywords: professional competence, socio-professional status, human capital, motivation, labour market, social optimism, social and political activity.

Поступила 06.11.2015 г.

УДК 331.101.3(470.12)

Е. А. ЧЕКМАРЕВА,

кандидат экономических наук,

Институт социально-экономического развития территорий РАН, г. Вологда

А. А. ШАБУНОВА,

доктор экономических наук, доцент,

Институт социально-экономического развития территорий РАН, г. Вологда

РАБОТА ПО ПРИЗВАНИЮ: ВЫГОДНО ЛИ ЭТО ДЛЯ ЭКОНОМИКИ?¹

На основе социологических измерений в статье отслеживается наличие экономического эффекта от работы по призванию и по способностям. Проводится социологический анализ показателей трудовой деятельности двух групп населения – работающего и не работающего по призванию. Дается оценка результативности трудовой деятельности, качества трудового потенциала и уровня его реализации, удовлетворенности жизнью, работой, зарплатой и условиями труда в группе населения, работающего по призванию, в сравнении с аналогичными показателями в противоположной группе. Показано, что люди, работающие по призванию, трудятся в среднем более интенсивно, чаще выполняют и перевыполняют нормированные задания, более ответственно относятся к работе и имеют лучшие показатели производительности и оплаты труда.

Ключевые слова: профессиональное призвание, профессия, способности, трудовая деятельность, трудовой потенциал, качество населения.

Сегодня, в период глубоких изменений, происходящих в системе мирохозяйственных связей, определяющее значение в развитии государств будет иметь не только развитие опережающих производств нового технологического уклада, но и концентрация усилий в сфере формирования и реализации человеческого потенциала.

Ученые все чаще акцентируют внимание на значимости развития социального ресурса. Г. Н. Соколова отмечает, что успех государственного развития зависит не только от эффективности внедрения и использования новых научно-технических достижений, но и от готовности и способности модернизировать свою социальную структуру: воспроизводить необходимые социально-профессиональные слои, адаптировать систему социальных ценностей и институциональную среду, нивелировать социальные риски и потрясения [1]. Л. А. Беляева подчеркивает, что сегодня проблемы модернизации российского общества – это уже не только преобразование экономики, но и социальной

---

¹ Исследование выполнено в рамках проекта РГНФ «Профессиональное призвание: человеческий потенциал инновационного развития» (№ 15–22–01013).

структуры, системы образования, социальных институтов, а также идеологии [2].

В этой связи представляется, что важным ресурсом экономического роста и более полной реализации человеческого потенциала может стать более широкое распространение в социуме трудовой деятельности по призванию. Мы рассматриваем призвание как высший уровень профессиональной пригодности, который предполагает полное соответствие личности требованиям профессиональной деятельности. Труд по призванию помимо внешних достижений дает и внутреннее чувство удовлетворения результатом и самим процессом деятельности.

Вопрос об экономической роли профессионального призвания поднимался Максом Вебером¹ еще в начале XX в. Известный немецкий социолог и философ на основании анализа протестантизма пришел к выводу, что двузначность немецкого слова «Beruf», которое может быть переведено и как «профессия», и как «призвание», не случайна: она вырастает из понимания профессиональной деятельности как божественного призвания. Вебер доказал, что рациональное жизненное поведение на основе идеи профессионального призвания, как один из конституционных компонентов капиталистического духа и всей капиталистической культуры, возникло из духа христианской аскезы. Именно эксплуатация капиталистами устремленности рабочих к обретению спасения в загробной жизни посредством выполнения своих профессиональных обязанностей в качестве своего призвания, и строгая аскеза, которой церковь подчиняла неимущие классы, по словам Вебера, способствовали увеличению «производительности» труда в капиталистическом значении этого понятия [3]. Развитию концепции профессионального призвания, исследованию и осмыслению этого феномена посвящены работы таких классиков социологии, как Э. Дюркгейм, Г. Зиммель, Х. Ортега-и-Гассет, Ф. Тённис.

Среди современных исследователей нам наиболее близка позиция В. Р. Шухатович, которая предлагает рассматривать профессиональное призвание в качестве неэкономического фактора экономического роста [4]. Эта идея была предложена автором в рамках обсуждения статьи М. К. Горшкова «Об аксиоматической трактовке влияния неэкономических факторов на экономический рост» [5]. Развивая идею Шухатович, мы попытались отследить наличие экономического эффекта от работы по призванию на основе социологических измерений, проведенных ИСЭРТ РАН в 2014 г. в Вологодской области. Объем выборки составил 1500 человек трудоспособного возраста в городах Вологде и Череповце и в восьми районах области (Бабаевском, Великоустюгском, Вожегодском, Грязовецком, Кирилловском, Никольском, Тарногском и Шекснинском). Метод выборки: районирование с пропорциональным размещением

---

¹ Одними из наиболее важных работ М. Вебера, посвященных профессиональному призванию, считаются его доклады «Политика как призвание и профессия» (1919) и «Наука как призвание и профессия» (1920).

единиц наблюдения. Тип выборки: квотная по полу и возрасту. Величина случайной ошибки выборки: 3–4 % при доверительном интервале 4–5 %.

В данной статье описываются основные результаты социологического анализа трудовой деятельности населения, полученные при сравнении двух выделенных групп: к первой группе отнесены респонденты, отметившие, что их работа соответствует призванию, ко второй – те, которые указали, что их работа призванию не соответствует. Приводятся результаты сравнительного анализа оценок результативности трудовой деятельности, характеристик качества трудового потенциала и уровня его реализации, удовлетворенности работой и жизнью представителей обеих групп. Для проверки гипотезы исследования использовался способ группировки и инструментарий, описанный в статье В. Р. Шухатович [4]. В качестве основания группировки данных были выбраны ответы («да», «нет») на два вопроса: «Соответствует ли Ваша профессия (основная деятельность) Вашему призванию?» и «Соответствует ли Ваша профессия (основная деятельность) Вашим способностям и склонностям?» [4].

Как показали результаты исследования, в настоящее время в Вологодской области работают по призванию 56,7 % занятых в экономике, 18,7 % работников отметили, что их основная деятельность не соответствует профессиональному призванию, затруднились ответить 24,5 %. При этом 66,4 % указали, что профессия соответствует их способностям и склонностям, отрицательный ответ дали 14,0 %, затруднились ответить 19,6 %.

В Вологодской области распространенность работы по призванию среди мужчин и женщин почти одинакова. Среди возрастных групп чаще трудятся по призванию лица старше 35 лет, что, скорее всего, говорит о двух фактах: во-первых, для осознания своего профессионального призвания людям необходимо время, а во-вторых, с возрастом приоритеты меняются, и работа по призванию приобретает в глазах населения бóльшую ценность. Кроме того, чем выше уровень образования, тем чаще люди стремятся работать по призванию. Интересно также, что доля выбравших работу в соответствии со своими способностями и склонностями во всех социально-демографических группах выше, чем тех, кто отметил, что их деятельность соответствует призванию (табл. 1). То есть работа по способностям – более распространенное явление, чем работа по призванию. Возможно, это говорит о том, что найти работу по способностям проще, чем по призванию.

Оценка соответствия трудовой деятельности профессиональному призванию в различных должностных группах выявила интересную закономерность: чем выше должностная позиция, тем чаще респонденты отмечали, что работа соответствует их призванию и способностям (табл. 1).

Отметим, что профессиональное призвание не обязательно совпадает с полученной специальностью. Так, среди населения, работающего по призванию, только 71 % отметили, что трудятся по специальности, полученной в профессиональном учебном заведении (табл. 2). Для 27 % работников найденное

Таблица 1. Доля работающих в соответствии с призванием и способностями по должностным группам в Вологодской области, в %

Должностная группа	Соответствует ли Ваша профессия (основная деятельность) Вашему призванию?			Соответствует ли Ваша профессия (основная деятельность) Вашим способностям и склонностям?		
	Да	Нет	Затрудняюсь ответить	Да	Нет	Затрудняюсь ответить
Руководители предприятия, организации	84,5	8,6	6,9	86,2	6,9	6,9
Руководители среднего звена	67,7	16,2	16,2	75,8	12,1	12,1
Руководители низшего звена	62,2	21,6	16,2	67,6	27,0	5,4
Специалисты (рабочие) высшей квалификации	67,3	9,1	23,6	81,7	3,0	15,2
Специалисты (рабочие) средней квалификации	56,5	19,6	23,9	67,6	13,6	18,8
Вспомогательный персонал	34,5	37,3	28,2	46,4	30,0	23,6
Неквалифицированные работники	31,6	38,6	29,8	37,9	34,5	27,6

Источник: мониторинг качественного состояния трудового потенциала населения Вологодской области; ИСЭРТ РАН; 2014 г.

Таблица 2. Доля работающих и не работающих по специальности, полученной в профессиональном учебном заведении, в группах населения, работающего и не работающего в соответствии с призванием и способностями, в %

Работаете ли Вы по специальности?	Соответствует ли Ваша профессия (основная деятельность) Вашему призванию?			Соответствует ли Ваша профессия (основная деятельность) Вашим способностям и склонностям?		
	Да	Нет	Затрудняюсь ответить	Да	Нет	Затрудняюсь ответить
Да	71,0	28,5	44,9	67,9	27,1	39,1
Нет	26,6	62,4	48,8	29,0	63,9	54,2
Не получал(а) специальности	2,4	9,0	6,3	3,0	9,0	6,7

Источник: мониторинг качественного состояния трудового потенциала населения Вологодской области; ИСЭРТ РАН; 2014 г.

и реализуемое профессиональное призвание оказалось не соответствующим приобретенной специальности. В то же время заметим, что процент работающих по специальности среди трудящихся по призванию довольно высок в отличие от показателей в противоположной группе, а значит, расходы федерального и областного бюджета на профессиональное образование будут тем эффективнее, чем больше доля населения, нашедшего свое профессиональное призвание и работающего в соответствии с ним. Аналогичные выводы можно получить, если рассматривать работу по специальности и соответствие основной деятельности способностям и склонностям.

Наряду с тем, что работающие по призванию чаще трудятся по приобретенной специальности, что выгодно для экономики, поскольку оправдывает бюджетные вложения в профобразование, они еще и более ответственно от-

Таблица 3. Характеристика трудовой деятельности в группах населения, работающего и неработающего в соответствии с призванием и способностями, в %

Что из перечисленного ниже характеризует Вашу трудовую деятельность?	Соответствует ли Ваша профессия (основная деятельность) Вашему призванию?			Соответствует ли Ваша профессия (основная деятельность) Вашим способностям и склонностям?		
	Да	Нет	Затрудняюсь ответить	Да	Нет	Затрудняюсь ответить
<i>Положительные характеристики трудовой деятельности (вариант ответа «Часто бывает»)</i>						
Выполнение норм выработки (нормированных заданий) на 100 % – делаю ровно столько, сколько от меня требуют	65,6	52,9	44,2	63,3	52,7	43,0
Перевыполнение норм выработки (нормированных заданий) более чем на 100% – делаю больше, чем от меня требуют	31,1	18,6	23,6	30,7	17,5	20,1
Сдача работы с первого предъявления с высоким качеством (оценкой), без замечаний	58,3	40,5	35,3	55,1	41,6	34,5
Подача рационализаторских предложений, предложений по улучшению работы в цехе, отделе и т. д.	12,1	5,9	5,1	11,6	4,3	4,7
<i>Отрицательные характеристики трудовой деятельности (вариант ответа «Часто бывает» и «Иногда бывает»)</i>						
Невыполнение норм выработки (нормированных заданий) – делаю меньше, чем от меня требуют	30,7	43,0	46,9	33,3	42,8	45,7
Опоздания, прогулы, уход с работы раньше времени	26,7	34,8	39,4	28,6	35,5	38,0
Срывы в работе: по Вашей вине случались аварии, простаивало оборудование, допускались ошибки в документации, управленческие и т. д.	23,5	28,2	35,3	25,8	27,1	33,3

Источник: мониторинг качественного состояния трудового потенциала населения Вологодской области; ИСЭРТ РАН; 2014 г.

носятся к трудовой деятельности, отличаются большей результативностью труда. Так, респонденты, чья трудовая деятельность соответствует призванию и способностям, чаще отмечали, что выполняют и перевыполняют нормы выработки (нормированные задания), сдают работу с первого предъявления с высоким качеством без замечаний, подают рационализаторские предложения и предложения по улучшению работы в цехе, отделе и т. д. (табл. 3). Кроме того, эти работники реже отмечали, что допускают нарушение трудовой дисциплины, невыполнение нормированных заданий, срывы в работе, аварии, простой оборудования, ошибки в документации, управленческие ошибки и т. д.

Интересной представляется исследовательская задача оценки качества трудового потенциала и его реализации в группах населения работающего и неработающего по призванию. Для измерения качественных характеристик

населения трудоспособного возраста в рамках мониторинга качественного состояния трудового потенциала населения Вологодской области нами использовалась методика, разработанная специалистами ИСЭПН РАН под руководством Н. М. Римашевской, позволяющая в индексной форме оценить восемь базовых качеств: физическое и психическое здоровье населения, когнитивный потенциал и творческие способности, коммуникабельность, культурный и нравственный уровни, потребность в достижении. Подробно сама методика и инструментарий изложены в монографии [6]. Оценка степени использования в трудовой деятельности качеств населения, измеренных по данной методике, уже проводилась в ИСЭРТ РАН. Методика ИСЭРТ РАН описана нами ранее в статьях [7; 8] и основана на блоке вопросов: «Насколько сильно Вы “выкладываетесь” на работе? В какой мере используете свои качества и умения?» Для непосредственных измерений в анкете применяется следующая четырехбалльная шкала: использую в полной мере (на пределе своих возможностей) – 4 балла, более-менее полно (могу использовать больше) – 3, частично (мало) – 2, очень мало (по минимуму) – 1 балл. В дальнейшем, путем деления фактического числа баллов на максимально возможное, полученные баллы переводились в индексы, условно названные индексами уровня реализации трудового потенциала и соответствующие восьми базовым индексам качества трудового потенциала.

Как показывают результаты исследования, работа по призванию ассоциируется с большей выраженностью всех без исключения качественных характеристик трудового потенциала. Респонденты, профессиональная деятельность которых соответствует призванию, в большей степени выкладываются на работе и используют свои качества и умения (табл. 4). При этом трудовой потенциал по мере использования имеет свойство не снижаться, а накапливаться и увеличиваться, что подтверждается нашими измерениями. Так, работающие по призванию отличаются более высоким качеством трудового потенциала, что, на наш взгляд, свидетельствует о положительном влиянии профессиональной деятельности по призванию на развитие человека как специалиста, повышение его квалификации, расширение объема профессиональных знаний и умений, накопление трудового потенциала. То есть работающие по призванию в целом обладают более развитыми личностными качествами и умениями и при этом интенсивнее их используют. Очевидно, что такие работники выгодны для предприятий и организаций области.

Анализ данных показал, что трудовая деятельность, соответствующая способностям и склонностям человека, также характеризуется более интенсивным использованием его трудового потенциала. Это также подтверждается результатами самооценки производительности труда: так, работники, трудящиеся по призванию, выше оценивают производительность своего труда (в среднем по группе – 7,93 балла по 10-балльной шкале), чем те, чья профессиональная деятельность не соответствует призванию (7,2 балла). Аналогичные различия выявлены в группах респондентов, отметивших, что их рабо-

Таблица 4. Качество трудового потенциала и уровень его реализации в группах населения, работающего и неработающего в соответствии с призванием и способностями

Характеристика		Соответствует ли Ваша профессия (основная деятельность) Вашему призванию?			Соответствует ли Ваша профессия (основная деятельность) Вашим способностям и склонностям?		
		Да	Нет	Затрудняюсь ответить	Да	Нет	Затрудняюсь ответить
Качество трудового потенциала, индекс	Физическое здоровье	0,760	0,729	0,734	0,756	0,738	0,724
	Психическое здоровье	0,786	0,761	0,731	0,784	0,764	0,715
	Когнитивный потенциал	0,643	0,600	0,607	0,640	0,587	0,606
	Творческие способности	0,571	0,561	0,553	0,573	0,535	0,556
	Коммуникабельность	0,794	0,737	0,706	0,781	0,744	0,707
	Культурный уровень	0,707	0,635	0,666	0,698	0,639	0,667
	Нравственный уровень	0,805	0,737	0,781	0,795	0,736	0,790
	Потребность в достижении	0,675	0,612	0,604	0,667	0,596	0,609
Уровень реализации качества трудового потенциала, индекс	Физическое здоровье	0,796	0,733	0,758	0,794	0,721	0,748
	Психическое здоровье	0,824	0,764	0,747	0,823	0,731	0,737
	Когнитивный потенциал	0,826	0,682	0,750	0,822	0,659	0,727
	Творческие способности	0,773	0,586	0,674	0,762	0,549	0,670
	Коммуникабельность	0,859	0,777	0,788	0,859	0,753	0,770
	Культурный уровень	0,858	0,737	0,750	0,850	0,713	0,739
	Нравственный уровень	0,854	0,743	0,763	0,849	0,713	0,754
	Потребность в достижении	0,770	0,619	0,684	0,760	0,602	0,675

Источник: мониторинг качественного состояния трудового потенциала населения Вологодской области; ИСЭРТ РАН; 2014 г.

та соответствует или не соответствует способностям и склонностям: средний балл – 7,91 и 7,14 соответственно.

Если рассматривать в качестве характеристики производительности и результативности труда заработную плату занятых в экономике, то здесь также прослеживается положительный эффект от работы по призванию. Средняя заработная плата в группе лиц, трудящихся по призванию, в 2014 г. была выше, чем в противоположной группе, почти на 5 тысяч рублей: 18 591 рубль и 13 797 рублей соответственно. А это значит, что в 2014 г. в Вологодской области каждый человек, работающий по призванию, в среднем отчислял в региональный бюджет на 700 рублей больше налогов, чем тот, чья трудовая деятельность не соответствовала профессиональному призванию. Соответствие работы жителей региона их способностям и склонностям также выгодно для экономики: в данном случае отчисления с одного работника были

выше на 800 рублей. Причем следует учитывать, что особенностью социологических опросов является занижение показателей денежных доходов населения, в том числе и трудовых, поскольку в выборку зачастую не попадают самые обеспеченные граждане, а это значит, что в реальности экономический эффект от работы по призванию еще выше.

Кроме экономического эффекта, заключающегося в более высоких показателях результативности труда работающих по призванию, этот феномен имеет также положительный социальный эффект, заключающийся в росте удовлетворенности населения работой и жизнью в целом и, как следствие, снижении социальной напряженности.

Для сопоставимости данных расчет индексов удовлетворенности проводился нами по примеру, указанному в статье В. Р. Шухатович [4]. Каждый индекс получался вычитанием частоты отрицательных ответов из частоты положительных и делением полученного значения на 100. Рассчитанный таким образом индекс принимает значения от 1 до -1, при этом знак «минус» означает численный перевес отрицательных суждений.

Результаты расчетов показали, что для респондентов, отметивших, что работа соответствует призванию, характерны более высокие значения индексов удовлетворенности условиями труда, зарплатой, работой и жизнью в целом (табл. 5). Аналогичная закономерность наблюдается, если рассматривать соответствие трудовой деятельности способностям и склонностям респондентов. Результаты расчетов, проведенных в Вологодской области, подтверждают оценки, полученные в статье [4] для Республики Беларусь. Действительно, выбор профессии (основной деятельности) в соответствии со способностями, склонностями и призванием сопровождается более высокими показателями удовлетворенности жизнью и работой.

Таблица 5. Индексы удовлетворенности жизнью и работой в группах населения, работающего и не работающего в соответствии с призванием и способностями

Удовлетворенность	Соответствует ли Ваша профессия (основная деятельность) Вашему призванию?			Соответствует ли Ваша профессия (основная деятельность) Вашим способностям и склонностям?		
	Да	Нет	Затрудняюсь ответить	Да	Нет	Затрудняюсь ответить
Жизнью	0,506	0,088	0,264	0,517	0,024	0,113
Работой	0,504	-0,088	0,094	0,479	-0,117	-0,042
Размером заработка	-0,136	-0,680	-0,452	-0,203	-0,655	-0,458
Условиями труда	0,443	-0,004	0,067	0,419	-0,029	-0,046

Источник: мониторинг качественного состояния трудового потенциала населения Вологодской области; ИСЭРТ РАН; 2014 г.

Обобщая результаты исследования и отвечая на вопрос, вынесенный в название статьи, однозначно отметим, что работа по призванию выгодна для экономики. Как показал социологический анализ, соответствие трудовой

деятельности профессиональному призванию работника дает положительный экономический эффект в виде более высокой производительности труда, соблюдения трудовой дисциплины, выполнения норм выработки, сдачи работы с первого предъявления с высоким качеством, повышения уровня реализации трудового потенциала, более высокой заработной платы и, как следствие, большего объема ежемесячных налоговых отчислений в региональный бюджет.

Литература

1. Соколова, Г. Н. Модернизация как технологический и социальный феномен: Беларусь–Россия / Г. Н. Соколова // Социс. – 2012. – № 5. – С. 3–12.
2. Беляева, Л. А. Модернизация России – модернизация регионов / Л. А. Беляева // Филос. науки. – 2012. – № 7. – С. 5–6.
3. Вебер, М. Избранные произведения : пер. с нем. / М. Вебер ; сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова ; предисл. П. П. Гайденко. – М. : Прогресс, 1990. – 808 с.
4. Шухатович, В. Р. Профессиональное призвание: к вопросу о неэкономических факторах экономического роста / В. Р. Шухатович // Экон. и соц. перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2014. – № 5. – С. 188–192.
5. Горшков, М. К. Об аксиоматической трактовке влияния неэкономических факторов на экономический рост / М. К. Горшков // Экон. и соц. перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2014. – № 5. – С. 45–56.
6. Трудовой потенциал региона: состояние и развитие / В. А. Ильин [и др.]. – Вологда : ВНКЦ ЦЭМИ РАН, 2004. – 107 с.
7. Чекмарева, Е. А. Повышение уровня реализации трудового потенциала: роль заработной платы / Е. А. Чекмарева // Экон. и соц. перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2011. – № 2 (14). – С. 165–172.
8. Чекмарева, Е. А. Трудовая деятельность как форма реализации трудового потенциала / Е. А. Чекмарева // Трудовой потенциал как фактор устойчивого развития территории : материалы Рос. науч.-практ. семинара, г. Вологда, 16–17 дек. 2010 г. – Вологда : ИСЭРТ РАН, 2011. – С. 147–157.

E. A. CHEKMAREVA, A. A. SHABUNOVA

PROFESSION BY VOCATION: IS IT BENEFITIAL FOR ECONOMY?

Summary

The article monitors the economic effect of profession by vocation and by capabilities on the base of sociological measurement. It contains sociological analysis of the major indicators of labor activity of the population that work by vocation and without regarding to it. It assesses the performance of labor activity, quality of labor potential and level of its realization, life satisfaction as well as satisfaction with job, wages and working conditions among the group of population working by vocation compared to the similar indicators in the other group. It is shown that on the average people who work by their vocation work more intensively, fulfill (or go over) the quota, show more responsibility and have better indicators of labor productivity and wages.

Keywords: professional vocation, profession, capabilities, labor activity, labor potential, quality of the population.

Поступила 12.10.2015 г.

И. А. АНДРОС,

кандидат социологических наук, доцент, Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

РОЛЬ ИНДИВИДУАЛЬНОЙ ТРУДОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ВОЗРОЖДЕНИИ ЧАСТНОЙ ИНИЦИАТИВЫ В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ

В статье анализируется процесс развития предпринимательской деятельности в СССР. На материалах статистических данных и социологических исследований рассматриваются достижения и трудности в возрождении частной инициативы в Советском Союзе.

Ключевые слова: индивидуальная трудовая деятельность, индивидуальное хозяйство, перестройка, предпринимательство.

В середине 1980-х гг. при обсуждении реформ в социалистическом методе хозяйствования СССР главным стоял вопрос о возрождении чувства собственника, под которым понимались бережливость, рачительность, забота о своем. Радикальная экономическая реформа связывалась с переходом от однообразия к многообразию форм собственности и форм хозяйствования. Осуществлялся переход к экономике, включающей государственный, кооперативный и индивидуальный секторы, базирующиеся на различных формах собственности – государственной, кооперативной, индивидуальной. Предполагалось формирование и четвертого сектора экономики, основанного на сочетании различных форм собственности, включая инвестированный иностранный капитал. Однако термином «индивидуальная трудовая деятельность» (ИТД) советские реформаторы пытались подменить гораздо более точный, адекватно отражающий суть дела термин «частнохозяйственная деятельность», которая может быть основана не только на личном, но и наемном труде. Советские люди получили возможность воплощать в жизнь принцип единства личного и общественного. Несмотря на идеологические препятствия, возникшие в «перестроечной» экономике на пути экономической целесообразности и эффективности, должен был появиться новый субъект хозяйствования. Как показала жизнь, в эту парадигму вписывались пока индивидуалы и кооператоры, так как большинству перестраиваться самим оказалось значительно труднее, чем призывать к перестройке других. Ретроспективный анализ развития частной инициативы в СССР послужит основным инструментом обоснования в дальнейшем современной специфики белорусского предпринимательства.

Возрождение предпринимательства в Беларуси началось с принятия в 1986 г. постановления бывшего союзного правительства о создании коопера-

тивов по заготовке и переработке вторичных ресурсов и отходов производства в системе бывшего Госнаба СССР. Закон СССР «Об индивидуальной трудовой деятельности» был принят шестой сессией Верховного Совета СССР одиннадцатого созыва (19 ноября 1986 г.) и введен в действие с 1 мая 1987 г. на основании установок XXVII съезда КПСС о необходимости упорядочения данного вида деятельности и ее совмещения с принципами социалистического хозяйствования¹. Согласно ст. 1 данного Закона, «индивидуальной трудовой деятельностью является общественно полезная деятельность граждан по производству товаров и оказанию платных услуг, не связанная с их трудовыми отношениями с государственными, кооперативными, другими общественными предприятиями, учреждениями, организациями и гражданами, а также с внутриколхозными трудовыми отношениями». Государство поощряло вступление граждан, занимающихся индивидуальной трудовой деятельностью, в договорные отношения с государственными, кооперативными и другими общественными предприятиями, учреждениями, организациями. Также приветствовалось объединение этих граждан в установленном законодательством порядке в кооперативы, добровольные общества, товарищества. Не допускалась индивидуальная трудовая деятельность с привлечением наемного труда, с целью извлечения нетрудовых доходов или в ущерб другим общественным интересам. В соответствии с официально утвержденным Законом, эта деятельность осуществлялась в более чем 30 различных видах работ и услуг. В указанных целях необходимо было иметь соответствующее разрешение, которое выдавалось Исполнительным комитетом местных Советов народных депутатов на срок до 5 лет [1]. Спустя два года со дня, когда вступил в силу Закон об ИТД, были выставлены оценки дебюту новой для советского общества трудовой деятельности. Хотя по оценкам ряда советских экономистов доходы частных в сфере услуг по своим масштабам сопоставимы были с оборотом государственных учреждений (за вычетом из общей суммы услуг, оказываемых организациям) [2, с. 13–23], однозначная оценка этого явления была бы упрощением реальной картины. Частники удовлетворяли определенную общественную потребность, восполняя недостаток услуг, предоставляемых населению государством. Во многих случаях частные услуги оплачивались соразмерно трудовым затратам, особенно если их оказывали специалисты, обладавшие высокой квалификацией. Но именно в этой сфере процветали «законные нетрудовые доходы», обусловленные взимаемой переплатой с клиентов. Рассматриваемые услуги сплошь и рядом оказывались в рабочее время и нередко с использованием принадлежащих государству средств производства: грузовых и легковых автомашин, автокранов, бульдозеров, краденых и купленных у спекулянтов стройматериалов и запчастей. И поскольку «незаконные трудовые доходы» получали представители четко определившихся

¹ Закон утратил силу с момента введения в действие в апреле 1991 г. Закона СССР «Об общих началах предпринимательства граждан в СССР». Граждане, осуществлявшие свою деятельность на основе Закона об ИТД, должны были пройти регистрацию до 1 января 1992 г.

групп, паразитировавших на теле общества: спекулянты, взяточники, расхищители народного добра, браконьеры, тунеядцы, то бескомпромиссная борьба с этими явлениями была завязана на усилении контроля со стороны правоохранительных и финансовых органов и создании атмосферы нетерпимости по отношению к спекулянтам и «левакам».

Как следствие, в общественном сознании назревала необходимость иметь точное представление, что такое индивидуальное хозяйство. Исследования в сфере индивидуального труда в Советском Союзе проводились прибалтийскими учеными. Благодаря их анализу личных подсобных хозяйств сегодня мы имеем представление о той роли, которую они играли в народном хозяйстве Советского Союза. Итак, на тот момент индивидуальное хозяйство представляло собой целостную, относительно самостоятельную сферу экономической деятельности. Его структуру можно и сейчас представить по-иному, но был предложен подход, когда индивидуальное хозяйство включает в себя ряд составных частей, которые можно рассматривать как элементы отраслевых подсистем. Основные из них: 1) домашнее хозяйство, 2) личное подсобное хозяйство (ЛПХ), 3) индивидуальное строительство, 4) индивидуально-бытовое обслуживание, 5) кустарно-ремесленное производство [3, с. 33–40]. Основной задачей домашнего хозяйства выступает обеспечение личного потребления. В середине 1980-х гг. некоторые исследования свидетельствовали, что объем домашней работы не уменьшался, а скорее рос [4, с. 13–16]. Объяснялось это недостаточным развитием сферы обслуживания, а также увеличением денежных доходов и, следовательно, потребностей, что привело к появлению новых видов деятельности (уход за приборами, автомашинами, садовыми домиками и т. д.). Выделялась еще одна, не менее важная, функция домашнего хозяйства – это воспитание детей. В поддержку домашнего хозяйства говорилось о его роли в восстановлении уважительного отношения к домашнему труду, в формировании нравственных качеств личности. Личное подсобное хозяйство имели, как правило, семьи, в чьем пользовании находились земельные участки. Если владелец индивидуального дома не выращивал на приусадебном участке сельскохозяйственные культуры, а разбивал декоративный сад, то в таком случае труд относился к сфере домашнего хозяйства. В 1983 г. в СССР личное подсобное хозяйство вели 46,6 млн семей колхозников, рабочих и служащих, они использовали 8,5 млн га земли и производили более четверти всей продукции сельского хозяйства [5, с. 3, 5]. Будущий владелец индивидуального дома должен был обладать незаурядными организаторскими способностями. Статистические данные по индивидуальному строительству таковы: в личной собственности граждан СССР в 1984 г. находилось 1645 млн м² полезной площади жилищ, или 41,4 % всего жилого фонда страны, из них 35,0 % в городской и 65,0 % в сельской местности. Индивидуальное строительство составило в 1984 г. 11,0 % от общего числа сданных в эксплуатацию квартир [6, с. 437, 440]. Что касается индивидуально-бытового обслуживания, то в стране начало расти количество договоров между

гражданами, готовыми оказать населению услуги, и финансовыми органами. В результате заметно улучшилось положение в таких областях, как ремонт автомашин, теле- и радиоаппаратуры, одежды, обуви, сдача в аренду отдыхающим жилых помещений на курортах. Кустарно-ремесленное производство было связано преимущественно с изготовлением изделий непродовольственного характера: одежды, мебели, кухонного оборудования, садово-огородного инвентаря, детских игрушек и т. д. Надомничество являлось одновременно и формой ИТД, и частью планово-организованного крупного общественного производства.

Обращаясь к теме личного подсобного хозяйства, политика партии давала позитивную оценку этого вида трудовой деятельности, так как ЛПХ являлось важным подспорьем в производстве продовольствия. Тем не менее в некоторых статистических сборниках (например, «Благосостояние советского народа») при распределении населения по источнику средств существования занятые в ЛПХ до 1990 г. относились к категории «Иждивенцы отдельных лиц, а также занятые только в ЛПХ» и в среднем составляли примерно 30 % от общей численности населения (1979 г. – 80 195 тыс. человек, 1989 г. – 86 049 тыс. человек) [7, с. 19]. Кроме того, в отечественной юридической литературе появился новый термин – «законные нетрудовые доходы». Означало это следующее. Когда не установлен факт перепродажи, правоохранные органы не могут привлечь продавцов к административной и тем более уголовной ответственности, по каким бы ценам они не сбывали свой товар. Особенно это касалось ИТД в ее «чистых» формах, не привязанных, как труд в ЛПХ, к общественному хозяйству, например, в кустарных промыслах и, особенно, в сфере услуг, где изготавливаемые на продажу изделия и оказываемые частными лицами услуги целиком относились к сфере так называемого неорганизованного перераспределения доходов. Кроме того, расширение масштабов и интенсификация ИТД сопровождалась снижением у части работников активности в общественном производстве, вплоть до правонарушений. Говоря о причинах потерь рабочего времени на советских предприятиях, то основной выступала все-таки недостаточная организация труда его руководством: когда нет работы, можно заняться и своими делами, тем более что это никак не отразится на заработной плате. Что касается администрации, то, не сумев должным образом организовать труд людей, она лишалась возможности применять предусмотренные законом санкции [8, с. 85–89]. Свободное рабочее время становилось хорошей возможностью «голыми руками деньги делать». Например, организация труда в ЛПХ была экономичной в том смысле, что здесь «отсутствуют непроизводительные затраты времени на доставку к месту работы и обратно, равно как простои и потери рабочего времени. Естественные перерывы в выполнении отдельных работ используются для домашнего труда или отдыха и не входят в состав рабочего времени» [9]. Возможность зарабатывать больше «на стороне», чем на предприятии, охлаждала трудовой энтузиазм по месту основной работы, снижала трудовую дисциплину. Дан-

ная проблема была связана с не всегда адекватно поощряемым интенсивным трудом на государственных предприятиях. В условиях нехватки трудовых ресурсов администрация предприятий обычно относилась к нарушителям более терпимо, чем они того заслуживали.

Таким образом, вопрос о возможности использования частнопредпринимательской деятельности в условиях социализма оставался одним из важнейших и весьма дискуссионных вопросов периода перестройки (1985 – начало 1990-х гг.). Опыт ряда социалистических стран и страны Советов в период новой экономической политики (нэпа) свидетельствовал о том, что при обеспечении соответствующего государственного контроля развитие такого рода деятельности в определенной мере может способствовать решению ряда существенных проблем. Во-первых, предпринимательство влияет на насыщение в относительно короткие сроки рынка необходимыми потребительскими товарами и платными услугами. Во-вторых, ведет к усилению подлинной конкуренции, жесткой экономической соревновательности между предприятиями, относящимися к различным формам собственности. В свою очередь, конкуренция побуждает предприятия к ускорению технического перевооружения производства, повышению потребительских качеств изготавливаемой продукции и предоставляемых услуг, снижению затрат на производство, одним словом, к серьезному улучшению основных показателей работы. В-третьих, создаются дополнительные возможности расширения сферы приложения труда. Вместе с тем предприятия ставятся в условия необходимости более эффективного использования трудового потенциала и наряду с этим к улучшению условий труда и быта работающих. На основе действительного улучшения показателей производственной деятельности развивается и соревновательность в области заработной платы [10, с. 86]. Советская пропаганда внушала, что социальная природа отечественного рынка иная, а что касается форм собственности, то брать из мирового опыта надо все лучшее. Если те или иные экономические формы, например рынок, банки, кредит, способствуют повышению эффективности производства, ускорению научно-технического прогресса, рационализации структуры народного хозяйства и при этом не противоречат нашим принципам – не ведут к эксплуатации, к угнетению каких-то социальных групп, то их надо использовать. Необходимо использовать не только новые формы, но и старые – не для того, чтобы с ними мириться, как писал В. И. Ленин, а «чтобы все формы сделать орудием борьбы за утверждение социализма» [11, с. 50].

Анализ сложившейся в СССР ситуации показал, что когда индивидуальное хозяйство рассматривалось теоретически, специалисты в принципе высказывались единодушно одобрительно. Так, одним из новых направлений обеспечения потребностей советского народа в сельскохозяйственной продукции было названо использование подсобных хозяйств граждан, коллективного садоводства и огородничества. Также более широкое развитие кооперативного и индивидуального строительства должно было способствовать решению

жилищной проблемы. Однако когда речь заходила о характеристике конкретных форм ИТД, то большая часть обществоведов начинала высказываться негативно, обвиняя индивидуальное хозяйство в источнике частнособственнических настроений. И поскольку индивидуальное хозяйство не подвластно плановому регулированию, то о его серьезном вкладе в экономику страны и говорить не стоило. Признавая личное подсобное хозяйство сложным, внутренне дифференцированным институтом, в годы перестройки руководство Советского Союза сделало большую ставку на крепкое личное подворье, определяя ему роль возрождения деревни, утерянных традиций крестьянской жизни, возвращения земле хозяина. Таким образом, официально индивидуальное хозяйство играло важную социальную и экономическую роль и не противоречило принципам социализма. Что касается общественного мнения, то здесь расхожим был стереотип об индивидуальном хозяйстве как о «золотом дне»: если человек занимается домашним хозяйством – он тунеядец, торгует на рынке – спекулянт, чинит радиоаппаратуру в свободное от работы время – шабашник и т. д. [3, с. 33–40].

Итак, во времена перестройки индивидуал как новый субъект хозяйствования представлял собой особый экономический тип личности – активный, настойчивый, расчетливый. Вовлекая в новые, обязывающие экономические отношения и разрушая тем самым размеренный ход жизни, он был фигурой беспокойной, неудобной, чуждой социализму. Простому народу сложно было понять социалистическую природу индивидуального труда – мешал социальный стереотип отождествления индивидуального с частным. Идеологи перестройки неимоверными усилиями пытались разъяснить общественности, что далеко не все индивидуальное является капиталистическим, а социалистическое – общественным [12, с. 24–36]. А то, что индивидуал является одновременно носителем как личного, так и общественного интереса, пытались разъяснить на примере индивидуальных хозяйств, о которых в той или иной степени советские граждане все-таки имели представление. Однако и в этом вопросе необходимо было разобраться, причем так, чтобы научно-теоретические и прикладные результаты можно было представить широкой общественности без номенклатурных штампов.

Реформируемой экономике Союза нужны были свои герои, отличные от западных (ведь от построения социализма еще не отказались). Этими героями стали лица, занятые индивидуальной трудовой деятельностью и кооперацией. Признанная официальной властью индивидуально-трудовая деятельность практически сразу была противопоставлена государственному сектору экономики как сфера свободной деятельности. Согласно данным статистики, в СССР пик развития индивидуально-трудовой деятельности пришелся на 1988 год, когда во всех 15(!) республиках численность лиц, занятых ИТД, увеличилась значительно, а в Армении и Таджикистане даже более чем в два раза [13, с. 65]. Тогда численность индивидуалов составляла в целом по стране 26 человек в расчете на 10 тыс. жителей. Заметно выше этот показатель был

в Литовской ССР – 134 человека, Латвийской ССР – 73, Эстонской ССР – 71, Армянской ССР – 68 человек; ниже в Узбекской ССР, Азербайджанской ССР и Киргизской ССР – по 16 человек, Казахской ССР – 15, Туркменской ССР – 14 и в Таджикской ССР – 13 человек. В Беларуси «плотность по ИТД» составила 27 человек [14, с. 329]. Статистические показатели были в целом очень обнадеживающие. Тем не менее советская статистика не занималась описанием социальных характеристик хозяйствующих субъектов: здесь традиционно указывались численность, объемы выполняемых работ и виды оказываемых услуг. А официальной пропаганде было непросто перейти от негативных комментариев деятельности российских магнатов капиталистической эпохи к положительным отзывам о работе признанных властью советских индивидуалов. Вначале лица, занимавшиеся ИТД, еще были «открыты» для получения информации о них самих. Ведь частная инициатива стала общественно значимой. Однако в конечном итоге твердо засевший в общественном сознании социальный стереотип хозяина как отрицательного субъекта экономики привел к нежеланию деловых людей «светить» себя и плоды своих трудов. Кроме того, частная инициатива стала более профессиональной. Потребность в профессионализме первых предпринимателей предполагала наличие уже не только определенных качеств, мотивов и условий, но и постоянно обновляющихся знаний и умений в области экономики, права и социальной психологии. Начало развитию цивилизованных форм предпринимательства было положено перестройкой. Дальнейшее развитие частной инициативы на постсоветском пространстве стало зависеть от национальной стратегии отдельно взятой суверенной республики.

Литература

1. Российский правовой портал. Архив [Электронный ресурс]. – Москва, 2015. – Режим доступа: <http://zakon.law7.ru/base18/part5/d18ru5536.htm>. – Дата доступа: 06.08.2015.
2. Руткевич, М. Н. Социалистическая справедливость / М. Н. Руткевич // Социол. исслед. – 1986. – № 3. – С. 13–23.
3. Райг, И. Х. Что может индивидуальное хозяйство? / И. Х. Райг // Социол. исслед. – 1986. – № 1. – С. 33–40.
4. Тимяшевская, Н. В. Человек и жилая среда / Н. В. Тимяшевская // Изв. СО АН СССР. Сер. обществ. наук. – 1978. – Вып. 2. – С. 13–16.
5. Шмелев, Г. И. Личное подсобное хозяйство: возможности и перспективы / Г. И. Шмелев. – М. : Политиздат, 1983. – 95 с.
6. Народное хозяйство СССР в 1984 г. : стат. ежегодник. – М. : Финансы и статистика, 1985. – 631 с.
7. Благополучие советского народа : крат. стат. сб. – М. : Информ.-издат. центр, 1990. – 48 с.
8. Улыбин, К. А. Социально-экономический потенциал индивидуального труда / К. А. Улыбин // Социол. исслед. – 1988. – № 4. – С. 14–19.
9. Афанасьев, В. С. Причины социально-экономических потерь на производстве / В. С. Афанасьев // Социол. исслед. – 1987. – № 3. – С. 85–89.
10. Методологические проблемы системного изучения деревни / отв. ред. Т. И. Заславская, Р. В. Рывкина. – Новосибирск : Наука, 1977. – 271 с.

11. Кунельский, Л. Э. Перестройка и социальная справедливость (экономический аспект) / Л. Э. Кунельский. – М. : Наука, 1990. – 208 с.
12. Абалкин, Л. И. Перестройка: пути и проблемы : интервью директора Ин-та экономики АН СССР акад. Л. И. Абалкина с совет. и иностранными журналистами (сент. 1986 г. – май 1988 г.). – М. : Экономика, 1988. – 190 с.
13. Народное хозяйство СССР в 1990 г. : стат. ежегодник / Госкомстат СССР. – М. : Финансы и статистика, 1991. – 752 с.
14. Народное хозяйство СССР в 1988 г. : стат. ежегодник / Госкомстат СССР. – М. : Финансы и статистика, 1989. – 766 с.

I. A. ANDRAS

THE ROLE OF INDIVIDUAL LABOUR ACTIVITY IN PRIVATE INITIATIVE RENEWAL IN THE SOVIET UNION

Summary

The article analyzes the process of entrepreneurship development in the USSR. Based on materials of statistical data and sociological research the achievements and challenges in private initiative renewal in the Soviet Union are considered.

Keywords: individual labour activity, individual household, reorientation, entrepreneurship.

Поступила 22.09.2015 г.

СОЦИОЛОГИЯ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ

УДК 316.66+351

Ф. И. ХРАМЦОВА,

*доктор политических наук, профессор,
Филиал Государственного образовательного учреждения
высшего профессионального образования
«Российский государственный социальный университет», г. Минск*

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ КЛАСТЕР ВУЗА КАК МЕХАНИЗМ АКАДЕМИЧЕСКОЙ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ И СОЦИАЛЬНОЙ МОБИЛЬНОСТИ УЧАЩЕЙСЯ И СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Раскрыта актуальная и не разработанная в научном отношении тема образовательного кластера «гимназия–вуз–наука». Определены научно-концептуальные основы формирования кластера в условиях партнерства научной организации, вуза, гимназии. Выявлены детерминанты кластерных механизмов академической и социальной мобильности учащейся и студенческой молодежи и критерии эффективности.

Ключевые слова: общество знаний, учащаяся и студенческая молодежь, образовательный кластер, инновационный цикл, кластерные продукты, академическая преемственность, социальная мобильность.

Возрастающая роль образования в построении белорусского общества знаний определяет императив инновационной подготовки специалистов как сферы национальных интересов и фактора социальной модернизации. Исходя из руководящих принципов Кодекса Республики Беларусь об образовании (2011), выступающего в качестве образовательной доктрины, достижение целей образования невозможно без инновационных подходов в подготовке специалистов, способных на высоком уровне решать не только профессиональные задачи, но и проводить научные исследования, создавать новые технологии и инновационные продукты. Решение такой задачи в усложняющейся реальности вызовов глобализации, социальных турбуленций связано с эффективностью процесса воспроизводства исследовательского потенциала молодежи на основе инфраструктуры академической преемственности и социальной мобильности.

Практика убедительно подтверждает, что значение инфраструктуры вуза, обладающей автономностью ряда некоторых функций, ресурсом капитализации продуктов научно-исследовательской деятельности, развития социального потенциала молодежи, трудно переоценить. В этой связи задача формирования образовательных кластеров вузов сегодня понимается как один из механизмов модернизации образования и общества.

Как показывает анализ внедрения генеративной модели образовательного кластера вуза (на примере Филиала РГСУ в г. Минске)¹, эффективность нововведения определяют детерминации интеграции и синхронизации образовательного процесса и научно-исследовательской деятельности на основе участия преподавателей и студентов в выполнении заданий НИР, под руководством ведущих специалистов вуза, ученых научных учреждений. В данном эмпирическом измерении основу кластера составляет триада «гимназия–вуз–наука» как архитектура воспроизводства потенциала научных кадров средствами академической преемственности в выполнении заказа государства на основе партнерства учреждений высшего, общего образования и науки отраслевой направленности, географической близости, общности целей-мотивов, целей-намерений в сфере инноваций. Однако ядром-центром такой модели образовательного кластера является университет – генератор технологий профессиональной подготовки кадров особого, мультипликативного² типа, способных нестандартно и «творчески умножать» научно-исследовательский эффект приобретаемых в ходе обучения и исследований компетенций путем участия в выполнении заказов государственных программ (например, НИР).

В этой связи в данной работе раскрываются научные основы развития генеративной модели образовательного кластера, исходная методология которого опирается на общую теорию кластера М. Портера («Конкуренция», 1998), разработанную в сфере экономической деятельности. Уточним, что в данном случае речь идет об экономическом кластере. Это регионально структурированное объединение институционально регламентированной инновационной деятельности на основе разработки локально-региональных нормативно-правовых актов в русле национального законодательства. В целом кластер как форму интеграции отличает взаимодействие со сферой «индустрии знаний»: научными организациями, ведущими университетами в условиях возрастания конкуренции. Уточним, здесь М. Портер выделяет 6 типов кластера: экономический; политический; исследовательский; финансовый; образовательный. В современных реалиях глобализации и конкуренции за ресурсы

---

¹ На примере Программы трехстороннего партнерства в сфере инновационного развития Филиала Российского государственного социального университета в г. Минске (далее – Филиал РГСУ в г. Минске), государственного учреждения образования «Гродненская городская гимназия» (далее – ГУО «Гродненская городская гимназия») и государственного научного учреждения «Институт социологии» Национальной академии наук Беларуси (далее – ГНУ «Институт социологии НАН Беларуси») в контексте российского и белорусского законодательства. Программа разработана НИР государственной программы научных исследований «Гуманитарные науки как фактор развития белорусского общества и государственной идеологии» («История, культура, общество, государство», 2011–2015 гг., подпрограмма 3 «Социология и философия»).

² Мультипликативность (лат. *multiplication* – умножение) – математическое понятие, отражающее непрерывно-возрастающий характер связей и отношений между элементами множества. В данном контексте термин означает сингулярную интегральную, генеративную способность личности творчески решать профессиональные задачи на автономном уровне полного инновационного цикла.

и рынки сбыта стремительно развиваются новые типы кластеров по масштабу интеграции, новым целям и специфике сфер деятельности кластерных субъектов. Отсюда дополним типы кластерных образований, такие как: хозяйственно-экономические, коммуникационные, масс-медийные, транснациональные и т. д. Уточнение специфики феноменов представляет отдельный дискурс и ареал исследования.

Перейдем к исходным посылкам проектирования генеративной модели образовательного кластера вуза на основе трудов российских авторов. Например, А. М. Аблажей полагает, что решение задачи модернизации институтов высшего образования требует трансформации уже имеющихся форм и создания новых инфраструктур развития науки на базе вузов, исходя из опыта европейских стран. А. М. Аблажей уточняет, что необходимо использовать лабораторные базы научных учреждений для учебных занятий, проведения исследований преподавателями с участием студентов, коррекции учебных планов, программ [1, с. 52]. Ряд авторов, в частности Е. В. Гусликова, А. Л. Демчук, И. Г. Телешева, разрабатывают проблемы академической и социальной мобильности студентов, подчеркивая, что в рамках Болонского процесса, а также Европейской системы переноса и накопления зачетных единиц (ECTS) важной задачей является создание «инфраструктуры в целях мотивации инновационной деятельности в вузе». Среди направлений деятельности инфраструктур инновационной среды вуза они выделяют:

- 1) выполнение нестандартных заказов на целевое консультирование организаций, органов управления, включая научно-методическую поддержку;
- 2) экспертизу проектов, нормативных актов, инновационных продуктов;
- 3) организацию, проведение информационно-аналитических сессий, научно-методических семинаров, конференций, круглых столов, курсов повышения квалификации;
- 4) организацию социального и гендерного измерения образовательной среды учреждения высшего образования (на предмет обеспечения равных прав и возможностей доступа обучающихся к образовательным услугам);
- 5) обратную связь эффективности реализуемых новых форм, направлений деятельности в рамках Болонского процесса [2, с. 4–5].

Научный интерес для разработки проблемы представляет позиция Г. И. Лазарева и Т. В. Терентьевой, которые рассматривают инновационные подходы к реализации управленческой стратегии развития. В этой связи авторами раскрыты актуальные направления: синхронизация научной деятельности и образовательного процесса; ориентация научно-исследовательской деятельности в вузе на обеспечение практической востребованности научных результатов; преобразование академической работы в вузе в научно-ориентированную путем вовлечения студентов в научно-исследовательскую работу в рамках изучаемых дисциплин и профилей обучения [3, с. 5].

В этом вопросе также нельзя не учитывать сложившийся российский опыт новейшей истории интеллектуального производства 90-х гг. XX в. в рамках

президентской программы «Государственная поддержка интеграции высшего образования и фундаментальной науки на 1997–2000 гг.» («Интеграция»), который сегодня заложен в основу стратегии модернизации российского образования. К примеру, И. Дежина в работе «Опыт интеграции образования и науки на примере программы “Фундаментальные исследования и высшее образование”» отмечает, что в дальнейшем программе «Государственная поддержка интеграции высшего образования и фундаментальной науки на 1997–2000 гг.» придан статус федеральной программы, целью которой являлось инновационное развитие вузов путем создания «учебно-методических центров, основанных на сотрудничестве вузов с академическими организациями в области обучения и фундаментальных исследований» [4, с. 46]. Автор подчеркивает систему преемственности в реализации задач федеральной программы «Интеграция» и программы «Фундаментальные исследования и высшее образование», цель которой состоит в создании в вузах научно-образовательных центров (НОЦ) для разработки новых программ и методов; развитии экспериментальной базы; развитии связи с научными институтами РАН, зарубежными партнерами, организациями; проведении совместных научных исследований, поддержке перспективной и талантливой молодежи, исследователей.

Здесь также следует отметить, как подчеркивают ведущие эксперты, и с этим нельзя не согласиться, что одной из проблем внедрения кластерных механизмов инновационного развития вузов являются нормативно-правовые издержки в этой сфере так необходимой для кластерной практики практики регламентации. Российское законодательство в сфере интеграции науки и высшего образования содержит ряд противоречий между расширением возможностей взаимодействия и регламентацией ограничения возникающих новых форм. В частности, в Федеральном Законе «Об образовании в Российской Федерации» (глава 8, статья 72) регламентируются широкие возможности для инициативных проектов интеграции науки и высшего образования, однако формулировки новых форм интеграции, их толкование, как, например, дефиниций «кафедра», «лаборатория», в указанном документе отсутствуют. Тем самым нормативно ограничиваются инновационные формы интеграции науки и высшего образования: законодательство закрепляет за вузом создание кафедры в научных организациях для образовательной деятельности, за научной организацией – «создание лаборатории в вузе для осуществления научно-исследовательской деятельности». С другой стороны, «Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года» (2008 г.) выдвигает базовые приоритеты «обновления структуры системы образования», создания новых «институциональных форм организации институтов высшего образования», «социокультурных образовательных комплексов», «центров квалификаций», «ресурсных центров».

В этом отношении показательно мнение эксперта модернизации высшего образования В. Радаева, который утверждает, что традиционная модель университета на фоне стремительной дифференциации вузов, возникновения но-

вых разновидностей сегодня себя изжила, в том числе и западных университетов, где образовательная практика развивает принципы гумбольдтовского университета как центра воспроизводства научного знания [5, с. 6]. Разделяя мнение автора, подчеркнем, что в условиях конкуренции далеко не каждый вуз располагает материально-финансовыми, кадровыми ресурсами для решения амбициозной задачи. В этой связи исследуемая нами проблема академической преемственности и социальной мобильности имеет привлекательность для внедрения ввиду меньших затрат, за счет расширения многостороннего социального партнерства в общих интересах гражданского общества и национального государства.

Следует понимать, что кластерные ресурсы высшего образования не просто актуальны, они востребованы в контексте разработанных прогнозных вариантов модернизации системы высшего профессионального образования. В частности, проанализируем данный аспект в государственной программе Российской Федерации «Развитие образования» (2013–2020 гг.)¹. В этом документе заложено направление развития гибких прикладных вариативных образовательных программ, гибких модульных программ переподготовки, повышения квалификации кадров (кроме бакалаврских магистерских образовательных программ высшего профессионального образования). Так, в разделе «Развитие образования» (2013–2020 гг.) указаны контрольные показатели доли прикладных программ в вузах, которые к 2018 г., по прогнозу, достигнут 30 %. При этом к 2020 г. определено обучение студентов по индивидуальным учебным планам со значительной долей самостоятельной работы, новейших информационных технологий. По нашему мнению, уже сегодня необходимы нормативно-правовые и организационные условия перехода на этот уровень модернизации высшего профессионального образования. Это также предусмотрено федеральными образовательными стандартами поколения 3+. Разработка гибких прикладных вариативных образовательных программ и модульных программ невозможна без продуктивной деятельности в рамках кластера вуза.

На это обращает внимание и А. Ю. Ильин, подчеркивая, что такой тип деятельности позволит осуществить эффективно «планомерный переход к этапу обучения по индивидуальным планам, включающим значительную долю самостоятельной работы с использованием информационных технологий, наполнит реальным содержанием инновационные ориентиры развития открытой и динамично развивающейся образовательной среды» [6, с. 28]. А. И. Галаган указывает на преимущества кластера как организационной формы регионального объединения усилий заинтересованных сторон в целях повышения эффективности систем профессионального образования. Кластерный подход в этом случае является инструментом развития образовательных

---

¹ Распоряжение Правительства РФ от 15.05.2013 г. № 792–р. Ресурсы информационного портала ГАРАНТ.

систем, предусматривая взаимо- и саморазвитие субъектов взаимодействия «в процессе работы над проблемой». Преимущества, по мнению А. И. Галагана, состоят в том, что образовательный кластер содействует «устойчивости инновационного развития партнеров, усиливает конкретные преимущества, как отдельных участников, так и кластера в целом» [7, с. 178]. Авторы К. М. Щепакин, Н. В. Жукова выделяют признаки развитого образовательного кластера как критериев оценки: эффективность структур управления научно-исследовательской, поисковой, творческой деятельности в рамках кластера; устойчивость научно-исследовательских отношений многостороннего социального партнерства; непрерывность этапов научно-производственного цикла; конкурентоспособность, внутрикластерное взаимодействие при наличии конкурентных преимуществ; стабильность структуры кластера, приращение потенциала преимуществ от дисагрегации; устойчивость самоорганизации коммуникативных взаимосвязей субъектов кластера [8, с. 217–218].

Таким образом, обобщим послышки, внедренческий опыт и тем самым сформулируем принципы формирования образовательного кластера вуза:

1) институционализация кластера, включающая нормативное регулирование совместной деятельности субъектов, системы управления (кластерного ядра) в рамках принятия программ сотрудничества в сфере инновационного развития (трехстороннего, многостороннего);

2) комплексный подход в создании инфраструктуры образовательного кластера вуза: ресурсный, информационный, консалтинговый, финансовый центры; научные лаборатории, площадки научных структур; органы управления и мониторинга качества кластерных продуктов;

3) функционализация субъектов в регионально-локальном измерении, с учетом условий для развития академической преемственности, социальной мобильности обучающихся на различных этапах: от исходного уровня обучения в гимназии к обучению в вузе, от обучения в вузе к обучению в аспирантуре, далее профессиональная деятельность в научном учреждении;

4) интеграция учебного и научного процессов с целью генерирования новых научных знаний, разработки образовательных технологий и методик обучения, вооружения для будущей профессиональной деятельности;

5) трансформация функций преподавания в субъектность инновационного образовательного процесса (функции лектора-консультанта, ученого-исследователя, методиста-практика, координатора);

6) системный подход к научно-исследовательской и проектной деятельности преподавателей по созданию кластерных научно-методических продуктов с участием студентов, в основе которого курс генерализации образовательного кластера как приоритета инновационной политики вуза;

7) комплексное внедрение результатов НИР в практику образовательного процесса, модификация исследовательской компоненты индивидуальных маршрутов образовательной деятельности студентов через их участие в инновационных проектах, научно-производственных и исследовательских практи-

ках на базе научных учреждений, издания научных и методических публикаций, проведении творческих мероприятий, консалтинга по запросу.

Подчеркнем: институционализация образовательного кластера вуза включает ответственность сторон за выполнение обязательств в сфере инновационного сотрудничества на уровне руководителей организаций, полномочия которых определены уставными документами, нормативно-правовыми актами, федеральным законодательством Министерства образования и науки Российской Федерации, Конституцией Российской Федерации, Концепцией модернизации российского образования до 2020 г., Национальной доктриной образования Российской Федерации до 2025 г. и Федеральным Законом «Об образовании в Российской Федерации», также действующим национальным законодательством Республики Беларусь в сфере образования и науки, на государственной территории которого осуществляется реализация образовательного кластера.

Развивая выше указанные подходы, применяя выводы эмпирических исследований, разработана технология формирования образовательного кластера на примере Филиала РГСУ в г. Минске в рамках выполнения НИР «Разработка социокультурологической модели развития молодежных инициатив (молодежного участия в социально-экономических, политических и социокультурных процессах)» (№ 20110544 госрегистрации в реестре Президента Республики Беларусь 2011–2015 гг., научный руководитель – Ф. И. Храмцова). Суть технологии формирования образовательного кластера вуза включает взаимосвязанные этапы деятельности. На подготовительном этапе – определение потребностей, мотивации субъектов образовательного кластера (вуз, гимназия, научная организация); разработка стратегий образовательного кластера; создание инициативной группы в целях программирования совместной деятельности субъектов кластера. На втором, организационном, этапе проводится идентификация региональных субъектов кластера (например, ГУО «Гродненская городская гимназия»), ресурсов, потенциала, форм регламентации партнерства; согласование функций деятельности, распределение сфер ответственности субъекта в рамках сотрудничества, прогноз результатов. На реализационном этапе внедрения образовательного кластера необходимы: планирование, согласование общей программы, органов управления кластера, координация этапов реализации на уровне индивидуальных маршрутов научно-исследовательской, внедренческой деятельности преподавателей, студентов, ведущих специалистов, системы мониторинга кластерных продуктов, их информационного обеспечения.

Следовательно, образовательный кластер высшего учебного заведения – это сингулярный, динамичный организационно-технологический комплекс, направленный на обеспечение профессиональной подготовки специалистов мультипликативного типа как эндогенного фактора модернизации образования и общества средствами интеграции обучающихся различных ступеней (гимназия–вуз–наука) в целях академической преемственности и социальной мобильности молодежи в контексте национальных интересов.

Литература

1. *Аблажей, А. М.* Интеграция науки и высшего образования: старые проблемы и новые подходы / А. М. Аблажей // Высшее образование в России. – 2014. – № 10. – С. 53–59.
2. *Гусякова, Е. В.* Вхождение системы высшего образования Российской Федерации в Европейское пространство высшего образования: проблемы и задачи / Е. В. Гусякова, А. Л. Демчук, И. Г. Телешова // Высшее образование в России. – 2014. – № 10. – С. 5–10.
3. *Лазарев, Г. И.* Инновационные подходы к управлению научно-исследовательской деятельностью в условиях новой государственной политики / Г. И. Лазарев, Т. В. Терентьева // Высшее образование в России. – 2014. – № 10. – С. 10–18.
4. *Дежина, И.* Опыт интеграции образования и науки на примере программы «Фундаментальные исследования и высшее образование» / И. Дежина // Университет. управление: практика и анализ. – 2007. – № 1. – С. 45–50.
5. *Радаев, В.* Пять принципов построения нового университета / В. Радаев // Pro et Contra. – 2010. – № 3. – С. 6–18.
6. *Ильин, А. Ю.* Педагогика высшей школы / А. Ю. Ильин // Вестн. ТГУ. – 2014. – Вып. 5 (133). – С. 25–28.
7. *Галаган, А. И.* Подготовка инженерных кадров для промышленных производств будущего за рубежом // Соц.-гуманитар. знания. – 2001. – № 1. – С. 173–193.
8. *Щепакин, К. М.* Формирование образовательных кластеров региона / К. М. Щепакин, Н. В. Жукова // Изв. Тульск. гос. ун-та. Экон. и юрид. науки. – 2013. – № 3. – С. 208–218.

F. I. KHRAMTSOVA

EDUCATIONAL CLUSTER OF HIGHER EDUCATIONAL ESTABLISHMENT AS MECHANISM OF ACADEMIC AND SOCIAL MOBILITY OF SCHOLARS AND STUDENTS

Summary

The actual and non-developed theme in of educational cluster “gymnasium–institution–science” is exposed. Scientifically-conceptual bases of cluster formation in the conditions of scientific organization partnership together with institution of higher education and gymnasium are defined. Determinations of cluster mechanisms of academic and social mobility of scholars and students as well as criteria of efficiency were educed.

Keywords: knowledge society, scholars and students, educational cluster, innovative cycle, cluster products, academic mobility, social mobility.

Поступила 05.11.2015 г.

УДК 316.334.2(476)

М. И. АРТЮХИН,

кандидат философских наук, доцент, Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

Э. М. ЩУРОК,

Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

ПРОБЛЕМЫ ПОДГОТОВКИ НАУЧНЫХ КАДРОВ ВЫСШЕЙ КВАЛИФИКАЦИИ В АСПИРАНТУРЕ НАН БЕЛАРУСИ

В данной статье представлена динамика подготовки кадров высшей квалификации в аспирантурах научных организаций Национальной академии наук Беларуси за период 2004–2014 гг. Рассмотрены основные проблемы подготовки кадров высшей квалификации в различных отраслях науки. Данные проведенного анализа могут быть использованы для принятия мер, направленных на повышение эффективности деятельности аспирантуры в НАН Беларуси.

Ключевые слова: подготовка научных кадров высшей квалификации, эффективность аспирантуры, кадровая политика, научная деятельность, отрасли науки.

Для Беларуси инновационное развитие науки приобретает стратегическое значение, так как возможности современного экономического роста определяются степенью развития научного потенциала страны и ее человеческого капитала. Национальная академия наук Беларуси является главной научной организацией страны, концентрирующей в себе огромный научно-технический потенциал, направленный на решение наиболее важных общенациональных задач в рамках государственных приоритетов научно-технической и научной деятельности. Главой государства поставлена задача совершенствования организационной и научной структуры Национальной академии наук путем ее трансформации в мощную научно-производственную корпорацию, выполняющую весь спектр работ, – от фундаментальных и прикладных исследований до опытного и серийного производства наукоемкой продукции. Для повышения конкурентоспособности академической науки необходимо обеспечить формирование новой генерации исследователей и специалистов, обладающих набором профессиональных компетенций, соответствующих мировому уровню. Необходимо также осуществить концентрацию интеллектуального потенциала на прорывных научных исследованиях и разработках, обеспечивающих устойчивое развитие экономики Республики Беларусь и реализацию ее национальных интересов.

За последние десятилетия наблюдалось сокращение интеллектуальной базы воспроизводства научных кадров, а также нарастание разрыва между разными поколениями исследователей, возникла реальная опасность утраты

преимущества в науке и лидирующего положения отечественных научных школ в мировой науке. Наиболее неблагоприятная «демографическая» ситуация сложилась в тех секторах, которые принесли мировое признание академической науке, – естественнонаучных и технических отраслях научного знания. В этих условиях вопрос подготовки нового поколения научных кадров высшей квалификации становится наиболее актуальной проблемой кадровой политики в НАН Беларуси.

В настоящее время в Беларуси разработана и реализуется программа совершенствования научной сферы, в рамках которой предусматривается принятие комплекса мер по оптимизации структуры научных кадров и системы их подготовки с учетом реализации приоритетов инновационного развития национальной экономики. Создание конкурентоспособной, основанной на интеллекте и знаниях экономики требует существенного изменения системы подготовки научных кадров.

Анализ деятельности организаций, осуществляющих подготовку кадров высшей квалификации в НАН Беларуси, показывает существенные проблемы в системе подготовки высококвалифицированных научных кадров.

Одной из острых проблем развития аспирантуры НАН Беларуси последнего десятилетия явилось уменьшение численности аспирантов, свидетельствующее о снижении привлекательности аспирантуры среди талантливых молодых ученых и студентов. Так, за период 2004–2014 гг. численность аспирантов в научных организациях НАН Беларуси уменьшилась с 816 до 522 человек, или на 36,0 %. Соответственно уменьшился и прием в аспирантуру – с 206 человек в 2004 г. до 145 человек в 2014 г.

Особо следует отметить, что за период 2004–2014 гг. значительно сократилась численность аспирантов по таким приоритетным научным направлениям и областям науки, как естественные и физико-технические науки. Например, если в 2004 г. численность аспирантов научных организаций Отделения физики, математики и информатики составляла 111 человек, то в 2014 г. – всего 35 человек, включая соискателей. Аналогичная картина наблюдается в научных организациях Отделения биологических наук. Так, если в 2004 г. численность аспирантов в научных организациях этого отделения наук составляла 108 человек, то в 2014 г. – 65 человек, включая соискателей. В Отделении гуманитарных наук и искусств численность аспирантов за этот же период уменьшилась на 40,4 % и составила в 2014 г. 124 человека. Значительное уменьшение численности аспирантов наблюдается и в других отделениях наук (табл. 1).

Имеющиеся недостатки в деятельности академической аспирантуры отчетливо прослеживаются, если сравнить динамику изменений по такому показателю, как соотношение численности исследователей и аспирантов за период 2004–2014 гг. (табл. 2).

Данные табл. 2 показывают, что в 2004 г. в целом по НАН Беларуси соотношение численности аспирантов и исследователей составило 1:6,9, что являлось тогда оптимальным показателем. Наиболее оптимальный показатель был

Таблица 1. Динамика численности аспирантов НАН Беларуси за период 2004–2014 гг.

Отделения наук	Численность аспирантов, человек		Изменение численности в 2014 г. по сравнению с 2004 г.	
	2004 г.	2014 г.*	человек	%
Отделение физики, математики и информатики	111	35	-76	-68,5
Отделение физико-технических наук	96	86	-10	-10,4
Отделение химии и наук о Земле	41	43	2	4,9
Отделение биологических наук	108	65	-43	-39,8
Отделение медицинских наук	22	13	-9	-40,9
Отделение гуманитарных наук и искусств	208	124	-84	-40,4
Отделение аграрных наук	230	155	-75	-32,6
Всего по НАН Беларуси	816	522	-294	-36,0

* Численность аспирантов, включая соискателей.

Таблица 2. Соотношение численности исследователей и аспирантов в НАН Беларуси в 2004 и 2014 гг.

Отделения наук	Исследователи, человек		Аспиранты, человек		Соотношение численности аспирантов и исследователей	
	2004 г.	2014 г.	2004 г.	2014 г.*	2004 г.	2014 г.
Отделение физики, математики и информатики	903	721	111	35	1:8,1	1:20,6
Отделение физико-технических наук	1207	1576	96	86	1:12,6	1:18,3
Отделение химии и наук о Земле	607	599	41	43	1:14,8	1:13,9
Отделение биологических наук	823	607	108	65	1:7,6	1:9,3
Отделение медицинских наук	171	156	22	13	1:7,8	1:12,0
Отделение гуманитарных наук и искусств	479	487	208	124	1:2,3	1:3,9
Отделение аграрных наук	1476	1305	230	155	1:6,4	1:8,4
Всего по НАН Беларуси	5666	5451	816	522	1:6,9	1:10,4

* Численность аспирантов, включая соискателей.

достигнут в Отделении гуманитарных наук и искусств – 1:2,3. В Отделении аграрных наук соотношение составило 1:6,4; в Отделении физики, математики и информатики – 1:8,1; в Отделении биологических наук – 1:7,6.

Однако за последнее десятилетие соотношение численности исследователей и аспирантов по отделениям наук, как и в целом по Академии, изменилось кардинально. Так, в Отделении физики, математики и информатики этот показатель в 2014 г. составил 1:20,6, а в Отделении физико-технических наук – 1:18,3. Все это явилось следствием резкого уменьшения численности аспирантов в научных организациях этих отделений наук.

Основные показатели эффективности деятельности аспирантуры в НАН Беларуси за период 2004–2014 гг. представлены в табл. 3.

Таблица 3. Основные показатели деятельности аспирантуры НАН Беларуси за период 2004–2014 гг.

Показатели	2004 г.	2005 г.	2006 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.*	2013 г.*	2014 г.*
Численность аспирантов, человек	816	740	685	638	562	537	599	607	690	586	522
Принято, человек	206	221	242	192	160	192	227	193	141	156	145
Выпущено, человек, в том числе	225	209	209	156	155	183	138	144	150	185	176
с защитой диссертации, человек	4	5	6	2	2	5	2	5	3	13	10
% от числа выпуска	1,8	2,4	2,9	1,3	1,3	2,7	1,4	3,5	2,0	7,0	5,7
с предварительной экспертизой диссертации, человек	50	48	19	17	20	39	17	22	14	26	9
% от числа выпуска	22,2	23,0	9,1	10,9	13,0	21,3	12,3	15,3	9,3	14,1	5,1

* Численность аспирантов, включая соискателей.

Как видно из данных табл. 3, по сравнению с 2004 г. в 2014 г. такой показатель эффективности деятельности аспирантуры, как выпуск из аспирантуры с защитой диссертации, имеет положительную тенденцию. Если в 2004 г. с защитой диссертации закончили аспирантуру 4 человека (1,8 %), то в 2014 г. – 10 человек (5,7 %). Однако другой показатель результативности аспирантуры – выпуск аспирантов с проведением предварительной экспертизы диссертации не имеет такой положительной тенденции: 22,2 % в 2004 г. и всего лишь 5,1 % в 2014 г.

Эффективность деятельности аспирантур научных организаций НАН Беларуси в разрезе отделений наук по таким показателям, как защита диссертаций в срок обучения и выпуск аспирантов с предварительной экспертизой диссертации в 2014 г. представлена в табл. 4.

Как видим, на первом месте по эффективности аспирантуры по показателю «выпуск с защитой диссертации» находятся Отделение биологических наук (выпуск 21 человек, из них 2 с защитой диссертации – 9,5 %) и Отделение физики, математики и информатики (выпуск 22 человека, из них 2 человека с защитой диссертации – 9,1 %). Значительно хуже с эффективностью аспирантуры обстоят дела в научных организациях в Отделении аграрных наук – из 51 выпускника только 3 человека (или 5,9 %) закончили аспирантуру с защитой диссертации.

Таблица 4. Эффективность деятельности аспирантур научных организаций НАН Беларуси по показателю защит диссертаций в срок обучения и с предварительной экспертизой диссертации в 2014 г. в разрезе отделений наук

Отделения наук	Численность аспирантов-выпускников, включая соискателей				
	всего человек	из них с предварительной экспертизой диссертации		в том числе с защитой диссертации	
		человек	человек	%	человек
Отделение физики, математики и информатики	22	6	27,3	2	9,1
Отделение физико-технических наук	31	1	3,2	3	9,7
Отделение химии и наук о Земле	11	0	–	0	–
Отделение биологических наук	21	0	–	2	9,5
Отделение медицинских наук	3	0	–	0	–
Отделение гуманитарных наук и искусств	37	2	5,4	0	–
Отделение аграрных наук	51	0	–	3	5,9
Всего по НАН Беларуси	176	9	5,1	10	5,7

Результативность аспирантуры является проблемной и в научных организациях Отделения гуманитарных наук и искусств, где из 37 аспирантов-выпускников не было выпускников с защитой диссертации. Еще хуже обстоят дела в Отделении химии и наук о Земле, где в 2014 г. нет лиц, закончивших обучение в аспирантуре с предварительной экспертизой диссертации или с защитой диссертации в срок обучения.

Сложившаяся в НАН Беларуси ситуация с подготовкой научных кадров высшей квалификации показывает, что реализуемый комплекс государственных мер по привлечению талантливой молодежи в науку является недостаточным и не оказывает решающего влияния на позитивное решение кадровых проблем в научной сфере. Для решения указанных проблем нужна реализация комплекса мер, направленных на формирование оптимальной возрастной, квалификационной и отраслевой структуры кадрового потенциала научной сферы. И здесь большую роль должна сыграть академическая магистратура, которая открыта в системе НАН Беларуси в 2007 г. Именно магистратура постепенно становится основным механизмом приобщения перспективных выпускников вузов к науке и основным источником пополнения высококвалифицированных кадров в системе научно-исследовательских учреждений Академии. Это особенно важно для аспирантов в области физики, математики и физико-технических наук. У магистрантов, поступивших в аспирантуру, появляется возможность увеличить срок аспирантуры до четырех лет, повысить уровень научных исследований на всех этапах подготовки диссертационной работы.

Следует также отметить, что многие причины сложившейся ситуации в академической аспирантуре выходят за рамки собственно научно-образо-

вательной сферы. Среди внешних факторов, определяющих положение дел в академической аспирантуре, следует выделить низкую престижность профессии исследователя среди талантливой студенческой молодежи. Главной причиной падения престижности научной деятельности у молодежи является недостаточный по мировым меркам уровень оплаты труда ученых, а также низкий уровень социальной защищенности научных работников. В результате белорусская наука теряет конкурентоспособность на республиканском рынке интеллектуального труда в сравнении с другими сферами деятельности, что может в перспективе нарушить систему воспроизводства научных кадров, создать реальную угрозу утраты преемственности между поколениями белорусских ученых и привести к разрушению национальных научных школ.

M. I. ARTJUKHIN, E. M. SHCHUROK

PROBLEMS OF RESEARCHER TRAINING OF THE TOP SKILLS IN POSTGRADUATE STUDY OF NAS OF BELARUS

Summary

In this article dynamics of researcher training of scientific of the highly qualified personell in postgraduate study of the scientific organizations of the National Academy of Sciences of Belarus during 2004–2014 are presented. The main problems of researcher training of the top skills in various branches of science are considered. Data of the conducted analysis can be used for taking measures, which are directed on increase of efficiency of activity of postgraduate study in NAS of Belarus.

Keywords: researcher training of the top skills, efficiency of postgraduate study, personnel policy, scientific activity, branches of science.

Поступила 06.11.2015 г.

С. А. ДУШИНА,

*кандидат философских наук, доцент,
руководитель Центра социолого-научно-исследовательских исследований
СПбФ ИИЕТ РАН, г. Санкт-Петербург*

В. М. ЛОМОВИЦКАЯ,

*кандидат философских наук, доцент,
старший научный сотрудник Центра социолого-научно-исследовательских исследований
СПбФ ИИЕТ РАН, г. Санкт-Петербург*

СОЦИАЛЬНЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ КАРЬЕРЫ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ В ПЕРИОД РЕФОРМИРОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ НАУКИ (НА МАТЕРИАЛАХ ПОЛЕВОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)¹

Выявляются социальные детерминанты, задающие академическую карьеру. Среди них существенное значение имеют репутация и структура организации, особенности рекрутинга, источники финансирования, научный лидер, организация исследовательской среды, новые исследовательские ниши. Эмпирически исследуются случаи двух лабораторий. Делается вывод о том, что кадровая политика с неизбежностью должна переориентироваться на привлечение молодых и создание условий для карьерного роста.

Ключевые слова: реформирование науки, академическая карьера, молодые исследователи, социальные факторы, научный лидер, лаборатория.

Введение. Умение привлекать и удерживать молодых исследователей становится ключевым моментом конкурентоспособности компаний, производящих новое знание. Абсорбирование молодых специалистов всегда было важнейшей задачей в организации научных исследований. Так, П. Капица среди основных факторов научной деятельности обозначил главный – «подбор и воспитание кадров научных работников» [1, с. 118]. Сегодня в борьбу за высококвалифицированные кадры включаются университеты, научно-исследовательские организации, наукоемкие предприятия, консалтинговые и аудиторские фирмы, фондовые биржи, IT-компании и др. Если прежде базовые кафедры в высших учебных заведениях имели академические институты, то теперь их открывают и международные консалтинговые компании. Чтобы сделать работу для молодых специалистов более привлекательной, продвинутое

---

¹ Статья подготовлена в рамках программы фундаментальных исследований Президиума РАН на 2015 г. «Исследование исторического процесса развития науки и техники в России: место в мировом научном сообществе, социальные и структурные трансформации». Проект: новые механизмы управления наукой: изменение исследовательских структур и практик (0002–2015–0021).

бизнес-структуры привносят (имплантируют) опыт академической среды в собственные организационные практики, в то время как университеты стремятся копировать бизнес-стратегии, коммерциализируя результаты интеллектуальной деятельности. Создается впечатление некоторой унификации, сближения достаточно разнородных эпистемных культур – университета и компании, а это обстоятельство, в свою очередь, наводит на мысль о схожести когнитивных карт (мотивация, критерии оценки профессиональной среды) высококвалифицированных кадров, занятых интеллектуальным производством вне зависимости от вида деятельности, будь то наука, консалтинг или аудит.

В отечественной литературе распространена эмпирически верифицированная точка зрения [2, с. 206–210], согласно которой мотивация ученых определяется не столько материальными стимулами, сколько стремлением к самореализации. В периоды социальных трансформаций, деструктивных процессов в науке исследователи обращают внимание на некоторое изменение в мотивационной структуре – доминирующим мотивом становится материальное вознаграждение. Это позволяет говорить о смешанной мотивации исследователей [3; 4].

Сегодня мотивация научных работников фактически совпадает с мотивацией работников интеллектуального труда (knowledge worker) иных профессиональных групп: аналитиков, экспертов, консультантов, связанных с производством и применением нового знания, что подтверждают результаты полевых исследований [5], в которых показана ведущая роль факторов признания и самореализации. Это обусловлено распространением постматериальных ценностей в постмодернистском обществе, среди которых – стремление к самовыражению и индивидуальной свободе. Если движущим мотивом knowledge worker, включая ученых, являются самореализация, совершенствование способностей и компетенций, то профессиональная среда должна быть организована таким образом, чтобы эффективно развивать и использовать этот интеллектуальный ресурс. Цель нашего исследования – определить социальные факторы, которые оказываются решающими для карьеры молодых ученых в условиях реформирования российской науки. Что привязывает начинающих профессионалов к месту производства нового знания, или иначе – что заставляет их менять места? Ответы на эти вопросы имеют практический смысл для руководителей разного уровня с тем, чтобы использовать наиболее эффективные стратегии в конкурентной борьбе за кадры, грамотно организуя карьерный менеджмент.

Методология. Понятие профессиональной карьеры стало междисциплинарным и обросло мощным теоретическим каркасом¹. При этом проблема удержания талантов в науке сегодня становится особенно значимой и обсуж-

---

¹ Обзор исследований профессиональной карьеры в различных дисциплинах и теоретических плоскостях дает И. П. Попова [6, с. 292–296].

даемой [7; 8; 9]. Независимо от того, какой социологической матрицы мы придерживаемся, построение концепта требует анализа двух явлений – продвижение актора по профессиональной лестнице и организация среды. Решая задачу выявления социальных детерминант, задающих академическую карьеру, мы сфокусировались, во-первых, на классических исследованиях в рамках структурного функционализма, касающихся социальной организации науки; во-вторых, на работах, анализирующих деятельность научных групп и карьерное продвижение в условиях институциональных изменений, вызванных неолиберальными тенденциями.

Г. Заккерман, М. Малкей [10; 11], изучая формирование научной элиты, фиксируют необходимые для этого социальные факторы – прежде всего, наличие крупного ученого (нобелевского лауреата) и научного учреждения с высокой академической репутацией. Дж. Бен-Дэвид и Р. Коллинз [12] становление новых научных направлений связывают с существованием активно действующей научной группы, а также с конституированием новой интеллектуальной идентичности. Новая, или гибридная, роль возможна благодаря междисциплинарной мобильности, то есть переходу ученого из конкурентной области исследований в смежную, менее статусную, но с относительно быстрым карьерным продвижением, особенно при использовании когнитивных новаций. В связи с этим американские исследователи поясняют: «Мобильность ученых между разными областями науки достигается, когда шансы на успех (т. е. обретение признания, получение кафедры в сравнительно раннем возрасте, возможность сделать выдающийся вклад) в одной дисциплине невелики, вследствие переполненности научной области исследователями при фиксированном количестве должностей. В такой ситуации многие исследователи предпочтут перейти в новые соседние области, где условия конкуренции будут лучше» [12, с. 15].

В условиях «неолиберальной науки» – сокращающегося государственного финансирования, академического капитализма, глобализации рынков – важнейшую роль в академическом продвижении играет привлечение грантовых средств [13; 14; 15]. В частности, эмпирически доказано, что шанс получить штатную должность профессора (full professor) в два раза выше у тех, кто имеет гранты [13, с. 77–96]. Сокращение постоянных ставок сказывается на правилах трудового найма и ведет к росту конкуренции между молодыми учеными («много призванных, но мало избранных»), что отражается на их профессиональной биографии [16; 17]. Еще один фактор, определяющий карьерное продвижение, – это географическая и междисциплинарная мобильности. Изучены их последствия для ученых в зависимости от научных специальностей, возрастных групп, занимаемых должностных позиций и типов перемещений [18; 19; 20]. Таким образом, можно обозначить существенные на организационном уровне социальные параметры карьеры:

репутация и структура организации;

особенности рекрутинга и заключения трудовых контрактов;

источники финансирования, включая фондовые;
научный лидер;
организация исследовательской среды (научная группа, лаборатория, кафедра);
новые исследовательские ниши.

Полагаем, что какие-либо иные детерминанты являются частным случаем выше названных и так или иначе могут быть к ним редуцированы. Анализ влияния культурных религиозных, этнических, семейных традиций, так называемого «символического капитала» не входит в предмет нашего рассмотрения, но отчасти содержится в работах В. Van Balen, I. Wagner [9; 21]. Выбранный нами метод case study позволяет проанализировать, как преломляется влияние социальных детерминант на микроуровне, на уровне лаборатории. В горизонте выявленных факторов структурируем материал полевых исследований: интервью и фокус-группы.

Академическая карьера: case study. Под академической карьерой мы будем понимать последовательность профессиональных позиций, занимаемых ученым в научно-образовательных и исследовательских учреждениях. В поле нашего внимания – начало карьерной лестницы (early research career): магистр – аспирант – кандидат/PhD – постдок. Исследуемые случаи – молодые сотрудники (магистранты, аспиранты, кандидаты наук/PhD) лаборатории, созданной в рамках мега-гранта первой волны (2010 г.) в одном из исследовательских университетов Санкт-Петербурга, и молодые научные сотрудники (аспиранты) лаборатории исследовательского института, вошедшего в 2011 г. в крупный Национальный исследовательский центр. В университетской лаборатории (назовем ее лабораторией 1) и в институтской лаборатории (лаборатория 2) разрабатывают новые материалы. Оба учреждения имеют хорошую академическую репутацию, исследовательскую традицию и в рамках различных государственных программ получают дополнительное финансирование. Эти сходные моменты – основание для сравнения. Вместе с тем у исследовательского института, в отличие от университета, доступ к студентам, аспирантам ограничен и в основном обеспечивается через базовую кафедру.

Организация рекрутинга – институт найма. Лаборатория 1 пополняется преимущественно студентами кафедры, заведующий лабораторией проводит селекционную работу и отбирает способных и, прежде всего, мотивированных студентов, бакалавров и магистров на должности младшего исследовательского персонала. Средства мега-гранта позволили платить конкурентную зарплату и тем самым оптимизировать процедуру рекрутинга. Через Интернет был объявлен открытый конкурс для аспирантов и кандидатов физико-математических наук на вакансии научных сотрудников: *«Я из Академического университета, после меня еще пришло несколько людей из Физтеха Иоффе. Люди к нам приехали из Владивостока, какие-то ребята из Самары, из Нижнего Новгорода, такой пока еще не интернациональный коллектив, хотя и китайцы свои уже появились, и немец»* (респондент И). Это распространенные

за рубежом практики рекрутинга, но для нашей научной среды пока еще не частый случай. Так удалось собрать очень сильную научную группу исследователей из ФТИ, Академического университета, а также из других предсказуемых мест. Временные трудовые контракты их не смущают.

Исследовательские институты, не связанные с образовательным процессом, испытывают трудности с молодыми кадрами. Традиционно связь с вузами академические (исследовательские) организации держали через базовые кафедры, аспирантуру и институт совместительства, когда научные сотрудники преподавали студентам и имели возможность приглашать к себе в лабораторию способных выпускников. Образцом научно-образовательного кластера, «естественной связи» исследования и образования был возникший при Политехническом институте ФТИ, который, как заметил П. Капица, благодаря такой связке и сделался «передовым, не стареющим, научным учреждением» (1, с. 141). В постсоветский период деструктивных процессов в науке и образовании эти связи ослабли, а отказ от совместительства стал в некоторой мере стратегией вузовской политики, что не могло не сказаться на кадровом составе исследовательских институтов.

Относительная удаленность исследовательского института от вузов Санкт-Петербурга (находится в 40 км от города) также затрудняет приток в него «свежей крови». Наши респонденты пришли на работу в лабораторию 2 через преддипломную практику, в перспективе предполагается создание базовой кафедры по этому направлению: *«Я была первая из Техноложки, кто попал в институт, с нас все и началось. Тоже предложили на практику туда поехать, ну, я согласилась, потом там осталась на диплом, потом также предложили там работу. Я какое-то время подумала, пару месяцев, и приняла решение там остаться»* (респондент X). С молодыми сотрудниками институт заключил бессрочные трудовые контракты на постоянной основе – обстоятельство, указывающее на то, что система рекрутинга и найма работает по традиции. По традиции институт сохранил и другие социальные гарантии для сотрудников – прописку и общежитие, которые являются существенным бонусом для иногородних. В советские годы сотрудникам полагались еще и квартиры: *«...у нас также была заинтересованность в том (помимо интереса к исследовательской теме. – Авт.), что мы же не местные, предоставлялось жилье и прописка. А тем, кто живет в Питере, нет смысла ездить сюда с такой зарплатой»* (респондент X). Лаборатория не может конкурировать за специалистов, но в институте есть дополнительный ресурс, позволяющий на какое-то время решать кадровые проблемы – дешевое жилье в общежитии и аспирантура. Небольшие зарплаты – в обмен на профессиональную стабильность (бессрочный контракт) и временное решение проблемы жилья.

Источники финансирования. Лаборатория 1 создана в 2010 г. по постановлению правительства № 220 и получила серьезное финансирование на три года (150 млн руб.), которое было продлено впоследствии еще на два с условием привлечения внебюджетных средств. Это основной финансовый

ресурс, позволивший платить конкурентоспособную зарплату сотрудникам, привлекать молодых и перспективных специалистов из России и стран СНГ, оснастить лабораторию современным оборудованием. Помимо мега-гранта, лаборатория получала финансирование от университета, предусмотренное в рамках программы «5–100–2020»¹. Основные деньги – государственные, бизнес, в частности компания Bosch, спонсировал прикладные исследования по беспроводной передаче энергии, но это небольшие вливания. Сотрудники лаборатории активно подаются на гранты и получают дополнительное финансирование своих исследований (РФФИ, стипендии от зарубежных научных обществ, президентские гранты).

Лаборатория 2 имеет государственное финансирование, которое позволяет выплачивать базовую «очень маленькую зарплату» (респондент X) сотрудникам, и отчасти это обстоятельство делает лабораторию неконкурентоспособной в борьбе за кадры. Но, как правило, зарплаты коррелируют с исследовательскими возможностями. В лаборатории есть дополнительное финансирование из РФФИ, однако оно небольшое и радикально ничего не меняет. Связи с бизнесом когда-то были, но оборвались из-за бюрократических проволочек: *«В лаборатории есть довольно уникальный продукт, продукт есть, а его надо применить. А движения в плане применения нет, нам приходится, если что-то искать, то искать самим. И получается, что в одну сторону двинулись, в другую, в третью, только контакты стали налаживаться, и надо бы их продолжать, но со стороны руководства поддержки нет»* (респондент Z). В институте, где разрабатывают «уникальный продукт», «очень маленькие зарплаты», не позволяющие достойно прожить, что можно считать фактором, «выталкивающим» молодых ученых в бизнес, за рубеж.

Исследовательская среда. Исследовательская среда – это совокупность когнитивных практик, профессиональных коммуникаций, стиля руководства, обусловленных научной идеологией и определяющих эпистемную культуру лаборатории. В лаборатории 1 заведующий сделал ставку на молодых: из 50 человек 47 – молодые ученые, включая самого руководителя. Всю работу в лаборатории делают молодые. Помимо того, что они работают в команде, выполняя задачи, поставленные руководителем, они ведут собственные проекты: *«...в какой-то момент ты сам начинаешь сознавать то, что хочешь*

---

¹ Открытый конкурс был объявлен 8 мая 2013 г. в рамках реализации положений Указа Президента России от 7 мая 2012 г. № 599 об обеспечении вхождения к 2020 г. не менее пяти российских университетов в первую сотню ведущих мировых университетов согласно мировому рейтингу университетов. Всего на участие в конкурсном отборе было подано 54 заявки от российских вузов. На основании оценки подготовленных вузами программ повышения международной конкурентоспособности, оценки их потенциала в достижении высоких позиций в международных рейтингах вузов с учетом их текущего положения было выбрано 15 вузов, которым, начиная с 2013 г., была предоставлена соответствующая субсидия. См.: Министерство образования и науки Российской Федерации [сайт]. URL: <http://xn--80abucjiiibhv9a.xn--plai/%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B8/3503> (дата обращения: 30.04.2014).

исследовать, и тебе дают для этого возможность. В других научных группах это не так, там нужно делать то, что “сейчас горит” и все» (респондент С). Респонденты высоко ценят свободу и научную коммуникацию – совместное заинтересованное обсуждение проблем, что выражено пространственно: для этого есть специальная комната. Конкурентоспособная зарплата – серьезный аргумент в пользу лаборатории, но не единственный: *«Мне предложили остаться в Англии на постдока. И был вариант остаться в Академическом университете. Я подумал, из этих вариантов мне больше всего понравился вариант нашей лаборатории... Мне очень нравится, как подобран коллектив и как организован научный процесс»* (респондент И). В лаборатории сформирована новая генерация молодых исследователей, которая выступает с докладами на международных конференциях, публикуется в зарубежных изданиях и популяризирует свои научные достижения в социальных сетях. У одного из интервьюируемых, студента, вышло 15 статей, в которых он выступает первым или вторым соавтором, в том числе в журнале с импакт-фактором 13¹. Молодые ученые знают, как делать современную науку².

В лаборатории 2 трое сотрудников из 18 человек – молодые (со слов респондентов, средний возраст работающих в институте – 68 лет, доля молодежи составляет 9 % от общей численности). Здесь организация работы централизована: *«есть ведущий научный сотрудник, ведущий инженер, и все самые замечательные идеи исходят от него»* (респондент Y); *«все работают какой-то единой группой, то есть кто-то делает что-то на своем этапе. Но также возможно в рамках этой тематики какие-то интересные проблемы самому исследовать, это даже приветствуется»* (респондент X). Однако *«интересные проблемы не удастся исследовать»* (респондент Y), просто не хватает времени. Научную информацию наши респонденты в основном получают из Интернета и каких-либо профессиональных контактов с иностранными партнерами, хотя разрабатываемая тема востребована учеными из Японии, Китая и США. Исследовательская идеология научной группы соответствует традициям советской науки. Результаты работы заинтересованно и обстоятельно обсуждают на семинарах института, а также представляют в виде статей, препринтов, оформляют как патенты, докладывают на международных конференциях, проходящих раз в два года в Петербурге. В лучших традициях субкультуры физиков практикуются совместные обеды и чаепития, за которыми непременно дискутируются научные проблемы.

Научный лидер. За организацией лабораторной жизни стоит «невидимая рука» научного руководителя и заведующего лабораторией. Нет сомнений,

¹ «В каждой статье есть своеобразный “маркер”: кто первый, кто последний соавтор. Последний соавтор – всегда руководитель группы. Первый – это тот человек, который сделал все. Грубо говоря, сделал все эксперименты, картинки, все подписал, а все остальные ему помогли на каких-то стадиях, теоретик помогает экспериментатору подписать формулы и т. д. Но в любом случае, все соавторы важны», – поясняет информант С.

² Более подробное описание лабораторной жизни см. в статьях С. А. Душиной, Н. А. Ащеловой [22; 23].

что молодые сотрудники обеих лабораторий в большинстве своем – уникальные специалисты, занимающиеся уникальными исследованиями, которые уже востребованы или могут быть востребованы в ближайшее время на рынках. В лаборатории 1 есть сильный лидер, ведущий ученый мирового масштаба из Австралийского университета, имеющий высокую академическую репутацию и заслуги. Именно он задал исследовательскую тематику и перестроил работу лаборатории, интегрировав ее в мировое пространство. Появились публикации в журналах с высоким импакт-фактором («У нас третья или четвертая статья в “Nature” или “Nature Communications” выходит», – отмечает респондент К), международное сотрудничество, «раскрутка» (медиатизация) научных исследований. Профессиональные контакты с научным лидером такого масштаба, возможно, оказываются решающим фактом для тех, кто в начале академической карьеры. Само по себе финансирование лаборатории является необходимым, но не достаточным условием. Эксперты подчеркивают, что есть много очень слабых вариантов в реализации проекта мега-грантов (респондент К). Ключевой фигурой в организации лабораторной жизни является заинтересованное лицо, заведующий лабораторией (имевший опыт исследовательской работы за рубежом), который привлекает ведущего ученого и создает научную империю, вовлекая в нее новые актанты. Руководитель лаборатории 2 сохраняет традиции организации советской большой науки.

Исследовательские ниши. Ученые, начинающие карьеру, планируют перспективы своего научного роста. В лаборатории 1, где подавляющее большинство сотрудников составляет молодежь, есть куда продвигаться: позиции научных сотрудников разного уровня не заняты. Заведующий лабораторией так оценивает квалификацию своих молодых коллег: «Их с руками отрывают в международные группы. И я не держу этих людей, это нормальная интеграция в мировую науку... Мы готовим кадры на очень хорошем уровне, на основании которого дальше можно что-то будет строить. Они могут работать либо в каких-то фирмах, либо продолжать заниматься наукой, или опять же уехать за рубеж» (респондент Б). Можно сказать, что в лаборатории формируется пока еще не характерный для российской научной среды механизм «циркуляции умов» – обмен научными сотрудниками, типичный для развитых стран. Чаще мы сталкиваемся с другим – ручеек талантов движется из российских лабораторий в зарубежные исследовательские центры. Когда созданы условия для работы, то ломать свои карьерные линии нет причин: «...меня раз десять звали работать за рубеж, приглашали в аспирантуру, предлагали стипендию. У меня не было никогда желания уехать из России, потому что здесь все потрясающе, правда, здесь дают возможность делать то, что хочешь» (респондент С).

В академической карьере есть важный этап – создание собственной научной группы. В этой связи в организации российской науки на институциональном уровне должна быть заложена возможность для новой профес-

сиональной идентичности, новой темы, перспективного направления, новой ниши для исследователей, недавно защитивших кандидатские диссертации, постдоков. Речь идет о разработанной и прозрачной процедуре создания исследовательской команды, которая, используя инфраструктуру института, имела бы научную автономию (в том числе и в привлечении разного рода ресурсов) и свободно распоряжалась бы финансами. За рубежом, например, в институтах Макса Планка работают 120 научных групп, возглавляемых молодыми лидерами. Группы получили финансирование на пять лет с возможностью последующего продления [24]. Существующая поддержка молодых ученых в рамках российских фондов пока не соответствует этой задаче.

В отличие от университета респонденты из института не видят для себя перспектив в лаборатории и не связывают с ней свое будущее. Для них опыт работы в институте и аспирантура – это старт, «символический капитал» для дальнейшего трудоустройства: *«Мы себя настраиваем в принципе на наименьшие сроки защиты диссертации, насколько это возможно, чтобы защититься и устроиться на высокооплачиваемую работу»* (респондент Y). Зарплата научного сотрудника не позволяет решить проблему с жильем, предоставляемое общежитие – это отсрочка решения проблемы. Свою профессиональную карьеру респонденты хотят связать с наукоемким бизнесом, полагая, что кандидатская степень и опыт работы в исследовательском институте будут способствовать хорошей репутации и повысят шансы на руководство лабораторией. Бессрочным контрактам трудоустройства они предпочли бы контракт на несколько лет (с возможностью продления), но с конкурентной зарплатой: *«Это не пугает, это мотивирует, пока молодой»* (респондент Y).

Основные выводы. Одна из задач реформирования российской науки – привлечение и удержание молодых исследователей. У научно-образовательных и исследовательских организаций появились конкуренты – частные и государственные компании, в которых, благодаря удачной организации среды, сотрудники не просто зарабатывают деньги, но ведут самостоятельно проекты и видят перед собой четкие карьерные перспективы. Привлекательные для молодых исследователей новые и продуктивные институции, подобные лаборатории в рамках мега-гранта – явления скорее «точечные», они не составляют «критической массы» в академической среде. Российские исследовательские институты в большинстве своем не конкурентоспособны, они не заинтересованы в привлечении молодых талантов и инерционно вместе с достижениями прошлых лет сохраняют уклад советской организации науки. Но в таких институциях молодые, талантливые и амбициозные исследователи сегодня не приживаются, потому что нет социальных условий для профессиональной самореализации – научной среды, достойной оценки труда, карьерных перспектив, и социальные гарантии ненадолго привязывают их к месту. Такая ситуация девальвирует систему ступеней академического роста, сложившуюся в советской науке. Сегодня для молодого исследователя престижней быть постдоком в «продвинутой» научной группе, чем старшим научным

сотрудником в работающей «по старинке» лаборатории, где слабые возможности для самореализации и неконкурентоспособные зарплаты.

Российские научно-исследовательские институты даже на отечественном рынке не могут конкурировать за молодые умы, не говоря уже о глобальном. Как следует из макропоказателей, в государственных исследовательских институтах ставка сделана на ученых пенсионного возраста. По данным ведомственной статистики СПбНЦ РАН, в институтах РАН в 2010 г. доля сотрудников в возрасте от 60 лет и старше была самой многочисленной и равнялась 36 %, в то время как доля сотрудников до 39 лет – 29 %. За пять лет ситуация принципиально не изменилась: численность исследователей в учреждениях ФАНО в возрасте старше 60 лет составляет почти 40 % [25]. Несколько лучше обстоят дела в высшей школе, где преподаватели пенсионного возраста составляют значительную часть от общей численности – 25,4 %, но все же меньшую, чем в исследовательских институтах, а доля сотрудников возраста до 39 лет – 35,7 %. Результаты проведенного мониторинга руководящего состава научных организаций ФАНО России выявили, что более 75 % директоров институтов занимают свои должности более двух сроков подряд (более 10 лет) [25].

Кадровая политика в области науки и образования зависит от многих макроэкономических и социальных параметров, в том числе общественного запроса на изменения, инновации. Если в обществе становится востребованным новое знание, и делается поворот в сторону его коммерциализации, то кадровая политика с неизбежностью должна переориентироваться на привлечение молодых и создание условий для карьерного роста. Для этого необходима реализация простых и понятных вещей, осуществленных в развитых странах: возрастные ограничения на занятие не только административных должностей, но и научных позиций, а также организация исследований, отвечающая новым тенденциям, – прозрачные процедуры конкурса, создание условий для исследовательской работы, в том числе конкурентная зарплата, понятные профессиональные перспективы. Пока в России это скорее редкие, чем типичные случаи. По инерции существующая, малоподвижная академическая среда скорее выталкивает молодых и талантливых ученых, нежели их удерживает [26].

Анализ социальных обстоятельств карьерного продвижения научного работника на микроуровне показывает, что важнейшими среди них являются комбинация из факторов, связанных с финансированием и наличием ведущего ученого, заведующего лабораторией. Базовое финансирование российской науки скудное, для организации исследований требуются гранты. Это общий тренд неолиберального общества. В ситуации, когда нет системного продвижения молодых талантов, создание эффективной, работающей микроструктуры полностью зависит от руководителя как заинтересованного лица, его способности создать «научную империю». Как показало исследование, из двух паттернов организации лабораторной жизни молодые ученые выбирают тот, где лучшие условия для профессиональной самореализации – исследовательская инфраструктура и конкурентоспособная зарплата.

Литература

1. *Капица, П. Л.* Эксперимент. Теория. Практика / П. Л. Капица. – М. : Наука, 1974. – 287 с.
2. *Аллахвердян, А. Г.* Динамика научных кадров в советской и российской науке / А. Г. Аллахвердян. – М. : Когито-Центр, 2014. – 263 с.
3. *Зубова, Л. Г.* Профессиональная деятельность российских ученых: ценности и мотивации / Л. Г. Зубова // Вестн. Рос. акад. наук. – 1998. – Т. 68. – С. 775–789.
4. Международные научно-исследовательские лаборатории в России: субъективная и объективная оценка результативности / Р. Инглхарт [и др.] // Форсайт. – 2013. – Т. 7, № 4. – С. 44–59.
5. *Андреева, Т. Е.* Особенности мотивации работников интеллектуального труда: первичные результаты исследования / Т. Е. Андреева // Рос. журн. менеджмента. – 2010. – Т. 8. – С. 47–68.
6. *Попова, И. П.* Профессиональная карьера – традиции и перспективы исследований / И. П. Попова // Профессиональные группы: сообщества, деятельность и карьера / отв. ред. В. А. Мансуров. – М. : ИС РАН : РОС, 2014. – С. 292–311.
7. *Van den Brink, M.* Talent management in academia: performance systems and HRM policies / M. Van den Brink, B. Fruytier, M. Thunnissen // Human Resource Management J. – 2012. – N 23 (2). – P. 180–195.
8. *Van Arensbergen, P.* Talent Proof: Selection Processes in Research Funding and Careers, Den Haag, Rathenau Instituut [Electronic resource] / P. Van Arensbergen. – 2014. – Mode of access: http://www.phdcentre.eu/en/news/documents/Dissertation_Talent_Proof_Rathenau_01.pdf. – Date of access: 27.05. 2015.
9. Determinants of success in academic careers / B. Van Balen [et al.] // Higher Education Policy. – 2012. – Vol. 25, iss. 3. – P. 313–334.
10. *Zuckerman, H.* Scientific Elite: Nobel Laureates in the United States / H. Zuckerman. – New York : Free Press, 1977.
11. *Mulkay, M.* The Mediating Role of the Scientific Elite / M. Mulkay // Social Studies of Science. – 1976. – Vol. 6. – P. 445–470.
12. *Бен-Дэвид, Дж.* Социальные факторы при возникновении новой науки: случай психологии [Электронный ресурс] / Дж. Бен-Дэвид, Р. Коллинз // ЛОГОС. – 2002. – № 5–6 (35). – С. 1–26. – Режим доступа: <http://www.ruthenia.ru/logos/number/35/05.pdf>. – Дата доступа: 24.05.2015.
13. *Bloch, C.* Competitive Research Grants and Their Impact on Career Performance / C. Bloch, E. K. Graverson, H. S. Pedersen // Minerva. – 2014. – Vol. 52, iss. 1. – P. 77–96.
14. *Laudel, G.* The ERC's impact on the grantees' research and their careers (EURECIA, Work package 4 summary report) [Electronic resource] / G. Laudel, J. Gläser. – Mode of access: <http://www.laudel.info/wp-content/uploads/2013/12/EURECIA-WP4-report-final-Jan2012.pdf>. – Date of access: 01.06. 2015.
15. *Стрельцова, Е. А.* Исследовательские гранты в поле современной науки (социологический анализ) : автореф. дис. ... канд. социол. наук / Е. А. Стрельцова. – СПб., 2014.
16. *Auriol, L.* Mapping careers and mobility of doctorate holders [Electronic resource] / L. Auriol, B. Felix, M. Schaaper // OECD Science, Technology and Industry Working Papers. – 2010. – N 1. – Mode of access: http://www.oecd-ilibrary.org/science-and-technology/mapping-careers-and-mobility-of-doctorate-holders_5kmlfbn2ddtd-en?crawler=true. – Date of access: 11.05.2015.
17. *Carvalho, T.* Changes in the institution context and academic profession – a case from Portugal / T. Carvalho, S. Cardoso, S. B. Sousa // (Re)searching Scientific Careers / eds.: K. Prpić, I. van der Weijden, N. Asheulova. – St. Petersburg, 2014. – P. 117–144.
18. *Shin, J. C.* Research Productivity of Returnees from Study Abroad in Korea, Hong Kong, and Malaysia / J. C. Shin [et al.] // Minerva. – 2014. – Vol. 52, iss. 4. – P. 467–487.
19. *Laudel, G.* Where have all the Scientists gone? / G. Laudel, E. Weyer // Organisational Transformation and Scientific Change: The Impact of Institutional Restructuring on Universities and

Intellectual Innovation / eds.: R. Whitley, J. Gläser. – 2014. – Vol. 42. – P. 111–140. – (Research in the Sociology of Organizations).

20. *Aksnes, D. W.* Are mobile researchers more productive and cited than non-mobile researchers? A large-scale study of Norwegian scientists / D. W. Aksnes [et al.] // *Research Evaluation*. – 2013. – Vol. 22, iss. 4. – P. 215–223.

21. *Wagner, I.* Work and career aspects of ‘ghetto laboratories’ / I. Wagner // (Re)searching Scientific Careers / eds.: K. Prpić, I. van der Weijden, N. Asheulova. – St. Petersburg, 2014. – P. 145–170.

22. Душина, С. А. Международные лаборатории: шанс сохранить науку в России / С. А. Душина, Н. А. Ащеулова // *Наука. Инновации. Образование*. – 2014. – № 16. – С. 119–139.

23. Душина, С. А. Молодые исследователи в международных лабораториях: им суждено войти в элиту? / С. А. Душина, Н. А. Ащеулова // *Социальная философия науки. Российская перспектива. К юбилею В. С. Степина : материалы конф.* – М. : Альфа, 2014. – Т. 1 : Пленарные доклады ; под ред. И. Т. Касавина. – С. 24–32.

24. Jahresbericht 2014. Max-Planck-Gesellschaft [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.mpg.de/9268834/jahresbericht-2014.pdf>. – Date of access: 25.06. 2015.

25. Проект программы формирования кадрового резерва ФАНО [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://fano.crowdexpert.ru/personnel-reserve>. – Дата доступа: 11.05. 2015.

26. Душина С. А. Аспирантура в национальных академических системах (опыт Германии и США) / С. А. Душина, Н. А. Ащеулова // *Вестн. МГИМО-Университета*. – 2013. – № 2. – С. 170–177.

S. A. DUSHINA, V. M. LOMOVITSKAYA

SOCIAL DETERMINANTS OF CAREERS OF YOUNG SCIENTISTS DURING THE REFORMS OF RUSSIAN SCIENCE (BASED ON MATERIALS OF FIELD STUDIES)

Summary

The article identifies the social determinants that define the academic career of scientists. Among them the essential are: the reputation and structure of the organization (especially recruitment); sources of financing; the research leader; organization of the research environment and new professional identification. The two famous laboratories in Saint-Petersburg were empirically investigated. The conclusion is that the personnel policy inevitably has to reorient itself on attracting the young scientists and on the creation of conditions for growth of their academic career.

Keywords: reform of science, academic career, young researchers, social factors, scientific leader, laboratory.

Поступила 28.09.2015 г.

И. Н. ШАРЫЙ,

кандидат социологических наук, Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

ОСОБЕННОСТИ ВОСПРОИЗВОДСТВА НАУЧНЫХ КАДРОВ В БЕЛАРУСИ И ПРОБЛЕМЫ КАДРОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРИОРИТЕТНЫХ НАПРАВЛЕНИЙ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Представлен анализ динамики изменений воспроизводственной структуры научных работников высшей квалификации в Республике Беларусь за период с 2000 по 2014 г., выявлены проблемы кадрового обеспечения приоритетных направлений научных исследований. Показано, что в ближайшие годы будут высокими темпы сокращения численности научных работников в возрасте старше 50 лет. Сделан вывод о том, что стратегия воспроизводства научных кадров имеет определяющее значение для реализации эффективной кадровой политики.

Ключевые слова: инновационный путь развития экономики, воспроизводство научных кадров высшей квалификации, приоритетные направления исследований, кандидаты наук, доктора наук, возрастная структура исследователей, динамика численности исследователей, академический сектор науки.

В Концепции национальной безопасности Республики Беларусь, которая была утверждена Указом Президента Республики Беларусь 9 ноября 2010 г. № 575, впервые сформулированы национальные интересы в научно-технологической сфере, к которым относится формирование экономики, основанной на знаниях, обеспечение развития науки и технологий как базы устойчивого инновационного развития Республики Беларусь [1, с. 3–4]. Среди наиболее важных задач в процессе перехода на инновационный путь развития можно выделить развитие и воспроизводство кадрового потенциала науки. Воспроизводство кадрового состава науки – социальный процесс сохранения и развития профессиональной группы научных работников, обеспечивающий непрерывное возобновление определенной их численности, структуры и качественных характеристик. Поскольку в соответствии с Концепцией национальной безопасности имеет место неблагоприятная возрастная структура научных кадров [1, с. 20], актуальным является мониторинг динамики численности научных кадров и процесса воспроизводства научных кадров высшей квалификации.

Динамика численности работников, выполнявших научные исследования и разработки с 1995 по 2014 г., представлена в табл. 1. Из представленных в таблице данных следует, что в период с 2000 по 2005 г. темпы сокращения работников, выполнявших научные исследования и разработки, сократи-

лись по сравнению с предшествующим временным периодом (1995–2000 гг.). С 2005 по 2010 г. начался рост численности исследователей без ученой степени за счет притока молодежи в научную сферу, уменьшились темпы сокращения кандидатов наук.

Таблица 1. Динамика численности работников, выполнявших научные исследования и разработки с 1995 по 2014 г. в Республике Беларусь

Работники, выполняющие исследования и разработки	1995 г.	2000 г.	2005 г.	2010 г.	2014 г.	Темпы прироста (сокращения) численности работников (%)			
						с 1995 по 2000 г.	с 2000 по 2005 г.	с 2005 по 2010 г.	с 2010 по 2014 г.
Списочная численность работников, из них:	39 300	32 926	30 222	31 712	27 208	-16,2	-8,2	+4,9	-14,2
доктора наук	712	819	780	748	671	+15,0	-4,8	-4,1	-10,3
кандидаты наук	4405	3856	3255	3193	2867	-12,5	-15,6	-1,9	-10,2
без ученой степени	34 183	28 251	26 187	27 771	23 670	-17,4	-7,3	+6,0	-14,8

Изменение численности работников после 2010 г. имело иную направленность, во многом похожую на динамику их численности, которая имела место с 1995 по 2000 г. С 2010 по 2014 г. списочная численность работников, выполняющих исследования и разработки, сократилась на 14,2 %, при этом численность кандидатов наук уменьшилась на 10,2 %. Если до 2000 г. численность докторов наук росла, то с 2000 по 2010 г. эта категория работников стала сокращаться. После 2010 г. темпы сокращения докторов наук выросли. Сокращение численности научных работников высшей квалификации не могло не сказаться на изменении их возрастной структуры.

Для комплексной оценки направленности и динамики воспроизводственных процессов в научной сфере необходимо рассмотреть особенности изменения численности докторов наук из числа исследователей за период с 2000 по 2014 г. по возрастным категориям (рис. 1). За рассматриваемый временной период общая численность докторов наук из числа исследователей уменьшилась на 18 %. Сокращение численности докторов наук сопровождалось существенными изменениями их возрастной структуры. С 2000 по 2014 г. в возрастной категории 60 лет и старше численность докторов наук выросла почти на 27 %. В возрастной категории до 49 лет численность докторов наук сократилась почти в 7 раз, в возрастной категории 50–59 лет численность докторов наук уменьшилась в 2 раза.

Таким образом, диспропорции в возрастной структуре докторов наук в последние годы усилились. Если в 2000 г. численность докторов наук в возрастной категории 60 лет и старше в 2,7 раза превышала численность докторов наук в возрастной категории до 49 лет, то в 2012 г. – в 15,5 раза, а в 2014 г. – в 24 раза.

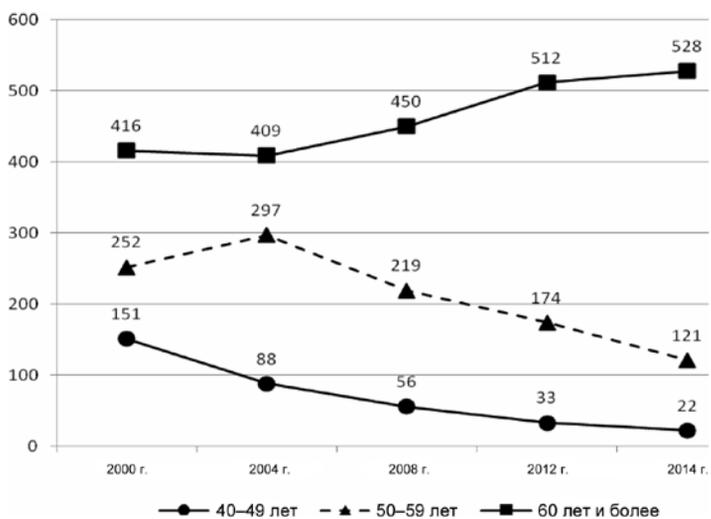

Рис. 1. Динамика численности докторов наук из числа исследователей Республики Беларусь с 2000 по 2014 г. с учетом возрастных категорий

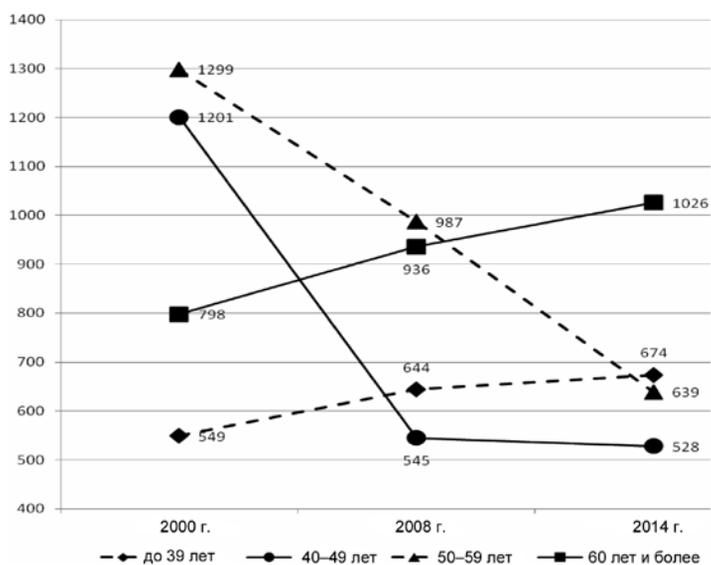
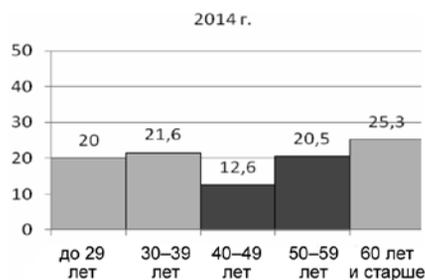
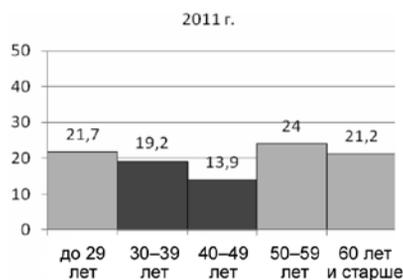

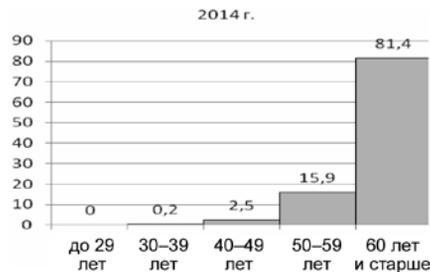
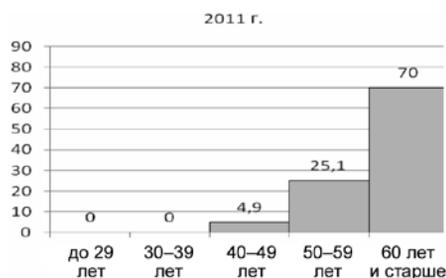
Рис. 2. Динамика численности кандидатов наук из числа исследователей в Республике Беларусь с 2000 по 2014 г.

За период с 2000 по 2014 г. численность кандидатов наук из числа исследователей в республике сократилась на 25,5 % (рис. 2). С 2000 по 2014 г. изменения в возрастной структуре кандидатов наук характеризовались разнонаправленными тенденциями – сокращением численности работников в возрасте от 40 до 59 лет и ростом численности работников в возрасте старше 60 лет и до 39 лет. При этом важно учитывать, что наиболее высокие темпы сокращения

Исследователи

Доктора наук

Кандидаты наук

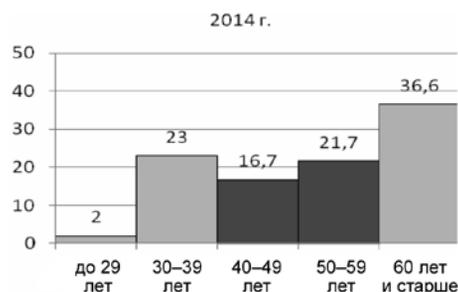
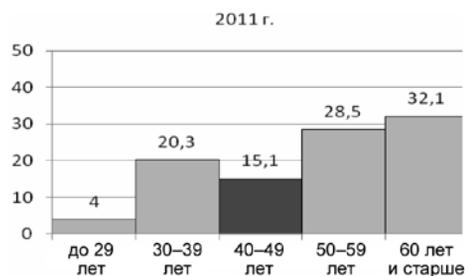

Рис. 3. Динамика возрастной структуры исследователей НАН Беларуси с 2011 по 2014 г.

численности кандидатов наук в возрастной категории 50–59 лет сложились в период с 2004 по 2008 г., тогда как активное уменьшение численности кандидатов наук в возрасте 40–49 лет началось еще с середины 90-х гг. прошлого века. С 2008 по 2014 г. высокие темпы сокращения численности были только в возрастной категории 50–59 лет, тогда как в возрастной категории 40–49 лет произошла стабилизация численности исследователей, имеющих ученую степень кандидата наук.

Изменение возрастной структуры исследователей НАН Беларуси с 2011 по 2014 г. представлено на рис. 3. Как следует из представленных данных, доля молодежи в общей численности исследователей за рассматриваемый временной период несколько снизилась – на 1,7 п. п. В то же время существенно

выросла доля исследователей в возрасте 30–39 лет – на 2,4 п. п. Еще более высокой была динамика роста доли исследователей в возрастной категории 60 лет и старше (рост на 4,1 п. п.). В двух возрастных категориях продолжалось сокращение доли исследователей. За период с 2011 по 2014 г. доля исследователей в возрастной категории от 40 до 49 лет уменьшилась на 1,3 п. п. Наибольшее сокращение доли исследователей произошло в возрастной категории от 50 до 59 лет (на 3,5 п. п.). Сохраняется образовавшийся в предшествующие годы «провал» в возрастной структуре исследователей – доля исследователей в возрастной категории от 40 до 49 лет меньше доли исследователей предшествующей возрастной категории (30–39 лет) и последующей возрастной категории (50–59 лет).

С 2011 по 2014 г. при росте доли докторов наук в возрастной категории от 60 лет и старше (на 11,4 п. п.) продолжалось сокращение доли докторов наук в других возрастных категориях. Доля докторов наук в возрастной категории до 49 лет уменьшилась на 2,2 п. п., в возрастной категории от 50 до 59 лет – на 9,2 п. п. Омоложения кадров в этой квалификационной категории исследователей не произошло.

В общей численности кандидатов наук устойчиво росла доля исследователей в возрасте до 39 лет. Среди положительных тенденций следует также отметить то, что преодолена негативная тенденция сокращения доли кандидатов наук в возрастной категории 40–49 лет.

Высокой является динамика уменьшения доли кандидатов наук в возрасте 50–59 лет. Эта возрастная категория исследователей сократилась с 2011 по 2014 г. на 6,8 п. п. Доля кандидатов наук в возрасте старше 60 лет за рассматриваемый временной период выросла на 4,5 п. п. (с 32,1 до 36,6 %).

В НАН Беларуси численность докторов наук в возрасте 60 лет и старше за период с 2002 по 2014 г. выросла почти на 6,9 %. Динамика численности докторов наук в возрасте от 50 до 59 лет характеризовалась другой направленностью – за отмеченный период их численность сократилась в 2,6 раза. Численность докторов наук в возрасте до 49 лет уменьшилась в 6,8 раза.

На рис. 4 представлены данные о динамике численности кандидатов наук академического сектора науки (с учетом возрастных категорий) с 2002 по 2014 г. За этот период численность кандидатов наук в возрасте до 39 лет существенно выросла – на 43 %, что позволяет говорить о позитивной динамике процесса омоложения кадрового состава научных работников, имеющих ученую степень кандидата наук.

Однако следует отметить, что высокие темпы прироста численности кандидатов наук в возрасте до 39 лет имели место с 2002 до 2007 г. (прирост 41,6 %). С 2007 по 2011 г. численность рассматриваемой возрастной категории кандидатов наук увеличилась на 14,8 %, а с 2011 по 2014 г. численность кандидатов этой возрастной категории сократилась на 12 %. Таким образом, в 2014 г. численность кандидатов наук в возрасте до 39 лет, по сравнению с показателем 2007 г., почти не изменилась (выросла на 1 %).

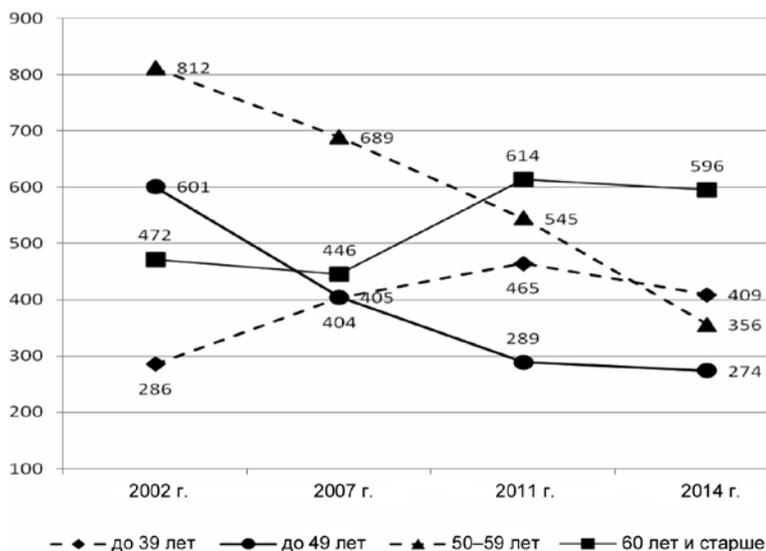

Рис. 4. Динамика численности кандидатов наук по возрастным категориям в НАН Беларуси с 2002 по 2014 г.

Численность кандидатов наук в возрасте 60 лет и старше выросла на 26,3 %. Одна из доминирующих тенденций – сокращение численности кандидатов наук в возрастной категории исследователей от 40 до 59 лет. При этом с 2002 по 2014 г. численность кандидатов наук в возрастной категории исследователей от 40 до 49 лет уменьшилась в 2,2 раза, а в возрастной категории исследователей от 50 до 59 лет – в 2,3 раза. Прогноз динамики численности кандидатов наук в возрасте старше 50 лет неблагоприятный – численность этой возрастной категории исследователей будет сокращаться высокими темпами, что окажет в ближайшие годы существенное влияние на общее уменьшение численности кандидатов наук в целом.

В условиях перехода на инновационный путь развития экономики актуальным становится анализ перспектив кадрового обеспечения приоритетных направлений научных исследований. Для изучения этой проблемы в 2013 г. проводился опрос экспертов в академическом секторе науки. В качестве экспертов были выбраны руководители структурных подразделений НАН Беларуси, которые были разделены на две группы. Руководители первой группы осуществляли подготовку аспирантов дневной формы обучения по приоритетным специальностям научных работников высшей квалификации, руководители второй группы готовили аспирантов по специальностям, которые не относятся к приоритетным. Численность экспертов, работающих в организациях, в которых осуществлялась подготовка аспирантов по приоритетным специальностям, составила 28 человек, численность экспертов других академических организаций – 124 человека. Для сравнительного анализа использовались результаты опроса 152 экспертов, которые проводят исследова-

ния в области естественных, технических, сельскохозяйственных, медицинских, общественных и гуманитарных наук. К приоритетным специальностям научных работников высшей квалификации были отнесены специальности, необходимые для развития высокотехнологичных производств, относящихся к V и VI укладам экономики в соответствии с приказом ГКНТ Республики Беларусь от 29.03.2012 г. № 146.

Анализ ответов экспертов на вопрос: «Испытывает ли Ваше структурное подразделение в настоящее время дополнительную потребность в кадрах?» показал, что большинство структурных научных подразделений академического сектора науки испытывают дополнительную потребность в кадрах. При этом потребность в кадрах экспертов первой группы оказалась выше, чем экспертов второй группы (89 % и 79,4 % соответственно). Подавляющее большинство экспертов первой группы (74,1 %) отметило потребность в молодых специалистах, тогда как среди экспертов второй группы этот показатель составил 51,5 %. Потребность в притоке кандидатов наук отметили 48,1 % экспертов первой группы, тогда как среди экспертов второй группы доля тех, кто отметил потребность в кандидатах наук, составила 38,2 %.

Проведенный опрос показал, что 68,3 % экспертов считают, что в организациях, в которых они работают, имеет место разрыв поколений ученых. В общей численности экспертов первой группы выше доля тех, кто считает, что в возглавляемых ими структурных подразделениях имеет место разрыв поколений ученых, чем доля экспертов второй группы, которые дали такой же ответ (70,3 % и 52,9 % соответственно).

Экспертам были заданы вопросы о тенденциях изменения численности аспирантов дневной формы обучения в ближайшие 2–3 года. Почти каждый второй из числа экспертов отметил, что численность аспирантов дневной формы обучения будет сокращаться, и только 6,1 % от общей численности экспертов указали, что она будет увеличиваться. Сравнение оценок двух экспертных групп выявило существенные различия в оценке наиболее острых проблем организаций, в которых они работают. Наиболее острой проблемой эксперты первой группы считают низкий уровень заработной платы молодых ученых (81,5 %), тогда как для экспертов второй группы эта проблема стоит на третьем месте по значимости (42,6 %). На втором месте по значимости (66,7 %) для экспертов первой группы оказалась проблема низкого уровня заработной платы высококвалифицированных научных работников, тогда как эксперты второй группы выделили эту проблему как наиболее важную (67,6 %). Результаты анализа ответов экспертов показали, что третьей по значимости проблемой эксперты первой группы считают низкий уровень материально-технического обеспечения научных исследований (63 %). Доля экспертов второй группы, указавших на эту проблему, составляет всего 38,2 %. Таким образом, в научных организациях, в которых обучаются аспиранты по специальностям, приоритетным для инновационного развития экономики, более остро воспринимаются проблемы стимулирования научной деятельности молодых ученых, проблемы материально-технического обеспечения исследований.

В рамках исследования были получены экспертные оценки соответствия материально-технического обеспечения исследований современным требованиям в рамках тех научных направлений, в которых работают эксперты. Анализ ответов экспертов показал, что 40 % из них считают, что материально-техническое обеспечение исследований, в рамках научного направления, в котором они работают, в полной мере соответствует уровню современных требований или «скорее соответствует, чем нет». Ответ «скорее нет, чем да» выбрали 43,3 % от общего числа экспертов, а ответ «нет, совсем не соответствует» – 16,7 % экспертов, участвующих в опросе. Анализ проблемы материально-технического обеспечения исследований с учетом оценок двух сравниваемых групп экспертов показывает, что ситуация в областях исследований, в рамках которых осуществляется подготовка научных кадров высшей квалификации по приоритетным специальностям, воспринимается острее. В первой группе экспертов доля тех, кто положительно оценивает уровень материально-технического обеспечения исследований, оказалась ниже, чем среди экспертов в целом. Так, 22,2 % от общего числа экспертов первой группы отметили, что уровень материально-технического обеспечения исследований, которые они осуществляют, соответствует современным требованиям или «скорее соответствуют, чем нет». В то же время большинство экспертов первой группы (63 %) считают, что материально-техническое обеспечение проводимых ими исследований скорее не соответствует, чем соответствует современным требованиям. Еще 14,8 % экспертов первой группы указали, что материально-техническое обеспечение проводимых ими исследований не соответствует уровню современных требований. Таким образом, доля экспертов, неудовлетворенных уровнем материально-технического обеспечения проводимых исследований, в первой группе оказалась выше, чем доля экспертов, которые дали аналогичную оценку во второй группе (77,8 % и 56,1 % соответственно).

Если в первом десятилетии XXI в. были относительно благоприятные возможности для стабилизации численности научных работников высшей квалификации, то в ближайшие годы ситуация станет более проблематичной, поскольку влияние некоторых отрицательных для развития кадрового потенциала науки тенденций будет усиливаться. Следует отметить две из них. Первая – сокращение, в связи с демографическими причинами, числа выпускников школ, поступивших в вузы [3], что повлияет на сокращение численности выпускников вузов и таким образом негативно скажется на показателях притока молодежи в сферу науки. Вторая – сокращение численности исследователей, имеющих ученую степень кандидата наук, в возрастной категории 50–59 лет [2]. С 2000 по 2014 г. численность исследователей, имеющих ученую степень кандидата наук, в возрастной категории 50–59 лет сократилась в 2 раза. В ближайшие годы численность кандидатов наук в возрасте 50–59 лет также будет уменьшаться [2, с. 207]. Таким образом, ресурсный потенциал для сохранения численности кандидатов наук в возрасте старше 50 лет

исчерпан, в ближайшие годы численность кандидатов наук в возрасте старше 50 лет будет сокращаться. Отмеченные тенденции будут влиять на уменьшение численности исследователей, в том числе кандидатов и докторов наук. С целью минимизации негативного влияния этих тенденций необходима разработка комплекса мер для стабилизации численности исследователей и преодоления дисбаланса в возрастной структуре научных кадров. Необходимо обеспечить устойчивый приток способной молодежи в сферу науки, однако этого недостаточно. Приоритетным направлением кадровой политики в сфере науки должна стать разработка и реализация системы мер, направленная на закрепление в научной сфере перспективной молодежи, кандидатов и докторов наук молодого и среднего возраста.

Анализ позволяет сделать вывод, что воспроизводственная стратегия имеет приоритетное значение для развития кадрового потенциала науки в условиях перехода к инновационной экономике. В современных условиях объективно необходима разработка и реализация новой эффективной государственной кадровой политики в науке, обеспечивающей устойчивое развитие ее кадрового потенциала.

Литература

1. Концепция национальной безопасности Республики Беларусь : утв. Указом Президента Респ. Беларусь, 9 нояб. 2010 г., № 575. – Минск : Беларус. дом печати, 2011. – 48 с.
2. Шарый, И. Н. Проблемы воспроизводства кадрового потенциала науки Республики Беларусь / И. Н. Шарый // Белорусская наука в условиях модернизации: социологический анализ / М. И. Артюхин [и др.] ; Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т социологии. – Минск : Беларус. навука, 2015. – С. 199–214.
3. В Беларуси число поступающих в вузы в 2014–2018 годах снизится примерно на 5–10 тыс. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://news.mail.ru/inworld/belorussia/society/15943616/?frommail=1>. – Дата доступа: 11.06.2014.

I. N. SHARY

REPRODUCTIVE SPECIFICS OF THE SCIENTIFIC STAFF IN BELARUS AND THE PROBLEMS OF STAFFING OF THE SCIENTIFIC RESEARCH PRIORITY LINES: SOCIOLOGICAL ANALYSIS

Summary

The analysis of the dynamic of alteration of the reproductive structure of the highly qualified scientific researchers in Republic of Belarus for the period from 2000 till 2014 is presented. The staffing problems of the scientific research priority lines are identified. It is showed that the staff reduction of the scientific researches over the age of 50 will be high in the near future. It is concluded that the reproduction strategy of the scientific staff is very important for the realization of the effective personnel policy.

Keywords: innovative economic development, reproductive of the highly qualified scientific researchers, priority lines of the scientific research, PhD, doctor of sciences, reproductive structure of scientific staff, dynamic of research strength, academic sector of science.

Поступила 31.10.2015 г.

Ю. С. НАЗАРЕНКО,

кандидат социологических наук, Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПРАКТИК В СОВРЕМЕННОМ СОЦИУМЕ

Анализируется трансформация традиционных институтов образования и формирование новых форм образовательной практики, а также направления и характер их взаимодействия. Показано, что непрерывная образовательно-профессиональная траектория положительно влияет на профессиональный успех личности. Рассмотрены состояние и динамика современной образовательной системы Республики Беларусь.

Ключевые слова: непрерывное образование, профессиональный успех, формальное, неформальное и информальное образование, компетентность, образовательно-профессиональная траектория, онлайн-образование.

Возрастающее значение образования в современном социуме становится результатом коренных социокультурных трансформаций. Массовизация высшего образования в совокупности с бурной автоматизацией-информатизацией современного труда привела к парадоксальной ситуации роста числа образованных безработных. Данная ситуация усугубляется тем, что в самой системе массового высшего образования наблюдается неравномерная дифференциация качества подготовки обучающихся. В результате образовательные дипломы перестают эффективно выполнять свою сигнальную функцию (выражать качество подготовки человека) и напрямую конвертироваться в соответствующие должностные позиции. Сегодня работодатели все чаще вынуждены проводить дополнительную проверку кандидатов на работу (через тестирование, собеседования, испытательные сроки, стажировки, тестовые задания и т. п.), выявляющую реальную, практическую компетентность молодых специалистов.

Опытные специалисты также сталкиваются с проблемами ускоряющегося морального износа своих знаний и умений в условиях возросшей неопределенности и риска на современном, быстро меняющемся рынке труда. В данной ситуации актуализируется задача создания и совершенствования компенсаторных и превентивных механизмов формирования у работников востребованных профессиональных компетенций. Данная задача решается с помощью технологий непрерывного образования (так называемая концепция «образования через всю жизнь»), обеспечивающих формирование «непреходящего» компетентного профиля и умений по его оптимизации по

запросам «времени и места». Именно образование в течение всей жизни способствует реализации главной цели политики в сфере образования – формирование и развитие высокого человеческого потенциала нации, повышение уровня и качества жизни.

Образование сегодня постепенно утрачивает свою не только специальную, но и общую сигнальную функцию, которая реализовывалась со второй половины XX в. до начала XXI в. Это связано с тем, что современные выпускники не обладают необходимыми знаниями и навыками не только по конкретной специальности, но и в области общей функциональной грамотности [15]. Данная проблема отчасти может нивелироваться тем, что «сигналом для работодателя служит не само наличие высшего образования, а бренд учебного заведения. Диплом элитного вуза – знак потенциально высокого КПД работника в глазах работодателя» [13, с. 143]. Тем не менее и данные сигналы, как правило, проверяются на соответствие требуемым знаниям и навыкам в практике.

Формирование и наращивание компетентностного профиля сегодня реализуется в различных образовательных практиках – как формальных (получаемых в учебных заведениях по государственным стандартам), так и неформальных (обучение организовано за пределами системы формального образования) и информальных (самообразование и иные практики культурного потребления с неявной, вторичной образовательной функцией). Наиболее востребованными являются образовательные практики (все чаще неформального типа) от краткосрочных курсов и тренингов получения образования в онлайн-среде. Далее мы рассмотрим ключевые образовательные практики и институции нового типа (МООК, корпоративные университеты, бизнес-школы).

Массовые открытые онлайн-курсы (МООК) – одно из самых популярных и перспективных направлений в мировом образовании. Онлайн-курсы значительно расширяют доступ к образованию, снимая имеющиеся неравенства в образовательных возможностях у разных категорий населения в странах с разным уровнем благосостояния. Онлайн-курсы дают возможность получить сертификат о прохождении отдельного курса или некоторых лекций, который можно предъявить работодателю, что сможет способствовать будущему карьерному росту. Положительным моментом в развитии онлайн-образования также является то, что «некоторые университеты уже начали принимать эти сертификаты как подтверждение пройденного курса, засчитывая “заработанные” на них баллы в пользу степени бакалавра или магистра» [6]. С развитием онлайн-образования появляется возможность изменения образовательного процесса, который делится на лекции и семинарские занятия. Назревает потребность снижения доли лекционной формы обучения и прироста практических форм – семинары, лабораторные работы, тренинги, мастер-классы и т. п.

Наиболее привлекательным в МООК стала их глобальная направленность за счет повсеместного распространения широкополосного Интернета. Однако многие экономически и технологически слаборазвитые страны не имеют

доступ к широкополосному Интернету, поэтому необходимо опираться на возможности мобильного Интернета. Компании EdX и Facebook «объявили о запуске совместного проекта под названием SocialEDU, который будет сначала опробован в Руанде. Идея проекта заключается в том, чтобы выйти за рамки МООК и создать новую образовательную платформу, которая будет доступна пользователям недорогих мобильных телефонов. EdX станет поставщиком бесплатного контента. Представители Facebook займутся разработкой мобильного приложения и созданием необходимых для образовательного процесса условий, что, по их мнению, станет базой для обеспечения доступа к бесплатному и качественному образованию для жителей развивающихся стран» [4, с. 32].

С конца XX в. широкое распространение получает система корпоративного образования. Корпоративные университеты возникли в конце 1980-х гг. в связи с глобализацией рынка труда и интеграцией национальных экономических пространств. На сегодняшний день в мире насчитывается около 1200 корпоративных университетов. Основными лидерами являются Университет Тойота, Оракл Университет, Макдональдс гамбургер Университет, Дженерал электрик Кронтвил, Дисней Университет, Чарльз Шваб Университет. Особенно активны в обучении своих работников такие компании, как Rolls-Royce, BMW, IBM, Sony, Daimler-Benz. Таким образом, значение корпоративного университета в регулировании рынка труда и рынка образования заключается в том, что «это система, которая позволяет людям постоянно повышать свой профессиональный уровень через обучение, стажировки – с одной стороны. С другой стороны, функция корпоративного университета – интеллектуальная составляющая, которая позволяет участвовать в стратегических исследованиях, определении стратегии развития компании за счет проведения научных исследований» [5, с. 136–137].

Наряду с развитием корпоративных университетов в рамках реализации управленческой и бизнес-ориентации современных университетов широкое распространение получают бизнес-школы, в результате обучения в которых студенты получают степень MBA (Master of business administration). Квалификация MBA подразумевает способность выполнять работу руководителя среднего и высшего звена. Вместе с тем ряд экспертов высказывают критические замечания в адрес данного типа образования, а некоторые поставщики образовательных услуг позиционируют себя на рынке как Anti-MBA [11].

Заметим, что высшее образование сегодня более ассоциируется не столько с инвестициями в человеческий капитал, сколько начинает напоминать обычное потребление – реализацию социального запроса на высшее образование [14]. В данных условиях получает распространение управленческая система нового менеджериализма (*new managerialism*), в которой подчеркивается «адаптация управления высшими учебными заведениями (организационных форм, технологий, управленческих практик и ценностей) к управленческим практикам, развитым в среде частного сектора» [9]. Руководство универси-

тета начинает мыслить и действовать в категориях эффективности (в терминах выгод, издержек, эффектов и т. п.). Данная система управления характерна для европейских стран, а также активное развитие получила в ходе широкого распространения Болонского процесса. Безусловно, что менеджериализм имеет как позитивные, так и негативные стороны, включающие, главным образом, противоречия между рыночными и нерыночными механизмами внутри институтов науки и образования.

Перечисленные глобальные социокультурные, социоэкономические и образовательные трансформации характерны и для Беларуси, однако имеют свои отличия, связанные с особенностями функционирования национального рынка труда и рынка образования в условиях доминирования третьего-четвертого технологических укладов. Тем не менее, согласно Национальной стратегии устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2020 г., «особую значимость для Беларуси в этот период приобретает опережающий характер развития образования, нацеленность его на запросы и ценности будущей постиндустриальной цивилизации. В этой связи содержание и методики обучения должны быть направлены на развитие творческих качеств личности, ее способностей к самостоятельным действиям и решениям, к непрерывному обновлению знаний и совершенствованию профессиональной компетенции» [7, с. 76].

Обеспечение устойчивого развития Республики Беларусь зависит от уровня и качества образования граждан. По данным исследований ООН в рамках Программы развития Организации Объединенных Наций (ПРООН), индекс уровня образования (рассчитываемый как индекс грамотности взрослого населения и индекс совокупной доли учащихся, получающих образование) в Беларуси в 2011 и 2013 гг. составил 0,78 и 0,82 соответственно (Украина – 0,86 и 0,79, Казахстан – 0,83 и 0,76, Россия – 0,78 и 0,78) [12]. Для развитых стран пороговое значение данного индекса составляет 0,8, а максимальное значение равно 1. Например, за 2011 г. максимальное значение наблюдалось только у Новой Зеландии, в то время как у большинства развитых стран оно варьируется от 0,90 до 0,99. В 2013 г. ни одна страна не продемонстрировала уровень образования, равный 1.

В то же время по одному из главных стоимостных показателей состояния человеческого капитала в образовательной сфере – доле расходов на образование в ВВП – в Беларуси зафиксировано, что начиная с 2005 и вплоть до 2011 г. расходы на образование снижаются (6,4 % и 4,8 % соответственно), в свою очередь в 2012, 2013 и 2014 гг. наблюдается небольшое увеличение и одновременно колебания доли расходов с 5,1 %, 5,2 до 5,0 % соответственно [8, с. 14]. Можно предположить, что такая динамика отражает тенденцию стабилизации уровня расходов в пределах 5 %, что может быть обусловлено общей динамикой социально-экономической ситуации в стране в посткризисный период. Среди стран СНГ по расходам на образование за период 2011–2014 гг. Беларусь уступает Украине (6,6 %, 7,2 % и 7,3 %), Молдове (8,3 %, 8,4 %

и 7,1 %), Кыргызстану (6,4 %, 7 % и 6,2 %) [8, с. 221]. В то же время расходы на образование в западных странах в 2014 г. выглядят следующим образом: Франция – 5,9 %, США – 5,4 %, Финляндия – 6,8 %, Литва – 5,6 %, Норвегия и Швеция – по 7,3 % соответственно [8, с. 221–222].

Таким образом, если в 2011 г. Беларусь уступала постсоветским странам по индексу уровня образования, то в 2013 г. она уже превосходит их по данному показателю. В то же время по уровню расходов ВВП на образование по состоянию на 2014 г. Беларусь уступает как западным, так и постсоветским странам. Можно высказать предположение, что наблюдаемый уровень развития и финансового обеспечения системы образования не в полной мере стимулирует переход к экономике знаний, требующей значительных капиталовложений в систему образования.

Конкурентоспособность национальной экономики зависит от человеческого потенциала населения. В то же время ожидания и установки населения на получение определенных профессий зачастую вступают в противоречие с актуальными и будущими потребностями рынка труда и экономики в целом. Это требует создания эффективных механизмов их согласования и компенсации возникающих дисбалансов, одним из которых и выступает непрерывное образование.

В развитии образования в современную эпоху основной акцент делается на создании системы образования, соответствующей потребностям личности, общества и государства, на формировании условий для дальнейшего развития личности и подготовки новых поколений к жизни и труду в устойчивой социально ориентированной рыночной экономике. Сегодня система массового *деиндивидуализированного* образования, порожденная потребностями индустриального общества, постепенно преобразуется в систему массового *индивидуализированного* образования, где каждый человек имеет достаточно высокие шансы выстроить и реализовать индивидуально-личностную и, одновременно с этим, качественную образовательно-профессиональную траекторию, достаточно быстро и эффективно усвоив значительный объем знаний и деятельности в результате участия в новых, более емких и «проводящих» (по контуру человекообразности [1]) образовательных практиках.

На основе социологического исследования, проведенного сектором социальных инноваций Института социологии НАН Беларуси по теме «Инновационное развитие образования в Республике Беларусь» в 2013 г., был осуществлен анализ взаимосвязи непрерывности образовательно-профессиональных траекторий и профессионального успеха личности. В результате теоретической типологизации [3, с. 1054] были выделены 4 группы респондентов (таблица) в зависимости от работы по специальности в прошлом и в настоящем: «стабильные» (работали в оба периода времени), «ушедшие» (работали по специальности в прошлом и не работают сейчас), «вернувшиеся» (не работали по специальности в прошлом, но работают сейчас) и «выпавшие» (не работали по специальности в прошлом и не работают сейчас). Принадлежность

к группам определена для 728 респондентов (46,5 % от выборки), из которых 172 респондента (23 %) не имели постоянной занятости.

**Группы респондентов в зависимости от работы по специальности
в прошлом и настоящем**

Работа по специальности в прошлом	Работа по специальности в настоящем	
	да	нет
Да	«Стабильные»	«Ушедшие»
Нет	«Вернувшиеся»	«Выпавшие»

Анализ показал, что доля работников, которые ни в прошлом, ни в текущий момент не работают по специальности, полученной в учебном заведении («выпавшие» из специальности), составляет 30,7 %. Около 33 % работников перешли на работу не по полученной специальности («ушедшие»). Около трети респондентов стабильно работают по полученной специальности после окончания учебного заведения. Таким образом, среди занятого населения наблюдается высокий уровень прерывности образовательно-профессиональных траекторий.

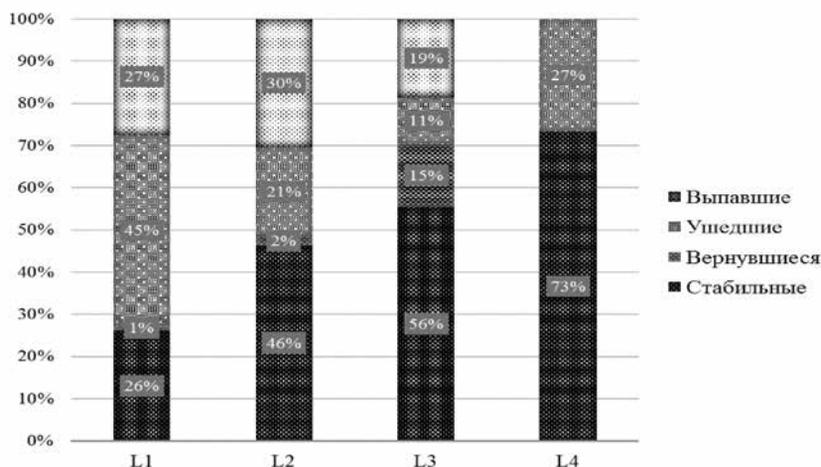
С одной стороны, исходя из представления о длительности профессиональной социализации человека (на протяжении всей жизни [2, с. 940]), наличие такого разрыва в образовательно-профессиональной траектории является негативным фактором, поскольку зачастую требует дополнительной траты ресурсов на покрытие образующегося дефицита профессиональных знаний и умений. С другой стороны, такой дефицит можно рассматривать как сознательно достигнутый в результате прагматичного получения «титульной» специальности («корочки»), позволяющей трудоустроиться и зарабатывать, что не исключает приобретение иного или дополнительного образования впоследствии. В качестве цели получения высшего образования около 60 % респондентов (в России – 74 %) [10, с. 192] отмечают необходимость иметь диплом для трудоустройства.

С целью выявления влияния образования на профессиональный успех личности проанализируем присутствие респондентов с различными образовательно-профессиональными траекториями в группах, достигших разного уровня профессионального успеха. Были также сконструированы 4 типа респондентов с различным интегральным баллом достижений. Данный балл получен на основе суммирования баллов по отдельным показателям профессиональных достижений (повышение заработной платы, повышение по должности, профессиональные награды, участие в профессиональных мероприятиях в качестве докладчика, эксперта). Границы групп (балльные интервалы) были заданы таким образом, чтобы в группы попадали респонденты с качественно различным уровнем совокупных достижений.

Между группами по профессиональным достижениям и группами с различной степенью непрерывности образовательно-профессиональной траек-

тории наблюдается зависимость: чем выше уровень достижений, тем чаще встречаются респонденты, стабильно работающие по полученной в учреждении образования специальности (рисунок). Данная зависимость нашла свое выражение в слабой положительной связи ($r = 0,243$, $p = 0,01$). Механизмом данной зависимости выступает непрерывное накопление профессионального опыта, который конвертируется в высокие результаты профессиональной деятельности, находящие свое выражение в профессиональных достижениях работника (признании со стороны руководства, членов профессионального сообщества). Тем не менее невысокая сила связи говорит о том, что линейной сильной зависимости между данными явлениями нет, что вполне согласуется с актуальной ситуацией рассогласованности институтов образования и профессии (потерей четкой сигнальной функции у образования на рынке труда) в условиях активной их трансформации в растущей экономике знаний.

Стоит отметить, что группу «выпавших» сложно однозначно отнести к потенциально менее успешным, поскольку, несмотря на полное несовпадение между полученной квалификацией и последующей работой, данные работники могли наверстать исходный дефицит знаний и умений и, соответственно, достичь определенных, но, тем не менее, ограниченных профессиональных успехов. Данный факт, как и особенности каждой группы и ее образовательно-профессиональной траектории, требует дальнейших исследований. Вместе с тем можно считать подтвержденной гипотезу о том, что непрерывность образовательно-профессиональной траектории положительно влияет на профессиональный успех личности.

Группы работников с разным уровнем профессионального успеха в разрезе по образовательно-профессиональным траекториям

Сегодня образование становится одним из главных факторов рыночного успеха, экономического роста и научно-технического прогресса. По мере пе-

рехода от развития, основанного на использовании преимущественно человеческих способностей, к развитию, основанному на использовании культурного и интеллектуального потенциала личности, роль образования непрерывно возрастает и становится доминирующей. В то же время распространение и использование новых информационных технологий станет ведущим фактором трансформации образовательных практик в современном социуме.

Литература

1. *Абушенко, В. Л.* Понятие человеко(раз)мерности в культурсоциологии М. К. Петрова / В. Л. Абушенко // Социол. альм. – 2015. – Вып. 6. – С. 283–295.
2. *Абушенко, В. Л.* Социализация / В. Л. Абушенко // Социология : энцикл. / редкол.: А. А. Грицанов [и др.]. – Минск : Книж. Дом, 2003. – С. 939–940.
3. *Абушенко, В. Л.* Типологизация / В. Л. Абушенко // Социология : энцикл. / редкол.: А. А. Грицанов [и др.]. – Минск : Книж. Дом, 2003. – С. 1054.
4. *Вильдавски, Б.* МООК в развивающихся странах: новая надежда или надувательство / Б. Вильдавски // Междунар. высшее образование. – 2015. – № 80. – С. 31–33.
5. *Ключарев, Г. А.* Корпоративное образование: альтернатива государственным программам в сфере дополнительного образования / Г. А. Ключарев, Е. И. Пахомова // Вопр. образования. – 2007. – № 2. – С. 134–160.
6. *Королев, Д.* Онлайн-обучение заставляет студентов думать [Электронный ресурс] / Д. Королев // Орес.ru. – 2015. – Режим доступа: <http://ores.ru/text/1832723.html>. – Дата доступа: 15.10.2015.
7. Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2020 г. / Нац. ком. по устойчивому развитию Респ. Беларусь ; редкол.: Я. М. Александрович [и др.]. – Минск : Юнипак, 2004. – 200 с.
8. Образование в Республике Беларусь 2015 : стат. сб. / Нац. стат. ком. Респ. Беларусь ; редкол.: И. В. Медвелева [и др.]. – Минск, 2015. – 226 с.
9. *Павлюткин, И. В.* Управление университетом в условиях новой рыночной ситуации (к концепции «нового менеджериализма») [Электронный ресурс] / И. В. Павлюткин // Федеральный образовательный портал. Экономика. Социология. Менеджмент. – 2015. – Режим доступа: <http://ecsocman.hse.ru/data/929/876/1219/04pavlyutkin57-65.pdf>. – Дата доступа: 03.10.2015.
10. *Петренко, Е. С.* Ценность высшего образования / Е. С. Петренко, Е. Г. Галицкая, И. А. Шмерлина // Вопр. образования. – 2010. – № 2. – С. 187–206.
11. *Подцероб, М.* В мире и в России в моду входит образование «анти-MBA» [Электронный ресурс] / М. Подцероб // ВЕДОМОСТИ. – 2015. – Режим доступа: <http://www.vedomosti.ru/management/articles/2015/06/11/596065-v-mire-i-v-rossii-v-modu-vhodit-obrazovanie-anti-mva>. – Дата доступа: 15.10.2015.
12. Рейтинг стран мира по уровню образования [Электронный ресурс] // Центр гуманитарных технологий. – 2015. – Режим доступа: <http://gtmarket.ru/ratings/education-index/education-index-info>. – Дата доступа: 21.10.2015.
13. *Роцин, С. Ю.* Измеряют ли стартовые заработные платы качество образования? Обзор российских и зарубежных исследований / С. Ю. Роцин, В. Н. Рудаков // Вопр. образования. – 2015. – № 1. – С. 137–181.
14. *Соболевская, О.* Рейтинги вузов должны основываться на «больших данных» [Электронный ресурс] / О. Соболевская // Орес.ru. – 2015. – Режим доступа: <http://ores.ru/text/1832723.html>. – Дата доступа: 21.10.2015.
15. *Сокологорская, Д.* Функциональная неграмотность [Электронный ресурс] / Д. Сокологорская // Syg.ma. – 2015. – Режим доступа: <http://syg.ma/@daria-sokologhorskaya/funktsionalnaia-nieghramotnost>. – Дата доступа: 15.10.2015.

*J. S. NAZARENKO***THE TRANSFORMATION OF EDUCATIONAL PRACTICES IN MODERN SOCIETY****Summary**

Transformation of traditional institutions of education and formation of new forms of educational practice is analyzed, the direction and nature of their interaction is described. It is shown that lifelong educational and professional track has a positive effect on the personal professional success. The conditions and dynamics of the modern educational system of the Republic of Belarus is analyzed.

Keywords: Lifelong Learning, professional success, formal, non-formal and informal education, competency, educational and professional tracks, online education.

Поступила 29.10.2015 г.

О. Г. ВОРОШЕНЬ,

Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

НАУЧНЫЕ ГРАНТЫ КАК ФОРМА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОДДЕРЖКИ АСПИРАНТОВ АКАДЕМИЧЕСКОГО СЕКТОРА НАУКИ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Рассмотрены основные виды грантовой поддержки, доступные аспирантам учреждений НАН Беларуси. Проанализировано участие аспирантов в таких формах государственной поддержки научной деятельности, как получение стипендии Президента Республики Беларусь и исследовательских грантов для аспирантов.

Ключевые слова: аспиранты, грантовая поддержка, исследовательский грант, стипендия Президента Республики Беларусь.

Государственная поддержка талантливых молодых ученых является важным направлением государственной молодежной политики в сфере науки Республики Беларусь, выступает в качестве одного из важнейших приоритетов государственной поддержки науки и культуры в Беларуси.

Повышенное внимание к научной молодежи объясняется «исключительной важностью притока молодежи в науку для воспроизводства ее кадрового состава» [1, с. 214]. Особое место в процессах воспроизводства кадрового состава науки отводится аспирантуре как структуре, осуществляющей подготовку научных кадров высшей квалификации. В целях повышения качества подготовки научных кадров, создания дополнительных стимулов для эффективного научного творчества аспиранты включены в систему государственной поддержки молодых ученых, в рамках которой молодым ученым на конкурсной основе выделяются гранты, стипендии, премии за достижения в науке.

Участие в конкурсах на получение исследовательских грантов и стипендий предоставляет возможности наиболее талантливым молодым исследователям получить дополнительное финансирование для проведения своих исследований. Гранты направлены на поддержку творческой инициативы ученых, стимулирование научного творчества. Эффективность грантовой поддержки определяется отбором лучших проектов на конкурсной основе, что дает возможность молодым исследователям проявить себя в науке, приобрести опыт самостоятельной работы и иметь дополнительный источник дохода.

Особое место в системе государственной поддержки научной молодежи занимает поддержка аспирантов научных организаций НАН Беларуси. Гран-

товая поддержка научно-исследовательских работ аспирантов введена в Беларуси с 1996 г. Молодые ученые НАН Беларуси имеют возможность ежегодно участвовать в ряде конкурсов на получение стипендий и исследовательских грантов для аспирантов и молодых ученых.

Для финансовой поддержки исследований по докторским и кандидатским диссертациям и содействия их своевременному завершению Национальной академией наук Беларуси ежегодно проводится конкурс среди докторантов и аспирантов на получение грантов для выполнения научно-исследовательских работ по теме диссертации. По итогам конкурса за последние годы гранты НАН Беларуси в 2010 г. получили 88 человек, в 2011 г. – 83, в 2012 г. – 60, в 2013 г. – 62, в 2014 г. – 47 человек [2, с. 223; 3, с. 253; 4, с. 235].

Для осуществления социальной поддержки аспирантов, а также повышения качества подготовки научных работников высшей квалификации, эффективности их научно-исследовательской деятельности в соответствии с Указом Президента Республики Беларусь от 6 сентября 2011 г. № 398 «О социальной поддержке обучающихся» ежегодно Министерством образования совместно с Национальной академией наук Беларуси проводится открытый конкурс среди аспирантов дневной формы обучения на получение стипендии Президента Республики Беларусь [6]. За последние годы количество аспирантов из организаций НАН Беларуси, отмеченных стипендиями Президента Республики Беларусь, составило в 2011 г. 19 человек, в 2012 г. – 25, в 2013 г. – 18, в 2014 г. – 23 человека [2, с. 345; 3, с. 377; 4, с. 356; 5, с. 407].

В целях стимулирования развития творческой инициативы молодых ученых, укрепления кадрового потенциала научных организаций, выполняющих исследования либо разработки в области естественных, технических, социальных и гуманитарных наук в соответствии с Указом Президента Республики Беларусь от 11 августа 2005 г. № 367 «О совершенствовании стимулирования творческого труда молодых ученых» учреждено 100 стипендий талантливым молодым ученым. Стипендии назначаются молодым исследователям без степени до 30 лет, аспирантам в том числе [7]. Стипендиатами в 2011 г. были 39, в 2012 г. – 32, в 2013 г. – 34, в 2014 г. – 47 молодых ученых НАН Беларуси [2, с. 344; 3, с. 377; 4, с. 356; 5, с. 406].

Особое место в системе государственной поддержки научной молодежи занимает Белорусский республиканский фонд фундаментальных исследований (БРФФИ), который также ежегодно проводит конкурс на соискание грантов для молодых ученых «Наука М» в целях привлечения талантливой молодежи к выполнению фундаментальных научных исследований. Также молодые исследователи, в том числе и аспиранты, могут принять участие в ряде совместных конкурсов на соискание грантов для молодых ученых: совместно с Министерством образования Республики Беларусь – «БРФФИ–Минобразование М», совместно с Российским гуманитарным научным фондом (РГНФ) – «БРФФИ–РГНФ М».

Целью подобных конкурсов является стимулирование творческой активности аспирантов, эффективности и качества их научно-исследователь-

ской деятельности, формирование ориентации на практическое применение результатов их работы.

В исследовании, проведенном сотрудниками Института социологии НАН Беларуси, было проанализировано участие аспирантов в таких формах государственной поддержки научной деятельности, как получение стипендии Президента Республики Беларусь и исследовательских грантов для аспирантов, учреждаемых НАН Беларуси. В результате проведенного сплошного анкетного опроса получены ответы от 262 аспирантов дневной формы обучения научных организаций НАН Беларуси, расположенных в г. Минске.

Полученные данные показали, что 12,7 % опрошенных, обучающихся в очной аспирантуре НАН Беларуси на момент опроса (май–июнь 2013 г.), были удостоены стипендии Президента Республики Беларусь за свои научные достижения. Из них 10 % получали стипендию Президента Республики Беларусь для аспирантов и 2,7 % – для молодых ученых.

Также следует отметить, что большинство аспирантов, получивших данный вид господдержки, являются аспирантами третьего года обучения. Как представлено на графике, если среди аспирантов первого года обучения только 1,6 % получали стипендию Президента Республики Беларусь для аспирантов, то к третьему году обучения доля таких аспирантов составила уже 18,4 % (рис. 1).

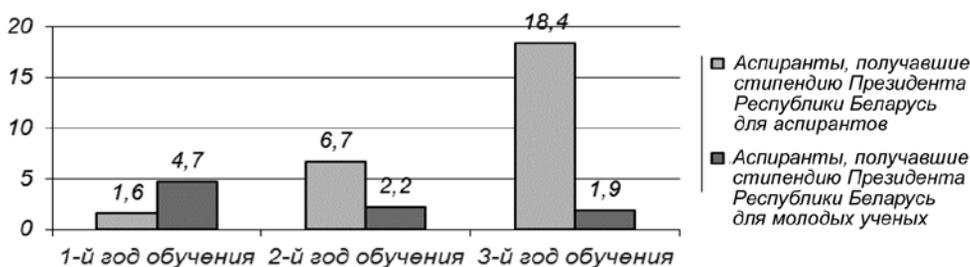

Рис. 1. Распределение аспирантов, получавших стипендию Президента Республики Беларусь, по годам обучения

Результаты исследования показали, что чаще других были удостоены стипендии Президента Республики Беларусь аспиранты, представляющие естественные и технические науки.

Еще одна возможность получения дополнительного финансирования проводимых исследований во время обучения в аспирантуре – это участие в конкурсе на получение исследовательского гранта для аспирантов, учрежденного НАН Беларуси.

Как показали результаты проведенного опроса, исследовательский грант для аспирантов был выделен для 22,2 % аспирантов, обучающихся в очной аспирантуре НАН Беларуси на момент проведения опроса. Группу этих респондентов составили аспиранты второго (37,9 %) и третьего (62,1 %) годов

обучения. Наибольшее число исследовательских грантов для аспирантов было выделено респондентам, представляющим естественные науки (48,3 %). Далее следуют аспиранты, представляющие отделение общественных и гуманитарных наук (22,4 %) и отделение технических наук (17,3 %).

Следует отметить, что доля аспирантов, вовлеченных в разные формы системы дополнительного стимулирования научной деятельности, повышается с увеличением срока их обучения и соответственно пребывания в «научной среде».

Таким образом, доля аспирантов, которые получали стипендию Президента Республики Беларусь и/или исследовательские гранты для аспирантов, составила 29,1 % от общего числа опрошенных аспирантов.

При ближайшем рассмотрении выделенной группы аспирантов (получавших стипендию Президента Республики Беларусь и/или исследовательские гранты для аспирантов) выявлено, что ее составили исследователи с выраженной установкой на научную деятельность. Об этом свидетельствует тот факт, что 72,4 % аспирантов занимались научно-исследовательской деятельностью уже в вузе. Участие в научной работе будущих соискателей ученой степени уже в студенческие годы помогает повысить эффективность подготовки научных работников высшей квалификации. Именно этап научно-исследовательской работы студентов позволяет им не только создать научный задел по теме будущего диссертационного исследования, но и определить, насколько они склонны к занятию научной деятельностью, дает возможность реализовать свои творческие способности.

Очевидно, что степень активности в научно-исследовательской работе аспирантов зависит, в том числе, и от их уверенности в своем профессиональном будущем. Аспирантам было предложено ответить на вопрос: «Уверены ли Вы в завтрашнем дне?» Среди аспирантов-грантополучателей доля уверенных в завтрашнем дне в два раза выше, чем среди аспирантов, которые не получали ни грант, ни стипендию (17,1 % и 8,2 % соответственно). И, напротив, доля неуверенных в завтрашнем дне значительно выше среди респондентов, не получавших грантовой поддержки (18,6 % и 10,5 % соответственно).

Для того чтобы выяснить, в какой мере респонденты ориентированы на научную карьеру, аспирантам был задан вопрос: «Считаете ли Вы науку своим окончательным профессиональным выбором?» Так, доля аспирантов, сделавших свой окончательный профессиональный выбор в пользу науки, преобладает среди тех респондентов, которые получали исследовательский грант для аспирантов или стипендию Президента Республики Беларусь. И в то же время среди них значительно меньше респондентов, которые не считают науку своим призванием.

Отвечая на вопрос: «Где бы Вы предпочли работать после окончания аспирантуры, если бы у Вас был выбор?», 38,9 % аспирантов, получавших грантовую поддержку, выбрали в качестве предпочитаемого места работы научные организации НАН Беларуси. Почти в два раза меньше респондентов (23,2 %), не получавших ни грантов, ни стипендий, сделали такой же выбор.

Также следует отметить, что миграционные намерения выражены слабее среди респондентов, отмеченных стипендиями и грантами, по сравнению с остальными. Из них только 8,3 % ответивших хотели бы уехать за границу для работы по контракту и 5,6 % хотели бы уехать из нашей страны навсегда.

Аспирантов, получавших исследовательские гранты и стипендию Президента Республики Беларусь, отличает также стремление к наиболее полной творческой самореализации в научной деятельности. Об этом можно судить исходя из того факта, что среди них выше доля опрошенных, которые утверждают, что они полностью либо наполовину реализуют свой творческий потенциал в работе над диссертацией (рис. 2). И, напротив, в этой группе ниже доля аспирантов, которые лишь в минимальной степени реализуют свои способности при написании диссертации.

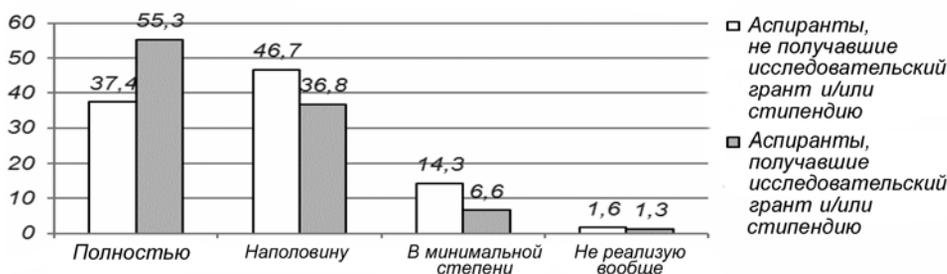

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос: «В какой мере Вы реализуете свой творческий потенциал, работая над диссертацией?»

Анализ ответов респондентов на вопрос: «Что именно привлекает Вас в научной деятельности?» показал, что интерес к научной деятельности в большей степени обусловлен желанием реализовать свои творческие способности в полной мере, стремлением к новому, приобретению новых знаний у аспирантов, которые получали гранты и стипендии. В то же время среди аспирантов, не получавших ни гранты, ни стипендии, выше доля респондентов, ориентированных на карьеру.

Также в группе аспирантов, получивших грантовую поддержку своей научной деятельности, выявлены определенные особенности их профессиональной идентичности. Среди них меньше доля респондентов с низкой степенью выраженности профессиональной идентичности и выше доля аспирантов, для которых характерна средняя и высокая степень выраженности профессиональной идентичности, в отличие от респондентов, не получавших исследовательские гранты и стипендии (рис. 3).

Поскольку одной из задач проведения конкурсов на получение исследовательских грантов и стипендий является повышение материального благосостояния аспирантов, нами были проанализированы ответы аспирантов на вопросы об их материальном положении. Полученные данные позволяют

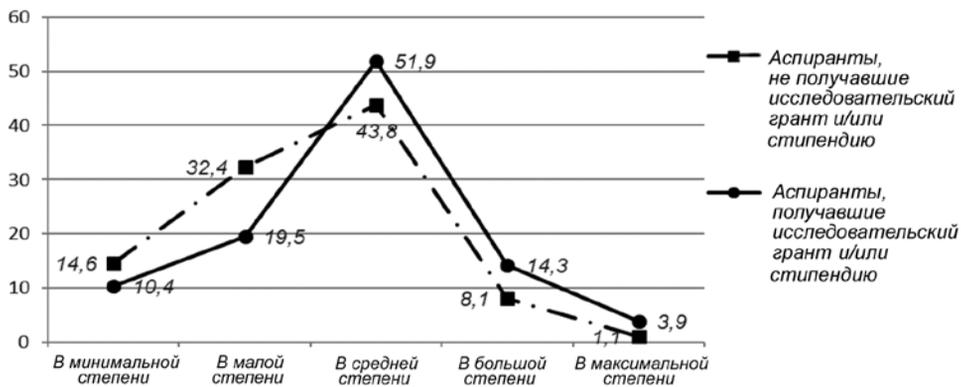

Рис. 3. Выраженность профессиональной идентификации среди аспирантов

говорить о том, что получение гранта/стипендии незначительно сказывается на субъективном восприятии аспирантами своего материального положения. Иллюстрацией могут служить данные, представленные в таблице.

Оценка аспирантами своего материального положения

Как бы Вы оценили свое материальное положение?	Аспиранты, получавшие грант и/или стипендию	Аспиранты, не получавшие грант и/или стипендию	Всего
Очень хорошее	1,6	0	1,2
Скорее хорошее	5,5	7,9	6,2
Среднее, не хуже и не лучше, чем у других	42,6	44,7	43,2
Скорее плохое	34,4	36,8	35,1
Очень плохое	9,8	7,9	9,3
Затрудняюсь ответить	6	2,6	5
Всего	100	100	100

Подводя итог, можно сделать вывод, что аспирантов, получавших грантовую поддержку, а также удостоенных стипендии Президента Республики Беларусь, отличает более выраженная установка на научную деятельность, высокая степень реализации своего творческого потенциала в научной деятельности, уверенность в завтрашнем дне, дальнейшие планы профессиональной деятельности в сфере науки, более выраженная степень профессиональной идентификации.

Следовательно, адресатами таких форм поддержки научной деятельности аспирантов, как исследовательские гранты и стипендии, становятся наиболее активные и талантливые представители молодежи, которые ориентированы на дальнейшую научную деятельность.

Такие формы государственной поддержки молодых исследователей являются эффективным методом стимулирования научно-исследовательской деятельности и способствуют становлению инициативной и творческой лично-

сти, росту квалификации молодых исследователей. Участие в конкурсах на получение грантов и стипендий помогает вхождению наиболее талантливой научной молодежи в науку, способствует формированию исследователей, способных к выполнению перспективных научных и инновационных проектов.

Литература

1. Шарый, И. Н. Особенности институционализации государственной молодежной политики в сфере науки Республики Беларусь / И. Н. Шарый // Белорусская наука в условиях модернизации: социологический анализ / Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т социологии ; науч. ред. М. И. Артюхин. – Минск : Беларус. навука, 2015. – С. 214–225.
2. Отчет о деятельности Национальной академии наук Беларуси в 2011 году. – Минск : Беларус. навука, 2012. – 354 с.
3. Отчет о деятельности Национальной академии наук Беларуси в 2012 году. – Минск : Беларус. навука, 2013. – 389 с.
4. Отчет о деятельности Национальной академии наук Беларуси в 2014 году. – Минск : Беларус. навука, 2015. – 363 с.
5. Отчет о деятельности Национальной академии наук Беларуси в 2013 году. – Минск : Беларус. навука, 2014. – 413 с.
6. О социальной поддержке обучающихся : Указ Президента Респ. Беларусь, 6 сент. 2011 г., № 398 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2011. – № 102. – 1/12819.
7. О совершенствовании стимулирования творческого труда молодых ученых : Указ Президента Респ. Беларусь, 11 авг. 2005 г., № 367 // Организация научно-технической деятельности в Республике Беларусь / А. К. Сатурин [и др.]. – Минск : БелИСА, 2005. – Вып. 10. – 176 с.

O. G. VOROSHEN

RESEARCH GRANTS AS A FORM OF STATE SUPPORT OF POSTGRADUATES OF ACADEMIC SECTOR OF SCIENCE: SOCIOLOGICAL ANALYSIS

Summary

The article describes the main types of grant support of postgraduates of the National Academy of Sciences of Belarus. Postgraduates' participation in such forms of state support as research grants for postgraduates and grants of the President of the Republic of Belarus is analyzed in the article.

Keywords: postgraduates, grant support, research grants, grant of the President of the Republic of Belarus.

Поступила 30.10.2015 г.

СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ И МОЛОДЕЖИ

УДК 316.346

О. С. ХАМЗЯЕВА,

Астраханский инженерно-строительный институт, г. Астрахань

СОВРЕМЕННАЯ МОЛОДЕЖЬ В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ (ПО МАТЕРИАЛАМ КОНКРЕТНОГО СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)

На основе результатов конкретного социологического исследования выявлены черты социокультурного портрета современной молодежи г. Астрахани в условиях трансформации общества.

Ключевые слова: молодежь, социально-демографическая группа, брак, семья, образование, круги взаимопонимания, конкретное социологическое исследование, трансформация.

Масштабные реформы, происходящие в российском обществе, приводят к трансформациям, затрагивающим интересы всего населения. Особое место отводится молодежи, от которой зависит развитие важнейших сфер общества. Молодежь является социально-демографической группой, которая будет определять облик будущей России, той России, с которой мы связываем свои ожидания. От того, какую позицию примет молодое поколение, и будет зависеть социальный прогресс всего социума.

Молодежь, как отдельная группа, обладает возрастными характеристиками и отличается от других положением в социуме, потребностями, ценностями и интересами. В многочисленных источниках молодежь исследуется как социально-демографическая когорта, выделяемая на основе возрастных данных. В энциклопедическом словаре «Социология молодежи» термин «молодежь» трактуется в широком смысле, как обширный комплекс групповых общностей, которые образуются на основе возрастных признаков, и связанных с ними основных видов деятельности [1, с. 267].

В узком смысле молодежь исследуется как «социально-демографическая группа, выделяемая на основе возрастных характеристик, особенностей социального положения и обусловленных теми или другими социально-психологическими свойствами, которые определяются общественным строем, культурой, закономерностями социализации, воспитанием данного общества, современные возрастные границы от 14–16 до 25–30 лет, доля в составе населения 20 %» [2].

В социологическом словаре Е. М. Бабосова молодежь определяется как социально-демографическая группа, которая находится в процессе формирования и развития общественной, психофизиологической, общекультурной и граж-

данской зрелости, адаптированная к социальным статусам и ролям, которые свойственны взрослым людям [3, с. 265]. «Как особый социальный феномен молодежный возраст имеет определенные характеристики. Функционально молодежный возраст представляет собой объективно необходимое состояние в системе общества, являясь “фазой поведения человека, в которой он больше не исполняет роли ребенка и в то же время еще не исполняет роли взрослого как действительного носителя социальных институтов, например, семьи, общественности, политического строя, правового и экономического порядка и т. д.”, состояние процесса вызревания подрастающего поколения и потому подготовки к воспроизводству будущего общества», – отмечает О. И. Белый [4, с. 156–158].

С. Н. Иконникова и В. Т. Лисовский [5] рассматривают молодежь как поколение, основным отличием которого является не только возраст, но и совокупность целей, убеждений, общее переживание и отношение к жизни. С возрастом поколение не теряет собственных общественных черт, приобретенных эпохой. Общественные убеждения, интересы, ценности, стремления, симпатии – значительный показатель положения молодежи в обществе.

В. И. Чупров отмечает, что «отличительное социальное качество молодежи... определяется способностью молодого поколения унаследовать и воспроизводить сложившуюся... структуру общественных отношений» [6, с. 6–14].

Ю. Р. Вишневецкий, В. Т. Шапко обобщили существующие подходы к определению понятия молодежи в монографии «Актуальные проблемы социологии молодежи». В рамках *стратификационного подхода* молодежь рассматривается как своеобразная социально-демографическая группа, обособленная возрастными рамками, со своими особыми общественными ролями, социальными позициями и статусом. *Психофизиологический подход* определяет понятие «молодость» как период развития личности от полового созревания до зрелости. *Социально-психологический подход* описывает молодежь с определенным возрастом (14–30 лет) со всеми физиологическими и психологическими отношениями. В рамках *субкультурного подхода* «молодость» рассматривается как своеобразная фаза поведения в жизни личности, когда индивид уже не ребенок, но еще не полноправный носитель роли взрослых. *Конфликтологический подход* определяет понятие «молодость» как время в жизни личности, наполненное стрессами, проблемами, конфликтами с самим собой и обществом в целом. В *субъективном подходе* молодость рассматривается как особое восприятие мира, себя, стремление в будущее, жизнедеятельность. *Интеракционистский подход* определяет молодость как духовное состояние человека, проявляющееся в самопроизвольном поведении, в неординарности реакций [7].

Таким образом, можно сказать, что многие авторы описывают молодежь как социально-демографическую группу с особенностями социального статуса и социальных отношений.

В Астраханском инженерно-строительном институте Лабораторией социально-психологических исследований с 2008 г. проводится изучение

проблем молодежи: выявление уровня адаптации к обучению в вузе, ценностные ориентации студенческой молодежи, готовность к профессиональной деятельности, историческая память молодежи [8–12]. В марте–мае 2015 г. при непосредственном участии автора было проведено конкретное социологическое исследование социальных отношений методом анкетирования. Были опрошены жители областного центра – г. Астрахани ($N = 1600$), из них был выбран подмассив молодежи ($N = 730$), что позволяет провести сравнительный анализ. Обработка и анализ данных осуществлялись с использованием Vortex 8 и включали изучение линейных распределений, осмысление параметров таблиц сопряженности. В анкетировании были использованы вопросы Типовой методики Всероссийской программы «Проблемы социокультурной эволюции регионов России», разработанной Центром изучения социокультурных изменений Института философии Российской академии наук (ЦИСИ ИФ РАН; руководители Н. И. Лапин, Л. А. Беляева).

В Астрахани было опрошено 720 мужчин, что составило 43,1 % от ответивших, и 950 женщин – 56,9 % от числа ответивших. Среди молодежи города Астрахани 50,9 % мужчин и 49,1 % женщин. В среднем от числа ответивших группа молодежи составляет 43,2 % от населения Астрахани. Можно сказать, что Астрахань по составу населения является молодым городом (табл. 1).

Таблица 1. Ответы респондентов на вопрос о половой принадлежности (% от ответивших)

Вариант ответа	Население г. Астрахани	Молодежь г. Астрахани
Мужчина	43,1	50,9
Женщина	56,9	49,1

Под влиянием происходящих изменений в стране происходит трансформация института семьи и брака: увеличивается возраст вступающих в брак, растет количество молодых людей, вообще не вступающих в брак, увеличивается доля разводов, число незарегистрированных браков и внебрачных детей, снижается брачная рождаемость, откладывается рождение первого ребенка на более поздние сроки. По мнению директора Института социально-экономических проблем народонаселения РАН Н. М. Римашевской, «изменения уровня и качества жизни населения трансформировались в острейшие социально-экономические проблемы, которые имели не менее острые демографические последствия: катастрофическое снижение доходов и материальной обеспеченности основной части населения; высокая доля бедных; беспрецедентная поляризация условий жизни; значительный масштаб безработицы и невыплата заработной платы; деградация социального обеспечения и фактическое разрушение социальной сферы, включая жилищно-коммунальное обслуживание. Все это не могло не сказаться на состоянии населения» [13, с. 209–218]. Это повлияло и на отношение молодежи к рождению детей и вступлению в зарегистрированный брак (табл. 2).

**Таблица 2. Ответы респондентов на вопрос: «Какое у Вас семейное положение?»
(% от опрошенных)**

Вариант ответа	Население г. Астрахани	Молодежь г. Астрахани		
		всего	мужчины	женщины
Женат/замужем	53,9	37,0	34,8	38,2
Разведен/разведена	13,1	6,2	5,2	7,2
Холост/не замужем	28,5	56,0	60,0	53,0
Вдовец/вдова	4,6	0,8	–	1,6

Проведенный анализ показывает, что институт брака для молодежи теряет свои ценности: 56 % молодых людей не состоят в браке; для 37 % респондентов, состоящих в браке, ценность семьи остается приоритетной; разведены 6,2 %; потеряли одного из супругов 0,8 %.

Особый интерес вызывают репродуктивные характеристики современной молодежи (табл. 3).

**Таблица 3. Ответы респондентов на вопрос: «Сколько у Вас детей?»
(% от опрошенных)**

Вариант ответа	Население г. Астрахани	Молодежь г. Астрахани		
		всего	мужчины	женщины
Один ребенок	25,7	19,2	19,0	19,4
Два ребенка	30,4	11,5	9,2	13,8
Трое и больше детей	10,2	3,0	3,8	2,2
Нет детей	33,7	66,3	68,0	64,6

Так, в результате исследования было выявлено, что у 66,3 % молодого населения нет детей. В современном мире очень тяжело обеспечить собственную семью всем необходимым. Поэтому молодежь стремится сделать карьеру, наладить материальную жизнь, «встать на ноги», а потом уже растить детей. У 19,2 % молодежи – один ребенок, 11,5 % молодых людей имеют по двое детей, и лишь у 3 % молодого населения – трое и больше детей. Молодые женщины (64,6 %), вложившие немалое количество денег, времени и сил в образование и продвижение по карьерной лестнице, не могут себе позволить иметь детей. «Они боятся потерять квалификацию, остаться без работы, выпасть из деловой жизни. Массовое вовлечение женщин в общественное производство объективно сокращает время, которое они могут уделять семейным заботам, рождению и воспитанию детей», – отмечает О. Почагина [14]. Кроме того, если раньше классическая семья была заинтересована в осуществлении «функции воспроизводства рода и передаче семейных традиций, то в современной семье особое внимание уделяется личности самого ребенка. Прогрессивная молодая семья прилагает все усилия, чтобы обеспечить комфортные условия своему ребенку – дать ему образование, укрепить здоровье и всесторонне развивать его способности» [15, с. 143]. В связи с этим в настоящее время преобладает тип бездетной или малодетной семьи.

Переход к рыночным отношениям создал социальное расслоение, ранее не известное в России, и одна из областей, где оно особенно хорошо видно, – это доступ к образованию: 31 % опрошенных имеют высшее образование. Высокий уровень образования и его качество расширяют возможности современной молодежи для обретения общественного статуса, составляющими которого являются высокообразованность, перспективная должность и высокая заработная плата (табл. 4).

Таблица 4. Ответы респондентов на вопрос: «Какое у Вас образование?» (% от ответивших)

Вариант ответа	Население г. Астрахани	Молодежь г. Астрахани		
		всего	мужчины	женщины
Без образования, начальное образование	1,5	1,6	1,7	1,5
Незаконченное среднее	2,5	2,7	2,8	2,6
Среднее общее	9,2	10,5	10,5	10,5
Начальное специальное	3,0	3,1	2,6	3,6
Среднее специальное	28,9	25,9	28,4	23,4
Незаконченное высшее	12,9	22,5	23,8	22,2
Высшее	38,8	31,0	28,0	33,0
Послевузовское (второе высшее, аспирантура и др.)	3,2	2,7	2,2	3,2

Незаконченное высшее образование имеют 22,5 % молодежи. По утверждению Е. М. Авраамовой, Е. В. Кулагиной и Ю. В. Верпаховской, молодежь рассматривает высшее образование как обязательное, но недостаточное условие для получения работы [16]. Послевузовское образование имеют 2,7 % респондентов.

Иерархия кругов взаимопонимания среди всех жителей Астрахани и молодежи г. Астрахани совпадает. Так, на первом месте находится семья (жители населения Астрахань – 9,24 балла, молодежь – 9,12 балла) (табл. 5). Очевидно, что в настоящее время семья выступает основным психологическим «убежищем» человека от проблем и опасностей окружающего мира, именно родные и близкие и составляют жизненный мир опрошенных. При этом Г. Г. Дилигенский подчеркивает: если, например, главными для человека являются семейные роли, он будет особенно болезненно принимать происходящие явления в социуме, которые разрушают семейное благосостояние и препятствуют нормальному воспитанию и образованию детей [17]. Семья всегда занимала приоритетное место в системе ценностей, так как на различных этапах жизни, так или иначе, связаны с семьей, которая является неотъемлемой частью жизни. При этом происходящие изменения в процессе формирования семьи меняют традиционную позицию людей к ней.

На втором месте находится круг друзей (жители г. Астрахани – 8,14 балла, молодежь – 8,39 балла). Однако наибольшее взаимопонимание среди друзей находит молодежь (разница составляет 0,25 балла). В связи с тем что состоя-

ние внешней среды ухудшается, современная молодежь замыкается в себе, и немаловажную роль в их жизни играет круг друзей.

Среди коллег по работе жители г. Астрахани находят больше взаимопонимания (7,06 балла), чем молодежь (6,68 балла). Это объясняется тем, что для молодого поколения круг работы не имеет особого значения, в то время как для представителей более зрелого возраста очень важны взаимоотношения с коллегами, и, зачастую, они же и являются друзьями. Замыкают перечень соседи (население г. Астрахани – 5,77 балла, молодежь – 5,64 балла).

Таблица 5. Ответы респондентов на вопрос: «Среди каких людей Вы встречаете наибольшее взаимопонимание?»

Вариант ответа	Население г. Астрахани		Молодежь г. Астрахани	
	<i>средний балл</i>	<i>ранги</i>	<i>средний балл</i>	<i>ранги</i>
В семье	9,24	1	9,12	1
В компании друзей	8,14	2	8,39	2
Среди соседей	5,77	4	5,64	4
Среди коллег по работе	7,06	3	6,68	3

Потребность в коммуникации является основной необходимостью человека в обществе. Процесс взаимодействия людей вызывает появление разнообразных групп общения. В условиях внезапных общественных изменений наибольшее взаимопонимание молодежь находит среди семьи и друзей, наименьшее – среди соседей. В период социальных изменений труднее всего найти себя в общественном окружении, поэтому молодежь окружает себя теми общественными кругами, которые находятся рядом и ближе для взаимопонимания, то есть семья, круг друзей, коллеги [18].

Данное исследование выявляет основные черты социокультурного портрета современной молодежи г. Астрахани: это молодые люди с высшим образованием, которое позволяет расширить возможности, обрести социальный статус, а также перспективную должность и высокую заработную плату. В условиях рыночных отношений общественная модель семьи современной молодежи видоизменяется, увеличивается число разводов, преобладает тип малодетной или бездетной семьи. Взаимопонимание молодое поколение находит среди семьи и друзей.

Литература

1. Социология молодежи : энцикл. словарь / отв. ред. Ю. А. Зубок, В. И. Чупров. – М. : Academia, 2008. – 608 с.
  2. Пределы роста. Доклад по проекту Римского клуба «Сложные положения человечества» / Д. Х. Медоуз [и др.]. – М. : МГУ, 1991. – 342 с.
  3. *Бабосов, Е. М.* Социология : энцикл. словарь / Е. М. Бабосов. – М. : Либроком, 2009. – 474 с.
- Белый, О. И.* Определение понятия «молодежь» / О. И. Белый // Теория и практика обществ. развития. – 2012. – № 12. – С. 156–158.

6. *Иконникова, С. Н.* Молодежь о себе, о своих сверстниках (социологическое исследование) / С. Н. Иконникова, В. Т. Лисовский. – Л. : Лениздат, 1969. – 357 с.
7. *Чупров, В. И.* Развитие молодежи: концептуализация понятия / В. И. Чупров // Молодежь России: социальное развитие : стат. сб. / ЮНИСЕФ, Росстат. – М. : Статистика России, 1992. – 158 с.
8. Актуальные проблемы социологии молодежи / под общ. ред. Ю. П. Вишневого. – Екатеринбург : УрФУ, 2010. – 679 с.
9. *Каргаполова, Е. В.* Адаптация студентов к обучению в вузе / Е. В. Каргаполова, О. С. Хамзяева // Психология пространственно-образовательного пространства человека : сб. науч. трудов 7-й Всерос. науч.-практ. конф. – Екатеринбург, 2008. – С. 154–160.
10. Потенциал и особенности адаптации учащейся молодежи Астраханской области: опыт социологического, психологического и политического анализа / А. Ю. Арясова [и др.] ; отв. ред. А. Ю. Арясова. – Астрахань : АИСИ, 2011. – 160 с.
11. *Хамзяева, О. С.* Социально-психологическая адаптация студентов к профессиональной деятельности / О. С. Хамзяева // Изв. Волгогр. гос. техн. ун-та : межвуз. сб. науч. ст. – 2014. – № 5 (132). – С. 81–83.
12. *Хамзяева, О. С.* Ценностные ориентации учащейся молодежи полиэтнического региона как фактор социально-психологической адаптации / О. С. Хамзяева // Изв. Волгогр. гос. техн. ун-та : межвуз. сб. науч. ст. – 2014. – № 24 (151). – С. 122–125.
13. *Каргаполова, Е. В.* Великая Отечественная война в социальной памяти молодежи Астрахани и Волгограда (по итогам социологического исследования, посвященного 70-летию Великой победы) / Е. В. Каргаполова, Ю. Г. Миронова, О. С. Хамзяева // Изв. Волгогр. гос. техн. ун-та : межвуз. сб. науч. ст. – 2015. – № 2 (155). – С. 98–101.
14. *Римашевская, Н. М.* Социально-экономические и демографические проблемы современной России / Н. М. Римашевская // Вестн. Рос. акад. наук. – 2004. – Т. 74, № 3. – С. 209–218.
15. *Почагина, О.* Семья [в Китае]: новые формы – иные ценности [Электронный ресурс] / О. Почагина // ДемоскопWeekly. – 2009. – № 373–374. – Режим доступа: demoscope.ru/weekly/2009/0373/analit06.php; – Дата доступа: 16.08.2015.
16. *Гокова, О. В.* Социально-экономическое исследование отношения молодежи к институту брака (на примере Омской области) / О. В. Гокова // Вестн. Омск. ун-та. Сер. Экономика. – 2015. – № 2. – С. 137–144.
17. *Аврамова, Е.* Поведение молодых специалистов на рынке труда: новые тенденции / Е. Аврамова, Е. Кулагина, Ю. Верпаховская // Человек и труд. – 2007. – № 10. – С. 41–47.
18. *Дилигенский, Г. Г.* Социально-политическая психология / Г. Г. Дилигенский. – М. : Наука, 1994. – 304 с.
19. *Данилова, Е. Н.* Контуры социально-групповых идентификаций личности в современном обществе / Е. Н. Данилова, В. А. Ядов // Социальная идентификация личности / ред. В. А. Ядов. – М. : ИС РАН, 1993. – Кн. 1. – 388 с.

O. S. HAMZYAEVA

CONTEMPORARY YOUTH IN CONDITIONS OF TRANSFORMATION (BASED ON THE SPECIFIC SOCIOLOGICAL RESEARCH)

Summary

Based on the results of a concrete sociological research features of social and cultural portrait of modern youth of the city of Astrakhan in the conditions of transformation of society are identified.

Keywords: youth, socio-demographic group, marriage, family, education, circles of understanding, specific sociological research, transformation.

Поступила 02.10.2015 г.

Т. В. КУЗЬМЕНКО,
*кандидат социологических наук,
Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск*

ЖИЗНЕННЫЕ РЕСУРСЫ РАБОЧЕЙ МОЛОДЕЖИ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

В статье рассматриваются жизненные ресурсы как совокупность факторов, обеспечивающих биологическое, психологическое и социальное благополучие индивида. На основе эмпирических данных осуществлен сравнительный анализ «факторов стабильности», позволяющих различным категориям молодежи справляться со сложными жизненными ситуациями или адаптироваться к ним.

Ключевые слова: жизненные ресурсы, адаптационные ресурсы, социальный оптимизм, молодежь, рабочая молодежь.

Люди по-разному справляются с трудностями. Одним удается реализовать свои жизненные планы, другим – нет, одни меняются вместе с переменами в обществе, другие плывут по течению. Значимым фактором, влияющим на способность человека адаптироваться к изменяющимся условиям и справляться с жизненными трудностями, выступают жизненные ресурсы, которыми он располагает. Жизненные ресурсы – важнейший элемент человеческого и социального капитала. В целом можно рассматривать жизнь человека как манипулирование имеющимися базовыми ресурсами. Набор этих ресурсов, их социальная значимость и количественная выраженность определяют место личности в социуме, обуславливают модели поведения индивидов. Некоторые исследователи в качестве основополагающей рассматривают комбинацию четырех основных жизненных ресурсов: время, жизненная энергия (здоровье), деньги, знания [1]. В наиболее общем плане под жизненными ресурсами можно рассматривать совокупность факторов, обеспечивающих биологическое, психологическое и социальное благополучие индивида.

Особый исследовательский интерес в плане анализа жизненных ресурсов представляет работающая молодежь как особая категория, являющаяся, с одной стороны, наиболее активной и работоспособной частью общества, обладающей значительным положительным потенциалом: мобильностью, инициативностью, восприимчивостью к инновационным изменениям, новым технологиям, способностью противодействовать негативным вызовам. С другой стороны, на протяжении десятилетий фиксируются явления ухудшения здоровья молодого поколения, роста социальной апатии, снижения экономической активности и криминализации молодежной среды. На этом фоне с еще

большей остротой сегодня озвучиваются проблемы низкой мотивации к производительному труду, следования нормам потребительского общества, слабой вовлеченности молодежи в общественно-политическую жизнь. В такой ситуации проблема снижения жизненных ресурсов работающей молодежи и недостаточного использования ее социального, экономического, трудового, инновационного потенциала приобретает особую актуальность.

Умение преодолевать жизненные трудности – важный показатель психологической и социальной зрелости человека. В этой связи анализ наиболее острых, насущных для молодых рабочих проблем был бы неполным без рассмотрения вопроса: «Что (или кто) помогает Вам справляться с жизненными проблемами?» Чтобы осуществить сравнительный анализ имеющихся ресурсов, средств, способов, моделей преодоления жизненных неурядиц, в рамках проведенного Институтом социологии НАН Беларуси исследования (мониторинг 2015 г., опрошено 1740 человек) сотрудниками отдела социологии регионального развития были выделены три группы молодежи: 1) рабочая молодежь, работающая на крупных промышленных предприятиях; 2) молодежь, занятая в различных сферах экономики страны, но не относящаяся к рабочим (молодежь нерабочих профессий); 3) неработающая, или учащаяся, молодежь. Данная типология позволила не только описывать выделенные категории молодежи, но и сравнивать, тем самым выявляя особенности качественных характеристик рабочей молодежи. Варианты ответов на поставленный перед молодыми людьми вопрос могут быть представлены в качестве своего рода «факторов стабильности» – условий, ресурсов, личностных качеств и навыков, субъектов, видов деятельности, позволяющих успешно преодолевать те или иные негативные жизненные обстоятельства. Для удобства компаративного анализа вычислялись коэффициенты выраженности каждого из факторов в ответах различных групп респондентов, представляющие собой взвешенные средние арифметические по каждому из показателей. Для этого каждому из ответов присуждался балл в соответствии со степенью выраженности данного фактора или условия: от 1 – минимальной выраженности (данный фактор вообще не помогает справляться с жизненными проблемами) до 4 – максимальной (помогает во всех ситуациях). Промежуточным ответам: «помогает в большинстве ситуаций» и «помогает только в некоторых ситуациях» были присвоены значения в 3 и 2 балла соответственно. Далее каждый балл умножался на процент ответивших, полученные значения суммировались и делились на произведение числа ответивших и общего количества баллов. Полученные таким образом коэффициенты позволили оценить выраженность каждого из «факторов стабильности» в выделенных группах, а также сравнить исследуемые категории респондентов между собой.

По результатам анализа довольно четко прослеживается выделение пяти групп жизненных ресурсов, позволяющих справляться со сложными жизненными ситуациями или адаптироваться к ним. Следует отметить, что значительных различий в представленности выделенных групп среди разных

категорий респондентов не наблюдается. Вариации ответов в группах респондентов, различающихся по профессиональному и возрастному составу, существенны лишь по некоторым позициям (таблица).

Распределение ответов на вопрос: «Что (кто) помогает Вам справляться с жизненными проблемами?» (значения средних взвешенных)

Вариант ответа	Рабочая молодежь	Молодежь нерабочих профессий	Неработающая молодежь
Вера в Бога	0,57	0,59	0,56
Государство	0,42	0,45	0,46
Деловые качества	0,63	0,65	0,61
Деньги	0,76	0,75	0,73
Друзья	0,72	0,69	0,74
Жизненный опыт	0,7	0,71	0,72
Занимаемая должность	0,49	0,49	0,47
Информированность	0,6	0,64	0,65
Личный авторитет, известность, репутация	0,58	0,58	0,53
Наличие нужных связей, знакомств	0,62	0,66	0,65
Наличие собственности	0,53	0,53	0,52
Нравственные качества	0,59	0,66	0,63
Обращение к закону	0,45	0,51	0,51
Престиж профессии	0,48	0,48	0,47
Профессиональные знания, умения	0,59	0,62	0,61
Семья	0,83	0,83	0,86
Участие в политической жизни	0,34	0,34	0,39
Хорошее образование	0,53	0,61	0,65

Первую, наиболее значимую группу для молодых рабочих составляют семья (0,83), деньги (0,76) и друзья (0,72). Семья, являясь важнейшей жизненной ценностью для белорусов (более 80 % по результатам ежегодных исследований неизменно указывают ее в качестве наиболее значимой ценности), обеспечивает психологический и эмоциональный комфорт и безопасность, социальную и экономическую поддержку. Так, половина респондентов, независимо от возраста и профессиональной принадлежности, считает, что семья помогает им во всех жизненных ситуациях, еще треть – в большинстве ситуаций.

Достаточно мощным адаптационным ресурсом для всех категорий опрошенных выступают друзья. Лишь менее 5 % опрошенных заявили, что друзья не помогают им в сложных жизненных ситуациях. Значимость данной референтной группы в качестве источника преодоления жизненных неурядиц выше среди рабочей молодежи (0,72) и работающей молодежи (0,74). Несколько ниже роль друзей как ресурса для решения жизненных проблем оценивается представителями молодежи нерабочих профессий (0,69), многие из которых, придя на работу после окончания высших и средних учебных заведений (а часто и переехав в другой город по распределению), в основном утра-

тили тесные связи с учебной, студенческой группой и пока не нашли новый дружеский круг общения в своих трудовых коллективах. Этим они отличаются от сплоченных студенческих компаний или рабочих, для которых приход после школы или ПТУ на рабочее место не означал кардинальных перемен в образе жизни и круге общения.

Одну из доминирующих ролей в иерархии средств решения жизненных проблем и достижения целей играют деньги. По данным опроса, каждый четвертый молодой рабочий (24,6 %) считает, что деньги помогают во всех ситуациях, 37,6 % – в большинстве ситуаций, а каждый пятый (18,4 %) – только в некоторых; значения коэффициента в данной группе респондентов составляет 0,76. Молодежь в большей степени склонна принимать в качестве модели поведения распространяемые в обществе и зачастую навязываемые современными средствами массовой информации рыночные образцы отношений и представления о том, что деньги – это «мерило жизни». Поле оцененных деньгами объектов растет, а понимание того, что обладание достаточным количеством денежных средств позволяет достичь желаемого уровня и качества жизни (медицинские, образовательные, культурные услуги, досуг, средства коммуникации сегодня стали таким же товаром, как вещи или продукты питания), имеет свои негативные стороны. Значительная часть молодежи воспринимает деньги не как универсальное средство обмена, а как абсолютную цель, при этом все другие цели становятся их средствами.

Вторая группа факторов стабильности и преодоления жизненных проблем связана с коммуникативными качествами и социальными связями и включает жизненный опыт (0,7), деловые качества (0,63), наличие нужных связей, знакомств (0,62), информированность (0,6). Успешная коммуникация, включающая обладание обширной сетью связей и знакомств, владение информацией как в профессиональной, так и в повседневной жизни, наличие деловых качеств и способностей становится сегодня одним из важнейших стратегических жизненных ресурсов, наряду с финансовыми и материальными.

Обладание жизненным опытом дает человеку преимущество – наличие реальных связей и наработанных методов решения каких-либо вопросов, что позволяет более успешно находить и использовать готовые стратегии поведения в каждой непосредственной ситуации. Каждый пятый молодой рабочий (19,7 %) склонен опираться на собственный опыт во всех жизненных ситуациях, каждый третий (35,7 %) – в большинстве, каждый четвертый (25,1 %) – в некоторых ситуациях; коэффициент значимости равен 0,7. Аналогичным образом распределились ответы среди молодых представителей нерабочих профессий и неработающих. Для молодежи, которая не имеет большого жизненного опыта, свойственна большая, нежели для представителей старших поколений, уверенность в способности достичь своих жизненных целей, поскольку отсутствие опыта воспринимается молодыми людьми как отсутствие опыта поражений и зачастую трактуется как собственное достижение. В силу возраста они не боятся ошибаться, ведь любые ошибки не кажутся непоправимыми.

Значительная часть респондентов, независимо от профессии, склонна полагаться на наличие нужных связей, знакомств в решении жизненных проблем: каждый десятый (12,7 % молодых рабочих, по 16 % представителей других выделенных групп) всегда прибегает к данному виду социальных ресурсов, четверть молодых рабочих и каждый пятый представитель других категорий опрошенных – в большинстве ситуаций, более трети респондентов – в некоторых ситуациях.

Не менее важным ресурсом адаптации к жизненным обстоятельствам, по мнению молодых рабочих, выступает информированность: коэффициент значимости данного фактора для молодых рабочих оказался равен 0,6. Молодые представители нерабочих профессий и неработающая молодежь несколько выше оценили значение информированности в своей жизни (0,64 и 0,65 соответственно), что, вероятно всего, обусловлено большей информационной насыщенностью профессиональной и учебной деятельности служащих, специалистов и студентов, составляющих данные категории респондентов. Вместе с тем наличие обширных знаний, как в профессиональной деятельности, так и в самых разных сферах повседневной жизни (от знания своих прав до информированности о том, куда выгоднее вложить деньги или как экономнее вести быт), является действенным инструментом в преодолении жизненных проблем.

Наличие деловых качеств всегда дает возможность найти хорошее место работы, развиваться в трудовой среде, реализоваться в жизни и принимать правильные решения. Подтверждением этому служит мнение большинства опрошенных о том, что деловые качества помогают справляться с жизненными ситуациями: для каждого десятого молодого рабочего (8,4 %) – во всех случаях; более, чем для четверти (29,9 %) – в большинстве случаев; еще для стольких же представителей рабочей молодежи (26,4 %) – в некоторых случаях. Аналогичным образом распределены ответы и в других категориях респондентов.

Большинство факторов стабильности, составляющих третью группу, обусловлено личностными качествами респондентов. В нее попали профессиональные знания и умения (0,59), нравственные качества (0,59), личный авторитет, известность, репутация (0,58), хорошее образование (0,53), вера в Бога (0,57). Сюда же опрошенные отнесли наличие собственности (0,53).

О том, что владение профессиональными знаниями и умениями способно помочь в решении всех жизненных проблем, посчитал каждый десятый молодой человек рабочей профессии (9,5 %), среди молодых работников, не принадлежащих к рабочим, – несколько больше (13,6 %). Каждый пятый опрошенный расценивает профессиональные навыки как инструмент для решения большинства проблем, а каждый третий (среди неработающей молодежи – каждый четвертый) – отдельных сложных ситуаций.

Некоторые различия среди профессиональных групп наблюдаются в оценке нравственных качеств как ресурса в преодолении сложных жизненных

ситуаций. Так, рабочие роль нравственных качеств оценили ниже (0,59), чем представители нерабочих профессий и неработающая молодежь (0,66 и 0,63). Среди рабочих 15 % заявили, что нравственные качества не помогают им вообще, тогда как среди представителей нерабочих профессий – 7–8 %.

Существенно различаются ответы представителей рабочих и нерабочих профессий в отношении значения образования при преодолении жизненных трудностей. Для каждого пятого рабочего хорошее образование не является средством решения проблем, а о том, что данный ресурс способен помочь во всех ситуациях, заявили 5,8 % рабочих (значение коэффициента – 0,53). Среди молодых людей, которые уже получили (служащие, специалисты) или получают (студенты, учащиеся) образование, число ответивших, что данный ресурс не действует вообще, оказалось в 2 раза меньше (так посчитал каждый десятый), а что помогает во всех ситуациях – в 2 раза больше (12,7 % среди работающих, 15,1 % – среди неработающих, студентов, учащихся); соответственно и значения коэффициентов у них оказались значительно выше (0,61 и 0,65 соответственно). Для данных групп молодежи этот фактор является ключевым, поскольку они поступают в высшие или средние учебные заведения с установкой на получение образования как инструмента достижения определенного статуса.

В способности преодоления любых жизненных ситуаций с помощью веры в Бога убеждены 14,4 % молодых рабочих, еще треть – при столкновении с большинством или некоторых сложных проблем (коэффициент значимости для них равен 0,57).

Меньшей значимостью по сравнению с предыдущими средствами адаптации и решения сложных проблем обладает группа факторов, связанных с профессионально-статусными характеристиками: занимаемая должность (0,49) и престиж профессии (0,48). Следует отметить, что по данным позициям значения коэффициентов оказались невелики (менее 0,5) для всех категорий опрошенных, независимо от профессии. Во многом такая картина определяется невысокими оценками общественной значимости своего труда. Так, по результатам опроса рабочих промышленности и агропромышленного комплекса, проведенного сектором социологии села Института социологии НАН Беларуси летом 2014 г., каждый пятый работник (19,6 %) определил свой труд как непрестижный, еще треть (32,2 %) – как уважаемый, но недостаточно оплачиваемый, и лишь 8 % посчитали, что их труд имеет высокую социальную значимость и хорошо оплачивается.

Группа так называемых внешних факторов, связанных с политической и правовой сферой жизнедеятельности, с гражданской активностью: обращение к закону (0,45), государство (0,42) и участие в политической жизни (0,34), оказалась наименее значимой для преодоления сложных жизненных ситуаций. Так, по мнению 40 % опрошенных, независимо от профессии, участие в политической жизни не помогает ни в каких жизненных ситуациях. Каждый

третий молодой рабочий (34,3 %) и каждый четвертый представитель других категорий респондентов посчитали, что государство не способно им помочь. А по мнению пятой части участников опроса, им не помогает обращение к закону.

Сравнительный анализ разных профессиональных и возрастных групп позволил выявить некоторые различия и в показателях социального оптимизма. Так, молодые люди в целом (независимо от профессиональной принадлежности) выше оценивают свою жизненную ситуацию: с возрастом число оптимистичных оценок жизненной ситуации и предполагаемых жизненных изменений снижается одновременно с ростом числа пессимистичных оценок и прогнозов. Каждый десятый работающий молодой человек (9,3 % рабочих и 9,5 % представителей нерабочих специальностей) ответил, что в его жизни «все более, чем нормально», среди неработающей молодежи таких оказалось 14,1 %, тогда как среди участвовавших в опросе рабочих старшего возраста подобных ответов оказалось в 2 раза меньше (4 %). Половина молодых людей считают, что «все не так плохо и можно терпеть», а среди рабочих старше 29 лет так ответили чуть более трети. Треть работающих молодых людей и каждый пятый неработающий посчитали, что «жить трудно, но можно терпеть». Среди представителей старших поколений подобных ответов оказалось более 40 %.

С гораздо большим оптимизмом молодые люди смотрят в будущее: половина из них (46,7 % рабочих, 50,2 % представителей нерабочих профессий и 54 % неработающих молодых людей) прогнозируют положительные изменения в своей жизни в ближайшем будущем, тогда как в старших возрастных группах таких прогнозов оказалось в 2 раза меньше (22,9 %). О том, что ничего не изменится, говорят ответы каждого шестого молодого человека (от 15 до 17 %), независимо от профессиональной принадлежности, и каждого пятого работающего старше 29 лет. Среди представителей старших поколений значительно больше тех, кто испытывает неопределенность в отношении своего будущего (46,4 %), по сравнению с молодежью (рабочие – 28,3 %, представители нерабочих профессий – 31,7 %, неработающие – 24,1 %).

Таким образом, результаты исследования позволили установить, что наиболее мощными ресурсами в решении сложных жизненных проблем для рабочей молодежи выступают семья, деньги и друзья. Велика роль в преодолении неурядиц коммуникативных качеств и социальных связей: жизненного опыта, деловых качеств, нужных связей и знакомств, информированности. Наименьшую помощь, по мнению молодых рабочих, при столкновении со сложной жизненной ситуацией им способны оказать ресурсы, связанные с политической и правовой сферой жизнедеятельности и гражданской активностью: обращение к закону, государство, участие в политической жизни.

Сравнительный анализ групп молодых людей в зависимости от профессиональной принадлежности показал, что молодые рабочие отличаются от

своих неработающих сверстников более реалистичными взглядами на жизнь. Их в гораздо большей степени волнуют насущные проблемы материального и социального плана, они отличаются меньшим оптимизмом в оценках своей жизненной ситуации и представлениях о будущем.

Литература

1. Балацкий, Е. В. Теория жизненных ресурсов: модели и эмпирические оценки / Е. В. Балацкий // Мониторинг обществ. мнения. – 2007. – № 2 (82). – С. 124–133.

T. V. KUZMENKO

LIFE RESOURCES OF WORKING YOUTH: A SOCIOLOGICAL ANALYSIS

Summary

The article considers life resources as a combination of factors that ensure the biological, psychological and social well-being of the individual. Based on empirical data, the comparative analysis of “factors of stability”, allowing to cope with difficult life situations for different categories of youth or adapt to them, is given.

Keywords: life resources, adaptive resources, social optimism, youth, working youth.

Поступила 03.11.2015 г.

А. Ю. АРЯСОВА,

*кандидат политических наук, доцент,
Государственное автономное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Астраханский инженерно-строительный институт»,
Российская Федерация, г. Астрахань*

ДИНАМИКА БАЗОВЫХ ЦЕННОСТЕЙ НАСЕЛЕНИЯ АСТРАХАНСКОЙ ОБЛАСТИ (ПО МАТЕРИАЛАМ КОНКРЕТНОГО СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)

В статье представлены результаты исследования динамики базовых ценностей населения Астраханской области на основе анализа результатов мониторинговых социологических исследований. В основу исследования положена методика построения функционально-ориентирующих кластеров базовых ценностей населения, разработанная Н. И. Лапиным. В ходе анализа уточнена структура каждого кластера. С целью выявления особенностей структуры каждого кластера ценностей астраханцев было выполнено сопоставление полученных данных с результатами аналогичных общероссийских исследований.

Ключевые слова: базовые ценности, функционально-ориентирующие кластеры, интегрирующий кластер, дифференцирующий кластер, интегрирующее ядро, интегрирующий резерв, оппонирующий дифференциал, конфликтогенная периферия.

Значительное число научных работ в гуманитарной сфере посвящено изучению ценностей и ценностных ориентаций – в области социологии, философии, психологии, а также междисциплинарных исследований. К проблеме ценностей общества обращались такие отечественные ученые, как Л. М. Архангельский [1], О. Г. Дробницкий [2], А. Г. Здравомыслов [3], В. П. Тугаринов [4], В. А. Ядов [5], В. Э. Бойков [6], М. К. Горшков [7], Н. А. Журавлева [8], Ж. Т. Тощенко [9] и др. Изучению вопросов формирования и структуры ценностных ориентаций в условиях трансформации общества посвящены работы ряда ученых, работающих в русле социокультурных региональных исследований. К примеру, в работах В. З. Шурбе ценности выступают в качестве критериев качества жизни [10]. Интерес к этой проблеме обусловлен важной ролью ценностей в жизни общества и его развитии.

С точки зрения социокультурного подхода, изменение ценностей и социокультурных традиций – процесс длительный и неоднозначный, зависящий от преобладающих в обществе в конкретно-историческое время ценностных ориентиров. Данный подход акцентирует внимание на исторически сформированных и устойчивых социально-ценностных структурах, задающих эффективные границы трансформации общества, и выявляет привносимые куль-

турой новые аспекты реальности мира, порождающие новые ценностные смыслы понимания природы человека.

Ценности формируются при обладании мотивами, поскольку мотив есть реальное желание, которое активизировано внешней средой. Глубинная архетипическая мотивация не может не осознаваться на рациональном уровне, она чаще продукт работы интуиции, коллективного бессознательного и поэтому может выражаться в системе приоритетных ценностей и в таких состояниях общественного сознания, как общественное мнение, общественное настроение, социальное самочувствие, а также в доминантах социального характера.

По мнению А. Н. Леонтьева, ценности могут играть роль целепобудителей, смыслообразующих мотивов [11, с. 224]. Он писал, что основной вопрос становления личности – превращение мотивов (побуждений) в то устойчивое, что характеризует личность. К элементам социальной структуры личности ученый относил степень овладения культурными ценностями общества, то есть духовный мир личности. Совокупность сложившихся, устоявшихся ценностных ориентаций образует своего рода ось сознания, обеспечивающую устойчивость личности, преемственность определенного типа поведения и деятельности, выраженную в направленности потребностей и интересов. Эта ось организует иерархию ценностей в специфически индивидуализированную структуру, фиксирующую устойчивую направленность личности на определенные ценности. В силу этого ценностные ориентации выступают важнейшим фактором, регулирующим и детерминирующим мотивацию личности.

Специфика системы ценностных ориентаций состоит в том, что ее эволюцию можно проследить по траектории социального поведения агентов, выступающих носителями определенных ценностей, которая выражается при взаимодействии с социальной реальностью в соответствии с целенаправленным действием и воспроизводством. Содержание понятий «ценности» и «ориентации», которые составляют смысловое наполнение изучаемого понятия «ценностные ориентации», можно раскрыть следующим образом. Ценности – обобщенные представления людей относительно целей и норм своего поведения, воплощающие исторический опыт и концентрированно выражающие смысл культуры отдельного этноса и всего государства. Ориентация – это определение своего положения в социальном пространстве и времени, умение разобраться в окружающей обстановке. Система ценностных ориентаций функционирует и изменяется в определенных полях: личностном, культурном и общественном, интегрированных в пределах единого информационного пространства. Другими словами, система ценностных ориентаций регулирует социальное поведение актора в рамках пространства, в котором культурное поле является посредником между личностью и обществом.

На основе вышесказанного определения понятие «ценностные ориентации» можно трактовать как ключевой компонент массового сознания, относительно устойчивое отражение в сознании личности или какой-либо общности людей ценностей, признаваемых ими в качестве важных, необходимых,

полезных материальных благ и идеалов, стратегических жизненных целей и общих мировоззренческих ориентиров. Вместе с тем структура ценностей застывшим конструктом не является и обычно рассматривается как динамическая система, которая подчиняется определенным законам своего развития [12, с. 18]. Таким образом, нормы поведения людей определяются ценностными установками, совокупность которых формирует ценностное пространство, то есть структурирует среду. Проведенное исследование основано на широко применяемой методике изучения структуры ценностей, разработанной Н. И. Лапиным [13; 14; 15]. Целью этой методики является выявление кластеров ценностей, которые ориентируют поведение индивидов и иных социальных субъектов по отношению к основным функциям российского общества и его регионов как социокультурных целостностей [16, с. 28].

Целью представленного исследования является анализ результатов социологического исследования, направленного на выявление динамики в структуре базовых ценностей, проведенного исследовательскими группами под руководством и непосредственном участии автора. Для этого использовался метод интервью по месту жительства по Типовой методике «Социокультурный портрет регионов России», разработанный Центром изучения социокультурных изменений Института философии Российской академии наук (ЦИСИ ИФ РАН; руководители Н. И. Лапин, Л. А. Беляева). Нами подробно изучается второй этап, проведенный в мае–июне 2012 г. ($N = 600$), и проводится сравнительный анализ с результатами подобного исследования 2009 г. [14, с. 84]. Выборка стратифицированная, квотно-маршрутная. Квотируемые признаки: «пол», «возраст», «тип поселения», «этническая структура». Погрешность выборки составила 3 %. Обработка и анализ данных были проведены с использованием SPSS 17.0. Матрица разработана специалистами ЦИСИ ИФ РАН. Анализ включал осмысление и сопоставление региональных данных со вторичным анализом результатов всероссийского мониторинга «Ценности и интересы населения России» (2010 г., $N = 1163$). Доступ к массиву разрешен членом-корреспондентом РАН Н. И. Лапиным. Измерение результатов проводилось с помощью средних величин, но для получения наиболее устойчивого соответствия была использована техника преобразования 11-балльной шкалы в 5-балльную. Опыт подготовки данного преобразования подробно объяснен и апробирован [17].

Ценностная структура населения региона, согласно методике Н. И. Лапина, представлена в виде 4 слоев: интегрирующее ядро, интегрирующий резерв, оппонирующий дифференциал, конфликтогенная периферия. В интегрирующее ядро входят основополагающие ценности людей. К слою интегрирующего резерва относят ценности второго порядка (запаса). В оппонирующем дифференциале находятся ценности, которые многие люди отказываются принять в качестве собственных ориентиров. Конфликтогенная периферия включает ценности, отрицаемые большинством. Базовые ценности разделяются на терминальные и инструментальные, с другой стороны, они подразделяются

на три культурных типа: традиционный, общечеловеческий, современный. В процессе анализа данных 14 изучаемых ценностей были разделены на два кластера: интегрирующий и дифференцирующий. Следует отметить, что интеграция рассматривается как основная функция базовых ценностей. В свою очередь, дифференциация основывается на меньшей части базовых ценностей и по своему функциональному предназначению направлена на сохранение и изменение структуры статусов и ролей. Внутри каждого кластера выделяют по два иерархических слоя. Составляющими интегрирующего кластера являются интегрирующее ядро и интегрирующий резерв, а дифференцирующий кластер представлен оппонирующим дифференциалом и конфликтогенной периферией [16, с. 31].

В таблице представлена структура ценностей населения Астраханской области по данным исследований, проведенным в 2009 и 2012 гг., основу которой составляет разделение базовых ценностей на интегрирующие и дифференцирующие, а также представлены сравнительные данные по Российской Федерации из вышеуказанного источника. В первом столбце названия 14 ценностей, во втором – средневзвешенные баллы, которые выражают степень согласия респондентов с каждым из указанных суждений, а в третьем столбце – места, которые ценности занимают в результате их упорядочения. Разбиение ценностей по кластерам и слоям организовано исходя из соответствия средневзвешенной оценки той или иной ценности соответствующему балльному интервалу (границы интервалов установлены методикой исследования [15, с. 70]).

При сопоставительном анализе двух волн мониторингового исследования в Астраханской области, в 2012 г. обнаружилось увеличение доли интегрирующего ядра и увеличение количества ценностей, входящих в него по сравнению с подобным исследованием, проведенным в 2009 г. Так, в 2012 г. в интегрирующее ядро ценностей в Астраханской области вошли такие ценности, как: 1) жизнь человека, 2) семья, 3) общительность, 4) порядок, 5) благополучие, 6) традиция. На первое место, так же как и в 2009 г., была поставлена «жизнь человека» – 4,78 балла, что всего лишь на 0,02 балла ниже общероссийских показателей 2010 г. Отмечаются незначительные вариации в оценках респондентов по Российской Федерации и Астраханской области. Признание «жизни человека» доминирующей ценностью может являться свидетельством как признания ценности и уникальности своего бытия, так и неповторимости и неприкосновенности жизни другого человека, его права на выбор ориентиров в жизни, реализацию своего жизненного плана. На наш взгляд, в условиях все более проявляющейся дегуманизации человеческих отношений, духовно-нравственного и морального кризиса в современном обществе, проявляющегося в социальной и духовной дискриминации граждан по различным признакам, усиления атомизации общества, подобный показатель может вызывать робкий оптимизм и надежду. Этот тезис имеет подтверждение, поскольку в 2009 г. средневзвешенный показатель ценности жизни по Астраханской области также выступал на первом месте и составлял 4,65 балла, что было всего лишь на 0,04 балла ниже общероссийского аналогичного показателя.

Наблюдается стабильность в ранге ценности «семья» – второе место по Астраханской области как в 2009 г. (4,5 балла), так и с небольшим различием в 2012 г. (4,72 балла). В исследованиях по России этот показатель оказался выше на 0,07 балла.

Ценность «общительность» составила 4,62 балла, и разница с общероссийским показателем явилась незначительной – в 0,01 балла; ценность «порядок» набрала 4,55 балла, что по России выше на 0,18 балла. Примечательно, что по Астраханской области ценность «порядок», находившаяся в интегрирующем резерве в 2009 г. с показателем в 4,32 балла, поднялась в интегрирующее ядро, так же как и ценность «общительность». На наш взгляд, ценности «общительность» и «порядок», выражающие некую организованность общественной жизни, весьма актуальны в современных условиях институциональных трансформаций. В личном плане «порядок» может служить неким скрепом по выстраиванию межличностных и социальных отношений, поскольку учет различных социальных норм и правил поведения, а также соблюдение правовых норм, сохранение моральных устоев всегда высоко ценились в обществе. Подтверждением данного тезиса может служить тот факт, что ценность «благополучие» имеет 4,53 балла, что ниже общероссийского показателя лишь на 0,07 балла.

Любопытно, что ценность «традиция» по России в целом заняла восьмое место, и составила 4,41 балла, а в регионе – 4,46 балла. Следует отметить совпадение рангов ценностей в целом, но такие позиции, как «независимость» и «свобода», заняли шестое и седьмое места соответственно, а такая ценность, как «свобода», осталась в регионе на восьмом месте.

Как показали исследования, проведенные в 2009 г. в Астраханской области, интегрирующий кластер ценностей в регионе был представлен двумя ценностями: на первом месте оказалась «жизнь человека», на втором месте – «семья». По Российской Федерации в данном кластере были представлены ценности «семья» (4,69 балла), «порядок» (также 4,69 балла) и «общительность» (4,51 балла). Доля интегрирующего ядра в совокупной поддержке базовых ценностей в Астраханской области составила 17,25 %, в то время как по Российской Федерации – 25 %, что свидетельствовало о некоторой суженности доли интегрирующего ядра базовых ценностей в Астраханской области. Данная тенденция сохранилась и в 2012 г.

Такие понятия, как «независимость» и «свобода», входящие в интегрирующий резерв ценностей по общероссийским исследованиям, в Астраханской области поднялись в интегрирующее ядро: «независимость» – 4,41 балла по Астраханской области и 4,48 балла по России; «свобода» – 4,35 балла по Астраханской области и 4,44 балла по России. Такая ценность, как «работа», вошла в интегрирующий резерв ценностей (4,03 балла по Астраханской области и 4,29 по России). Также в интегрирующий резерв ценностей вошли, по общероссийским показателям, «инициативность» (4,14), «нравственность» (4,11) и «жертвенность» (4,07). Данные позиции, согласно астраханским исследованиям, относятся к оппонирующему дифференциалу.

Дифференцирующий кластер включает в себя два слоя ценностей, расположенных в определенной иерархии, – это оппонирующий дифференциал и конфликтогенная периферия. Согласно исследованиям 2012 г. по региону в дифференцирующий кластер ценностей вошли «жертвенность» и «инициативность» – по 3,84 балла, «нравственность» – 3,76 балла (девятое–одиннадцатое места ранжированных ценностей соответственно). Следует отметить, что в региональных исследованиях 2009 г. эти же ценности входили в оппонирующий дифференциал, а ценность «работа» с девятого места в 2009 г. (3,73 балла) поднялась в 2012 г. в интегрирующий резерв на пятое место с 4,03 балла. На наш взгляд, данная тенденция связана с общей непростой обстановкой на региональном рынке труда, когда население, с одной стороны, старается сохранить за собой «хорошую, с достойной оплатой» работу, а с другой – налицо актуальность поиска такой работы теми, кто в ней нуждается или хочет сменить место работы. Таким образом, если сравнивать первый слой дифференцирующего кластера 2009 и 2012 гг., можно отметить, что результаты практически не изменились. Ценности, относящиеся к оппонирующему дифференциалу, не являются отрицательными, но не обладают достаточной поддержкой со стороны населения.

Ценности, входящие в слой конфликтогенной периферии, отрицаются большинством населения. Согласно многолетним наблюдениям, проводимым в ряде регионов России и по стране в целом, Н. И. Лапин констатирует высокую устойчивость этого функционального слоя в социокультурном пространстве и времени. Как правило, его образуют «своевольность» и «властность» [16, с. 31]. По результатам исследования в Астраханской области в конфликтогенную периферию вошли, как и ожидалось, ценности «своевольность» и «властность» с тринадцатым и четырнадцатым местами ранжированных ценностей соответственно. По России «властность» выступила на тринадцатом месте и составила 2,77 балла, а по Астраханской области – на четырнадцатом месте (2,45 балла). Ценность «своевольность», в свою очередь, по Астраханской области составила 2,47 балла и заняла в оппонирующем дифференциале тринадцатое место, а по России «своевольность» с показателем в 2,48 балла оказалась на четырнадцатом месте. Это подчеркивает дифференцирующую функциональную направленность этих ценностей.

Сравнивая динамику региональных исследований 2009 и 2012 гг., отмечается незначительное уменьшение доли дифференцирующего кластера ценностей за счет перехода ценности «работа» в интегрирующий резерв. Ценности «властность» и «своевольность» остались в конфликтогенной периферии, что в целом свидетельствует о традиционно неоднозначном отношении населения к «традиционалистской своевольности (вседозволенности как псевдосвободы)» и общечеловеческой властности [17]. В целом полученные результаты по региону сопоставимы с результатами общероссийских исследований и говорят об увеличении доли интегрирующего кластера, а именно – увеличении доли интегрирующего ядра за счет перехода позиций из интегрирующего резерва.

Таким образом, в результате выполненного нами сравнительного анализа была выявлена функциональная структура ценностных ориентаций населения Астраханской области. Полученные данные были сопоставлены с результатами общероссийских и региональных исследований, что позволило выявить общие и особенные черты в структуре ценностных ориентаций исследуемых совокупностей. Общими чертами являются сходство общероссийских и региональных структур интегрирующего ядра и конфликтогенной периферии, что свидетельствует о достаточном единстве ориентиров ценностного сознания населения региона и России в целом. Особенными чертами в регионе являются черты иерархии, отражающие конкретную социокультурную обстановку в регионе и специфику ее историко-культурной эволюции.

Литература

1. *Архангельский, Л. М.* Ценностные ориентации и нравственное развитие личности / Л. М. Архангельский. – М. : Знание, 1978. – 64 с.
2. *Дробницкий, О. Г.* Моральная философия : избр. тр. / О. Г. Дробницкий. – М. : Гардарики, 2002. – 523 с.
3. *Здравомыслов, А. Г.* Потребности. Интересы. Ценности / А. Г. Здравомыслов. – М. : Политиздат, 1986. – 223 с.
4. *Тугаринов, В. П.* Теория ценностей в марксизме / В. П. Тугаринов. – Л. : ЛГУ, 1968. – 124 с.
5. *Ядов, В. А.* Социальные и социально-психологические механизмы формирования социальной идентичности личности / В. А. Ядов // Мир России. – 1995. – № 3/4. – С. 158–181.
6. *Бойков, В. Э.* Ценности нравственного сознания: опыт социологического изучения / В. Э. Бойков // Социология власти. – 2004. – № 2. – С. 28–36.
7. *Горшков, М. К.* Российское общество в условиях трансформации: мифы и реальность (социологический анализ). 1992–2002 гг. / М. К. Горшков. – М. : Рос. полит. энцикл., 2003. – 512 с.
8. *Журавлева, Н. А.* Динамика ценностных ориентаций личности в российском обществе / Н. А. Журавлева. – М. : Ин-т психологии РАН, 2006. – 335 с.
9. *Тощенко, Ж. Т.* Метаморфозы общественного сознания: методологические основы социологического анализа / Ж. Т. Тощенко // Социол. исслед. – 2001. – № 6. – С. 3–15.
10. *Шурбе, В. З.* Социокультурные доминанты межпоколенного взаимодействия / В. З. Шурбе // Изв. Волгогр. гос. техн. ун-та. – 2012. – № 10. – Т. 3. – С. 53–58.
11. *Леонтьев, А. Н.* Деятельность. Сознание. Личность / А. Н. Леонтьев. – М. : Политиздат, 1975. – 250 с.
12. *Арясова, А. Ю.* Ценностные ориентации молодежи в содержании государственной молодежной информационной политики / А. Ю. Арясова. – Астрахань : Сорокин Роман Васильевич, 2010. – 90 с.
13. *Каргаполова, Е. В.* Ценностные предпочтения населения Астраханской области / Е. В. Каргаполова // Изв. Саратов. ун-та. Сер. Социология. Политология. – 2012. – Т. 12, вып. 3. – С. 10–13.
14. Социокультурный портрет Астраханской области. Опыт социологического, экономического и политологического анализа / Е. В. Каргаполова [и др.]. – Волгоград : Волгогр. науч. изд-во, 2010. – 307 с.
15. *Лапин, Н. И.* Программа и типовой инструментарий «Социокультурный портрет региона России» (Модификация – 2010) / Н. И. Лапин, Л. А. Беляева. – М. : ИФРАН, 2010. – 111 с.
16. *Лапин, Н. И.* Функционально-ориентирующие кластеры базовых ценностей населения России и ее регионов / Н. И. Лапин // Социол. исслед. – 2010. – № 1. – С. 28–36.

17. Опыт подготовки социокультурных портретов регионов России : материалы III Всерос. науч.-практ. конф. – Курск : Изд-во Курск. гос. ун-та, 2007. – 259 с.

A. J. ARYASOVA

**DYNAMICS OF THE BASIC VALUES OF THE POPULATION IN ASTRAKHAN REGION
(BASED ON A SPECIFIC SOCIOLOGICAL RESEARCH)**

Summary

The article presents results of investigation of the basic values structure of the population in Astrakhan region on the basis of results analysis of the monitoring sociological studies aimed to identify the dynamics in the basic values structure. The research is based on the method of construction functionally-focusing clusters of population basic values, which was developed by N. I. Lapin. During the analysis the structure of each cluster was verified. In order to identify the typical features in the structure of each cluster values of the population a comparison of the data with the results of similar studies nationwide was carried out.

Keywords: basic values, functionally-focusing clusters, integrating cluster, differentiating cluster, integrating core, integrating reserve, opposing differential, conflictogenic periphery.

Поступила 02.10.2015 г.

УДК 316.74(476+470)

Н. Л. БАЛИЧ,

кандидат социологических наук, доцент, Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

РЕЛИГИОЗНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ БЕЛАРУСИ И КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Представлен анализ сравнительного социологического исследования религиозной идентичности населения Беларуси и Краснодарского края. На основе эмпирических данных выявлена религиозная идентичность в структуре социальной идентичности населения двух стран в сравнении с гражданской, национальной, этнокультурной, региональной идентичностями. Социологическое измерение отражает масштабность, характер, интенсивность религиозной идентичности белорусов и россиян.

Ключевые слова: религиозная идентичность, социальная идентичность, религиозные практики, социальные общности, конфессиональные группы, ценности, культура.

В статье на основе данных сравнительного социологического исследования, проведенного Институтом социологии НАН Беларуси и Кубанским государственным технологическим университетом (Российская Федерация) в 2013 г. в рамках совместного проекта «Особенности социальной идентичности в контексте современных интеграционных процессов в Союзе Беларуси и России», анализируются выраженность и особенности религиозной идентичности в структуре социальной идентичности населения Беларуси и Краснодарского края. Метод сбора эмпирической информации – анкетный опрос. Для отбора респондентов использовалась репрезентативная квотная выборка с элементами случайного отбора (объем белорусских респондентов – 1589 человек, российских – 1200). Ошибка выборки $\approx 5\%$.

Были получены эмпирические данные, отражающие структуру социальной идентичности населения двух стран как сложного конгломерата гражданской, национальной, религиозной, региональной, этнокультурной идентичностей. Социологическое измерение выявило масштабность, характер, выраженность религиозной идентичности белорусов и россиян. Процесс формирования религиозной идентичности обусловлен влиянием различных социальных и культурных факторов, среди которых семья, церковь, трудовой коллектив, средства массовой информации, система образования и др. Российский религиовед М. П. Мчедлов считает, что религиозная идентичность выступает следствием этнической принадлежности [1].

В основе религиозной идентичности находится общность культуры, ценностей, взаимной коммуникации членов группы. Этнокультурные, менталь-

ные, национальные, языковые признаки этноса переносятся на самовосприятие и идентификацию отдельного человека с определенной культурой и народом.

Представления белорусов и россиян об основных объединяющих признаках своей этнонациональной общности раскрывают ответы на вопрос: «Что больше всего объединяет Вас с жителями своей страны?» (табл. 1). Население Беларуси считает ведущим критерием объединения гражданство (проживание на одной территории). Несколько ниже (с незначительными расхождениями) оцениваются значимость общей истории, национальности, культуры и традиций. Им в оценках незначительно уступают язык общения, любовь к Родине, патриотизм. Реже белорусы выделили такие факторы консолидации, как черты национального характера, религия.

По мнению жителей Краснодарского края, главным объединяющим фактором является язык общения. Высокая значимость отводится культуре, традициям, гражданству, общей истории, патриотизму, национальности. Ниже других (как и белорусы) россияне оценили значимость национального характера и религии.

Таблица 1. Мнение белорусов и россиян о факторах, объединяющих с жителями своей страны, %

Фактор консолидации	Объединяет		Объединяет в определенной степени		Не объединяет		Затруднились ответить	
	белорусы	россияне	белорусы	россияне	белорусы	россияне	белорусы	россияне
Гражданство	69,0	48,8	24,0	38,2	2,0	8,4	5,0	4,6
Общая история	55,9	48,3	31,9	35,4	4,5	10,7	7,7	5,6
Национальность, происхождение	56,0	44,1	31,7	41,4	6,1	10,5	6,2	4,1
Культура, традиции	54,9	50,5	34,1	38,6	5,1	7,1	5,9	3,7
Язык	49,1	74,3	31,3	21,1	13,0	3,4	6,6	1,1
Любовь к Родине, патриотизм	49,1	41,6	34,1	42,7	7,6	11,7	9,2	4,0
Менталитет, национальный характер	43,0	31,6	38,6	45,5	6,9	14,1	11,6	8,8
Религия	42,6	31,0	36,6	43,7	11,6	18,0	9,2	7,3

Иерархию консолидирующих факторов белорусов и россиян схематично (по убывающей) можно представить следующим образом (табл. 2).

Таблица 2. Факторы консолидации с жителями своей страны (в порядке убывания)

Население	Факторы консолидации
Республика Беларусь	Гражданство→ история→ национальность→ культура → язык→ патриотизм→ менталитет→ религия
Краснодарский край, РФ	Язык→ культура→ гражданство→ история→ национальность→ патриотизм→ менталитет→ религия

Силу единения с различными общностями и группами раскрывают ответы на вопрос: «В какой степени Вы ощущаете единство со следующими группами и общностями людей?» (табл. 3).

Таблица 3. Ощущение единства с различными группами и общностями людей, %

Ощущение единства	В полной мере		В определенной степени		Не ощущают		Затруднились ответить	
	белорусы	россияне	белорусы	россияне	белорусы	россияне	белорусы	россияне
С жителями своей страны	45,8	58,2	39,7	33,6	6,8	5,0	7,7	3,2
С людьми своей национальности	36,4	54,8	46,8	34,8	6,8	6,5	10,2	3,9
С людьми своего поколения	41,2	51,2	43,8	36,2	5,6	7,8	9,4	4,8
С людьми одного вероисповедания	27,5	38,1	43,1	38,0	12,4	14,3	17,0	9,6
С жителями России (Беларуси)	16,1	15,6	50,7	39,1	22,2	24,1	10,9	3,2
С жителями стран СНГ	9,9	20,7	41,0	39,0	32,6	32,6	16,5	7,7

Вероисповедная принадлежность, составляющая ядро этнической идентичности, хотя и признается значимым, но не основным фактором объединения в представлениях населения двух стран. Ощущение единства белорусов, прежде всего с жителями Беларуси, и россиян с жителями России позволяет говорить о том, что именно гражданская идентичность является доминирующей в системе идентификаций. Далее позиции разделились. Следующей по частоте выделения у россиян является национальная идентичность (54,8 % опрошенных в полной мере ощущают единство с представителями своей национальной группы), у белорусов – поколенческая идентичность (41,2 % осознают единство в полной мере с людьми своего поколения). Несколько слабее ощущение единства у белорусов с людьми одной национальности, у россиян – с людьми одного поколения.

Актуальность поколенческой идентичности вполне объяснима: возрастные характеристики индивида являются одними из основных социально-демографических признаков, важным ориентиром в процессах социального взаимодействия.

Вероисповедная принадлежность у россиян выражена сильнее, чем у белорусов, несмотря на то, что Краснодарский край, как и Республика Беларусь, поликонфессионален. Существующий безвизовый режим между Россией и Беларусью дает положительные результаты во взаимных туристических, трудовых потоках обоих государств, размывая границы русской и белорусской идентичностей и способствуя тем самым межнациональному, межконфессиональному, межэтническому объединению в современных интеграционных процессах. Большинство жителей имеют близких родственников, друзей

и знакомых по другую сторону границы. Это подтверждают результаты исследования, согласно которым «значительная часть белорусов и россиян ощущают единение с гражданами соседнего государства» [2, р. 331]. Людям проще отождествлять себя с теми, кто находится ближе по территориальному признаку и в границах проживания. М. П. Мчедлов, описывая результаты исследований межэтнической и конфессиональной толерантности россиян, считает определяющим фактором идентификации с группой длительность совместного проживания в пределах одного государства, то есть предпочтение в качестве «своих» скорее не исторически единовременных народов, а тех, с которыми совместно живут, трудятся, проводят досуг и т. д. [1, с. 17].

Данный тезис подтверждают ответы участников опроса, согласно которым ощущение единства с жителями стран СНГ выражено в меньшей степени.

Для выявления значимости религиозной идентичности и ее рангового места в структуре самоидентификаций белорусов и россиян в анкету был включен вопрос, позволяющий измерить эксплицированность гражданской, национальной, союзной¹, религиозной, атеистической самоидентификаций: «Кем Вы себя осознаете прежде всего?» Участники исследования выделили различные виды идентичностей в зависимости от выраженности личных и социальных установок. Были получены следующие результаты (табл. 4).

Таблица 4. Осознание белорусами и россиянами различных видов идентичностей, %

Тип идентичности	Осознают в полной мере		Осознают в определенной степени		Не осознают		Затруднились ответить	
	белорусы	россияне	белорусы	россияне	белорусы	россияне	белорусы	россияне
Гражданская	69,3	74,5	22,5	20,6	2,8	3,7	5,4	1,2
Национальная	41,4	60,7	36,0	26,9	9,7	7,2	12,8	5,2
Религиозная	34,2	37,2	35,5	40,7	15,6	15	14,8	7,1
Союзная	13,3	21,9	27,6	23,2	41,9	44,7	17,2	10,1
Атеистическая	3,4	9,6	8,2	10,3	69,1	65,9	19,4	14,2

Гражданская самоидентификация как у белорусов, так и у россиян выражена сильнее других (69,3 % белорусов и 74,5 % россиян осознают ее в полной мере). Несколько меньше отражена национальная идентичность, но также значима в коллективных установках, причем у россиян она выражена сильнее. По мнению исследователей, в России «существенным, если не определяющим, признаком является разделение граждан по этническому признаку. Это явление усложняет процессы и механизмы самоопределения граждан, но, вместе с тем, выступает в качестве консолидирующего фактора» [3].

Религиозная идентичность не является приоритетной (34,2 % белорусов и 37,2 % россиян осознают ее в полной мере), однако у представителей двух стран она выражена сильнее, чем союзная и атеистическая идентичности.

¹ Под союзной идентичностью понимается отождествление с государствами, входившими в состав СССР и входящими в настоящее время в СНГ; вариант ответа «Я – житель СНГ».

Значимость гражданской, национальной, религиозной идентичностей объясняется тем, что они не только дают возможность индивидам осознавать свою уникальность и фиксировать отличительные признаки своей группы, но и базируются на комплексе культурно-специфических критериев, позволяющих оценивать себя, представителей «своей» и «чужой» группы.

Низкая выраженность атеистической идентичности подтверждает тезис о неготовности белорусского и российского общества к вытеснению религии из социума. Наряду с экономикой, политикой, наукой религия включена в культурное пространство современного социума.

В рамках исследования ставились задачи измерения конфессиональной самоидентификации, уровня религиозности и воцерковленности православных по критериям участия в культовой практике, ориентации на религиозные ценности в повседневной жизни и др.

Конфессиональная самоидентификация населения Беларуси и жителей Краснодарского края имеет общие характеристики и отличия. Православные преобладают в обеих группах. Среди белорусских участников опроса отмечены представители трех основных направлений христианства, среди российских отсутствуют католики. В группе россиян больше православных, протестантов и мусульман, нет иудеев; меньше тех, кто не пожелал отнести себя к какой-либо религии (табл. 5).

Таблица 5. Конфессиональная самоидентификация населения Беларуси и Краснодарского края, %

Конфессиональная принадлежность	Население, %	
	Республика Беларусь	Краснодарский край, РФ
Православие	81,8	88,4
Католичество	10,2	–
Протестантизм	0,5	2,7
Старообрядчество	0,6	0,7
Ислам	0,1	3,0
Буддизм	0,3	0,4
Иудаизм	0,1	–
Другое	0,7	0,9
Ни к какой себя не отнесли	5,7	3,9

Конфессиональная принадлежность православных не всегда в полной мере соответствует религиозной самоидентификации (вера в Бога). В обеих группах представлены верующие, склоняющиеся к вере и неверию, затруднившиеся с религиозным самоопределением, неверующие. Выше уровень религиозной самоидентификации (верующих) в группе белорусов, среди скорее верующих больше россиян. В то же время в группе белорусов больше затруднившихся со своим религиозным самоопределением, а также неверующих (табл. 6).

Таблица 6. Религиозная самоидентификация православных (население Беларуси и Краснодарского края), %

Население	Распределение ответов на вопрос: «Считаете ли Вы себя верующим?», %				
	Да	Скорее да	Скорее нет	Нет	Затрудняюсь ответить
Республика Беларусь	34,5	41,0	9,7	2,9	11,9
Краснодарский край, РФ	31,9	55,8	8,9	1,3	2,2

Это говорит о значимости религиозно-культурной традиции, которую олицетворяет православие. Человек может не разделять вероучение в полной мере, участвовать в обрядах эпизодически, не посещать церковь. Но сам факт принадлежности к религии важен для мировоззренческой, культурной, нравственной ориентации человека. Это объединяющий фактор с другими людьми, который имеет значимую с другими жизненными установками ценность. Подтверждением тому служит выявленное противоречие между каноническими требованиями религии о необходимости культовой практики и мнением православных о значимости ее соблюдения (только у белорусских участников опроса). Большинство участников опроса считает, что можно быть верующим, но не участвовать в деятельности церкви. Такую возможность «допускают» 36,9 % опрошенных, «скорее допускают» 33,3 %. Значительно меньше православных заявило о «недопустимости» (7,9 %) и «скорее недопустимости» (12,0 %) такого неучастия, затруднились ответить 9,9 % респондентов.

В отправлении культовой практики (посещение богослужений, участие в обрядовой деятельности) более низкий уровень церковной дисциплины демонстрируют российские участники опроса. Среди них меньше участвующих в богослужениях каждую неделю (3,9 %) и ежемесячно (8,9 %). Подавляющее большинство православных двух стран наиболее активны в дни церковных праздников или посещают богослужения неперiodично – «от случая к случаю». Есть те, кто в отправлении религиозных обрядов не участвует (11,9 % белорусов и 9,9 % россиян) (табл. 7).

Таблица 7. Посещение церкви и участие в культовой деятельности, %

Частота участия	Население, %	
	Республика Беларусь	Краснодарский край, РФ
Каждую неделю	6,5	3,9
1–2 раза в месяц	12,1	8,9
По церковным праздникам, от случая к случаю	69,6	77,3
Не участвуют	11,9	9,9

Опрос российских респондентов показал, что к молитвенной практике православные обращаются значительно чаще, чем посещают церковь. Из них 13,8 % молятся ежедневно, 8,1 % – несколько раз в неделю. Неперiodично обращаются к молитве 43,0 % опрошенных, только в критических ситуациях – 22,6 %, никогда – 12,5 %.

При этом многие единодушны в том, что верующий должен знать вероучительные основы своей религии, иметь религиозную символику, молиться, соблюдать религиозные предписания и практики (белорусские участники опроса) (табл. 8).

Таблица 8. Мнение православных о значимости вероучительных основ и практик для верующих, %*

Что наиболее важно для верующего?	%
Молиться	62,4
Посещать службы в храме	47,0
Соблюдать религиозные обряды и праздники	42,8
Пройти обряд посвящения в религию (крещение и т. п.)	33,5
Исповедоваться и причащаться	31,2
Иметь религиозную символику (иконы, нательные кресты и др.)	24,2
Соблюдать посты	17,1
Знать Священные тексты своей религии	16,7
Читать религиозную литературу	8,4
Другое	7,2

*Сумма процентов превышает 100, так как респондент мог выделить несколько вариантов ответов.

Результаты исследования позволяют сформулировать следующие выводы.

1. Религиозная идентичность белорусов и россиян находится в тесной взаимосвязи с другими социальными идентичностями – гражданской, национальной, культурно-традиционной, языковой – и не является определяющей в структуре самоидентификаций и социальных установках населения двух стран. Высокая степень консолидации выявлена по гражданско-территориальному, национальному, поколенческому, вероисповедному признакам. При этом с жителями своей страны ведущим объединяющим фактором белорусы считают гражданство, россияне – язык общения. Реже отмечены такие факторы консолидации, как черты национального характера, религия.

2. Большинство населения Республики Беларусь и жителей Краснодарского края идентифицирует себя с православием. Однако конфессиональная самоидентификация православных не всегда соотносится с убежденной религиозностью (верой в Бога). В группе белорусских и российских участников опроса представлены лица с разным типом религиозного мировоззрения: верующие, склоняющиеся к вере и неверию, затруднившиеся с религиозным самоопределением, неверующие. Выше процент назвавших себя верующими в группе белорусов, среди «скорее верующих» больше россиян. В то же время в группе белорусов больше затруднившихся со своим религиозным самоопределением, неверующих.

3. Сравнительные характеристики фактического участия в религиозных практиках православных отражают невысокий уровень церковной дисциплины белорусских и российских участников опроса, наиболее активных в дни

церковных праздников и «от случая к случаю». Лишь малая часть следует церковным правилам, участвуя в обрядах регулярно (каждую неделю). Белорусские участники опроса проявляют большую активность по сравнению с жителями Краснодарского края. При этом россияне к молитвенной практике обращаются чаще посещения богослужений.

4. Исследование выявило противоречие между каноническими требованиями религии о необходимости культовой практики и мнением православных о значимости ее соблюдения. Большинство респондентов допускает, что можно быть верующим, но не участвовать в деятельности церкви. При этом знание вероучительных основ своей религии, молитв, посещение церковных служб, соблюдение обрядов и праздников является, по их мнению, важным. Все это свидетельствует о том, что православие воспринимается как привычная культурная среда в традиционном образе жизни белорусов и россиян. Поэтому в мировоззренческих установках православных заметно превалирование социокультурных традиций над религиозными практиками.

Литература

1. Мчедлов, М. П. Религиозная идентичность в мультикультурном обществе (о новых проблемах в межкультурных контактах) [Электронный ресурс] / М. П. Мчедлов // Институт социологии РАН. – Режим доступа: <http://www.isras.ru/files/File/Socis/2006-10/mchedlov.pdf>. – Дата доступа: 15.10.2015.

2. Balich, N. L. The Ethnic Identity in the Social Identity Structure of the Residents of Belarus and Russia / N. L. Balich, V. N. Mukha // Asian Social Science / Canadian Center of Science and Education. – 2015. – Vol. 11, No. 3. – P. 327–334.

3. Нефедов, М. А. Национальная и этническая идентичность в постсоветской России / М. А. Нефедов // Географические науки в обеспечении стратегии устойчивого развития в условиях глобализации : материалы Междунар. науч.-практ. конф., 25–28 окт. 2012 г. – Минск : Изд. центр БГУ, 2012. – С. 324–327.

N. L. BALICH

RELIGIOUS IDENTITY OF BELARUS AND KRASNODAR REGION POPULATION: COMPARATIVE SOCIOLOGICAL ANALYSIS

Summary

The analysis of the comparative sociological study of the religious identity of the Republic of Belarus and residents of the Krasnodar region is presented. Based on the obtained empirical data the structure of the social identity of the population of the two countries as a complex conglomerate of civil, national, religious, regional, ethnic and cultural identities were revealed. The sociological measurement has reflected the magnitude, character and manifestation intensity of religious identity of Belarusians and Russians.

Keywords: religious identity, social identity, religious practices, social communities, confessional groups, values, culture.

Поступила 31.10.2015 г.

Н. А. СОСНОВСКАЯ,

Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

СЕМЕЙНАЯ ПОЛИТИКА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ОЦЕНКИ ЭФФЕКТИВНОСТИ

В статье раскрывается содержание различных моделей семейной политики. Эффективность семейной политики Беларуси анализируется на основании такого ее параметра, как удовлетворенность. Рассматриваются следующие ведущие направления данной социальной политики: выплаты и пособия в связи с рождением ребенка, возможности получения кредитов на строительство и приобретение жилья, услуги детских дошкольных учреждений, предоставление работнику с двумя и более детьми гибкого графика работы, адресная социальная помощь.

Ключевые слова: семья, семейная политика, тип семейной политики, оценка эффективности.

На протяжении последних лет в отечественном социогуманитарном знании наблюдается постоянно возрастающий интерес к проблематике семейной политики. Активизация исследовательского внимания связана с рядом социальных проблем, с которыми столкнулось государство в связи с изменением репродуктивных установок и низкой рождаемостью коренного населения.

В трактовке понятия «семейная политика» существуют некоторые вариации. Она понимается как направление социальной политики государства, нацеленное на помощь семье и поддержку ее жизнеспособности [1]; предполагающее укрепление семьи, оптимизацию выполнения ею своих функций и улучшение условий жизнедеятельности [2]; комплексное воздействие общества на брачно-семейные отношения [3]. Таким образом, семейная политика определяется и как комплекс мер, направленных на оказание поддержки семье, и как инструмент влияния на семью с целью гармонизации ее функционирования с потребностями общества.

Существуют различные модели семейной политики. Наибольшей популярностью пользуется классификация, включающая социально-демократический, консервативный и либеральный тип политики [4]. В ней учитывается определенная идеологическая направленность семейной политики, что предполагает различное сочетание реализуемых мер. Основным акцент делается на таких мерах, как семейные пособия, налоговые льготы, декретный отпуск, отпуск по уходу за ребенком и сервисная поддержка – услуги по уходу за детьми до трех лет и с трех до шести лет. Социально-демократический тип акцентирует равные возможности для женщин и мужчин на рынке труда и в распределении семейных обязанностей. Важным направлением является полити-

ка гендерного равенства, которая предлагает такую меру, как родительский отпуск для отцов. Продолжительность «отцовского отпуска» (обязательные к использованию 60 дней, которые нельзя передать другому члену семьи, что соответствует такому же по длительности обязательному отпуску женщин), условия его оплаты создают благоприятные установки в формировании гендерного равенства в сфере родительства. Кроме этого осуществляется материальная поддержка работающих родителей. Консервативный тип опирается на традиционное разделение семейных ролей, при котором женщина осуществляет уход и заботу, а мужчина выступает в роли «кормильца». Либеральный тип политики предполагает низкий уровень помощи семьям. Услуги, оказываемые семьям, в особенности связанные с заботой и уходом за детьми и пожилыми, предоставляются в рамках рыночных отношений. Необходимость их оплаты приводит мужчин и женщин к равной зависимости от рынка труда [5].

В связи со спектром решаемых государством вопросов выделяются базовые направления семейной политики: демографическое – ориентированное на стимулирование рождаемости; социальное – направленное на борьбу с бедностью в семье; гендерное – ставящее целью достижение гендерного равенства в семье и в профессиональной занятости; экзистенциальное – предполагающее помощь семье в осуществлении ухода за недееспособными категориями (инвалиды, пожилые, дети) [5, с. 292]. В целом можно выделить такие равные по значимости составляющие семейной политики, как прямое финансовое стимулирование деторождения, дружественное родителям законодательство, включающее отпуска по уходу за детьми и гибкий рабочий график, а также развитие сервисов, предоставляющих услуги по уходу и воспитанию детей.

Ориентированность семейной политики во многом зависит и от исходных теоретических представлений об объекте политики – семье. Согласно одному из подходов, семья находится в состоянии кризиса, являющимся закономерным итогом развития индустриального общества. Утрата семьей ее основных функций и разрушение социокультурных норм многодетности – частные проявления кризисного состояния семьи. В связи с этим в качестве основных целей семейной политики предлагаются укрепление семьи, упрочение семейных ценностей в противовес индивидуальным жизненным ценностям, переориентация всех социальных институтов с индивида на семью.

Сторонники другой точки зрения считают, что происходит закономерное изменение семьи в соответствии с трансформацией социально-экономических условий. Новая семья лучше приспособлена к требованиям современности, чем традиционная. Она предполагает свободу личности и самовыражение обоих партнеров. Из подобной установки следует, что целью семейной политики должно стать обеспечение наиболее благоприятных условий свободного развития для каждой семьи, условий для наилучшего выполнения ею своих основных функций. Сторонники данного концептуального подхода настаивают на том, что семейная политика как особая часть социальной политики должна базироваться на принципах свободы личности, равноправия, парт-

нерства и призвана обеспечить равновесие между личностью, семьей и обществом [6].

Важным компонентом анализа семейной политики является оценка ее эффективности. Критерий эффективности относится к достижению целей семейной политики и отражает степень реализации программ, составляющих политику. Эффективность семейной политики довольно трудно оценить, что подтверждается зачастую несовпадением во взглядах многих ученых на данную проблему. Сложность оценки эффективности вызвана различием подходов к методологии исследования, используемых моделей, неодинаковым положением дел в оцениваемых совокупностях на момент проведения обследования. Трудно осуществить анализ влияния социальных пособий и системы социальной поддержки, изолировав их от других факторов. Также следует принимать во внимание, что меры социальной политики сформулированы на основании принципа рациональности. Предполагается, что решение о рождении ребенка принимается с учетом возможных издержек и доходов, связанных с необходимостью ухода и воспитания. Из этого следует, что возмещение государством части расходов на детей повысит их экономическую привлекательность, что приведет к повышению рождаемости либо к более «высокому качеству» человеческого потенциала. Но как уже было неоднократно показано, реальные решения субъекта далеки от идеальной модели рациональности, располагающей полной информацией обо всех имеющихся альтернативах и учитывающей вес каждой из них. Существуют также ценностно-нормативные компоненты, оказывающие на поведение зачастую большее влияние, чем рациональные соображения.

Часто основанием для выводов являются демографические показатели брачности и разводимости, рождаемости и смертности. Но, как указывает В. А. Козлов, «изменение демографических показателей не является целью или задачей семейной политики» [4, с. 17]. Увеличение рождаемости рассматривается как косвенный эффект, возникший благодаря улучшению социальных условий, при которых семьи могут в более полной мере реализовывать свой репродуктивный потенциал. Индикаторами оценки могут служить изменения на рынке труда, жилья, социальных услуг, изменение потребления. Так, например, качество социальных услуг определяется сетью оказывающих их учреждений, их доступностью, обеспеченностью персоналом и его уровнем, потребительской удовлетворенностью качеством услуг, ростом образованности и здоровья членов семей и т. п. Показателями успешности семейной политики в сфере труда являются рост занятости и снижение безработицы, занятость на льготных условиях, неполный рабочий день, уровень подготовленности мужчин и женщин, показатели гендерной дискриминации при приеме на работу и в заработной плате, развитие семейного предпринимательства.

Кроме перечисленного, важно на основе регулярных количественных и качественных обследований определять отношение людей к системе поддержки семей, к проводимой или готовящейся к проведению семейной поли-

тики. Одним из параметров, позволяющих оценивать конструктивность мер семейной политики, является анализ удовлетворенности населения предпринимаемыми мерами.

Семейная политика Республики Беларусь регулируется рядом нормативно-правовых актов, определяющим среди которых является Указ Президента Республики Беларусь от 21.01.1998 г. № 46 «Об утверждении Основных направлений государственной семейной политики Республики Беларусь» [7]. Несмотря на то что в документе акцентирована необходимость предоставления возможностей для экономического самообеспечения семей, возможности повышения уровня материального благосостояния, основной упор в реализации заданных мер делается в области материальных выплат семье в связи с рождением и воспитанием ребенка. К базовым мерам относятся: денежные выплаты семьям на детей в связи с рождением, содержанием и воспитанием (пособия, пенсии); дополнительная материальная помощь в денежной и натуральной формах; кредитование и частичное субсидирование семей, осуществляющих строительство жилья; предоставление малоимущим семьям денежных субсидий по оплате жилья и коммунальных услуг. Таким образом, государственная политика в отношении семьи в Беларуси носит патерналистский характер с выраженной ориентацией на упрочение традиционных ценностей. Однако семейная политика преимущественно протекционистской направленности, задачей которой является экономическая поддержка семей и, в конечном счете, стимулирование рождаемости, признается исследователями малоэффективной. Несмотря на оказываемую поддержку, данные статистики свидетельствуют о том, что наличие в семье двух и более детей является фактором риска для ее попадания в категорию малообеспеченных, что снижает привлекательность рождения ребенка [8]. Это приводит к постановке вопроса о том, в какой степени предлагаемые меры способствуют удовлетворению потребностей населения и, в конечном итоге, о содержании проводимой политики.

В опросе, проведенном Институтом социологии в ноябре 2014 г. (исследование проводилось на республиканской репрезентативной выборке, $N = 2010$), рассматривался уровень удовлетворенности населения мерами семейной политики. Оценка производилась на основании мнения целевых групп, получателей мер. Проведенное исследование показало, что более половины респондентов (60 %), имеющих детей в возрасте до трех лет и являющихся потенциальными и действительными получателями пособий по уходу за ребенком, позитивно оценили данную меру. С трудностями при ответе на вопрос столкнулись 9,7 % опрошенных, и 30,3 % отметили, что не удовлетворены выплачиваемыми пособиями. Среди респондентов, проживающих в сельской местности, зафиксирован более высокий уровень удовлетворенности пособиями (довольны – 70,2 %, не довольны – 19,1 %, затруднились ответить – 10,6 %). Сходным образом опрошенные с детьми до трех лет оценили и возможности устройства детей в дошкольное учреждение по месту жительства: 60,6 % – позитивно, 29,7 % – негативно и 9,7 % – выразили затруднения. Респонден-

ты с детьми от 3 до 6 лет возможности устройства в дошкольное учреждение оценивают выше: удовлетворены – 69,8 %, не удовлетворены – 26,4 %. Ответ на данный вопрос вызвал затруднения у 3,8 % опрошенных. Между ответами респондентов, проживающих в городе и сельской местности, различий по данному вопросу не обнаружено. Качество оказываемых дошкольными учреждениями услуг большинство респондентов данной группы оценивают положительно (77,8 % – позитивно, 18,4 % – негативно, 3,8 % затруднились с ответом). Большую степень неудовлетворенности выразили опрошенные, проживающие в городах, – 20,8 %, тогда как среди жителей сельской местности таких 13,5 %. В целом среди остальных рассматриваемых мер семейной политики услуги дошкольных учреждений и возможности устройства детей оцениваются самым высоким образом (рис. 1).

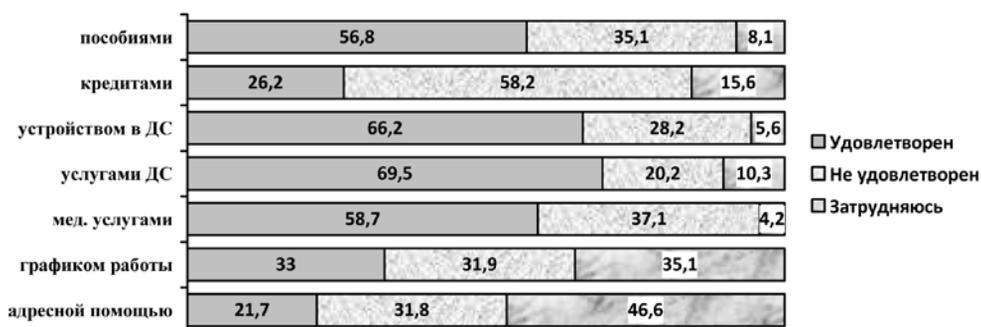

Рис. 1. Оценка респондентами с детьми до 6 лет мер семейной политики

Среди важнейших направлений семейной политики, получившее признание как наиболее действенное при решении проблемы увеличения рождаемости, – обеспечение баланса семьи и работы. С этой целью работодателям рекомендуется предоставлять работающим родителям возможность пользоваться гибким графиком работы, позволяющим им эффективно совмещать свои профессиональные и семейные обязанности. Реализация данной меры носит рекомендательный характер и главным образом зависит от политики конкретной организации или предприятия. В связи с этим мнения респондентов о ее реализации представляют особый интерес. Полученные ответы показали, что имеющиеся возможности рабочего графика чаще устраивают респондентов с детьми от 6 до 12 лет (39,8 %). И наоборот, наименьшую степень удовлетворенности выразили опрошенные с детьми от 3 до 6 лет (31 %). Высокий процент затруднившихся с ответом среди родителей с детьми до 3 лет (39,3 %) связан с тем, что многие женщины данной группы, находясь в отпуске по уходу за ребенком, не связаны иными профессиональными обязанностями (табл. 1).

Таким образом, можно сделать вывод, что только третья часть респондентов, нуждающихся в гибком графике работы, имеют соответствующие возможности.

Таблица 1. Оценка респондентами с детьми до 12 лет возможностей пользоваться гибким графиком работы

Вариант ответа	Семьи с детьми			Все семьи с детьми до 12 лет
	до 3 лет	от 3 до 6 лет	с 6 до 12 лет	
Удовлетворен	35,3	31	39,8	36,8
Не удовлетворен	25,3	37,3	31,4	30,6
Затрудняюсь	39,3	31,6	28,8	32,6

Таблица 2. Оценка респондентами возможностей получения кредитов в зависимости от типа населенного пункта, %

Степень удовлетворенности возможностями получения кредитов	Тип населенного пункта		Всего
	город	село	
Удовлетворен	28,9	27,1	28,4
Не удовлетворен	43,6	33,8	41,0
Затрудняюсь	27,6	39,2	30,6

Адресная социальная помощь – это мера, направленная на поддержание прожиточного минимума семей или граждан. Она включает льготы на приобретение продуктов питания детям первых двух лет жизни, школьных принадлежностей, одежды и обуви, лекарственных средств и технических средств реабилитации. Предусматриваются разные режимы ее предоставления: как в виде единовременных, так и ежемесячных пособий. Относительно данной меры респонденты испытали самые значительные затруднения: 55 % – проживающих в городе и 60,8 % – жителей села. Мнения остальных распределились примерно поровну – 22,4 % выразили удовлетворенность и 21,1 % высказали противоположную точку зрения.

Одной из самых важных составляющих семейной политики белорусского государства является жилищная политика, предоставляющая возможности получения различных кредитных программ на строительство или приобретение жилья. Мера распространяется на многодетные и молодые семьи с двумя детьми. В соответствии с законодательством Республики Беларусь, молодой считается семья, в которой один из супругов моложе 31 года. Но в связи с тем, что последующие выплаты по кредиту осуществляются в течение длительного времени, относительно данной меры целесообразно учитывать мнения всего населения в целом. Исследование показало, что позитивные оценки возможностей получения кредитов равномерно представлены среди городских и сельских жителей, но в городе респонденты чаще высказывают недовольство существующей политикой кредитования, тогда как проживающие в сельской местности в большей мере сталкиваются с затруднениями при ответе (табл. 2).

Следует отметить, что респонденты с детьми до 18 лет реже сталкиваются с затруднениями при ответе. Среди них выше как уровень удовлетворенности кредитами, так и значительно чаще высказывается недовольство существующей кредитной политикой (рис. 2).

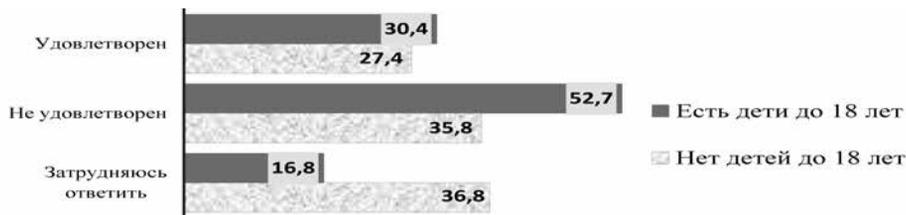

Рис. 2. Отношение опрошенных с детьми до 18 лет к возможности получения кредита на строительство и приобретение жилья, по сравнению с остальными респондентами

Таким образом, среди мер социальной политики, реализуемых в Республике Беларусь, наиболее позитивно оцениваются услуги учреждений дошкольного образования. Наибольшие затруднения респонденты испытали в связи с оценкой адресной социальной помощи. Несмотря на то что мера распространяется не только на семьи с детьми, но и на более широкий круг населения, среди респондентов оказалось незначительное число ее получателей, способных высказать суждение по данному вопросу. Возможности получения кредитов на строительство жилья респонденты оценивают неоднозначно. Среди опрошенных с детьми до 18 лет, показавших большую осведомленность при ответе на данный вопрос, высок процент тех, кто считает существующие условия недостаточно привлекательными.

Литература

1. Семейная политика [Электронный ресурс] // Оксфордская иллюстрированная энциклопедия : в 9 т. – Т. 7 : Народы и культуры : пер. с англ. / под ред. Р. Хоггарта. – 2002. – Режим доступа: <http://voluntary.ru/dictionary/950/word/semeinaja-politika>. – Дата доступа: 08.11.2015.
2. Семейная политика [Электронный ресурс] // Демографический понятийный словарь / под ред. проф. Л. Л. Рыбаковского. – 2003. – Режим доступа: <http://voluntary.ru/dictionary/1265/word/semeinaja-politika>. – Дата доступа: 08.11.2015.
3. Семейная политика [Электронный ресурс] // Российская социологическая энциклопедия / под общ. ред. акад. РАН Г. В. Осипова. – 1998. – Режим доступа: <http://voluntary.ru/dictionary/619/word/regulirovanie-brachno-semeinyh-otnoshenii-semeinaja-politika>. – Дата доступа: 08.11.2015.
4. Козлов, В. А. Институциональный подход к разработке семейной политики / В. А. Козлов. – М. : Ин-т экономики РАН, 2010. – 51 с.
5. Носкова, А. В. Эволюция семейной политики в Европе: меняющиеся проблемы, приоритеты и практики / А. В. Носкова // Вестн. МГИМО Ун-та. – 2013. – № 4 (31). – С. 291–301.
6. Пахомов, А. А. Особенности трансформации семьи и государственной семейной политики. На примере Республики Саха (Якутия) / А. А. Пахомов // Социол. исслед. – 2005. – № 12. – С. 101–108.
7. Об утверждении Основных направлений государственной семейной политики Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 21.01.1998, № 46. – Режим доступа: <http://laws.newsby.org/documents/ukazp/pos05/ukaz05897.htm>. – Дата доступа: 10.11.2015.
8. Национальный статистический комитет Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.belstat.gov.by/>. – Дата доступа: 10.11.2015.

N. A. SOSNOVSKAYA

**FAMILY POLICY OF THE REPUBLIC OF BELARUS:
A SOCIOLOGICAL ANALYSIS EFFECTIVENESS EVALUATION**

Summary

The article reveals the contents of the various models of family policy. The effectiveness of family policy of Belarus is analyzed on the basis of its parameters such as satisfaction. We consider such major areas as the payments and benefits in connection with childbirth, possibility of obtaining loans for the construction and purchase of housing services, childcare facilities, providing the employee with two or more children, flexible working hours, targeted social assistance.

Keywords: family, family policy, type of family policy, evaluation.

Поступила 15.10.2015 г.

О. Н. ФАБЛИНОВА,

Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

ИНТЕРНЕТ-КУЛЬТУРА КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ФЕНОМЕН СОВРЕМЕННОСТИ

Статья посвящена интернет-культуре как важному социальному феномену современности. Рассматриваются механизмы регулирования интернет-поведения пользователей. Отмечается регуляционная функция интернет-культуры. В публикации приводятся дефиниции интернет-культуры зарубежных и отечественных исследователей, дается авторское определение понятия, указываются меры по формированию интернет-культуры в Республике Беларусь.

Ключевые слова: механизмы регулирования интернет-поведения, интернет-культура, интернет-грамотность, интернет-безопасность, нетикет.

Активное развитие Интернета, рост числа его пользователей, омоложение интернет-аудитории, масштабность и изощренность современных интернет-угроз неизбежно приводят к постановке вопроса о важности регулирования Интернета и поведения индивидов в нем.

Механизмы регулирования интернет-поведения дифференцируются на социальные (внешние) и индивидуальные (внутренние). Под социальным механизмом, согласно определению Г. Н. Соколовой, понимается «самодостаточное средство регулирования общественно значимых отношений, выражающихся во взаимодействии между группами и общностями людей, элементами социальной структуры, различными сторонами социальных процессов в обществе», «определенный способ взаимодействия субъектов» [1, с. 274].

Социальные механизмы бывают институциональными и неинституциональными. Институциональные механизмы реализуются на государственном или организационном уровне. Регламентация деятельности субъектов в интернет-пространстве со стороны государства заключается в подготовке и принятии соответствующей нормативно-правовой базы и мер по ее соблюдению. Механизмами государственной регуляции интернет-поведения молодежи являются запрет доступа к незаконной согласно белорусскому законодательству информации, ее блокирование; введение обязательной идентификации посетителей интернет-кафе, учет и хранение их персональных данных, информации о предоставляемых услугах; использование поставщиками услуг аппаратно-программного комплекса для формирования и хранения в течение определенного временного периода сведений о посещаемых интернет-ресурсах и т. д. Механизмами организационной регуляции выступают: закрытие модератором интернет-ресурса темы обсуждения, редактирование или удаление

сообщений/тем, выставление предупреждений пользователям, их перевод в режим «только чтение» или полное закрытие для них доступа к обсуждению и т. п. Модератор может осуществлять как премодерацию, так и постмодерацию. Премодерация заключается в регулировании пользовательского контента, когда изначально он виден лишь ограниченному кругу модераторов, решающих, публиковать его или нет. Постмодерация подразумевает работу модератора (правка, удаление контента) после публикации сообщения на сайте.

Модерация закрепляет и транслирует те нормы, которые установились в интернет-сообществе, косвенно влияя на поведение индивида в Сети, осуществляя его социализацию. Кроме того, модерация может влиять на интернет-поведение напрямую. Например, запретом на публикации сообщений определенным пользователем, переводом его в режим «только чтение».

Неинституциональная регуляция интернет-поведения осуществляется посредством реакции других пользователей на поведение индивида в Сети (замечания, лайки/дизлайки, формирование норм или определенной моды и т. п.), а также «автомодерации» (голосование за/против оставленного пользователем сообщения). Неинституциональная регуляция также выполняет социализирующую функцию.

В современных быстро меняющихся реалиях, характеризующихся возникновением новых интернет-продуктов, появлением новых интернет-угроз и сложностью быстрого законодательного реагирования (ввиду объективных причин и установленных сроков на рассмотрение и принятие законопроектов), а также невозможностью решения некоторых проблем на законодательном уровне (например, проблема интернет-зависимости и роста продолжительности нахождения пользователей в Сети), особое внимание следует обратить именно на регуляцию индивидом собственного интернет-поведения. Таким образом, актуализируется значимость формирования интернет-культуры пользователей.

Стоит отметить, что на сегодняшний день нет единого понимания интернет-культуры, что свидетельствует о сложности, динамичности данного феномена, незавершенности его изучения. Так, *М. Кастельс (M. Castells)* понимал под культурой Интернета культуру (то есть «набор ценностей и убеждений, определяющих поведение человека») его создателей [2, р. 36]. По мнению ученого, интернет-культуре присуща четырехслойная иерархическая структура: 1) техномеритократическая культура; 2) культура хакеров; 3) культура виртуальной общины; 4) предпринимательская культура. Опираясь на данную структуру интернет-культуры, М. Кастельс дает ей следующее развернутое определение: «...это культура, построенная на технократической вере в прогресс человечества под воздействием технологии, принятая сообществами хакеров, развивающимися на основе свободного и открытого технологического творчества, внедренная в виртуальные сети, ставящие своей целью построение нового общества, и материализованная вдохновленными прибылью предпринимателями в творениях новой экономики» [2, р. 61].

Д. Портер (*D. Porter*), в свою очередь, отмечал, что интернет-культура является «продуктом специфических условий виртуальных знакомств, которые преобладают в онлайн, коллективной адаптацией к высокой частоте анонимных, экспериментальных и даже мимолетных встреч, знакомых всем, кто решился участвовать в телеконференциях» [3, р. XI]. М. Свенингсон (*M. Sveningsson*) указывала на то, что интернет-культура подразумевает «ценности и взгляды, которые создаются и поддерживаются в различных онлайн-режимах, позиции, которые определяют нормы и идеалы того, как действовать и взаимодействовать с людьми» [4]. Б. Дане (*B. Danet*) акцентировала внимание на том факте, что использование терминов «интернет-культура» или «виртуальная культура» в 1990-х гг. было, вероятно, вполне обоснованным. Однако она подчеркивала важность понимания следующего: интернет не монолитен и формирует скорее субкультуры, а не единую интернет-культуру, так как каждая группа пользователей с относительно постоянным составом формирует свою собственную субкультуру, которая может быть уникальна во многих отношениях [5].

Отечественные исследователи также обращались к изучению интернет-культуры, ее структуры и специфики. Так, Е. С. Ляшенко определяет интернет-культуру как «систему ценностей, эстетических норм, традиций, систему знаков, символов и смыслов, культуру обмена и хранения информации в пространстве коммуникации, культуру взаимодействия пользователей» [6, с. 99]. Е. А. Петрик отмечает, что сам по себе Интернет является своего рода обществом, обладающим собственной культурой, искусством, наукой, обычаями и стандартами поведения, а интернет-культура – это смесь культур реального мира, которые преобразованы под воздействием онлайн-мира [7, с. 50]. А. Е. Назимко трактует интернет-культуру как вариант медиакультуры, отмечая, что отдельные формы интернет-коммуникации представляют собой особые медиа-субкультуры [8]. Он также указывает на то, что современная интернет-культура больше не может рассматриваться в терминах элитарной и массовой культуры. К ней применим исключительно термин «nobrow» Дж. Сибрука (*J. Seabrook*), то есть «не высокой (*highbrow*) и не низкой (*lowbrow*) и даже не средней (*middlebrow*) культуры, а культуры, существующей вообще вне старой иерархии вкуса» [9, с. 19], так как «старые различия между высокой культурой аристократии и коммерческой культурой масс были уничтожены, и на их месте возникла иерархия “модности”» [9, с. 40]. Г. Ф. Нигматуллина дает следующее определение интернет-культуры: «...это постоянно обновляемая и вместе с тем устойчивая совокупность знаний, проявлений, достижений и творчества интернет-пользователей, их специфического языка, норм и ценностей, создаваемая их совместными усилиями в Сети, поддерживаемая социальными сообществами и являющаяся частью общей культуры общества» [10, с. 7]. И. Н. Белых рассматривает интернет-культуру как «1) совокупность всех образцов человеческой культуры, размещенных в Интернете в адаптированном под него виде и способов их передачи,

т. е. «трансляция» культуры в Интернете; 2) совокупность всех культурных действий и изменений, отраженных и происходящих в интернет-среде (но не обусловленных ею); 3) динамичный тип культуры, обусловленный развитием Интернета в его технологическом и социологическом аспектах». При этом интернет-культура включает в себя как глобальную, общечеловеческую культуру, так и локальные субкультуры, а наиболее характерными ее признаками называются ее универсальность («возможность взаимосвязи практически с любым культурным феноменом») и «отсутствие достаточно выраженного культурного ядра» [11]. *Н. А. Зиновьева* отмечала, что интернет-культура символична и может быть описана как гиперреальность в связи с ее существованием в виртуальном пространстве, возникшем из интернет-коммуникаций [12].

С точки зрения педагогики интернет-культура рассматривается *Ю. А. Якутовой* и *М. Р. Раяновым*. *Ю. А. Якутова* понимает под интернет-культурой культуру «использования возможностей Сети в процессе межличностного взаимодействия, а также необходимые умения успешного поиска, отбора и применения информации» [13, с. 237]. При этом интернет-культура представлена в виде системы, включающей три компонента: информационный, интерактивный и нормативно-поведенческий. *М. Р. Раянов* видит в интернет-культуре важный и неотъемлемый компонент общей культуры будущего преподавателя, который определяется согласно требованиям профессиональной деятельности [14] и заключается в следующих умениях: 1) успешное и целенаправленное осваивание новых технологий и программных продуктов для поиска, обобщения и использования информации в Сети; 2) использование возможностей Сети для налаживания и поддержания контактов с другими интернет-пользователями в рамках своей профессиональной деятельности; 3) использование интернет-ресурсов в процессе образования и самообразования (см.: [11]).

Таким образом, существует ряд разноплановых определений интернет-культуры, варьирующихся в зависимости от задач, стоящих перед исследователем, а также избранного им подхода. Придерживаясь *деятельностного подхода* к культуре, при котором она понимается как способ осуществления деятельности, как «система исторически развивающихся надбиологических программ человеческой деятельности» [15, с. 478], предлагаем понимать под *интернет-культурой* систематизированную совокупность знаний о сущности и роли интернет-среды, понимания своего места в ней; навыков владения интернет-технологиями; умений адекватно формулировать свои потребности в интернет-контенте и работать с ним; ценностей, убеждений в отношении использования интернет-контента и интернет-ресурсов в целом; мотивов обращения к различным интернет-ресурсам и ожиданий, обусловленных этим обращением; оценок уровня удовлетворенности интернет-контентом; готовности к определенным действиям в интернет-среде (поиску информации в Сети, ее практическому использованию и т. д.). Тем самым в структуре ин-

тернет-культуры выделяется 5 компонентов: познавательный, ценностно-нормативный, оценочный, установочный и поведенческий.

Как отмечалось ранее, в условиях интенсификации использования Интернета довольно остро стоит вопрос формирования интернет-культуры пользователей (в особенности – детей, подростков, молодежи), которая бы способствовала всестороннему развитию их творческого потенциала, налаживанию и поддержанию конструктивных коммуникаций, а также безопасному использованию широких возможностей, предоставляемых Сетью.

Тема интернет-безопасности, а также интернет-культуры подрастающего поколения не является новой для Республики Беларусь. Так, на «Детском правовом сайте» можно найти информацию об интернет-безопасности, подготовленную с учетом аудитории сайта (родителей и детей). Для родителей информация представлена в виде 10 правил безопасности детей в Интернете, в то время как для детей на сайте размещена игра «Прогулка через Дикий интернет-лес», созданная в рамках программы Совета Европы «Строим Европу для детей и вместе с детьми».

Также интернет-культура связана с формированием у индивидов особого этикета поведения в Сети – нетикета, согласно которому неприемлемыми являются оскорбления, переход на личности, преднамеренный отход от темы обсуждения, реклама и самореклама в местах, не отведенных для этого; дезинформация, клевета, плагиат, рассылка спама и т. п. Таким образом, нетикет регулирует манеры поведения в Интернете.

Важность формирования нетикета в Беларуси также признается. Так, некоторые учебные заведения Беларуси внесли тему нетикета в программу обучения (Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина, Могилевский областной государственный лицей № 3 и др.). Более того, тематика нетикета освещалась белорусским телевидением, а также популярным новостным порталом [16; 17; 18; 19].

Однако в настоящее время усилия белорусского государства все же больше направлены на формирование интернет-грамотности и компьютерной грамотности населения, то есть знаний, навыков, умений. Так, начиная со школы и заканчивая постдипломным образованием, в учебный курс включены занятия по информатике. В 2013 г. открылось первое учебное заведение для раннего обучения детей компьютерной грамотности, так называемая «IT-академия для младших школьников» [20]. Бесплатное обучение компьютерным курсам предлагается в Республиканской научно-технической библиотеке Беларуси [21]; действуют в данном направлении и общественные объединения [22]. При этом формирование интернет-грамотности – лишь часть интернет-культуры, которая включает в себя также ценностные ориентации, нормы и идеалы. Привитие этих ценностей должно стать важной задачей белорусского государства, так как только благодаря им возможно осмысленное, рациональное и безопасное поведение в Сети. В качестве мер по формированию интернет-культуры предлагается рассматривать использование возможностей

социальной рекламы и средств массовой информации, выпуск информационной и справочной литературы, проведение конкурсов, а также массовых мероприятий при участии «лидеров мнений» различных социально-демографических групп населения, разработка и внедрение в Интернете аналогов таргетинговой рекламы товаров/услуг на тему безопасного поведения в Сети и интернет-культуры, а также введение факультативных занятий/единых дней информирования по месту учебы/работы индивидов.

Литература

1. Соколова, Г. Н. Механизм социальный / Г. Н. Соколова // Экономико-социологический словарь / сост. : Г. Н. Соколова, О. В. Кобяк ; науч. ред. Г. Н. Соколова. – Минск : Беларус. навука, 2013. – С. 274–275.
2. Castells, M. The Internet galaxy: Reflections on the Internet, business, and society / M. Castells. – New York : Oxford Univ. Press, 2001. – 304 p.
3. Porter, D. Introduction / D. Porter // Internet Culture / ed. by D. Porter. – New York, 1996. – P. XI–XVIII.
4. Sveningsson, M. Understanding and Studying Internet Culture(s): Hybridity and Interdisciplinarity [Electronic resource] / M. Sveningsson // Nordicom. – 2008. – Mode of access: http://www.nordicom.gu.se/sites/default/files/kapitel-pdf/270_sveningsson_%20elm.pdf. – Date of access: 28.10.2015.
5. Danet, B. Communication and Culture on the Internet [Electronic resource] / B. Danet // Euro Ph. D. – 2002. – Mode of access: http://www.euophd.eu/html/_onda02/04/ss8/pdf_files/lectures/Danet_culture_Internet.pdf. – Date of access: 25.10.2015.
6. Ляшенко, Е. С. Семиотический аспект интернет-культуры / Е. С. Ляшенко // Гуманитар. вектор. Сер. Педагогика. Психология. – 2011. – № 2. – С. 99–105.
7. Петрик, Е. А. Интернет-маркетинг / Е. А. Петрик. – М. : Моск. финанс.-пром. акад., 2004. – 299 с.
8. Назимко, А. Е. Web 2.0: между массовой и элитарной культурой [Электронный ресурс] / А. Е. Назимко // Интелрос. – 2009. – Режим доступа: http://www.intelros.ru/pdf/mediafilosofia_2/11.pdf. – Дата доступа: 29.10.2015.
9. Сибрук, Дж. Nobrow. Культура маркетинга. Маркетинг культуры / Дж. Сибрук ; пер. с англ. В. Козлова. – М. : Ad Margem, 2005. – 304 с.
10. Нигматуллина, Г. Ф. Культура российских интернет-сообществ в условиях становления информационного общества : автореф. дис. ... канд. социол. наук : 22.00.06 / Г. Ф. Нигматуллина ; Тюмен. гос. нефтегазовый ун-т. – Тюмень, 2011. – 23 с.
11. Белых, И. Н. К вопросу об определении феномена «интернет-культура» [Электронный ресурс] / И. Н. Белых // Красноярский государственный аграрный университет. – 2015. – Режим доступа: <http://www.kgau.ru/new/all/konferenc/konferenc/2015/g9.pdf>. – Дата доступа: 28.10.2015.
12. Зиновьева, Н. А. Анализ процесса конструирования смысла Интернет-мема [Электронный ресурс] / Н. А. Зиновьева // Дискуссия. Политематический журнал научных публикаций. – 2013. – № 9. – Режим доступа: <http://www.journal-discussion.ru/publication.php?id=23>. – Дата доступа: 29.10.2015.
13. Якутова, Ю. А. Интернет-культура: сущность, структура, основы формирования / Ю. А. Якутова // Науч. проблемы гуманитар. исслед. – 2011. – № 9. – С. 235–241.
14. Раянов, М. Р. Формирование интернет-культуры будущего учителя : дис. ... канд. пед. наук : 13.00.01 [Электронный ресурс] / М. Р. Раянов // Веста. Электронная библиотека. – 2004. – Режим доступа: <http://www.lib.ua-ru.net/diss/cont/115226.html>. – Дата доступа: 28.10.2015.
15. Абушенко, В. Л. Культура / В. Л. Абушенко // Социология : энцикл. / сост. А. А. Грицаков [и др.]. – Минск, 2003. – С. 478–480.

16. *Сохор, И. Л.* Контрольная работа по дисциплине «Информационные технологии» для студентов 1 курса (ОЗО) специальности «Правоведение» [Электронный ресурс] / И. Л. Сохор. – 2014. – Режим доступа: http://lab314.brsu.by/sil/sil_IT/sil_IT/sil_materials/sil_KR/files/assets/downloads/sil_KR.pdf. – Дата доступа: 03.09.2015.

17. Меры безопасности и правила сетевого этикета [Электронный ресурс] // Могилевский государственный областной лицей № 3. – 2012. – Режим доступа: <http://www.mgol3.mogilev.by/node/54>. – Дата доступа: 03.09.2015.

18. *Бельмач, О.* Как правильно вести себя и общаться в Интернете. Изучаем нетикет [Электронный ресурс] / О. Бельмач // Столичное телевидение. – 2012. – Режим доступа: <http://www.ctv.by/kak-pravilno-vesti-sebya-i-obshchatsya-v-internete-izuchaem-netiket>. – Дата доступа: 03.09.2015.

19. *Щетько, Н.* ИТ-ликбез. Сетевой этикет [Электронный ресурс] / Н. Щетько // tut.by. – 2010. – Режим доступа: <http://42.tut.by/190010>. – Дата доступа: 03.09.2015.

20. *Карнас, Е.* В программисты – с первого класса! [Электронный ресурс] / Е. Карнас // Знамя юности. – 2013. – Режим доступа: <http://zn.sb.by/obrazovanie-i-nauka-2/article/v-programmisty-s-pervogo-klassa.html>. – Дата доступа: 21.09.2015.

21. Бесплатный доступ к информационным ресурсам Интернет для читателей РНТБ [Электронный ресурс] // Республиканская научно-техническая библиотека Беларуси. – 2015. – Режим доступа: <http://rlst.org.by/internet-centr/53-internet-centr.html>. – Дата доступа: 10.09.2015.

22. Гродненская молодежная общественная организация «Модем» [Электронный ресурс] / Бюро социальной информации. – 2012. – Режим доступа: http://ru.belbsi.by/rights/social_belarus/organizations?oid=4646. – Дата доступа: 21.06.2015.

O. N. FABLINOVA

INTERNET CULTURE AS A SOCIAL PHENOMENON OF MODERNITY

Summary

The article is devoted to the Internet culture as an important social phenomenon of our time. The mechanisms of regulation of Internet users behavior are described and regulating function of Internet culture is marked in the article. The definitions of Internet culture of foreign and domestic reseachers in the publication as well as the author's definition of Internet culture are given. The measures for Internet culture formation in the Republic of Belarus are specified.

Keywords: regulation mechanisms of Internet behavior, Internet culture, Internet literacy, Internet safety, netiquette.

Поступила 30.10.2015 г.

С. В. КАРГАПОЛОВ,

магистрант Астраханского государственного института, г. Астрахань

Е. В. КАРГАПОЛОВА,

доктор социологических наук, профессор,

Астраханский инженерно-строительный институт, г. Астрахань

**ЭЛЕКТРОННЫЕ СРЕДСТВА КОММУНИКАЦИИ
В СОЦИАЛЬНЫХ ПРАКТИКАХ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ
(ПО МАТЕРИАЛАМ КОНКРЕТНОГО СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО
ИССЛЕДОВАНИЯ)**

На основе результатов конкретного социологического исследования в Астрахани и Волгограде представлен анализ степени влияния электронных средств коммуникации на социальные практики современной молодежи. Отмечается расширение функционала новых информационных технологий – из средств коммуникации и хранения информации они превращаются в сущностную характеристику современной жизни. Этот процесс протекает с различной скоростью в различных социальных группах, что демонстрируют расхождения результатов «астраханской» и «волгоградской» частей массива.

Ключевые слова: электронные средства коммуникации, социальные практики, молодежь, конкретное социологическое исследование.

В истории человечества зачастую можно было наблюдать факты неожиданных социальных последствий, к которым приводили новые технические открытия и изобретения. С подобной ситуацией мы сталкиваемся и сейчас в связи со стремительным появлением и развитием новых электронных средств коммуникации. Их функционал эволюционирует от простого и удобного средства общения, хранилища информации к сущностным изменениям, которые пронизывают все содержание социальной жизни, всю совокупность связей и взаимодействий индивидов, социальных групп, ценностей, норм. Далее, по мнению некоторых исследователей, человечество ждет не только качественно новая социальная, но и антропологическая, и онтологическая реальность. Так, А. С. Нариньяни считает, что в недалеком будущем место сегодняшнего среднестатистического Homo Sapiens займет в пределах прежней биологической принадлежности новый вид – eHOMO, развивающийся за счет симбиоза с продуктами стремительно развивающихся сверхвысоких технологий [1, с. 51]. Как отмечает С. В. Лещев, «за короткий период, начиная с первых электронных вычислительных машин, искусственно-интеллектуальных исследований и до эпохи НБИК-медиатизации, интернета вещей и больших данных сформировалась новая онтология, новое царство объективного, субъективного и интерсубъективного» [2, с. 5].

В связи с этим актуализируется проблема выявления степени и последствий влияния новых информационных технологий на различные группы людей – демографические, профессиональные, территориальные и т. п. Под руководством и непосредственном участии авторов в мае 2014 г. было проведено конкретное социологическое исследование методом анкетирования среди студентов Астраханского инженерно-строительного института ($N = 300$, среди них юношей – 55,5 %, девушек – 44,5 %) [3; 4]. В марте 2015 г. по этой же методике были опрошены студенты Волгограда ($N = 450$, из них юношей – 58,4 %, девушек – 39,8 %).

Результаты исследования показали, что у студентов Астрахани среди источников получения информации Интернет не просто лидировал, а более чем в два раза обгонял телевидение (90,6 % против 44,9 %). На третьем месте, уступая Интернету по количеству выборов практически в 2,5 раза, располагались родственники, друзья, коллеги (37,1 %); на четвертом месте, уступая уже практически в четыре раза, – книги (24,1 %). Радио указали только 9,4 % опрошенных, профессиональные и научно-популярные журналы – только 5,7 % (табл. 1).

Таблица 1. Источники получения информации у студентов

Ответы опрошенных на вопрос: «Из каких источников Вы преимущественно получаете интересующую Вас информацию?»	% от числа опрошенных	
	Астрахань	Волгоград
Телевидение	44,9	35,6
Интернет	90,6	95,4
Родственники, друзья, коллеги	37,1	46,9
Пресса (газеты, журналы)	10,6	10,6
Радио	9,4	8,4
Книги	24,1	27,4
Профессиональные и научно-популярные журналы	5,7	7,7
Не знаю	0,0	0,2
Отказ от ответа	0,0	0,0

Результаты опроса студентов Волгограда демонстрируют следующую картину: количество опрошенных, выбравших Интернет в качестве источника информации, увеличилось до 95 %, а выбравших телевидение снизилось практически на 10 %. Объяснить подобную динамику возможно как влиянием фактора времени (разница в проведении исследования в эпоху стремительного развития технологий становится существенной), так и фактора пространства (Волгоград – город-миллионник, а численность населения Астрахани – около 500 тыс. [5]).

Что касается снижения выборов телевидения, то современные 18-летние «называют себя посттелевизионным поколением, в некоторых кругах признание “я смотрю телевизор” оценивается как “черная метка” на репутации» [6, с. 5]. Современная эпоха характеризуется «наступлением» новых медиа – медиа на основе цифровых технологий, способных «поддерживать максимально интерактивные и персонализированные коммуникации» [7, с. 4]. При

этом разница более чем в два раза в выборе межличностного круга взаимопонимания в пользу этих самых «новых медиа» в обоих городах очевидна. Возможно, что в условиях трудовой сверхзанятости родителей современной России, пытающихся хоть как-то просто прокормить семью, дисфункции воспитания в образовательных учреждениях, ребенок или подросток зачастую остается наедине с Интернетом.

По частоте использования у астраханцев первые три места занимают мобильный телефон, Интернет и компьютер (93,9 %, 91,8 % и 86,1 % выбравших вариант «раз в день и чаще» соответственно). На четвертом месте – социальные сети, которые раз в день и чаще посещают уже 74,7 % молодых людей. Существенно уступают электронное правительство (студенты зачастую не знали вообще, что это такое. Отсюда, вероятно, более 40 % затруднившихся и отказавшихся ответить). Электронными платежами и сеансами голосового общения пользуются при этом более 50 % опрошенных при частоте в основном раз в месяц и раз в неделю (табл. 2).

**Таблица 2. Ответы студентов на вопрос:
«Как часто вы пользовались в последний год...?» (% от опрошенных)**

Вариант ответа	Раз в день и чаще		Раз в неделю		Раз в месяц		Раз в полгода		Реже чем раз в год		Затрудняюсь ответить		Отказ от ответа	
	Астрахань	Волгоград	Астрахань	Волгоград	Астрахань	Волгоград	Астрахань	Волгоград	Астрахань	Волгоград	Астрахань	Волгоград	Астрахань	Волгоград
Компьютер	86,1	91,4	8,2	5,3	0,8	0,9	0,4	0,2	1,2	0,2	0,4	0,7	2,9	0,7
Интернет	91,8	96,0	5,3	1,8	0,4	0,2	0,0	0,2	0,8	0,2	0,4	0,7	1,3	0,2
Мобильный телефон	93,9	94,9	0,8	2,2	0,4	0,2	0,0	0,2	0,8	0,0	0,8	1,5	3,3	0,2
Социальные сети	74,7	90,5	10,6	5,1	4,9	0,4	1,2	0,7	3,3	0,2	2,0	2,2	3,3	0,7
Электронное правительство	3,7	3,8	7,8	6,9	17,1	12,2	11,4	12,4	16,7	18,6	24,1	31,9	19,2	9,5
Электронные платежи, покупки	5,3	6,6	18,0	16,6	28,2	36,9	13,9	14,4	13,1	13,5	10,2	6,6	11,3	2,4
Сеансы голосового общения через Интернет (скайп и т. д.)	11,8	20,8	18,4	26,5	27,8	20,6	14,7	11,7	12,2	10,4	5,7	5,5	9,4	2,0

Примечание: сумма превышает 100 %, поскольку один опрошенный мог дать несколько ответов одновременно.

Сравнительный анализ результатов по этому вопросу с «волгоградской» частью массива опрошенных показал, что иерархия ответов по частоте пользования электронными средствами коммуникации сохраняется. Отличия касаются, также как и в случае с источниками информации, количества выбо-

ров. Так, на 5,3 % больше, чем у астраханцев, количество ответивших, что они пользуются компьютером раз в день и чаще, на 5,2 % больше – Интернетом, на 9 % – сеансами голосового общения через Интернет (скайп и т. д.). На 8,7 % больше количество совершающих электронные покупки и платежи один раз в месяц.

Но больше всего обращает на себя внимание рекордное (на 15,8 %) повышение у волгоградцев выборов варианта ответа «раз в неделю и чаще» в использовании социальных сетей, что свидетельствует о стремительном расширении функционала Интернета – из хранилища информации к такому средству коммуникации, которое незаметно и зачастую превращается в эрзац непосредственного межличностного общения по достаточно жестким и примитивным правилам, задаваемым Сетью. Между тем, как отмечает Е. Г. Ефимов, «молодежь является главной группой риска в пространстве социальных сетей» [8, с. 36].

При этом об электронном правительстве волгоградцы (жители большого города) «знают» также, как и астраханцы, – также около 40 % затруднившихся и отказавшихся от ответа. Эти ответы демонстрируют последствия тенденции к развлекательности в СМИ в противовес реальному политическому участию. Интернет «существенно влияет на формирование социального пространства, настраивая коммуникативное поле взаимодействия граждан в рамках межличностной, внутригрупповой и массовой коммуникации. Глобальная информационная сеть открывает широкие возможности для диалога власти и общества в сети с целью содействия привлечения граждан к процессу принятия решений, их участия в управлении и развитии процесса демократизации... Процесс информатизации, с одной стороны, дает импульс к возрастанию степени зрелости общественных отношений, открытости общественного устройства, действенности общественного мнения, с другой – предоставляет возможности для манипуляции общественным сознанием» [9, с. 134–135]. Интернет становится средством политической манипуляции. Данные опроса молодежи Волгограда в 2011 г. также иллюстрируют невысокую степень доверия (76 % по сумме ответивших «скорее доверяю» и «не всегда доверяю») информации, расположенной на электронных порталах органов власти Волгоградской области и Волгограда, что обуславливает низкую посещаемость этих ресурсов. «Причиной недоверия может служить представление СМИ и интернет-источников для популяризации деятельности властных структур (с данным утверждением согласились 58 % опрошиваемых)», – отмечает С. Г. Лагутин [10, с. 53].

Наиболее удобно пользоваться студентам Интернетом, мобильным телефоном и компьютером. Оценка удобства этими электронными средствами связи превышает 9 баллов по десятибалльной шкале (табл. 3). Студенты Волгограда более критично, чем студенты Астрахани, оценивают удобство их использования, но удобство пользования компьютером – чуть больше, чем мобильным телефоном. Далее с большими отрывами друг от друга следуют

социальные сети, сеансы голосового общения через Интернет (скайп и т. д.) и электронные платежи, покупки. И опять же волгоградцам более удобно, чем астраханцам, пользоваться социальными сетями, скайпом и совершать электронные покупки и платежи. Удобство пользования электронным правительством студенты оценили ниже всего (4,33 балла астраханцы и 4,44 балла волгоградцы). И, как видим, в этом случае волгоградцы чуть менее критичны, чем астраханцы.

Таблица 3. Удобство пользования электронными средствами связи (2014 г.)

Ответы студентов на вопрос: «Насколько удобно для Вас пользование...?»	Средний балл	
	Студенты Астрахани	Студенты Волгограда
Интернет	9,52	9,44
Мобильный телефон	9,39	9,17
Компьютер	9,31	9,22
Социальные сети	8,27	8,51
Сеансы голосового общения через Интернет (скайп и т. д.)	7,06	7,44
Электронные платежи, покупки	6,24	7,00
Электронное правительство	4,33	4,44

Таким образом, в повседневной жизни молодежь достаточно активно пользуется электронными средствами коммуникации как достаточно простым, удобным и мобильным по скорости получения и передачи информации, совершения сделок инструментом. Но, кроме этого, мы также наблюдаем процесс стремительного распространения среди молодежи новых масс-медиа, основанных на максимально индивидуализированных коммуникациях, что может приводить к вытеснению непосредственного межличностного общения и создает дополнительные социальные риски. Вероятно, этот процесс протекает быстрее в крупных городах, что в какой-то степени подтверждается различиями между «волгоградской» и «астраханской» частями массива.

Литература

1. Нариньяни, А. С. eНОМО – два в одном (Нomo Sapience в ближайшей перспективе) / А. С. Нариньяни // Открытое образование. – 2005. – № 2. – С. 51–61.
2. Лещев, С. В. Электронная культура и виртуальная реальность: третья цифровая волна НБИК-парадигмы / С. В. Лещев // Вестн. гуманитар. фак. Иванов. гос. хим.-технол. ун-та. – 2014. – Вып. 7. – С. 5–9.
3. Каргаполов, С. В. Менталитет молодежи региона в условиях информационной модернизации / С. В. Каргаполов // Социокультурные и природно-ресурсные факторы сбалансированности модернизации регионов России : материалы X Всерос. науч.-практ. конф. по программе «Социокультурная эволюция России и ее регионов», г. Пермь, 14–17 окт. 2014 г. – Пермь, 2014. – С. 331–337.
4. Дулина, Н. В. Интернет-культура и идентификационные практики личности / Н. В. Дулина, С. В. Каргаполов // Дыльновские чтения «Российская идентичность: состояние и перспективы» : материалы науч.-практ. конф., г. Саратов, 12 февр. 2015 г. – Саратов, 2015. – С. 30–33.

5. Регионы России. Основные социально-экономические показатели городов [Электронный ресурс]. – 2012. – М., 2014. – Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/regl/b12_14t/IssWWW.exe/Stg/yug/1-01.htm. – Дата доступа: 01.06.2015.

6. *Сергеева, О. В.* Домашний телевизор. Экранная культура в пространстве повседневности / О. В. Сергеева. – СПб. : Изд-во С.-Петерб. гос. ун-та, 2009. – 162 с.

7. *Сергеева, О. В.* Повседневность новых медиа / О. В. Сергеева. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2010. – 202 с.

8. *Ефимов, Е. Г.* Повседневные риски в социальных сетях / Е. Г. Ефимов // Дыльновские чтения «Повседневная жизнь россиян: социологический дизайн» : материалы науч.-практ. конф. – Саратов : Наука, 2014. – С. 36–39.

9. *Арефьева, А. И.* Влияние интернета на процессы, происходящие в обществе и политике / А. И. Арефьева, Л. Ф. Погорельченко, А. Е. Песков // Социокультурные исследования : межвуз. сб. науч. тр. – Вып. 18–19. – Волгоград : Волгогр. науч. изд-во, 2013. – С. 134–139.

10. *Лагутин, С. Г.* К вопросу информационной открытости взаимодействия органов власти местного самоуправления с населением: социологический анализ / С. Г. Лагутин // Изв. Волгогр. гос. техн. ун-та : межвуз. сб. науч. ст. – 2014. – № 16 (132). – С. 51–56.

S. V. KARGAPOLOV, E. V. KARGAPOLOVA

**ELECTRONIC MEANS OF COMMUNICATION
IN THE SOCIAL PRACTICES OF TODAY'S YOUTH
(BASED ON SPECIFIC CASE STUDY)**

Summary

On the basis of a specific case study in Astrakhan and Volgograd the analysis of the degree of influence of electronic means of communication in the social practices of today's youth is presented. The authors observed increased functionality of new information technologies, that is, from communications and information storage to a new social reality in which communication often becomes an end in itself. This process takes place at different speeds in different social groups, demonstrating the divergence of results, "Astrakhan" and "Volgograd" array.

Keywords: electronic means of communication, social practices, youth, specific case study.

Поступила 03.10.2015 г.

СОЦИАЛЬНАЯ ЭКОЛОГИЯ

УДК 351.78:614.8.01

Т. Б. МЕЛЬНИЦКАЯ,

*доктор психологических наук, профессор,
ФГБУ «Всероссийский научно-исследовательский институт
по проблемам гражданской обороны и чрезвычайных ситуаций», г. Москва*

Т. В. БЕЛЫХ,

*кандидат психологических наук,
НОУ ДПО «Центральный институт повышения квалификации Госкорпорации «Росатом»,
г. Обнинск*

ОЦЕНКА УРОВНЯ ИНФОРМИРОВАННОСТИ ГРАЖДАН РОССИИ И БЕЛАРУСИ ПО ПРОБЛЕМАМ ПРОЖИВАНИЯ НА ТЕРРИТОРИЯХ, ПОСТРАДАВШИХ В РЕЗУЛЬТАТЕ АВАРИИ НА ЧАЭС

Представлены результаты оценки уровня информированности граждан России и Беларуси из числа нуждающихся в дополнительной информации по проблемам проживания на территориях, пострадавших в результате аварии на ЧАЭС. Определена полнота информации о специфике проживания на радиоактивно загрязненных территориях, потребность населения в дополнительной информации по вопросам особенностей проживания на радиоактивно загрязненных территориях, выявлены информационные потребности, степень доверия источникам информации о специфике проживания на радиоактивно загрязненных территориях, а также степень их удобства для респондентов. Полученные результаты исследования целесообразно учитывать при организации постоянной работы с населением России и Беларуси, проживающим на радиоактивно загрязненных территориях, важнейшей составляющей которой является информационная деятельность.

Ключевые слова: радиоактивно загрязненные территории, уровень информированности граждан из числа нуждающихся в дополнительной информации по проблемам проживания на территориях, пострадавших в результате аварии на ЧАЭС.

Крупномасштабная радиационная авария на Чернобыльской атомной электростанции (ЧАЭС) выдвинула проблему информационно-психологической защиты населения России и Беларуси, проживающего на радиоактивно загрязненных территориях (РЗТ), от неадекватной психотравмирующей информации, связанной с возможным воздействием радиационного фактора [1; 2; 3].

Под информационно-психологической защитой понимается система мероприятий, направленных на минимизацию отрицательных переживаний, связанных с социально-психологическими проблемами, которые ставят под угрозу целостность отдельной личности или жизнедеятельность общества в целом [4].

Целенаправленное и квалифицированное определение баланса частоты, интенсивности и содержания информации, поступающей населению РЗТ, выполняет важную социальную функцию и положительно влияет на уровень социально-психологической напряженности населения [1; 3; 4; 5].

С целью проведения единой информационной политики по проблемам проживания на РЗТ реализуется Программа совместной деятельности по преодолению последствий чернобыльской катастрофы в рамках Союзного государства на период до 2016 года (постановление Совета Министров Союзного государства от 24 мая 2013 г. № 2).

В рамках реализации данной программы проводится оценка уровня информированности граждан России и Беларуси из числа нуждающихся в дополнительной информации по проблемам проживания на территориях, пострадавших в результате аварии на ЧАЭС.

Материал и методы исследования

Исследование проводилось на территориях Гомельской области (Беларусь) и Брянской области (Россия) в 2014–2015 гг. В исследовании приняли участие 480 человек в возрасте от 16 до 78 лет, проживающие на РЗТ и радиоактивно незагрязненных территориях (РНТ) России и Беларуси.

Характеристики выборки¹ представлены в табл. 1.

Таблица 1. Характеристики выборки исследования

Категория выборки	Россия N = 99		Беларусь N = 381	
	n_1	%	n_2	%
Пол				
Женский	56	56,6	210	55,1
Мужской	43	43,4	171	44,9
Возрастные группы				
16–29 лет	20	20,2	69	18,1
30–55 женщины, 30–60 мужчины	44	44,4	202	53,0
Старше 55 женщины, старше 60 мужчины	35	35,4	110	28,9

Примечание (здесь и далее по тексту): N – общее число опрошенных респондентов; n – число опрошенных респондентов в данной обследованной группе; % – процентная доля респондентов данной обследованной группы от общего числа опрошенных.

Исследование проводилось с применением «Методики оценки уровня информированности граждан из числа нуждающихся в дополнительной информации по проблемам проживания на территориях, пострадавших в результате аварии на ЧАЭС». Данная методика была разработана в рамках «Программы

¹ Квотная выборка исследования. Исследование проводилось в рамках ежегодного мониторинга социально-психологического состояния населения РЗТ России и Беларуси с заданным количеством респондентов.

совместной деятельности по преодолению последствий чернобыльской катастрофы в рамках Союзного государства на период до 2016 года» в ходе развития единого организационно-методического обеспечения российско-белорусской системы дистанционного консультирования и информирования населения радиоактивно загрязненных территорий России и Беларуси.

Результаты исследования

Оценка полноты информации о специфике проживания на загрязненных территориях у населения РЗТ и РНТ Брянской области (Россия).

Полученные данные свидетельствуют о том, что лишь 1,4 % опрошенных на РЗТ и 3,4 % опрошенных на РНТ обладают исчерпывающей информацией о специфике проживания на загрязненных территориях, большая часть респондентов обладает неполной информацией (87,1 % на РЗТ и 82,8 % на РНТ) и около десятой части опрошенных (11,5 % на РЗТ и 13,8 % на РНТ) не имеют никакой информации о специфике проживания на РЗТ.

Результаты оценки полноты информации о специфике проживания на РЗТ Брянской области в зависимости от возраста респондентов представлены в табл. 2.

Таблица 2. Результаты оценки полноты информации о специфике проживания на РЗТ Брянской области в зависимости от возраста респондентов

Вариант ответа	Молодой возраст (n_1)		Средний возраст (n_2)		Старший возраст (n_3)		Уровень значимости различий ($p <$)		
	X_1	S_{p1}	X_2	S_{p2}	X_3	S_{p3}	n_1/n_2	n_2/n_3	n_1/n_3
Исчерпывающая информация	5,0	2,9	0	0	2,9	2,3	–	–	–
Неполная информация	55,0	7,0	93,2	3,6	94,3	3,3	0,001	–	0,001
Не имею никакой информации	40,0	1,3	6,8	0,7	2,8	0,4	0,010	–	0,010

Согласно полученным данным, представители среднего и старшего возраста в значительно большей степени осведомлены о специфике проживания на РЗТ, чем молодежь. Так, среди молодежи значительно чаще, чем среди других возрастных групп, встречаются жители, не имеющие никакой информации о специфике проживания на РЗТ (на уровне значимости $p < 0,010$).

Анализ данных с помощью статистического критерия φ^* – углового преобразования Фишера показал, что значимые различия в полноте информации о специфике проживания на РЗТ в зависимости от пола респондентов, проживающих в Брянской области, отсутствуют.

Оценка полноты информации о специфике проживания на РЗТ у населения Гомельской области (Беларусь).

Полученные данные свидетельствуют о том, что 25,9 % опрошенных на РЗТ и 31,6 % опрошенных на РНТ Гомельской области обладают исчерпывающей информацией о специфике проживания на загрязненных территориях,

большая часть респондентов обладает неполной информацией (34,2 % на РНТ и 58,5 % на РЗТ) и 15,6 % респондентов, проживающих на РЗТ, и 34,2 % респондентов, проживающих на РНТ, не имеют никакой информации.

Существуют статистически значимые различия в полноте информации о специфике проживания на загрязненных территориях у населения РЗТ и РНТ Гомельской области. Так, количество респондентов из РЗТ, обладающих неполной информацией, значительно больше, чем количество респондентов из РНТ (на уровне значимости $p < 0,010$). В свою очередь, на РНТ значительно больше жителей не имеют никакой информации, чем на РЗТ (на уровне значимости $p < 0,010$).

Результаты оценки полноты информации о специфике проживания на РЗТ Гомельской области (Беларусь) в зависимости от возраста респондентов представлены в табл. 3.

Таблица 3. Результаты оценки полноты информации о специфике проживания на РЗТ Гомельской области в зависимости от возраста респондентов

Вариант ответа	Молодой возраст (n_1)		Средний возраст (n_2)		Старший возраст (n_3)	
	X_1	S_{p1}	X_2	S_{p2}	X_3	S_{p3}
Исчерпывающая информация	29,4	6,3	27,9	6,2	22,0	5,7
Неполная информация	57,4	6,9	55,2	7,0	56,9	7,0
Не имею никакой информации	13,2	0,9	16,9	1,0	21,1	1,1

Анализ данных с помощью критерия ϕ^* – углового преобразования Фишера показал, что статистически значимые различия в полноте информации о специфике проживания на РЗТ в зависимости от возраста и пола респондентов, проживающих в Гомельской области (Беларусь), отсутствуют.

Структура информационных потребностей у населения Брянской области (Россия) и Гомельской области (Беларусь).

Рейтинг информационных потребностей у населения РЗТ и РНТ Брянской области представлен в табл. 4.

Первое место в рейтинге информационных потребностей по степени их необходимости для населения Брянской области обеих зон проживания оказалась информация об экологической ситуации в регионе (41,4 % – 74,3 %). Причем, данная информационная потребность в значительно большей степени выражена у жителей РЗТ (на уровне значимости $p < 0,001$).

Для жителей РЗТ Брянской области наиболее актуальной также является информация о влиянии радиации на здоровье людей и здоровье будущих поколений (72,9 %). Причем заинтересованность данным вопросом у жителей РНТ Брянской области значительно ниже – 27,6 % (на уровне значимости $p < 0,001$).

Таблица 4. Рейтинг информационных потребностей у населения РЗТ и РНТ Брянской области

Вариант ответа	РЗТ		РНТ		Сравниваемые группы, достоверность различий ($p <$)
	X_1	S_{p1}	X_2	S_{p2}	
Об экологической ситуации в регионе	74,3	6,0	41,4	6,8	0,001
О влиянии радиации на здоровье людей и здоровье будущих поколений	72,9	6,3	27,6	6,3	0,001
По вопросам радиационной безопасности и состояния пострадавших территорий	18,6	1,0	41,4	1,3	0,001
О деятельности органов власти	15,7	0,9	31,0	1,2	0,050
Нормативно-правовая информация по вопросам реабилитации населения и территорий	2,9	0,5	10,3	0,8	–
Технологии и рекомендации по ведению хозяйственной деятельности на загрязненных территориях	1,4	0,3	3,4	0,5	–

В свою очередь, жители РНТ Брянской области высказали заинтересованность в получении информации по вопросам радиационной безопасности и состояния пострадавших территорий (31,0 %) и о деятельности органов власти (41,4 %). Жителей РЗТ Брянской области данные вопросы интересуют значительно меньше (на уровне значимости $p < 0,001$ и $p < 0,050$ соответственно).

Рейтинг информационных потребностей по степени их необходимости для населения Брянской области различных возрастных групп представлен в табл. 5.

Таблица 5. Рейтинг информационных потребностей по степени их необходимости для населения Брянской области различных возрастных групп

Вариант ответа	Молодой возраст (n_1)		Средний возраст (n_2)		Старший возраст (n_3)		Уровень значимости различий ($p <$)		
	X_1	S_{p1}	X_2	S_{p2}	X_3	S_{p3}	n_1/n_2	n_2/n_3	n_1/n_3
Об экологической ситуации в регионе	50,0	6,9	63,6	6,6	74,3	6,0	0,050	0,050	0,010
О влиянии радиации на здоровье людей и здоровье будущих поколений	40,0	6,9	61,4	6,9	68,6	6,6	0,010	–	0,001
По вопросам радиационной безопасности и состояния пострадавших территорий	30,0	1,2	25,0	1,2	22,9	1,1	–	–	–
О деятельности органов власти	25,0	1,1	22,7	1,1	14,3	0,9	–	–	0,050
Нормативно-правовая информация по вопросам реабилитации населения и территорий	0	0	6,8	0,7	5,7	0,6	–	–	–
Технологии и рекомендации по ведению хозяйственной деятельности на загрязненных территориях	0	0	2,3	0,4	2,9	0,5	–	–	–

Согласно полученным данным, всех опрошенных в Брянской области вне зависимости от возраста в наибольшей степени (1-е ранговое место) интересует информация об экологической ситуации в регионе (50,0 % – 74,3 %) и информация о влиянии радиации на здоровье людей и здоровье будущих поколений (40,0 % – 68,6 %), причем обеспокоенность данным вопросом значительно возрастает с увеличением возраста респондентов.

Деятельность органов власти в наибольшей степени интересна молодежи (25,0 %), в меньшей степени – пожилым людям (14,3 %). То есть интерес к деятельности органов власти с увеличением возраста уменьшается.

Согласно результатам проведенного анализа, выраженность информационных потребностей у мужчин и женщин не различается, за исключением потребности в информации о влиянии радиации на здоровье людей и здоровье будущих поколений, которая у мужчин выше, чем у женщин (на уровне значимости $p < 0,050$).

Структура информационных потребностей у населения Гомельской области (Беларусь).

Рейтинг информационных потребностей у населения РЗТ и РНТ Гомельской области представлен в табл. 6.

Таблица 6. Рейтинг информационных потребностей у населения РЗТ и РНТ Гомельской области

Вариант ответа	РЗТ		РНТ		Сравниваемые группы, достоверность различий ($p <$)
	X_1	S_{p1}	X_2	S_{p2}	
Об экологической ситуации в регионе	35,3	6,6	35,9	6,6	–
О влиянии радиации на здоровье людей и здоровье будущих поколений	60,0	6,9	71,8	6,4	0,050
По вопросам радиационной безопасности и состояния пострадавших территорий	24,7	1,2	7,7	0,7	0,050
Технологии и рекомендации по ведению хозяйственной деятельности на загрязненных территориях	20,0	1,1	10,3	0,8	–
Нормативно-правовая информация по вопросам реабилитации населения и территорий	14,4	0,9	20,5	1,1	–
О деятельности органов власти	13,5	0,9	5,1	0,6	–

Первое место в рейтинге информационных потребностей по степени их необходимости для населения Гомельской области обеих зон проживания занимает информация о влиянии радиации на здоровье людей и здоровье будущих поколений (60,0 % – 71,8 %), причем данная потребность в большей степени выражена у жителей РНТ, чем у жителей РЗТ (на уровне значимости $p < 0,050$). Второе ранговое место в рейтинге информационных потребностей населения обеих зон проживания занимает информация об экологической ситуации в регионе (35,3 % – 35,9 %).

Таблица 7. Рейтинг информационных потребностей по степени их необходимости для населения различных возрастных групп Гомельской области

Вариант ответа	Молодой возраст (n_1)		Средний возраст (n_2)		Старший возраст (n_3)		Уровень значимости различий ($p <$)		
	X_1	S_{p1}	X_2	S_{p2}	X_3	S_{p3}	n_1/n_2	n_2/n_3	n_1/n_3
О влиянии радиации на здоровье людей и здоровье будущих поколений	71,0	6,2	56,9	6,8	63,0	6,6	0,050	–	0,050
Об экологической ситуации в регионе	31,9	6,6	34,7	6,7	38,9	6,9	–	–	–
По вопросам радиационной безопасности и состояния пострадавших территорий	27,5	1,2	22,8	1,1	20,4	1,1	–	–	–
Технологии и рекомендации по ведению хозяйственной деятельности на загрязненных территориях	21,7	1,1	22,3	1,1	11,1	0,8	–	0,050	0,050
Нормативно-правовая информация по вопросам реабилитации населения и территорий	20,3	1,1	18,8	1,1	4,6	0,6	–	0,050	0,050
О деятельности органов власти	5,8	0,6	12,9	0,9	16,7	1,0	0,050	–	0,050

Информация по вопросам радиационной безопасности и состояния пострадавших территорий наиболее интересна жителям РЗТ (24,7 %), чем жителям РНТ (на уровне значимости $p < 0,050$).

Рейтинг информационных потребностей по степени их необходимости для населения различных возрастных групп Гомельской области представлен в табл. 7.

Согласно полученным данным, в информации о влиянии радиации на здоровье людей и здоровье будущих поколений в наименьшей степени заинтересованы представители среднего возраста, в значительно большей степени – молодежь (на уровне значимости $p < 0,050$).

Наблюдается обратная зависимость между возрастом респондентов и потребностью в информации по вопросам радиационной безопасности и состояния пострадавших территорий: данная потребность уменьшается с увеличением возраста респондентов.

Нормативно-правовая информация по вопросам реабилитации населения и территорий, а также информация о технологиях и рекомендациях по ведению хозяйственной деятельности в большей степени интересна молодым людям и представителям среднего возраста, чем пожилым людям (на уровне значимости $p < 0,050$).

Выявлена также прямая зависимость между возрастом респондентов и заинтересованностью в информации о деятельности органов власти: данная потребность увеличивается с увеличением возраста респондентов.

Согласно результатам проведенного анализа, выраженность информационных потребностей у мужчин и женщин, проживающих в Гомельской области, не различается.

Оценка степени доверия населения Брянской (России) и Гомельской областей (Беларуси) источникам информации в вопросах, связанных со спецификой проживания на РЗТ.

Рейтинг лиц, вызывающих доверие в вопросах, связанных со спецификой проживания на загрязненных территориях, у населения РЗТ и РНТ Брянской области, представлен в табл. 8.

Таблица 8. Рейтинг лиц, вызывающих доверие в вопросах, связанных со спецификой проживания на загрязненных территориях, у населения РЗТ и РНТ Брянской области

Вариант ответа	РЗТ		РНТ		Сравниваемые группы, достоверность различий ($p <$) РЗТ/РНТ
	X_1	S_{p1}	X_2	S_{p2}	
Представители СЭС и экологических организаций	84,3	5,0	58,6	6,8	0,001
Ученые	65,7	6,7	55,2	7,0	0,050
Врачи	17,1	1,0	6,9	0,7	0,050
Представители международных организаций	5,7	0,6	20,7	1,1	0,050
Представители государственной власти и местного самоуправления	5,7	0,6	0	0	–
Сослуживцы, друзья, родственники, соседи	0	0	3,4	0,5	–
Учителя	0	0	0	0	–

Все респонденты из Брянской области, вне зависимости от зоны проживания, доверяют, в первую очередь, представителям СЭС и экологических организаций (58,6 % – 84,3 %) и ученым (55,2 % – 65,7 %), причем степень доверия жителей РЗТ данным источникам информации значительно выше, чем жителей РНТ (на уровне значимости $p < 0,001$ и $p < 0,050$ соответственно).

Население РЗТ Брянской области также в большей степени, чем население РНТ, доверяет врачам (на уровне значимости $p < 0,050$). Жители РНТ, в свою очередь, чаще, чем жители РЗТ (на уровне значимости $p < 0,050$), выражают доверие представителям международных организаций.

Рейтинг лиц, вызывающих доверие у представителей различных возрастных групп Брянской области, в вопросах, связанных с особенностями проживания на РЗТ, представлен в табл. 9.

Полученные данные позволяют сделать вывод о том, что существует прямая зависимость между возрастом респондентов и уровнем доверия представителям СЭС и экологических организаций, то есть чем старше возраст, тем выше доверие.

Ученым доверяет половина респондентов молодого и старшего возраста, доверие ученым респондентов среднего возраста значительно выше (на уровне значимости $p < 0,001$).

Таблица 9. Рейтинг лиц, вызывающих доверие у представителей различных возрастных групп Брянской области, в вопросах, связанных с особенностями проживания на РЗТ

Вариант ответа	Молодой возраст (n_1)		Средний возраст (n_2)		Старший возраст (n_3)		Уровень значимости различий ($p <$)		
	X_1	S_{p1}	X_2	S_{p2}	X_3	S_{p3}	n_1/n_2	n_2/n_3	n_1/n_3
Представители СЭС и экологических организаций	55,0	6,8	81,8	5,3	82,9	5,2	0,001	–	0,001
Ученые	50,0	7,1	79,5	5,7	48,6	7,1	0,001	0,001	–
Представители международных организаций	20,0	1,1	6,8	0,7	8,6	0,8	0,050	–	0,050
Врачи	5,0	0,6	13,6	0,9	20,0	1,1	–	–	0,050
Представители государственной власти и местного самоуправления	0	0	2,3	0,4	8,6	0,8	–	–	–
Сослуживцы, друзья, родственники, соседи	0	0	0	0	2,9	0,5	–	–	–
Учителя	0	0	0	0	0	0	–	–	–

Представителям международных организаций в большей степени доверяет молодежь, чем представители других возрастных групп (на уровне значимости $p < 0,050$).

Имеется прямая зависимость между доверием к врачам и возрастом респондентов, то есть доверие возрастает с увеличением возраста респондентов.

Статистический анализ данных показал, что степень доверия к перечисленным источникам информации у мужчин и женщин не различается.

Рейтинг лиц, вызывающих доверие в вопросах, связанных со спецификой проживания на загрязненных территориях, у населения РЗТ и РНТ Гомельской области, представлен в табл. 10.

Таблица 10. Рейтинг лиц, вызывающих доверие в вопросах, связанных со спецификой проживания на загрязненных территориях, у населения РЗТ и РНТ Гомельской области

Вариант ответа	РЗТ		РНТ		Сравниваемые группы, достоверность различий ($p <$)
	X_1	S_{p1}	X_2	S_{p2}	
Ученые	65,1	6,6	76,9	5,8	0,050
Врачи	57,8	6,9	56,4	7,0	–
Специалисты Департамента по ликвидации последствий катастрофы на ЧАЭС МЧС Республики Беларусь	52,5	1,3	59,0	1,3	–
Специалисты центров гигиены и эпидемиологии	35,2	1,2	20,5	1,1	0,050
Представители международных организаций (МАГАТЭ, ООН и др.)	20,2	1,1	7,7	0,7	0,050
Информация из СМИ и Интернета	15,8	0,9	25,6	1,2	0,050
Учителя	11,4	0,8	15,4	0,9	–

Окончание табл. 10

Вариант ответа	РЗТ		РНТ		Сравниваемые группы, достоверность различий ($p <$)
	X_1	S_{p1}	X_2	S_{p2}	
Представители высших органов власти	9,4	0,8	7,7	0,7	–
Представители местных органов власти	7,9	0,7	15,4	0,9	–
Соседи, друзья, коллеги по работе	4,7	0,6	12,8	0,9	–
Ничье мнение не считаю компетентным	4,4	0,6	7,7	0,7	–
Представители частных фондов и организаций	2,1	0,4	0	0	–

Все респонденты из Гомельской области вне зависимости от зоны проживания в первую очередь доверяют ученым (65,1 % – 76,9 %) и врачам (56,4 % – 57,8 %). Причем уровень доверия ученым жителей РНТ выше, чем жителей РЗТ (на уровне значимости $p < 0,050$).

Специалистам Департамента по ликвидации последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС МЧС Республики Беларусь доверяет 52,5 % – 59,0 % всех опрошенных в Гомельской области.

Специалистам центров гигиены и эпидемиологии чаще доверяют жители РЗТ, чем жители РНТ (на уровне значимости $p < 0,050$).

Жители РЗТ (20,2 %) также в большей степени, чем жители РНТ (7,7 %), доверяют представителям международных организаций (МАГАТЭ, ООН и др.) (на уровне значимости $p < 0,050$).

Жители РНТ, в свою очередь, в большей степени, чем жители РЗТ, доверяют информации из СМИ и Интернета (на уровне значимости $p < 0,050$).

Около десятой части опрошенных (11,4 % – 15,4 %) доверяют учителям.

Доверие к остальным источникам информации вне зависимости от возраста не высоко (около 10 %).

Рейтинг лиц, вызывающих доверие в вопросах, связанных со спецификой проживания на РЗТ, в зависимости от возраста респондентов Гомельской области представлен в табл. 11.

Полученные данные свидетельствуют о том, что представители среднего возраста доверяют ученым в большей степени, чем респонденты других возрастных групп (на уровне значимости $p < 0,050$).

Специалистам Департамента по ликвидации последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС МЧС Республики Беларусь в большей степени доверяют молодые люди и представители среднего возраста, чем пожилые (на уровне значимости $p < 0,001$).

Существует обратная зависимость между возрастом респондентов и степенью доверия представителям международных организаций: с возрастом доверие данному источнику информации ослабевает.

Статистически значимых различий в степени доверия источникам информации у мужчин и женщин нет.

Таблица 11. Рейтинг лиц, вызывающих доверие в вопросах, связанных со спецификой проживания на РЗТ, в зависимости от возраста респондентов Гомельской области

Вариант ответа	Молодой возраст (n_1)		Средний возраст (n_2)		Старший возраст (n_3)		Уровень значимости различий ($p <$)		
	X_1	S_{p1}	X_2	S_{p2}	X_3	S_{p3}	n_1/n_2	n_2/n_3	n_1/n_3
Ученые	59,4	6,8	70,1	6,3	63,6	6,6	0,050	–	–
Специалистам Департамента по ликвидации последствий катастрофы на ЧАЭС МЧС Республики Беларусь	59,4	6,9	59,2	6,9	38,5	6,8	–	0,001	0,001
Врачи	50,7	1,3	59,2	1,3	59,1	1,3	–	–	–
Специалисты центров гигиены и эпидемиологии	34,8	1,3	32,8	1,3	34,5	1,3	–	–	–
Представители международных организаций (МАГАТЭ, ООН и др.)	27,5	1,2	19,4	1,1	12,7	0,9	–	–	0,050
Информация из СМИ и Интернета	11,6	0,9	19,9	1,1	14,5	0,9	–	–	–
Учителя	11,6	0,9	10,0	0,8	15,5	1,0	–	–	–
Представители высших органов власти	7,2	0,7	7,5	0,7	13,6	0,9	–	–	–
Представители местных органов власти	5,8	0,6	10,0	0,8	8,2	0,7	–	–	–
Ничье мнение не считаю компетентным	4,3	0,5	4,0	0,5	6,4	0,7	–	–	–
Представители частных фондов и организаций	4,3	0,5	1,5	0,3	0,9	0,3	–	–	–
Соседи, друзья, коллеги по работе	1,4	0,3	3,0	0,5	12,7	0,9	–	–	0,050

Практические рекомендации

На основе данных исследования могут быть предложены следующие практические рекомендации:

1. Результаты оценки уровня информированности граждан России и Беларуси из числа нуждающихся в дополнительной информации по проблемам проживания на территориях, пострадавших в результате аварии на ЧАЭС, свидетельствуют о высокой эффективности информационно-консультационных мероприятий, проводимых с населением РЗТ России и Беларуси. Рекомендуется учитывать полученные результаты оценки при организации постоянной работы с населением РЗТ России и Беларуси.

2. Необходимо постоянно совершенствовать формы работы с населением, в том числе и через организацию информационного взаимодействия между представителями науки и заинтересованными первичными специалистами на местах, которые непосредственно работают с населением. Такое взаимодействие может быть организовано в виде курсов или семинаров для первичных групп специалистов («лидеров общественного мнения»). Сведения и информационные материалы, получаемые при проведении указанных мероприятий, первичные специалисты в ходе своей профессиональной деятельности будут

доводить до населения РЗТ, что позволит обеспечить практически полный охват населения данных территорий услугами консультативной практики. Такая двухступенчатая схема информирования населения РЗТ получила название дистанционного консультирования.

3. В связи с недостатком информации о специфике проживания на РЗТ у населения и высокой потребностью в ее получении рекомендуется:

организация выездов лекционных бригад ученых и специалистов для проведения информационно-разъяснительной работы среди населения;

разработка, издание и распространение информационных материалов (памяток, брошюр, буклетов и т. п.) об особенностях, правилах, опасностях и льготах проживания в зонах, затронутых радиационным загрязнением (в средствах массовой информации, на радио и телевидении); консультирование по индивидуальным проблемам, связанным с информационным дефицитом;

организация регулярных выступлений по местному телевидению высококвалифицированных авторитетных специалистов по теме радиационной защиты населения и вопросам безопасного проживания на территориях, загрязненных радионуклидами.

4. При разработке информационных мероприятий в первую очередь следует осветить темы, наиболее актуальные в настоящий момент для населения РЗТ:

об экологической ситуации в регионе;

о влиянии радиации на здоровье людей и здоровье будущих поколений;

по вопросам радиационной безопасности и состояния пострадавших территорий.

5. Со стороны властей необходимо предпринимать систематические усилия в области подготовки, переподготовки и повышения квалификации специалистов всех служб, оказывающих помощь населению РЗТ.

Литература

1. *Абрамова, В. Н.* Психологические последствия восприятия радиационного риска для населения и участников ликвидации последствий Чернобыльской катастрофы / В. Н. Абрамова // Наследие Чернобыля. – Калуга : Облиздат, 2001. – Вып. 3. – С. 153–156.

2. *Зыкова, И. А.* Мониторинг социально-психологических эффектов у населения радиоактивно-загрязненных территорий : пособие для врачей / И. А. Зыкова, Г. В. Архангельская. – СПб., 1999. – 32 с.

3. *Зыкова, И. А.* Радиотревожность населения загрязненных территорий и меры по ее снижению : пособие для специалистов служб Роспотребнадзора / И. А. Зыкова, Г. В. Архангельская. – СПб., 2007. – 24 с.

4. Информационно-психологическая безопасность от риска радиационного поражения: концепция, принципы, модель, рекомендации / Т. А. Марченко [и др.] // Рос. отд-ние Рос.-белорус. информ. центра по проблемам преодоления последствий чернобыльской катастрофы. – М., 2009. – 240 с.

5. Совершенствование информационных технологий при работе с населением радиоактивно загрязненных территорий : практ. рекомендации / под ред. В. Н. Абрамовой. – Обнинск, 2005. – 186 с.

T. B. MELNITSKAYA, T. V. BELYKH

**ASSESSMENT OF RUSSIA AND BELARUS CITIZENS' AWARENESS
ON THE PROBLEMS OF LIVING IN THE CONTAMINATED
BY THE CHERNOBYL ACCIDENT AREAS**

Summary

The assessment of Russia and Belarus citizens' awareness on the problems of living in the contaminated by the Chernobyl accident areas is presented. The completeness of information about the specifics of living in the radioactively contaminated territories, the need for information of the stay in radioactively contaminated areas are determined. The information needs, the level of trust sources of information about the specifics of living in the radioactively contaminated territories, and also the degree of convenience for the respondents are identified. The obtained results should be considered in the organization of constant work with population of Russia and Belarus living in contaminated areas.

Keywords: radioactively contaminated areas, the level of citizens' awareness on the problems of living in the contaminated by the Chernobyl accident areas.

Поступила 23.09.2015 г.

Н. Я. БОРИСЕВИЧ,

*кандидат биологических наук,
филиал «Белорусское отделение Российско-белорусского информационного центра
по проблемам последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС»
РНИУП «Институт радиологии» МЧС Республики Беларусь, г. Минск*

Е. И. ГОРАНСКАЯ,

*магистр психологических наук, исследователь в области психологических наук,
филиал «Белорусское отделение Российско-белорусского информационного центра
по проблемам последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС»
РНИУП «Институт радиологии» МЧС Республики Беларусь, г. Минск*

РЕШЕНИЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ ПОСТЧЕРНОБЫЛЬСКИХ ЗАДАЧ НА ОСНОВЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Представлена специфика разработки элементов адресной информационной работы по чернобыльской тематике с различными группами населения и категориями специалистов на основе результатов исследований, посвященных определению уровня информированности граждан по проблемам проживания на территориях, пострадавших в результате аварии на ЧАЭС, а также особенностей восприятия населением опасности радиационного воздействия. Отражены основные характеристики серии тематических памяток для специалистов систем образования, здравоохранения, а также студентов профильных учреждений образования.

Ключевые слова: катастрофа на Чернобыльской АЭС, территория радиоактивного загрязнения, уровень информированности, информационные потребности, восприятие радиационной опасности, адресная информационная работа, тематические памятки.

Эффективность управления процессом и результатом информирования находится в прямой зависимости от характера взаимодействия представляющего информацию и ее получателя. И чем лучше информирующий понимает, кому адресовано его сообщение, тем больший эффект оно окажет. Информационная работа по чернобыльской тематике не является исключением из данного правила.

Филиалом «Белорусское отделение Российско-белорусского информационного центра по проблемам последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС» РНИУП «Институт радиологии» (далее – БОРБИЦ) в 2014 г. было проведено исследование, направленное на определение уровня информированности граждан по проблемам проживания на территориях, пострадавших в результате катастрофы на Чернобыльской АЭС, а также специфики восприятия опасности радиационного воздействия различными группами населения и категориями специалистов. В нем приняли участие 614 респондентов: 207 представителей системы образования (39 учреждений образования, располо-

женных в наиболее пострадавших в результате чернобыльской катастрофы районах республики), 173 представителя системы здравоохранения (центральные районные больницы 21 наиболее пострадавшего в результате катастрофы на ЧАЭС района Республики Беларусь) и 234 студента профильных вузов [1]. Конечной целью данного исследования, помимо собственно выявления информационных потребностей и субъективных особенностей восприятия населением радиационной опасности, была разработка серии специальных инновационных информационных продуктов по чернобыльской тематике для различных групп населения и категорий специалистов.

Так, в 2015 г. на основе результатов указанного исследования были созданы тематические памятки для специалистов систем образования и здравоохранения, а также для студентов профильных учреждений образования «Врачу (*учителю, студенту*) на заметку: ответы на “чернобыльские” вопросы». Инновационность указанных памяток состоит в том, что их структурно-содержательное наполнение было сформировано не на основе экспертного (стороннего) мнения о необходимости внесения в них того или иного материала, а с учетом ответов представителей каждой целевой группы на вопросы анкеты: о наиболее важной информации, связанной с последствиями аварии на Чернобыльской АЭС; об источниках тематически ориентированной информации; об учреждениях и организациях, чья деятельность связана с преодолением последствий катастрофы на ЧАЭС; о наиболее важных результатах деятельности по преодолению последствий чернобыльской катастрофы; о том, кто и как представляет себе возможность личного участия в возрождении после Чернобыля. При разработке памяток также были учтены «чернобыльские» вопросы, которые задали респонденты организаторам опроса в специально предназначенном для этого разделе соответствующих анкет: о причинах аварии и ее последствиях, о текущей радиэкологической обстановке в стране, о возрождении пострадавших территорий и др.

Не менее инновационным представляется тот факт, что все три памятки не только являются самостоятельными логически завершенными информационными продуктами, но также и то, что все они составляют единую композицию, дополняя содержание друг друга: самое простое содержание имеет памятка для студентов, более сложное – памятка для специалистов системы образования; памятка для медработников наиболее терминологически насыщена за счет усиления медицинского тематического блока. Указанное свойство памяток («эффект матрешки») может быть использовано с целью обучающего информирования по чернобыльской тематике, в рамках которого необходимо освоение материала предыдущего уровня (например, памятка для студентов) для перехода к материалу последующего уровня (например, памятка для педагогов) и т. д.

Помимо того, при подготовке памяток использовались следующие принципы подачи информации: тезисное изложение данных простым языком; учет информационных потребностей каждой целевой группы (с опорой на резуль-

таты опроса), предоставление сжатой информации о катастрофе на ЧАЭС и ее последствиях, а также о современном состоянии пострадавших территорий (со ссылками по тексту на источники, содержащие более подробную информацию по каждому вопросу); использование яркого дизайна с целью привлечения внимания; сопровождение текста элементами инфографики для визуализации подаваемой информации; использование единых стилевых решений при подготовке всей серии памяток; учет опыта создания подобных материалов, апробированных ранее [2; 3].

Исходя из сказанного выше, для включения в тематические памятки для всех трех целевых групп (педагоги, медицинские работники, студенты) предложены следующие темы, оказавшиеся наиболее популярными среди респондентов по результатам проведенного исследования (содержание всех предложенных тем было специфично для представителей каждой целевой группы):

о причинах аварии на ЧАЭС и ее последствиях (данный вопрос является одним из наиболее частых в структуре «чернобыльских» вопросов, задаваемых участниками опроса его организаторам: 40,0 % педагогов, 42,0 % медработников и 61,3 % студентов);

об экологической ситуации в стране, области, районе (данный вопрос также является весомым в структуре «чернобыльских» вопросов, задаваемых участниками опроса его организаторам: 21,5 % педагогов и 22,7 % медработников);

о зонировании территории по радиационному фактору (данный раздел обоснован результатами исследования: 9,7 % педагогов указали, что они проживают на чистой территории, 49,8 % относят свой населенный пункт к зоне с периодическим радиационным контролем, 22,2 % – к зоне с правом на отселение, 5,8 % – к зоне последующего отселения, 0,5 % – к зоне первоочередного отселения, а 12,6 % преподавателей затруднились ответить на данный вопрос; 21,4 % врачей ответили, что они проживают на чистой территории, 50,9 % относят свой населенный пункт к зоне с периодическим радиационным контролем, 12,2 % – к зоне с правом на отселение, 5,8 % – к зоне последующего отселения, 1,2 % – к зоне первоочередного отселения, а 9,3 % медработников затруднились ответить на данный вопрос; 62,4 % студентов считают, что они проживают на чистой территории, 26,9 % относят свой населенный пункт к зоне с периодическим радиационным контролем, 1,3 % – к зоне с правом на отселение, по 0,4 % – к зоне последующего отселения и к зоне первоочередного отселения, 7,7 % студентов затруднились ответить на данный вопрос, а 1,7 % думают, что их населенный пункт относится к зоне отчуждения);

о влиянии радиации на здоровье людей настоящего и будущего поколений (медицинские последствия катастрофы на ЧАЭС считают наиболее существенными 41,1 % педагогов, 53,1 % медработников и 46,5 % студентов; также данную информацию в общей структуре информации о последствиях чернобыльской катастрофы считают наиболее важной для себя 28,8 % педагогов, 27,9 % медработников и 31,7 % студентов, что обеспечило ей безоговорочное лидерство);

о способности различных продуктов накапливать радионуклиды, а также о способах снижения содержания радионуклидов в продуктах питания (данную информацию о последствиях чернобыльской катастрофы важной для себя считают 19,7 % педагогов, 19,2 % медработников и 18,5 % студентов, что вывело ее на второе по востребованности место в общей структуре тематической информации);

о правилах безопасной жизнедеятельности на пострадавших территориях (данный раздел обоснован тем, что большинство педагогов (57,5 %), медработников (41,9 %) и студентов (39,7 %) считают, что реальная радиационная обстановка в их населенном пункте требует отдельных мер предосторожности, о которых и предоставлена информация);

о возможностях жизни и трудоустройства в районах, которые постепенно приходят в нормальное состояние после чернобыльской катастрофы, а также о возможности личного участия (в том числе, о вкладе молодежи) в возрождение пострадавших территорий (педагоги, в большинстве своем, указали на проведение информационно-разъяснительной работы с населением (49,5 %), врачи – на обеспечение медицинского обслуживания населения (28,1 %) и проведение санпросветработы среди пациентов (19,1 %), а студенты – на те профессиональные обязанности, которые они будут выполнять по окончании вуза (диагностика, лечение и профилактика различных заболеваний – 16,3 % и предоставление информации о последствиях аварии на ЧАЭС – 13,1 %);

об источниках информации о катастрофе на ЧАЭС и ее последствиях (акцент сделан на официальных источниках данной информации, к которым в той или иной степени прибегают 48,3 % педагогов, 44,6 % медработников и 41,1 % студентов; также необходимо указать, что 49,8 % педагогов, 53,4 % медработников и 55,1 % студентов черпают информацию о катастрофе на ЧАЭС и ее последствиях равномерно из разных источников (в том числе официальных), что еще больше увеличивает процент доверия к ним);

о научных учреждениях, учреждениях образования и здравоохранения, государственных и негосударственных организациях, фондах и объединениях (в том числе о работающих в них специалистах), чья деятельность в той или иной мере связана с преодолением последствий катастрофы на ЧАЭС (организациями-лидерами по результатам опроса представителей всех целевых групп стали Министерство по чрезвычайным ситуациям Республики Беларусь, Департамент по ликвидации последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС, РНИУП «Институт радиологии», БОРБИЦ, РНПЦ радиационной медицины и экологии человека, МГЭУ имени А. Д. Сахарова, центры гигиены и эпидемиологии, комитеты природных ресурсов и охраны окружающей среды различной территориальной подчиненности, Институт радиационной безопасности «Белрад», Фонд «Детям Чернобыля»);

об основных результатах деятельности по преодолению последствий катастрофы на ЧАЭС в Республике Беларусь (например, о разработке методов,

снижающих поступление радионуклидов в организм человека, которые считают важными 22,8 % педагогов, 17,0 % медработников и 24,4 % студентов) и о планах соответствующей деятельности на будущее (основные надежды педагоги и студенты возлагают на обязательную медицинскую диспансеризацию и оздоровление населения, а медработники – на улучшение состояния дорог, качество воды, коммунальной инфраструктуры).

Для более глубокого анализа соответствия разработанных элементов адресного информирования потребностям каждой целевой группы была проведена их апробация путем рассылки рабочей версии тематических памяток с приложением анкеты для их оценки (в БОРБИЦ поступила 621 анкета: 200 анкет от 4 вузов, 204 анкеты от 15 центральных районных больниц, 217 анкет от 22 учреждений образования). В результате анализа анкет, поступивших от врачей, педагогов и студентов, было выявлено, что:

медработники, в большинстве своем, оценивают тематический контент памятки на 10 (65 ответов – 31,9 %), 9 (62 ответа – 30,4 %) и 8 (48 ответов – 23,5 %) баллов¹. Оформление памятки им нравится полностью (113 ответов – 55,4 %) либо частично (81 ответ – 39,7 %). Основным недостатком в оформлении памятки врачи сочли шрифт основного текста, который, по их мнению, нужно заменить другим и/или сделать более ярким (на это они указали в своих отзывах). От данной категории респондентов поступило 34 предложения о том, какой информацией (например, рисунками и фотографиями) можно дополнить данную памятку, тогда как 72 медработника считают, что данный информационный продукт не нуждается в дополнениях. При этом 123 из 157 отзывов врачей, которые были написаны в свободной форме, являются положительными;

педагоги, в большинстве своем, оценивают тематический контент памятки на 9 (94 ответа – 43,3 %), 10 (58 ответов – 26,7 %) и 8 (35 ответов – 16,1 %) баллов. Оформление памятки им нравится полностью (135 ответов – 62,2 %) либо частично (76 ответов – 35,0 %). Основным минусом в оформлении памятки педагоги, как и врачи, считают шрифт основного текста (на это они также указали в своих отзывах, предложив заменить). От данной категории респондентов поступило 58 предложений о том, какой информацией (в том числе рисунками и фотографиями) можно дополнить данную памятку, тогда как 109 учителей считают, что данный информационный продукт не нуждается в дополнениях. При этом 193 из 212 отзывов педагогов на памятку можно считать положительными;

студенты, в большинстве своем, также высоко оценили тематический контент памятки: на 9 (67 ответов – 33,5 %), 10 (63 ответа – 31,5 %) и 8 (38 ответов – 19,0 %) баллов. Им также, как и предыдущим категориям респондентов, оформление памятки нравится полностью (128 ответов – 64,0 %) либо частично (69 ответов – 34,5 %). От данной категории респондентов поступило

¹ 1 балл – очень плохо, 10 баллов – очень хорошо.

82 предложения о том, какой информацией (в том числе рисунками и фотографиями) можно дополнить данную памятку, тогда как 71 студент считает, что данный информационный продукт не нуждается в дополнениях, а трое затруднились ответить на данный вопрос. При этом положительными являются 159 из 196 отзывов будущих молодых специалистов на памятку (указанные отзывы были написаны в свободной форме).

По итогам апробации элементов адресной информационной работы по чернобыльской тематике с различными группами населения и категориями специалистов (анализа ответов всех категорий респондентов на вопросы анкеты, посвященной оценке рабочих версий памяток) в тематические памятки были внесены соответствующие изменения и дополнения. Завершающим этапом стало издание инновационных информационных продуктов – памяток «Врачу (*учителю, студенту*) на заметку: ответы на “чернобыльские” вопросы», которые будут использованы в рамках проведения информационной работы по чернобыльской тематике в соответствии с Государственной программой по преодолению последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС на 2011–2015 годы и на период до 2020 года, а также Программой совместной деятельности по преодолению последствий чернобыльской катастрофы в рамках Союзного государства на период до 2016 года.

Таким образом, количественные и качественные данные о специфике информированности по чернобыльской проблематике и восприятию радиационной опасности различными категориями граждан (представителями систем образования и здравоохранения, а также студентами вузов), полученные в ходе проведения указанного и аналогичных исследований, могут служить научным обоснованием разработки новых подходов, направлений, форм и методов информирования по чернобыльской тематике, формирования радиоэкологической культуры, обучения основам безопасной жизнедеятельности на пострадавших территориях, а также вовлечения населения в процесс реабилитации и возрождения условий жизни в пострадавших районах. Их внедрение, в свою очередь, будет способствовать снижению психоэмоциональной напряженности, связанной с наличием радиационного фактора, повышению уровня и качества тематической осведомленности граждан и, наконец, улучшению качества жизни как пострадавшего, так и всего населения Республики Беларусь в целом.

Литература

1. *Борисевич, Н. Я.* Информационно-психологическая безопасность населения в условиях радиоактивного загрязнения территорий / Н. Я. Борисевич, Е. И. Горанская // Социол. альм. – 2015. – № 6. – С. 172–181.
2. Чернобыль: pro et contra / З. И. Трафимчик [и др.]. – Минск : Ин-т радиологии, 2011. – 19 с.
3. Нереальный мир. Чернобыльские мифы / Н. Я. Борисевич [и др.] ; науч. ред. Н. Н. Цыбулько, И. Н. Семененя. – Минск : Ин-т радиологии, 2012. – 49 с.

N. Y. BORISEVICH, E. I. GORANSKAYA

**SOLUTION OF POST-CHERNOBYL INFORMATION OBJECTIVES ON THE BASIS
OF SOCIOLOGICAL RESEARCH**

Summary

On the basis of the sociological research results, the specific nature of development elements related to the targeted information work with various population groups and specialists on Chernobyl subject is presented. The main goal of the research is to define the information level of people regarding the problems of living at the territories contaminated after the Chernobyl catastrophe and the specific perception of the radiation impact hazard. The main characteristics of thematic guidebook series for specialists of education and health care systems, and for students of the specialized education institutions are provided here.

Keywords: accident at the Chernobyl NPP, territory of radioactive contamination, information level, information needs, perception of the radiation hazard, targeted information work, thematic guidebooks.

Поступила 19.10.2015 г.

Е. В. МАРТИЩЕНКОВА,

Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ПОТРЕБНОСТИ ЖИТЕЛЕЙ НАИБОЛЕЕ ЗАГРЯЗНЕННЫХ РАДИОНУКЛИДАМИ ТЕРРИТОРИЙ ГОМЕЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ

В статье представлены результаты исследований, посвященных определению уровня информированности населения Гомельской области по проблемам проживания на территориях, пострадавших в результате аварии на ЧАЭС. Анализируются тенденции изменений в восприятии населением опасности радиационного воздействия.

Ключевые слова: чернобыльская катастрофа, последствия аварии на ЧАЭС, радиоактивное загрязнение, экология, общественное мнение, уровень информированности.

Восприятие аварии на ЧАЭС и ее последствий остается и сегодня, почти 30 лет спустя, достаточно напряженным и неоднозначным по ряду аспектов. По данным, указанным в Национальном докладе «20 лет после чернобыльской катастрофы: последствия в Республике Беларусь и их преодоление», «ущерб, нанесенный нашей республике чернобыльской катастрофой в расчете на 30-летний период ее преодоления, оценивается в 235 млрд долларов США, что равно 32 бюджетам республики 1985 года» [1]. Эти потери выражаются не только в ухудшении здоровья населения, но и в ущербе, нанесенном промышленности и социальной сфере, сельскому хозяйству, строительному комплексу, транспорту и связи, жилищно-коммунальному хозяйству, загрязнении минерально-сырьевых, земельных, водных, лесных ресурсов и др. Беларуси в большей степени, чем другим государствам, пришлось нести на себе бремя дополнительных затрат, связанных с осуществлением мер по ликвидации и минимизации последствий катастрофы и обеспечением безопасных условий жизнедеятельности своего населения [2].

Авария на Чернобыльской АЭС признана одной из крупнейших техногенных катастроф, которая привела к загрязнению обширных территорий России, Украины и, особенно, Беларуси, в результате выброса в окружающую среду очень большого количества радиоактивных веществ, что потребовало проведения комплекса широкомасштабных защитных мероприятий, направленных на улучшение радиологической обстановки и обеспечение радиационной безопасности их населения. Одним из наиболее тяжелых экологических последствий этой аварии явилось радиоактивное загрязнение сельскохозяйственных земель, определившее поступление радионуклидов в организм чело-

века и последующее его облучение за счет накопления радионуклидов в теле человека [3]. В связи с этим возрастает роль информационной работы с населением, целью которой является предоставление как можно более широкого спектра информации о правилах безопасного проживания на территориях, загрязненных вследствие аварии на ЧАЭС.

До сих пор отдельные пропагандисты из партии «Зеленых» и им подобных вбрасывают информацию о вредности для всего живого малых доз радиации, о якобы имеющихся патологических мутациях и т. д. В связи со строительством Белорусской АЭС потоки подобной информации в СМИ только увеличиваются. Антиядерные силы вне и внутри страны пытаются связать эти события и придать народнохозяйственному проекту политическую окраску. Хотя многочисленные исследования показали, что опасности облучения уже не существует в тех районах, где разрешено проживание и ведение хозяйственной деятельности, при соблюдении требований радиационной безопасности.

Известно, что на земном шаре много мест с высоким естественным фоном радиации – Алтай в РФ, Грузия, Бразилия, радоновые районы Финляндии и др., где люди получают в разы большее облучение, не замечая этого. В Гомельской области некоторые местные жители отказались переезжать в чистую зону при выселении, все эти годы живут в зоне отчуждения и отселения.

В нашей стране общественное мнение все еще противоречиво смотрит на возможности возрождения пострадавших территорий, нередко совершенно неадекватно и абсолютно незаслуженно недооценивает те заслуги и тот вклад, который они могут внести в развитие экономики республики в будущем, наше общество пока больше помнит отрицательные последствия аварии на ЧАЭС для нашей страны. Поэтому очень важно, чтобы информационное обеспечение реабилитационных мероприятий было на высочайшем уровне, давало объективную информацию и в необходимых количествах.

В рамках реализации Программы совместной деятельности по преодолению последствий чернобыльской катастрофы в рамках Союзного государства на период до 2016 года Институт социологии НАН Беларуси, по заказу БОРБИЦ РНИУП «Институт радиологии» МЧС Республики Беларусь, с 2014 г. осуществляет научно-исследовательский проект, направленный на определение уровня информированности граждан (проживающих на наиболее загрязненных радионуклидами территориях Гомельской области) из числа нуждающихся в дополнительной информации по проблемам проживания на территориях, пострадавших в результате аварии на ЧАЭС.

Целевыми индикаторами Программы совместной деятельности в данном случае выступали: 1) доля и число граждан, попадающих в группу риска по степени психоэмоциональной напряженности, обусловленной радиационным фактором; 2) уровень информированности граждан из числа нуждающихся в дополнительной информации по проблемам проживания на территориях, пострадавших в результате аварии на ЧАЭС.

Генеральной совокупностью данного социологического исследования являются жители территорий, проживающие на радиоактивно загрязненных

территориях. Выборочная совокупность составляет 600 человек и состоит из жителей Брагинского, Ветковского, Наровлянского, Хойникского, Чечерского районов Гомельской области. В каждом районе было опрошено 120 ± 5 человек с учетом распределения жителей по типу населенного пункта (город/село), полу, возрасту, образованию. В результате проведения исследования была получена репрезентативная выборка по типу населенного пункта, полу, возрасту и образованию. При этом мы имеем возможность описать «грязную» зону с погрешностью $\pm 4,0$ % при уровне доверия 0,95. Кроме того, распределение ответов позволяет выявить возможные отклонения от средних по всей выборочной совокупности, а также различия между группами и категориями по каждому из пунктов шкалы – вариантов ответа.

Информационные потребности населения пострадавших от аварии на ЧАЭС территорий изучаются в данном социологическом исследовании по разработанной авторами данного научно-исследовательского проекта операциональной схеме, которая включает такие показатели и индикаторы, как: а) информированность респондентов о зоне радиоактивного загрязнения, к которой относится территория проживания; б) оценка респондентами реальной радиационной обстановки в населенном пункте; в) уровень информированности о правилах безопасного проживания и получения в личном подсобном хозяйстве «чистой» продукции; г) удовлетворенность существующим в настоящее время информационным обеспечением реабилитационных мероприятий на загрязненных радионуклидами территориях.

Данные, полученные в ходе проведенных социологических исследований, свидетельствуют о том, что жители загрязненных территорий не отличаются очень высоким уровнем информированности о зоне радиоактивного загрязнения, к которой относится территория проживания. Однако следует отметить, что в 2015 г., по сравнению с предыдущим годом, уровень информированности населения значительно повысился. Об этом свидетельствует тот факт, что количество затруднившихся с ответом на данный вопрос уменьшилось в 2015 г. на 12,1 % (рис. 1).

О недостаточной информированности жителей загрязненных территорий свидетельствует также и тот факт, что некоторые опрошенные (6,5 % в 2014 г. и 8,7 % в 2015 г.) считают, что территория их проживания находится в «чистой» зоне, хотя реально в выборочную совокупность проведенного социологического исследования «чистые» зоны не вошли.

Статистический анализ полученных данных свидетельствует о том, что существуют статистически значимые различия по уровню информированности о зоне радиоактивного загрязнения в зависимости от района проживания респондента¹. Сравнительный анализ по годам позволил сделать вывод о том, что во всех исследуемых районах, за исключением Брагинского, уровень информирования значительно повысился (табл. 1).

¹ Здесь и далее для определения статистической значимости различий использовался критерий Хи-квадрат (значение двусторонней асимптотической значимости (p) меньше 0,05).

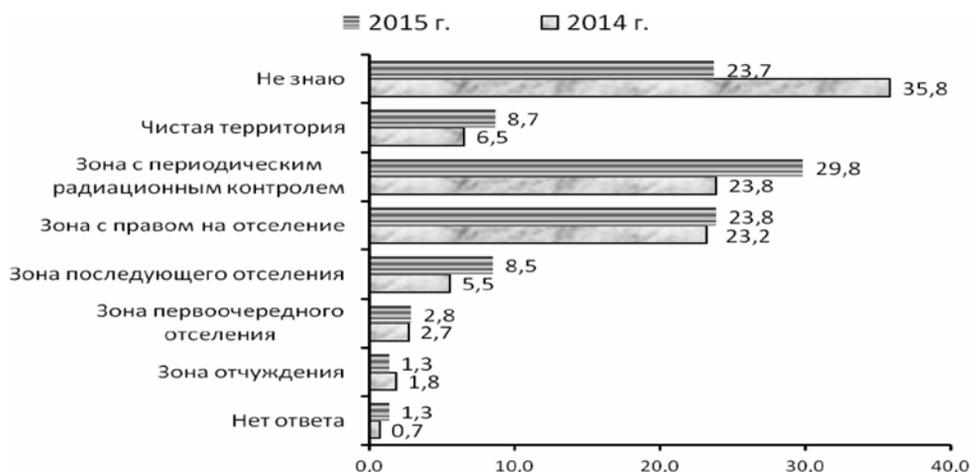

Рис. 1. Информированность респондентов о зоне радиоактивного загрязнения, к которой относится территория проживания, %

Таблица 1. Информированность респондентов разных районов о зоне радиоактивного загрязнения, к которой относится территория проживания, %

Знаете ли Вы, к какой зоне радиоактивного загрязнения относится территория, на которой Вы проживаете?	Район									
	Брагинский		Ветковский		Наровлянский		Хойникский		Чечерский	
	2014 г.	2015 г.	2014 г.	2015 г.	2014 г.	2015 г.	2014 г.	2015 г.	2014 г.	2015 г.
Нет ответа	–	1,7	–	1,7	1,7	1,7	–	0,8	1,6	0,8
Зона отчуждения	3,5	0,8	1,6	0,8	2,5	4,2	0,8	–	0,8	0,8
Зона первоочередного отселения	4,3	–	4,1	0,8	2,5	1,7	2,5	5,0	–	6,6
Зона последующего отселения	5,2	5,0	1,6	–	6,8	12,5	9,2	15,0	4,8	9,9
Зона с правом на отселение	38,3	27,7	11,5	8,3	34,7	29,2	27,5	39,2	5,6	14,9
Зона с периодическим радиационным контролем	25,2	25,2	28,7	49,2	12,7	26,7	25,8	18,3	26,4	29,8
Чистая территория	6,1	17,6	13,9	11,7	2,5	3,3	3,3	3,3	6,4	7,4
Не знаю	17,4	21,8	38,5	27,5	36,4	20,8	30,8	18,3	54,4	29,8

Данные, представленные в таблице, свидетельствуют также о том, что жители Ветковского и Брагинского районов не обладают достоверной информацией: 17,6 % представителей Брагинского и 11,7 % Ветковского районов считают, что они живут в «чистой зоне», что не соответствует действительности.

Следует также отметить, что в 2015 г., по сравнению с 2014 г., уровень информированности горожан значительно повысился и даже на несколько процентов превысил показатель сельчан (в среднем по выборке процент городских жителей, затруднившихся назвать зону радиоактивного загрязнения,

Рис. 2. Оценка реальной радиационной обстановки в населенном пункте респондентов, %

составил 43,3 % в 2014 г. и 22 % в 2015 г.; сельчан – соответственно 28,5 % в 2014 г. и 25,5 % в 2015 г.).

При изучении оценок жителей загрязненных территорий реальной радиационной обстановки в населенном пункте проживания было выявлено, что в среднем по выборке уменьшилось количество затруднившихся с ответом (20 % в 2014 г. и 15 % в 2015 г.), что свидетельствует о повышении уровня информированности граждан. Следует отметить позитивную особенность, заключающуюся в том, что реальную радиационную обстановку в 2015 г. стали оценивать как «более безопасную» (рис. 2).

Полноценное и безопасное проживание на загрязненных радионуклидами территориях возможно при условии самосохранительного поведения самих жителей. Понятие «самосохранительное поведение» в социологии и социальной демографии трактуется как действия и отношения, направленные на сохранение здоровья в течение полного жизненного цикла. Иными словами, речь идет о таком стиле и образе жизни, который способствует сохранению здоровья человека в его социальном и физическом измерении. Это особенно актуально для жителей загрязненных территорий. В этой связи одной из задач данного научно-исследовательского проекта являлось изучение стратегии самосохранительного поведения жителей, проживающих на загрязненных территориях.

Одной из необходимых предпосылок самосохранительного поведения на территориях, загрязненных радионуклидами, является информированность жителей о правилах безопасного проживания и получения в личном подсобном хозяйстве «чистой» продукции. Полученные данные свидетельствуют о том, что у чуть более половины опрошенных (58,3 % в 2014 г. и 57,3 %

в 2015 г.) такие знания частично присутствуют (вариант ответа «кое-что знаю»). При этом значительная группа (23,8 % в 2014 г. и 20,5 % в 2015 г.) опрошенных подобными знаниями не обладают вообще.

Информированность о мерах безопасного проживания на загрязненных территориях статистически значительно различается в зависимости от района проживания респондента. Для сравнительного анализа загрязненных районов и в целях визуализации данных был рассчитан индекс информирования, находящийся в пределах от 0 до 1, где 1 – «хорошо знаю»; 0,5 – «кое-что знаю» и 0 – «не знаю ничего», по формуле:

$$I = \frac{a_1 \times 1 + a_2 \times 0,5 + a_3 \times 0}{100},$$

где I – индекс оценки респондентами уровня своих знаний о правилах проживания на территориях, загрязненных радионуклидами; a_1 – процент респондентов, отвечавших «хорошо знаю»; a_2 – процент респондентов, отвечавших «кое-что знаю»; a_3 – процент респондентов, отвечавших «не знаю ничего».

При интерпретации данного индекса необходимо учитывать, что чем выше его значение, тем выше уровень информирования о правилах безопасного проживания на загрязненных территориях (рис. 3).

Данные, представленные на диаграмме, свидетельствуют о том, что у жителей Чечерского и Ветковского районов зафиксирована положительная динамика относительно уровня информированности о правилах безопасного проживания на загрязненных территориях, у жителей Хойникского и Наровлянского районов отмечено незначительное падение показателей, в Брагинском районе – изменений нет.

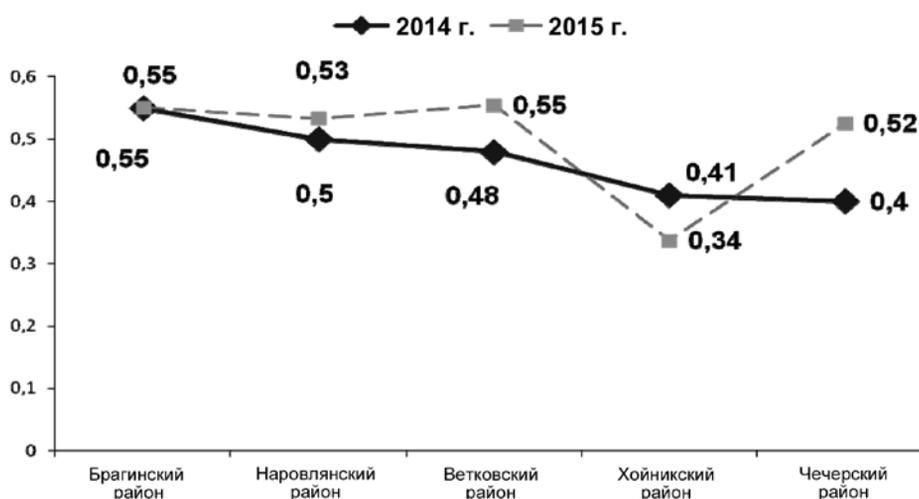

Рис. 3. Индекс информирования о правилах безопасного проживания на загрязненных территориях

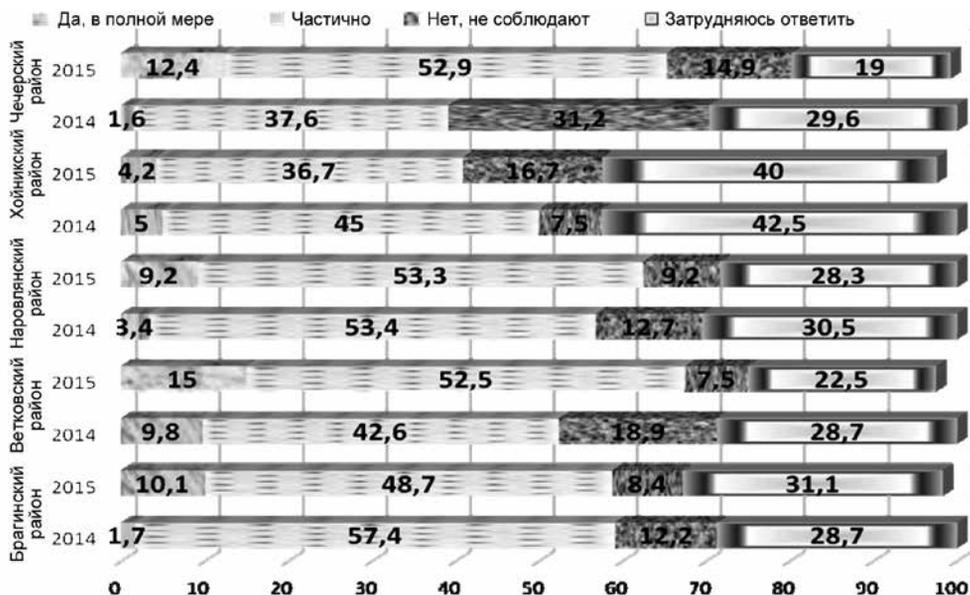

Рис. 4. Распространённость стратегий самосохранительного поведения в исследуемых районах (по оценкам респондентов), %

В разработанном авторским коллективом инструментарии были заложены три стратегии самосохранительного поведения:

1) «самосохранительная» стратегия, проявляющаяся в соблюдении в повседневной жизни правил безопасного проживания на загрязненной радионуклидами территории;

2) «частично самосохранительная» стратегия – частичное соблюдение мер безопасного проживания;

3) «несамосохранительное» поведение – несоблюдение в повседневной жизни правил безопасного проживания.

Сравнительный анализ данных по годам позволил зафиксировать увеличение численности группы, придерживающихся, по мнению опрошенных, «самосохранительной» стратегии поведения. Представленные данные свидетельствуют также о наличии значительной по численности (32 % в 2014 г. и 28,2 % в 2015 г.) группы респондентов, затруднившихся с ответом на данный вопрос (рис. 4).

Распространённость разных типов самосохранительного поведения в значительной степени зависит от района проживания респондента. Так, правила самосохранительного поведения в большей степени соблюдают устойчиво по годам жители Ветковского и Брагинского районов. В 2015 г. в число лидеров вошли также и жители Чечерского района. Наиболее «затруднившиеся» и в 2014, и в 2015 г. – респонденты Хойникского района.

Среди причин «несамосохранительного» поведения респонденты в 2015 г. называют (в порядке убывания): собственная пассивность; отсутствие инфор-

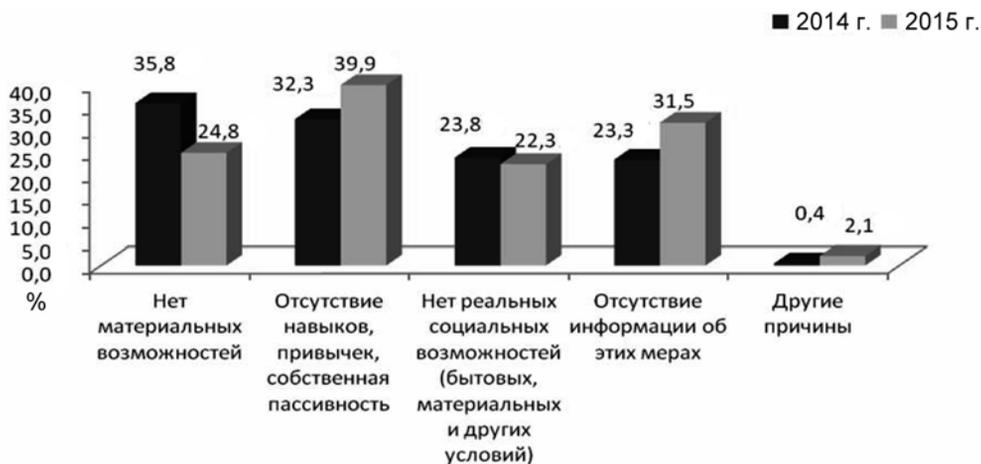

Рис. 5. Причины несоблюдения в повседневной жизни правил безопасного проживания на загрязненных территориях, %

мации о правилах безопасного проживания; отсутствие материальных и социальных возможностей (рис. 5).

Данные проведенных социологических исследований свидетельствуют о том, что в 2015 г. уменьшилось влияние материальных возможностей на распространенность «несамосохранительного» поведения за счет повышения влияния собственной пассивности и отсутствия информации. Следует также отметить, что устойчиво по годам причину отсутствия информации отмечают чаще респонденты, не имеющие высокого уровня образования.

Для определения удовлетворенности респондентов существующим в настоящее время информационным обеспечением реабилитационных мероприятий на загрязненных радионуклидами территориях рассчитывался индекс удовлетворенности, находящийся в пределах от -1 до 1 , где -1 – «не удовлетворен»; $-0,5$ – «скорее не удовлетворен»; $0,5$ – «скорее удовлетворен»; 1 – «удовлетворен полностью». В целом по выборкам обозначенный индекс равен $0,15$ в 2014 г. и $0,23$ в 2015 г. Положительное значение данного показателя означает, что количество в той или иной степени удовлетворенных превышает число неудовлетворенных. Следует также отметить, что около трети опрошенных ($27,2\%$ в 2014 г. и $19,1\%$ в 2015 г.) затруднились оценить полноту информационных мероприятий (рис. 6).

Как видно на рис. 6, уровень удовлетворенности в значительной степени различается в зависимости от района проживания, семейного положения и уровня образования респондентов. Так, в зависимости от района проживания респондента наибольшую удовлетворенность в 2015 г. продемонстрировали жители Чечерского и Брагинского районов, соответственно наименьшую – Хойникского и Наровлянского районов. Сравнительный анализ данных по годам позволил зафиксировать серьезный положительный сдвиг в аспекте

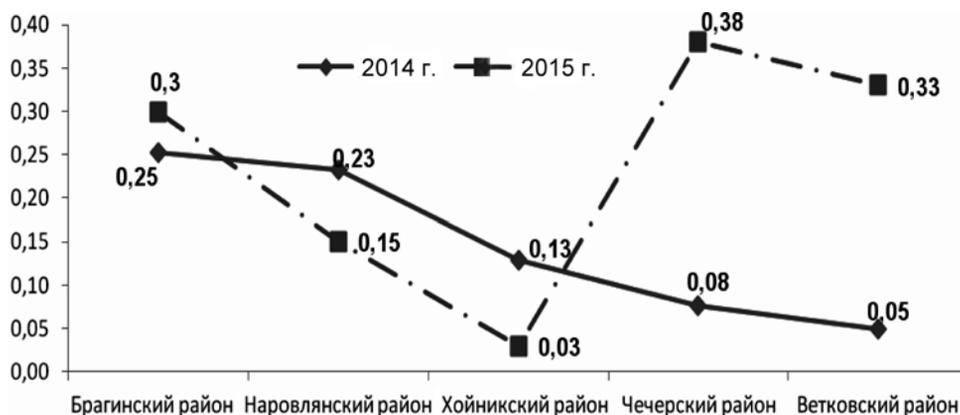

Рис. 6. Удовлетворенность респондентов существующим в настоящее время информационным обеспечением реабилитационных мероприятий на загрязненных радионуклидами территориях

удовлетворенности информационным обеспечением у жителей Чечерского района, падение этого показателя – у жителей Хойникского и Наровлянского районов.

Для более детального изучения информационного обеспечения граждан, проживающих на загрязненных территориях, в 2015 г. в инструментарий был включен индикатор, который позволил выявить проблемные «зоны» в информационном обеспечении. Респондентам было предложено оценить уровень своих знаний («имеют исчерпывающую информацию», «имеют неполную информацию» либо «не имеют информации») по различным аспектам проживания на загрязненных радионуклидами территориях (рис. 7). Расчет уровня информированности граждан из числа нуждающихся в дополнительной информации по проблемам проживания на радиоактивно загрязненных территориях производился по формуле:

$$I_i = 100 + M_i^1 - M_i^2 \cdot \alpha - M_i^3,$$

где α – коэффициент полноты информации (для 2014–2016 гг. – 0,85); M_i^1 – доля граждан, имеющих исчерпывающую информацию по проблемам проживания на радиоактивно загрязненных территориях, %; M_i^2 – доля граждан, имеющих неполную информацию по проблемам проживания на радиоактивно загрязненных территориях, %; M_i^3 – доля граждан, не имеющих информации по проблемам проживания на радиоактивно загрязненных территориях, %.

Результаты исследования показали, что наиболее высоко респонденты оценивают свои знания о правилах сбора ягод и трав (99,3 %), правилах рыбной ловли и охоты (94,9 %), а также о правилах сбора грибов (94,6 %). И наоборот, самый низкий уровень информированности зафиксирован относительно опе-

2015 г.

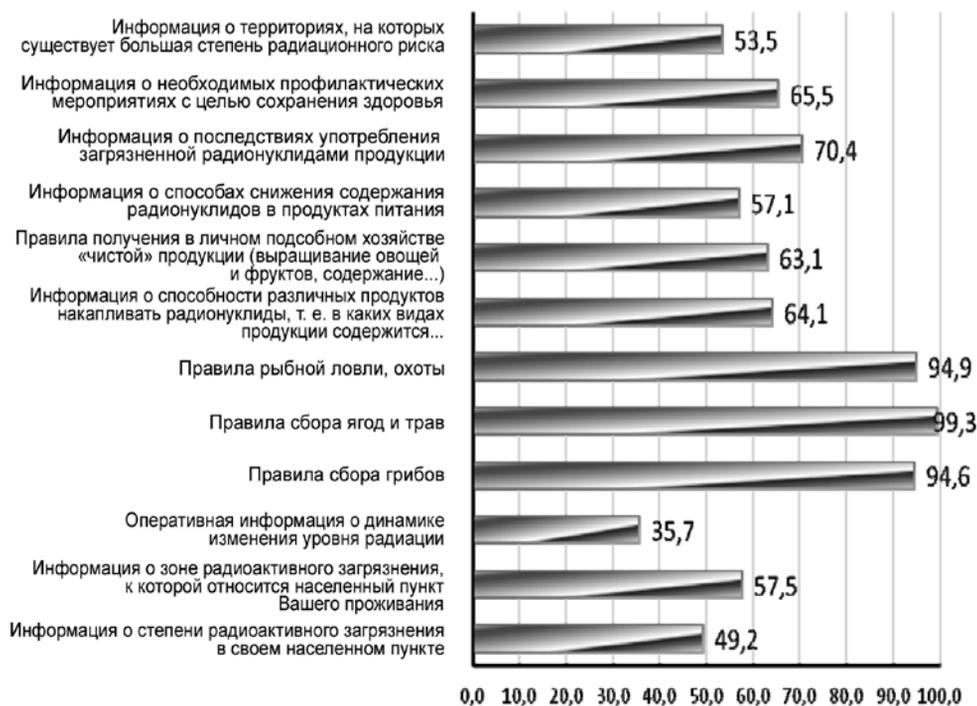

Рис. 7. Значения уровня информированности населения по различным аспектам проживания на радиоактивно загрязненных территориях, %

ративной информации о динамике изменения уровня радиации (35,7 %) и информации о степени радиоактивного загрязнения в своем населенном пункте (49,2%). Именно на эти аспекты необходимо обратить особое внимание при планировании информационных мероприятий. По остальным позициям респонденты оценили уровень своих знаний выше среднего – от 53,5 до 70,4 %.

Очевидно, что при дефиците официальной информации представления людей о проводимых реабилитационных мероприятиях на загрязненных радионуклидами территориях складываются на уровне обыденного сознания с помощью разного рода недостоверных источников, в том числе и зарубежных. Возникающее в результате общественное мнение характеризуется недостаточной компетентностью и незрелостью. Для снятия этой проблемы, на наш взгляд, органам государственного управления и, в частности, специалистам Департамента по ликвидации последствий катастрофы на ЧАЭС МЧС Республики Беларусь и Министерства информации необходимо усилить информационно-разъяснительную работу с населением по данной проблематике, что позволит направить общественное мнение в необходимом для дальнейшего экономического развития страны направлении.

Важно учесть, что в данном случае под интересом понимается не только любознательность, а целевая ориентация на затрагивающие людей условия жизнеобеспечения. А это значит, что потребность в такой информации не может быть удовлетворена разовым сообщением, как это имеет место относительно каких-либо далеких от нас событий («узнал – и достаточно»). Данная потребность из числа «ненасыщаемых», она будет возрастать, углубляться в детали и нюансы, искать способы причастности: участие в возрождении пострадавших территорий, выбора места работы и места жительства и др. Именно в таком ключе существующая информация пока не соответствует интересам большинства населения, прежде всего молодежи, задумывающейся о профессиональном призвании и планах на будущее, а также и их родителей.

Литература

1. 20 лет после чернобыльской катастрофы: последствия в Республике Беларусь и их преодоление : нац. доклад / Ком. по проблемам последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС при Совете Министров Респ. Беларусь ; под ред. В. Е. Шевчука, В. Л. Гурачевского. – Минск : Беларусь, 2006. – 112 с.
2. Агеец, В. Ю. Система радиэкологических контролеров в агрофере Беларуси / В. Ю. Агеец / Респ. науч.-исслед. унитар. предприятие «Ин-т радиологии». – Минск, 2001. – 250 с.
3. Научные основы реабилитации сельскохозяйственных территорий, загрязненных в результате крупных радиационных аварий / Н. Н. Цыбулько [и др.] ; под общ. ред. Н. Н. Цыбулько. – Минск : Ин-т радиологии, 2012. – 438 с.

E. V. MARTYSHCHANKAVA

INFORMATION NEEDS OF THE RESIDENTS FROM THE MOST CONTAMINATED AREAS OF GOMEL REGION

Summary

The article presents the results of studies devoted to the determination of the public level awareness in Gomel region on the problems of residence in the territories affected by the Chernobyl accident. The tendencies of changes in the population perception of the radiation exposure dangers are analyzed.

Keywords: Chernobyl accident, consequences of the Chernobyl accident, contamination, ecology, public opinion, awareness.

Поступила 19.10.2015 г.

С. В. БАРБАШЕВ,

доктор технических наук, вице-президент Украинского ядерного общества,
г. Одесса, Украина

ПОДХОДЫ УКРАИНСКОГО ЯДЕРНОГО ОБЩЕСТВА К ОРГАНИЗАЦИИ PR-ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РАЙОНАХ РАСПОЛОЖЕНИЯ АЭС

Приведены результаты социологических опросов населения разных стран мира об отношении к ядерной энергетике. Показано, что мнение общественности об ядерной энергетике в мире является в настоящее время неоднородным и неоднозначным. Описан подход, разработанный Украинским ядерным обществом, который позволил изменить в положительную сторону отношение общественности к ядерной энергетике.

Ключевые слова: ядерная энергетика, общественное мнение, PR-деятельность.

В настоящее время мир понемногу начал успокаиваться, забывая аварию 2011 г. на японской АЭС «Фукусима-1» (хорошо это или плохо – тема отдельной статьи). Мировое ядерное сообщество, учтя уроки аварии, вновь рассматривает возможности развития ядерной энергетике (ЯЭ). Об этом свидетельствует ежегодный рост числа атомных энергоблоков, которые после 2011 г. начали строиться в мире. Так, по данным МАГАТЭ (база PRIS), если в 2011 г. было начато строительство 4 блоков, то в 2012 г. – уже 7, в 2013 г. – 10 блоков, а в 2014 и в 2015 гг. – по 3 блока.

Тем не менее население разных стран неоднозначно реагирует на возможную перспективу развития ядерной энергетике.

Для иллюстрации того, как общественность в некоторых странах относится к ядерной энергетике, приведем результаты социологических опросов населения Японии (табл. 1), Украины (табл. 2), России (табл. 3), Республики Беларусь (рис. 1), а также США и некоторых стран Европы [1–10].

Таблица 1. Отношение японцев к ядерной энергетике, % от числа опрошенных*

Вариант ответа	2005 г.	2012 г. (ТК NHK, март)	2013 г. (ТК NHK, ноябрь – декабрь)	2014 г. (Tokyo Shimbun, март)
За увеличение числа АЭС	32	2	–	–
За сохранение числа АЭС на нынешнем уровне	–	21	11	–
За уменьшение числа АЭС	}10	43	–	}69
За полный отказ от АЭС		28	76	

* Суммарный процент по столбцу меньше 100 %, так как не все респонденты дали ответы на данные вопросы.

Из табл. 1 видно, что за полный или частичный отказ от АЭС в 2013 г. высказывались 76 % населения Японии, и лишь 11 % респондентов поддерживали возвращение реакторов в строй. Несколько лучший результат демонстрирует опрос газеты Токуо Shimbun в 2014 г.: 69 % респондентов считают, что от ядерной энергии нужно постепенно или немедленно отказаться.

«Каждый четвертый украинец считает АЭС чрезвычайно опасными», – такими оказались данные, которые обнаружил Центр Разумкова, проводивший с 1 по 5 апреля 2011 г. социологическое исследование «Мнение граждан Украины о ядерной энергетике» (табл. 2).

Большинство опрошенных, а именно 39,4 %, считают украинские АЭС довольно опасными, а 25,2 % – чрезвычайно опасными. Центр Разумкова опросил 2009 респондентов старше 18 лет во всех областях Украины, Киеве и Автономной Республике Крым. Опрос проводился в 132 населенных пунктах, в том числе в 79 городских и 53 сельских.

Таблица 2. Отношение украинцев к ядерной энергетике, % от числа опрошенных*

Вариант ответа	2005 г. (Центр Разумкова)	2007 г. (Центр Разумкова)	Апрель 2011 г. (Центр Разумкова)	Апрель 2011 г. (Ин-т Горшенина)
<i>Отношение к строительству новых блоков</i>				
За	26,8	23,1	17,6	20,3
Против	54,9	55,1	69,1	66,3
Затруднились ответить	–	21,8	13,3	13,4
За закрытие всех АЭС	–	–	10,0	–
<i>Отношение к действующим АЭС Украины</i>				
Довольно опасны	}62,2	}62,2	39,4	41,5
Очень опасны			25,2	28,5
Скорее безопасны	}24,5	}24,5	–	13,5
Точно безопасны			–	7,9
Затруднились ответить	–	–	–	8,6

* Суммарный процент по столбцу меньше 100 %, так как не все респонденты дали ответы на данные вопросы.

Чуть менее двух третей респондентов выражают беспокойство по поводу продления срока эксплуатации действующих энергоблоков АЭС в Украине.

В то же время даже авария на японской АЭС «Фукусима-1» не склонила граждан к мысли закрыть украинские АЭС. Такое мнение высказали лишь 10 % опрошенных. Большинство же респондентов считают необходимым улучшить системы безопасности на украинских АЭС.

Похожие результаты получил и Институт Горшенина, который в тот же период проводил аналогичный опрос населения Украины (табл. 2).

К сожалению, данных о том, как изменилось мнение жителей Украины об атомной энергетике в 2012–2015 гг., автору настоящей статьи, учитывая осо-

бенности существующей ситуации в стране, найти не удалось. По-видимому, опрос в эти годы не проводился.

Следует сказать, что результат, качественно близкий опросу Левада-центра (табл. 3, [6]), был получен в 2015 г. Институтом ядерной энергии (США) при анонимной оценке уровня общественной приемлемости ядерной энергетики в России [10]. Он показал, что 42,9 % россиян в целом лояльны к ядерной энергетике (ничего менять не надо). 53,4 % респондентов воспринимают ядерную отрасль амбивалентно, то есть видят ее «плюсы» и «минусы», а 3,7 % негативно относятся к развитию ядерной энергетики. Количественное различие между данными, полученными Левада-центром и Институтом ядерной энергии, можно объяснить различием применяемых методик опроса.

Данные табл. 3 свидетельствуют о том, что по уровню поддержки развития ядерной энергетики Россия практически вернулась на «дофукусимский уровень». Мнение «Росатома» об этом: россияне «видят в атомной отрасли источник инновационного развития страны».

Таблица 3. Отношение россиян к ядерной энергетике (опрос Левада-центра), % от числа опрошенных*

Вариант ответа	2009 г.	2010 г.	2011 г. (после аварии на АЭС «Фукусима-1»)	2012 г., 24–27 февраля	2013 г.	2015 г., февраль
За активное развитие	35,0	36,0	22,0	29,0	33,0	}70,6
За сохранение на нынешнем уровне	35,0	37,0	30,0	37,0	38,5	
Работу АЭС необходимо постепенно сворачивать	12,0	10,0	27,0	15,0	14,0	–
За полный отказ от АЭС	5,0	4,0	12,0	11,0	6,0	–

* Суммарный процент по столбцу меньше 100 %, так как не все респонденты дали ответы на данные вопросы.

Мнение населения Беларуси относительно развития ядерной энергетики представлено на рис. 1. Вопрос в анкете был сформулирован следующим образом: «Должна ли, на Ваш взгляд, иметь и развивать ядерную энергетику Беларусь?» (варианты ответов – «Да», «Нет», «Затрудняюсь ответить»). Так, согласно данным социологов населения Республики Беларусь, проведенных Институтом социологии НАН Беларуси в 2005–2012 гг. [7], число сторонников ядерной энергетики в республике за семь лет выросло почти в два раза – с 28,3 % в 2005 г. до 53,5 % в 2012 г., а число противников уменьшилось соответственно с 46,7 % до 21,1 %.

Опрос общественного мнения, проведенный в 2012–2015 гг. в других странах, показал, что:

в США (март 2015 г., Институт ядерной энергии [9]) 68 % респондентов поддерживают использование атомной энергии в качестве одного из источников получения энергии (в 2014 г. – 63 %); 78 % убеждены, что ядерная энергетика будет важна для обеспечения энергопотребления в последующие годы (в 2014 г. – 74 %). С ними не согласны 19 % опрошенных;

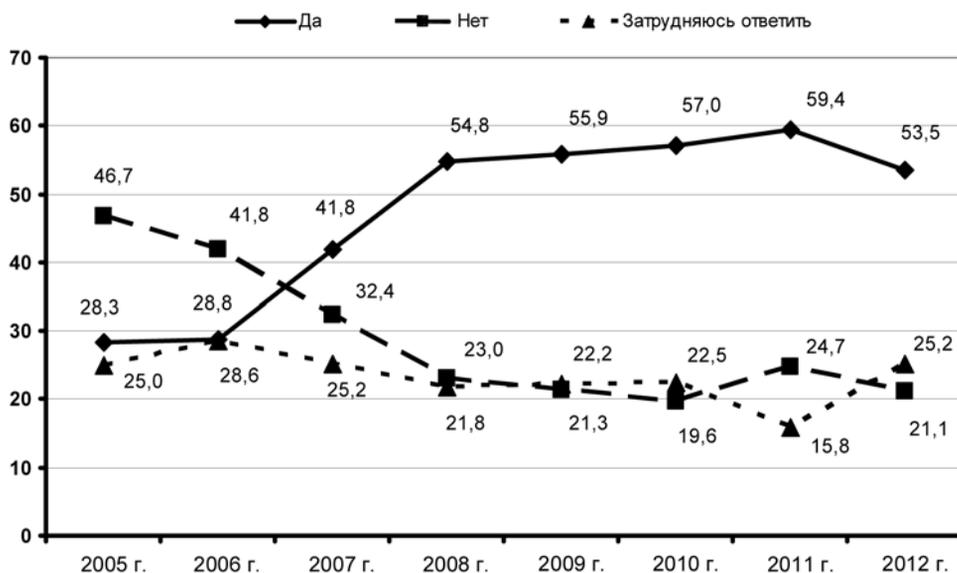

Рис. 1. Динамика отношения населения Беларуси к ядерной энергетике (данные Института социологии НАН Беларуси, 2012 г. [7])

в **Великобритании** в течение последнего десятилетия поддержка ядерной энергетики растет [4]. Если в середине 2001 г. 60 % британцев выступали против строительства новых АЭС, то к декабрю 2013 г. их количество сократилось до 20 %. Вызванный «Фукусимой» эффект снижения поддержки просуществовал недолго. Уже к концу 2011 г. 50 % респондентов выступали за строительство новых АЭС в стране;

в **Германии** подавляющее большинство населения напугано последствиями использования энергии атома [4]. Именно это обстоятельство явилось причиной того, что вскоре после чернобыльской аварии было принято политическое решение об отказе от использования АЭС. Фукусимская авария побудила правящие круги ускорить процесс вывода немецких атомных станций из эксплуатации. Однако 85 % респондентов придерживаются мнения, что ядерные исследования должны по-прежнему занимать высокое место в немецкой науке и заслуживают соответствующего финансирования;

данные исследования, проведенного Французским институтом общественного мнения (IFOP), показали рост поддержки населением **Франции** атомной энергетики [8]. Социологический опрос был проведен в конце мая 2013 г. по заказу издания «Dimanche Ouest France» с целью проследить динамику изменения общественного мнения относительно ядерной энергетики в период от аварии на АЭС «Фукусима-1» до момента проведения опроса. Из 2004 респондентов 36 % поддержали использование атомной энергетики во Франции. В ноябре 2011 г. их количество составляло 33 %, в июле 2011 г. – 32 %. Доля противников использования атомной энергии сократилась до 14 % по срав-

нению с 17 % в ноябре и 21 % в июле 2011 г. 34 % респондентов отнесли себя к категории «сомневающихся», что на 6 % меньше, чем в ноябре 2011 г. Впервые со времени аварии на АЭС «Фукусима-1» количество поддерживающих ядерную энергетику превысило количество в категории «сомневающиеся». 16 % опрошенных не определились с ответом. Несмотря на это, французские власти обсуждают возможность сокращения доли атомной энергии в стране до 50 %;

в **Швейцарии** 74 % граждан демонстрируют растущее доверие к местным АЭС (сразу после «Фукусимы» их было 68 %) [4]. Почти 64 % респондентов считают ЯЭ достаточно недорогой;

в **Швеции** 49 % опрошенных поддерживают строительство новых блоков АЭС на замену выбывающим, 30 % выступают против, а 21 % занимают неопределенную позицию [4]. Субъективное чувство опасности у шведов (каждый десятый воспринимает ядерную энергетику с беспокойством и страхом) остается важной проблемой для ЯЭ.

Приведенные выше результаты опроса общественного мнения показывают, что **отношение населения к атомной энергетике в мире является в настоящее время неоднозначным**. В некоторых странах, например, в России, Республике Беларусь, США, в нескольких азиатских странах прослеживается тенденция его улучшения по сравнению с 2011 г. В других странах (Япония, Украина, Германия, Швеция и др.) заметного прогресса не наблюдается. Все это свидетельствует о том, что репутация атомной энергетики после аварии на японской АЭС «Фукусима-1» несколько деформировалась.

В Украине явно виден невысокий уровень общественного доверия (табл. 2). Это можно связать с существующими в настоящее время в стране противоречиями между энергетическими и экономическими возможностями страны и социальными потребностями людей, что определяет общественное мнение по многим вопросам, в том числе и по отношению к ядерной энергетике.

Следует четко понимать, что ядерная энергетика является объектом, существование и развитие которого находится под влиянием общественного мнения. Поэтому, принимая решение о строительстве, расширении, продлении сроков эксплуатации и других действиях по отношению к ядерным объектам, в первую очередь следует знать мнение людей.

Противоречивое отношение общественности к ядерной энергетике имеет под собой объективную основу. Дело в том, что в ядерной отрасли существует ряд до конца нерешенных проблем, которые особенно волнуют мировую общественность. К ним относятся:

возможность возникновения аварий на АЭС и связанная с этим проблема обеспечения безопасности АЭС (ядерной, радиационной, экологической), особенно после событий в Японии;

отсутствие надежной технологии захоронения высокоактивных радиоактивных отходов (РАО) и отработавшего ядерного топлива (ОЯТ);

неоднозначная оценка экономической эффективности ядерной энергетики.

От состояния дел и скорейшего решения указанных проблем во многом зависит дальнейшая судьба ядерной энергетики, ее развитие.

Безусловно, они решаются специалистами, но делается это в недостаточном открытом и прозрачном для общественности режиме, которая хочет знать и контролировать этот процесс. (Обеспечение полного и объективного информирования о работе и событиях на АЭС также является проблемой.) Однако широкой общественности, в число которой входят радикально настроенные против ядерной энергетики «зеленые», для этого часто не хватает специальных знаний. А специалисты, обладая такими знаниями, зачастую не имеют навыков работы с общественностью и не всегда могут доходчиво и популярно объяснить суть технических вопросов.

Описанная выше ситуация характерна не только для атомной энергетики, но и для других отраслей, предприятия которых представляют собой потенциальную опасность для населения и окружающей среды. Для такого случая специалистам, занимающимся работой с общественностью, следует, учитывая мотивацию целевых аудиторий, руководствоваться некоторыми базовыми правилами PR-технологий:

обращаясь к людям, следует говорить им то, что они хотят услышать. Однако это не означает, что нужно что-то придумывать: можно рассказать о своих реальных достижениях, которые могут заинтересовать эти целевые аудитории;

общаясь с людьми, следует говорить их словами. Представляя людям информацию, нужно оперировать их понятиями и категориями, иногда даже используя высказывания на их лексиконе. Однако это не значит, что следует заискивать, заигрывать с ними, выдавая себя «за своего парня». Такая фальшь раньше или позже начинает «резать слух».

В связи со значимостью роли общественности в развитии атомной энергетики, остановлюсь подробнее на подходах, выработанных Украинским ядерным обществом (УкрЯО) в процессе работы с общественностью в ядерной отрасли Украины. Думаю, что предлагаемая в статье методика может быть применена и в других странах.

Как было показано выше, ядерно-энергетическая отрасль Украины испытывает недостаток общественного доверия. К этому следует добавить, что в дискуссиях с противниками ядерной энергетики и в информационно-агитационной работе ее сторонники часто проигрывают. Взять хотя бы общественные слушания по поводу строительства Белорусской АЭС, которые проходили в 2010 г. в Минприроды Украины, где верх одержали противники ядерной энергетики, ничего общего не имеющие со знанием предмета обсуждения, но, тем не менее, не получившие адекватного отпора со стороны специалистов.

Еще один факт касается бездоказательного высказывания «экспертов» Национального экологического центра Украины о неразумности и даже авантюристности строительства новых ядерных блоков в Украине, в частности на Хмельницкой АЭС. На каком основании, почему? Непонятно. Однако нега-

тивная информация в СМИ заброшена. К сожалению, эффективной ответной реакции со стороны специалистов-ядерщиков не последовало.

О недостатках в информационной работе в отрасли свидетельствует периодически возникающая паника у населения (и не только в Украине) по поводу якобы аварий на АЭС. Здесь очень важна превентивная работа по предупреждению возникновения подобных слухов. Понятно, что они распускаются определенными группами людей и в определенные периоды жизни государства для достижения своих корыстных целей, ничего общего не имеющими с защитой интересов населения страны. Это все хорошо известно работникам информационных служб отрасли. Тем более непонятно, почему до сих пор не выработаны эффективные контрмеры.

Неблагоприятную ситуацию в отношениях с оппонентами ядерной энергетики также можно объяснить разницей в ресурсах, в первую очередь финансовых, вложенных в пропаганду своих идей у сторонников антиядерного пути развития энергетики. Эта разница столь велика, а уровень информированности и знаний о ядерной энергетике широких слоев общественности столь низок, что заявления оппонентов находят куда больший отклик, чем они того заслуживают. Поэтому если власть хочет иметь в стране ядерную энергетику, ей необходимо доступно и убедительно донести людям информацию о том, что такая энергетика – это экономически, экологически и социально необходимый элемент жизнедеятельности, развития и процветания государства. И воплощать в жизнь данные заявления на деле, подходя к этому с государственных позиций, а не использовать их (заявления) для достижения своих политических интересов.

Как устранить сложившуюся ситуацию с общественным мнением и достичь понимания общественностью необходимости развития ядерной энергетики? С уверенностью можно сказать, что для этого необходимо руководствоваться правилами и приемами, уже разработанными PR-технологами. Вот, например, что рекомендуется делать в случае возникновения кризисных ситуаций:

1. Оценить источник, причину кризиса, возможный ущерб.
2. Разработать ключевой блок информационных сообщений.
3. Разработать модель поведения.
4. В случае если игнорировать событие публично нельзя, первым «дать название кризису».
5. Придерживаться одной, заранее принятой кризисным штабом трактовки причин и последствий кризиса.
6. Не врать.
7. Минимизировать потоки информации, отсечь все другие каналы коммуникации, кроме представляемых специально подготовленными спикерами.
8. Не оправдываться.
9. Не показывать слабость.
10. Об успехах в работе информировать общественность и др.

Чтобы убедить широкие слои общественности, а также лиц, принимающих государственные решения, в необходимости всесторонней поддержки ядерной энергетики и ее перспективного развития, следует в противовес «чернобыльскому синдрому» перестраивать общественное сознание. Эти новые стереотипы необходимо строить наряду с уже устоявшимися, как правило, негативными стереотипами, но никак не вместо них. Например, среди ключевых имиджевых слоганов украинских атомщиков, отражающих новые стереотипы, могут быть такие: «Атомщики работают для людей» (этот слоган использует УкрЯО в своей работе с населением района расположения АЭС).

Создание и внедрение в сознание людей новых стереотипов – это одно из направлений PR-работы и весьма существенное. В настоящее же нестабильное время, которое характеризуется наличием различных кризисных ситуаций, в обществе усиливается озабоченность качеством жизни, проблемами выживания. Такое состояние приводит к тому, что все большее число людей начинает поддерживать призывы, направленные на осуществление более «земных» целей, чем развитие ядерных технологий. Не следует забывать, что антиядерные организации используют в своей пропагандистской деятельности реальные экологические трудности и просчеты. Поэтому на быстрые перемены в общественном сознании, направленные на поддержку и развитие ядерной энергетики, в ближайшем будущем рассчитывать не следует. Это процесс продолжительный, связанный с изменением массового сознания, которое очень инертно и патриархально.

Осознание преимуществ ядерной энергетики и закрепление его в умах людей может идти по многим каналам, но основным является путь, связанный с приобретением знаний. По мере того, как знания о радиации, ядерных технологиях – пусть даже самые элементарные – будут увеличиваться и постепенно проникать в общественное сознание, будет создаваться позитивная основа для принятия общественностью ядерной энергетики. В свою очередь, это откроет новые перспективы для ее развития. В этом длительном процессе приобретения знаний ведущую роль должны сыграть школа, вуз или другие учебные заведения, что потребует вмешательства государства для внесения соответствующих изменений в программы обучения.

Всю работу с общественностью надо проводить на основе соответствующей долгосрочной программы. Но дело в том, что эффективная отраслевая и государственная стратегия и соответствующие программы в области работы с общественностью, направленные на поддержку, развитие и повышение имиджа ядерной энергетики, например в Украине, отсутствуют. На это УкрЯО многократно обращало внимание руководителей отрасли.

Кроме того, финансирование PR-деятельности в отрасли осуществляется по остаточному принципу, тогда как на зарубежных АЭС на работу с общественностью и СМИ выделяется до 10 % от прибыли. Не создана система подготовки кадров для PR-служб, нет программы регулярного повышения квалификации ни работников информационных центров, ни, тем более, руко-

водителей всех уровней. А «ликбез» для руководства – очень важная составляющая программы работы с общественностью, так как от того, насколько глубоко первые лица знают и понимают методы и средства PR-работы, зависит не только успех этой работы, но и будущее их предприятия и ядерной энергетики в целом. По сути дела, работа с общественностью, как и культура безопасности, должна стать важным приоритетом в деятельности руководителей отрасли всех уровней.

Перечисленные выше проблемы являются проблемами отраслевого уровня. Их необходимо решать в первую очередь. Задача же государственного и регионального уровней заключается в создании (уже сегодня), желательного во всех областных центрах, как это сделано в России и начинает осуществляться в Республике Беларусь, информационных центров, на которые будет возложена обязанность проведения на всей территории страны постоянно действующей информационной, пропагандистской, «ликбезовской» работы, направленной на решение задач, которые связаны с формированием положительного отношения к ядерной энергетике, строительству новых ядерных объектов, вообще к развитию ядерной энергетики.

Опыт работы с населением 30-километровой зоны Хмельницкой АЭС, которую в течение нескольких лет активно проводило Украинское ядерное общество, дает основание утверждать, что для повышения эффективности работы с общественностью в регионах расположения действующих и строящихся ядерных установок, в Украине целесообразно создавать региональные центры работы с общественностью, объединив усилия эксплуатирующей (АЭС), общественной организаций, органа местного самоуправления, Ассоциации городов зоны наблюдения (там, где она есть).

Подводя итог сказанному выше, следует особо подчеркнуть, что для того, чтобы изменить в положительную сторону отношение общественности к ядерной энергетике, необходимо создать соответствующие организационные и финансовые условия, при которых работе с общественностью в отрасли уделялось бы такое же внимание, как и вопросам безопасности и культуры безопасности АЭС. Только в этом случае появится реальная возможность развивать ядерную энергетику.

Литература

1. Фукусима забыта? Япония протестует против планов вернуться к атомной энергетике [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.bellona.ru/articles_ru/articles_2014/fukushima_protest. – Дата доступа : 24.03.2014.
2. Громадська думка про стан і розвиток ядерної енергетики України // Нац. безпека і оборона. – 2008. – № 3. – С. 52–60.
3. Каждый четвертый украинец считает АЭС чрезвычайно опасными [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://24tv.ua/ru/ukraina/kazhdyiy_chetvertyiy_ukrainets_schitaet.../p88292. – Дата доступа: 21.04.2011.
4. Варианты энергетического будущего [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.ng.ru/energy/2014-04-08/15_power.html. – Дата доступа: 08.04.2014.

5. Социологи: Фукусимский синдром в России преодолен [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://publicatom.ru/blog/energy/2536.html>. – Дата доступа: 01.04.2013.
6. В США и РФ большинство граждан поддерживают ядерную энергетику [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rosatom.ru>. – Дата доступа: 25.03.2015.
7. *Мартищенко, Е. В.* Сравнительный анализ динамики общественного мнения по вопросам использования атомной энергетики в Республике Беларусь / *Е. В. Мартищенко, Е. М. Бородачева* // Социол. альм. – 2013. – № 4. – С. 383–392.
8. Во Франции растет поддержка использования ядерной генерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://atom.belta.by/ru/news_ru/view/news_ru/view/vo-frantsii. – Дата доступа: 26.06.2013.
9. Public Favorability of Nuclear Energy Climbs for Today's Reactors, Future U.S. Development and Global Leadership [Electronic resource] // BISCONTIRESEARCH, INC. – Mode of access: <http://www.bisconti.com>. – Date of access: 17.03.2015.
10. В США изучили общественное отношение к ядерной энергетике [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://vk.com/wall-37706009_48669. – Дата доступа: 02.04.2015.

S. V. BARBASHEV

UKRAINIAN NUCLEAR SOCIETY APPROACHES TO THE ORGANIZATION OF PR-ACTIVITIES IN THE AREAS WITH NUCLEAR POWER PLANTS

Summary

The results of public opinion polls around the world on attitudes towards nuclear power were obtained. It is shown that the public attitude towards nuclear power in the world is currently uneven and ambiguous. The approach developed by the Ukrainian Nuclear Society, that will change in a positive way the public attitude to nuclear power and to find a consensus.

Keywords: nuclear power, public opinion, PR-activities.

Поступила 01.09.2015 г.

SOCIAL DEVELOPMENT TRANSITIONAL CHINA ***СОЦИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ КИТАЯ В ПЕРЕХОДНЫЙ ПЕРИОД***

Dr. XIONG YANG,

Институт социологии Шанхайской академии общественных наук

ВВЕДЕНИЕ

С тех пор как Китай провел реформы и открытую политику 37 лет тому назад, социальное развитие Китая достигло высоких результатов.

В настоящее время Индекс человеческого развития (ИЧР) является самым широко используемым и влиятельным инструментом для измерения человеческого развития во всем мире. Для проведения комплексных измерений на уровне экономического и социального развития стран в мире, Программа развития Организации Объединенных Наций (ПРООН) предложила концепцию Индекса человеческого развития в первом выпуске «Доклада о развитии человека» в 1990 г. ИЧР – это составной индикатор, который содержит три показателя: ожидаемая продолжительность жизни, образование и доход. По сравнению с валовым национальным доходом на душу населения (ВНД) или валовым внутренним продуктом (ВВП), ИЧР рассматривает не только факторы экономического роста, но и факторы, оказывающие влияние на социальное развитие, такие как образование, здравоохранение и т. д.

По данным «Доклада о человеческом развитии» 2014 г., Индекс человеческого развития в Китае в 2013 г. составил 0,719, согласно которому Китай занимает 91-е место в мире, а его рейтинг поднялся на 10 позиций выше, чем в 2008 г. По сравнению с данными 1980 г., его индекс увеличился на 0,296, что позволило Китаю расположиться в верхней части рейтингов. В 2013 г. ИЧР Китая был выше, чем в среднем по странам Восточной Азии и Тихого океана (0,703), а также в среднем по BRIC (0,697), что означает вхождение Китая в группу стран с высоким уровнем человеческого развития. По данным «Доклада о человеческом развитии» 2014 г., экономический рост Китая в среднем увеличивается на 9,8 % в год благодаря реформам и открытости, а также становится выше среднегодовых темпов роста мировой экономики, составляющих 2,8 % за тот же период. Быстрое развитие китайской экономики связывается со значительным увеличением ИЧР Китая. Например, в 1980 г. его ИЧР составлял лишь 0,407, в то время как в 2012 г. его значение достигло 0,699, что позволяет Китаю занимать первое место по росту этого индекса среди всех стран мира.

С помощью метода Паритета покупательной способности (ППС) Всемирного банка, валовой национальный доход на душу населения в 1980 г. составлял лишь 524 долл., а в 2012 г. он вырос до 7945 долл., то есть увеличился

в 14 раз. Особенно после 1990 г. темп роста ВНД на душу населения в Китае был самым быстрым среди 187 стран и возрос за это время до 9 %. С 1990 по 2008 г. наша страна вывела из нищеты 510 миллионов человек, что поспособствовало значительному уменьшению бедности в мире. В системе образования и здравоохранения Китай также имеет существенные достижения. Средняя продолжительность жизни в 2012 г. возросла почти на 6,7 года по сравнению с 1980 г. Среднее количество лет обучения и ожидаемое число лет обучения, начиная с начального образования, увеличилось на 3,8 года и 3,3 года соответственно. Согласно 100%-ной регистрации, 80 % из тех, кто обучался в начальной школе, продолжили обучение в средней школе, что означает повышение качества жизни населения.

Необходимо уделять внимание проблемам, возникающим в период социальных преобразований. Несмотря на то что китайская экономика добилась значительных успехов за последние 30 лет, а уровень социального развития значительно возрос, развитие Китая по-прежнему сталкивается с рядом проблем, вызывающих беспокойство, а именно:

во-первых, социальное строительство отстает от экономического роста. Повышение китайского индекса человеческого развития в основном стимулируется бурным развитием экономики. В сравнении с быстрыми темпами экономического развития, продвижение в области здравоохранения, образования и других социальных аспектов очевидно отстает. В 2012 г. по ВНД на душу населения Китай занимал 89-е место среди 187 стран, но в рейтинге ИЧР он был на 12 позиций ниже, чем по показателям ВНД на душу населения. При исключении из ИЧР показателя ВНД на душу населения, китайский ИЧР снижается на 5 мест, выпадая за пределы мирового топ-100. По сравнению с «тройным прыжком» в китайском ВНД на душу населения после 2000 г., показатели здоровья населения и уровня образования в последние 10 лет имели весьма скромный прогресс. Ожидаемая средняя продолжительность жизни граждан в 2014 г. увеличилась на 4,1 года, по сравнению с 2000 г., а ожидаемая продолжительность обучения и среднее количество лет учебы в школе также стали лишь ненамного выше, чем в 2000 г.: на 3,4 года и 0,9 лет соответственно. Это показывает, что экономический рост не может быть эффективно трансформирован в социальный прогресс;

во-вторых, в разных регионах страны имеет место неравномерное развитие социальных компонентов. Индексы человеческого развития в восточных развитых провинциях намного выше, чем в экономически неразвитых внутренних провинциях. По уровню социального развития регионы Китая можно разделить на четыре группы. Первая группа – наиболее развитые провинции, включающие Пекин, Шанхай и Тяньцзинь, достигшие высокого уровня человеческого развития, который может быть сопоставим с уровнем европейской страны Португалии. Вместе с тем в мировом рейтинге Цинхай, Ганьсу, Юньнань, Гуйчжоу и Тибет находятся на низком уровне человеческого развития и могут соответствовать только уровню Ганы, Экваториальной Гвинеи

и других африканских стран. Становится очевидным, что поляризация очень серьезная. Из субиндексов видно, что ВНД на душу населения в развитых провинциях, таких как Пекин, Тяньцзинь и Шанхай, в два раза выше, чем в среднем по стране, и почти в шесть раз выше, чем в нижней части рейтинга.

Огромные различия в уровне экономического развития в регионах отражаются на всех аспектах социального развития. В сфере образования в восточной части Китая имеется огромное преимущество в обучающих ресурсах и качестве преподавания: например, в Пекине уровень охвата школьным образованием составляет 98 %, а высшим образованием – 60 % населения, что аналогично ситуации в университетах Великобритании, Израиля и других развитых стран. При этом уровень охвата в средней школе в Гуйчжоу составляет лишь 55 % тех, кто получил начальное образование, что означает исключение почти половины учащихся из процесса обучения. Кроме того, уровень зачисления абитуриентов в систему высшего образования в Гуйчжоу едва достигает 20 %, что эквивалентно уровню во Вьетнаме. Здравоохранение в Пекине и Шанхае находится на достаточно высоком уровне, и средняя ожидаемая продолжительность жизни выше 80 лет, что означает высокий уровень человеческого развития, сходный с ИЧР Франции и Норвегии. Для контраста, из-за нехватки медицинских ресурсов в Тибете, Юньнани и Цинхэ средняя ожидаемая продолжительность жизни ниже 70 лет, что на 10 лет меньше, чем в экономически развитых областях, а по стране в среднем она находится на уровне 1990-х гг.;

в-третьих, правительство сталкивается с проблемами социального управления. К 2011 г. структура китайского населения значительно изменилась. Впервые скорость урбанизации составила более 50 %, а общая численность городского населения превысила численность сельских жителей, достигнув 710 миллионов человек, живущих в городах и населенных пунктах. Китайский процесс урбанизации является не только самым быстрым в мире, но также имеет беспрецедентно большие масштабы. Местные власти Китая уделяют большое внимание роли экономического менеджмента, в ущерб социальному развитию. Между тем с притоком сельского населения в городские районы спрос на образование, здравоохранение, трудоустройство, пенсию и другие общественные секторы растет, а увеличение трудовых мигрантов ведет к серьезному конфликту из-за недостаточных социальных ресурсов города. Если это противоречие не будет разрешено положительно, то оно негативно повлияет на социальную стабильность;

в-четвертых, неравенство препятствует социальному прогрессу Китая. По результатам расчета ИЧР, скорректированного с учетом неравенства, выявлено, что неравенство снижает Индекс человеческого развития Китая на 20 %. Социальное неравенство наиболее ярко проявляется в показателе валового национального дохода на душу населения. Коэффициент Джини (индекс концентрации ресурсов) в Китае составлял в 2012 г. 0,474, что свидетельствует о значительном разрыве в доходах наиболее и наименее обеспеченных слоев

населения. Показатель соотношения средних уровней располагаемых ресурсов 20 % наиболее и 20 % наименее обеспеченных слоев населения достигает в стране 10 раз.

С точки зрения города и села, валовой доход на душу городского населения в три раза больше, чем у сельских жителей; при том, что бедное население в Китае составляет 128 миллионов человек (10 % населения). В ходе регуляции неравенства значимость показателя ВНД, который является самым высоким среди трех субиндексов, уменьшилась на 29,5 %. Неравномерное распределение образовательных и медицинских ресурсов снижает показатель образования и показатель продолжительности жизни на 23,2 % и 13,5 % соответственно. В решении проблем социального управления важно обратить внимание на то, каким образом в дальнейшем устранить неравенство и способствовать повышению социальной справедливости, с тем, чтобы обеспечить устойчивое развитие китайской экономики в будущем.

Социальное развитие Китая следует сфокусировать на социальной политике и управлении в течение следующих пяти лет. В 2015 г. правительство Китая формирует план развития на ближайшие пять лет (2016–2020 гг.). В течение этих лет Китай будет руководствоваться стратегией на построение «более справедливого общества и улучшение качества социального развития». В этот период государство будет вкладывать больше средств в благосостояние людей, чтобы сформировать средний класс общества. Как недавно отметил Председатель КНР Си Цзиньпин в стратегической схеме «четырех составляющих», средний класс является важной силой для достижения социальной стабильности. Создание среднего класса в китайском обществе способствует поддержке социальной справедливости правящей партией в Китае: «Необходимо постоянно увеличивать образовательные ресурсы, ориентируясь на западные регионы и сельскую местность, чтобы сбалансировать развитие обязательного образования».

Также очень важно увеличить более чем на 10 % количество студентов, поступающих в колледжи и университеты из бедных сельских районов. Необходимо усовершенствовать сельскую медицинскую помощь, а также неотложную помощь. Мы считаем, что всеобъемлющая реформа государственной общедоступной больницы должна быть расширена до 1000 округов, чтобы охватить 500 млн сельского населения. Важно ускорить создание единой базовой системы страхования городских и сельских пожилых жителей и повысить уровень благосостояния работающих пенсионеров.

Необходимо содействовать повышению активности гражданского общества и развивать формы общественной деятельности. К концу 2014 г. китайская общественная организация стремительно возросла до 600 тыс. человек, что на 9,7 % выше, чем в 2013 г. Количество социальных групп достигло 307 тысяч, что на 6,2 % выше, чем в предыдущем году; общее число частных некоммерческих подразделений достигло 289 тысяч (на 13,3 % больше, чем в 2013 г.). Мы также полагаем, что правительство должно децентрализовать

и перераспределить свои функции в управлении страной, а также ускорить отделение «промышленной ассоциации» и «торговой ассоциации» от административно-хозяйственного подразделения.

Данный раздел «Социологического альманаха» содержит 12 статей, написанных, в основном, учеными Института социологии Шанхайской академии общественных наук (SASS). Данные статьи отражают наиболее важные вопросы в области социологии в современном Китае, такие как социальная структура, социальная стратификация, семья, брак и проблемы молодежи. Как директор Института, я очень рад и ценю то, что исследовательские труды китайских социологов публикуются в Беларуси. Я искренне надеюсь, что Китай и Беларусь улучшат академические обмены, будут способствовать взаимодействию белорусских и китайских ученых-исследователей и укрепят нашу дружбу.

SOCIAL STRUCTURE AND SOCIAL DEVELOPMENT ***СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА И СОЦИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ***

УДК 316.323.72

LU HANLONG,

Research Professor, Institute of Sociology, SASS

THREE MAJOR TRANSFORMATIONS OF CHINESE SOCIALISM

In the mid-1950s China completed the “Urban and Rural Socialist Reforms” and started to carry out socialism. Since then China had established a state dominating and central planning socio-economic system in about three decades. In 1985, the country launched a wide-ranging and full-scale economic reform. At the same time, China insisted that the country was heading toward the “socialism with Chinese characteristics”. This article compares these two stages of socialist development in China, suggesting that the current socialist practice in China represents three major transformations of socialism: from the Idealistic “Great Egalitarianism” to the Realistic “Moderate Well-off”; from the “Wartime System” to the “Peacetime System”; from “State Socialism” to “Collective (group) Socialism”, where family is reviewed as the basic unit of society but state is the largest and complex group.

Keywords: social transformation, socialism, China.

ТРИ ОСНОВНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ КИТАЙСКОГО СОЦИАЛИЗМА

В середине 1950-х гг. Китай завершил «Городские и сельские социалистические реформы» и начал проводить политику социализма. Спустя почти три десятилетия в Китае был создан государственный доминирующий и централизованный план развития социально-экономической системы. В 1985 г. страна запустила широкомасштабную и всеобъемлющую экономическую реформу. При этом Китай настаивал на том, чтобы страна стремилась к «социализму с китайской спецификой». В статье сравниваются эти два этапа социалистического развития в Китае. Предполагается, что в нынешней социалистической практике в китайском государстве имеют место три основных трансформации социализма: от идеологического «большого эгалитаризма» к реалистическому «умеренному богатству»; от «военной системы» к «системе мирного времени»; от «государственного социализма» к «коллективному (групповому) социализму», в котором семья рассматривается как основная ячейка общества, а государство – как самая большая и сложная группа.

Ключевые слова: социальная трансформация, социализм, Китай.

The “Primary Stage of Socialism” and the New Model of China’s Development

The 13th National Conference of the Chinese Communist Party in 1987 was a turning point of Chinese socialism. At that conference Deng Xiaoping for the first time gave his approval to the statement that socialism in China was still at its “primary stage”. Moreover, Deng pointed out that such stage would last for a considerably long time¹.

---

¹ In March 1987 Deng approved the CCP’s 12th National Congress documents that claimed that China was at the preliminary stage of socialism. This makes the assessment official.

Deng Xiaoping did not fully interpret the theory of primary stage of socialism. He brought it out simply as a political decision. Nevertheless, such a theory provides the base for understanding Chinese socialism. It is derived from China's history, it does not trade off principles, and it is realistic about China's reality.

The French sociologist Emile Durkheim once gave an incisive comment on socialism. Durkheim believed that "socialism is to consciously reorganize economic lives". His lecture notes were published after his death, of which the first volume was entitled *Socialism*. Durkheim defined socialism as "Any theories that aim to combine economic conditions (which are now becoming universal), either entirely or in part, with social control and ideology as centre" [1, p. 45]. Here socialism is broadly defined and easy to understand. In particular, we should note that in Durkheim's theory the combination of economic condition, social control, and ideology could be achieved "entirely or in part". In other words, the key difference of different types of socialisms in the world is the level and the scope of the integration of economic condition, social control, and ideology. Indeed, the concept of socialism is meaningful only in the context of "socialism versus individualism". Socialism emphasizes on the control of free market economy, aiming to maximize individual interests through collective interests, consciousness, and actions. At the same time, socialism, in the name of public interests, impose limits on individual, asking people to sacrifice and make concessions for the sake of social justice.

From the 19th century on socialism as an ideal model of society has been largely misused. As early as in 1845 Engel complained that socialism in the mind of many Germans was "unclear and indistinct illusions" [2]. Lenin and Mao Zedong started to explore the possibility of carrying out socialism in non-industrialized countries and both had seized political power through violent revolution. We may say this is a kind of "social precocity". Such precocious socialism would have difficulties to integrate economic conditions, social control, and ideology at the right level. It has a tendency of putting "economic condition" entirely under social control and integrating it with communist ideology, causing the contradictions between economic base and superstructure. To a variety of degrees the communist countries in the 20th century all had such problems. At the time when economy was underdeveloped, these countries put economy almost entirely under political control and turned communist ideology into the guideline for economy. As a result, the economy was confined in the "planning" that may not be rationalized and it eventual hampered these countries economic development. In this regard, China was no exception.

Deng Xiaoping once said, the "primary stage of socialism" meant "socialism at an underdeveloped stage". He also pointed out that we were in fact not yet qualified for carrying out socialism [3]. These comments reflected the rethinking of Chinese leaders on socialism in China. China must break the confinement that has given too much weight on political control and ideology and China must find a new way of development.

Deng's assessment that China is still at the primary stage of socialism released China's ideological confinement and in recent twenty-plus years has brought forth

three major transformations in China. First, it has shifted China's strategic goal from the "Great Egalitarianism" (*datong*) to the "Moderate Well-off" (*xiaokang*). Second, it has gradually transferred China's wartime based social and economic system to a more peacetime, civilian oriented system. Finally, socialism in China has been changed from the "State Socialism" to the "Collective Socialism". I suggest that by analysing these three transformations we would have a better understanding of China's socialist system and its development in the future.

From the Idealistic "Great Egalitarianism" to the Realistic "Moderate Well-off"

Deng first gave his idea of setting the "moderate well-off society" as China's development goal in a conversation with the Japanese primer Ohira Masayoshi at the end of 1979. From then on up to 1992 Deng mentioned 28 times in his speeches about the concept of "moderate well-off". Here are a few noticeable peculiarities of his speeches.

1. In 1979 when Deng first mention the idea of "moderately well-off" he meant to indicate that China's modernization would differ from Japan's. It will be a medium developed.

2. In 1984 when the reforms in China's rural areas had been successful, Deng started to use the term, *xiaokang shehui* or "moderately well-off society". By adding the social dimension to "moderate we-off", the meaning of the term was enriched. Deng also said, "These are all our new concepts: doubling our GNP, modernization with Chinese characteristics, and moderately well-off society". Since then Deng had used the term "moderately well-off society" eight times on specific occasions. Not only the term is used to refer to the standard of living and economic development, but also it is applied to China's unification, educating the youth, Hong Kong and the "One Country, Two Systems" policy, the authorities of the central government, management with visions, and so on [3, p. 64, 206, 216, 278].

3. Deng usually mentioned the idea of "moderate well-off" to foreign visitors, which reveals that moderate well-off society is the Chinese version of modernization. It is particularly noticeable that Deng used the term on an occasion in 1986 when he received members of the Rong family who came to Beijing from all over the world¹. Deng applied the term to call for "national unification". In that speech, the implication of "moderate well-off" was the Chinese culture, family, and lineage.

In general, the term "xiaokang" has two meanings. It usually refers to economically well-off and a moderately comfortable life, which is also what most of the common people understand the term [4, p. 3147]². But *xiaokang* also has an academic meaning. In Chinese classics, the idea of "moderate well-off" is given in contrast to the idealistic "Great Egalitarian Society". Unlike the great egalitarian society, in

¹ The Rong Family was China's textile tycoon. Most of the Rong family members left China after 1949. One of its heirs apparent, Rong Yiren, however, chose to stay in China and he is now the Vice President of the PRC.

² Indeed, the common people use the expression of "moderate well-off family" in contrast to the "affluent and influential family" (*dahu renjia*).

the moderate well-off society the basic social unit is family and individuals can own properties. Such a society permits social inequality and also a government run by elite. It also needs a variety of rules and laws, including institutionalised hierarchy, to regulate people's behaviours. Deng wanted to get rid of the unrealistic "Great Egalitarianism" and replace it with the pragmatic goal for a moderately well-off society.

This is a critical point in our analysis. Historically, in pursue of modernization, the Chinese, from Kang Youwei, Sun Yat-sen, to Mao Zedong, were more or less driven by the idea of establishing the great egalitarian society. We may say that the success of the communist revolution could be credited in part to the inspiration of the Chinese egalitarianism that had found an echo in Marxism. In Chinese history, the "Great Egalitarianism" as an ideal model of society often served as the ideology for the revolutionaries, while the "Moderate Well-off" represented ordinary people's hope for a better life and was often seen as a reformist view. After the Communist takeover, Mao integrated Marxism with traditional Chinese "great egalitarian" ideals. As a result, the state exceedingly controlled economic and ideology.

The greatness of Deng Xiaoping is that he broke the confinement of the great egalitarianism and brought China to a realistic way of development. Therefore, shifting from the Great Egalitarianism to Moderate Well-off is an important breakthrough [5, p. 124–144]. It has ingeniously put modernization and its social and humanitarian meanings into Chinese context. The masses quickly understood and supported the goal of Moderate Well-off. Inspired by this realist goal for a better life, the common people in China have seized the opportunity and worked diligently and ingeniously, making the recent two decades the fastest development age in Chinese history.

In China, the so-called a moderately well-off family means having a content and law-abiding middle-class lifestyle. It has been a synonym for social stability. In a global perspective, China makes positive contribution to the world by pursuing a moderate goal of development. Since China has the world's 22 % population and to this day only about 17 % of the world population are living in developed countries. The increase of the standard of living for 22 % of the world's population will inevitably bring great impact onto the world. In other words, China's growth could be a "statistical concern" for many people in the world. China keeping a moderate living standard will therefore be an important condition to the global development and stability.

From the "Wartime System" to the "Peacetime System"

The reform in China was promoted by the open door policy. China in recent twenty-plus years had experienced a transformation from wartime military system to peacetime civilian system. Such a change was brought forth first of all by market economy. The general relaxation of ideological conflicts worldwide also helped such transformation. Overall, it is the logical result of China's opening to the world.

Following the Stalin model, socialism in China at the beginning was, as Mao put it, "to side with one side"¹. The West, headed by the US, adopted a containment

---

¹ Here Mao meant that China should side with the Soviet Union in order to counteract the containment of the West.

policy toward the new-born socialist China. From the Korean War of 1950 to the Taiwan Strait crisis of 1958, China had always been under the shadow of war. Some Maoist political terminologies, which were particularly dominating and popular during the Cultural Revolution, well reflected China's wartime psych: "We should be fully aware of the possible revenge of the landlords, rich peasants, anti-revolutionaries, bad elements, and the rightists", "The American Imperialists and the Soviet Revisionists are attempting to wipe out our country", "We must prepare for wars and famines for the sake of our people", "The entire nation should learn from the People's Liberation Army". A socialist system built on such a psych must have heavily burdened with wartime characteristics.

Moreover, the Communists seized the power through armed revolution. The first generation leaders were essentially military leaders. The communist cadres above the middle ranking of CCP's hierarchy were mostly military men being transferred to a government post. Up to 1956, many cadres had lived on the military need-based supply system. These people were familiar with military administration and management, which is an important reason for the wartime nature of China's planning economy. There are just too many examples in the Chinese political and socio-economic system to indicate its wartime culture. Here let's give a few. The State Council has a "Ministry of Civil Affairs", which parallels with the "Ministry of Military Affairs" that was set in the wartime¹. The term *houqing*, which originally referred to logistics in the army, is still officially used in China today to refer logistical matters or logistical departments. Any manufacture or production sector in an industry may be called a "forefront" department, which has a clear military implication. A job is known as a "duty post" (*gangwei*). The widespread expression "step down from one's post" (*xiagang*, that is, being laid off) is indeed a military term.

The centralized planning, centralized production, and centralized distribution in China were all similar to military management. The well-known expression, the "big pot rice", is in fact derived from the way of catering in the army. The redistribution system in China paid little attention to the role of currency or accounting. It based primarily on administrative (or rather, military) order. The ration system, which included many daily necessities, cast heavy military shadow on people's everyday lives.

More importantly, such a military system was imposed not only on the economic life, it is in the social dimension as well. The People's Commune system initiated in 1958 put all Chinese peasants into a three-layer structure that was similar to the military: Commune, Production Brigade, and Production Team. In the city, all enterprises and businesses were organised into a tightly controlled work-unit system. These organizations had the full functions of a military unit. They were units for production, supply, job security, and social welfare [6]. The people's communes and the work units are the peacetime versions of wartime military system. It may

---

¹ In the early 1950s, the Ministry of Civil Affairs was named the Ministry of Internal Affairs.

not be an exaggeration to say that prior to the reform era Chinese people all lived in a militarised unit. People's thoughts, public opinions, the ways of production, and lifestyles were all unified nationwide.

Any wartime system may emphasize on efficiency and enforcement. It may mobilize all resources and go with great sacrifices only for achieving a designated goal. Such a system may succeed for a wartime battle, but it can hardly prolong during peacetime. Also, wartime system requires things such as life-and-death fighting and mandatory order. These wartime mentalities caused an unprecedented disaster during the Cultural Revolution when the artificial logic of "class struggle" turned into a fatal strike to the entire nation. To this day we can still feel the lingering effects of these "wartime manner" that were inherited from that era.

Deng himself was a victim of such a disaster. After his return to the political scene, he participated in some major decision-makings of China's foreign policies and went abroad several times. He thus had the opportunities to see the changes of the world firsthand. Deng rightly indicated that the world was in the stage of "peace and development". This reassessment of China's international environment initiated the relaxation of the Communist Party's foreign policy. In particular, CCP became more realistic and objective in its outlook of the world powers. Therefore, Deng's economic reform can be generalized as transferring China's wartime system to peacetime system and allow the nation to run its economy on the rules of economy. Deng's thought of "Moderate Well-off" fits well with such transformation. All of the major changes in China since the early 1980s can be seen as the outcomes of a nation changing its wartime-based policies to international norms.

From State Socialism to Collective Socialism

Socialism in China, like in most of the communist countries in the world, was state socialism, in which the state uses political power to control economic distribution and ideology. State socialism in China has its Marxist origin, but it is also rooted in China's history and geography. For example, irrigation has always been an important factor in Chinese politics due to the agrarian nature of Chinese economy. In Chinese history the vast irrigation system that was vital to the nation could only be controlled and regulated by a centralized state.

After the founding of the PRC, China adapted the Soviet model of development, using the redistribution of political power to control economy directly. The redistribution of political and administrative power overlapped with economic and business administration and caused a lot of confusions. Also, such "state socialism" bore the same burdens of cost and administration as those in the welfare states in the West. As technological divisions of an enterprise were controlled by a governmental administration, economic efficiency deteriorated. The reform therefore can be understood as a process of power decentralization and redistribution. Naturally, in the process different interest groups emerged.

In the Western culture, the base of the society is individual. The society is a kind of "companion" relationship that is established through human communications¹.

¹ The original meaning of "society" in Latin is "companion".

Hence a society is a “group”. But in Chinese culture, the society has a priority over individuals. The existence of individual is generally ignored and the group is regarded as the base of the society. The human relations within the group are maintained by kinship ties and the levels of closeness. Much of the relations outside the group are politics. So there is an overlap of society and politics in Chinese culture, which to a great extent has contributed to the heavy politicisation of Chinese socialism. In term of the concept of “group”, the Chinese see the family as the basic group and the state the largest and the most complicated group. The principle tone of Chinese society has been the relation between the family and the state. This inclination of Chinese culture dovetailed well with the socialistic concept that was introduced to the Chinese in the modern time. The socialistic concept of sharing social wealth equally does not contradict with traditional Chinese concept of the group. In fact, the Chinese tend to accept such concept and, once the conditions allow, turn the country into a system of state socialism. The first three decades of Chinese socialism was in part based on these social and culture foundations.

Socialism in the West was developed through material civilization, market economy, and capitalism [7]. Material civilization shall be based on science, technology, and production forces, and market economy is based on individual rational thinking and calculations. All changes in the market are done through individual conducts. Based on the experience in the West, market economy and socialism are two conflicting concepts. Without reaching a certain level of material civilization China may not be able to build up socialism. Deng admitted that “poverty is not socialism” and market economy is the norm. However, should the “socialistic” market economy be based on individual interests? Deng’s points on “letting some people get rich first” and “moderate well-being” have touched upon this critical question but have not elaborated on it. But now the development in China is indeed giving an answer to that question. Four centuries of economic development in the West started from the Enlightenment Movement that aimed to revive the values of individualism. After rational market system being introduced to China, the Chinese, who have always lived in a group-oriented system, could either take it as a rational system for group interest, or as a system that primarily focuses on individual interests.

The recent two decades of socialist market economy has revealed China’s group-oriented, collective socialism. There are numerous economic forms in China that we may label as the “family economy”, “group economy”, “bureaucratic departmental economy”, “local economy”, “work-unit sideline economy”, and so on. These economic entities are known to the outside world as “market economy” and to the insiders, “socialism”. Whatever being called, they are all group-oriented.

China entered into a socialist society without having its prerequisite, that is, capitalism. Therefore, the characteristics of socialism in China are as the following. It lacks the cultural of individualism. Instead, the Chinese inside the group act like in a family, doing their best to be on the same line with each other on economic and ideological terms. Outside the group, they competed with other groups based on the rules of market economy [8]. On one hand, the market is still an important factor

and it can function among different social groups. Here the state power in adjusting market economy has been descended to adjusting the interests of different social groups – a phenomenon we may call the “Collective Socialism” [9]. On the other hand, the theory that we are still at the preliminary stage of socialism implies that China needs more individual based initiatives. In other words, we are also at the “primary stage” of individualism.

In the early twentieth century China had a great enlightenment movement that aimed to liberate individuality. This movement stimulated the growth of capitalism in China and at the same time brought communist and socialist thoughts to the nation. After the 1911 revolution, China might have a good opportunity for modernization, but the Nationalists lacked sufficient administrative power to pursue the “human based” socialism that has been outlined in Sun Yat-sen’s Three Principles of the People. Mao Zedong used a powerful state power to penetrate into the grassroots level society. Unfortunately, such a state socialism under communist ideology did not work. The economic reform in the last two decades of the twentieth century has woken up individual awareness in China and a quiet consume revolution has started. The modernization process in China has proved Deng’s theory on preliminary stage of socialism. China, after going through the baptism of market economy, will revisit and readjust the traditional state-society relation and build up a new one.

References

1. *Song Linfei*. Xifang shehuixue lilun (Sociologist theories in the West) / Song Linfei. – Nanjing : Nanjing Univ. Press, 1997.
2. Socialism // Concise Encyclopaedia Britannica. – 1986. – Vol. 7 [Chinese version].
3. *Deng Xiaoping* wenxuan (Selected works of Deng Xiaoping). – April, 1987 / Deng Xiaoping. – (Beijing : People’s Press, 1993). – Vol. 3.
4. Cihai (Sea of words). – Shanghai, 1999.
5. *Lu Hanlong*. To be relatively Comfortable in an Egalitarian Society / Lu Hanlong // Consumer Revolution in Urban China / ed. Deborah Davis. – Berkeley : Univ. of California Press, 2000. – P. 124–141.
6. Danwei: The Changing Chinese Workplace in Historical and Comparative Perspective / eds.: Lu Xiaobo, Elizabeth J. Perry. – Armonk : M. E. Sharpe, 1997.
7. *Braudel, F.* Civilisation matérielle, économie et capitalisme, XVe–XVIIIe siècle / Fernand Braudel. – Paris : Librairie Armand Colin, 1979. – T. I–III.
8. *Lu Hanlong*. Cong qiangtou jingji kan Zhongguo de jiti shehui zhuyi (Wall-Economy and Unit Socialism: Subsidiaries within Danwei as A Characteristic of Chinese Socialism / Lu Hanlong // Shanghai Social Sciences Quarterly. – Winter, 1999.
9. *Lu Hanlong*. Zhongguo shichang gaige yu shehui fenghua xin geju (Market economy and the new trend of social stratification in China) : international conf. on Economic Reform and Social Changes in China / Lu Hanlong. – Shizi Oka Univ., 1997.

Date accepted: 18.10.2015.

SUN JIAMING,

Professor, Department of Sociology, Fudan University

**EXPANDING CIVIL GLOBAL CONNECTIVITY
AND ITS IMPACT ON CHINESE SOCIETY:
A RESEARCH NOTE OF MICRO PERSPECTIVE OF GLOBALIZATION**

As corresponding to the macro model of globalization focusing on overall trends of cross-countries trading, business and cultural diffusion that currently rooted in the school of globalization theory, this paper applies a micro model of globalization which anchors on individual activities in the trend of globalization, such as global contacts, cross national social ties, and global civil activities by which individual global connectivity is appreciated, and expected to be a measurement of integrating to the global civil society in this scheme. This paper focuses on the expanding global civil connectivity in China recent decades brought about strengthening impact on local society and integrating of global orientations and practices.

The study on expanding global civil connectivity and its impact on local society suggests that widening global connectivity is an invaluable experience for an individual to refresh his/her global socialization and an sufficient mechanics and effective strategy for a country to upgrade its economic and cultural development. Strong and extensive global connectivity will reinforce local compatibility and adaptability, eventually leading to local societal transformations.

Keywords: global connectivity, micro globalization, global social ties, local transformation, Chinese society.

**РАСШИРЕНИЕ ГЛОБАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ И ЕГО
ВЛИЯНИЕ НА КИТАЙСКОЕ ОБЩЕСТВО: ИССЛЕДОВАНИЕ
МИКРОПЕРСПЕКТИВЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ**

В соответствии с макромоделю глобализации, фокусирующей на общих тенденциях межгосударственного торгового, коммерческого и культурного взаимодействия и укоренившейся в основах теории глобализации, данная статья представляет микромодель глобализации, основанную на различных видах деятельности индивидуума: глобальных контактах, межнациональных социальных связях, а также глобальной гражданской активности. Посредством этих видов оценивается индивидуальная включенность в глобальную сеть и измеряется уровень интеграции в глобальное гражданское общество. Автор акцентирует внимание на расширяющейся глобальной гражданской взаимосвязи в Китае за последние десятилетия, что привело к укреплению ее влияния на местное сообщество и интеграции глобальных ориентаций и практик. Исследование о расширении глобального гражданского взаимодействия и его влиянии на местное общество показало, что расширение глобальной связи – это бесценный человеческий опыт социализации и создания эффективной стратегии страны в плане улучшения ее экономического и культурного развития. Сильное и обширное глобальное взаимодействие укрепит локальную совместимость и адаптивность и, как результат, приведет к локальным общественным трансформациям.

Ключевые слова: глобальное взаимодействие, микроглобализация, глобальные социальные связи, локальные трансформации, китайское общество.

Introduction

Human being has been weaving commercial and cultural connections since before the first camel caravan ventured afield [1]. In the 19th century the postal service, newspapers, transcontinental railroads, and great steam-powered ships wrought fundamental changes. Telegraph, telephone, radio, and television tied tighter and more intricate knots between individuals and the wider world. Now computers, the Internet, wireless cellular phones, cable TV, and cheaper jet transportation have accelerated and complicated these connections [2; 3].

Evidence suggests that the flux over boundaries in the last few decades has increased at an accelerating rate. Not only capital, goods, information, but also human being activities extend their areas to beyond their own countries. Once such invisible but vital boundaries become meaningless, at least being loosen [4]. World trade in the last decades has developed rapidly; global Internet covers virtually everywhere; virtual state is emerging [5]. Scholars have realized as capital has become increasingly mobile, advanced nations have come to recognize that exporting is no longer the only means to economic growth, in instead, by produce overseas for the foreign market. Not only capital, but also anything can be diffused or transmitted easily over the boundaries. People around the world virtually are linking together via global network [6]. Such global network becomes a driving force of economic development of cultural transformation that encourages, stimulates, and to a degree even coordinates all kinds of activities [7; 8; 9; 10].

The Setting of the Research

Once a traditional society, which has been seen as sleep tiger¹, China has been emerging as a vigorously developing country with huge change in economic, culture, and society, in which global civil connectivity plays a vital role. Theoretically, global civil connectivity has two ways of traffic: in-bound and out-bound. The former can be seen as from the global to the local; the later, from the local to the global. Both in-bound and out-bound traffics are all the matter of cross boundary contacts or connections. As the case of China, worldwide civil contacts in history of China may provide us to better understand the importance of civil connectivity in modern development.

The effectiveness of China's open door policies has varied over time after it was adopted in the early 1980s, when few foreign investors came. As the economy grew and reforms widened and deepened, global connectivity in China become more extensive and its attractiveness for FDI increased. China has responded to globalization by speeding up economic reforms, especially in terms of forcing its business firms to meet international competition and playing by the market rules [11].

After 1980's of opening policy in China, global civil connectivity has been rapidly increased. The table 1 provides a comparison in foreign civil related notarial documents in the year 1988 and 2000. In year 2000, births notarial documents

---

¹ Whether Napoleon really said it or not, the forecast attributed to him is likely to be essentially correct: "China is a sleeping giant. When it wakes, it will move the world".

and schooling notarial documents are ranking first and second reaching 396,150 (29,96 % of the total) and 282,585 (21,37 % of the total) respectively. Notarial documents of marital status (18,09 %) and kinship confirmation (19,83 %) are also higher than any other types. This four types of notarial documents occupied 89,3 % of total foreign civil related notarial document cases. Comparing with that in year 1988, overall increment is about 5.75 times. Particularly, Survival and Residence increased 14.88 times which ranked the first, Child Adoption increased 13.14 times, Schooling increased 9.74 times, which implied that civil contacts, particular in social ties of Chinese over boundaries have been increased much quick within a decade or so.

Privatization in enterprises after 1980's, plays a bigger role in expanding global civil connectivity in China. For example, Shanghai's local private companies are looking for foreign investment that may effort to help local companies expand into overseas markets and enhance their cooperation with foreign counterparts. About 74,200 private enterprises are registered with the Shanghai Administrative Bureau of Industry and Commerce. About 150,000 investors are involved in private enterprises, which have capital worth 44.3 billion yuan (\$5.4 billion). The first foreign-funded private business in Shanghai also opened 1992. The city has more than 240 private ventures with foreign investment and 2,500 businesses engaged in export processing and foreign trade.

The municipal government announced then that it would take measures to boost the private economy and expects the private economy to help the city as it re-structures and debt-ridden State-owned enterprises. Private enterprises could employ some laid-off workers and even buy debt-ridden enterprises, lease them or purchase shares [12].

The open door policy rescued China's economy from being mired in an isolated and planning-based system and upgraded it to market oriented with open global ties. Global integration has become the Chinese orthodoxy. The buzzword for China today is "jiegui", which means linking up to the global market and implies that China is willing to accept international practices and plays by the global rules of the game.

As Buchanan describes overseas Chinese built a "bamboo network" that is the unique economic power of the ethnic Chinese who are dispersed across Asia and the world. Now they have invested heavily in their ancestral homeland, and become, by far, China's largest source of "foreign capital" (Buchanan et al. 1998). Those entrepreneurs invest more than money. Their special contribution to ventures in the People's Republic has been the entrepreneurial and managerial effectiveness they lend to such efforts. This has been a vital factor in China's recent economic surge (Buchanan et al. 1998).

Initially and through the 1980s, the flow of foreign capital into China was limited as the Chinese economy was caught between plan and market. Rapid growth and liberalization of the Chinese economy in the 1990s have made the Chinese economy a much more attractive investment destination. From 1993 to 1997, China was the second largest recipient of foreign direct investment, behind just the United States. Overall, it appears that the Chinese economy is now substantially more open

to foreign investors than China's East Asian neighbors (Japan, Korea and Taiwan) at a comparable stage of development. According to Lardy (1994: 66), China has had "one of the most liberal foreign investment environments in the developing world". Foreign specialists were invited to assist in the modernization process, joint ventures with foreign capitalists, and multinational conglomerates proliferated. About 145,000 foreign-invested ventures have employed 17.5 million people, accounting for 11 percent of China's non-agricultural work force. The significance of this should not be minimized for a country like China, which has such a large population with growing employment problems.

For instance, Guangzhou is a famous overseas Chinese hometown of China and a metropolis with the largest number of overseas Chinese. According to statistics, there are 1.35 million compatriots and relatives abroad, out of which there are 520,000 overseas Chinese and overseas Chinese with foreign nationalities, who are distributed in 116 countries and regions throughout the world. There are 830,000 Hong Kong and Macao compatriots and over one million relatives of the returned overseas Chinese, Hong Kong and Macao compatriots, and Since 1986, 298 persons have been granted the title of Guangzhou's honorary citizens in 10 batches so as to commend them for their contributions to the hometown [13].

Overseas Chinese promoted local social and economic development invaluable and it can also be seen the case of Jinjiang, South Fujian province. Jinjiang is a famous qiaoxiang (overseas Chinese native hometown) with a population of 995,000, Jinjiang is the place of origin for 2.1 million overseas Jinjiangnese, who live in Hong Kong, Macao, Taiwan, Southeast Asia and other countries. Since China's open door policy and economic reforms began in 1978, the income per capita in Jinjiang has increased from 58 yuan in 1978 up to 6,000 yuan in 1997. As a consequence, Jinjiang has been one of the fifteen most advanced cities in China in terms of its overall economic development.

Overseas Chinese have played an important role in the creation of the Jinjiang economic miracle since the 1980s. From 1984 to 1997, Jinjiang utilized foreign investment of US\$1.73 billion. Among the 2400 foreign-funded operations, more than 90 per cent were invested by overseas Jinjiangnese. In 1997, the output of the overseas Jinjiangnese enterprises reached RMB 16.8 billion, which comprised 52 per cent of the total GDP in the city. Social welfare donations are another important impact made by the overseas Jinjiangnese in their hometowns. Between 1994 and 1997, the city received overseas donations worth RMB 528 million. It was reported that about 60 per cent of the donations were used to support local educational development. More than 400 schools benefited from the donations. These statistics strongly suggest that hometown connections are indubitably an advantageous factor in the advancement of Jinjiang social and economic development [13].

The importance of overseas investment to the Chinese economy cannot be overestimated. In 1997, 145,000 overseas-invested companies employed 17.5 million or 11 % of China's non-agricultural workforce and produced 14 percent of the industrial output. They also generated over 12 % of tax revenue and made more than 13 % of

total annual fixed-asset investment. Even more impressively, they accounted for 47 % (US\$152.6 billion) of China's foreign trade volume in 1997, up from 26,43 % in 1992. Most importantly, the overseas-invested businesses now account for even greater shares of the marginal increases in these indicators as China's state and collective enterprises have had much difficulty in recent years (JJRB, 7 January 1998). Investment from overseas now spearheads China's involvement in the world economy.

Data and Methods

For the main empirical analysis, the data set¹ came from Shanghai's Pudong new economic zone. Since Shanghai is rapid developed coastal city of China, historically there are many connections with the global, particular in recent decades; therefore, Shanghai has been an ideal place to do this research. The main foci of that survey with a sample of randomly selected residents were global connectivity, consumer behavior and modern values in Shanghai. The questionnaire consists of five sections. The first section includes such variables age, gender, marital status, education, occupation, income, housing conditions, and area of residence. The second section contains questions regarding personal consumer behaviors in terms of a globally vs. a locally oriented life style. The third section includes questions about culture and values. The fourth section includes questions related to the extent of modernization and globalization in terms of individual values. The last section includes the extent of modernization and globalization of the city.

Global civil connectivity implies connections between persons who have different national and cultural identities, through variety of mutual interaction by sharing common interests and exchanging material and ideas. In this study, we created index of global connectivity, which is based on observed variables such as "have been working in foreign firm", "have been abroad", "have relatives abroad", and "often surf foreign web sites" for the analysis. Those four variables are either indicating a person physically contacting foreign countries or socially connecting abroad.

Structure Equation Modeling (SEM) and regression analysis are used to estimate the effects, either direct effect and indirect effect, of global connectivity on people's consumer behaviors and attitudes, which are measured in terms of purchasing global brand-name products and preference for foreign fast food, and so on. While different measures of global connectivity will be the main independent predictors, a variety of social-demographic characteristics and human resource variables will be taken into account in this study.

Hypothesis

Hypothesis 1. The stronger global connectivity a person have, the higher probability the person is engaged in demanding of global products, and more likely for the person to adapt to global consumer behaviors.

Hypothesis 2. Person who has established stronger global connectivity, such as surf foreign web sites, and visit foreign countries are more likely to have global orientation. Therefore, have an ability to adapt and integrate with the global culture.

---

¹The data set came from a research project conducted by Professor Xiangming Chen in University of Illinois at Chicago (with Professor Anthony Orum and Professor Nancy Chen) on Shanghai As A Rising Global City funded by the Chiang Ching-Kuo Foundation 1998.

Hypothesis 3. Younger people, holding global connectivity constantly, tend to consume more global products and pursue global fashion more aggressively. Age as a non-achieved status of individual may play an important role in moderating his/her global connectivity and attitudes toward global culture. People in different age display different attitudes and behaviors in consumption of global products. Age is critical variable of examining the changing of people's consumer orientation.

Hypothesis 4. Higher educational attainment, higher income, and more prestigious occupation induce stronger global connectivity, brought larger gap of social stratification. Education, income, and occupation, as achieved statuses, with personal global connectivity are important measurement of social stratification in global era.

Descriptive Statistics

The percentage of different type of global connections with their social demographic attributes is stated here. From gender section, among total 345 cases of male, have been working in foreign company has 17,86 %, have been abroad 18,34 %, (female is 9,49 % among 253 cases), Often surf foreign web site reaches 39,13 %. Male's average global connections are higher than female (24,76 % vs. 21,40 %). Among age groups, age 19-34 group gets 25,93 % of "have been working in foreign company" this age group also has highest percentage (65,26 %) in often surf foreign web sites. Apparently, this age group has more than double of high percentage (34,41 %) in average global connections comparing to the age group 51 and over (16,30 %).

In household income section, we can see that the higher in income, the more global connections. Household incomes at 4000 and over reach their all kinds of global connection at 35,77 % to 62,32 %, with overall average at 43,46 %. The section of education attainment presents it's almost the same pattern like that of household income, with University, graduate student have 48,00 % of overall average.

In terms of occupations, Company executives have highest percentage (around 50 %) for average global connections. It implied that they are the most that have been working in foreign firm, visited foreign countries, have relatives abroad, and often surf foreign web sites among the occupations. However, manufacturing workers (average 13,09 %), unemployed (11,67 %), and former (2,82 %) are lower in their global connections. Interestingly, students (any level of education who is not belong to a specific category above) have lower percentage at "have been working in foreign firm" (4,71 %) and "have been abroad" (3,41 %) except "often surf foreign web sites" (67,42 %). Their overall rate reaches the highest in 25,50 %.

Findings and Discussion

Changing Consumer Behaviors

Massive global civil connectivity might be a new phenomenon in the age of globalization. For instance, consumers, regardless of their nationalities or countries, are willing to experience and utilize varying styles and cultural artifacts for varying purposes. Global civil connectivity is catalyzing this desire. From this point of view, globalization is a process by which diffusion of all-different forms and styles across the world. To some extent, consumer is ready to have Italian for lunch and Chinese

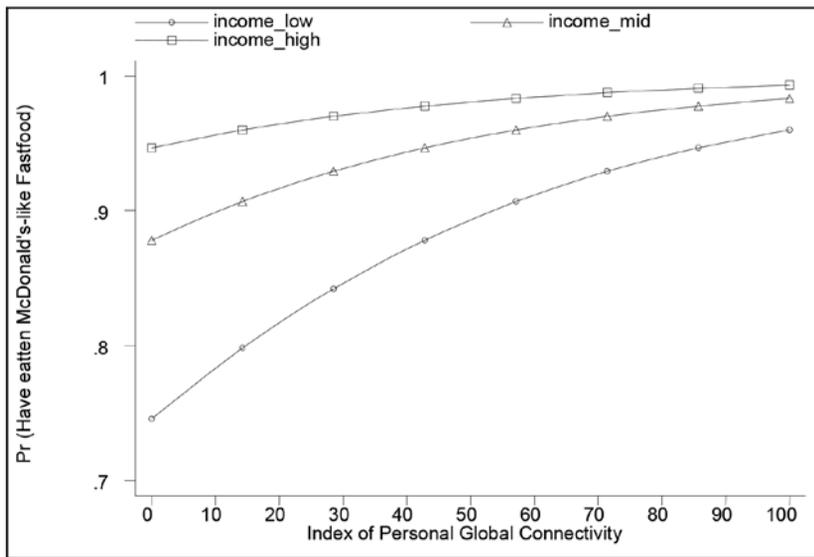

Fig. 1. Increasing Global Connectivity with Probability of Have Eaten McDonald's-Like Fast Food

for dinner, not only changing diets, but also the personalities-to reveal his/he virtually “a global consumer”. The possibilities of such representational consumption in terms of life styles and behaviors “originating” from a variety of countries and cultures are opening up all across the world [14].

Fig. 1 shows personal global connections with per capita income categories to predict probability of eaten McDonald's-like fast food in China. The overall trend of probability of eaten McDonald's-like fast food is increasing along with personal global connections increased. However, three categories of per capita income differs in their probabilities with high income goes to steadily increasing, and lower income, however, shows its diversification from lower global connectivity to high global connectivity. The gap between low income and high income tends to narrow along with their personal global connectivity increased. Apparently, it indicates the variable of personal global connectivity has mediates the probability of eaten McDonald's-like fast food. It is a demonstration of personal global connectivity intervening personal global consumer behaviors.

Fig. 2 shows the gaps of probability of preferable of foreign brand clothes between age groups and their change along with personal global connectivity. Apparently, age 14–18 has the highest probability (0.48–0.98) than the other age groups. The old has the lowest probability of preferable of foreign brand clothes (0.1–0.6). However, along with personal global connectivity increment, overall probabilities reach their higher levels. It implies PGC intervene the probability of preferable of foreign brand clothes.

Obviously, an important factor causing the difference of consumer behavior contributes to personal global connectivity that has impacted many aspects of

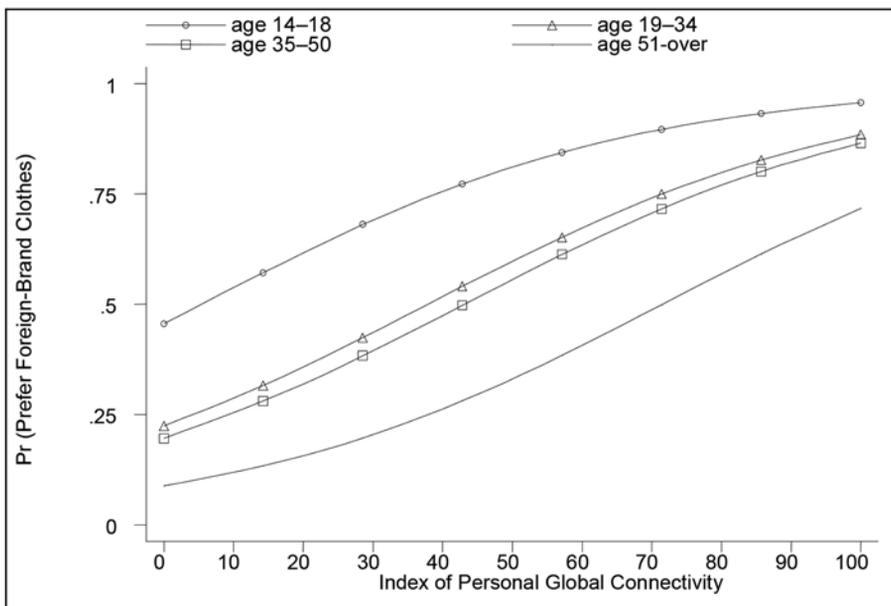

Fig. 2. Personal global connectivity with age groups to predicts the probability of Preferable of foreign brand clothes in China

individual behaviors. These evidences confirm Hypothesis 1 that stronger global connectivity a person have, the higher probability the person is engaged in demanding of global products, and more likely for the person to adapt to global consumer behaviors. Moreover, global brand products, the standardization of goods and services such as McDonalds and Coca-Cola, for example, may have established a kind of consumer “cosmopolitanism” by allowing people from different parts of the World to share the same culinary experience of a Big Mac or the “real thing” [15].

Fashioning of Cosmopolitan Orientation

Globalization and global orientation are two parallel processes: the practice and the ideology. Cross-boundaries trading and high speed Internet provide driving force to promote global orientation in most development countries. Strong global orientation in consumption, a sort of consumer cosmopolitanism, can be seen variety aspects of people’s lives in China recent decades. In Shanghai, young people prefer to watch U.S. movies. MGM/UA Communications Company, Paramount Pictures, and Universal Studios-made movies and television programs can be easier to watch in Shanghai recent decades comparing 20 years ago. “On Wednesday nights in Shanghai more than 70 % of the television audience tunes in to watch Hunter, an American police show” [16]. Being seen as a tool of communication, English is becoming the world’s first truly universal language. In Shanghai, hundreds and thousands students learn English in school, which is a mandatory course in most school; some of them are preparing to take the TOEFL test. People can access a variety of English materials and learn the Western culture as well. The special English TV

program and English broadcast systems have been established since the early 1990. There are also some English newspapers, and some are locally issued, which can be easily found out at newsstands in any corner of commercial streets. The city has also launched an "Information Port Project", aiming to give great development momentum to Internet-related business. The Shanghai Online, a local Internet network, has increased his users dramatically since its opening.

In order to analysis multivariable in the study, we employed Structural Equation Modeling (SEM) to help analysis. SEM is a statistical methodology used by economists, educational researchers, marketing researchers, and a variety of social and behavioral scientists. One reason for its pervasive use in many scientific fields of study is that structural equation modeling provides researchers with a comprehensive method for the quantification and testing of theories [17]. In addition, SEM models also enable researchers to study both the direct and indirect effects of the various variables included in a model. Direct effects are the effects that go directly from one variable to a second variable. Indirect effects are the effects between two variables that are mediated by one or more intervening variables. The combination of direct and indirect effects makes up the total effect of the explanatory variable on a dependent variable. Thus, if an indirect effect does not receive proper attention, the relationship between two variables of interest may not be fully considered [17].

Variables in the equation system usually include observed variables and unobserved latent variables that are not directly measured but relate to observed variables. This modeling technique assumes a causal structure among a set of latent variables, and that the observed variables are indicators of the latent variables. The latent variables may appear as linear combinations of observed variables, or they may be intervening variables in a causal chain [18]. In SEM path diagram, latent constructs (unobserved variables) are shown in ellipses, observed variables are shown in rectangles. Arrows pointing from ellipses to the rectangles are equivalent to factor loading in factor analysis. Factor analysis includes both component analysis and common factor analysis.

Fig. 3, the path diagram of structural equation modeling, shows that PGC has a strong direct positive effect on Global orientation (.66). Hypothesis 2 has approved here. Of all the observed variables that yield PGC, often surfing foreign Web sites (W4) has the largest weight on PGC (.55), while working for a foreign company (W1) and has been abroad (W2) are the second (.46). It implies both variables quite influence individual's global orientation. Regarding global orientation, X1 "When buying, I always pay attention to brand name goods from foreign countries" (.83) and X3 "I always prefer foreign brand goods to domestic ones" (.77) have larger factor weights on the latent variable. So call global orientation of consumption has been truly presented by these variables, particular those with larger factors ones. It also indicates the key components of global orientation here.

The exogenous demographic and socioeconomic variables in the model show meaningful coefficients. Educational attainment (Edu) has high standardized coefficient (.51) on PGC, comparing with Per capita income (.46). They indicate that

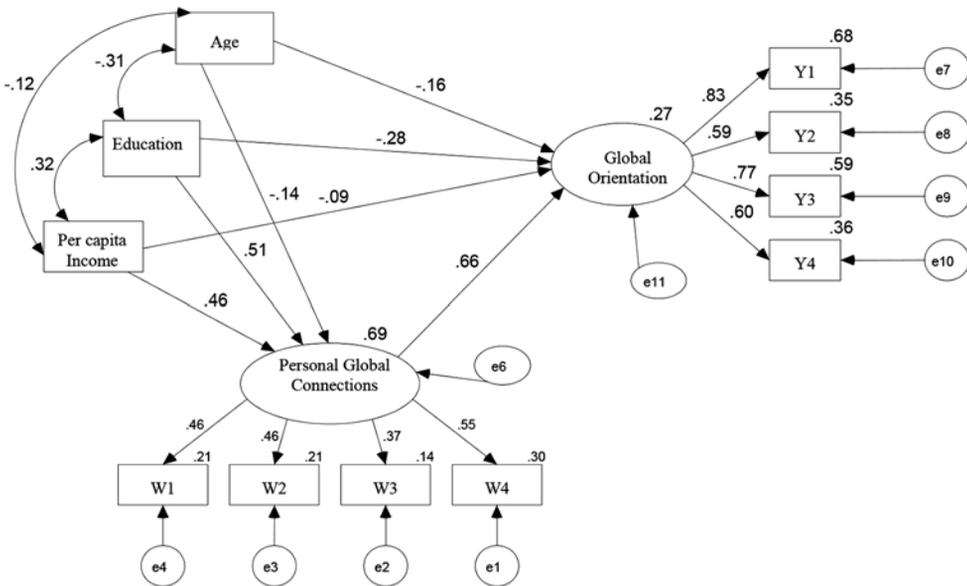

Fig. 3. Personal Global Connectivity Mediating Demographic and Socioeconomic to Predict Global Orientation

higher educated person with high per capita income, the more personal global connectivity. Hypothesis 3 has been affirmed here. Interestingly, however, the direct effects of education and per capita income on global orientation are negative (-.28, and -.09). It yields a meaningful perception that education and per capita income they are not leading to global orientation, only personal global connectivity enlarges their effects on it. In another words, global connectivity mediates education, and income on global orientation. It's undoubted that age has strong negative effect on PGC (-.14) and has its negative direct effect (-.16) on global orientation either. It tells us that the younger, the more personal global connectivity (it also implies the enthusiasm of young people for surfing foreign web sites, since the factor on PGC is .56 higher than the rest) comparing the older, and the younger, the higher of global orientation. Hypothesis 3 gets it's firmly support here. The two-headed arrows over Age, Education, and Per capita income point to their correlation. Age indicates its negative correlation with educational attainment (-.31), and per capita (-.12), which indicate age has strong impact on education attainment and per capita that old people have low level education attainment and low income. Education has high positive correlation with Per capita reflects high education attainment leads to high per capita income.

The squared multiple $r = 0.27$ on the above of the ellipse of GOC means that the model of PGC with GOC has correlation between them. The overall model is statistically significant (Chi-square = 238.747, degrees of freedom = 37, probability level = 0.000). The model fitness indicators, such as NFI (normal fit index) and CFI (comparative fit index) are 0.97, and 0.975, respectively, which are very good fitness.

Conclusions

Global connectivity makes China much stronger than ever before. As we have known China has long history of global contacts and that has been much intensive after applying market system in 1980's. The primary purpose of opening policy in China was to rescue Chinese economy from the slurry of planning system, however it impulses people to break the isolated society and generate great opportunity for Chinese connecting the global that make a huge potential treasure for Chinese.

While expanding personal global connectivity, the person himself gets global socialization. Stronger global connectivity reshapes Chinese and make them more openness and acceptable by global society. As our data revealed that personal global connectivity mediates person's demographic and socioeconomic characteristic toward global products, and orientation. The more global connectivity, the more likely consume global products, and the more global orientation.

As aggressive level of individual person, local society has been transformed through massive global connectivity. Global connectivity has been an important criterion of social stratification in China, and it may continue a certain period of time in future. Chinese local society has been changed by economic reform and opening policy, which is from institutional framework and pressure. Personal global connectivity impacted Chinese society by its rooted civil activities and exogenous force. Both internal and external, grass root and institutional driving force will make Chinese society more reliable and stronger in the world.

As a new approach to study globalization and global civil society, the perspective of global connectivity in local society may bring a fresh idea to the forum of abstraction discussion on globalization. Strictly speaking, the study has some limitation. The principle of limitation is the sample size. This study was designed in the United States, and operated in Shanghai, due to funding and human resource limitation; the sample size is around 600 cases. Although theoretically the size is enough to make decent statistical analysis, the sample coverage is not large enough to the huge city. The second limitation is the designing. Originally this study is to explore the globalization and consumer cultural change only; we didn't make clear sense of global connectivity as an important independent and latent variable to this study. There are many variables with its sufficiency and distinction may be designed in global connectivity for further study. We may modify this approach of global connectivity for further study.

References

1. *Worlds in Motion: Understanding International Migration at the End of the Millennium* / D. S. Massey [et al.]. – New York : Oxford Univ. Press, 1998.
2. *Sun, J. Global connectivity and local transformation : a micro approach to study globalizing Shanghai* / J. Sun. – Lanham, MD : Univ. Press of America, 2008.
3. *Zwingle, E. A World Together* / E. Zwingle // *National Geographic*. – 1999. – Vol. 196, N 2. – P. 6–33.
4. *Sassen, S. Losing Control? Sovereignty in an Age of Globalization* / S. Sassen. – New York : Columbia Univ. Press, 1996.

5. Locality in the global net: the Internet as a space of citizen communication and local publicness / A. Heinonen [et al.]. – Tampere : Univ. of Tampere, 2001.
6. *Clark, R. P.* Global awareness: thinking systematically about the world / R. P. Clark. – Lanham, Md. : Rowman & Littlefield Publishers, 2002.
7. The Global Internet / J. Crowcroft [et al.]. – New York : Inst. of Electrical and Electronics Engineers, 1995.
8. *McClure, C. R.* Linking People to the Global Networked Society: public access to the Internet through public libraries / C. R. McClure, J. Bertot. – Harrisburg, PA : State Library of Pennsylvania, 1997.
9. *Driscoll, D. M.* Global Awareness / D. M. Driscoll. – Alexandria, VA : Intern. Section American Home Econ. Assoc., 1992.
10. *Sun, J.* Chinese Globalization : A Profile of People-based Global Connections in China / J. Sun, W. S. Lancaster. – Abingdon, Oxon ; New York : Routledge, 2013.
11. Responding to Globalization: An Introduction / eds.: A. Prakash, J. A. Hart. – London ; New York : Routledge, 2000.
12. Shanghai Star. – 2001. – 16 Sept.
13. *Thunoe, M.* Policies Concerning “Domestic Overseas Chinese” and “Returned Overseas Chinese” at the End of the Twentieth Century / M. Thunoe. – Denmark : Univ. of Copenhagen Country, 2002.
14. *Firat, A. F.* Consuming People: From Political Economy to Theatres of Consumption / A. F. Firat, N. Dholakia. – London : Routledge, 1998.
15. *Spence, E.* Cosmopolitanism and the Internet [Electronic resource] / E. Spence. – Mode of access: <http://www.geocities.com/stoicvoice/journal/0202/es0202a1.htm>. – Date of access: 02.02.2002.
16. *Naisbitt, J.* Megatrends 2000 / J. Naisbitt, P. Aburdene. – New York : William Morrow and Company, Inc., 1990.
17. *Raykov, T.* A First Course in Structural Equation Modeling / T. Raykov, G. A. Marcoulides. – Mahwah, NJ : Lawrence Erlbaum Associates, 2000.
18. *Byrne, B. M.* Structural Equation Modeling with AMOS / B. M. Byrne. – London : Lawrence Erlbaum Association, Publ., 2001.

Date accepted 18.10.2015.

TAO XIDONG,

Associate Research Professor, Institute of Sociology, SASS

THEORY AND PRACTICE OF TRANS-BOUNDARY GOVERNANCE IN CHINA¹

“Governance” is one of the modern social management practices that involve the cooperation and interaction of government, society, enterprises and the public. Observed from the perspective of “boundaries”, “Trans-boundary Governance” includes cross-border (geographic) governance, cross-sectoral governance and governance of public-private partnerships. Cross-border governance focuses on addressing the problems of geographical segmentation and restriction, with the key lying in the construction of regional political systems and cross-regional coordination systems. Cross-sectoral governance focuses on solving the problems of non-cooperation among government bodies, multiple management and segmental management. Governance of public-private partnerships focuses on solving the problems of insufficient and inefficient public services, appropriately adjusting the competition mechanism according to the types and features of public services. At present, China’s reform has entered into the deep end, where strengthening the coordinated operation of governmental systems and its networked cooperation with social system through the construction China’s balanced development of economy and society.

Keywords: public governance, China, trans-boundary governance, strategic choice.

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ТРАНСГРАНИЧНОГО УПРАВЛЕНИЯ В КИТАЕ

«Управление» является одной из современных практик социального менеджмента, которое включает сотрудничество и взаимодействие правительства, общества, предприятий и общестственности. С территориальной точки зрения, «трансграничное управление» включает в себя трансграничное управление, межсекторальное управление и управление государственно-частного партнерства. Трансграничное управление фокусирует внимание на решении проблемы географической сегментации и ограничений, в основе которых находится строительство региональных политических и межрегиональных координационных систем. Межотраслевое управление акцентирует внимание на решении проблем сотрудничества между государственными органами и отраслевым управлением. Управление государственно-частного партнерства сконцентрировано на решении проблем неэффективности услуг, предоставляемых государством, и соответствующей регуляции механизма конкуренции. В настоящее время реформа в Китае находится на этапе завершения координации системы управления с социальной системой посредством сбалансированного развития экономики и общества Китая.

Ключевые слова: государственное управление, Китай, трансграничное управление, стратегический выбор.

---

¹ This paper in Chinese was first published in Chinese in *Academic Monthly*, vol. 8, 2011.

A project supported by National Social Science Fund of China: one of the major preliminary achievements of “The Analysis of Urban Regional Trans-boundary Governance Model in the World and China’s Experience” (09CJL044).

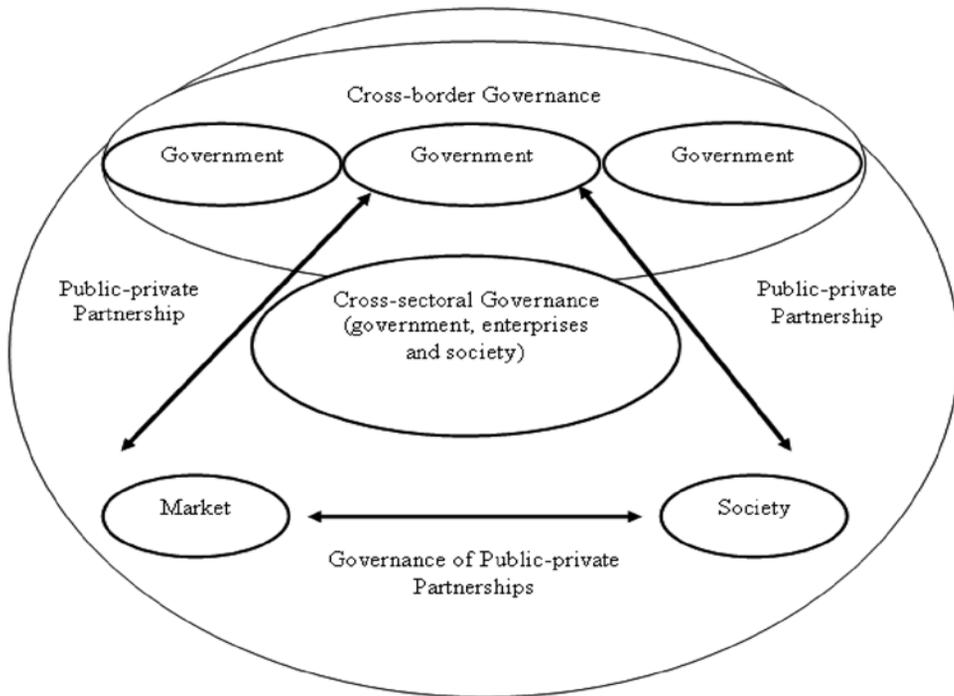
“Boundary” is a well-known concept, but in different disciplines and contexts, it has different meanings and connotations¹. The most familiar one is geographical boundary, such as national boundaries, provincial and municipal boundaries. How to resolve all trans-boundary conflicts and streamline the trans-boundary cooperation mechanism has been the major subject of long-term research in such disciplines as International Political Economy, Political Geography, Regional Politics, etc. Especially in recent years, with the globalization of economic activities, a new kind of spatial organizational structure that crosses traditional geographical boundaries is taking shape, such as global city regions, cross-border regions, sub-nation regions, global digital market, free trade groups, etc. It is in this context that how to build a trans-boundary organizational and management system that crosses administrative boundaries has become a hot issue for academic researches home and abroad and has generated many relevant theories [1; 2; 3; 4]. Although many scholars have made great contribution to the theories and practice models of cross-boundary governance, researches on the integrity, normalization and practicability of trans-boundary governance system remain inadequate. This paper intended to build a relatively holistic theoretical framework on trans-boundary governance from three dimensions on the basis of current research findings from home and abroad, and to deconstruct and analyze the profound theoretical connotations of these theories and their significance and revelation to China’s public governance.

1. The Three Dimensions of Trans-boundary Governance and the Governance Mechanisms

In all those studies on cross-administrative-boundary governance made by scholars, there is a core idea, i.e., constructing and improving a horizontal coordination mechanism without changing the existing administrative divisions to resolve regional conflicts, balance regional interests and build regional communities of interests through negotiation, dialogue and compromise. Apparently, it is one of the most common, universal and understandable phenomenon of trans-boundary governance, but not the entire contents of trans-boundary governance. In fact, cross-administrative-boundary governance is only one important part of the “trans-boundary governance” system this paper intends to construct. Observed from an interdisciplinary perspective, trans-boundary governance should focus on the idea of cooperative management concept that encompasses multiple domains, multilateral interactions and networked operation. It should be a set of new governance theories that is adapted to economic globalization, industrial integration and organizational reforms and which at least includes three aspects, namely, cross-border governance, cross-sectoral governance and governance of public-private partnerships (figure).

---

¹ Boundary, or “界”(jiè), has multiple meanings in ancient Chinese with the main meaning indicating border and frontier; the edge of a field is call “界”. It is also defined as dividing line or scope, e. g., “the boundary dividing right and wrong is the boundary of everyone’s duty”; “if one’s desire has no boundary, conflicts will surly arise”. It is defined as adjoining or bordering, e. g., “three kingdoms share boundaries with Qin and thus are afraid of invasion”. It is also defined as to separate or alienate, e. g., “to set boundaries between Jingyang and the Marquis Xiang and instigate the former to revolt against the latter and replace him”.

The Framework of Trans-boundary Governance's Three Dimensions

First, from the perspective of Political Geography, trans-boundary governance refers to the collective action and process of coordinating and addressing cross-border regional public issues, e. g., cross-border environmental pollution, cross-border crime, infectious diseases, through such means as dialogue and negotiation, by establishing cross-border governance agencies or coordination organizations that can override the authority of local governments, under the present structure of cross-border urban networks or cross-border market system. Such cross-border governance occurs both at the international level, such as global governance, international governance, sub-regional governance, and the EU governance, and in a nation among different ranks of government, such as the Inter-state Agreement [5], the Council of State Governments [6, p. 570], and Association of Bay Area Governments of the US and China's Yangtze River Delta Urban Economic Coordination Committee. Such trans-boundary governance in essence refers to that, though still confined by existing administrative borders, regional administrative governments reconcile to the trends and features of cross-border development in regional economy and public affairs, and actively promote regional political reform and seek to establish a new type of cross-governmental relations that is compliant to the times, in order to improve their capacity of collective action and to expand regional collective interests.

Second, from the perspective of Organizational Theory, trans-boundary governance refers to the coordinated governance process of different functional depart-

ments within a government, in accordance with the theories of industrial chain, value chain or service chain, following the principles of continuity and integrity of operation flow, carrying out cross-sectoral and cross-functional-boundary labor division, cooperation, negotiation and coordination, constructing the “boundaryless management” or “seamless management” operation mechanism, integrating all governmental departments, personnel and other resources, providing quality and efficient information and services to the public with one single interface, and completely eliminating the cross-sectoral cooperation predicaments of non-cooperation among government bodies and multiple management for the purpose of resource sharing.

Third, from the perspective of Management Science of Society, trans-boundary governance refers to governance crossing the boundaries of government, market and the community, for attaining multi-lateral win of economic growth, political democracy and social development by adopting the forms of government outsourcing services, government selling, contracting, franchising, and subsidy to establish public-private partnerships among government, enterprises and the community where organizations including social organizations and enterprises could fully participate in the process of public services supply and social management and resources of government, society and market are integrated to give full play to their respective advantages in accordance with the principles of trust, communication, cooperation, partnership and contract. The campaign of “New Public Management” or “New Public Service” observed by the West nowadays is in essence a type of social governance process in the model of public-private partnership.

According to the three dimensions introduced above, the core of trans-boundary governance is the government itself. The key lies in how to make the government comply with today’s requirements for social and economic development, accelerate government reforms, and construct a crisscrossing policy system to improve its efficiency and capacity of public services in the cooperation network with neighboring governments, communities, markets, etc. and to resolve the major trans-boundary issues together with all those parties. In other words, trans-boundary governance requires our government be a cooperative, public service-oriented and limited government, which accords with China’s current practical requirements of comprehensively promoting innovation-driven and transitional development government. Observed from the theoretical point of view, “trans-boundary governance” assimilates and covers the essence of such management theories as traditional Bureaucracy Theory, new public management theories, and virtual government management theories with the distinct features of being contemporary, inclusive and integrated. It becomes a new governance model aimed at addressing major practical issues. In fact, the theories and methodology of trans-boundary governance have been successfully applied in western developed economies. For example, to deal with cross-administrative-region conflicts, the U. S. government established “Interstate Agreement” [5] and “Interstate Commerce Commission”, the EU established the “Association of European Border Regions (ARFE)” [7]; to achieve cross-sectoral governance, countries or

regions like the United States, Europe and Japan have perfected their cross-sectoral governance system, such as “Super Ministry System” or “joint conferences among ministries”; and to achieve governance of public-private partnerships, they have developed and improved a mature public-private partnership system (PPP) where social organizations has become an important endogenous driving force pushing their economic and social development.

In terms of institutional coordination of economic, political and social activities, there are four available mechanisms: anarchy, market mechanism, hierarchy (government), and self-organizing governance [8]. But as to which is the most effective one, academia circle has not come to a conclusion. In fact, different trans-boundary issues need different trans-boundary governance mechanisms. The author held the opinion that trans-boundary governance mainly emphasizes three mechanisms. First, rules and regulations. For any governance process involved in cross-border, cross-sector or cross-sectoral governance, with the exception of multi-agent and “one-time” informal cooperation bonded by projects, most activities are permanent and continuous to a certain degree. They need rule systems and regulation frameworks that have common binding force, such as principles, norms, standards, laws, agreements, treaties, covenants, regulations, procedures, policies, etc., to reduce the social costs of trans-boundary cooperation and trans-boundary governance of different parties and to improve the expectations of stakeholders participating in the governance. Second, social capital. Actually, trans-boundary governance belongs to the category of governance. Besides the formal institutional interactions, a large number of informal and loose interaction and cooperation are also needed. And the continuity of such informal cooperation relies on the personal relationship among the leaders (managers) of different organizations or departments, which, to some extent, determines whether the trans-boundary cooperation can be established and how it goes and ends. Moreover, it is unrealistic and impossible to establish formal institutional systems of trans-boundary cooperation binding all organizations despite their diversified features, especially in some of the grassroots communities where the efficiency of addressing public affairs depends more on the geographical connections and social capital of the heads of concerned departments and of the leaders of non-governmental organizations formed during their long career, rather than detailed regulations and policies. Therefore, the author believed that, whether it is in the context of traditional Chinese culture, or in western countries’ civil society system, political culture and psychology factors are important factors must be considered in trans-boundary governance. Social capital centered on “interpersonal communication” is an internal force that guarantees the efficient operation of trans-boundary governance. Third, organizational network. In practice, when faced with trans-boundary conflicts, conflicts of interest or social needs, organizations cannot solve the problem solely through the unilateral cooperation with a certain government, enterprise or social organization. Normally, they need to seek multiple and multilateral trans-boundary cooperation relations centering themselves with all kinds of governments, departments and public or private organizations around

them, and optimize and maximize their interests of trans-boundary cooperation in an organizational system network. Each organization is a node in this crisscrossing and intertwined organizational system network.

In trans-boundary governance system, in addition to give prominence to public-private partnership, how to manage the intergovernmental relations (including relations among governmental departments) is also a key and essential factor that can determine whether the trans-boundary governance is successful or not. The author believed that intergovernmental management and partnership are two important management tools for trans-boundary governance. First, Intergovernmental Management (IGM). Intergovernmental Management is a kind of intergovernmental activity of “multi-party governance” [9] originated in western countries in 1980s. It is a type of cross-regional, cross-sectoral and reciprocal model of governmental relations based on cooperation. It proposes to transform the governmental system from the traditional pyramid structure into a flat one and to weaken the authority of government by transforming its management model from unilateral management to multilateral (involving government, enterprises, citizens, social groups, etc.) democratic participation. Intergovernmental Management emphasizes not only the relationship of all levels of governments, but also the collaboration between public and private sectors. It seeks to establish equal relations and resolves disputes mainly through negotiation, dialogue and network participation [10]. Second, partnership. Trans-boundary governance mainly relies on the supply chain partnership (SCP) in corporate management, i.e. the coordinative relations between two or more separate members within a supply chain, to ensure achieving a specific goal or effectiveness. In terms of trans-boundary governance, one core concept and approach of addressing all trans-boundary issues is to establish strategic partnership among different interest bodies in accordance with demanded and proper principles, to achieve information sharing and network interaction. Specifically, in the actual process of trans-boundary governance, the first step is to assess the needs and possibility of establishing strategic partnership according to the supply chain or industrial chain of the service; the second step is to set up standards and choose service suppliers and partners; the third step is to establish partnership by signing contracts or by certain informal forms of organization; the fourth step is to improve the mechanism and strengthen cooperation, interaction and exchange to constantly resolve the trans-boundary issues that arise.

2. Cross-border Governance and the Prospects for China's Regional Structure

The first thing that needs to be clarified is what brought about “trans-boundary governance”, a major strategic issue. Julio Rios, a Spanish scholar, said: “Geographic boundary is a factor of separation, a kind of segmentation, a threat, a type of isolation and non-contacts. Generally speaking, boundary can control the entrance of outsiders, blocking the unwelcome” [7]. However, it cannot completely cut off the inherent interaction and contacts of culture, history and language. It is thus obvious that political boundary, to some extent, has control function, but with the decentralization of economic and social development, such traditional function will surely

be weakened and the dynamics and process of spatial expansion will also change accordingly. Actually, cross-border economic activities with mainly the flows of capital, labor, goods, raw materials and travelers have existed for a very long time. In 19th century, the phenomenon appeared mainly between suzerains and colonies. But since the world entered the 20th century, due to privatization, deregulation, breakthroughs in digital technologies, the open of domestic economy to foreign funded enterprises and increasing participation of domestic economic entities in the operation of global market, a country's role as spatial unit has began to weaken and it was replaced by new organizational structures, such as sub-national units, global urban regions, cross-border regions, supranational global digital markets and free trade groups [11, p. 2–3]. With the further development of economic globalization, many new trans-border issues have arisen in recent years around the globe, including nuclear proliferation, network security, energy management, migration, cross-border pollution, terrorism, infectious diseases, and climate change. The development of the world is more multi-polarized, mobilized and complicated where a country cannot cope with global challenges on its own, government itself cannot resolve cross-border issues and the traditional governance model of governments defined by national boundaries is no longer effective, which has directly brought about new strategic choices that encompass governments and non-state action bodies and encourage their close cooperation, including “cross-border cooperation”, “global governance”, “world governance”.

Apparently, cross-border governance is the collective governance of the trans-boundary issues that all concerned parties face at different levels, including global governance at international level and regional governance at national level. But in whichever level of cross-border governance, the core issue is to address disputes and conflicts of interest along the administrative borders. This is because the administrative division, as a reflection of political power on geography, represents the geographic boundary of certain political interests. In the context of economic globalization, there are all kinds of conflicts of interest along the borders of countries and even townships, including the flow of key factors around the globe, contests over strategic resources, ecological pollution and the integration of infrastructure, industrial competition and policy competition. Cross-border governance is a process of horizontal interaction and close collaboration among multiple subjects and needs effective governance mechanism. For example, in terms of global governance at the international level, since world power is being transferred from the developed world to the developing and emerging economies and from national and governmental organizations to non-state action bodies, developed countries, developing countries, emerging economies and non-state action bodies (including transnational non-governmental organizations, civil society organizations, churches and other religious organizations, multi-national cooperation, business groups, interest groups, etc.) will all become the multiple subjects of cross-border governance. Some non-state action bodies will take the role of international cooperation promoter, while others the intruder. Facing with such an extremely complicated international deve-

lopment situation, cross-border governance demands a set of legitimate, democratic and multivariate negotiation mechanisms and new international rules, but also the close cooperation among multiple subjects. The recent financial crisis has shown that heterogeneous nations and global and regional organizations can cooperate with each other to avoid a new round of economic depression.

Since the implementation of reform and opening up policy, due to the decentralization-oriented and market-oriented financial system reform, local governments have long been one of the most important subjects undertaking the job of regional economic organizations and the interests of regional economy. Competition among local governments brought about great progress and development of China's regional economy in general. In particular, provincial economies, municipal economies and county-level economies divided by administrative borders have witnessed an exceptional growth and progress. Such institution of vertical regulation is a great contributor to China's continuous and rapid economic growth. However, during the process, as political reform lags behind economic reform, different levels of local governments are too powerful in economic function, and administrative borders still heavily hinder the horizontal development of regional economy. And there is no unified institution or policy to support the horizontal trans-boundary cooperation and coordination among adjacent governments and the existing administrative system is not compliant with the market-oriented regional development pattern. Therefore, administrative border is still a major obstacle for China's regional economic development. In recent years, with the market-oriented and information-oriented development and under the guidance of related regional planning policies from the central government, regions represented by metropolitan circles including Beijing-Tianjin-Tangshan area, Yangtze River Delta and Pearl River Delta have broken through the barriers of administrative borders and constructed global city-regions or regional economic communities, which has become the change and new trend of regional economic organization and development. The new trend of regional cross-border integration and development demands new regional political pattern and new institutions adapted to the requirements of economic development and integration, that is, a complete set of cross-border governance system. At the same time, cross-border pollution affecting some basins in China is also a realistic problem of great importance. Contests over water resources and water pollution in some cross-border areas (e. g., the pollution of Taihu Lake located in the adjoining area of Jiangsu, Zhejiang and Shanghai), has become a destabilizing factor endangering social stability. In this sense, to establish an effective cross-border governance system is the inevitable institutional choice for China's regional economic development at the present stage. A set of cross-border governance system that combines vertical and horizontal approaches and encourages public-private cooperation and interaction, can effectively resolve major realistic issues, such as the lack of integration of inter-regional infrastructure, vicious industrial competition among cities, administrative barriers against economic factors, cross-border ecological pollution and cross-border crimes, and enhance the overall cooperation capacity, competitiveness and cohesion of a re-

gion. It could fundamentally adapt a region to the internal requirements of market-oriented economic development, create an institutional system or a new regional political pattern favorable to the agglomerated, integrated and large-scale development of regional economy, and better accommodate the system to the actual needs of economic development. Specifically, China can construct a new cross-border regional governance system with 3 levels and in 3 domains (table 1).

Table 1. The Proposed Structure of China's Cross-border Regional Governance System

	National level	Provincial level	Municipal level
Government domain	“State Administration of Regional Development”	The regular meeting of governors (in central, western, eastern and northeastern China, area centering Fujian, Beijing-Tianjin-Tangshan area, Yangtze River Delta, Pearl River Delta, Huaihai Economic Zone, etc.) and regional departments cooperation agreements	Joint conferences of mayors, urban coordination meetings, city alliances, municipal governments associations, etc.
Market domain	Cross-regional enterprise groups	Trans-boundary regional industrial associations and large enterprise groups	Cross-boundary regional industry associations and urban common markets
Social domain	World Forum on China's Regional Governance	Regional development forums and trans-boundary social organizations	Regional social organizations in urban areas and Global City-Region forums

3. Cross-sectoral Governance and the Construction of China's Joint-up Government

Cross-sectoral governance is the second aspect of the “trans-boundary governance” system proposed in this paper. It refers to the process of integrating or mobilizing all sectors along the value chain, service chain, industrial chain and supply chain and their resources and interests through formal channels, including signing memorandum or agreements, or informal channels, including negotiation and suggestion, on the premise of not cancelling department boundaries and taking the interests of all sectors into consideration, to achieve a specific goal together, when faced with key issues (which are complicated, systematic, and geographic-related to some extent) in public governance. It is the basic tool for making better decisions, bringing better results and innovative methodology to achieve the sustainable development of the whole society. It guarantees that knowledge is shared, all key issues and sectors are properly considered, and decisions are made and actions are taken in the right place through cooperation. When addressing specific issues, it does not replace each single department in terms of their responsibilities over their projects, but all participants will face major potential risks and defects when any of the department or stakeholder does not cooperate and seeks to maximize its own interests. Thus, trust is the key to integrate organizations of different nature and with different goals, management models and motivation mechanisms; and equality,

respect, information sharing and decision-making by consensus are the foundations of cross-sectoral cooperation [12]. In practice, governmental cross-sectoral cooperation includes “Joint-up Government” and “Whole of Government”. The core goal of “Joint-up Government” (JUG) is to integrate various organizations that are independent from each other to achieve common goals pursued by the government. Its basic point is that goals of public policy cannot be achieved by separate government departments or through establishing new “super department”. Specific policy goals can only be achieved through cross-sectoral cooperation on the premise of without canceling department boundaries. “Whole of government” refers to the cross-sectoral cooperation formed by public services institutions to achieve common goals, or the joint organization established for exceptional problems. The measures taken can be either formal or informal with focus on policy making, project management or service delivery [13].

In terms of development history, cross-sectoral governance originated in developed countries including the Great Britain and the United States after the World War II. Since the 1980s, the “New Public Management Movement” has accelerated the cross-sectoral management reforms of governments in Western countries, Hong Kong, and Singapore. By restructuring and reforming government institutions, they streamlined government organs¹, integrated functions and improve the efficiency of management (table 2). For example, after the outbreak of BSE in 2001, Japanese government, in order to protect the rights and interests of consumers, broke through the boundaries segmenting different departments and established the Cabinet Office Food Safety Commission whose major responsibilities were providing food safety risk assessment, instructing and supervising the risk management departments, communicating and publishing risk information, etc. Its members were all non-official experts approved by the Parliament and appointed by Junichiro Koizumi, the then Prime Minister. Their term of office lasted three years. In 1961, to promote the cross-sectoral coordination on environmental governance, the Canadian government set up the “Canadian Council of Ministers of the Environment” (CCME), which consisted of 14 environmental ministers from the federal government, 10 provinces and three territories. They convene meetings biannually to discuss environmental issues and negotiate on related policies.

Table 2. The Amounts of Cabinet Government Departments in Market Economy Countries²

Country	US	UK	Canada	Germany	Spain	Russia	Australia	New Zealand	France	Japan	ROK	Singapore
Amount of Departments	15	18	19	14	15	15	16	19	18	12	18	15

¹ In typical countries with market economy, there are 14 to 19 cabinet departments.

² Zha Zhenxiang, “An Empirical Research of the “Large Department System” of Western Countries, Hong Kong and Singapore”, The Collection of Essays of the 2nd Session of China’s Pilot Zone for Overall Reform Forum–High-level Economic Forum in Commemoration of the 60th Anniversary of the Foundation of People’s Republic of China, 2009.

According to Marx's theory that the economic base determines the superstructure, cross-sectoral governance is an effective management strategy compliant with the requirements of China's modern service economy and integrated economic development and is a flexible institution adaptive to new types of economy. Industrial development trends indicate that at present, China is in a critical period of transition into service-oriented, outsourcing-oriented and specialized post-industrial or service economy where the market is increasingly segmented. Integration, chain development and cluster development of related industries are more prominent; and the development of global consumer electronics and cultural creative industries has fully demonstrated that China is ushering in a new stage of cross-border integration. Modern service economy demands reviewed institutional system of market access, credit, regulation, tax and government administration, and in particular, establishment of a set of cross-sectoral governance institutions adapted to industrial integration. But in general, China's current governance system is still mainly vertically organized sectoral governance segmented by industrial division with characteristics of industrial society. As driven by China's gradual reform, interest separation, localization and fragmentation of reform are severe. Departments with different functions enjoy surplus independence while lack cooperation. In practice, they often "scramble for easy tasks" and "evade difficult ones". Independent action, multiple management, overlapped policies, and information isolation have become incurable and normal management problems. The situation is typical in various areas such as food safety and water pollution control. For example, in food safety issue, "eight ministries together are unable to ensure safety of pork from the same pig". The production, processing, sales and distribution of food industry are segmented intentionally. Naturally, the "segmented and inconsistent" institution can hardly guarantee food safety. In water pollution control, according to Water Pollution Prevention and Control Law of the People's Republic of China, there are altogether nine administration bodies, i. e. environmental department, transport department, water administrative sector, department of land and resources, health department, construction department, agricultural department, fishery department and lake and river water resources protection bureaus. In other words, water pollution control is segmented into nine sections. In addition, in addressing such persistent problems as illegal use of urban land, illegal construction, unlicensed business activities, group-renting and governance of amusement places, though with the pretension of "a holistic approach", management is still segmented by different sectors where each assume its independent responsibility. Such sectoral, fragmented and separated governance system can hardly adapt to China's current economic and social development trends and the request of people. Reform and innovation are needed. Hu Jintao, the General Secretary of CPC, proposed in the Report to the Seventeenth National Congress of the Communist Party of China to "strengthen the efforts of institutional integration, to explore and establish large department system that can integrate different functions and to improve the cross-sectoral coordination mechanism". In recent years, China has begun the reform of large department system and has achieved remarkable suc-

cess, but department boundaries still exist and wrangling and conflicts among different departments are still inevitable. Therefore, I believe, in the face of the current “fragmented government”, in addition to continuously improving the construction of large department system, China should put more efforts in improving the cross-sectoral coordination mechanism, constructing a “Joint-up Government” where related departments share common goals. They are the fundamental way out for department segmentation and conflicts. Therefore, the following reforms should be emphasized: First, laws and regulations like Law on Governmental Cross-department Relations or Regulations on Governmental Cross-department Relations should be formulated to provide specific regulations for related functional departments of the same government level (central government level, provincial or municipal level, district or township level) on the rights, duties, institutions, personnel, funds and investment, etc. for coordination and cooperation. In particular, financial budget departments should allow related sectors to have easier access of mobilizing funds regarding fiscal years, organizations and budgets to encourage cross-sectoral cooperation of various kinds, and encourage them to increase their cross-sectoral cooperation budget reserves [13]. This measure can provide substantial legal basis and policy support to cross-sectoral cooperation. Second, the system of “Cross-sectoral Joint Conference” participated by related functional sectors should be established and perfected around the common issues and service goals and on the basis of fully respecting the labor division and specialty of different sectors, to strive for common goals, clarify their respective responsibilities, confirm cooperation relations, establish joint-leadership agencies, leading agencies or joint law enforcement agencies, establish robust negotiation, dialogue and communication mechanisms and create the administrative culture of cross-sectoral cooperation and linkage. Third, the cross-sectoral and inter-agency project of information sharing and e-government should be promoted and implemented in an all-round way: firstly, to guarantee that agencies are consistent in the definition of basic concepts, statistical methods, and information interpretation through document review, specific researches and negotiation, to facilitate their mutual communication, comparison and model administration; secondly, to establish information sharing mechanism among partners and end the information isolation among sectors to achieve cross-sectoral information communication and to provide substantial information foundation and technology support to maintain the operation of cross-sectoral projects. Fourth, provide training of new governance to leaders of important government departments for improving their professional expertise and enhancing their ability in negotiation and cooperation with other organizations. It is to transform the leaders of government departments into promoters, conveners and brokers for accomplishing certain common goals and management tasks, rather than doers.

4. Governance of Public-private Partnerships and the Construction of Public-Service Oriented Governments in China

Since the 1970s, a wave of administrative reform has swept across the whole world. How to reshape government functions, properly handle the relationship be-

tween government and society, and provide adequate and effective public service to recipients have become major issues for government governance around the globe. In this regard, new theories and thoughts emerged in Western developed countries, including Public Choice, New Public Management, New Public Service, and Privatization. But no matter in which theory, the core subject, when facing huge public services demands which can not be fulfilled by the government itself, is nothing but the establishment of interactive and cooperative relations among governments, social organizations and consumers for the public services that allow competition, through multiple and scientific cooperation mechanisms and in accordance with the types and features of public products, where capacities of non-governmental organizations or social organizations are fully mobilized, the efficiency of public services are improved jointly, and the needs for multiple and multi-level public service are met. At the same time, it effectively prevented government's continuous expansion and enhanced political democracy, and ability and level for government public service are greatly improved. For the concept, different theories have different titles, such as "third-sector government", "non-governmental organization", "civil society", but the author held the opinion that "Governance of Public-private Partnership", one of the major parts in cross-boundary governance introduced in this paper, that encompasses both public and private domains, is a more accurate reflection of the connotations of cross-domain governance that embraces politics, economy and the society. It refers to any institutions for joint production and supply of commodities and services with the participation of public (political domain) and private sectors (business domain) and non-profit social organizations (social domain), including contracting, franchising, vouchers, subsidies, etc. It can also mean the informal cooperation among enterprises (entrepreneurs), religious leaders, community leaders, leaders of non-profit organizations and local government officials for the purpose of improving urban conditions. Public-private partnerships include community partners (citizens and volunteers), private sector partners and partners from non-profit organizations. Public-private partnership is not only a tool of governance, but also a basic strategy of social governance and the highest level of trans-boundary governance.

Due to their special political ecology, administrative culture and social development stage, western developed countries took the lead of building public-private partnerships between government and society. In various social service fields including infrastructure, urban public management, social welfare, cultural education, and emergency management, through the institution of government procuring public services, they established multiple public-private partnerships, which enabled a large number of social organizations or private enterprises to participate in the production of public services, in turn it greatly improved the efficiency of government's public services and effectively satisfied the demand for social services. For example, after World War II, the US federal government proposed a major policy initiative. Projects like medical and health care, environmental cleanup and restoration, poverty alleviation, job training, interstate highways and sewage treatment plants, etc.

are all managed through public-private partnerships. A direct result of western developed countries' public-private partnerships is that a large number of capable social organization systems (or NGO) with specialized services and a host of specialized teams of social workers were nurtured, making social work a decent job which shares equal importance and social status and with equal salaries with occupations like civil servants, doctors and lawyers. For example, statistics show that there were only 50,000 charities in the U. S. in the 1950s, but the amount surpassed one million by the end of the 20th century. The increase from 50,000 to 1,000,000 was largely a result of the policy support from government; there is a huge team of social workers in the US. By 2004, the number of social workers in the US has reached around 560,000, which means there is one professional social worker among about every 500 American citizens. Western countries have a long history of cooperation established between government and private enterprises, associations and charities, during which they have built powerful social work systems and effective social service systems. These systems have effectively addressed and resolved complicated social disputes and conflicts and have provided endogenous growth momentum to and laid the foundation for economic growth and social development. The global financial crisis in 2008 and the social crises it triggered sufficiently demonstrated that the idea of a complete marketization or complete enterprising social governance is not feasible. Effective social governance should be balanced between public and private components, encompass the cooperation between government and market and between government and the society, and seek balance of interests and social justice in the system of public-private partnerships.

Since the beginning of economic reform 30 years ago, China has created an economic wonder rarely seen in the world, but compared to the rapidly advancing economic reform, the construction and reform of the social system apparently lagged behind, social public services were in shortage and service supply structure was unbalanced and unequal, which has resulted in social inequality and has become a major obstacle harming China's social harmony. A rather typical problem is that the relationship between government and society is not clearly defined, specified and guided by fundamental institutions and policies. As a result, the government often takes the role of producer of public services, the cultivation of and trust in social organizations are inadequate, and a large number of social organizations are out of the public services supply network system making many nonprofit and grassroots social organizations and their professional social workers unable to maintain their sustainable development. Under such circumstances, when facing the rapidly growing demands of the population, governments are often criticized despite their efforts. They are far from becoming public service governments. Fortunately, in recent years, China has attempted experimental reforms in such fields as social organization development, social worker education and establishment of new government-society relationship in some provinces and cities, including Shenzhen and Shanghai (Pudong), which has achieved significant progress, but the key of comprehensively enhancing the construction of public service oriented government lies in the radiation effect created by those separate experiments.

The “public-private partnership” governance model proposed here that crosses the three major areas, namely, government, market and the society, was meant for solving two major problems: the first one is the problem of “strong government and weak society” prevailing during China’s social development, and the second is the problem of unclear or absent subject in China’s social construction. In other words, the model’s objective is to establish “public-private partnerships” channels and methods of multiple forms by reforming social system and designing social policy to incorporate a large number of private enterprises, social organizations and other social forces into social governance and urban management systems of our country, to utilize social forces to help the government provide appropriate public services, to better satisfy the current diversified and multi-level social demands and eventually to construct a nationwide system of public service-oriented governments, in which social organizations will become the backbone and main part of social construction and partners of social construction and social management, and social workers will be a professional force for social construction. A comprehensive and public-private partnership based governance system with “strong government and strong society” will be built. But it should be noted that, the governance of public-private partnership proposed in this paper does not refer to the simple method of privatization or marketization and it definitely will not outsource all public services to enterprises or social organizations indiscriminately, or allow unrestrained development of the market. It refers to the construction of selected channels and mechanisms of public-private cooperation according to the types and features of public services, to jointly provide effective public services or public goods. Particularly in the production and provision of such quasi-public services in education, health care, housing and culture, on one hand, it is necessary to adhere to the government’s public service functions to provide basic and public services to the general public; on the other hand, the demands of high-income groups can be satisfied by the high-end, high-standard, high-priced and customized services provided by market and social organizations following the idea of marketization. In other words, the supply of public services in the system of public-private partnership governance should combine two channels, namely, public welfare and market. Only in this way can there be effective supply of public services to meet the diversified and multi-level practical needs of the public. For this purpose, reforms and efforts should be made in the following domains: first, officials of all governments from the central level to local levels should transform and emancipate their mindset to have a new idea on the function and effects of social organizations in social management and social construction, and learn to utilize social organizations to help the government solve related social problems and try to build close partnerships with them; second, on the basis of the current success in reform, continue to deepen the transform of government functions, introduce and formulate a system of laws, regulations and policies propitious to the development of social organizations and establish social organization’s subject position in social construction in the way of establishing enterprises’ subject position through economic reform to let social organizations undertake the subject function of social

services; third, establish and improve a system of government procuring public services, build a standardized and stable third-party service delivery model, and strive to form a full range of public-private partnerships in traditional service sectors and non-traditional sectors (education, prison management and military affairs); fourth, recognize the professional identity of social workers as soon as possible according to law and enhance the professionalized, specialized and systematized development of social workers for the purpose of founding sufficient human resources to provide professional and high-level social services.

References

1. *Scott, A. J.* Globalization and the Rise of City-regions / A. J. Scott // *Europ. Regional Studies*. – 2001. – Vol. 9, N 7. – P. 813–824.
2. *Harrison, J.* From Competitive Regions to Competitive City-regions: a New Orthodoxy, But Some Old Mistakes / J. Harrison // *J. of Econ. Geography*. – 2007. – Vol. 7, N 3. – P. 311–332.
3. *Brenner, N.* Decoding The Newest 'Metropolitan Regionalism' in the USA: A Critical Overview, in *Cities* / N. Brenner. – 2002. – Vol. 19, N 1. – P. 3–21.
4. *Purcell, M.* Metropolitan political reorganization as a politics of urban growth: the case of San Fernando Valley secession / M. Purcell // *Political Geography*. – 2001. – N 20. – P. 613–633.
5. *He Yuan.* Inter-state Agreement: an Inter-governmental Coordination Mechanism in the U.S. / He Yuan // *J. of China National School of Administration*. – 2006. – Iss. 2. – P. 88–91.
6. *Beard, C. A.* American Government and Politics / C. A. Beard. – Beijing : The Commercial Press, 1987. – Vol. 2.
7. *Rios, H.* Cross-border Cooperations in Europe: The Spanish diversities / H. Rios ; transl. by Deng Yingjie // *World Ethno-National Studies*. – 2008. – Iss. 4.
8. *Jessop, B.* The Rise of Governance and the Risks of Failure: the Case of Economic Development / B. Jessop // *Int. Social Science J.* – 1998. – Iss. 155. – P. 29–46.
9. *Cameron, D.* The Structures of Intergovernmental Relations / D. Cameron // *Int. Social Sciences J.* – 2001. – Vol. 53, iss. 167. – P. 121–127.
10. *Wang Weiquan.* The Rising and Content of Intergovernmental Management / Wang Weiquan // *J. of the Party School of Tianjin Committee of the C.P.C.* – 2005. – Iss. 3.
11. *Sassen, S.* The Global City / S. Sassen ; transl. by Zhou Zhenhua [et al.]. – Shanghai : Shanghai Acad. of Social Sciences Press, 2005. – P. 2–3.
12. *Haifeng Li.* The Practice and Revelation of Cross-sectoral Cooperation of Canadian Government / Haifeng Li // *The Collection of Essays of the Symposium of The Theories and Practice of Service-oriented Government Construction : The 2008 Annual Conference of China Administration Society*, 2008.
13. *Sun Yingchun.* An Exploration of Foreign Cross-cutting Working Mechanism / Sun Yingchun // *Chinese Public Administration*. – 2010. – Iss. 7. – P. 102–105.

Date accepted 18.10.2015.

ZHU YAN,

Assistant Research Professor, Institute of Sociology, SASS

MARKET TRANSITION, INEQUALITY AND SOCIAL POLICY: SHANGHAI IN THE REFORM

China's three-decade reform has witnessed a perplexing relationship between market transition, social inequality and sets of social policy. Dividing into three different stages, the author delineates that market transition has given rise to social justice concern and called upon social policy to tackle these issues. To be specific, the first stage of reform has undertaken "market-planning" dual track system, which opens room for those willing to take challenge and risk in the market. At this time, feeling of injustice mainly comes from market-based distributive principles. The second stage of reform has adopted "pro-efficiency" strategy and radical marketization, which demolishes most part of state sector, causing large groups of laid-off socialist workers and migrant labors left in helplessness. Lack of basics for subsistence and protection, lack of proper social policy make the feeling of injustice roar. The third stage, which lasts until now, sees a gradual return to re-emphasis on social welfare and social policy which tries to eliminate tension and anxiety legacy from the previous time.

Keywords: market transition, social inequality, social policy.

ПЕРЕХОД К РЫНОЧНОЙ ЭКОНОМИКЕ, НЕРАВЕНСТВО И СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА: ШАНХАЙ В ПЕРИОД РЕФОРМЫ

В Китае реформа, длящаяся три десятилетия, свидетельствует о запутанных отношениях между переходом к рыночной экономике, социальным неравенством и аспектами социальной политики. Выделив три разных этапа, автор отмечает, что переход к рыночной экономике породил интерес к социальной справедливости и призвал социальную политику к решению этих проблем. Говоря более конкретно, первый этап реформы предусматривал систему двойного курса «рыночного планирования», который открывал возможности для тех, кто был готов принять вызов и рисковать на рынке. В это время чувство несправедливости главным образом исходило от рыночных распределительных принципов. На втором этапе реформы была принята стратегия «про-эффективности» и радикальные рыночные реформы, уничтожившие большую часть государственного сектора, в результате чего остались беспомощными большие группы уволенных социалистических работников и трудовых мигрантов. Недостаточность средств для существования и отсутствие надлежащей социальной политики вызывало чувство несправедливости. На третьем этапе, который длится до сих пор, наблюдается постепенное возвращение к прежнему акценту на социальное обеспечение и социальную политику, которая пытается устранить напряжение и беспокойство, оставшееся в наследство от предыдущего времени.

Ключевые слова: переход к рыночной экономике, социальное неравенство, социальная политика.

Introduction

Social policy is intrinsic to modern society. On one hand, wealth accumulated in huge scale when the kinship-based society transit into a modern one, thus the state

is capable of public goods provision within its territory; on the other hand, transition from a traditional economy gives rise to social inequality and social justice issue. Just as Fukuyama (2011) has pointed out, “the country becomes richer and stronger, which results in the grade disparity, ranging from the master to the slave”. Meanwhile, a new set of values start to proliferate, say the emphasis on social equality. This thought sprouts among the intelligentsia and eventually becomes widely embraced, making the ideological foundation for social policies in many countries. We could therefore fairly argue that, the modern states not only create huge amount of wealth, but cause abundant challenges, among which resource distribution and social justice issue unprecedentedly gain attention.

Undoubtedly, we use social policy to improve people’s well-being and thus promote social justice. Social policy issue has three basic elements: *for whom* it serves, meaning the target group; *who* is the main provider, and *how* it shall be implemented. The debate on those elements continues during China’s three-decade reform, and social policies accordingly differ in various period, causing people’s perception about social justice to change over time.

In this chapter, we shall review the change in social policy and its consequence during China’s reforming era, including how the government balance between economic development and social policy, how it defines the relationship between market, society and government, and how it makes a choice between efficiency and equity. Before we proceed to the substantial part, we shall briefly review social policies before the reform, to give you a picture of the starting point.

Beginning of the Reform

Since the founding of China, the state sets out to establish a two-track systems: Work-unit (*danwei*) for urban Chian and People’s Commune (*renmin gongshe*) in the rural parts, which organize production, allocate and monitor labor, and ensure social welfare and security. Omni-potent party-state governs the economy and society as well, thus there was no room for so-called “social policy”. Let’s start with the ideology behind those practices before the reform.

It is usually held that egalitarian distribution dominates the first three-decade after 1949, nevertheless this is an over-simplified version. In fact, pre-reform socialist China can at least be divided into three periods: from 1949 to the mid-1960s, egalitarian clashed with meritocracy, leading to volatile policies; during the Cultural Revolution (1966–1976), meritocracy was completely suppressed; after the Cultural Revolution ended, appeals to efficiency rose again.

In the early years after 1949, CCP tried to restore socio-political orders and stimulate production. To achieve this goal, the ruling party “must unite the whole society” [1]. Therefore, state tried to reduce income and welfare gap between different social groups, exploiting limited fiscal resources. To be more specific, for those with higher income and welfare before liberation, the living standard largely remains unchanged; for those with lower income and welfare, CCP tries to increase their living standard, alleviating gap between rich and poor. For instance, state offers shelter and assistance to those unemployed; in each industries state builds labor protection system and offers educational and housing services to workers. Majority of workers

gets promoted in their wage level. The number of unemployed decreases rapidly and gets insurance payment from government. Workers having labor insurance also increase in large number in a few years [2, p. 38, 44; 3, p. 18].

Till mid-1950s, the national economy recovered quickly. CCP began to use material incentives to induce workers' efforts, for instance to adopt piece-rate wage system, to set up a new rewarding scheme etc. It unsurprisingly increased productivity but at the same time caused income disparity among ordinary workers, stimulating discussion about social justice and socialist ideology. At that time, Communist leaders increasingly felt that incentive structure causes fiscal burden to the state, and doubted whether the incentive system learned from the Soviet was suitable at all. Then after a while, CCP returned to the egalitarian way of distribution¹.

Since early 1960s, material incentives to ensure productivity somehow revived in small scale, however the policy was endeavored to reduce the income gap and to resist formation of a privileged «elite» class. For instance, in state-owned enterprises participatory democratic management was widely promoted to oppose managerial management, the prototype adopted in Magnitogorsk Iron Factory in Soviet Union; they laid off some workers to reduce costs while ensuring various subsidies and relief fund for them [4, p. 319]. Meanwhile, central government began to establish rural cooperative medical system.

During Cultural Revolution (1966–1976), meritocracy and stress for economic achievement was completely suppressed, and radical egalitarianism prevailed. Paradoxically, pro-egalitarian ideology produced a distinct type of inequality, that is inequality based on political status, and particularized consuming goods and social welfare provision. Studies have shown that, Leninist party ideology combined with limited welfare and public goods supply under great scarcity, it would form a politically stratified society. In order to get some advantages in resource allocation, everyone aims to become “a political activist”, which is a political status binding advantages and special treatment. People feel necessary to establish “patron-client relationship” with those in position and power, and exchange personal commitment and loyalty for scarce commodity, welfare or various opportunities [5; 6].

To summarize, before reform, political sphere overlapped with and absorbed the social sphere. It is hard to conceive any equivalence of so-called “social policy” which was independent of politics and economy. Social security and welfare were provided through urban work-units and rural communes. Communist leaders devoted to achieving an egalitarian society, which clashed many times with appeals for meritocracy and economic efficiency. Besides, there were quite a few critics and reflections on the Soviet model. But before the economic reform, the egalitarian ideal ironically produced a particularized model of goods and welfare provision based on political status. The status-based inequality differs vastly from class differentiation in the market reform, which we shall turn to in later section.

---

¹ See: the Report of Zhou Enlai on Labor Salary and Labor Security & Welfare Issue in the 3rd Plenary Session of the 8th CPC Central Committee.

Three Stages of China's Reform

How does China end social contract with public and enjoy rapid, liberal economic growth on one hand, and maintain authoritarian rule at the same time? This problem has baffled many researchers. Some scholars attribute China's miracle to "a reform without losers" [7]. In other words, all people benefit from economic reform and social transition, meritocracy has been widely accepted, an emerging market release enormous amounts of energy, and authoritarian state's ability in mobilizing and executing guarantee overall stability of the system, constantly gaining legitimacy through excellent economic performance.

This argument is not plausible to many researchers. They propose that China's reform shall be divided into different stages, in which central/local, market/government relations differ significantly [8; 9; 10]. However, those studies focus mainly on economic policy, especially on fiscal and taxation systems, separation of powers and duties between different levels of government, balance between industry and agriculture. As regard to the social consequences of such policies, existing literature have not given adequate attention. Some studies have discussed income disparity caused by the reform, but missed the point that how people comprehend these changes in distribution, consequential changes in people's perception of distributive justice and how people adjust to the structural change.

We propose that China's reform shall be divided into three stages. In this section, we shall present changes in people's mentality along the transition and how these group mentality formulate legitimacy for further reform. We need to clarify that we do not give clear time-mark for each stage so as not to be arbitrary. We try to spread out a picture which in a certain period of time connects change in policy and socio-psychological consequences, promoting better understanding of reform attitude in China and its institutional basis.

Stage 1: Dual perception of distributive justice under Dual-track System.

The first stage of China's reform starts from late 1970s and ends around 1990, aiming to gradually establish market mechanism under central planning regulation and control, keep the public sector unchanged while starting market reform.

In 1975, then-Vice-Premier, Deng Xiaoping, starts to reform industry and agriculture sector, aiming to "adjust, consolidate, enrich and improve" national economy. The direct measure is to remove ideology in the production and delegate power to direct producers. Before that, China has endured years of mass mobilization, to call on people's revolutionary ethos to restrain consumption and expand production, so as to achieve industrial accumulation and growth. To mid-1970s, it appears to the Chinese leadership that spiritually mobilizing people becomes more and more difficult. Meanwhile, national economy revives in the 1970s, which makes it possible to use material incentives. The 3rd Plenary Session of the 11th CPC Central Committee held in 1979 proposes "Socialist Modernization" as China's ultimate goal, at the same time criticizing economic institutions being too centralized. In 1982, the 12th National Party Congress Report further emphasizes state's imperatives to re-distribute fiscal income between central and local government and to decide on profit-

sharing between state and enterprises, in order to stimulate local state, different sectors and enterprises' enthusiasm in economic development.

Two characteristics feature this stage of reform: firstly, the goal set for the reform is grand, however the measures taken are very cautious. The state sets an annual growth rate at 5~6 %, which is relatively conservative; Secondly, market emerges outside the state sector. They two coexist rather than one demolishing the other, formulating the so-called "Dual-track System". This system also brings about two types of criteria for assessing and rewarding people's performance: one being combination of low-level egalitarian and particularism emphasizing power and political loyalty, the other being meritocracy largely based on marketability, work performance, education and skills. These two types coexist in the early years of reform era, attached respectively to a transiting public sector and an emerging market.

During this period, two types of divergence occur to ordinary Chinese' daily life chances, consequentially changing their perception of distributive justice. One type of divergence occurs within the public sector. At that time, economic reform aims to re-vitalize state sector. In some regions, local states start to delineate property rights for public enterprises, separating the right to own, to manage and to income. Some state-owned enterprises are leased to private [11]; while others lean to "Director Responsibility System", emphasizing meritocracy and weakening administrative intervention in factory's decision-making procedure. Since the enterprises start to "pursue the profit" [12], labor management shall serve this purpose. For decades, workers' wages have stagnated. To further push forward production through non-material reward is simply not enough. Therefore, the enterprises start to re-emphasize a "performance-based allocation", which reward those who contribute to productivity and profits. Meritocracy principle clashes with the old seniority principle and creates tension. Those senior workers, not equipped with up-to-date marketability, worry about what the fierce competition could cause; but those young, energetic maverick only complain that their skills and knowledge have not yet be fairly rewarded.

According to a nationwide opinion poll in 1987, 48 % respondents feel anxious that they might be too old, weak and incapable of adapting to market competition, thus might lose their employment security and social welfare. A saleswoman says to us, "income gap should be controlled within certain extent and the premium shall also cover the elders and female workers" [13]. In contrast, the professionals, youngsters and intellectuals still complain about egalitarian distribution, feeling fettered by this outdated principle. In 1989, several magazines open columns for discussion on "Social Justice and Economic Efficiency". The authors agree upon that, egalitarian principle emphasizes seniority and political status, which are ascribed rather than attributed factor, undermining "equality of opportunity" [14]. Since 1986, state-owned enterprises start to reform tenure employment, moving towards labor contract system. Tenure and contract-based workers might in the same factory. Contract-based workers always complain that "equal job, equal pay" has never been fulfilled, tenure workers enjoying much better housing welfare and work security [15].

The other type of divergence occurs between public and non-public sector. In the 1980s, a lot of collective and private enterprises get established, forming a “Dual-track Property Rights System” with state-owned enterprises. These non-state enterprises do not have to pay for employees’ social welfare, and can exploit cheap labor from the countryside. With extremely low running cost, they enjoy much higher odds in winning market competition over state enterprises. In addition, due to higher annual profits, non-state enterprises can pay much higher to technicians and managers than state enterprises. As some study reveals, private enterprise can pay around 1,000–2,000 yuan a year for a skilled worker, while for managers this can be 100 times higher (Jia Ting, Wang Dekuan, Tang Baoling, 1987). This disparity is utterly attractive to technicians and managers in state sector, but for those cannot find alternatives in market sector, this disparity would be hardly legitimate. Taking advantage of this situation, non-public enterprises engage themselves in a battle with this cumbersome state sector, in grabbing raw materials, market opportunity, resources and labors as long as policy don’t set restrictions. Rent-seeking behaviors grow out of these profit-making opportunities, which raise public doubts on the legitimacy of the market-born “Newly Rich”.

In 1988, a survey on social attitude, covering 12 thousand workers in 16 Chinese cities, reveals that professionals are the most dissatisfied with the current distribution system. A technician wrote as follows: Hard working for 40 years, a whole decade without promotion, never be bribed and remains poor, which increase all the time is the price [16]. A social psychologist argues that the New Rich has stimulated people’s feeling of social injustice. The whole society starts to have sort of an “end-of-the-world mentality”, which stressing self-interest above everything. People start to panic and become anxious, deviating from former perception on social differentiation [17]. In the early 1990s, the income gap between public and private sector stands out as the most concerned issue. According to four waves of social survey in Guangdong, over 80 % respondents judge the income distribution as “extremely unfair”, among whom those working in government, intellectuals and retirees hold strongest opinion [18].

However, the dual-track system has its advantages. This gradual transition allows the public sector to remain intact, still taking care of workers and their families, while building market institutions outside public sector. This path actually provides alternative to Chinese urban residents in that they can choose to stay under the previous shelter with low but secure payment, or to seek higher human capital returns in the emerging market.

In 1986, the State Council promulgates a reform in labor management system, promoting change from tenure employment to more flexible contract-based employment relations. However, when down to each factory, not many “old” workers actually change its employment status. Labor contract is mainly implemented on the newly employed. For the second job, State Council also issues a document, allowing workers in the state-owned enterprises to take part-time job in their spare time. If we use a metaphor to describe this situation, in the early stage of the reform, those

entering the market are not forced into; in contrast, they have weighed their pros and cons, and choose to take initiative. In another word, they actively “jump” into the market.

Communist Youth League of Tianj in surveys more than 20 thousand workers in 10 industrial enterprises in 1988. They find that 20 % are already engaged in a second job and 64 % more are planning to find one [19]. In 1970–1980s, due to lack of technical support, county and township collective enterprises hire technicians from nearby cities. A large group of technicians thus commute between city and nearby suburb to offer know-how every Sunday, so they are called “Sunday Engineers” (Liu Maosen, 2010).

Market system is built while the basic living standard of ordinary people is not demolished. This strategy makes “market” itself a positive thing, rather than something destructive and negative, which sharply differs from former Soviet Union. At that time, everyone is talking about how to make the market run more effectively. Some already enter the market, while others still wait and see, but they all believe that marketization head towards the right direction and shall have a bright future. Several polls in the middle and late 1980s showed that the public were optimistic for the results of the reform. A survey on 1,158 scientists and technicians in Shanghai reveal that 78 % are optimistic about the reform, believing that reform shall achieve its goal (Association of Shanghai Science and Technology Institutes, 1985). A similar national survey in 1987 reaches a similar conclusion: 72 % believe that economic reform will be a success [13]. When asked about the most urgent social problems, urban workers do not strongly appeal for social welfare, nor do they think that their interest be severely threatened. In 1987, Shanghai Municipal Government conducts a survey, finding that respondents are most concerned with improving housing conditions and public transportation system, not the social welfare system (Shanghai “Do Practical Things” Poll Team, 1987).

To summarize socio-psychological consequences of the first stage reform, we could fairly argue that the Chinese society starts to be suffused with anxiety and sense of injustice, but the source and degree of such anxiety are different from those in later periods. At that time, the sense of injustice was due to tension caused by new market-based distributive principles. It provides extra rewards for a small group of people, leaving the rest feeling relatively deprived. Different social groups have divergent opinions on how to allocate resources and income, seniority, meritocracy or simply need-based egalitarian, which stimulate conflict and dissatisfactions. Those with skills and knowledge, such as professionals, cadres and teachers, hold the strongest negative feeling, since they remain in the public sector and cannot fully enjoy market returns for their human capital. After the market reform, their feeling of relative deprivation and in security is utmost strong.

Stage 2: “Pro-efficiency” strategy in Radical Marketization and its Social Consequences.

If the first stage reform can be regarded as “a reform without losers”, then it ends in the early 1990s. Market-oriented reform starts to unfold after 14th National

Congress is held. The congress proposes an annual GDP increase rate up to 8 % to 9 %, puts forward to building a “Socialist Market Economy”, and for the first time advocates a fundamental role for the market to allocating resources.

CCP leaders draw a lesson from late-80s political turbulence that an affluent economy may solve many socio-political problems. Then-CCP leader, Deng Xiaoping, expresses concerns on stagnated economy in 1991. He believes that political events in Soviet and Eastern Europe are due to economic stagnation. “It’s no problem to develop the economy at the growth rate of 4 % or 5 % in 1 or 2 years, but in the long term, the economy will slide, especially compared with East and Southeast Asian countries... What’s the impact of the low-speed economic development? It’s not an economic problem but a political problem actually” [20].

The 3rd Plenary Session of the 14th Central Committee held in 1993 further specifies its political agenda. In order to achieve high growth rate, central government clearly states its goal as “Efficiency first and then social justice”. Discussions over “efficiency or social justice” are abruptly put an end to. Reforming the state-owned enterprises is formally set on the agenda. For the first time, Beijing leadership decides to reform the old management system and establish real modern enterprises. Large and medium size state-owned enterprises can be re-organized in property rights structure, turning to be joint-equity or privately-owned company; small enterprises can be sub-contracted, leased or sold to collective entity or individuals. The enterprises can decide employees’ wage system and incentive structure. In 1996, “*The Implementation Manual of State-owned Enterprise Reform*” proposes further reforming strategy of “seizing the giants, while selling the small”, meaning that maintaining 1,000 large and medium-size enterprises while restructuring, merging, contracting or selling the left smaller ones. 18 cities, including Shanghai and Tianjin, are selected as the first wave experimental sites, while the other 32 cities are added to this list, including Beijing and Shijiazhuang.

The labor and personnel system reform also starts. Although labor contract system has been on the lips of reformers since 1986, it is seriously put forward by Labor Law until 1995. And this law clearly states that despite its form of ownership, no enterprise is immune to this personnel reform. Before that, *Public Industrial Enterprises Management Law*, promulgated in 1988, allows enterprises to employ and fire workers if necessary, but it is only literally feasible to do so. In reality, employees in state-owned enterprises often condemn non-state enterprises for acting in an irresponsible capitalist way in protecting workers’ rights. Therefore, until the mid-1990s is it still quite strange for public enterprises to sign a labor contract with workers, specifying years of duration and terms of termination. For Socialist workers, to sign a labor contract means to change their socio-political status, and nature of their relations to government. They become “hired labor for Socialism”, and this transition is carried out in the name of a Chinese revival [21].

State-owned enterprise reform aims to better equip those entities, making them more capable in market competition. Foremost important is to remove social function from public enterprises, which inevitably affects workers’ social security and

welfare, causing bunch of social problems. In 1997, National Re-employment Conference proposes to establish a Socialist “survival of the fittest” mechanism. To be specific, many procedures are taken to increase operational efficiency, for instance downsizing, workers laid-off, bankruptcy and merger. Although central government also requires paralleled reform in establishing pension, unemployment and medical insurance systems, so as to create social institutions for the retired and unemployed, these reform procedures are far lagged behind. Workers, especially old and uncompetitive, are thrown to the society, but in the lack of alternative protection, they face severe difficulty in life.

Just in a few years, a new social group emerges in China – the Urban Poor. By rough estimate, from 1997 to 1998, number of employees in state-owned enterprises decreases nearly 30 million, among which only a small portion find jobs in non-public sector. Most are the victims of radical market reform. Considering how much an ordinary state worker’s wage means to the whole family, we estimate that this reform has brought about negative impact to over 80 million urban residents in China at that time.

Since the reform gets more profound, social tension and conflicts increase rapidly. According to National Bureau of Statistics, number of labor disputes in every 100 thousand workers rises from 6.6 in 1994 to 32.1 in 1998¹. And labor conflicts are more frequently in group. Group-based conflicts rise in number from 3150 in 1996 to 11024 in 2002, involving more than 370 thousand people².

The government finally realizes that, to abruptly end the social contract with public and deprive workers of social welfare have tremendously undermined people’s trust towards government and potentially threaten reform, social stability and economic development. From 1997 to 1999, government signs several documents to build social safety net, including the Minimum Livelihood Guarantee Scheme for urban residents. It targets on the urban low-income families, especially the laid-off workers from state sector.

During this time, issues concerning rural development, agriculture, farmers’ well-being and migrant workers also stands out. Life chance in rural part becomes worse and it is getting more difficult to increase income through farming. For those migrating to urban area to make a living, they are in the low end of urban social structure due to lack of labor protection and discriminant policies.

In 1980s, farmers’ living standards get largely improved. After Land Contract Reform, agricultural yield continue to increase [22]. State raises purchasing prices for crops and peasants can thus earn much more from farming [23]. At the same time, county- and township-based enterprises employ a large number of rural surplus labor, giving farmers alternative way to increase income. During 1978 and 1988, 72.26% of surplus rural labor are absorbed by county- and township-based enterprises [24].

---

¹ Based on China Statistical Yearbook.

² Based on China Labor Statistical Yearbook.

But in mid and late 1990s, the situation changes greatly. On one hand, peasants' income growth rate gets down, the number of labor force outweighs the land, and rural family find more difficult to rely merely on farming to afford elderly caring, child rearing, medical care and social security [25; 26]; on the other hand, development of county- and township-based enterprises is stagnated, restraining its capacity to further absorb surplus labor force [27; 28; 11; 29]. In 2000, a local official writes a letter to then-Premier of State Council to report severe rural conditions, which attract huge public concern and discussion. Government starts to change its policy imperatives from purely urban-oriented to a balance between rural and urban development.

Waves of farmers flow into the urban areas, hoping to make living and wealth. When urban workers face crisis of being laid-off, these new migrants formulate the new working class. However, their income and welfare security were in the bottom of the urban social structure. In 1993, the urban crops quota system is abolished. The same year, about 51 million farmers go to towns and cities for a job, meaning 1 in every 8.6 rural laborers leaves their native place [30]. They work in the low-end service sector, e. g. bicycle repair, shoes amending, haircutting, as well as industrial sector such as construction and manufacturing. To reduce labor costs, employers prefer to hire migrants, who accept lower wages, social welfare, unstable employment and overtime work. Many studies have shown that during this period, government at all levels look at migrants from a city-centric angle [31]. They represent the capital (especially the transnational capital) and ensure that employers can have cheap, flexible and abundant labors, while waving their duties in supervising use and management of labor, often neglecting harsh working conditions, overtime work, unbearably housing facilities, scarce welfare etc. [32; 33; 34; 35].

Socio-psychological consequences in the second stage of the reform shall be divided into two periods, before the state-owned enterprises reform and after. In the first period, people have largely accepted new criteria for assessment, concepts such as market, competition, profit and time being legitimized and ground in people's cognitive frame. In 1980s, many people still doubt and question the legitimacy of new rules and standards brought by the market transition; but this voice disappear in the early 1990s. Instead, people start to worry about how can they adapt to new rules and maintain advantages and survive market competition.

Surveys conducted in 1993 and 1994 depict that opportunity, competition, autonomy and utilitarianism have turned to be the main concern, replacing former key words such as stability, morality and dream in people's discussion and concerns [36; 37]. Everyone believed that market transition would bring opportunities and they could compete for better chance. "To get rich is glorious", this view is widely accepted. People are psychologically more independent, and more ready to take risk. They believe in a better future as long as can seize the opportunity. People no long attack the new rich; instead they try to find better odds in winning the competition. Frustration caused by the original crisis in value system disappeared. People begin to enthusiastically pursue material interests. A survey on social attitude carried out

in Shanghai asked the respondents “how you would deal with market competition and income gap”, 74,6 % of the respondents agree to equip themselves to adapt to it (Social Attitude Mentality Research Group, 1994).

From 1980s to the early 1990s, large wave of migrant workers flow into the city and live in harsh condition, but they seem not have strong sense of injustice. Despite facing prevalent discrimination and social exclusion, they largely accept terrible working and living condition, without decent facilities and basic social security. In their opinion, native place still lies there as their ultimate destination, current urban life is something temporary [38, p. 42–43, 216]. They not only obtain social and psychological support from native connection, but hold to sacrifice for their family as well. They make comparison with relatives in their hometown, which weakens feeling of injustice. This situation persists until the turn of century, when rural migrants depict internal differentiation among cohorts: the new generation does not have that strong native connection as their older counterparts, and their tolerance to the current discrimination and exclusion declines.

Overall speaking, ordinary Chinese’ life chances change dramatically since mid-1990s. In urban area, state sector reform gradually brings down the previous safety net and the social contract between state and ordinary citizens are ended with little compensation. After the 15th National Congress of the CPC in 1997, the property rights reform of state-owned enterprises and the personnel system reform lay off millions of workers and severely violate workers’ rights and interests. In the rural part, farmers have to pay heavy taxes but enjoy scarce source of addition income. Millions of surplus labors leave their native place and try to make a living in the urban market, forming a demographic pattern of “old, female and kids” in the village. Migrants work for private and foreign enterprises. In lack of governmental supervision, these factories exploit workers and blatantly violate labor law.

Unbridled market development without any balancing counterforce has brought about prevalent poverty in both urban and rural areas. According to several surveys in 1997 and 1998, there were approximately 5.8 million households in poverty by official standard, covering more than 21 million people, accounting for 5 % of the urban population. The per capita monthly income of those families was 182 yuan, accounting for only 42 % of the average income of urban residents. Considering the total state relief fund amount to 360 million yuan, annual relief per capital is only 112 yuan.

Marketization and economic restructuring caused roaring number of protests. As statistics show, the total number of appeals (xin-fang) nation-wide increase from less than 5 million to nearly 12 million during 1994 and 2002 [39]. The collective protest also increases in number rapidly, at an annual growth rate of 10 % in the early 1990s, but up to 25,5 % annually after the state-owned enterprise reform in 1997. The figure was 32 thousand in 1999 and 58.5 thousand in 2003, involving more than 3 million people. The State Planning Commission and Social Development Research Institute conducted a survey in 1999 and finding that in people’s perception, laid-off workers, widened income gap and heavy burden of farmers are three most urgent social issues which would impair China’s social stability.

In short, the comprehensive market-oriented reform in this stage destroyed the last security line of many socialist workers. At the same time, international and domestic capital's "race to the bottom" demolish people's living standard; the lack of governmental supervision make the situation worse. Rapid urbanization also causes a series of social conflicts with brutal land acquisition, stimulating unprecedented tension between appeal for economic growth and public well-being. The "beneficial to all" reform in the first stage abruptly ended. The spillover effect of economic development begins to cease and negative consequences of pro-efficiency development turns to be more prominent.

Stage 3: Gradual Return to emphasis on social Policy.

Radical marketization in the second stage has caused so many tension and concerns that warn the state to take prompt action. Government realizes that the tension would hamper social stability and economic growth if they could not be properly solved. It poses another more profound challenge that how to balance between social justice and economic efficiency, between market mechanism and government regulation. What's the state role when fostering market competition? How to ensure those who are incapable of market competition to lead a decent life? How to adjust social policies to economic development?

This stage starts in 2002. Social policies concerning urban and rural areas are both largely promoted. At that time, state announces to integrate 19.31 million urban poor into Minimum Living Security System in China, for the first time to realize full coverage. The vagrants and beggars in the cities are not been crudely repatriated to their native places, but be regarded as "needy for salvation". Medical and health care, education, income increase scheme in rural areas get further promoted.

The 3rd Plenary Session of the 16th Central Committee of CCP held in 2003 ideologically redefined the relationship between economy and society, and between market and government. The session passed *the Resolution of Certain Issues of CPC Central Committee on Perfecting the Socialist Market Economic System*, proposed five overall plans, concerning integrate urban and rural development, economic growth and social development etc. The session pointed out that in order to ensure sustainable development, we must redefine the issue of distribution, with market playing larger role in resource allocation and government managing, regulating and providing public service on the other hand.

A series of policies slows down the rising number of collective protest. During 2004 and 2007, officially reported incidents amount to 80 thousand per year. But after the new *Labor Contract Law* promulgated in 2008 and the impact of financial crisis, this number again starts to roar [40]. In 2013, the director of the State Bureau for Letters and Calls reveals that, most of the appeals are about rural land acquisition, urban apartment demolishment and labor disputes, many of which can be traced back to the second stage of reform. Government relies heavily on radical urbanization through land acquisition, and neglects laborers' rights and interests during the economic transition. We are still paying the cost for radicalism at that time.

4. Conclusion: Market, Society and Government.

The classical economics created in the Victorian era believes that the competitive and self-regulating economy can function to self-healing and eventually lead to equilibrium and order. Governmental intervention through various social policies unavoidably breaks the balance and optimal allocation of resources, therefore unnecessary. Individuals should be responsible for their well-being in the competition and deliberate protective measures shall harm efficiency. The emphasis on the state role as mere “night-watcher” or even radical anarchism shows strong proponent for free and omnipotent market mechanism.

However, social economics and old institutionalism believe that individuals have the social attribute of being the member of the community; thus human beings have other motivations besides mere pursuing economic interests. They are willing to give up part of their resources and freedom in return for public goods. Scholars try to seek balance between rational choice theory emphasizing individualism and socialization theory stressing altruism. They hold to the point that market failure is common, which usually brings disasters to individuals. Therefore, intrinsic inability of market mechanism defines fundamental role of social policy, which means that state shall provide necessary resources and opportunities for a decent life.

It concerns how to allocate resources and opportunities. Market mechanism and centrally-planned economy are two theoretically opposite ways, however in reality they often co-exist. Interestingly enough, in a market economy, governmental re-distribution can offset inequality caused by free market competition, compensating people’s loss after they lose their ground; On the contrary, for the mandatory planned economy with strong government intervention, market mechanism can reduce social inequality through leveling differences in political status and ascribed attributes [41]. Market Transition Theory aiming to explain transitional states and subsequent debates has offered insightful evidences [42; 43; 44].

China’s reform in the last 30 years has followed a path which mixed the above two lines: it first introduced market mechanism into planned economy; after the market blossoms, it re-defines state role and intervention. However, reality is far more complicated than mere words. The relationship between market, society and government require more profound study.

Just as the western counterparts, social policy in China largely reflects the efforts to combat pro-economic development. China embraces market transition against the background of a highly central-planning system. In the first stage, it cultivates market while leaving public sector intact, which slow space of change and maintains basic security. It also allows people more time to adjust; in the second stage, radical marketization leads to a rapid restructuring of interest structure. Many people are passively forced to join the market completion and lost everything. In lack of social function, government’s neglect for social justice has triggered intense social conflicts; in the third stage, government starts to realize that the social policy should be promoted jointly with the economic policy, and social stability and conflict resolu-

tion are vital for sustainable development. There fore more and more social policies are now in place.

On April 26, 2013, Central Committee of CCP points to a clear goal of social policy at this moment to “covering the low-end of the population” (tuodi). Premier Li Keqiang stresses that government shall make a nation-wide social safety net, including compulsory education, basic health care, pension, housing etc. Obviously, on one hand, it’s the government responsibility to protect market’s decisive role in distributing resources, while on the other hand to vigorously carry out supervision, to constrain market mechanism within certain boundary.

Many scholars believe that China’s success is due to its “gradual” characteristics. In other words, it does not experience large-scale rapid privatization. However, considering the demolishment of public sector in the second reforming stage, this standpoint is doubtful. Other scholars hold that China carries out “a reform without loser”, which is more difficult to accept. Especially for those studying laid-off state workers, migrants and other vulnerable social groups, this viewpoint is far from real. China, which bears huge amount of social tension, has maintained high growth rate for decades. Communist Party’s authoritarian rule continues with few fatal challenges. How to explain this miracle? There was a variety of opinions. But at least, the first decade cautious reform has played a part. During that period, market mechanism is established mainly as a favorable alternative way of development, which greatly eliminates public’s resent and resistance against market. Market mechanism establishes its public legitimacy. Even for those later deprived of social protection, “market competition” is largely a positive word, setting firm foundation for further development. In subsequent radical reform, “reform” as such has never been questioned or challenged.

Ethos of China’s reform is to constantly adjust the boundary between government and market, gradually removing governmental functions to the market or social organization. Market and social forces need space to grow and need neutral discipline and regulation. Government still has a long way to learn to be a neutral regulator and supervisor. The rise of market and society does not mean a laissez faire state. Instead, it requires a more capable state. We still need to wait and see if the state can truly balance the equity and efficiency, market and government, economic growth and social justice issue.

Reference

1. *Tse-tung Mao*. Do not Hit Out in All Directions : June 6, 1950 [Electronic resource] / Tse-tung Mao. – Mode of access: https://www.marxists.org/reference/archive/mao/selected-works/volume-5/mwv5_07.htm. – Date of access: 02.02.2015.
2. Report of the Labor Ministry on the Relief Work of the Unemployed Workers in the Last Year and A Half: Contemporary China. – February 29, 1952.
3. *Song Ping*. Labor Employment Issue / Song Ping // Collection of Financial Archival Materials of the People’s Republic of China 1949–1952.
4. Provisions of Laborer Cut-off and Reallocation. – P. 319.

5. *Shirk, S.* Competitive Comrades: Career Incentives and Student Strategies in China / S. Shirk. – Berkeley ; Los Angeles : Univ. of California Press, 1982. – 231 p.
6. *Walder, A.* Communist Neo-Traditionalism: Work and Authority in Chinese Industry / A. Walder. – Berkeley : Univ. of California Press, 1986.
7. *Lau, L. J.* Reform without Losers: An Interpretation of China's Dual-Track Approach to Transition / Lawrence J. Lau, Yingyi Qian, G. Roland // J. of Polit. Economy. – 2000. – Vol. 108, iss. 1. – P. 120–143.
8. *Jingdong Qu.* From Overall Domination to Technical Governance: A Sociological Analysis of China's Three-decade Reform / Jingdong Qu, Feizhou Zhou, Xing Ying // Chinese Social Science. – 2009. – Iss. 6.
9. Growth without Miracles: Readings on the Chinese Economy in the Era of Reform / eds.: R. Garnaut, Yiping Huang. – Oxford Univ. Press, 2000.
10. *Naughton, B.* The Chinese Economy: Transitions and Growth / B. Naughton. – Cambridge, MA : MIT Press, 2006.
11. *Chenglian Zhang.* Investigation on the Leadership System of the State-owned Enterprises / Chenglian Zhang // Chinese Social Sciences. – 1987. – Iss. 4.
12. *Fureng Dong.* Issues on Revitalizing the Enterprises Owned by the Whole People / Fureng Dong // Chinese Social Sciences. – 1985. – Iss. 5.
13. *Ping Li.* A Poll on the Urban Economic Reform / Ping Li // In China Today. – 1987. – N 1.
14. *Shuimu Ding.* Competition and Social Justice / Shuimu Ding // The Chinese J. of Sociology. – 1988. – N 1.
15. *Xiaofan Liang.* On the Psychological Well-being of the Contracted Workers: An Investigation into the Guangzhou Friendship Enterprises / Xiaofan Liang // The Opening Era. – 1987. – N 6.
16. Survey on Ten Thousand Workers' Opinions on Social Problems, Reform of the Chinese Economic System: Contemporary China. – 1989. – N 1.
17. *Huaibin Jing.* From Relying on the Collectivism to Relating to Selfishness – Analysis of the Social Psychology Change in China in 10 years / Huaibin Jing // Social Scientists. – 1989. – N 5.
18. *Chaosheng Chen.* Market Research from the Perspective of the Public Polls – The Social Psychology and Mood of Guangzhou At Present / Chaosheng Chen, Hou Huajie // The Opening Era. – 1992. – N 2.
19. *Shaohui Ma.* Burnout and Anxiety – Young Migrants during Social Transition / Shaohui Ma // Youth Studies. – 1989. – N 1.
20. *Zhijun Ling.* Recording China during 1990 and 2002 / Zhijun Ling. – Chinese Social Sciences Publ. House, 2003.
21. *Gallagher, M. E.* Contagious Capitalism: Globalization and the Politics of labor in China / M. E. Gallagher. – Princeton : Princeton Univ. Press, 2005. – 256 p.
22. *Lin, J. Y.* Rural Reforms and Agricultural Growth in China / J. Y. Lin // The American Econ. Rev. – 1992. – Vol. 82, iss. 1. – P. 34–51.
23. *Yusheng Peng.* What do the Cities Radiate to the Countryside? / Yusheng Peng // Rural China Research / ed. Phillip Huang. – Social Sciences Acad. Press, 2008. – Vol. 4. – P. 315–352.
24. *Hong Gao.* Research on the Floating Issue of the Contemporary Population / Hong Gao. – Shanghai People Publ. House, 2008.
25. In Search for Survival – A Sociological Study of Rural Exodus in Contemporary China / ed. Huang Ping. – Kunming : Yunnan People Publ. House, 1997.
26. *Zengyang Xu.* Rural-Urban Migration under Pressure: A New Explanation / Zengyang Xu // Rural China Research / ed. Rural Study Center of Central China Normal University. – Chinese Social Science Press, 2002. – P. 258–275.
27. *Tang Wenfang.* Who Should Rule: Enterprise Decision Making in Contemporary China / Tang Wenfang. – Hong Kong : Oxford Univ. Press, 1996.
28. *Zhang Yi Zhang Song Song Bian Zhu.* A Brief History of China's township enterprises (Chinese Edition) / Zhang Yi Zhang Song Song Bian Zhu. – China Agricult. Press, 1991.

29. *Park, A.* Joint Liability Lending and the Rise and Fall of China's Township and Village Enterprises / Albert Park, Minggao Shen // *J. of Development Economics*. – 2003. – Vol. 71, iss. 2. – P. 497–531.
30. *Fan Li.* Size and Floating Distance of the Migrant Workers – A Study on Rural Migrants in China / Fan Li // *The Chinese Rural Economy*. – 1990. – N 9.
31. *He Cai.* Administration Empowerment and Labor Empowerment: Analysis of the System Texts on the Change of the Migrant Workers' Rights / He Cai // *The Opening Era*. – 2009. – N 6.
32. *Chan, A.* Labor Standards and Human Rights: The Case of Chinese Workers under Market Socialism / Anita Chan // *Human Rights Quarterly*. – 1998. – N 20 (4). – P. 886–904.
33. *Lee, C. K.* From Organized Dependence to Disorganized Despotism: Changing Labor Regimes in Chinese Factories / C. K. Lee // *The China Quarterly*. – 1999. – N 157. – P. 44–71.
34. *Pun Ngai.* Made in China: Women Factory Workers in a Global Workplace / Pun Ngai. – Duke Univ. Press, 2005.
35. *Solinger, D. J.* Contesting Citizenship in Urban China: Peasant Migrants, the State, and the Logic of the Market / D. J. Solinger. – Berkeley : Univ. of California Press, 1999.
36. The Social Mentality Change in the Transition Period, the Society. – 1994. – N 1.
37. Ten Changes of the Chinese Social Mentality, Leadership Writings. – 1993. – N 4.
38. *Murphy, R.* How Migrant Labor is Changing Rural China? / R. Murphy. – Cambridge Univ. Press, 2002.
39. *Paik, W.* Economic Development and Mass Political Participation in Contemporary China: Determinants of Provincial Petition (Xinfang) Activism 1994–2002 / W. Paik // *Intern. Polit. Science Rev.* – 2012. – Vol. 33, iss. 1. – P. 99–120.
40. *Qiao Jian.* Development and Characteristics of Workers' Activism / Qiao Jian // *J. of Chinese Reform*. – 2010. – N 7.
41. *Szelenyi, I.* Social Inequalities in State Socialist Redistributive Economies / I. Szelenyi // *Intern. J. of Comparative Sociology*. – 1978. – N 19.
42. *Nee, V.* A Theory of Market Transition: From Reallocation to Market in State Socialism / V. Nee // *American Sociol. Rev.* – 1989. – N 54. – P. 663–681.
43. *Nee, V.* Social Inequalities in Reforming State Socialism: Between Reallocation and Markets in China / V. Nee // *American Sociol. Rev.* – 1991. – N 56. – P. 267–282.
44. *Nee, V.* The Emergence of a Market Society: Changing Mechanisms of Stratification in China / V. Nee // *American J. of Sociology*. – 1996. – Vol. 101, iss. 4. – P. 908–949.

Date accepted 18.10.2015.

DENGLI TANG TIANYUAN,
Institute of Sociology, SASS

**FROM “FINDING A JOB” TO “DECENT WORK”:
NEW EMPLOYMENT EXPECTATIONS OF URBAN YOUTH
(BASED ON THE SURVEY OF THE CURRENT SITUATION AND
PROBLEMS OF CHINA YOUTH EMPLOYMENT QUALITY)**

On the basis of youth samples of 10 cities in eastern, central, western and northeastern regions of China and from 6 dimensions of employment quality, that is, employment environment, employability, incomes, employment status, social protection, and labor relations, the paper analyzes the current situation and problems of urban youth employment quality and finds that youth employment stability is good and the employment security increases but the difference in employment environment among regions is obvious, social inequality still exists, the employment “superiority” and “sense of achievement” of youth are not strong, their work-life balance needs adjusting, their self-worth realization and self-transcendence demand have not been given sufficient attention and their employability, income, and ability to dialogue with employers are yet to be improved. Youth employment demand has changed from “finding a job” to “decent work”, which will force cities not only to achieve full employment, but also to change “the development strategy of low labor cost” and commit themselves to improving the employment quality of youth.

Keywords: urban youth, employment quality, decent work.

**ОТ «ПОИСКА РАБОТЫ» ДО «ДОСТОЙНОГО ТРУДА»:
НОВЫЕ ОЖИДАНИЯ ГОРОДСКОЙ МОЛОДЕЖИ
В ТРУДОУСТРОЙСТВЕ
(НА ОСНОВЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СОВРЕМЕННОЙ СИТУАЦИИ
И ПРОБЛЕМ КАЧЕСТВА ТРУДОУСТРОЙСТВА КИТАЙСКОЙ
МОЛОДЕЖИ)**

На основе выборочной совокупности молодых людей из 10 городов восточных, центральных, западных и северо-восточных регионов Китая, а также из 6 показателей качества занятости, а именно: среда занятости, трудоустройство, доходы, статус занятости, социальная защита и трудовые отношения, в статье анализируются текущее положение и проблемы качества трудоустройства городской молодежи. Обнаружено, что стабильность занятости молодежи находится на достойном уровне, гарантии трудоустройства возрастают, однако разница в сфере занятости среди регионов очевидна; по-прежнему существует социальное неравенство; у молодежи недостаточно развиты чувство превосходства и установки на достижение успеха; их баланс между работой и личной жизнью требует урегулирования; оценка молодежью самореализации и собственная востребованность достижений не получили достаточного внимания; их способность найти работу, доход и умение вести диалог с работодателями все еще должны совершенствоваться. Спрос в сфере занятости у молодежи изменяется с «поиска работы»

на «достойный труд», что заставит городские власти не только достичь полной занятости, но и изменить «стратегии развития низкооплачиваемого труда» и взять на себя ответственность за улучшение качества занятости молодежи.

Ключевые слова: городская молодежь, качество занятости, достойный труд.

Statistics show that the youth unemployment rate has been higher than the overall unemployment level since the globalization, with the number of “on-job poverty” and “working poor” among employed youth on a continuous increase. “Youth being the most vulnerable link of employment” has been a conundrum all over the world. “Underemployment” will bring young people setbacks, and “low quality employment” will create a “value subtracted” trap for young people, reducing their “sense of achievement”, hindering their generation mobility, affecting their family life and bringing a series of problems, such as housing, marriage, raising children and living off their parents. In addition, “low quality employment” easily exacerbates the labor-capital relationship and results in the visualization and increase of intergenerational conflicts. How is the employment quality of urban youth in China? What are its characteristics? What are the outstanding issues? What are the focal points and breakthroughs? All these questions underpin the motivation of this paper.

Literature Review

As for the definition of “employment quality”, at the spiritual level, some scholars stress that it is a comprehensive concept of “whether an employee is satisfied with the merits and demerits of his employment status” [1]; at the material level, some scholars emphasize that it is a comprehensive category of the combination of employees and materials and the ability to gain incomes [2]. International Labor Organization (hereinafter referred to as ILO) once used “core labor standards” to explain the employment quality, and adopted “decent work” to describe “high quality employment” in 1999. “Decent work” refers to productive work, including the protection of workers’ rights, fair income, full social protection and full employment. In order to fulfill the goal, ILO proposes that the specific goals of “promoting working rights”, “employment”, “social protection”, and “social dialogues” be achieved: through promoting employment, strengthening social protection, safeguarding workers’ basic rights and interests and conducting dialogues among governments, enterprises and trade unions, workers can work with freedom, fairness, safety and dignity. Consequently, deemed as the criterion for “high quality employment”, “decent work” attracts great attention from the international community and their policy responses including China.

Scholars home and abroad have different views and practices on the indicators and measurements of the employment quality. Li Junfeng has built an indicator framework of employment stability index, employment quality index, labor-capital relationship index, social welfare and security index, and employment development index [3]. Lai Desheng has built an employment quality rating system which comprises 6 dimensions, 20 secondary indicators, 50 third class indicators and measured and rated the employment quality in the eastern, central and western parts of China through the analysis of the principle components [4]. As for working youth, es-

pecially college graduates, Ke Yu has built an employment quality measurement system, including five dimensions of employment rates, graduates demand-supply ratio, salary, employment structure and social recognition; Yang Heqing and Li Jia has devised an indicator system composed of 3 first class indicators and 12 second class indicators and converted college graduate employment quality indicators into an overall score table through AHP.

Existing research has provided us with intellectual resources to better understand and grasp the employment quality: the employment quality not only concerns remuneration, but also the employment environment, employability, job opportunities, employment structure, employment stability, employment equity, social protection, work security, labor relations and social respect, covering both material and spiritual dimensions. The pursuit of the employment quality is not the privilege of one or some occupational practitioners but ought to be shared by all workers. It demands concerted efforts from employers, governments and workers. Given China's current situation and the characteristics of contemporary youth employment, this study will define “quality employment” as such an “ideal type”. Youth have full employment and are satisfied with their first jobs. Their job stability is high, their professional skills can be given full play to, and their self-value can be effectively realized.

But the existing study also has the following disadvantages: first, the study subjects are limited to a particular region or a particular group, lacking overall national youth employment quality assessment and cross-regional comparisons; second, most studies are committed to building a system of objective indicators related to the quality of employment, while the spiritual quality of employment, especially young people's satisfaction with their jobs is not fully explored; third, empirical research is done on published statistical data, such as the *Statistical Yearbook*, and *Statistical Bulletin*, rather than on an analysis of the empirical data of youth experience, behavior, consciousness, and feelings. In addition, most studies ignore the “city” factor in the analysis of the youth employment problem, that is, “City” is not only the place of employment or background, but also a viable that must be included in the study of youth employment and their entrepreneurial process: different from the traditional city life, the modern urban life features heterogeneity, anonymity and rationalism and is full of uncertainty and challenges, making young people “settling down” in the city an extremely dynamic, open and complex process. If we don't understand the urban social, economic and cultural structure and fail to grasp the social change direction of urbanization in the study of the employment quality for young people, then it will be hard to get good solutions to many problems.

In summary, our study is to investigate the quality of youth employment on the basis of the large sample survey data, covering both the material aspects and the spiritual dimensions, both young individuals and the cities they reside in.

The Survey Results and Analysis

Our research group has designed the questionnaire on the basis of six major dimensions that affect the quality of youth employment: the employment environment,

employability, income, employment status, social protection, and labor relations. Through multi-stage stratified random sampling and quota sampling combination, we take 10 cities in the eastern, central, western and northeastern regions and distribute 3,500 questionnaires to young people aged 16–35, of which 3431 are recovered, an effective rate of 98,02 %. Men account for 50,1 %, and women 49,9 %. The mean age is 27.25 years (standard deviation of 4.326 years) and the average working life is 4.989 years (standard deviation of 3.974 years).

Employment Environment

The employment environment dimension includes 2 second class indicators: employment services and labor market segmentation situation. Employment services indicator is measured by working youth's awareness about employment policies, the usefulness of employment guidance the city offers and youth's satisfaction; labor market segmentation situation indicator is demonstrated by the proportion of youth population with other city household registrations to those with local household registrations.

1. Employment policy awareness. Close to 20 % (19,9 %) of young people nationwide do not know about the employment policies of their city, and nearly 40 % (39,1 %) "can not clearly tell" whether they know about the employment policies. If "can not clearly tell" can be interpreted as the local government does not fully publicize the employment policies, then nearly 60 % of urban working youth don't know enough about the employment policies.

2. Employment service satisfaction. 25 % of youth nationwide are "not satisfied" with the employment services of their cities, and nearly 40 % (38,1 %) can hardly give a clear evaluation. If "can hardly give a clear evaluation" is interpreted as the local government has not done enough about employment service, then more than 60 % of working youth are not satisfied with employment services provided by their cities.

3. Employment guidance usefulness. Efficient employment guidance can help workers with their career goals and path, and significantly contribute to good employment environment, but in fact, 44,4 % of working young people nationwide do not feel any usefulness of the employment guidance, and 38,3 % of youth think career guidance, "although helpful, can not meet their own needs", that is, more than 80 % of young people are not fully aware of the effectiveness of career guidance.

4. Labor market segmentation. Among the survey respondents, 72,3 % of youth have the local household registrations, while 27,7 % are from other cities, the proportion of local population to non-local population being 38,35 %. It can be seen that, against a background of large-scale migration of youth labor force across cities and regions, dual division in the urban labor market remains severe; this will undoubtedly hinder the rational flow and fair competition in the youth labor force and affect the employment quality of the city.

The statistics show that working youth in Tianjin, Shanghai, Beijing, and Guangzhou have a relatively higher sense of satisfaction with employment environment, followed by those in two cities in the northeastern region. The employment environ-

ment satisfaction level in 4 cities in the central and western regions fails to reach the average.

Employability

Employability is reflected by 3 second class indicators: education level, technical level and vocational skills training.

In recent years, over 6 million college graduates are injected into the labor market every year, pushing the average education level of new urban labor force to rise year on year. 61,1 % of the respondents have a university degree or above, 22,2 % college/vocational education, and 16,7 % education lower than high school/vocational school. However, many of the highly educated youth are engaged in jobs that require low or no skills or qualifications. More than 40 % (40,5 %) have no technical grade certificates, 32,9 % are with junior titles, and only 26,6 % are with intermediate or above titles.

Almost 70 % (65,5 %) think skills training helps with employability, but only 56,5 % have received it after their entry, of whom 50 % (56,6 %) are paid by their employers and 32,2 % pay by themselves. In addition, only 27,8 % of the respondents agree that “young people have an advantage in the job market”, while 40,1 % of working youth do not agree or strongly disagree to the statement. Apparently, youth don’t have a strong sense of “superiority” in employment.

Remuneration

The statistics show that in 2014 the per capita income of China’s urban working youth is 46,100 yuan, the median being 40,000 yuan, higher than 28,800 yuan, the per capita disposable income of national urban residents in 2014 recently published by the National Bureau of Statistics, the median being 26,600 yuan. But the difference is no longer obvious if the costs of marriage, parenting, care for the elderly, and individual development are taken into account. Thus, less than 40 % of working youth (39,7 %) are relatively or very satisfied with the current income.

Among the 10 cities, the per capita income of working youth in Beijing in 2014 ranks first (69,500 yuan), followed by those Shanghai (63,100 yuan), and Guangzhou (64,300 yuan), while per capita income of those in Shenyang is 36,200 yuan and Harbin 26,300 yuan, ranking last; per capita income difference between those in Beijing and Harbin reaches 43,200 yuan.

Employment Status

The average employment time of the respondents is five years. Over the last 3 years they change jobs 0.56 times on average. Nearly 70 % (68,1 %) have changed their jobs once, and only 15 % have changed jobs twice or above. In addition, close to 70 % (69,9 %) are satisfied with the security of their current jobs, 50 % (50,3 %) can accept their work intensity and nearly 60 % (59,8 %) believe that their development in their units are promising.

However, only 10 % (10,2 %) think that their current jobs give full play to their ability, and a little over 40 % (41,5 %) think that their jobs give certain play to their ability. Less than 10 % (9,6 %) feel that their jobs bring them good opportunities of development, and only 36,5 % feel some development opportunities. These show

that youth's jobs are generally stable but have not tapped youth's maximum potential and met their needs of self-transcendence. Besides, as high as 40 % (40,1 %) believe that their current jobs can hardly earn social respect and almost 30 % (29,1 %) admit that their jobs cannot get recognition from their families. Thus, many youth find a job, but fail to meet the need of achieving their social value through jobs.

In addition, up to 46 % feel that their life has to give way to their jobs. 48 % feel "anxiety about their jobs even in non-working time". 54,6 % say they find it difficult to adapt to the current working pressure. The work-life balance of working youth needs adjustment. Statistics show that among the country's 10 cities, youth in Xi'an have the most harmonious relationship between work and life while youth in Shanghai the least.

Social Protection

72,1 % of the youth have signed formal, fix-term contracts with the units they work for. Over 70 % have full or partial "five insurances and one pension". But problems are apparent that such citizenship benefits as legal protection, public services, and social welfare are not fully covered and evenly distributed: The percentage of young migrant workers who do not sign any form of contract (18,8 % of rural registered youth) is almost 10 % higher than that of urban youth workers (8,9 % of urban registered youth); the percentage of the former in terms of social welfare is 30 % lower than that of the latter. Only 33,7 % nationwide believe that urban employment is fair. In addition, 70 % of the units youth work for have trade unions, 70 % of which can hold regular meetings and activities. However, only 20 % of youth believe that trade unions play an important role in safeguarding their rights. Only 40 % of the units adopt a collective wage negotiation system. To sum up, in spite of increased employment security of youth workers, social inequality still exists and youth are still in an inferior position to conduct social dialogues with their employers.

The statistics show that, among the 10 cities, Chongqing, Shanghai and Beijing rank the top three in the standardization degree of youth employment, and Chongqing, Tianjin, and Shanghai rank the top three in social security. Chongqing has the highest percentage of youth workers with a full package of "Five Insurances and One Pension" (62,4 %), almost 26 % higher than that of Harbin (36,6 %). Tianjin has the highest percentage of youth feeling the trade unions have improved their labor relationships (62,7 %), followed by Shanghai and Harbin, with Wuhan ranking the lowest.

Entrepreneurial Employment

Entrepreneurship is currently a significant way to increase employment opportunities and improve the employment quality. Up to 50 % (47,7 %) of working youth nationwide are positive about "Entrepreneurial Prospects of Young People". In the coming year, 36 % have plans of starting up businesses, almost 20 % of whom have already started or are ready to start. Harbin, Shenyang, Tianjin rank the top 3 in the percentage of young people planning to star up businesses, and Beijing, Shanghai and Chongqing rank the last 3. The difference between Harbin (46,3 %) and Chongqing (23,7 %) is 23 %.

In terms of business fields, 42,9 % will choose the fields that they are interested in, 24,2 % are mainly concerned about start-up capital and risks, less than 20 % will focus on their own professional advantages and about 10% will choose the fields that will get popular in the future. In addition, 60,2 % will start up businesses in cities they now live in, but only 40 % of them are satisfied with the entrepreneurship environment of their cities. 3,1 % plan to start business in rural areas with good prospects, only 0,7 % are willing to go to the west region or remote areas that are supported by national policies and 3,8 % wish to go to Hong Kong, Macaw, Taiwan or abroad.

Satisfaction with Employment Quality

Satisfaction with the employment quality is a spiritual refection of employment quality. Our research group has constructed a statistical model with 16 subjective indicators based on the 6 dimensions. It was found that the average satisfaction index of the national urban youth employment quality is 8.074; the eastern cities of Tianjin (8.627), Guangzhou (8.321), Beijing (8.184), and Shanghai (8.159) rank top 4, the western cities of Chongqing (8.024) and Xi'an (8.006) rank 5th and 6th, the northeastern cities of Harbin (7.989) and Shenyang (7.832) ranked 7th and 9th, and the central cities of Zhengzhou (7.888) and Wuhan (7.726) rank 8th and 10th.

Conclusions and Recommendations

As the data show, working youth employment stability is generally good, and employment security has generally been strengthened, but there is still evident difference in employment environment between regions and social distribution is still uneven. Many youth employability needs to be improved; their income appears meager in the face of increasing costs of labor reproduction; young people don't have a strong “sense of superiority” and “sense of achievement” in jobs. Their work-life balance urgently needs to be adjusted, self-value realization and self-transcendence needs have not been given sufficient attention to, and youth workers are still weak in social dialogues with their employers.

In all, as “indigenous residents” of globalization and the information age, contemporary young people are vastly different from other generations in terms of value realization, career development, employment protection, and work-life balance demands. Thanks to their “selective affinity” with new ideas, new technology, and new organizational methods, they have better consciousness in innovation, entrepreneurship and right protection and their overall ability has greatly improved. Therefore, employment aspirations of young people have changed from “finding a job” to “descent work”, which will undoubtedly force cities not only to ensure full employment of youth labor, but also to transform the traditional “low labor cost strategy” into one of improving the employment quality. To this end, we recommend:

First, misunderstandings ought to be reduced, consensus reached and implementation sped up.

Some enterprises, people and local governments still have misunderstandings of “decent work” proposed by ILO. Many people simplify high quality employment into “highly paid”, “decently dressed”, “working in offices”, or “easy work”. There is

also controversy in the economic and social consequences of related policies. Some are also concerned that “decent work” will reduce personal investment and work motivation, eventually damaging the competitiveness of a city. These misunderstandings hinder our pursuit of “decent work”.

In fact, for an individual, “decent work” means a job that can give full play to his ability, realize his value, tap his potential, and protect his rights and interests; for a city, it means increased employment opportunities, optimized structure, improved service, a unified labor market, human capital investment increase, the realization of employment equality, harmonious labor relations, and the construction of internationally competitive business environment and support system. Expenditure to improve the employment quality should not be misinterpreted as unproductive “spending”, but should be considered as social investment. As China is undergoing a “new normal” in economic development and a critical period of comprehensively deepening reform, social spending on the young generation is nothing but a most important investment.

Second, the city government, enterprises, social organizations and youth ought to cooperate.

To improve youth employment quality, city governments play a main role, youth are the key, and schools, businesses, trade unions and the whole society need to contribute collectively. Governments need to change their employment ideas, shifting their focus from on quantitative expansion to on improving the employment quality. Youth need to have right attitudes, improve their employability, be down to earth and work hard. Enterprises should shoulder social responsibilities and be concerned about the spiritual needs of employees as well as their income, benefits, working conditions, and welfare. Trade unions and other social organizations should improve their organizational effectiveness, urging governments and business to assume responsibility and safeguarding the rights and interests of youth workers. The whole society needs to create an environment in which work is respected, innovation encouraged, and justice pursued, so that the concept of “decent work” enjoys popular support. Eventually, youth can enjoy great opportunities and colorful life through work and fulfill their personal “Chinese Dream”.

References

1. *Guining Zhang*. Analysis of Career Awareness Education Based on the Employment Quality / Guining Zhang // J. of Guangxi Univ. for Nationalities (Philosophy & Social Science). – 2007. – Vol. 29, iss. 05. – P. 138.
2. *Liu Suhua*. Employment Quality: Connotation and Its Relationship with Employment Numbers / Liu Suhua // Inner Mongolia Social Sciences. – 2005. – Vol. 26, iss. 05. – P. 125.
3. *Li Junfeng*. Comparative Analysis of Gender in Employment Quality / Li Junfeng // Market and Demographic Analysis. – 2003. – Vol. 09, iss. 06. – P. 3.
4. *Li Junfeng*. Measurements and Evaluation of Employment Quality in Different Regions in China / Li Junfeng // Econ. Theories and Management. – 2011. – N 11. – P. 8.

Date accepted 18.10.2015.

YOUTH, MARRIAGE AND FAMILY МОЛОДЕЖЬ, БРАК И СЕМЬЯ

УДК 316.356.2

XU ANQI,

Research Professor, Institute of Sociology, SASS

THE POWERS OF INTIMATE COMPANIONS: PROBING THE MECHANISMS THAT AFFECT SENSE OF GENDER EQUALITY¹

On the basis of comparing and reflecting on diverse measurements of conjugal powers, this study uses “who, on the whole, wields more powers of decision in the household” as the dependent variable, and operationalizes the resources hypothesis, the analysis of cultural norms, the theory of marriage dependence and satisfaction, and the process perspective of power as multidimensional interpretational variables. The results of analyzing urban and rural samples in China’s Shanghai and Lanzhou indicate that socioeconomic resources such as education and income had no great significance between spouses, and that interviewees who contributed more efforts to the household, were good housekeepers, and received more support from relatives wielded more powers of decision. The party who depends upon and needs marriage is more willing to forgo family powers. Local subcultural and cultural norms have a significant influence on conjugal powers. However, parties who wield greater family powers do not necessarily express satisfaction with their gender equality in the family; the individual’s autonomous power rather than relative power is more predictive of satisfaction with gender equality.

Keywords: marital power, gender equality, household matters, level of satisfaction.

ПОЛНОМОЧИЯ СУПРУГОВ: ИССЛЕДОВАНИЕ МЕХАНИЗМОВ, ВЛИЯЮЩИХ НА СМЫСЛ ГЕНДЕРНОГО РАВЕНСТВА

На основе сравнений и размышления о разнообразных измерениях супружеских полномочий, автор рассматривает проблему “кто, в целом, имеет больше полномочий в принятии решений в домашнем хозяйстве” и реализует гипотезу анализа ресурсов, культурных норм, а также теорию зависимости и удовлетворенности браком. Результаты опроса городских и сельских жителей в Китайском Шанхае и Ланьчжоу показывают, что социально-экономические ресурсы, такие как уровень образования и доходы, не имели большого значения в отношениях между супругами, и что респонденты, осуществляющие больший вклад в семью, были хорошими «хранителями очага» и получали поддержку от родственников, владеющих полномочиями в решении их проблем. Сторона, которая находится в зависимости и нуждается в браке, в большей степени готова отказаться от полномочий принятия решений в семье. Местные субкультурные и культурные нормы существенно влияют на супружеские полномочия. Однако стороны, обладающие преимущественными семейными полномочиями, вовсе не обязательно выражают удовлетворение в связи с гендерным равенством в семье. Автономная власть индивида, а не относительная власть, является более предсказуемой для его согласия с принципами гендерного равноправия.

Ключевые слова: семейные полномочия, гендерное равенство, бытовые вопросы, уровень удовлетворенности.

---

¹ This Paper was originally published in *Chinese Sociology and Anthropology*, vol. 43, no. 4, 2011.

Retrospect and Commentary on the Research

Examination of the Measurements of Marital Power

Since Blood and Wolfe (1960) published their pioneering research work *Husbands and Wives: The Dynamics of Married Living*, studies on the powers of husbands and wives have proliferated.

Regarding the concept of conjugal powers, quite a few researchers endorse the ability to influence their spouses on important family decisions by dint of their personal willpower or proclivities [1; 2]. Due to differences in the importance and frequency of various decisions, some scholars call decisions that are not very time consuming but that may affect major orientations of family life “orchestration power”, whereas time-consuming, trouble-some but relatively unimportant decisions are called “implementing power”, and the investigation of relatively infrequent but important decisions (such as buying a house) is seen as a fairly good choice [3]. McDonald (1980) points out in a commentary on family power studies in 1970–1979 that the best multidimensional power concept is the three-tiered operational process structure of family power posited by Cromwell and Weiting (1975) – that is, the resources possessed by husband and wife, respectively (the basis of power), the interactive process between the two parties in terms of negotiating issues, resolving problems, and handling conflicts (the process of power implementation), and who ultimately makes decisions or gains the upper hand (the result of decisions). Komter’s (1989) “hidden power” concept maintains that it is shaped and justified by gender ideology and merged into the wives’ thinking and concepts, so that objectively unequal spousal power structures become acceptable to, and are even taken for granted by, the parties concerned.

Where the measurements of husband and wife powers are concerned, the majority of researchers base their observations of marital powers on the results of family decisions [4; 1]. However, there are a wide variety of measurements for the powers of husband and wife; most researchers adhere to relative power evaluation methods and multidimensional analyses, but differ regarding the number and definition of subvariables. Since everyone is conversant with Western classical documentation, this study will primarily sort out the studies in China on husband and wife powers. Studies on marital powers started at a relatively late date in China. Descriptive studies began to appear in the 1990s and entered the theoretical purview of sociology of the family early in the current century. Broadly speaking, the following models exist in China for the measurement and evaluation of marital powers:

1. Theorem of the synthesis of multiple indicators. Some studies regard multiple indicators – the power to make decisions on major household affairs (production and house-building), everyday issues (everyday life and money management), and children’s affairs – as the indicators for measuring rural spousal power structures [5]; or used the sum of the points obtained from multiple indicators, such as management and control of household economies, purchases of durable consumer goods, right to speak up on the children’s future (advancement to higher schools or choice of schools/choice of vocations/choice of spouse), childbearing decisions, and right to

make personal decisions, to gauge the overall level of women's position in the household [6].

2. Theorem of the weight of everyday management powers. Some studies maintain that "everyday management" powers such as control over family finances, division of household work, and external contacts are more important, while occasionally wielding powers of decision over "one-time decisions" such as choice of living accommodations, children's advancement to higher schools, choice of vocation, and so forth are relatively less important. Shanghai has the most households of the equally empowered type, but more females than males wield powers of decision in everyday life, and the proportion of females in Shanghai who identify with equal gender status in the family is lower only than that in Sweden and significantly higher than in Britain, the United States, France, South Korea, and Japan [7].

3. Theorem of major family affairs decisions. Mainstream academic circles in China approve of the "theorem of major family affairs decisions". They maintain that only the power of decision making over the type of production engaged in, the choice of living accommodations, purchases of high-grade commodities or large-size production implements, and over investments and loans, and so forth symbolizes and genuinely manifests real power in the family, and that possessing such powers signifies control over the family's resources and an authoritative status within the family [8; 9; 10; 11; 7], but there is a difference in the specific indicator items. Since the power of decision making over major affairs leans toward husbands, most researchers who use this measurement framework maintain that males still control the principal family resources, and that the family powers of females are still at an inferior level and position.

4. Theorem of interviewee objective identification. In order to do away with the formerly subjective preselection of important decision-making matters by researchers, some scholars in Taiwan use the most important decisions in the family as chosen by the interviewees [12], or the first two items in the rankings of the most important powers of decision, as the specific indicators of the multifaceted powers of husbands and wives and for their evaluations of the status of females in the family [13; 12].

5. Theorem of the measurement of real family power. Quite a few scholars have used the generalized indicator "who possesses more real family power" as the measurement indicator for marital power [14; 15].

Subsequently, they have further pointed to the many shortcomings of multidimensional measurements (*duowei celiang*), and maintained that using real family power – a single indicator with comprehensive advantages – to describe and analyze the actual patterns of marital power is more operable and more effective [16; 17].

Four of the above-mentioned methods of measurement – the "theorem of the synthesis of multiple indicators", "theorem of the weight of everyday management powers", "theorem of major family affairs decisions", and "theorem of interviewee objective identification" – all use multidimensional subindicators to measure marital powers. These undoubtedly enable one to obtain abundant connotations about the

various aspects and levels of spousal power relationships, but they have fatal shortcomings.

The Theoretical Perspective of Marital Powers

The most frequently used theoretical explanation of marital powers is the resources hypothesis, that is, that the individual or the spouse with the relatively highest amount of socioeconomic resources has a greater power advantage in family decision making, and in this hypothesis the relative resources theory – the spousal resources disparity – is more explanatory [18; 19; 20; 4; 2], although there are some differences in the results of trans-regional studies.

The cultural norms theory places more emphasis on the cultural and subcultural identification of the authoritative person, on gender norms and religious beliefs, and on the influences of general social criteria on the powers of husband and wife. Some studies indicate that the resources theory is more explanatory in relatively developed regions in the West, whereas the developing countries are more influenced by cultural environments [21]. Quite a few studies show that the higher the husband's education, professional level, and income, the more likely he is to accept equal marital relationships [22; 23; 1; 24; 2; 25]. Families with relatively traditional gender concepts are more likely to uphold the system of the husband's authority [26; 27]. Tichenor's (1999) research results indicate that when the wife's socioeconomic resources clearly surpass those of the husband, she will conversely tend toward hiding her powers and will castigate herself for failing to properly play the role of a traditional wife.

The "relative love and need theory" is also believed by some researchers to be an extension of the resources theory, in that males and females bring their personal resources into the marriage and obtain compensation from their spouse. However, the exchange may not be balanced, and the party that obtains more from the marriage frequently relies on his or her spouse and is more subservient to the other in everyday life; while the party who is less dependent on, or relatively disinterested in, the spousal relationship is more likely to use his or her own resources to influence family decision making [28; 23; 4; 29; 30; 3]. Safilios-Rothschild (1976) not only develops the connotations of potentially exchangeable resources between husband and wife but also uses empirical materials to verify the above hypothesis that spouses who are more deeply in love and in greater need of marriage are often more likely to be subservient to their spouse and forfeit their powers because they fear their spouse may have a change of heart and leave them. This theory focuses on analyzing the subject's evaluation of and need for his or her spouse and his or her desire to maintain the marital relationship. Here the female often regards marriage as her destiny, is more dependent financially and emotionally on her husband after getting married, is in greater need of holding on to the family, and is therefore more likely to forgo her powers or accept domination by her spouse.

The "analysis of the process of enforcing power" maintains that power is a dynamic process made up of "context-process-outcome", and only by conducting an overall examination of the entire operating process of power is it possible to produce a better explanation of the ultimate power of decision [31]. Although the "analysis of

the process of power” has been extensively cited and acknowledged since it was posited, it has been limited mainly to quantitative analyses in empirical studies due to the multidimensional nature of the power concept and the complexity of the process of power enforcement among different husbands and wives [32; 33; 34], whereas in quantitative studies it has consisted chiefly of measurements of the models of spousal conflicts. For example, Yi (2006) adopts the variable of the presence or lack of conflicts between spouses or whether they communicate when they have conflicts, and Chen (2010) conducts measurements of the frequency of spouses recounting their woes to each other and having conflicts over the use of money. Because 42–60 percent of those interviewed in the former case deny the presence of spousal conflicts, the research results have not received unanimous support, and in the latter case, the variable adopted actually has little to do with the process of implementing powers.

The structure of family and family members has also been used as an influencing factor for explaining husband and wife powers. Females in nuclear families possess greater advantages in terms of power or status than those in extended families, while wives have the greatest powers in matrilocal families and the least power in patrilocal families and traditional patrilineal families [2; 15].

Reflections on the Relationship Between Marital Powers and Gender Equality

Most studies on marital powers in China are related to the family status of females. A great many studies involve whether females possess powers of decision over family affairs as one of the main variables or indicators for measuring the status of wives in the family [13; 8; 35; 6; 36; 10; 11; 37]. In addition, the fact that wives undertake many of the household chores is also seen by most of the above studies as an indicator of or influencing factor on the relatively low status of females in the family.

The husband and wife power model, as a main indicator for measuring the family status of females in the macroscopic aspect, once played, and still plays, an important evaluating role. Particularly when era or regional comparisons are conducted, increases or decreases in the ratio of the wife’s participation in family decision making has indicated the changes or differences in females’ family status. Taking China as an example, a number of studies report that in urban areas, the ratio of husband and wife together deciding family affairs is highest and that wives also possess more actual family powers than their husbands, whereas in more than half of rural households males still have the final say, and decidedly fewer females wield real power as compared to their husbands [13; 10; 26; 17].

However, since the marital-powers indicator is a relative concept, any increase in wifely powers means a decline in the husbands’ powers. If, in micro studies, husband and wife family decisions are also taken as the main measurement indicator of the family status of males and females, one will be faced with the following paradoxes or perplexities.

First, when the husband’s powers diminish, does the wife’s status get higher?

Since *fu quan* (the authority of the husband) is a product of the traditional system of patriarchal hierarchy and constitutes (a means for) control over and oppres-

sion of women, it should be thoroughly negated. It is thus frequently affirmed that women's increased powers in the family correspondingly raises their status in the family. However, while relative power indicators increase the wife's powers in the family, they inevitably bring about a corresponding decline in the husband's power indicators. This not only arouses doubts and resentment in the husbands but also conflicts with the concept of building up equal and harmonious male-female partnership relations and with the scientific view of developing gender coordination. Actually, if husband and wife practice a division of work, willingly choose to let the husband take responsibility for making decisions, and are both satisfied with this arrangement, what call is there for outsiders to conduct value judgments of their power model? Or what reason is there to accuse the husband of being feudal and of sticking to old ways, or to defend the wife against her husband and insist that they change their behavior and become models of equal rights?! Moreover, why must equal rights between husband and wife inevitably be the best model? If the wife has real powers, does that mean the husband is a "little man", a "weak male", a "wimp"? Or in a family where the husband makes decisions, is the wife bound to be oppressed and have no status? This is clearly inconsistent with the shaping of diverse gender roles and models of marital interaction.

Second, are powers and duties reciprocal and consistent, or are they conflicting and at variance?

Although most studies regard the assumption of many household chores as a direct or indirect indicator of women's lack of resources and power – an indicator that may even lead to low status in the family – other studies also acknowledge a positive correlation between family powers and duties and responsibilities and that there is a greater chance that the party who takes greater pains over household matters, puts in more efforts, or is more capable of running the household and contributes more services, also wields power in the family [38; 26; 39]. In real life, many people prefer to work less hard and assume fewer responsibilities, or are unable or unwilling to expend more energy or take on more obligations because of being too busy or in poor health, or because their interests lie in the realm of social powers, or who withdraw from the domain of family power in order to reduce conflicts with or please their spouse – do these factors also indicate that he or she has a low status in the family? Some scholars have proposed that family decision-making power in a family-oriented society involves an element of "taking on worries" in service of the entire family, that the phenomenon of urban wives having greater family decision-making powers than their husbands may sometimes cover up the freedom of some husbands who shirk such «worries» and the drudgery of wives compelled to "monopolize" all powers. Thus, equality or inequality between husbands and wives should not be defined entirely in accordance with the magnitude of family powers, but should be judged by the protagonists' willingness or unwillingness to take on such powers [39]. In other words, under certain circumstances family powers are merely an extension of responsibilities and hard work, and the satisfaction they bring of being in an authoritative position is often diminished by the attendant worries and hard work.

Third, what has more relevance for status in the family – females possessing more power or equality and harmony between spouses?

The results of one of my earlier studies indicate that not only do powers of decision on so-called important family matters fail to manifest any significant correlation with female interviewees' satisfaction with their family status; even comprehensive indicators of "real family powers" and relative indicators of who performed more household chores had little correlation with satisfaction with family status. However, variables that reflected absolute powers of the individual, such as autonomous decisions to purchase personal luxury goods, going afield to study or seek work, or providing one's parents with financial assistance, as well as mutual communication between spouses and sense of fairness in the allocation of household chores – all had significant positive correlations with female satisfaction with their family status [16]. The results of another path analysis that used satisfaction with the division of housework as a mediator also indicated that wives who had powers of decision over everyday expenses were, conversely, dissatisfied with their household division of work, which consequently diminished their satisfaction with their marriage and family status [16]. All of these, from different perspectives, put into question the subjective hypothesis of equating females' relative powers (including relative family chore burdens) with gender equality in the family or with satisfaction with marriage. Zuo (2002) has also proposed that a distinction be made between family decision-making powers and individual decision-making powers, and believes that individual autonomous powers might be a more suitable indication for measuring spousal powers, since autonomous powers signify the extent of the individual's independent will and freedom, and accurately reflect the connotations of power.

Sources of Materials, Characteristics, and Regional Differences of Samples

The materials for checking and verifying the theoretical hypotheses came from four communities in Shanghai's and Lanzhou's urban and rural areas. The survey samples were families chosen according to the stratified multistage probability sampling method from forty-three community/village committees in twenty-two neighborhoods/townships of nine districts/counties in Shanghai and from thirty-three community/village committees in ten neighborhoods/townships of four districts/counties in Lanzhou. Family members twenty to sixty-five years old whose birthdays were closest to July 1 served as survey subjects. They were interviewed at their residences by trained interviewers through the use of questionnaires. Shanghai and Lanzhou completed, respectively, 1,200 and 1,000 effective samples. The 1,934 samples used in this study were currently married couples and cohabiting couples of opposite genders, among whom 95,4 % percent were newlyweds and 3,4 percent were remarried people. Cohabitants accounted for only 1,3 % (of the twenty-five cohabitants, twenty had never married and five were divorced). Female samples accounted for 49,6 %, and suburban county samples, for 36,0 %. Male and female interviewees had undergone 10,3 % years and 9,6 % years of schooling on average, and only 0,3 % and 1,2 % of males and females, respectively, have never been employed or were still in school. Judging from the families' residential models, 62,8 % percent consisted

of independent husband-and-wife households, 0,2 percent consisted of couples living with relatives of both parties, 28,2 % were of the male line residential pattern (nan xi juzhu juzhu moshi), and 8,8 % were matrilocal. The average family counted 3.69 members, and had produced 1.3 children on average. For descriptive statistical results of the relevant variables, see table 1. The descriptive statistics reflects only the approximate circumstances of the samples as a whole. Actually, there are fairly

Table 1. Descriptive Statistics

Variable	N	Minimum	Maximum	Mean	Std. Deviation
Gender (1 = female)	1,934	0	1	0.50	0.50
Number of children	1,934	0	5	1.30	0.75
Difference between subject's and companion's years of education	1,934	-12	12	0.03	3.09
Proportion of subject's annual income in total husband-and-wife income (%)	1,934	0	100	50.48	22.55
Subject's personal and family income before marriage better than now (compound)	1,934	2	10	6.21	1.32
Subject more capable of managing household	1,933	-2	2	0.02	1.04
Family gets more support from subject's relatives	1,933	-2	2	0.29	1.04
Subject relies economically more on other party	1,934	-2	2	0.03	0.84
Other party has greater sense of family responsibility	1,934	-2	2	0.07	0.85
Subject gets more in the family	1,934	-2	2	-0.07	0.95
I couldn't find a better companion if I separated from mine	1,934	1	5	3.45	1.08
Region (1 = Shanghai)	1,934	0	1	0.56	0.50
Urban or rural (1 = urban area)	1,934	0	1	0.64	0.48
Years of schooling	1,934	0	23	9.89	4.04
Acknowledges that "men are masters of the household, and fathers/husbands make the main decisions in a household"	1,934	1	5	2.89	1.19
Subject's satisfaction with spousal interaction/communication	1,934	1	5	3.93	0.80
Subject yields more frequently during husband-and-wife conflicts	1,934	-2	2	0.12	0.99
Mode of residence (-1. With husband's parents or patrilineal relatives, 0. nuclear/bilineal, 1. With wife's parents or matrilineal relatives)	1,934	-1	1	-0.19	0.58
On the whole, the subject has more powers of decision in the family	1,934	-2	2	-0.25	0.97
Subject's satisfaction with autonomous powers to decide personal matters	1,934	1	5	4.12	0.62
Proportion of household chores assumed by subject last month in overall husband-and-wife household work	1,933	0	100	53.5	25.42
Subject's satisfaction with fair and reasonable division of household work	1,934	1	5	3.96	0.82

Table 2. Who, on the Whole, Has More Powers of Decision in the Family: Regional Differences (%)

	Lanzhou		Shanghai	
	Suburban counties	Urban areas	Suburban counties	Urban areas
-2. Husband has much more	19,7	5,6	6,3	3,9
-1. Husband has somewhat more	56,1	43,2	35,4	24,5
0. Husband and wife have about the same	13,1	25,9	40,7	41,8
1. Wife has somewhat more	8,9	20,8	17,2	24,7
2. Wife has much more	2,3	4,5	0,5	5,1
Total	100,0	100,0	100,0	100,0
Number of samples	285	568	412	669
Mean	-0.82	-0.25	-0.30	0.02
Standard deviation	0,94	1,00	0,84	0,93
<i>F</i> test	66,57***		32,96***	

$p < .0001$

significant differences among the four regions. Take, for example, education. Male and female interviewees in Lanzhou's suburban counties had on average 6.5 and 4.6 years, respectively, of schooling; in Lanzhou's urban areas, 10.6 and 10.1 years, respectively; in Shanghai's suburban counties, 8.8 and 8.0 years, respectively; and in Shanghai's urban areas, 12.6 and 12.0 years, respectively. In terms of the number of children per family, Lanzhou suburban county families produced on average 2.24 children; urban areas, 1.24 children; Shanghai's suburban counties, 1.23 children; and urban areas, only one child. In terms of differences in cultural norms or regional subcultures, interviewees who approved of the traditional gender concept that "men are masters of the household, and fathers/husbands make the main decisions in a household" amounted to as many as 69,2 % in Lanzhou's suburban counties, 36,9 % in Shanghai's suburban counties, and 34,1 % in Lanzhou's urban districts, but to only 22,4 % in Shanghai's urban districts.

In terms of the gender distribution of marital powers, table 2 shows that powers were fairly evenly distributed in Shanghai's urban districts, with very few cases of either companion wielding substantially more powers, 41,8 % of families practiced equal gender powers, and 28,4 % and 29,8 % were male-dominated and female-dominated, respectively. Meanwhile, in Lanzhou's suburban counties, only 13,1 % of families practiced equal gender powers, as many as 75,8 % were male-dominated, and only 11,2 % were female-dominated. This shows not only that substantial differences exist between the regions selected but also that, on the whole, male power still occupies a dominant position in Chinese families, while family power is fairly evenly distributed between the intimate companions in the urban districts of big cities, such as Shanghai. Similar results have been obtained in studies conducted by Shen, Yang, and Li (1995) in seven large cities – Beijing, Shanghai, Chengdu, Nanjing, Guangzhou, Lanzhou, and Harbin (all samples from urban districts) and other

surveys by Xu (2001) in the cities of Shanghai and Harbin and the rural areas of Guangdong and Gansu, and the survey by Xu and Wang (2002) in Wuhan.

Study Results

Mechanisms that Influence the Powers of Intimate Companions Results of analyses of comprehensive regression analysis models that use companions' powers as dependent variables basically confirm the net effects of the resources hypothesis, the cultural norm interpretation, the theory of relative love and need, and the implementation processes of powers. The R^2 of all samples, male, and female sample models are all 30 % or higher (see table 3).

Because improvements were made to the relevant concepts and independent variables in the explanatory model, several new findings figure among the study results. These are:

1. Potential, relationship, and role competence resources possess greater explanatory capabilities. Some studies previously maintained that the Chinese family was more heavily influenced by the cultural environment. However, it may be because the studies focused so much on social and economic resources such as the education and income of individuals and among spouses that they were unable to observe the potential effects of hidden resources such as relationships, emotions, and premarital personal and family resources. The present study maintains that the undertaking of family responsibilities and the ability to fulfill family roles may be more explanatory. And, after the resources concept was expanded, it was found that the relative education and economic resources among companions did not have a significant effect of the interviewees' decision-making powers (nor did the individual's absolute income have any effect). Instead, the hypothesis has been proved that the person who puts more hard work into the family, is better at managing the household, and contributes more services has more say and influence in family life. The party whose relatives provide more support to the family when needed also possesses more potential capital. Furthermore, although the long-term and potential influences of individuals prior to marriage and of family background are hard to fathom, these have been found to have independent and decisive effects.

2. The party who depends on and needs the marriage is more willing to forgo family powers. The theory of relative love and need has found strong support in the explanatory model(s), as parties who are economically dependent on their companions and get more from the marriage are more likely to submit to the other party in interactions with their companions, so as to please the other party or to be recompensed with the other party's affections. Because the party who is relied upon, needed, or loved generally possesses greater advantages in terms of latent resources or potential charm (such as better looks, talent, graciousness, potential for vocational development, or better qualifications for undertaking family roles), when they believe they are being "shortchanged" in the marriage interaction and feel less satisfied, they may make use of the resources they possess to seize a dominant position in the family power setup. Meanwhile, parties who would not be able to find someone better if they separated from their companion were instead more likely to forgo

Table 3. Results of Multiple Regressive Analyses of Factors that Affect the Powers of Intimate Companions (B)

Variable	Population (total)	Males	Females
(Constant)	-.110	-.225	-1.005***
Population characteristics			
Gender (1 = female)	-.542***		
Number of children (1 ~ 5)	.010	.093*	-.078
Relative personal resources			
Difference between subject's and companion's years of education (-12 ~ 12)	.001	.014	-.017
Proportion of subject's annual income in total husband-and-wife income (0 ~ 100 %)	.056	-.138	.162
Subject's personal and family income before marriage better than now (compound, 2 ~ 10)	.074***	.080***	.071**
Family gets more support from subject's relatives (-2 ~ 2)	.086***	.036	.108***
Subject has greater sense of family responsibility (2 ~ -2)	.157***	.161***	.148***
Subject is more capable of managing the family (-2 ~ 2)	.165***	.188***	.136***
Dependence on and satisfaction with marriage			
The other party is economically more dependent on me (-2 ~ 2)	.123***	.110**	.073*
The other party gets more in the family (-2 ~ 2)	.194***	.177***	.157***
I could certainly find a better companion if I separated from mine (1 ~ 5)	.059**	.039	.068**
Cultural norms			
Regional (1 = Shanghai)	-.151***	-.372***	.093
Urban or rural (1 = urban area)	.009	-.190**	.278***
Years of schooling (0 ~ 23)	.000	.005	-.026**
Attitude toward "men are masters of the household, and fathers/husbands make the main decisions in a household" (1 ~ 5)	-.023	.090***	-.130***
Process/method of Interaction (with reference to living together with companion's parents)			
Subject's satisfaction with spousal interaction/communication (1 ~ 5)	.047+	.016	.050
I yield more frequently during husband-and-wife conflicts (-2 ~ 2)	-.142***	-.105***	-.135***
Influence of close relatives (with reference to living together with companion's parents)			
Nuclear or bilineal	.120*	.117	.021
Living together with subject's parents	.233**	.226+	.058
<i>N</i>	1,931	972	958
<i>R</i> ²	.314	.345	.317
<i>F</i>	46.14***	27.93***	24.19***

+*p* < .01, * *p* < .05, *p* < .001, *p* < .0001, same for table 4.

power and allow their companions to take control. This is also consistent with the extramarital resources exchange theory put forward by Heer (1963).

3. The decisive effects of gender attitudes and regional cultures were corroborated. Traditional gender attitudes have the effect of stereotyping gender divisions of family work and rationalizing the husband's authority. Interviewees who approved

of the gender concept that “males are the masters of the family” were more likely to endorse the implementation of the male power model in their families. Significantly more rural wives than urban wives obeyed and submitted to their husbands. More Lanzhou husbands maintained that they had the final say in their homes. More wives who were better educated stated that their husbands had the decision-making powers at home, which was indirect evidence that education is a cultural norm indicator rather than a resource variable. And education had no significant effect on the husband model, primarily because a fairly significant correlation exists between the education and regional variables, and interviewees in Lanzhou and the rural areas had significantly fewer years of schooling.

4. The effects of companions’ interactive processes on power results were partially supported. The contention that effective exchanges and communication between companions are conducive to the realization of personal powers was true only in the all-inclusive samples, and their significance was limited. This is due primarily to the fact that the said variable lacks direct targeting, since interaction/communication between two companions covers extensive areas and is not designed exclusively for power implementation. Moreover, the analysis that the companion who backs down during conflicts is always the one who has less power can hardly determine which things constitute causes and which constitute consequences. Conversely, it was proved by the all-inclusive samples that the companion who lived together with his or her own parents was more emboldened to assume control in the family, and that such situations were less prevalent among companions who lived alone. This, to a greater or lesser extent, shows that parents exert a real or potential influence over the forming of the power setup between young couples.

The Influence of Intimate Companions’ Powers: On the Sense of Gender Equality

The results of multiple regression analyses where both parties’ satisfaction with sense of gender equality is the dependent variable basically corroborated the original hypotheses, and the R^2 of the all-inclusive sample and the male and female samples were all at around 39 % (see table 4):

1. Personal autonomous powers rather than relative powers are more predictive of feelings of satisfaction with gender equality. Since an increase in the wife’s family powers implies a corresponding decline in the husband’s powers, relative power indicators are not necessarily effective predictive indicators of satisfaction with gender equality. The results in table 4 also show that interviewees who had autonomous powers to decide their personal affairs were more likely to agree that their companion respected them and that the two of them coexisted equally. That is, the female’s family status is decided not by the wife’s relative powers, but primarily by the individual’s autonomous powers in the family, and is not obtained at the expense of reducing the male’s relative powers.

2. Sense of fairness in the allocation of household work rather than a lighter share of household work is positively correlated with satisfaction with gender equality. The study results did not support [the contention that] interviewees who under-

Table 4. Results of Multiple Regressive Analyses of Factors that Affect Satisfaction with Gender Equality in the Family (B)

Variable	Population (total)	Males	Females
(Constant)	1.251***	1.480***	1.036***
Population characteristics			
Gender	-.034		
Number of children (1~5)	.000	.000	.006
Personal resources (manifest/potential, pre-marital/post-marital)			
Difference between subject's and companion's years of education (-12 ~ 12)	.001	.001	.009
Proportion of subject's annual income in total husband-and-wife income (0 ~ 100 %)	-.019	-.054	.030
Subject's personal and family income before marriage better than now (compound, 2 ~ 10)	.003	-.005	.011
Family gets more support from subject's relatives (-2 ~ 2)	-.024+	-.009	-.039+
Subject has greater sense of family responsibility (-2 ~ 2)	.018	.020	.054+
Subject is more capable of managing the family (-2 ~ 2)	.024	-.008	.057*
Dependence on and satisfaction with marriage			
The other party is economically more dependent on me (-2 ~ 2)	-.006	-.016	-.001
The other party gets more in the family (-2 ~ 2)	-.016	.017	.025
I could certainly find a better companion if I separated from mine (1 ~ 5)	-.022+	-.030+	.017
Cultural norms			
Regional (1 = Shanghai)	-.089**	-.101**	-.076
Urban or rural (1 = urban area)	-.022	-.075+	.034
Years of schooling (0 ~ 23)	.005	-.003	.015+
Attitude toward "men are masters of the household, and fathers/husbands make the main decisions in a household" (1 ~ 5)	.004	-.006	-.014
Process/method of interaction			
Subject's satisfaction with spousal interaction/communication (1 ~ 5)	.402***	.350***	.424***
I yield more frequently during husband-and-wife conflicts (-2 ~ 2)	-.042**	-.038*	-.035
Influence of close relatives (with reference to living together with companion's parents)			
Nuclear or bilineal	-.037	.057	-.097+
Living together with subject's parents	.009	.036	.051
Proportion of household chores the subject undertakes out of the total for husband and wife (0 ~ 100 %)	.000	.000	.000
Relative powers and personal independent and autonomous powers	.131***	.156***	.124***
Satisfaction with the fairness and reasonableness of the household matters I undertake			
I have more power of decision in the family (-2 ~ 2)	.019	.021	.005
My satisfaction with autonomous power to independently decide personal affairs (1 ~ 5)	.182***	.180***	.181***
<i>N</i>	1,930	972	957
<i>R</i> ²	.387	.391	.398
<i>F</i>	52.40***	27.77***	28.08***

take more household affairs believe their companion disrespects them or feel they are treated unequally in the family. Instead, interviewees who felt that household work was unfairly allocated were more likely to be dissatisfied with gender equality in their relations with their companion.

Brief Summary

The results of this study of four communities in China's seaboard and inland regions and in urban and rural areas show fairly large regional differences in the models of family powers, and although equal rights have become the mainstream in Shanghai's urban districts where the gender culture is relatively modern, significantly more males than females hold dominant positions in urban and rural sample families of Shanghai's suburban counties and in China's interior. Since the targets and specific values of social exchanges in intimate relationships are less well-defined or equivalent than those of economic exchanges, such nonmaterial, intangible, and latent resources as love, household management abilities, assumption of responsibilities, services to the family, role competence, persuasiveness, and advice all possess exchange value. That, plus the fact that basically all wives on the Chinese mainland continue to seek (outside) employment after getting married, and that education and income disparities between them and their husbands are fairly small, especially in the cities, makes the inclusion of household management abilities and service contributions as important family role resources quite necessary when localizing Western theories. This design is also consistent with China's circumstances. It may be that in families where both husband and wife are employed and within a social structure where disparities in terms of obvious and material resources are inconsiderable, such intangible and latent resources as household management abilities, service contributions, and support from relatives prove to be more explanatory. Furthermore, as stated earlier, the judiciousness, knowledge, and abilities needed for family decision making are not necessarily derived from education and professional training but depend more on the accumulation of practice and experience in life.

Community cultures and subcultures are still quite explanatory with regard to spousal power models. Three out of four families in Lanzhou's suburban counties still adhere to the interaction model of male power, and this is clearly related to the fact that 70 % of interviewees there believed that husbands and fathers should make the main decisions in the family. Although the gender equality marriage system has been promoted in China for half a century, the centuries-old traditional gender norms of "male domination and female subordination" and "the male decides and the female obeys" still lurk in the mental recesses of society, and continue to influence and constrain the establishment and exercise of gender authority in family relationships.

This study also maintains that gender equality in the family is not determined by companions undertaking household chores fifty-fifty and having the same powers, nor is the female's family status determined by the relative amount of household work undertaken and the relative powers wielded by the wife. The study results also disprove the contention that relatively light household chore burdens equal

higher family status, which more family power equals higher satisfaction with gender equality, and that sense of fairness in the sharing of household chores and the individual's absolute autonomous powers in the family are better indicators for measuring gender equality in the family. The new line of thinking in this measurement system rests on the contention that improvements in the female's family status are not achieved at the cost of lowering the male's family powers. It endeavors instead to have husband and wife set up equal and harmonious companionship relations, strive for benign marital interactions, and together improve the autonomous powers and satisfaction of both parties in family life, in the interests of achieving the goal of gender freedom, harmony, and all-around development. This study abandons the method of explaining the powers of intimate companions by means of a single theory and, on the basis of carrying forward the academic achievements of our predecessors, makes some improvements on the research structure in an effort to set up a comprehensive multivariate and systematic model. The success of this model's design is shown by the analyses results, and the variables selected are quite explanatory of the powers of intimate companions and their sense of gender equality. However, because marital powers are a multitier phenomenon as well as a dynamic and complex process of interaction, and due to the vague, indirect, and latent nature of family powers, ordinary quantitative analyses are unable to answer questions such as: which actions or decisions have power significance, in what circumstances/incidents and by means of what tactics/devices family powers are established and built up, what both parties think and why they act in certain ways, what kind of capital or value symbols and benefits or satisfactions are held in store by power and status, and so forth. Hence, one must use methods that combine quantitative and qualitative research, and conduct multidimensional, dynamic, and meticulous observations and probes as well as analyses that proceed from the surface to the essence when studying the formation and the operational processes of manifest and hidden family influence/authority, if one is to enrich and deepen the results of research that measures and explains gender equality in the family. Hence, the efforts made by the present study are merely an initial endeavor, in which some of the designs are still fairly simplistic or insufficiently targeted, and certain limitations exist in measurements using a single "actual family power" indicator as the dependent variable. Deeper research will need to put more efforts into the sense of stratification and process analyses.

References

1. *Mirowsky, J.* Depression and Marital Power: An Equity Model / J. Mirowsky // *American J. of Sociology* – 1985. – Vol. 91, iss. 3. – P. 557–592.
2. *Warner, R. L.* Social Organization, Spousal Resources, and Marital Power: A Cross-Cultural Study / R. L. Warner, G. R. Lee, J. Lee // *J. of Marriage and Family*. – 1986. – Vol. 48, iss. 1. – P. 121–128.
3. *Safilios-Rothschild, C.* The Study of Family Power Structure: A Review 1960–1969 / C. Safilios-Rothschild // *J. of Marriage and the Family*. – 1970. – Vol. 32, iss. 4. – P. 539–552.

4. *McDonald, G. W.* Family Power: The Assessment of a Decade of Theory and Research, 1970–1979 / G. W. McDonald // *J. of Marriage and Family*. – 1980. – Vol. 42, iss. 4. – P. 841–854.
5. *Lie, J. Q.* New Changes in Marriages and Homes in China's Rural Areas Since the Reforms / J. Q. Lie. – Beijing : Beijing Univ. Press, 1994.
6. *Sha, J. C.* Family Status of Contemporary Chinese Women : A Study / J. C. Sha. – Tianjin : Tianjin People's Publ. House, 1995.
7. *Zhang, Y.* The Realities and Assessment of Women's Family Status in Contemporary China / Y. Zhang // *Collection of Women's Studies*. – 1994. – N 2. – P. 11–16.
8. *Gong Cunling.* Social Survey of Women in Anhui / Gong Cunling. – Beijing : China Women Publ. House, 1993.
9. *Liu, S. Y.* Social Status of Women in Hubei : A Survey / S. Y. Liu. – Beijing : China Women Publ. House, 1994.
10. *Tao, C. F.* General Survey of the Social Status of Chinese Women / C. F. Tao, Y. P. Jiang. – Beijing : China Women Publ. House, 1993.
11. *Wan Jun.* Women's Social Status in Liaoning : A Survey / Wan Jun. – Beijing : China Women Publ. House, 1994.
12. *Yi, C.-C.* A Comparative Study of Conjugal Powers in Chinese Families / C.-C. Yi // *Chinese Sociology and Anthropology in the Twenty-First Century* / eds.: Qiao Jian, Li Peiliang, Ma Rong. – Kaohsiung : Liwen Cultural Endeavors Co, 2001. – P. 225–256.
13. *Chen Yuhua.* A Study on Women's Family Status: Using a Family Decision-Making Model as an Example / Chen Yuhua, Yi Chin-Chun, Lu Yuxia // *Taiwan Univ. J. of Sociology*. – 2000. – N 24. – P. 1–58.
14. *Shen, C. L.* Urban and Rural Families at the Turn of the Century / C. L. Shen, S. H. Yang, D. S. Li. – Beijing : China Social Sciences Press, 1999.
15. *Li, L.* Measuring and Decomposing Chinese Households' Vulnerability of Poverty / L. Li, X. M. Bai // *J. of Quantitative and Technical Economics*. – 2010. – N 8. – P. 61–73.
16. *Xu, A. Q.* Marriage Quality: The Main Predictive Indicator of Marriage Stability / A. Q. Xu, W. Z. Ye // *Quarterly J. of Shanghai Acad. of Social Sciences*. – 2002. – N 4. – P. 103–112.
17. *Zheng, D. D.* Everyday Life and Family Powers / D. D. Zheng // *Chinese Women's Social Status at the Turn of the Century* / ed. Jiang Yongping. – Beijing : China Women Publ. House. – 2004. – P. 287–302.
18. *Blood, R. O. Jr.* Husbands and Wives / R. O. Jr. Blood, D. M. Wolfe. – New York : Free Press, 1960.
19. *Coltrane, S.* Family Man: Fatherhood, Housework and Gender Equity / S. Coltrane. – New York : Oxford Univ. Press, 1996; *Tichenor V. J.* Status and Income as Gendered Resources: The Case of Marital Power / V. J. Tichenor // *J. of Marriage and Family*. – 1999. – Vol. 61, iss. 3. – P. 638–650.
20. *Godwin, D.* Couple Consensus During Marital Joint Decision-Making: A Context, Process, Outcome Model / D. Godwin, J. Scanzoni // *J. of Marriage and Family*. – 1989. – Vol. 51, iss. 4. – P. 943–956.
21. *Rodham, H.* Marital Power in France, Greece, Yugoslavia and the United States: A Cross-National Discussion / H. Rodham // *J. of Marriage and Family*. – 1967. – Vol. 29, iss. 2. – P. 320–324.
22. *Burr, W. R.* An Empirical Test of Rodham's Theory of Resources in Cultural Context / W. R. Burr, L. Ahern, E. Knowles // *J. of Marriage and Family*. – 1977. – Vol. 39, iss. 3. – P. 505–514.
23. *Hill, W.* Approach for Assessing Marital Decision-Making Processes / W. Hill, J. Scanzoni // *J. of Marriage and Family*. – 1982. – Vol. 44, iss. 4. – P. 927–941.
24. *Rodham, H.* Marital Power and the Theory of Resources in Cultural Context / H. Rodham // *J. of Comparative Family Studies*. – 1972. – Vol. 3, iss. 1. – P. 50–69.
25. *West, C.* Doing Gender / C. West, D. H. Zimmerman // *Gender and Society*. – 1987. Vol. 1, iss. 2. – P. 125–151; *Xu Anqi.* A Comparison of Chinese and foreign women's status in the family: In-depth analysis of 'stronger women and weaker men' in Chinese urban families / Xu Anqi // *Society*. – 1992. – Iss. 1. – P. 12–15.

26. *Xu, C. X.* Research in Women's Rights in Family in 'Diploma Society': Analyzing Diploma's Impacts on Women's Rights in Family by Studying a Case in Wuhan / C. X. Xu, P. Wang // *J. of China Women's College*. – 2002. – N 1. – P. 26–30.
27. *Yi, C.-C.* A Comparative Study of Conjugal Powers in Chinese Families / C.-C. Yi // *Chinese Women's Family Status: Comparisons There of in Taiwan, Tianjin, Shanghai and Hong Kong* / eds.: Yi Chin-Chun, Chen Yuhua. – Beijing : Social Sciences Acad. Press, 2006. – P. 51–82.
28. *Heer, D. M.* The Measurement and Bases of Family Power : An Overview / D. M. Heer // *Marriage and Family Living*. – 1963. – Vol. 25, iss. 2. – P. 133–139.
29. *Molm, L. D.* Affect and Social Exchange: Satisfaction in Power-Dependence Relations / L. D. Molm // *American Sociol. Rev.* – 1991. – N 56. – P. 457–493.
30. *Osmond, M. W.* Reciprocity: A Dynamic Model and a Method to Study Family Power / M. W. Osmond // *J. of Marriage and Family*. – 1978. – Vol. 40, iss. 1. – P. 49–61.
31. *Cromwell, R. E.* Multidimensionality of Conjugal Decision-making Indices: A Comparative Analyses of Five Samples / R. E. Cromwell, S. G. Wieting // *J. of Comparative Family Studies*. – 1975. – N 1. – P. 139–152.
32. *Komter, A.* Hidden Power in Marriage / A. Komter // *Gender and Society*. – 1989. – N 3. – P. 187–216.
33. *Tichenor, V. J.* Status and Income as Gendered Resources: The Case of Marital Power / V. J. Tichenor // *J. of Marriage and Family*. – 1999. – Vol. 61, iss. 3. – P. 638–650.
34. *Zheng, D. D.* The Destined Trend' of Marital Relation and Power Tactics / D. D. Zheng, S. H. Yang // *Sociol. Research*. – 2003. – N 4. – P. 96–105.
35. *Pan Yunkang.* Marriage and the Family in China's Cities / Pan Yunkang. – Jinan : Shandong People's Publ. House, 1987.
36. *Shan, Y. B.* Methods for Assessing Female Status : A Study / Y. B. Shan. – Beijing : Jiuzhou Press, 2004.
37. *Wei, H. I.* A Research on the Index System for the Appraisal of Women's Status / H. I. Wei, Y. Yang // *J. of Lanzhou Univ.* – 2004. – N 2. – P. 97–103.
38. *Shen, C. L.* Urban Families in Contemporary China : A Study / C. L. Shen, S. H. Yang. – Beijing : China Social Sciences Press, 1995.
39. *Zuo, J. P.* Viewing the Inequality between Husband and Wife in Chinese Cities from a Diversified Angle / J. P. Zuo // *Collection of Women's Studies*. – 2002. – N 1. – P. 12–17.

Date accepted 18.10.2015.

BAO LEIPING,

Research Professor, Institute of Youth and Juvenile Studies, SASS

**THE CHINESE ONLY CHILD'S LIFE COURSE:
AN INSTITUTIONAL CHOICE UNDER FAMILY-STATE
RELATIONSHIP VIEW¹**

Since China launched the One-Child Policy in 1980, the quantity of Chinese only children has ranked first in the world. It is necessary to assess the development of such a great number of “only-ones” from the perspective of the family-state relationship. Based on a national survey using 5,000 questionnaires, this paper conducts a quantitative analysis of the only-ones’ life course and its influencing factors. The study finds that family-state isomorphism have not had negative effects on the developments of single-child families at present, but that the “effect of diminishing advantage” and the uniformity of public life course will bring challenges for the future development of such families. The development of family capability is indispensable in the interaction between the state and society, where family plays an intermediate role. Thus, to redefine the position of the family in state-family relations has become essential against the background of family planning policy adjustment.

Keywords: only child, life course, family-state isomorphism.

**ЖИЗНЕННЫЙ КУРС ЕДИНСТВЕННОГО РЕБЕНКА В СЕМЬЕ:
ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ ВЫБОР В РАМКАХ СЕМЕЙНЫХ
ОТНОШЕНИЙ**

С тех пор как Китай начал однодетную политику (одна семья – один ребенок) в 1980 г., количество китайских однодетных семей заняло первое место в мире. Необходимо оценить степень развития такого большого количества «единственных детей» с точки зрения семейных отношений. На основании национального исследования с использованием 5000 анкет в этой статье приведен количественный анализ жизненного курса «единственных детей» и влияющие на них факторы. Исследование показало, что в настоящее время семейно-государственный изоморфизм не имеет негативного воздействия на развитие семей с одним ребенком, но «эффект убывающего преимущества» и единообразие курса общественной жизни принесет проблемы для будущего развития таких семей. Развитие семейного потенциала является незаменимым во взаимодействии между государством и обществом, где семья играет промежуточную роль посредника. Таким образом, пересмотр положения семьи в государственно-семейных отношениях стал необходимым на фоне корректировки политики планирования семьи.

Ключевые слова: единственный ребенок в семье, жизненный курс, семейно-государственный изоморфизм.

---

¹ Сокращено по: Leiping Bao. The Chinese Only Child's Life: Course: An Institutional Choice under Family-State Relationship View // J. of Social Sciences. Vol. 5. 2012.

The “Family-state Isomorphism” which has lasted for thousands of years in China and the “Unit System” in the planned economy era once constructed two unique social governance and development models for China. Since the implementation of reform and opening up policy and under the impact of market economy and the rapid transformation of economic society, the “Unit System” model has basically collapsed, and the declining of the family power has also impacted the Family-state Isomorphism in certain way. Some scholars proposed that, the “State-society” governance model skipping over the intermediate organization, is similar to the modern society structure model of the western industrial society in some way. And as a politics tactic, it might be more efficient and resourceful. The new model has sufficiently released the freedom space for individual development, and at the same time, has also made the influence of family or units gradually declined, therefore, the relationship between the state and the individual has become more and more close. In such a context, it is of particular significance to use the life course paradigm to discuss and analyze the only-child group in the contemporary China, and analyze the implicit interactive mode between the “state” and the “society”.

1. Proposal of the Issue

In the recent decade, many domestic scholars¹ have tried to use life course paradigm to study the major social events during the reform and opening up course in China, such as education reform, laid-off and unemployment, migration of three gorges and social insurance reform, and discuss the influence of those policy changes or major social events on specific populations and specific living areas. However, their literature focused more on the analysis of such traditional sociology concepts as stratification and mobility, and few studies have been conducted on the influence mechanism of state behaviors.

The exploration of Karl Mayer and other scholars from Max Planck Institute in Germany contributed to the study of applying the life course paradigm to the relationship of “state-individual”. They innovatively put forwarded that “state” is of great importance in the life course. It's through utilizing the social policies and mechanisms that the welfare states, in industrial society, produced a set of institutionalized life course, such as marriage, childbirth, education, employment, promotion and retirement, all have the whole sets of standard and rules. Such institutionalized life course, not only has weakened the power which was originally decided by family and private sphere in traditional society, but also has promoted different individuals to arrange their life courses in accordance with the same mode.

Besides, such institutionalized life course also has the characteristic of globalization. With the increasing possibility of information exchange, countries have begun to learn policies from each other to reduce the uncertainty of risk society, which has also made the individual life course across the world began to have more sequence similarity and speed similarity. Some scholars use the phrase “public life course” to name the same social route: “social institution plays a role of classification to standardize the turning point of the individual and turn the individual's life stage into separate public events, becoming the ‘public life course’.

Since this century, family planning has become an important approach for the population strategy of each nation. And in the individual level, it has also become one of the most important institutional approaches influencing the fertility decision-making in the individual and private spheres. Chinese families have traditionally been famous for valuing inheritance and posterity. The one-child policy, with the issuing of the Open Letter in 1980 as the mark, has been actively supported by tens of thousands of families, although it has also met some resistance and revolt, overall, the state will which is demonstrated in the form of family planning policy has been fully practiced and implemented. The result has its historical inevitability.

First of all, over the 30 years since the one-child policy was implemented, the performance evaluation on the policy shows that, the implementation of the policy has indeed promoted the population control level where more than 100 million newborns have been reduced in the 30 years, which has greatly saved social resources, effectively promoted the political, economic and cultural development of the nation, and has also lifted up the living standard of the family.

However, with the continuing implementation of the policy, it has also been questioned. For example, some studies show that, by comparing the population control effects in different policy periods, the broad family planning period (1968–1979) was better than the one-child policy period (after 1980). Besides, former period also paid more attention to the choice right of birth of the family, and it made success both in the urban and rural areas. Some studies put forward that, the one-child policy was especially not good for the agriculture production of rural families. It is because that rural economic system reform has weakened the production and allocation functions of the collective economy, and strengthened those of the family economy. However, the nation's "increasing tightening" in the macro population control and micro birth policy has made the rural families incapable of solving the contradiction between the family economic production model and the state-regulated birth behaviors, hence new poverty problems emerged which led to the intense contradiction between the state and the family. However, owing to the lack of the study on both the urban and rural areas, currently those views still lack powerful support from quantitative research data.

In fact, when the Open Letter was issued, the policy makers predicted the aging and gender imbalance issues which might be encountered during the implementation of the one-child policy, and has listed a series of data to prove the population control effect of the loose policies which was represented by "late, sparse and less".

What are the factors that made the government overcome the resistance, decide to adopt the severe one-child policy, and make it a national behavior in the end since knowing the one-child policy might bring adverse results and having also realized the effectiveness of the loose policy?

The Open Letter repeatedly mentioned "change the poverty and backwardness in a short time", "save money for development of economy and culture and education causes" and "directly influence the accumulation of funds that are needed for the modern construction". From those words, it can be seen that the thing that

moved the policy makers most was that they were convinced the implementation of one-child policy can lay a solid foundation for the “reform and opening up”.

In that social development stage, only unloading the burden of Chinese population as soon as possible can create the best conditions to unleash the economy development. This judgment prompted the decision makers to choose to turn from the loose population regulation policy [1] which had become effective to the more severe birth control policy for the realization of the optimization of “efficiency”. Besides, the rigid “one couple with only one child” rule, compared with the proposed policy “one child is the best, two children is the most”, could skip over the interference of such intermediate organization as the “family”, and applied the institution to change the individual birth behavior directly, so as to unload population burden quickly. Under the advocacy and mobilization, thousands of families gave up the birth right of more than one child, which was also derived from their support and expectation toward the public good of reform and opening up and wealthy and strong country.

This study tries to analyze, under the local cultural environment of China, the influence approaches of the state policy on the individual life course. Therefore, besides state behavior and mechanism, this study also tries to combine such variables as family and urban and rural areas to analyze the interactive model between the state and the individual during this process. Therefore, this study has the following two basic targets:

Target 1. Study the mechanism in which the state behaviors influence the individual development. Under the Chinese cultural environment, what is the mechanism in which the state policy influences the birth choice? Is the “three models” assumption (age line, qualification line and fragment policy line) of Mayer and others valid? Is the family variable still effective in it?

Target 2. Evaluate the long-term influence of the one-child policy on the family and the individual. Whether they conform to the state policy? Does the policy influence the family? For the influence, is there any difference between the urban and rural areas?

2. Survey Data

This study is based on the data from the large sample survey of the national college graduates of 2010. This survey was launched by the Chinese Academy of Social Sciences with the participation of seven colleges and universities across the nation. The data collection was entrusted to MyCOS Education and Consulting Co., Ltd and investigation was conducted on college graduates in the recent 8 years (i. e. 2003~2010) across the country.

The samples were taken from 7 provinces in the country (Jiangsu, Guangdong, Chongqing, Shaanxi, Inner Mongolia, Jilin and Hubei), with each province representing one geographical area in China, i. e. Southeast, South China, Southwest, Northwest, North China, Northeast and the Central Area. One college was chosen from each province, and the 7 colleges consisted of 6 listed in “Project 985” and 1 common college. The selection of the survey objects using random sampling was based on the graduates lists provided by the colleges. Email was applied to contact

the chosen objects and ask them to log on the online investigation system for the survey. The survey ended when the survey response rate of the graduates in each college reached 50 %.

The content of the questionnaire involved both the graduate and the family. Such information as only-child or not, education level, marital status, birth, work, income and the time of specific life events were asked about the graduates; besides, information related to their family backgrounds were also investigated, including parents' education level, family economic condition, career conditions, etc.

The samples included graduates of 1970s generation, 1980s generation and a few 1990s generation college students. Because this study mainly focuses on the life courses of the only-child born around the beginning of the reform and opening up, in the analysis, only those 1970s and 1980s are included, and the 1990s and the cases with default items were deleted. The total cases are 5,599, with 2,295 being the only-child, accounting for 41,0 %. The basic conditions of the samples are as follows (table 1).

Table 1. The basic structure of the national graduates survey samples

		Number	Percentage
Only-child or not?	Only-child	2295	41,0
	Non-only-child	3304	59,0
Gender	Male	3701	66,1
	Female	1897	33,9
Generation	Born in the 1970s	597	10,6
	Born between 1980 and 1984	2172	38,8
	Born between 1985 and 1989	2832	50,6
Registered residence (source of students)	Urban	3155	56,3
	Rural	2444	43,7

The interviewed cases focused on the 1980s generation with 11 students from the colleges in Shanghai were interviewed. Three of them are only-children, and 8 of them are non-only-children; three of them are urban residents, and 8 rural residents. The respondents were from Shandong, Henan, Hubei, Sichuan, Shanxi and Shanghai respectively with education levels all above junior college in which 5 being university students (4 graduates and 1 undergraduate), and 6 being on the job.

3. Study Results

3.1. The Mechanism through which State Policy Influences Family Birth Decisions

Did the three mechanisms of age line, identity line and the fragment policy line play their roles in the family birth decision? The following variables will be especially considered in analyzing the influence mechanism of the policy.

Dependent variable: whether the family has only-child.

Variables:

Age line – In accordance with the above analysis, the implementation of the one-child policy started from 1980 (the starting time for the implementation of the re-

form and opening up and the one-child policy). Before 1980, the family still had certain birth choice right, but after 1980, the family's choice right vanished relatively, and they could only decide to choose the only-child or not in accordance with the urban and rural identities and the areas with different policies. After 1985, because the family planning policy in some areas was loose, compared with the beginning of the 1980s, the execution methods of the policy had some loopholes. In accordance with the different stages of the policy, the respondents were classified into three contiguous birth groups, namely born in the broad family planning period (before 1979), the early stage of the reform and opening up (1980–1984) and the middle stage of the reform and opening up (1985–1990). The study on the one-child policy shows that, before 1979, the birth policy with the features of “late, sparse and less” was relatively loose, while in the early stage of the reform and opening up, the implementation of the one-child policy was the most strict, however, after 1984 with various critical comments, the one-child policy also began to be implemented in the method of “small changes” which was more human-centered. Therefore, when assigning the value, in accordance with the policy strictness, we assign value 1 to the early stage of the reform and opening up, 2 to the middle stage, and 3 to the broad family planning period.

Qualification line – Analyze the influence of urban and rural identities on the birth decision.

Fragment policy line – To classify in accordance with the previous mentioned four areas that implement different policies proposed by Guo Zhigang.

3.2. *The Influence of the One-Child Policy on the Social and Economic Status of the Family*

As mentioned in the previous text, the one-child policy and its implementation, as national behaviors, meets its largest resistance from the practice in the rural areas. Although the rural areas have widely implemented the loose policy “if the first child is a girl, family can have a second child”, the family planning policy was still harder to be implemented than in the urban areas [2]. In the 111 980s youths interviewed, only one only-child comes from the rural area, and other rural 1980s youths all come from families with more than one child. In the interview, they also mentioned that only-child is very rare in their villages or neighboring villages. No. 3 interviewee's opinion is representative, “The country just began to implement the plan, parents in the rural areas were greatly influenced by the traditional concepts, therefore, like most rural families, (the family planning policy) for them, was still a shock”. The shock not only comes from the reform of the birth concept, but also comes from the concern that the rural family production model's demand for labor cannot be satisfied and will reduce the family living standard.

In 1983, Bian Yanjie's study on 1,088 urban and rural households in Tianjin did not support the above concern. He found that, owing to the reduction of the fostering cost, the economic income of the only-child family was generally higher than that of the family with more children, and their family income was relatively stable. However, Mr. Bian assumed that, after the children grow up, family-oriented farming's objective demands for labor, may still results in changes of the situation.

Then, for only-child families, will their social and economic status be damaged after their children grow up? The study tries to answer this question first by adopting family income, occupational status [3], and education level the three indexes to compare the social and economic statuses (SES) of the urban and rural families. The descriptions of the variables are as follows:

Dependent variable:

Family social and political and economic status (SES): the social, political and economic statuses of the two kinds of families (only-child family and multi-child family), including income, occupational status and education level. The score of the SES is the sum of the three aspects, i. e. family income, occupational status and education level.

Independent variable: take whether choosing the only-child as the main influence factor.

Controlled variable: nationality, gender of children, region and others will be used as controlled variables and be included in the model.

Nationality: Han nationality is 1, and other nationalities are 0;

Gender of the children: Male is 1, female is 2;

Birth group: 1970s birth group is 1, 1980–1984 birth group is 2, and 1985–1989 birth group is 3.

Table 2 is the comparison of the social and economic statuses between the urban and rural families, and table 3 is the regression analysis result after the controlled variables are added.

The data shows that:

1. Family choosing bearing only-child has significant advantages in SES status. Bearing only-child has actively influenced on SES status of the family which will remain after the only-child grows up. Only-child family has a higher social hierarchy and better economic condition and the education levels of the parents are higher. In table 2, the significance test results show that the comparisons of SES variables – family income, occupational status and education level of parents, are significant in the .000 level. In table 3, the regression test also further supports the assumption that family choosing bearing only-child has a higher SES status. After controlling such factors as urban and rural areas, gender, nationality and birth group, “bearing only-child or not” has demonstrated its significant influence on the SES status of the family. It can be seen from the regression coefficient B value that, the influence of the variable on the SES status of the family is only second to the factor of “urban and rural areas”.

In the interview, Case 11, a post-1980 who comes from the non-only-child family in the city said that, “The family conditions of the only-child family and the non-only-child family are not the same. Only-child family is richer, and has much better conditions than non-only-child family in foods and clothes”. Case 3 believes that the different economic levels are due to the difference between the urban and rural areas: “The only-child family in the city has better economic condition than the non-only-child family in the rural area”. Case 8 also mentioned “The only children around me generally have better family condition, and are all from the urban area”.

2. Through comparison between urban and rural areas, it found that rural family choosing only-child has a significant higher SES status. Although urban and rural

Table 2. Comparison of the SES differences between the urban and rural families

Items	Rural area			Urban area		
	Only-child	Non-only-child	Significance test	Only-child	Non-only-child	Significance test
SES score*	19.57	15.76	10.96***	29.95	23.68	17.97***
Subjective family income level ^a (compared with other students)	3.03	2.97	8.47***	3.13	2.75	14.18***
Family income level ^b	4.21	3.57	10.20***	6.23	4.57	14.94***
Occupational status of father ^c	2.56	2.18	3.70***	6.50	5.49	8.87***
Occupational status of mother ^c	2.84	2.31	4.96***	5.44	3.99	14.10***
Education level of father ^d	3.29	3.01	4.18***	4.55	3.73	17.19***
Education level of mother ^d	3.19	2.40	12.55***	4.20	3.18	22.72***
Number of samples	2444	—	—	3155	—	—

Table 3. The regression test result of the influence of choosing only-child on the SES of Chinese family

Effect	B value	Standard error	T	Sig.
Intercept	32.63	.69	47.61	.000
Bear only-child or not?	5.40	.25	21.28	.000
Urban and rural areas	-8.55	.25	-34.39	.000
Gender	-1.30	.23	-5.55	.000
Nationality	-1.12	.39	-2.84	.005
Birth group	0.81	.39	4.84	.000
$R = .64$, adjusted $R^2 = .40$, $F = 622.13$ ***				

areas are the most important factors affecting the social and economic status of the family, after controlling the urban and rural differences, the family SES statuses still have significant differences whether they choose the only-child or not. The data show that, in the urban and rural areas, families choosing only-child, compared with families that did not choose only-child, have significant higher SES status, and the income difference is the most significant one. The only-child family in the urban area has a significant better economic condition than the non-only-child family, and the economic condition of rural only-child family has reached the level near that of the urban non-only-child family.

In the interview, the only only-child from the rural area said that, “At that time, my family was one of the rare families in my village who has savings... around 95–2003, my family conditions were very good. In our village, we usually buy meat” (Case 7). Some non-only-children from the rural area also told about their family conditions, “At normal time, we don’t feel the only-child has better conditions, but when it is involved with the marriage-related economic issue, the majority of parents hope to foster fewer children” (Case 2). “Even in current price and consumption condition, for most ordinary people, they can afford to bear the children, but can not afford to bring them up... However, after my brother got married, he changed his attitude, and he thinks the only-child will be better... for having only one child means

less pressure” (Case 8). “There are not many only-children around me, and compared with the non-only-child family, the only-child family has better conditions” (Case 4).

The occupational status and the education level of the parents of the only-child being higher are also verified. In the interview, the post-1980 youth, based on their feeling of daily life, said that, “parents of the only-child family certainly have received higher education” (Case 1). Data in table 2 show that, the occupational status and education level of parents of the only-child family are obviously higher than that of the parents of the non-only-child family. In the comparison between the urban and rural areas, this difference is still significant in the .000 level. The regression analysis in table 3 further shows that, after controlling the urban and rural areas, gender and nationality factors, whether choosing only-child or not, still has a significant influence on the overall SES status of the family.

3. The production mode in the rural family has changed, and the farming percentage of the parents of the only-child became lower. The investigation found that, even among the same rural families, the difference of the occupational status still exists, and rural families are not all “farming”. The Chi-square analysis shows that, in the only-child family in the rural area, the percentage of father farming only accounts for 41,4 %, and the mother 50,3 %; in the non-only-child family in the rural area, the percentage of father farming is 22,2 % higher than that of father of the only-child family, reaching 63,6 %; mother is 22,8 % higher, reaching 73,0 %. In the Pearson Chi-square test, the difference between the two kinds of families is significant (occupation of father $X^2 = 91.95$, $P < .000$; occupation of mother $X^2 = 176.50$, $P < .000$).

Why the parents of the only-child family in the rural area have a lower “farming” proportion? To analyze this issue, it should be combined with the large background of the population mobility of the urban and rural areas in China. Although the only-child family in the rural area has disadvantage in next-generation labor force when facing the agricultural production, it can be seen from the significant difference between the occupational statuses of the two kinds of families that, the reduction of the fostering burden also provides more chances for the adults of the family to work outside to do such jobs as worker, self-employed, staff and private enterprise owner, so as to lift their own income level and hierarchy status. The relationship between the family income and the farming is gradually going down.

In the interview, Case 2, a young man from the multi-child family of the rural area, said that for the only-children around him in the rural area, “the occupations of their parents are not just farmers, but the only-child families would also do the farming work more or less”. Case 5 said that, labor force is no longer the major problem in the rural area. Depending on the number of children to solve the labor force issue is very rare now. “During the busy days, most of the farming is mechanically finished, or hired workers will be employed... the children generally do the housework at home”. Case 7, an only-child from the rural area, said that for the family burden was light in the early stage, the father began to do some sideline of business besides the farming: “raise the rabbit, raise sheep, sell fruits, sell goods in the rural area, and now work in other places”. Compared with the non-only-child family, they break away from the farming earlier.

3.3. The Particular Development Path of the Only Child

This study adopts the first occupation income, income change, economic dependence and the acquisition of the first occupation to compare the situations of the only-child and the non-only-child after they stepped into the society.

Income and income change: to evaluate the economic change of the college graduates, "overall monthly income" was defined as income including the basic income, bonus and part-time income. Two time points were chosen, i. e. the income when graduate and the current income, to analyze the change of the income.

Economic dependence: by directly asking the college graduates whether they receive family financial aid to learn their economic dependence on the parents, so as to compare the difference between the only-child graduates and the non-only-child graduates.

The acquisition of the first occupation: mainly through interview to compare the occupation acquisition of the only-child and the non-only-child after they graduate.

The data shows that the only child has advantages in all aspects that the ordinary youth don not enjoy when they first stepped into the society: they have higher income for their first occupations, 3,549 in average, nearly 700 higher than that of the non-only-child every month; only-child owning private cars accounts for a higher percentage, i. e. 11,2 %, 2 % higher than the non-only-child.

However, it is worthy of concern that with the change of time after they enter the society, the advantages of the only-child are gradually diminishing. In the comparison of current income, the advantages of the only-child are no longer obvious (table 4).

Table 4. The comparison of the SES statuses of the two kinds of graduates after they enter the society

Variable	Only-child	Non-only-child
Income		
Income of the first occupation (yuan)	3549.13	2892.58
Number of respondents (person)	1435	2077
Current income (yuan)	6413.71	6252.44
Number of respondents	361	655
First occupation t test $t = -6.74, P < .000^{***}$; current income t test $t = -.31, P = .76$		
Property housing		
No	76,0 %	77,9 %
Yes	24,0 %	22,1 %
Number of respondents	1891	2621
Pearson Chi-square test: $\chi^2 = 2.29$; d.f. = 1; $P = .13$		
Private car		
Yes	88,8 %	91,0 %
No	11,2 %	9,0 %
Number of respondents	1891	2621
Pearson Chi-square test: $\chi^2 = 5.50$; d.f. = 1; $P < .05^*$		

* $p < .05$ ** $p < .01$ *** $p < .001$ (two-tailed test).

In the Chi-square analysis for the economic dependence, 33,3 % only-child admitted that they still receive economic aid from their parents, but the percentage

of the non-only-child is 10.2 % lower. The differences are significant ($\chi^2 = 65.41$; d.f. = 1; $P < .000^{***}$).

Through interview, the study further found out the acquisition modes for the first occupations of the only-child and the non-only-child after graduation. Many graduates said that, the only-child got more support from the parents in seeking the first job. For example, Case 11 mentioned “of course, for the only-child, parents will try their best to help their children finding jobs and fostering the grandchildren; after all they have only one child” (and Case 7). “In the aspect of work, the parents of the only-child tend to try their best. Some parents of the only-child I know will do their best to help their children. They even will pull endless wires, send presents or treat others to help their children. It is obviously common in the fields of civil servant, institutions and large enterprises. In marriage, parents of the only-child will also try their best to buy cars and houses for the children” (Case 2). Obviously, from the perspective of the college graduates, the ways to acquire the first occupation of the only-child and the non-only-child are different, and the only-child would find better jobs or jobs with higher income, which is probably related to the assistance from the parents.

4. Discussion and Suggestion

Based on the above empirical analysis, this study held the opinion that, in analyzing the life course of the only-children, findings and issues of the following are worthy of further discussion by scholars and the policy-makers in the future.

4.1. The Institutional birth choice under the background of social vicissitude has not influenced the social and economic status of certain families

For the 1980s college students group involved in this survey, although the one-child policy has influenced and changed the birth choice of those students' families, it has not, as the researchers had worried about, brought insurmountable difficulties to the production mode or labor force quantity of the urban and rural families. On the contrary, it can be seen from the objective evaluation result that, the only-child family has certain superior social and economic status which has brought benefits for the individual's development.

The Open Letter requires the family to contribute to the development of the economy, culture and education causes of the state. In fact, after the foundation of the People's Republic of China, the national government has always “regarded the marriage and family as important parts for the construction of the new China”, and the family also has made the state development as the precondition for the family development. This new family-state isomorphism, which is different from the traditional society, has fueled the family with new vitality under the background of social vicissitude. For example, in the rural area, although the only-child family structure has led to the reduction of the labor force, the reform and opening up has brought huge changes for the traditional production mode. The original living mode based on the small peasant economy has gradually been replaced by the mode of migrating to the city for work, and the land is no longer the only measure for the farmers

to make a living. The reform of the traditional production mode has objectively offset the negative influence brought by the inadequacy of the labor force.

Besides, families choosing the one-child, since cost in the fostering stage has been saved, will invest more in the children's education, and the children will get more support from their family in seeking jobs, thus it would be easier for them to find better jobs when they just enter into the society. Such advantage is also reflected in the rural families.

4.2. The existence of "public life course" has a higher demand for the predictable social policy

The 1980s only-children, owing to the close attention from their parents, follow the development route regulated by the society more strictly. They enter school, study, receive education, have love affairs and work in a timely manner. Different from the frustrated destiny of the previous generations, the public life course of them reflects more the standardized creation of the modern industrial society to the individual life trajectory.

On the other hand, this study also shows that, although, in entering the society, the only-children have the advantages that the children from families of other structures do not have, with the increasing of time, such advantages will gradually diminish. For example, Case 9 mentioned the issue of caring for the aged, "The current social security is not complete, for example, caring for the aged mainly depends on the children. And the families conducting the family planning, after the children grow up, will shoulder the duty of caring for the four aged people of both sides, which has increased the burden of children born under the policy of family planning". Case 2 mentioned the issue of labor force: "My mother got ill this year, and I work in Beijing. After discussion with my brothers and sisters, we decided to bring my mother to Beijing to see the doctor... the hospital, expense and schedule are all decided... my sister went back home to take care of my father and sister-in-law (and the children). This event had a great impact on my mother, and she said that in the only-child family, such thing would not be easy". Case 1 mentioned the caring among siblings: "In the aspect of family love, we can take care of each other". However, compared with the period of childhood, Case 7 has experienced drop of family income as he keeps studying for graduate. The tuition fee and living expense have increased while his father has a limited income. On the contrary, among the relatives, in the multi-child families, for the children have began to work and earn money, the pressure for fostering children is eased, so their current income are better than that of Case 7. In the Case interview, the 1980s said that, although the only-children have certain advantages in aspects of marriage and birth, however, in the issue of caring for the aged, they face many insurmountable problems.

In Bian Yanjie's early study on the fostering cost for family children, he guessed that the social and economic status challenge for the only-child family often occurs in the late stage after the only-child grows up; Gui Shixun also put forward that, the "four-two-one" and "four-two-two" family structures will make Chinese society face the challenge for the issue of caring for the aged in the future. Combined with

the advantage diminishing phenomenon proposed in this study, it is very necessary to consider ahead the aged issue the 1980s only-children and their families might encounter from the policy level.

The Sixth Census data shows that, Chinese children aged between 0–14 have dropped to 16,6 %, and aged people above 60 years old have rose 8,5 %, and this trend will continue to strength in the future. When the majority of the only-child families, in accordance with the regulation of the public life course, enter the stage of caring for the aged, on one hand, the inverted-pyramid family structure, make the only-children at the bottom unable to bear the duty of caring for the parents only by the limited family resource; on the other hand, for medical care, pension and other urban and rural social security resources, if the increment are not expanded in advance or pre-proposals are not put forward, it will face unprecedented challenges. For the rural only-child families, the increasing of ages, dropping of the work ability and such barriers as urban education, medical care and living resource will make it hard to solve the issue of staying at home in rural areas. When the caring needs for the parents and the children increase, the predicament they face might be even severer than that of the urban only-child family.

4.3. In the interactive process of state-society, the operation mechanism for the state behavior will be restricted if the family, as the intermediate organization, is without necessary policy support

The operation mechanism for the birth policy in force, in fact, ignores the role of the family, the intermediate organization in the state-society interactive process. The family no longer needs to make choice for the birth number in accordance with its own needs. For this ignorance, it is mentioned in the text above that some scholar made the positive explanation, believing that the “state-individual” governance mode by skipping over the intermediate organization, is more efficient and strategic. It fully released the freedom for individual development, and has also made the influence of family or units gradually declined, and therefore, the relationship between the state and the individual has become more and more close.

However, in Chinese culture, family plays a fundamental role for the stability and harmony of the state. Currently, many links in the public life course, such as caring for the children, education and caring for the aged, cannot be fully or individually solved only by the state. The disruption of the “unit” system and the lack of many elements in the welfare system made the family still play the major role in solving those key life events. Under the current social development conditions, the state-individual relationship completely skipping over the family, the intermediate organization, is risky for both the state and the individual.

This paper emphasizes that, with the advent of the structural change of the population development, the one-child policy is bound to face transformation and adjustment in the future. The early stage development of the 1980s only-children benefit from the miniaturization of the family size, but the same miniaturized family might encounter greater risk in the future life course. Therefore, related policy adjustment, besides taking the number of birth as the breakthrough point, shall also,

from both the society and family levels, analyze the development risk the over 100 million only-child families face, consider in advance how to support those families to overcome the difficulties in tending and caring for the aged from the policy level, estimate the social security pressure the only-children might face after they go into the maturity period and put forward targeted adjustment and operation plans as soon as possible.

References

1. *Mayer, K. U.* The State and the Life Course / K. U. Mayer, W. Muller // Human Development and the Life Course: Multidisciplinary Perspectives / eds.: A. Sørensen, F. E. Weinert, L. R. Sherrod. – Hillsdale, NJ : Erlbaum, 1986. – P. 217–245.
2. *Elder, G. H.* Children of the Great Depression / G. H. Elder. – Nanjing : Yilin Press, 2002.
3. *Liang Zhongtang.* Study on the Background of the One-child Birth Policy, 21st Century / Liang Zhongtang // The Chinese Univ. of Hong Kong. – 2009. – N 2.

Date accepted 18.10.2015.

LI YU,

Research Professor, Institute of Sociology, SASS

STATUS HOMOGAMY IN CONTEMPORARY CHINA (1949–2006): A DUAL-TRAIT ANALYSIS¹

This paper treats the degree of endogamy in marriage selection as the indicator of societal openness and evaluates the process and trends in the intergenerational inequality structure transmission through an empirical study of the changes in ascription- and achievement-oriented homogamy during different historical times based on the data of the Chinese General Social Survey 2006. This paper engages in a theoretical exploration of the relationship between the two homogamy strength combinations and the intergenerational inequality structure transmission and applies the dual trait analysis method to the appropriate models to control the impact of intergenerational mobility and realize technical assessment of the net independent effects of marriage selection. Analysis has shown that the level of achievement-oriented homogamy has significantly increased since China's reform and opening up began, and the ascriptive match fluctuates within a narrow band in an inverted U-shape. This implies that the current inequality structure transmission is characterized by the "Patrilineal Reproduction and Reinforcement" model, and the level of societal openness may have declined to a certain extent.

Keywords: societal openness, marriage selection, dual-trait model.

СТАТУС ГОМОГАМИИ В СОВРЕМЕННОМ КИТАЕ (1949–2006): ДВУСТОРОННИЙ АНАЛИЗ

В данной статье рассматривается степень эндогамии при выборе семейных отношений как индикатор социетальной открытости. Оцениваются процесс и тенденции в передаче межпоколенческой структуры неравенства через эмпирическое исследование изменений в статусно и достигательно ориентированной гомогамии в разные исторические времена, на основе данных «Китайского социального исследования 2006». В статье содержится теоретическое исследование взаимосвязи между двумя комбинациями прочности гомогамии и передачей межпоколенческой структуры неравенства. Применяется метод двустороннего анализа на соответствующих моделях для регуляции межпоколенческой мобильности и дается оценка сети независимых факторов, воздействующих на брачный выбор. Анализ показал, что уровень достигательно ориентированной гомогамии значительно возрос с начала реформ в Китае и расширения возможностей, а статусный брак изменяется в узком диапазоне в виде перевернутой U-образной формы. Это означает, что текущая передача структуры неравенства характеризуется как модель «патрилинейного воспроизводства и усиления», а уровень социетальной открытости сокращается до некоторой степени.

Ключевые слова: социетальная открытость, выбор семейных отношений (брака), двусторонняя модель.

---

¹ Сокращено по: Yu Li. Status Homogamy in Contemporary China (1949–2006): A Dual-Trait Analysis // Sociol. Studies. – 2011. – Iss. 4.

Societal openness is one of the much-concerned social science topics over the years. An open society refers to one in which the main social groups are separated by vague, permeable and penetrable boundaries. The transformation of the economic system since the reform and opening up has significantly influenced the social structure and its operating mechanisms. However it is still debated whether our society is becoming more open or closed. Market optimists [1] believe that the market shatters the traditional stratification order and provides the members of the society with opportunities for fair competition. Other scholars, on the other hand, emphasize that the inequitable distribution of power and resources has given rise to the reproduction of social structure [2] or even come to the conclusion that the society has been “fractured” [3].

For a long time, the traditional research practice has been to use the intergenerational social mobility as the indicator of societal openness. Over the past 20 years, some scholars have attempted to approach societal openness from the perspective of status homogamy, which has become a near indicator for measuring societal openness [4].

This paper offers some experience-backed insights into China’s societal openness trends from a different angle and attempts to outline the characteristics of the transformation trends in social structure through an empirical study on the historical changes in status homogamy.

1. Status Homogamy and the Reproduction of Inequality Structures

Status homogamy essentially refers to the question about “who marries who”. Sociologists often explore the status homogamy model from the perspective of “endogamy”, which means that in marriage selection, people tend to follow the marriage selection model under which the spouse is chosen from the same or similar social strata [5].

In the marriage selection practices in traditional societies, families from strata with higher social status usually encourage their offspring to opt for endogamy within their respective strata by emphasizing the marriage selection principle of “match between families with equal social rank” homogamy and manipulate the marriage selection behaviors of their offspring through marriage arrangements such as “match-makers’ words”, “orders from parents” and even “parent-arranged marriages”. Marriage barriers are set up, intentionally or unintentionally, to prevent members of the lower social strata to “climb up” the social hierarchy. In this sense, the establishment of marital relation has become a tool for maintaining the existing social structure and enhancing unity within the social stratum [6] and even been perceived as a key foundation for fostering stratum cohesion and identity and one of the primary mechanisms of intergenerational transmission and reproduction [7].

In modern societies, the proposition that “Love is the foundation of marriage” and “free courtship” has been well embraced by the people. This, combined with the growing geographic and social status movements arising from the Industrial Revolution and urbanization process, has made traditional means of marriage control increasingly inadequate. Therefore the modernization theory expects the endogamy

characteristics of traditional marriage to be weakened under the impact of the modernization trend, which means less distinctive strata boundaries and higher degree of inter-strata fusion and societal openness. In this sense, the degree of endogamy, the intergenerational social mobility and inter-strata social interaction form the three main indicators of societal openness.

The western scholars have studied status homogamy for half a century [8; 9] and the core question they raise is whether endogamy in marriage selection has been weakened by the modernization process. In terms of research strategy, Kalmijn (1991) made a major contribution by imitating the theoretical framework of the Status Attainment Model [10] and distinguishing ascription-oriented homogamy from the achievement-oriented homogamy. The ascription-oriented homogamy, which compares the social origins of spouses in marriage to see to the match marriage in equal social ranks, measures the intergenerational openness of the society from the perspective of intergenerational reproduction of social stratum. Achievement-oriented homogamy, on the other hand, examines spouses per se to see if they are homogamous in areas such as occupation and education, laying emphasis on the construction and solidification of the inequality structure of new generations [11].

What this paper tries to highlight is that the process of status homogamy is also the self-construction, duplication and reproduction process of social inequality. The social status matching of spouses in marriage has a substantive impact on the reinforcement, reproduction or restructuring of the social structure of inequality. When people follow the homogamy model under which their spouses are chosen from the same or similar social strata, the existing social inequality will be fully duplicated in the social status structure of the next generation family. In such a case, marriage not only fails to eliminate inequality among individuals but also duplicates and passes on social inequality to the next generation through intergenerational transmission. On the other hand, if the social statuses of spouses in marriage are randomly matched, the new inequality of the newly formed family will be significantly lowered. This will weaken the inequality structure transmission and reproduction from the old generation to the new generation and hence impact and deconstruct the existing social inequality. In this sense, the social status homogamy of spouses in marriage is more than just an effective indicator of the societal openness but also a key link in studying inequality reproduction.

The modernization theory once made an optimistic prediction that due to effects of industrialization and love, both the ascription- and achievement-oriented homogamy would decline in a modern society [12]. However, the reality may disagree as these two types of homogamy may change in different directions, i. e. it is possible that one type of homogamy is strengthened while the other is weakened. Therefore, it is the author's opinion that the analytical edge of the ascriptive-achievement framework lies not only in the effective clarification and distinction of the previously vague concept of endogamy but more importantly in the further exploration of its impact on intergenerational inequality structure transmission, which adds a new analytical dimension to the discussion on the current status and trends of societal

openness, through the analyses of the development trends and strengthen combination of these two types of homogamy as well. To the author's knowledge, this has never been adequately explored in the work of Chinese and foreign scholars. The relationship between the homogamy strength combinations and intergenerational inequality structure transmission is illustrated in table 1 below.

Table 1. Structural Outcomes of Inequality Derived From Combinations of Homogamy Trends

		Ascriptive-oriented Homogamy (Match-Door)	Achievement-oriented Homogamy (Matchable Spouses)
Solidification of Structure	Dual Segregation	Strong	Strong
	Duplication	Strong	Weak
	Replacement	Weak	Strong
Erosion of Structure		Weak	Weak

In the event that the ascription-oriented and achievement-oriented characteristics are both strong, dual segregation will be manifested in the social structure composed of new generation families: the inequitable segregation of the old generation is completely preserved while the inequality in the new generation is strengthened. If we divide the social members into two basic groups, namely the elite and the mass, then in this system, four marriage subgroups will be formed: marriages within the new-elites with elite origins (old-elite's offspring), within the new-masses with elite origins, within the new-elites with mass origins, and within the new-masses with mass origins. These four subgroups are cross-segregated by distinguishing the characteristics (elite or mass) of social origins and status attainment of new generation. In other words, those marriage-circles are divided up according to ascriptive- and achievement-oriented characteristics, and thus called "dual segregation". Similarly, when both ascription- and achievement-oriented preferences in marriage choice are weak, "erosion of structure" occurs, and the pattern of social inequality will be weakened due to the heterogeneity of spouses in marriage.

When the ascription-oriented homogamy is strong and the achievement-oriented homogamy is weak, the stratification of the old generation is fully reproduced in the new inequality structure but the solidification of strata in the new generation is contained. Hence there are only two marriage circles, namely marriage between the children of the elite and between the children of the mass. In such a case, there is one segregation dimension, namely whether or not the spouses are from elite families. This dimension is based solely on social origin, making it a "duplication" of the old stratification structure.

When the ascription-oriented homogamy is weak and achievement-oriented homogamy is strong, the stratification of the previous generation is completely discarded. This means marriage selection disregards the social origins of spouses and is based solely on the stratification of the new generation. In this way, the new inequality structure is reinforced and the old stratification structure is eroded. In such a case, there are also two marriage circles only, differentiated by whether the new generation spouses are the successful elites rather than whether they are from elite

origins. Thus, the new structure of inequality “replaces” the old stratification of the old generation.

Different combinations of ascriptive-oriented and achievement-oriented homogamy will result in different degrees of social inequality transmission, “Dual Segregation”, “Duplication” and “Replacement” is forms of intergenerational reinforcement or solidification of structure. Duplication refers to the replication of the inequitable structure. Replacement refers to the substitution of old structure with new inequality while dual segregation refers to the overlapping of old and new inequality structures. Only when both the ascriptive-oriented and achievement-oriented characteristics are weakened will the structural inequality be reduced by marriage.

The above segregation of the theoretical types attempts to illustrate the structural outcomes from the strengthen combination of marriage selection methods. However, it should be noted that there is a fundamental presumption that the society has a certain amount of intergenerational mobility. In the event that a society shares the rigidity of the caste system of India, the high level of consistency between the social statuses of the old and new generations will lead to the pursuit of match-door marriage, i. e. matchable status. In this way, both the “Dual Segregation” and “Replacement” will turn into the “Duplication” model. Although we can think that under normal circumstances, a society will inevitably have a certain amount of intergenerational reproduction, the level of intergenerational reproduction (or intergenerational mobility) may fluctuate through different historical times, making it difficult for us to distinguish whether the status homogamy observed arise from changes in intergenerational reproduction or genuine changes in the homogamy strength¹. In order to truly distinguish between the net independent effects of ascriptive- and achievement-oriented homogamy and go further to demonstrate the relevant structural outcomes and trends in a truly effective manner in connection with the corresponding intergenerational reproduction status, we must be capable of effective control and estimation of the intergenerational reproduction on the technical level. The research of this paper aims to realize the technical estimation of the net independent effect of homogamy, which will serve as an indicator for measuring the current societal openness on one hand and offer reference for the prediction of future trends in inequality structure through the demonstration of changes in such effects through different historical times on the other.

2. Social Background and Research Hypotheses

The history of China after 1949 can be roughly divided into two stages separated by the Third Plenary Session of the Eleventh Central Committee of the Chinese Communist Party held in 1978. The first 30 years was a period of the formation and

---

¹ When the level of intergenerational mobility and the ascriptive- and achievement-oriented models of status homogamy changes simultaneously, the social structure transformation will produce more complicated outcomes. In addition, in societies with higher level of social inheritance, the extent of achievement-oriented homogamy may be over-estimated. For instance, in traditional societies which lack intergenerational mobility, the higher level of achievement-oriented homogamy between the spouses observed was largely attributable to ascriptive-oriented match-door homogamy.

establishment of the socialist social-economic system characterized by “redistribution” while the second 30 years was a period during which the reform was gradually furthered and the market-oriented principle was increasingly applied in every dimension of China’s economic and social life.

After rising to power, the Communist Party of China took less than 10 years to complete the “Socialist Transformation”, realize the all-around transformation of the social-economic systems and establish a comprehensive set of stratification structure under socialism regime. In contrast to industrialized market societies, the stratification order of a redistributive economy was characterized by the allocation of resources by the state through a top-down approach across different regions, economic sectors and various types of organizations based on its policies and needs rather than the market mechanisms. Furthermore, the social economic statuses of various occupations were different from those under market economy. The remunerations to professional and technological staffs were rather low, while those of cadres were at the top of the stratification system. Under this system, the life chances of social groups and individuals were not only determined by their occupations, but also by the districts they were residing, their work units’ organizational types and ranks in state-hierarchy and their individual status in the political stratification structure [13].

After the market-oriented reform in 1978, in two respects, great changes had taken place in the social stratification order. One is that as the gradual establishment of market economy principle and labor market. The return of human capital increased, the “iron bowl” of life-long employment was broken, and the structure of social economic status gradually became consistent with Western market economy. Meanwhile, the economic inequality indicated by Gini Coefficient rapidly increased, China was transformed from a country of “Destratification” [14] into one of the countries with obvious social polarity. We find that the disparity of income rapidly widened in 1992, when the reform towards market economy was intensified [15; 16]. Some scholars describe the characteristics of the stratification transformation as “from political stratification towards economic stratification” [17].

In order to depict the changes in the reform process more clearly, this paper divides the time after 1949 into three periods: the Pre-reform Stage (1949–1978), Initial Reform Stage (1979–1992) and the Intensified Reform Stage (1993 to date). The two reform stages are separated by the southern tour of Deng Xiaoping in 1992, which announced the overall implementation of the market economy. The first stage is the transition stage from the planned economy to the market economy. In the second stage, the market-oriented principle not only attained political legitimacy but also facilitated the rapid development of non-state-owned economy. The purpose of such period division is to understand the impact of gradual process of application of market principles on marriage selection through the comparison between initial and intensified reform stages and illustrate the difference between marriage selection models under different stratification orders through contrast with pre-reform times.

With regard to marriage selection, the traditional Chinese culture has attached great importance to “match-door” status and exercised the families’ and clans’

control over children's marriage selection through "parent-arranged marriages" [18]. In 1950, the second year after the Communist Party rose to power, a new Law of Marriage was promulgated. The principle of "free courtship" and "free marriage" was established. The law opposed arranged marriage prohibited acts such as trading marriage, marrying concubines, taking child brides etc. In the following 10 years, the new marriage law was carried and enforced effectively. Young people, especially young women, acquired unprecedented freedom in marriage selection; the power of parents over their children's marriage choices decreased [19]. However, during this period, through work unit system, the State still had certain control over personal private life though the existing researches show that the interferences of the units was limited, the main interference that lied in match-door principle based on political status was strengthened. Work units prevent members of Chinese Communist Party, cadres, service men and women, confidential employees and the "prospective candidates" from marrying spouses with "tainted" origin and background [20].

After the reform, work units gradually gave up their administrative control over personal private life; the market transition also promoted the geographic and social mobility. Individuals have acquired unprecedented private spaces. Marriage selections have rid of the influence of political factors and become individuals' choices. The role of romantic love has been heightened in marriage selections.

In light of the aforementioned social situation, the homogeneous transformation of marriage selection is under the influence of both transformation of application of market principles and romantic love. Thus, two paradoxical research hypotheses may be put forward.

2.1. The Hypothesis of the Influence of Market-oriented Transformation

Some researches show that as market transformation goes on and the competition for opportunity intensifies, social structure will move towards a closed model and the boundaries among classes will be strengthened [21]. Looking at the transformation of social stratification structure before and after China's reform, it is clear that the increasing autonomy and independence of people came with decreasing protection under the life-long employment system and the individuals and families were directly burdened with the widening social polarization and increasing market risks arising from the process of application of market principles, presenting the parties to marriages with tremendous practical pressure. It is reasonable to predict that during the process of marriage selection, both parties to the marriage will, in face of such a highly uncertain market and highly polarized social environment and in order to provide the future family and offspring with the best possible life, evaluate the social-economic status and career-development potential of their prospective partners more prudently. In such evaluation, education attainment is no doubt one of the best indicators. Existing researches based on data from the demographic census conducted in 2000 have clearly indicated that the educational homogamy between spouses in marriage has been rapidly increasing since the 1980s [22].

Hence, the following hypotheses are proposed:

Hypothesis 1: The status homogamy in marriage selection will continue to increase along with the reform progress.

Hypotheses 1 can also be further detailed as:

Hypothesis 1a: The ascriptive-oriented homogamy continues to increase during all three periods.

Hypothesis 1b: The achievement-oriented homogamy continues to increase during all three periods.

2.2. The Hypothesis of Romantic Love

The blindness of romantic love is a potential threat to the existing social structure. Therefore, “match-door” status was emphasized in marriage selection in the traditional society and the parents interfere with their children’s marriage through “match-makers’ words”, “orders from parents” and even “parent-arranged marriages” [6]. As the modernization theory has predicted, the accelerated industrialization and urbanization are accompanied by greater geographical mobility and weakened control over the marriage selection of the offspring through parent-arranged marriage and the young people are blessed with unprecedented scope and frequency of social interaction. Meanwhile, the proposition that “Love is the foundation of marriage” and “free courtship” has been well embraced by the people and marriage selection based on romantic love will become the main form of marriage. While education and income remain important criteria in marriage selection, emotional and psychological factors have gained increasing importance. Character, personality, common interests and shared tastes have become important prerequisites for marriage. Therefore, as the control over personal marriage choices by family and work unit further weakened in the reform process, the young people’s way of thinking and living have become increasingly westernized. Under the hypothesis of romantic love, a declining trend should be observed from the educational homogamy between spouses in marriage [4; 23].

Hence, the following hypotheses in contrary to Hypothesis 1 are proposed:

Hypothesis 2: The status homogamy in marriage selection will continue to decrease along with the reform progress.

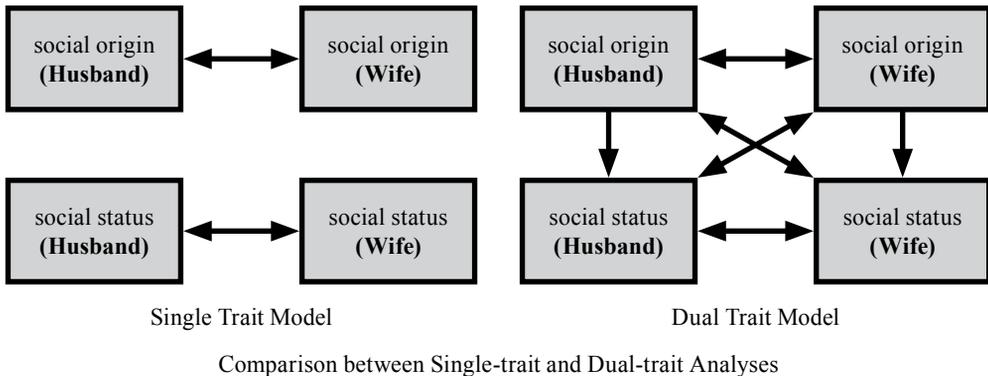
Hypothesis 2a: The ascriptive-oriented homogamy continues to decrease during all three periods.

Hypothesis 2b: The achievement-oriented homogamy continues to decrease during all three periods.

3. Data and Model

This paper uses the data from Chinese General Social Survey 2006 and the educational attainment of the spouses and their father strata as indicators to reveal the trends in status homogamy during various periods. A weighted sample of 8014 couples with relatively complete first marriage data is obtained through data processing. In accordance with China’s social conditions, the years of first marriages are divided into three periods: Pre-Reform Stage (1949–1978), Initial Reform Stage (1979–1992) and Intensified Reform Stage (1993–2006). The father strata (non-manual labor, manual labor and peasants) and educational attainment (primary and below, junior middle, senior middle and college and above) are employed as indicators of social origin and spouse homogamy respectively.

In contrast to the traditional single-trait model under which the ascriptive-oriented homogamy and achievement-oriented homogamy are analyzed individually, this paper adopts the dual-trait analysis model to analyze and evaluate these two dimensions of homogamy simultaneously under one single model. The strength of this model lies in its ability to effectively control the intergenerational reproduction factor and distinguish the independent effects of ascriptive and achievement-oriented homogamy and obtain a reliable evaluation of the degree of and changes in status homogamy [24; 25]. Refer to the following figure:

4. Model Selection Process and Result

This paper utilizes the Lem software for computation [26]. The model selection process is illustrated in table 2. The selection approach is to include various effects and trends during different periods on the basis of an independent model to form

Table 2. Dual-trait Trend Analysis of Homogamy of Social Origin and Education Attainment (1949–2006)

	Models	L^2	df	BIC	Remarks
1	Independent model				
	$C + W + H + M + F$	9963	419	6198	
2	Marginal Distribution*Cohort				
	$(1) + CH + CW + CF + CM$	7508	399	3922	
3	Dual Trait Trend Model				
a	(2) + fluctuation in all association (varied Φ_c)	469	350	-2677	Full Model (Formula 1)
b	(3a) + constraint $\Phi_c^{MW} = 1$	469	352	-2695	
c	(3b) + constraint $\Phi_c^{FW} = 1$	470	354	-2712	
d	(3c) + constraint $\Phi_c^{MH} = 1$	477	356	-2723	BEST model
e	(3d) + constraint $\Phi_c^{FH} = 1$	502	358	-2716	
f	(3d) + constraint $\Phi_c^{FM} = 1$	501	358	-2717	
g	(3d) + constraint $\Phi_c^{HW} = 1$	519	358	-2698	

The end of the table. 2

	Models	L^2	df	BIC	Remarks
4	Dual Trait Trend Model with saturated FHC & MWC				
a	(2) + FMC + MWC + fluctuation in HW FM MH and FW association	422	330	-2545	Full Model (Formula 2)
b	(4a) + constraint $\phi_c^{MH} = 1$	423	332	-2562	
c	(4b) + constraint $\phi_c^{FW} = 1$	424	334	-2578	BEST model
d	(4c) + constraint $\phi_c^{HW} = 1$	463	336	-2557	
e	(4c) + constraint $\phi_c^{FM} = 1$	448	336	-2572	
5	Dual Trait Trend Model with saturated HWC FMC MHC & FWC				
a	(2) + FMC + MWC + fluctuation in FH & MW association	410	308	-2359	Full Model (Formula 3)
b	(5a) + constraint $\phi_c^{MW} = 1$	411	310	-2376	BEST model
c	(5a) + constraint $\phi_c^{FH} = 1$	423	310	-2363	

Table 3. Parameters of Social Origin and Education by Marriage Period: China 1949–2006 (selected models of table 2)

Marriage Period	Model 3d	Model 4c	Model 5b
Educational Homogamy (ϕ_c^{HW})			
1949–1978 (control group)	1.000	1.000	
1978–1992	1.169	1.138	
1993–2006	1.567	1.522	
Homogamy of social origin (ϕ_c^{FM})			
1949–1978 (control group)	1.000	1.000	
1978–1992	1.232	1.217	
1993–2006	0.920	0.899	
Reproduction effect (male ϕ_c^{FH})			
1949–1978 (control group)	1.000		1.000
1978–1992	1.310		1.267
1993–2006	2.606		2.208

a full model. The full model is then simplified to gain maximum explanatory power at the minimum loss of degree of freedom. Specifically, the paper uses a backward method with the full model as baseline to diagnose each ϕ_c and any insignificant ϕ_c is omitted. It needs to be emphasized that ϕ_c is not significant doesn't mean this effect do not exist, but means this effect will not change significantly during three periods.

Estimation of the parameter that has significantly changed through the periods is shown in table 3. The estimation is based on the best model illustrated in table 2.

Statistics results shown in Table 3 indicate that:

(1) Since the Cultural Revolution, the degree of achievement-oriented homogamy, represented by ϕ_c^{HW} , has increased significantly and stably. In Model 3d, when $\phi_c^{HW}=1$, with the Pre-Reform period (1949–1978) as reference group, the ϕ_c^{HW} of the Initial Reform Stage increased up to 1.169, and rapidly increased to 1.567 after 1992. This trend is tested and turns out to hold true in Model 4c, and also confirmed by the calculation based on Chinese Census Data 2000 [22].

(2) ϕ_c^{FM} , the parameter represents the social origin homogamy between first marriage couples goes through a process from the increase at the beginning to decrease starting from the middle, and draws a upside-down U shape. It indicates that during the period of Initial Reform Stage (1979–1992), the homogamy reached a peak, but fluctuated little, and this retested the results from Model 3d and 4c.

(3) Husbands' intergenerational reproductions, namely the association between husband's social origin and educational attainment indicated by ϕ_c^{FH} , increased significantly, and the magnitude of such increase is remarkable, from 1.267 at the beginning of the Initial Reform Stage to 2.208 after 1992; but wives' intergenerational reproductions and the two exchange effects did not change significantly, and thus were omitted from table 3.

5. Conclusion and Discussion

5.1. Marriage Selection Model

The empirical research results support Hypothesis 1a. The achievement-oriented homogamy had been increasing during all three periods, but the ascriptive-oriented homogamy had not been decreasing continuously as predicted by Hypothesis 1b. Although the fluctuation magnitude is moderate, a clear inverted U-shape can still be observed from the fluctuation. Such results may be attributable to the following two reasons:

5.1.1. Different Stratification Orders in Pre-Reform and Post-Reform Periods

The statistical analysis of inter-temporal comparison is based on one implicit assumption that both the validity and reliability of the indicators in the models are consistent throughout different periods. If the theoretical definition or measurement accuracy of this indicator varies from period to period, the results of the models will be distorted, if not misled. Although the model in this paper employs educational attainment and social stratum, which are universal indicators in this research field, in the measurement of social status, China social stratification structure under the "redistributive" system, as described above, to a certain extent deviates from those of industrialized market societies and household registration, type of work units and political identity significantly affect the life-time opportunities of individuals while the educational level and occupational classes play much weaker roles that they do in market-oriented societies. As a result, when only these two indicators are used to demonstrate marriage selection status in China during the Pre-Reform period, the degree of homogamy then might be underestimated. In a society of "Destratification", status homogamy will be better reflected in other areas that these two status indicators fail to effectively cover. For example, the indicators cannot reflect the ownership-oriented homogamy to which people back then attached great signifi-

cance (females under public-ownership were reluctant to marry males under collective-ownership). Therefore, when ascriptive-oriented homogamy and achievement-oriented homogamy appeared to be lower in the Pre-Reform period, it might not indicate that status homogamy was less considered by young people back then in their marriage selection, but might possibly arise from the failure by the status indicators employed to clearly understand the difference between and transformation of both stratification orders. In this sense, the higher levels of ascriptive-oriented homogamy and achievement-oriented homogamy in the Initial Reform Stage (1978–1992) as compared with the Pre-Reform Stage may only indicate that the old stratification order was less sensitive to the educational attainments and occupational classes, which were better suited for the post-reform market-oriented society.

5.1.2. Status Homogamy in the Process of Application of Market Principles

When comparing the status homogamy during the Initial Reform Stage (1978–1992) and Deepened Stage of the Reform (1993–2006), it can be seen that the achievement-oriented homogamy went up and ascriptive-oriented homogamy went down. The former finding supports Hypothesis 1a and the latter supports Hypothesis 2b. This reveals that as the market transition progressed, ascriptive-oriented homogamy and achievement homogamy were heading in two directions under the polarized social structure. Further exploration is needed to find out the reasons underlying this phenomenon. At this stage, it is the initial speculation of the author that this implies young men and women are looking for a balance between the pressure from reality and romantic love, paying more attention to the statuses and potentials of their partners', but little attention to their partners' family background. Furthermore, the magnitude of decrease in ascriptive-oriented homogamy is not significant, indicating that family background still played an important role in marriage selection.

5.2. Characteristics of Inequality Structure Transmission

This paper aims to describe the transformation of Chinese society's openness and attempts to reveal the characteristics of the inequality structure transmission through the examination of the trends in ascriptive-oriented homogamy and achievement-oriented homogamy. The empirical research findings fail to provide a clear and straight-forward answer to the societal openness during transition of application of market principles over the past 30 years. As pointed out above, the ascriptive- and achievement-oriented homogamy has manifested different development trends. In simple terms of quantitative association, the achievement-oriented homogamy increased significantly and the ascriptive-oriented homogamy showed limited decline. If a simple, if not over-simplified, answer is needed, then the result implies that the societal openness of China has declined over the past 30 years.

Based on the ideal classification in table 1, as ascriptive-oriented homogamy decreases and achievement-oriented homogamy increases, the intergenerational transmission of social inequality structure tends to manifest the "replacement" pattern. "Replacement" means that the old social inequality structure is substituted by a new one. Nonetheless, the complete replacement is based on one prerequisite that no intergenerational reproduction of social status (between father and son or father and

daughter) of any kind exists. As long as such intergenerational reproduction exists, it is impossible to realize complete “replacement”. The extent of replacement is determined by the strength of the intergenerational reproduction. As the intergenerational reproduction is stronger, the social inequality structure will be less replaced and vice versa.

According to statistical analysis, while the ascriptive-oriented homogamy decreased and achievement-oriented homogamy increased during the two post-reform periods, the strength of intergenerational reproduction did not remain unchanged. The male intergenerational reproduction between father and son increased significantly, but the female intergenerational reproduction between father and daughter showed no observable change. This indicates that while the ascriptive-oriented homogamy has been eroded, level of vertical inequality structure transmission through father-son relationship has been strengthened. Meanwhile, as the male inheritor of the father generation’s social status, the child generation further solidifies the new inequality structure through enhanced achievement-oriented homogamy (and reproduces the old inequality structure as inherited at the same time). Such characteristics of inequality structure transmission can be summarized as “Patrilineal Reproduction and Reinforcement” model. It is essentially the combination of male intergenerational reproduction and dual-solidification effect by the child generation through “replacement”. Under this model, it is rather difficult to effectively improve the overall level of societal openness.

Lastly, it should be noted that the scope and extent of the impact of economic transformation on different areas of societal openness, such as intergenerational mobility, occupational mobility and status homogamy, may vary. This paper only offers a preliminary and indirect evaluation of the transformation history, direction and characteristics of social inequality structure from the perspective of status homogamy. The thoroughness and reliability of the conclusion certainly requires further verification through additional materials and research findings. Nevertheless, the profound impact of the drastic social polarization and pressure from market uncertainties on the societal openness development and individual choice in a time of transformation no doubt calls for further discussion by the academic circle.

References

1. *Nee, V.* The Emergence of A Market Society: Changing Mechanisms of Stratification in China / V. Nee // *American J. of Sociology.* – 1996. – Vol. 101.
2. *Li, L.* Reproduction and Reign – Rethinking the Social Mobility Mechanisms / Lulu Li // *Sociol. Studies.* – 2006. – Iss. 2.
3. *Sun, L.* New Trends in China’s Social Structure Transformation Since the Mid 1990s / Liping Sun // *Modern China Studies.* – 2002. – Vol. 9, iss. 3.
4. *Ultee, W. C.* Educational Heterogamy and Father-to-Son Occupational Mobility in 23 Industrial Nations / Wout C. Ultee, Ruud Luijkx // *Eur. Sociol. Rev.* – 1990. – Vol. 6, iss. 2.
5. *Zhang, Y.* Reproduction of Endogamy in Chinese Strata / Yi Zhang // *Chinese J. of Population Science.* – 2003. – Iss. 4.
6. *Goode, W. J.* The Theoretical Importance of Love / William J. Goode // *American Sociol. Rev.* – 1959. – Vol. 24.

7. *Haller, M.* Marriage, Women, and Social Stratification: A Theoretical Critique / Max Haller // American J. of Sociology. – 1981. – Vol. 86, N 4.
8. *Glass, D.* Social Mobility in Britain / David Glass. – London : Routledge & Kegan Paul, 1954.
9. *Lipset, S. M.* Social Mobility in Industrial Society / Seymour Martin Lipset, Reinhard Bendix. – Berkeley : Univ. of California Press, 1959.
10. *Blau, P. M.* The American Occupational Structure / Peter M. Blau, O. D. Duncan. – New York : Wiley Free Press, 1967.
11. *Li, Y.* Homogeneity and Trends in Marriage Selection – Ascriptive-oriented and Achievement-oriented Homogamy / Yu Li, Lu Xinchao // Youth Studies. – 2008. – Iss. 6.
12. *Treiman, D. J.* Industrialization and Social Stratification / Donald J. Treiman // Sociol. Inquiry. – 1970. – Iss. 40 (Special Issue : Stratification Theory and Research).
13. *Bian, Y.* Structural Barrier, Institutional Transformation and Status Resource Content – Chinese General Social Survey / Yanjie Bian [et al.] // Social Science in China. – 2006. – Iss. 5.
14. *Parish, W. L.* Destratification in China, Class and Social Stratification in Post-Revolution China / William L. Parish. – New York : Cambridge Univ. Press, 1984.
15. *Chen, Z.* Statistical Test and Evaluation on Simon Smith Kuznets's Inverted U-Shape Theory / Zongsheng Chen // Academic Quarterly. – 1991. – Iss. 2.
16. *Li, S.* Review and Outlook of Researches on China's Personal Income Distribution / Shi Li // China Econ. Quarterly. – 2003. – Iss. 2.
17. *Li, Q.* Political and Economic Stratification / Qiang Li // Sociol. Studies. – 1997. – Iss. 4.
18. *Whyte, M. K.* Urban Life in Contemporary China / Martin K. Whyte, William L. Parish. – Chicago : Univ. of Chicago Press, 1984.
19. *Meijer, M. J.* Marriage Law and Policy in the Chinese People's Republic / Marinus Johan Meijer. – Hong Kong : Hong Kong Univ. Press, 1971.
20. *Li, Y.* Marriage Selection of Youth in the Marriage Market / Yu Li, Xu Anqi. – Shanghai : Shanghai Acad. of Social Sciences Press, 2004.
21. *Gerber, T. P.* Tightening Up: Inter- and Intragenerational Mobility in Russia, 1988–2002 / Theodore P. Gerber, Michael Hout // American Sociol. Rev. – 2004. – Vol. 69.
22. *Li, Y.* Educational Homogamy in Marriage Selection: Transition over 50 Years / Yu Li // Chinese J. of Population Science. – 2008. – Iss. 3.
23. *Smits, J.* Educational Homogamy in 65 Countries: An Explanation of Differences in Openness Using Country-Level Explanatory Variables / Jeroen Smits, Wout Ultee, Jan Lammers // American Sociol. Rev. – 1998. – Vol. 63.
24. *Uunk, W.* Homogamy of Social Origin and Education in 12 Industrial Nations in the 20th Century: A Dual Trait Analysis / Wilfred Uunk, Wout Ultee. – Paper presented at the 1994 meeting of the RC28, 1994.
25. *Uunk, W.* Who Marries Whom? The Role of Social Origin, Education and High Culture in Marriage selection of Industrial Societies During the Twentieth Century / Wilfred Uunk. – Nijmegen : Katholieke Univ. Nijmegen, 1996.
26. *Vermunt, J. K.* Lem: A General Program for the Analysis of Categorical Data / Jeroen K. Vermunt. – Tilburg, the Netherlands : Tilburg Univ. Press, 1997.

Date accepted 18.10.2015.

YANG XIONG,

Research Professor, Institute of Sociology, SASS

HE FANG,

Associate Research Professor, Institute of Sociology, SASS

GROWTH CONDITIONS, SOCIAL RISKS AND COPING STRATEGIES OF “SUB-MONO-CHILDREN”¹

“Sub-mono-children” (the second generation of “only children”) started coming into view after more than thirty years of the practice of China’s family planning policy. A number of favorable conditions, including economic growth, family structure and information development, have contributed to a sound environment for the growth of our sub-mono-children. On the other hand, many problems have emerged for sub-mono-children in the context of social transformation and development. As an outcome of family structure change, sub-mono-children may present social problems for China in respect to family, old-age support, the labor force and national security. Therefore, we should observe sub-mono-children in light of development so as to seek strategies to address possible issues and risks facing them in the future.

Keywords: only child, “sub-mono-children”, risks.

УСЛОВИЯ РОСТА, СОЦИАЛЬНЫЕ РИСКИ И СТРАТЕГИИ РАЗРЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМ «СУБ-МОНО-ДЕТЕЙ»

«Суб-моно-дети» (второе поколение «единственных детей» в семье) оказывались объектом дискуссий в ходе более чем тридцатилетней практики китайской семейной политики планирования. Ряд благоприятных условий (в том числе экономический рост, семейная структура и информационное развитие) способствовал возникновению здоровой среды для роста наших суб-моно-детей. С другой стороны, для суб-моно-детей возникло много проблем в контексте социальных трансформаций и развития. В результате изменения структуры семьи суб-моно-дети могут создать социальные проблемы для Китая в отношении семьи, поддержки старости, рабочей силы и национальной безопасности. Таким образом, мы должны рассматривать суб-моно-детей для того, чтобы искать стратегии для решения возможных проблем и рисков, с которыми общество столкнется в будущем.

Ключевые слова: «единственный ребенок», «суб-моно-дети», риски.

Since the policy of family planning was carried out in China in 1978, the juvenile population has seen a demographic shift to “only child”. The past 30+ years have witnessed the growing up of the first generation of the “only child”, among

---

¹ The paper is the interim achievement of the “Study of the Socialization of “Sub-mono-children” and “Its Impact on Chinese Society” jointly prepared by the special subject of “Social Policy for Children” of Shanghai Academy of Social Science and the Children and Family Department of Shanghai Women’s Federation.

which some have been married and had their own children while others are still single but have reached the age of childbearing. Nowadays, it is common to see the generation of “only child” brings up their “only child”. The upcoming decade will be a baby boom of the second generation of the “only child”, which will constitute the majority of the teen-ager population. Unlike the first generation of the “only child” who experienced the dramatic transition of China from the planned economy to the market economy, the “sub-mono-children” (second generation of “only child”), most of them were born after the year of 2000, have grown up in an environment with the steady development of Chinese social formation and enjoyed the favorable conditions thanks to the reform and opening up. As a new generation of the “only child”, will the “sub-mono-children” inherit the shortcomings of the first generation of the “only child” that are widely criticized by people? What challenges will they meet with in their growth? How will they impact the social development of China? This paper will try to deliberate the above-mentioned points.

1. Normal Social Environment Endows the Sub-Mono-Children with Distinctive Characteristics

Differences in living environment decide the discrepancy in the attitude to life. If living in an environment short of safety and security, people have to absorb the rigid ideas or thoughts and comply with the restrict rules and disciplines, thus pursuing common ground and paying attention to the general situation under self-discipline and self-depression. In contrast, in a safe and well-off environment, people are not willing to be fettered by outmoded rules and regulations and will not easily believe in and blindly follow all sorts of authorities, thus leading to a trend of seeking differences with individualized personality and independent thinking [1]. The huge success of modernization in the Chinese society has dramatically changed the external conditions and created a sound social system for the growth of the young generation by endowing them with new qualities and characteristics. Thanks to the urban economic development, the social wealth has increased by a large margin and the national formation is stepping into a normalizing state. The “sub-mono-children”, as the new generation of the “only child”, embrace the overall enhanced quality, diversified demographic structure, sound family-focused education and accelerated information-oriented transformation since they were born in a social environment featuring political stability, economic superiority and cultural openness.

1.1. Constant economic growth enables sub-mono-children to have access to more quality education

Since the reform and opening up, Chinese economy has developed with leaps and bounds that are not seen in any historical period. The rapid growth of social economy vigorously propels the social vitality and enhances the quality of the new generation of national citizens. According to the education economics, the regional economic development plays an active role in lifting the cultural quality of the population in that region. The more developed the economy is, the higher level of education the population in that region enjoys on per-capita basis. Relevant studies also

reveal that there is a marked correlation¹ between the per-capita years of education and GDP in various regions of our country. The accelerated pace of economic development will undoubtedly create a favorable environment of education for the “sub-mono-children”. China has built up a modernized national educational system oriented to the modernization, the world and the future, which constitutes sound conditions for the “sub-mono-children” to grow healthily, from an objective perspective.

1.2. Sub-mono-children will be entitled to more care thanks to the only child family structure

The achievements of Chinese social development not only lie in the economic system transformation, restructuring and the expansion of economic aggregate, but also exist in the overall social transition and fundamental changes of social lives that bring remarkable changes in various levels of social lives. In “only child” families, the parents naturally pay more attention to the healthy growth of their children, especially the educational conditions, thanks to the improved standards of material lives. Compared with previous generations, the approaches of education employed by the parents in “only child” families have been more rational, making the parent-children relationship an equal and democratic one². There is no reason for the “sub-mono-children” to stand on the opposite side of their parents because of the feeling of satisfaction from the care and attention from their parents. In this sense, they can feel more happiness of the family lives.

1.3. New media creates a more open cultural environment for sub-mono-children

With the economic integration and globalization, the Internet was introduced in China in 1994, thus opening a new era of information development. The new media, represented by the network, mobile phone and MP3, has become daily necessities in urban areas with each passing day. As the favorites of the information era, the “sub-mono-children” are much more familiar with and willing to use the new media than previous generations. Survey shows that the cyber citizens aged between 6 and 18 account for over fifty percent of youth netizens, being the largest group of teenager netizens (China Internet Network Information Center, 2009). It is reasonable to expect that the “sub-mono-children” will use the new media in a more frequent manner with the continuous development of information technology. Thanks to the disappearing of information asymmetry, the “sub-mono-children” will embrace

---

¹ The analysis of the correlation coefficient between the economic development represented by per-capita GDP and the per-capita number of years for education shows that the figure of 1990 is 0.6702 while the one for 2000 is 0.6377. Please refer to SHEN, Baifu and DU, Xiaoli, “Analysis of Correlation between Population Cultural Quality and Economic Development”, Peking University Education Review, No. 1, 2004.

² In the eyes of teen-agers, their parents have become their friends on an equal footing instead of high above “eldership”. There are 51,2 % of the children viewing their mothers as the best friends while 46,7 % consider their fathers as the bosom ones. Please refer to Task Group of “Development of Chinese Teen-agers in Modern Times”, “Report on the Development of Chinese Teen-agers”, in Research of Youth, No. 2, 2006.

broadened horizon and diversified ways to acquire various types of information, which enable them to be more independent and capable in thinking, observation, perception and judgment. They have various criteria for judgment and respect diversified interests and personalities instead of insisting on uniformity. They develop the critical mentality to understand everything through their own ways. They attach importance to the facts and dare raise questions and concerns. They object to accepting what they are forced to listen without thinking and long for equality in conversation.

In a word, Chinese economy has seen a period of steady and fast development when stepping into the 21st century, which provides the “sub-mono-children” an ever-favorable living environment with much opener cultural and social context but without political disturbance and economic fluctuation. The Chinese society is now turning into a society characterized by “normal development” that creates a normal social environment for the healthy growth of teen-agers.

2. Sub-mono-children Will Face Five Challenges in Their Growth

Certainly, when talking about the healthy growth of the “sub-mono-children”, we, proceeding from the objective facts, should not neglect that the special social context will generate a number of issues for them. In short, there are following five aspects that we should pay attention to.

2.1. “Mentally unattended” phenomenon dues to child-raising by grandparents

During the period of social transition, the “left-behind children” can be found not only in rural areas but also in urban metropolis. Due to busy work or lack of child-bearing experience, many young parents will leave their children to their parents. A survey in 2008 showed that as high as 88,9 % of grandparents in Shanghai have to foster and educate their grandchildren, indicating that the era of “child-raising by grandparents” is now coming [2, p. 13]. This phenomenon of expanded child-raising by grandparents is likely to result in that the “sub-mono-children” spend little time with their parents and therefore become new type of “left-behind children” that is mental-unattended. The survey showed that over forty percent of teen-agers said their parents do not have time to be with them due to busy work and nearly ninety percent of the youth thought that the government is required to raise the children together with their families as a complementary¹. Psychological studies show that the closer and quality parent-children relationship is of great importance for the children’s sense of security, force of action and sense of value. If the children are brought up by their grandparents, there would be limited time for them to stay with their parents. Although the children enjoy rich material lives, they get inadequate care from their parents. There is no one that pays attention to their inner feelings and observes their thoughts. Therefore, they may feel lonely. The children that are frequently separated from their parents may easily suffer anxiety and worries owing to separation and insufficient love and care, which is why they will be lack of sense

---

¹ The figure is from the “Survey of Demand for Shanghai Children’s Development” conducted by the Juvenile Research Institute of Shanghai Academy of Social Science in 2009–2010.

of security and do not trust parents. Such mentality will have negative impact on the parent-child relationship. The fact that child-raising by grandparents generates emotional estrangement between the “sub-mono-children” and their parents are becoming one of the obstacles hindering the parent-child relationship in modern China.

2.2. Pressures due to ultra-high expectations in education

As the first generation of the “only child” themselves, most of the parents were born between the end of 1970s and 1980s and spent their teenage years during the social transition of reform and opening up. They also experienced the introduction of western culture into China, the prevalence of the concept of market economy and the fast urbanization. Their values focus on self-planning, self-realization and self-responsibility. When coming to children’s education, it shifts from unconditional obedience to the one featuring competition and consumption in compliance with market economy. These parents have high expectations for children’s education. An investigation of the education expectation of the parents in modern society showed that the parents of those born in 2000 expect too much of their children’s education. There are 48,7 % of them expecting their children to have bachelor’s degree or above while 40,6 % want their children to obtain bachelor’s degree. Based on the figures, approximately ninety percent of the parents of the “sub-mono-children” have the wish that their children could receive college education [3, p. 68]. To ensure the outstanding performance of their children in the fierce competition guided by the rules of market economy, some parents even spare no efforts to take advantage of all related social relations and spend large sum of money to choose a top school for their children. However, the children’s interests and potentials may not match their parents’ wishes. What is worse is that the development of some children goes against the parents. The excessively high expectation will have negative impacts. On the one hand, the “sub-mono-children” grow in an accumulated way similar to the tools and instruments involvement instead of a natural way. On the other hand, if the children are not able to reach the goals set by their parents even with great efforts, they will lose confidence in their capability and shoulder heavy psychological burden.

2.3. Sub-mono-children vs. parents and teachers as the first generations of the only child

When the first generation of the “only child” reaches the child-bearing age and starts work, an unprecedented social phenomenon emerges, which is called “three-only-child”. It means that the parents, the children and the teachers are the “only child”. Some of the “only child” groups born in the 1980s now are working as teachers in primary and middle schools while almost all of their students are the “only child”. The “only child” teachers are popular among the students thanks to their closer teacher-student relationship compared to those elder teachers and better understanding of what the “only child” expect. They boast competitive advantages including professional competence, having strong points and full confidence. However, these “only child” teachers also have their shortcomings that we should not neglect, such as vulnerability to setbacks, poor communication skill, heavy dependence and psychological immaturity.

The proportion of the “only child” teachers in schools is increasing, so is the proportion of the “only child” parents of the students. In primary schools, the “only child” parents will sometimes talk to the “only child” teachers. Because they know each other in terms of characteristics and personalities and these parents have higher degree and broader scope of knowledge, they may sometimes have their unique point of views on education and may doubt or do not trust the capabilities of the “only child” teacher to some extent. It will lead to the conflict between the parents and teachers, making the school education and management more difficult to handle.

2.4. Some sub-mono-children suffer from inadequate social experiences and recognition

Growing up in the families featuring “6+1” structure (4 grandparents and 2 parents plus 1 kid), the “sub-mono-children” are the focus of the families. In the meantime, they do not have enough companions around them, which results in that the “sub-mono-children” are not able to behave well in the society for their self-centered manner, intolerance to setbacks and shortage of social communication skills. Through survey, we found that some teen-agers of the “sub-mono-children” did not have sufficient social experiences. First, these children are poor in inter-personal communication and interaction skills and do not understand other people. For example, nearly seventy percent of the students agree, to certain extent, the statement that “I feel some classmates very annoying”. Nearly half of the students agree that “I feel embarrassed when talking to someone that I do not know well”. Almost thirty percent of the students think that they are often teased by others. Second, these children impose too much emphasis on practical use when pursuing the maximum individual value, resulting in the blurring bottom line of morality. As for the cheating in exams, more than a quarter of the students think that they would do so if they can get higher score in tests or it is a matter of indifference. There were 23,8 % of the interviewees admitting “I will probably follow the trend if others cheat in tests”. Third, these children may not be able to effectively manage their moods, which is a potential harm to their psychological and mental development. There were 21,7 % of the students often feeling depressed while 4 % said that they often thought of giving up lives when encountering serious setbacks. Forth, these children are not clearly aware of how to treat issues regarding life and sex. It is imperative that the education on adolescence and life should be intensified¹.

2.5. Sub-mono boys may face social crisis

In recent years, the discussion on “saving boys” has received extensive attention of the general public. Some scholars pointed out that the Chinese boys would face crisis in terms of academic achievement, psychological development and physical quality, and it was imperative to help them out². Due to the fact that the modern

---

¹ The figure is from the “Study of Shanghai Children’s Development in 2009”, the key subject of Shanghai Research Institute of Family Education, jointly conducted by the Juvenile Institute of Shanghai Academy of Social Science and the Children and Family Department of Shanghai Women’s Federation.

² For detailed description of “boy crisis”, please refer to SUN, Xiaoyun, et. al, in *Save Boys*, Writers Press, 2010.

education system is an industrialized one, it often ignores the gender difference. Therefore, as for the education in the primary and middle schools nowadays, it can be found that people disregard the difference between boys and girls in physical and mental growth as well as the learning methods. By adopting verbal teaching approaches in favor of girls, the schools provide the same courses to all the students and evaluate the students against the same criteria. In such context, the girls certainly outperform the boys, leading to the crisis of academic achievement of boys. Second, many parents are inclined to send their children to school earlier than their school age in an effort to fulfill the “win at the start point”. Moreover, some mothers-to-be even choose to give birth by caesarean section so that their children will go to school not later than others. However, the slower physical and mental development of boys than girls is the reason why many boys lag behind in studies. This will cast shadow on boys who gradually lose confidence and self-esteem, thus generating psychological crisis. Third, the natures of boys, such as hyperactivity, competitiveness and rebellion, are regarded as weaknesses. For example, the boys with natural instincts of being eager to run and jump are forced to study by the desk and lack of duly physical exercises. However, the boys may live in the environment filled with feminine elements because of some existing problems. For example, fathers are seldom involved in the family education and mothers always spoil their children. In addition, the schools are often short of male teachers. These factors make the cultivation of male quality a haunting task. Currently, some “sub-mono-boys” that have entered kindergartens and primary schools have encountered these issues. It can be expected that the “boy crisis” would become a common phenomenon in the coming two decades when an increasing number of “sub-mono-children” are born and reach the school age.

3. Sub-mono-children will carry four major social risks

The families are the cells and units constituting the whole society. The change in the family structures will trigger the change in the social structure or even generate social risks. Some scholars have indicated that the “only child” families are the ones that take the most serious risks from the demographic point of view¹. In general, the “sub-mono-children” will carry four major social risks.

3.1. Risk of family structure damage

The subsistence risks of the “sub-mono-children” have direct impact on those of the “only child” families. If the risks emerge in the early stage of the lives, they may be removed by way of compensatory childbirth. However, it is impossible to have children again because the parents become elder if the risks happen in the later stage of the children’s lives. If the “sub-mono-children” unfortunately die or are physically injured or handicapped or ill while they are older, it is almost a devastating blow to these families. According the statistics provided by the circle of demographical study, about 5,4 % of the children die before the age of 25 in every

---

¹ For the detailed description of the risks facing the “only child” families, please refer to MU Guangzong, Only Child Families Are Families of Risks in Nature, Study of Demography, No. 1, 2004. Some ideas in this paper are enlightened by this article.

1000 infants while 12,1 % die before 55. Due to the slow change in the probability of death, around 5,4 % and 12,1 % of the families will have the unfortunate experience of children's death. Moreover, it is hardly to avoid [4]. Tens of thousands of children died in the earthquake hitting Wenchuan of Sichuan Province in 2008, among whom more than 8,000 kids were from the “only child” families¹. The death of the older children makes the originally complete family an incomplete one. This risk is indeed potential for the “only child” families. It is estimated that the probability for a family with only one child to take the risk is twenty times as high as that for a family with two or more children if the probability for a child to die before growing up is 5 % [4, p. 31]. Furthermore, in case of any miserable event resulting in the death, injury, illness or disability of children, the families with risks will turn into “broken families” and “families in difficulty”. It is not easy for these families to get out of difficult situations without external support and assistance.

3.2. Risk of old-age support

With the reform and opening up and the rapid social and economic development, the birth rate of our country has dropped by a large margin in short period of time. The total fertility rate has maintained below 1.8 since the beginning of the 21st century, enabling China to be listed among the low-birth-rate economies. Based on the status quo that the birth-rate drops quickly and maintains at a low level, we can see that the age structure of the population has changed significantly from macro perspective, especially the aging of the population that is expected to be one of the important demographic events in the coming decades. Meanwhile, the trend of old age is also unavoidable. From the micro perspective, the size of a family is shrinking with the “only child” families standing the major type of families in urban areas.

The typical characteristic of the “only child” families is the uniqueness and single inheritance of the kids. The “only child” is not only the one to carry on the family line but also the one to support the older parents. The family structure, family relationship and family members have been simplified to the extreme extent. When coming the old-age support for the “only child” family, there is not any other option to choose. If the “only child” relocates, moves out or encounters unexpected accident, their parents do not have alternative way to support when they get older. In the meantime, the aging of the parents of the “only child” have raised new demands for old-age support featuring heavy dependence, including the care and comfort service when being ill or lonely. Therefore, the older the parents, the higher the risk of family old-age support and the more the difficulty are.

Given the social and economic development of China and the security, service and benefits of old-age support, the old-age support by the children of the families are still the most important way for the Chinese old in current stage and longer period of time ahead. For the “sub-mono-children”, they should support and take care of at least six old people. From 2006 to 2040, about 2.3 million “only child” will be

---

¹ For information on the death of the “only child” in the earthquake in Wenchuan, please refer to related news releases on Xinhua Net.

born and the number of the “only child” will exceed 5 million in 65 years on an accumulative basis. So the number of the “only child” parents will be over 10 million, with more grandparents. It is expected that the number of the “only child” parents will increase at an accelerating pace with booming demands for care services, which would impose challenges for social security and health-care industry [5, p. 7]. At that moment, due to the acute shortage of labors within family to support the old, the “sub-mono-children” will shoulder heavy burdens of supporting old-aged and raising the young. It is thus clear that the old-age support for the “sub-mono-children” families will be a heavy task and become one of the challenges for the family and the society in the future.

3.3. Risk to the labor force

The first generation of the “only child” has reached the age of marriage and child-bearing. But their perception of childbearing is different from that of their parents. Late marriage and late childbirth, as well as fewer children and eugenics, have become the common trend. The desires of the couples to have a child, as the first generation of the “only child”, have declined due to the ever increasing of the child-birth cost (including home-care, housing, medical-care and education) and opportunity cost (the time spent in breeding children and the loss because of giving up job). On the other hand, the family planning policy also helps to decrease the birth-rate since some couples is not allowed to have their second children. In addition, the high working pressure and unhealthy life style of modern people result in the growing of infertility ratio, thus pulling down the birth rate. Research shows that the total birth rate of Chinese women has dropped from 5.79 in 1970 to 1.78 in 2006. Since 1990, the intrinsic growth rate of Chinese population has shown negative growth [6, p. 10–14]¹. Based on the international standard of birth-rate on replacement level, our country has turned into one with low birth-rate. The birth-rate in some cities has been extremely low².

The declining birth rate contributes to quick shrinking of “sub-mono-children”, thus leading to the shortage of labor force. According to statistics, the growth rate of the supply of the job-age population (between 15 and 59 years old) saw decline for the first time in 2004. It is estimated that the working-age population will not increase by 2011 and will decrease on an absolute basis [7, p. 2]. At present, the im-

---

¹ In the analysis method of demography, the intrinsic growth rate of population is different from that we usually calculate. Generally, the growth rate of population is calculated by subtracting mortality rate from birth rate (not taking the population movement into account). The birth rate and mortality rate are also called crude birth rate and crude mortality rate because these two figures not only indicate the birth and death conditions but also contain the impact of population age structure. The intrinsic growth rate means the population growth rate in the context of stable population if the birth rate and death rate are fixed with stable age structure in a longer period of time. The figure is measured by excluding the impact of actual population age structure (assuming a relatively stable age structure), thus being more authentic.

² Internationally, the birth rate of 2.1 is called the “birth rate on replacement level”, which can maintain balance between the old and the young. The birth rate is called “very low birth rate” if the figure is or lower than 1.5 while it is called “ultra-low birth rate” if the figure is or lower than 1.3.

pect of declining birth-rate on the supply-demand of labor force has emerged, which can be reflected by the fact that the wage of labor force in China has increased rapidly. Meanwhile, the middle-level education of our country has seen fast development in recent years, including general high school, vocational high school, technical secondary school and technical school. The ratio of enrollment into high school is also significantly growing. These factors are behind the delayed supply of new labor force to the labor market by two or three years. The popularization of high school education during the twelfth “Five-Year Plan”, plus the growth of the people receiving higher education, will generate the risk of labor force drainage. It can be expected that the shrinking of the “sub-mono-children” and slow entrance into the labor market make the shortage of labor force a normal situation in the developed regions in the future and furthermore, the condition will deteriorate.

3.4. Risk to national security

Stepping into the new century, our country has seen fundamental changes in the population reproduction from the traditional high birth-rate, high mortality-rate and low growth-rate to low birth-rate, low death-rate and low growth rate since the 1990s. The declining of birth rate is basically irreversible. It can be foreseen that the “sub-mono-children” will certainly become the backbone of our society. However, whether they are able to take on the great mission of national construction still faces severe challenges and issues to resolve. First, the general decrease of the number of “sub-mono-children” will lead to the declining population of military service age. Moreover, their parents are not inclined to send the children to join the army, thus making the conscription initiative more difficult. Second, the physical and psychological quality of the “sub-mono-children” is not so optimistic. According to the clinical medicine, the emergence of any kind of disease is closely related to the macro background of economy and society. For instance, malnutrition may stand the main influencing factor of the children’s health when the per-capita GDP is below the range of US\$ 300 to US\$ 500 while obesity is the main reason to impact the children’s health if the per-capita GDP has increased to US\$ 3000 to US\$ 5000. If the per-capita GDP continues to grow, other so-called illnesses of affluence will appear. In recent years, the rate of obesity and myopia among the primary and middle students in China has been on the rise. And the physical skills of the student are not so satisfactory [8, p. 3]. According to the files of check-up for military enrolment, it has been an indisputable fact that the qualification rate of physical examination for the youth of right age is declining. In particular, a considerable number of the “only children” are eliminated due to poor sight and physique. Without good appetite and vitality, the “sub-mono-children” widely suffer from such metabolic diseases as recurrent cold and fever, diarrhea, constipation and dental ulcer [9, p. 7]. In the meantime, indulged by their parents and grandparents, the “sub-mono-children” may develop defects in character, such as willfulness and sloppiness, and are easily hurt by emotional setbacks. If the group lives in the environment with strict discipline, such as in army, they will be challenged both in the physical and mental aspects.

The national strength in the warring state will be challenged by the severe social conditions that the “only child” constitutes the majority of the labor force and the

aging trend is developing. The growing expenses for medical care and old-age support will increase the consumption part of national income while cutting the amount of investment and weakening the fiscal ability that supports the sustainable development of the country. In addition, an aging society will be more mentally defensive and conservative. The pressure from the expectation of the general public for a sound social security makes it impossible for a country to invest more in the national defense. With the ever increase of national interests, insufficient budget for military capability building will have a negative impact on both military and national security. The challenge of national security facing the “sub-mono-children” is not so serious at present but will exert significant impact on the long-term development of China.

4. Strategies and Suggestions

How to address and overcome the issues and risks that the “sub-mono-children” are likely to face is not only a mandatory task to improve the public policy for the youth but also a necessary requirement for the safe operation of the family structure and social structure and the sustainable development of the society. To promote the development of the youth is systematic work that requires the involvement of all walks of life. Based on the development status of the “sub-mono-children”, the paper proposes the following strategies and suggestions:

4.1. Observe the sub-mono-children from a development perspective

Proceeding from the theories of youngster sociology, there exist two different perspectives regarding the growth of the young, “problem” and “development”. The former one considers the stage of youth as a period full of unstable elements, thus paying more attention to the abnormal psychology and behavior of the youth. The latter one views the youth as active individuals to be cultivated so that the whole society should vigorously support the healthy growth of the teen-agers. The study on the teen-agers is not only to correct their problems, but also give an eye to the relation between the social environment and the healthy development of the youth. From this point of view, it is required that we shall handle the problems in their growth from the point of development. First, the “sub-mono-children” are now experiencing a special period of life in terms of physiology and psychology. Their immaturity is normal at this special period. As long as we provide proper guidance, the immaturity will gradually be out of picture when they grow up. Second, the risks brought by the “sub-mono-children” are actually results from certain policies in the context of specific social background or some social problems emerging during the transition period of the society. Therefore, we should start with social transformation and policy adjustment. Third, some imperfect aspects in the growth of the “sub-mono-children”, as the educated, are closely related to the education system, family education and social cultural environment so that it is of great importance for the schools, the families and the society to have synergy for education resource. The “sub-mono-children” boast so many new characteristics that, in the final analysis, are determined by the environment reflecting the social advancement. In the meantime, we should be aware of the objective necessity of the problems brought by the

“sub-mono-children” and that it is possible to solve these problems. In addition, the problems of teen-agers and the social problem share some common features in nature. The challenges of the youngster’s growth should be solved from the point of social development.

4.2. Explore various ways to secure the raising of sub-mono-children

First, the assistance services for “sub-mono-children” families should be advanced to improve the child-rearing capability. For those families which are not able to take good care of the children temporarily or in longer period due to some reasons, the child-rearing allowance, care and nursery services are to be offered. The parent schools are set up in the communities to equip the grandparents with modern child-rearing know-how and skills through training to ensure a sound environment for the growth of the “sub-mono-children”. Second, the employment support plan is implemented for the “sub-mono-children” families to provide employment support services for those families with minors and basic living allowance in urban and rural areas, in an effort to enhance the parents’ ability of child-rearing and finding jobs. Third, the services of children nursery should be provided. Full-day, half-day or hour-based nursery services are provided for those families that are not able to take care of the children under the age of 10 during daytime or other periods. In doing so, the children from the families in need can be taken better care of. Forth, the team of social workers for teen-agers should be built up. A certain number of social workers for the youth must be assigned for each community (town), and a team of professional social workers shall be built up. Through the system of social workers, the child-rearing conditions can be improved to enhance the teen-ager welfare service quality.

4.3. Create a “three-combination” family education guidance network

In order to improve the quality of education for “sub-mono-children” families, a long-term mechanism to guide family education should be refined in an effort to drive construction of family education guidance network with the involvement of school, family and society, which is called “three-combination”. We should encourage various social organizations and private investment to create a rich variety of family education guidance and service organizations and ensure they are effectively regulated. Efforts should also be intensified to build a team of specialized social workers for family education. We should pay special attention to the management of access mechanism for family education institutions. Strict rules should be specified for the business license, teaching material, faculty quality and academic achievement of family education institutions to promote the development of family education market in an orderly manner. The authority of family education guidance institutions in each region should clearly specify duties and responsibilities of family education guidance and ensure the spending in the family education guidance work, while attaching importance to the appraisal of family education guidance. In addition, we should make significant efforts to build the communication force for family education guidance. Attentions should be paid to the family education theory, application study and teaching material. The family education guidance work should be youngster-oriented, respect the physical and mental development of teen-agers,

and comply with the personality and natural instinct of teen-agers. The essential conditions and life scenarios should be created for the youngsters. The legal rights and benefits of the youth should be protected, thus promoting the natural, comprehensive, and sound development of teen-agers. Moreover, the concept of serving parents with them at the core should be established with understanding their demands, adapting to their characteristics and respecting their wishes. The parents should be encouraged to participate in and play a proactive and leading role in the guidance. Third, the principle of “multi-party interaction” should be followed to create the environment and conditions for the dual-way communication between the instructors and parents, between parents and parents, and between parents and children.

4.4. Take into account both family age-old support and social endowment system construction

While addressing the challenge the “sub-mono-children” will face in old-age support, we should also lay stress on the construction of family and social old-age support system to guarantee that family old-age support and social security can develop on an equal footing and complement each other. For family old-age support, the first is to constantly strengthen the education of respecting the old, taking care of the old and supporting the old to carry forward the Chinese ethic advantage in family old-age support and promote the culture of old-age support focusing on “family virtue”. Second, we should be committed to improving the social security system in an effort to solve the problem of economic security for the old. The “sub-mono-children” family shall be encouraged to give full play of its health-care function in old-age support. This is the fundamental method to enhance the quality of family old-age support. Third, efforts should be made to enable the parents and grandparents of the “sub-mono-children” to be fully aware of the aging trend in our country and make early preparation for their later life, including purchasing pension insurance and saving money. Forth, various levels of welfare facilities should meet the needs of the old and care-takers. The functions of these facilities should be enriched to improve the quality of care services, reduce the service cost and lower the service fee. In addition, the society should have defined systems and laws to enable the “sub-mono-children” families to enjoy a sound family old-age support mechanism backed by laws and governed by ethics.

4.5. Provide educational support for the socialization of sub-mono-children

First, we should guide the “sub-mono-children” in core values while respecting the spirit of freedom. For the core values, efforts should be made to emphasize honesty, friendship, reverence, cooperation and respect. For the method to create the core values, the adults should behave as examples for the youngsters to follow the core values. The guiding approaches should adapt to the social life whose function of guidance should be considered. Second, the “sub-mono-children” should be provided with the opportunities of social practice that helps them contact the society, broaden the vision and knowledge, develop the ability of dealing with the world and social life, and build up good social relations. The psychological competence of the teen-agers should be developed in terms of facing setbacks, getting out of difficulties

and overcoming obstacles. The spirit of dedication should be advocated. The consciousness of citizenship and sense of social responsibility of the youngsters should be enhanced. Therefore, we should encourage the young students to take part in the social practices and make related public resources open to the teen-agers. Third, efforts should be made to carry out psychological and life education for “sub-mono-children”. In order to handle the psychological health issue of some “sub-mono-children”, we should pay attention to the overall quality and sound emotion and try best to free them from psychological burdens and create a healthy and active environment for development. The school, family and society should cooperate to build the psychological support system based on the needs of the youth through “three combination” of family, community, school and society. In doing so, the teen-agers may develop their concept of happy attitude towards life.

References

1. *Du Ping*. Sixty Years of Fiscal and Economic Revolution, China's Stepping into New Era [opinion column] / *Du Ping* // United Morning News. – 2009. – Aug. 19.
2. *Xu Qin*. Child-rearing by Grandparents Is Harmful to the Growth of Sub-mono-children / *Xu Qin* // Shanghai Evening Post. – 2010. – Febr. 8.
3. *Bao Leiping*. New Trend of Family Education, in Urban Transformation and Family Education / *Bao Leiping*. – Shanghai Culture Press, 2006.
4. *Di Zhenwu*. Build a Well-off Society and Solve the Challenge of Population / *Di Zhenwu* // Demographical Research. – 2003. – № 1.
5. *Yao Liping*. Surging Demands for Old-age Care for the Parents of the ‘Only Child’ / *Yao Liping* // Xinmin Evening News. – 2008. – Sept. 26.
6. *Wang Feng*. Initial Exploration of Negative Growth of Chinese Population in the 21st Century / *Wang Feng* [et al.] // Demographical Research. – 2008. – N 6.
7. *Wang Junxiu*. How Long Will China See the Shortage of Labor Force? / *Wang Junxiu* // China Youth Daily. – 2008. – May 9.
8. *Shen Zuyun*. What Is the Reason of the Poor Health of the Youth? / *Shen Zuyun* // China Education Daily. – May 17.
9. *Yu Zi*. Pay Attention to the Growth Metabolism of ‘Sub-mono-children’ / *Yu Zi* // Labor Daily. – 2010. – Apr. 26.

Date accepted 18.10.2015.

ZHANG LIANG,

Assistant Research Professor, Institute of Sociology, SASS

DINK FAMILY: THE FASHION OF THE YOUTH? – A CROSS-NATIONAL COMPARATIVE STUDY¹

This paper compares China and developed countries in people's attitudes and preferences to leading a childless life. Using statistics about lifelong childless females in multiple countries, as well as sampling data in China, the paper gives a systematic description and analysis of the trends and the characteristics of childlessness both in China and developed countries. It is found that childbearing is no longer a necessity of marriage, especially in Western countries. When it comes to the individual choice of childbearing, however, people generally hope to be parents, and DINK (Double Income, No Kids) therefore is only an ideal option for a small minority. The childless rate developed in a U-shaped trend in the 20th century, while the rising average ages of first marriage and first childbearing forecasts that the trend of growing childlessness rates will continue. Currently, the proportion of lifelong childlessness among Chinese couples has always been kept at an extremely low level, and DINK families in China demonstrate no trend of gradual expansion.

Keywords: DINK attitudes, DINK behavior, late childbirth, cross-national comparison.

СЕМЬЯ DINK: МОЛОДЕЖНАЯ МОДА? – МЕЖНАЦИОНАЛЬНОЕ СРАВНИТЕЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

В статье Китай сравнивается с развитыми странами в отношении установок и предпочтений людей, ведущих бездетный образ жизни. На основе статистики о пожизненно бездетных женщинах в разных странах, а также выборочных данных в Китае, в статье представлено систематическое описание и анализ тенденций и характеристик бездетности как в Китае, так и в развитых странах. Обнаружено, что рождение детей больше не является необходимостью брака, особенно в западных странах. Однако когда происходит индивидуальный выбор в вопросе рождения ребенка, люди, как правило, надеются стать родителями, а семья DINK (двойной доход, отсутствие детей) является идеальным вариантом для меньшинства. Уровень бездетности развивался в виде U-образной тенденции в XX в. В XXI в. средний возраст вступления в первый брак увеличивается, перспективы рождения первого ребенка отдалаются, отражая тенденцию роста уровня бездетности. В настоящее время доля бездетных китайских пар традиционно сохраняется на крайне низком уровне, а семьи DINK в Китае не демонстрируют тенденцию значительного распространения.

Ключевые слова: установки семей DINK, модель поведения DINK, поздние роды, межнациональное сравнение.

Being parents is a matter of significance as in the process of childrearing one gets abundant rewards both in social and individual terms, such as the delight and gratification of being parents, the perception of life and individual growth, the en-

---

¹ The paper in Chinese was originally published in *Youth Research*, vol. 5, 2012.

largement of the social circle as well as the experience of extending the life line, to name just a few [1]. Nevertheless childlessness has pronounced itself as a crucial factor resulting in low birth rates in the developed countries in recent years and the decrease in population in the future. Amongst the women born in the 1950s in Western Europe, for instance, there were 10–20 % of them without any childbearing experience [2]. Childlessness, which is to the detriment of human reproduction and social extension as well as impacts the individual especially the life in the old age, has been a research subject for western scholars since the 1970s [2].

Since 1980s when the concept of DINK (Double Income No Kids) was introduced into China from the West, the preference and behavior of voluntary childlessness has gained attention of domestic scholars while the DINK inclination along with the scale and developing trend of such families have become the focuses for research. But due to the lack of professional caliber, some researchers usually give wrong interpretations to relative statistic data. For example, some people came up with an estimate that “DINK families have accounted for over half of the total families in the US” [3] from the statistic data that “the annual analysis report published in May of 1994 by the US Census Bureau shows that in 1993 there are altogether 61.8 million families in US, among which 34.8 million are families without children”. Moreover, such misleading conclusion was repeatedly diffused [4]. Even some researchers mixed up the difference between DINK preference and DINK behavior, postponed childbirth/temporary childlessness and lifelong childlessness and then drew the conclusions that “Currently the large and medium-sized cities of China have seen the emergence of 600,000 DINK families of voluntary childlessness”, “DINK families with married couples but no child have accounted for 12.4 % of all families in Shanghai”, and “DINK husbands and wives in Guangzhou surged from 30,000 in 1986 to 100,000 in 1989” [5; 6]. In addition, as the DINK phenomenon has long been the concern in media, reports regarding the DINK preference among Chinese young people or the scale of China’s DINK families are often read in various newspapers and magazines where such exclamations as “Dozens of Chinese do not want children today anymore!”, “People born after 1980s would rather live without kids!” and “The DINK pattern is sprawling around in China!” Fueled by media for long, the young people in China seem to have found DINK more and more acceptable, and the DINK phenomenon appears to be on the rise. People thus shifted their worries of too many children to no child.

Did parenthood really lose its appeal to young people? Is the DINK inclination gaining more and more momentum with the development of social economy? At which level are China’s DINK attitude and behavior staying compared to those of the developed countries? This paper, by comparing the childlessness preference and behavior in China and in the western developed countries, attempts to present a true visage of the childlessness phenomenon.

1. Attitude: Childbearing No Longer a “Necessity” of Marriage

For a long time, the society treats the unwillingness to be parents as a shame. It is deemed a responsibility dodge and self-indulgence to choose a childless life after

marriage. Not until one becomes a parent can he/she settle down in a social identity marked with maturity and responsibility [7]. Accordingly an individual considers that parenthood signifies adulthood rather than such other events as marriage or employment [8]. Not until 1960s did people's acceptance of childfree begin to grow and it was from then on that multiplying the earth was no longer deemed as a "necessity" of marriage.

One American panel study on intergeneration finds that in 1962, 85 % of mothers sided with the claim that "married couples should produce their offspring as long as they have the ability to" and in 1980, such proportion fell to 40% while the 1990s witnessed the maintenance of the proportion in the last decade [9]. Quite a number of attitude polls conducted in Netherlands also suggested that the proportion against childfree was dropping continuously. In 1965, there were 68 % of the people expressing their opinion against "childfree among couples". In 1970, such proportion fell to 29 %, down to 8% in 1980 and in 1995, there were only 4 % who thought the choice unacceptable [10]. As is indicated in the investigation results of America and Netherlands, the time juncture at which people's attitude toward child-free experienced a noticeable and profound change was found to be in the 1960s and the 1970s, a period when there was a sharp growth in the general acceptance of non-traditional familial behaviors such as premarital sex, cohabitation outside wedlock and childbearing outside wedlock, to name just a few.

Despite the fact that people's attitudes toward DINK have been through a substantial transition over the past several decades, there exists a prominent distinction between generations in their acceptance of childfree. Let us take the aforesaid panel study on intergeneration carried out in the US as the reference. Surveys conducted in the early 1980s on daughters of these mothers in the above study suggested that the daughters saw parenthood less as an "obligation" than their mothers did and in the following 13 years daughters who seconded such opinion kept decreasing [9]. Based on the data from the International Social Survey Program (ISSP) conducted in 1988 by Britain, Ireland, USA and former West Germany, it can be concluded that the elderly showed less esteem of childless marriages, and over half of the program respondents over 60 years old supported the view that "a marriage without children is incomplete" (see table 1).

Table 1. Support for the View that "A Marriage without Children is Incomplete" among Respondents born in Various Periods (Unit: %) [10]

	Male (Year of Birth)			Female (Year of Birth)		
	-1930	1930-1949	1950-1970	-1930	1930-1949	1950-1970
Britain	73	54	35	63	40	29
Ireland	55	59	45	54	48	39
USA	64	46	34	56	46	34
West Germany	54	45	24	51	40	24

The tolerance of childfree among various countries is also in great difference. According to the findings of the two international comparative researches conducted in 1992 and 2002, there was a highest degree of support among female from Britain and Sweden regarding the opinion that “marriage is not necessarily bound to children”. Over 80 % of them voiced the support in both researches. By contrast, the attitudes of the women from the US were somewhat capricious regarding the same view point. The group in favor of “marriage is not necessarily bound to children” fell from 87 % in 1992 to 66 % in 2002. Compared with British and Swedish female, French and German women were more conservative, only 60 % of whom in favor of childfree life style. In contrast, more Asian women viewed the childbearing as the “necessity” of marriage. There had been fundamentally no change in the attitudes of Korean women regarding the childfree within a decade, and a steady 40 % of them were in favor of the point that child is not the necessity of marriage. Nevertheless, there was an obvious transition in Japanese women’s attitudes in the meanwhile. Though they became more tolerant of DINK, the general acceptance was still lower than that of women in the Western countries (see fig. 1).

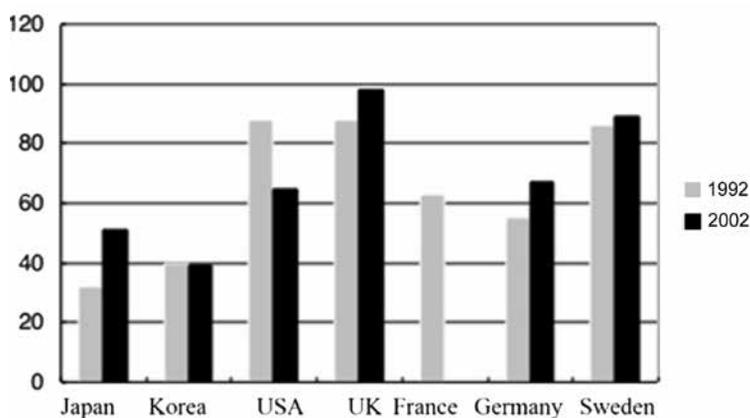

Fig. 1. An International Comparison of Female Support of the Thought “Marriage is not Necessarily Bound to Children” (%)¹

Then how is the attitude of Chinese toward the DINK families? The results of the 2006 Chinese General Social Survey (CGSS) showed that only 25 % of the respondents supported the idea that “marriage is not necessarily bound to children”. Further analysis suggested in spite of the fact that young, urban, highly educated respondents tended to hold higher acceptance of DINK families, there was only a proportion of 30 % of them endorsing DINK families even if these respondents

¹ For materials in 1992, please refer to “International Comparative Survey on Issues of Female”, compiled and published by Bureau of Citizens and Cultural Affairs in Tokyo, Japan in 1994. The materials in 2002 were prepared according to the Year 2003 figures presented in the “International Comparative Survey on Men and Women’s Equality in Social Activities” compiled by Gender Equality Bureau, Cabinet Office, Government of Japan.

were born after 1970s (the so-called “post-70s” and “post-80s”). This indicated that compared with people in the developed Western countries, most Chinese held conservative view of childbearing and parenthood was regarded as a must in life. Even in comparison with her Asian neighbors like Japan and Korea, China appears to be the least tolerant in her favor of DINK families.

2. Preferences: DINK – An Ideal Only for the Minority

Just as is pointed out by A. Thornton and L. Young-Demarco in the four decades of trends in attitudes toward family in the US, there is a difference between the acceptance of DINK and the readiness to lead a DINK life [9]. Although childfree is no longer deemed as a shame and it has been accepted by more and more people that childbearing should be up to one’s own discretion, parenthood is none the less considered an integral achievement in life. Worldwide research findings also showed that DINK is only an ideal of the minority.

In Europe, the survey data of 2005 suggested among the 15 EU nations only an average rate of 4% women aged from 15–39 expressed that their ideal number of children was 0. Among these women, those in Austria had the strongest preference of DINK, reaching 11 %, those 10 % in Luxembourg ranked the second, and Germany and Finland were both the third with 7 % of support the above 0 child ideal [11]. GSS results showed that among women falling in the age group of 18–44, only 2 % in 1966 said they would not like to have a baby and the rate rose to just 6 % in 1988 [12]. According to another US family growth survey, from 1982 to 1995, the rate of childless preference among teenage girls was kept steadily at a low level [9].

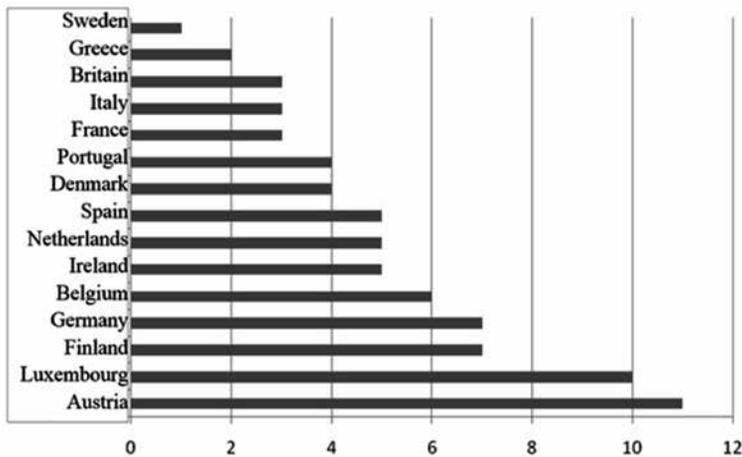

Fig. 2. The Proportion of Women Aged from 15 to 39 in EU Nations with a Childless Preference [13]

Then what about the DINK preference of the Chinese? Is it really like what the media said, “Dozens of Chinese do not want children any more today”? The outcome of real case investigations, however, has repudiated that. In China, DINK is also a childbearing preference among the few. As was suggested by the survey con-

ducted on childbearing-age women ($n = 39\,586$) of the 2001 National Birth Planning and Reproductive Health Survey, among women of the age groups between 20–29 and between 30–39, those with a zero-child preference only accounted for 1,3 % and 0,8 % [14] respectively. The 2006 China General Social Survey (CGSS) had a comparable finding that the women aged 20–29 and 30–39 with a zero-child preference were 3,5 % and 1,4 % respectively. The rates among the men of the same age groups were 1,6 % and 2,4 %.

Either study conducted in the western countries or the ones in China came to the same conclusion that in spite of people's growing acceptance of diversified childbearing options, they hoped to become parents and there was no decline in such will. The findings of the "Monitoring the Future" research which has been conducted by Survey Research Center of University of Michigan annually on senior high school students of the US since 1976 also suggested that the proportion of students in favor of childbearing as a life value stayed between 60 % and 70 % from the early 1980s to the end of 1990s [9].

3. Behavior: Distinction between Lifelong Childlessness Rate in China and Overseas

It was not until the middle and later period of 1960s did the significant transition take place in people's attitudes toward reproduction that childbearing was no longer deemed as a compulsory "obligation" for married couples. However some scholars have found in their historical research on childlessness that in Western Europe, Northern Europe, the US and Australia, childlessness behaviors have a long history [2]. As early as in the 19th century, a number of women were lifelong childless all through their lives. Data from the US and Australia showed that among women born in the middle and late period of the 19th century, the rate of those without a childbearing experience fell somewhere between 15 % and 25 % [15; 16]. In Europe, about 24 % of the Dutch women born between 1880 and 1884 and 26 % of the West German women born between 1885 and 1889 lived and died childless [2]. But due to Thanks to the comparatively high birth level rate at that time, childlessness did not stand out prominently in terms of the social impact. Until the 1970s, with the continuing low birth rate and shrinking family scales in the western countries, the impact brought forth by young people's postponed reproduction and childlessness on population growth and long-term population decline was more and more noticeable, childlessness was treated as a subject of importance in reproduction researches.

It is usually till the end of one's fertile years that we may decide if it is childlessness for a lifetime. Such point of time, generally speaking, falls between 45 and 49 to a woman [13]. Owing to the fact that reproduction research usually focuses on the childbearing behaviors of females (and so does the research on childlessness), the data of male lifelong childlessness is scarce [17]. Therefore data of childless women will be used below to describe the chronological transition and the trend features of the childlessness rates in the developed countries. Table 2 demonstrates the proportion of female who were born between 1920 and 1965 in different countries and had never given birth by the end of their fertile years.

Table 2. Proportion* of Women Born in Different Years Who Had Never Given Birth by Age 45** (%)

	Year of Birth											
	1920–1924	1925–1929	1930–1934	1935–1939	1940–1944	1945–1949	1950–1954	1955	1960	1963	1964	1965
Austria			16	14	15	15	17	15	17	18	22	21
Belgium	12 ^a		16	14	13	13	14	15				
Denmark						9	11					
England & Wales	21	17	14	13	12	10	14	16	19	20	20	21
Finland	18	16	16	15	14	14	15		19	20	20	
France	19	16	13	11	11	11	12	8	10			
Germany (West Germany)	17		10	10	12	14	18	20				
Italy	16	15	13	10	14	12	12	13	15	18	20	
Greece					11	12	10	8	11	15	16	16
Netherlands	15	14	12	12	12	11	15	17	18	18	18	18
Norway		10 ^a		9	9	9	11	14				12
Portugal	17	17	14			11	10	10		5	5	4
Spain	14 ^a				12	11	10	9	10	12	12	13
Sweden			14	13	13	13	15	13	13	13	13	13
Australia	15	11	9	9	9	10 ^b	13					
New Zealand	13	11	9	9	9	10	12 ^b					
Canada	10 ^a	8 ^a	7 ^a									
America	17	14	13	10	9	11	17	16	15	15	15	14

Note: * In real statistical cases, it is commonly seen overseas to treat the childless women by their age of 45 as the lifelong childlessness;

** Unless otherwise specified, the proportion of lifelong childless women refers to the proportion of such women out of all in a country;

a. The lifelong childlessness proportion among the married women;

b. The proportion of women aged from 40 to 44 without a childbearing experience [13].

The lifelong childlessness statistics of women born in different periods in the major developed countries have manifested two important characteristics. One is that among all the women born between 1920 and 1944, there was a declining trend of the proportion of those without children. The other is that the childlessness proportion of women born after 1945 gradually went up. To put it specifically, women born in the 1920s held a comparatively high rate of childlessness. Data from England & Wales, France, Germany, Finland, Italy, Portugal and the US suggested that about 15 % to 20 % women born between 1920 and 1929 lived in a lifelong childless state. Women born later had a continuously declining rate of childlessness, with the lowest point found in women born around 1940 and many countries having the rate down to roughly 10 %. Women of this age group had a fertile period precisely before the 1980s when “Europe’s second demographic transition” took place [18]. However the rate of childless women recovered in those born after 1945. In such regions as Austria, England and Wales, up to 21 % of the women born in 1965 were childless and the figure was 20 % (of all the women born in 1964) in Finland and Italy and 18 % in the Netherlands.

Quite a few scholars have conducted analysis and discussions about the reasons of change in the childlessness rate of women in the 20th century. As for the reason of the childlessness rate decline found in women born between 1920 and 1940, researchers reach a consensus that it was the continuous reduction of the “involuntary” factors leading to women’s childlessness. As the social economy and medical science leveled up, possible factors resulting in women’s childlessness such as malnutrition, tuberculosis, malaria and genetic factors were gradually removed [19]. On the other hand, the “marital revolution” which took place in Europe during the first half of the 20th century altered the marital mode that had been adopted since the middle and late period of the 19th century. The fact that women born between 1920s and 1940s, generally speaking, married at an earlier age and had a higher marriage rate than the women born in the earlier times reduced women’s childlessness rate due to postponed marriage or single [20; 21].

As for the gradual recovery of the childlessness rate among women born after World War II, some researchers attributed it to the increase of women with childfree preference, maintaining that it was a phenomenon caused by the factors leading to low birth rates like urbanization, individualism and the pursuit of freedom [19; 22; 23]. There were still some other researchers who believed it was due to the “involuntary” factors. For instance, the rivalry and confrontation between certain factors and reproduction behaviors made women with childbearing inclination finally give it up. These competitive factors included pursuits of education, career and income and also incorporated the wishes to escape from the tedious grinds suggested by bringing up children [24].

Since the DINK concept was introduced into China from the West, the domestic researchers and the media came to the same estimate that with the economic development, the scale of China’s DINK families would keep expanding till it finally reached the level of developed countries. Then how far has China’s childlessness rate developed? Has the proportion of lifelong childlessness been kept in a continuously growing trend, just as that of the developed countries, for the past several decades? Unfortunately there has been so far no such data available in China and we can only procure some pieces of information through a few national sampling surveys about the chronological transition of childlessness.

The findings of the 2001 National Birth Planning and Reproductive Health Survey revealed that within the age group of 40~49 (born between 1952 and 1961, $n = 10,074$), the proportion of childless women was only 1,3 %. The figure, being 2,2 %, was no higher within the age group of 30~39 (born between 1962 and 1971, $n = 14,716$) [14]. The two China General Social Surveys (CGSS) conducted respectively in 2006 and 2008 enabled us to obtain a general knowledge of the childlessness proportions of males and females of a larger variety of age groups.

From table 3, it could be seen that the results from the national samples of both surveys were generally the same. The lifelong childlessness proportions of the surveyed people born in different periods were positioned at an extremely low level. Among the married respondents born before 1965 (including those divorced and

Table 3. The Childlessness and Married Proportions of the Respondents Born in Different Periods (%)

Year of Birth	2006		Year of Birth	2008	
	General	Married		General	Married
1936–1944 (<i>n</i> = 269)	1,1	0,4	1910–1944 (<i>n</i> = 537)	0,9	0,6
1945–1949 (<i>n</i> = 289)	0,3	0,3	1945–1949 (<i>n</i> = 456)	1,3	0,7
1950–1954 (<i>n</i> = 440)	1,4	0,5	1950–1954 (<i>n</i> = 562)	1,2	0,5
1955–1959 (<i>n</i> = 286)	1,4	0,4	1955–1959 (<i>n</i> = 588)	1,0	0,3
1960–1964 (<i>n</i> = 347)	1,4	0,3	1960–1964 (<i>n</i> = 681)	2,5	0,9
1965–1969 (<i>n</i> = 396)	3,5	1,6	1965–1969 (<i>n</i> = 765)	2,0	1,3

widowed), the childlessness rate of both surveys was within 1 %. The rate of those married respondents born between 1965 and 1969 rose slightly but was still below 2 %. It was thus apparent that with a noticeable distinction from the western countries, China did not present the trend of a growing childlessness rate.

4. Late Childbirth: An Existing Universal Tide

Quite a number of people treat the rise of the childlessness among young people as the spread of the DINK phenomenon. In fact, however, the childlessness rate of a certain generation cannot be figured out till the end of the fertile years of these people. For the young generation who are still with the fertility, it is hard to decide whether childlessness is a status for the time being or for permanency. But it can be sure that as people keep putting marriage off, late childbirth has been a general and universal tide.

As is show in table 4, it is found in most countries that women over 30 years old without a childbirth experience are increasing prominently in number. Among all the women born in 1970, more than half of those in Spain, Ireland, Netherlands and Italy are childless at 30. The rate in Poland and Hungary, though slightly lower, is over $\frac{1}{4}$ after all.

In light of young people's postponed marriage and parenthood, overseas scholars have reached a consensus that the childlessness rate of women born after 1960 will keep rising. They also predict that the childlessness rate of countries in a majority will remain high at 20 % [2]. Existing research findings show that postponed childbirth may result in unexpected effects, such as decreased fertility with the increase of age, and may finally lead to involuntary childlessness. Consistently postponed childbearing may also make the people accustomed to the DINK lifestyle unwilling to embrace a change in their life and meanwhile they are likely to make greater efforts in their pursuit of career achievements (especially the women) and eventually give up reproduction [25]. Taking German couples that got married in 1965 as the research objects, Schwarz once found that those without children in the first decade of their marriage would basically keep the DINK state on in their later life [2].

Table 4. Proportion of Women Born in Different Periods Who Were Childless at Age 30 (%) [13]

	Year of Birth		
	1950	1960	1970
Spain		31,8	59,6
Ireland		37,9	56,9
Netherlands		44,9	56,1
Italy	29,1	36,6	53,8
Greece		24,2	48,5
Finland	24,3	38,1	47,0
Germany (West Germany)		37,0	47,0
Sweden		36,0	44,7
Denmark	20,0	34,0	37,7
America		31,7	32,6
Norway	16,9	25,9	30,1
Slovakia	14,8	14,5	29,7
Germany (East Germany)		11,0	29,0
Poland		16,5	26,1
Hungary	14,7	13,6	25,4
Average of the 14 nations of OECD		28,3	40,5

In addition, the time at which a woman gets married will also influence her fertility. Women who get married later have a much higher childlessness rate than those who get married earlier. German studies suggested that among women born after 1945, the childless rate of those who get married after 30 was quadrupled that of those married in their twenties. Studies of other European nations and the US give the similar results [2]. The reason is that late marriage shortens the time of pregnancy and married couples know much more of contraception so they are more used to the DINK lifestyle [26].

Then in China has late childbearing become a trend as well? Compared with the elder generation, are the young people postponing their childbirth? Let us continue looking at the question with the rate of the childless people at the age of 30. Data of the 2008 CGSS showed that in rural areas the female respondents gave a very low childless rate at 30, which was only 5,8 % even among those born in 1970s. By contrast, their urban counterparts presented a comparatively higher childless rate at 30, which was 11,5 % among those born in 1970s (see table 5).

Table 5. Proportion of Women Born in Different Periods Who Were Childless at Age 30 (%)

	Year of Birth		
	1950–1959	1960–1969	1970–1978
Cities & Towns	4,6	6,2	11,5
Rural Areas	2,8	1,2	5,8
Nationwide	3,6	3,5	8,6
Samples	615	781	651

Compared with the above OECD nations, however, China's late childbirth rate is conspicuously lower. This at least implicates that the phenomenon of late childbirth turns out to be a trend in the cities of China. But due to its low rate in traditional terms, it is safe to expect a slow growth at the moment and in the future.

5. Conclusion

Although media sends the exclamations like "People born in the 1980s do not want children any more today!", "The scale of China's DINK families keeps on increasing!" from time to time and dozens of researchers maintain that the phenomenon of DINK in China will be as prevalent as in the developed countries with the economic and social development, these estimates or arguments have not revealed a true panoramic view of the attitudes toward, preference and behaviors of childlessness in China as much as in the developed countries. The research here employs the empirical research materials to compare the childfree attitudes and preference between China and the developed countries, conducts a systematic description and analysis of the developing trend and characteristics of childlessness in China and the developed countries by referring to the statistics of women in a lifelong childless state, courtesy of a number of countries and the sampling survey data of China.

According to research findings, there is a noticeable and pervasive change in people's attitudes towards childfree and the belief of reproduction as something out of one's own selection is being accepted by more and more people. In the western countries, in particular, childbearing is no longer a necessity in life, and it is considered as one's private affairs to decide whether to have babies, when to have and how many one should have, thus making diversified reproduction inclinations a tide. In Japan and Korea, the two nations of Asia region, the social acceptance of child-free has increased but it is still no rival to western countries in measure. In comparison, China's social attitudes toward DINK are more conservative and parenthood is still deemed as an integral part of life.

In the matter of individual DINK preference, those developed countries with a diversified childbearing notion as well as China where social economy is in a rapid transition, witness people's wishes to be parents, though the diversified childbirth options are more and more accepted. The fact that only those in a minority take DINK as the ideal choice for reproduction and people's preference for parenthood gets no less intense at all.

The article, moreover, by utilizing adequate and accurate data, portrays and analyzes the chronological transition and trend features of the lifelong childlessness of women born between 1920s and the middle 1960s in Europe, Australia and the US. The outcome shows high similarity in the transition mode of the childless rates of women from different nations. Among women born between 1920 and 1945, the childless rate kept decreasing. Among the generation born after World War II, women's childless rate gradually recovered. In light of the results of several national sampling surveys, the rate of lifelong childlessness of Chinese couples born in different periods has always been kept on an extremely low level. There has not been a trend of continuous growth in China's childless rate.

Last but not the least, as for the younger generation still in their fertile years, the existing statistics suggested that late childbearing had become a worldwide trend and that the childless rates of the developed countries will keep rising. In China, the universal trend of marriage and reproduction has not changed in the younger generation. Thus it is safe to estimate that the proportion of DINK families in China will stay at a very low level for a certain period and the scope for increase, if it should, will be quite small. The article views that in China's rural areas which are influenced by the cultural traditions in the widest sense and where children continue to serve as the labor force as well as their parents' supporting guarantee in elder age, the childrearing cost being relatively low in addition, the DINK notion to people there are nothing less than impossible. Even in the cities, as the fruits of love and the relationship nexus between couples, children who bring forth psychological satisfaction and happiness enable their parents see more of life's significance and help them become more mature with a growing sense of care and responsibility. Therefore young people tend to choose to have fewer babies for the sake of eugenic birth rather than DINK. But as the society is more rational and diversified, we should also embrace with tolerance of various birth outlooks and lifestyles. Even if young couples prefer to lead a childless life, it is their choice to determine the life style. Parents and society are better not to reprimand or press them and should give them the freedom of choice instead.

References

1. *Umberson, D.* Parenthood and psychological well-being: Theory, measurement, and stage in the family life course / D. Umberson, W. Gove // *J. of Family Issues*. – 1989. – Vol. 10, iss. 4. – P. 440–462.
2. *Rowland, D. T.* Historical Trends in Childlessness / D. T. Rowland // *J. of Family Issues*. – 2007. – Vol. 28, iss. 10. – P. 1311–1337.
3. *Koropeckyj-Cox, T.* Characteristics of Older Childless Persons and Parents: Cross-National Comparisons / T. Koropeckyj-Cox, V. A. Call // *J. of Family Issues*. – 2007. – Vol. 28, iss. 10. – P. 1362–1414.
4. *Liu Jiesen.* DINK Family in the Perspective of Sociology / Liu Jiesen // *Society*. – 2000. – Iss. 3.
5. *Qi Lin.* The Population of Childfree – Analysis from the Sociology Perspective / Qi Lin // *Southern Population*. – 2001. – Iss. 4.
6. *Wang Haotian.* The DINK Phenomenon in China and its Influence on the Economic Society / Wang Haotian // *Productivity Research*. – 2009. – Iss. 16.
7. *Akerlof, G. A.* Men without children / G. A. Akerlof // *Econ. J.* – 1998. – Vol. 108, iss. 2. – P. 287–309.
8. *Hoffman, L. W.* The value of children in the United States: A new approach to the study of fertility / L. W. Hoffman, J. D. Manis // *J. of Marriage and Family*. – 1979. – Vol. 41, iss. 3. – P. 583–596.
9. *Thornton, A.* Four Decades of Trends in Attitudes toward Family Issues in the United States: The 1960s through the 1990s / A. Thornton, L. Young-Demarco // *J. of marriage and family*. – 2001. – Vol. 63, N 4. – P. 1009–1037.
10. *Dykstra, P. A.* Roads Less Taken: Developing a Nuanced View of Older Adults Without Children / P. A. Dykstra, G. O. Hagestad // *J. of Family Issues*. – 1998. – Vol. 28, N 10.
11. *Testa, M. R.* Childbearing Preferences and Family Issues in Europe [Electronic resource] / M. R. Testa. – Eurobarometer. – Mode of access: http://ec.europa.eu/public_opinion/archives/ebs/ebs_253_en.pdf. – Date of access: 24.05.2006.

12. Rovi, S. Taking 'no' for an answer: Using negative reproductive intentions to study the childless/childfree / S. Rovi // *Population Research and Policy Rev.* – 1994. – Vol. 13, iss. 4. – P. 343–365.
13. OECD Family Database SF2.5. [Electronic resource]. – Mode of access: www.oecd.org/els/social/family/database. – Date of access: 18.09.2013.
14. Qu Jianding. Family size, fertility preferences, and sex ratio in China in the era of the one child family policy: results from national family planning and reproductive health survey / Qu Jianding, Therese Hesketh // *British Medical J.* – 2006. – Vol. 333. – P. 371–373.
15. Morgan, S. P. Late Nineteenth-And Early Twentieth-Century Childlessness / S. P. Morgan // *American J. of Sociology.* – 1991. – Vol. 97, N 3. – P. 779–807.
16. Rowland, D. T. The Prevalence of Childlessness in Cohorts of Older Women / D. T. Rowland // *Australian J. on Aging*, 1998. – Vol. 17, iss. 1. – P. 18–23.
17. Greene, M. E. Absent and Problematic Men: Demographic Accounts of Male Reproductive Roles / M. E. Greene, A. E. Biddlecom // *Population and Development Rev.* – 2000. – Vol. 26, iss. 1. – P. 81–115.
18. Van de Kaa, D. J. Europe's second demographic transition / D. J. Van de Kaa // *Population Bulletin.* – 1987. – Vol. 42. – P. 1–57.
19. Poston, D. L. International Variability in Childlessness: A Descriptive and Analytical Study / D. L. Poston, K. Trent // *J. of Family Issues.* – 1982. – Vol. 3, N 4. – P. 473–491.
20. Haines, M. R. Long-Term Marriage Patterns in the United States from Colonial Times to the Present / M. R. Haines // *The History of the Family.* – 1996. – Vol. 1, iss. 1. – P. 15–39.
21. Toulemon, L. Very Few Couples Remain Voluntarily Childless / L. Toulemon // *Population: An English Selection.* – 1996. – Vol. 8, N 1. – P. 11–46.
22. Carmichael, G. A. Consensual partnering in the more developed countries / G. A. Carmichael // *J. of the Australian Population Association.* – 1995. – Vol. 12, iss. 1. – P. 51–86.
23. Poston, D. L. Voluntary and involuntary childlessness in the United States, 1955–1973 / D. L. Poston, K. B. Kramer // *Social Biology.* – 1983. – Vol. 30, iss. 3. – P. 290–306.
24. Yang Juhua. Contradiction of Preference and Behavior: a Research Comment on the Reproduction Preference and Reproduction Behaviors of Developed Countries and its Inspiration on China / Yang Juhua // *Sea of Learning.* – 2008. – N 1.
25. Bongaarts, J. Fertility and reproductive preferences in post-transitional societies / J. Bongaarts // *Population and Development Rev.* – 2001. – Vol. 27, iss. 2. – P. 260–281.
26. De Jong, G. F. Changes in childlessness in the United States: A demographic path analysis / G. F. De Jong, R. R. Sell // *Population Studies.* – 1977. – Vol. 31, iss. 1. – P. 129–141.

Date accepted 18.10.2015.

LIU WENRONG,

Associate research professor, Institute of Sociology, SASS

ATTITUDINAL CHANGES AND TRENDS OF MARRIAGE AND FAMILY IN TODAY'S CHINA¹

With the data collected in 2008 of the *Survey on Family Value Changes* (SFVC), this article described and analyzed the perception and changes of marriage and family, focusing on the attitudes towards marriage, divorce, childbearing, cohabitation, homosexuality and intergenerational support between adult children and their old parents. The article found that currently Chinese family values exhibit a clear tendency towards a mixture of a traditional Chinese way of “close intergenerational relationships” and “pure relationship” influenced by modernity and post-modernity. On one hand, under the influence of accepting individualistic concepts like equality, freedom, and democracy, people tend to emphasise more the liberation of the human being and pursue self-realisation, along with marital views emphasising more individual independence and autonomy. On the other hand, from the perspective of intergenerational values, China does not show the post-modern tendency that features the atomisation of family members and the disappearance of family links, which have appeared in Western societies. The mixed tendency and the familistic values of today's China are discussed in the context of Chinese welfare system transforming in which the family ties play more important role in economic and instrumental supporting for individuals.

Keywords: attitude, family value, familism, marriage, intergenerational support.

ИЗМЕНЕНИЯ В УСТАНОВКАХ И ТЕНДЕНЦИЯХ БРАКА И СЕМЬИ В СОВРЕМЕННОМ КИТАЕ

На основе результатов исследования «Изменение семейных ценностей» (SFVC), собранных в 2008 г., в статье описаны и проанализированы изменения в восприятии института семьи и брака, в контексте отношений к браку, разводу, деторождению, сожительству, гомосексуализму и межпоколенческой поддержке между взрослыми детьми и их пожилыми родителями. В статье установлено, что в настоящее время китайские семейные ценности демонстрируют четкую тенденцию к смешению традиционного китайского способа «близких отношений между поколениями» и «чистыми отношениями» под влиянием современности и постсовременности. С одной стороны, под влиянием принятия таких индивидуалистских установок, как равенство, свобода и демократия, люди, как правило, склонны акцентировать внимание на стремлении человека к самореализации, наряду с брачными отношениями подчеркивая индивидуальную независимость и автономию. С другой стороны, с точки зрения межпоколенческих ценностей, для Китая не характерна постсовременная тенденция, характеризующаяся атомизацией членов семьи и исчезновением семейных связей, которая появилась в западных

---

¹ This paper has been published as a part of the chapter “*The Transition of Chinese Families over the Past Thirty Years (1978–2010)*” in Zambor Rajkai edited (2014), *Family and Social Change in Socialist and Post-Socialist Societies: Changes and Continuity in Eastern Europe and East Asia*, Netherlands: Brill.

обществах. Смешанная тенденция и фамилистические ценности в современном Китае обсуждаются в контексте трансформирования китайской системы социального благосостояния, в которой семейные узы играют более важную роль в экономической и инструментальной поддержке индивидуумов.

Ключевые слова: установка, ценность семьи, фамилизм (семейственность), брак, межпоколенческая поддержка.

Family values mainly include two aspects: the perception of marriage and the perception of generational relationships, in other words, people's basic ideas and opinions of the husband – wife relationship (marital relationship) and the parent–child relationship (blood relationship). To be more specific, the perception of marriage includes: people's basic ideas on love, expectations toward their spouses, opinions on different forms of marriage, attitudes towards sexual behavior, etc. [1]. The perception of generational relationships includes the desire and purpose of raising children, the wish and expectation for supporting parents, the acknowledgement of generational authority, etc. As the connotations of 'family values' are extensive, we are not able to analyze all these ideas and notions in this chapter, and therefore only those indicators that are commonly used in the research community and are most debated by the general public will be examined.

The data in this paper all come from the *Survey on Family Value Changes* (SFVC) unless otherwise indicated. The survey was carried out in the city of Shanghai and Lanzhou (lies in Northwest China) in 2008. A stratified multistage probability sampling method was adopted and families were selected from forty-three neighbourhood/village committees, twenty-two streets/towns, nine districts/counties of Shanghai, and thirty-three neighbourhood/village committees, ten streets/towns, four districts/counties of Lanzhou. Family members aged between twenty and sixty-five, and those whose birthdays were nearest to 1 July were chosen to be interviewees. The door-to-door questionnaire interviews were carried out by trained interviewers. Of the final valid samples, 1,200 were from Shanghai and 1,000 from Lanzhou. The average age of the interviewees was 43.4 [2].

Attitudes towards Intergenerational Support

The Idea of Filial Piety Is Still Generally Accepted

The traditional Chinese notion of 'filial piety' has various connotations. It refers to 'the elders rule' culture and makes up a complete system which focuses on familism, covering the daily support of parents, inheritance commitments and property, funerals and sacrifice, etc. China has forcefully adopted the policy of family planning and altered old customs and habits, advocating ceremonies which conform to simplicity. Within this context, the culture of filial piety that emphasises 'bearing sons to carry on the family line, leaving future generations for the family' and 'burying and sacrificing to the dead with proper ceremony' has been greatly restrained. As individuals have few choices in this respect, this chapter will not go into this issue in detail, but chooses only four aspects for analysis: supporting and waiting upon parents, attendance upon elders, bringing glory to parents, and being obedient to parents.

Table 1. Attitudes towards the four aspects of filial piety

Indicators	Question items	Sample numbers	Agreement	Mean* value	Standard deviation
Support parents	Children should try their best to support their parents and make their parents live more comfortably	2,200	94.3	4.46	0.704
Attend upon parents	Children should live together with their parents when their parents become old and are not able to take care of themselves	2,200	83.2	4.10	0.947
Bring glory to parents	Children should strive for a promising future so as to bring glory/pride to their parents/family	2,200	86.1	4.27	0.901
Be obedient to the parents	The authority of father in the family should be respected whatever happens	2,200	74.5	3.90	1.068

* The range of mean value is from 1 to 5. Options 1–5 stand for “totally disagree”, “not totally agree”, “not be able to clearly express it/it doesn't matter”, “somewhat agree with it”, “totally agree” respectively.

Source: *Survey on Family Value Changes* (2008).

First of all, traditional views of filial piety are still accepted by the majority of people in general. Just as the results displayed in table 1 suggest, in terms of mean value, the interviewees' attitudes towards “supporting parents”, “attending upon parents”, “bringing glory to the parents” were “somewhat agree” or “totally agree”, and their attitudes towards “be obedient to the parents” were close to “somewhat agree”. In terms of percentage, over 95 % people accepted the idea of supporting the parents, and over 80 % people accepted the idea of attending upon the parents, whereas only the idea of being obedient to the parents received less agreement (less than 80 %). The results of further grouping according to educational level indicate that the relation between education and the idea of bringing glory to, and being obedient to, the parents present a negative linear correlation, but the influence of education on the idea of supporting parents and attending upon parents is not obvious. That is to say, the core view on filial piety which emphasises supporting and attending upon one's parents is recognised extensively by all social groups. The study on current generational relationships by other researchers also suggest that there are no fundamental changes in people's attitudes towards supporting the aged, although changes have taken place in attitudes towards the traditional views on filial piety. The aged need care and support from the next generation, whereas the next generation also feels bound to look after and support their parents [3].

Secondly, almost 90 per cent of people accepted the idea of bringing glory to their parents, which suggests that the spiritually “harmonious symbiotic relationship” between parents and children still receives great attention. Further analysis demonstrates that interviewees who did not have brothers and sisters preferred the idea of bringing glory to their parents, which may be due to the fact that an only child receives more care and expectations from parents and has a stronger desire to reward their parents spiritually. Just as Sun Longji concluded, the Western way

of “cutting the psychological umbilical cord between parents and children” is not a tradition in China, because separation between parents and children means “the severing of the parent-child relationship” [4, p. 194–226]. This cultural psychology that has shaped Chinese people’s expectations from parents and children is very different from an individualistic culture. Mental and emotional separation between parents and children makes Chinese people sad and generates thoughts of “failing to pay back their parents”, and thus a sense of impiety can develop. The separation also creates a sense of having a thankless child, in turn suggesting “their failure in raising their children”. It also makes people have a sense of humiliation, which means family misfortune [5]. “Being grateful” to one’s parents is a source of children’s recognition of their self-value and a source of spiritual comfort for the parents, and in China at present it still has a value function similar to religion [6, p. 181].

Thirdly, authority based on the idea of being obedient to parents has received relatively less approval. Although over 70 % of interviewees supported the idea, it still received the lowest approval compared with other indicators of filial piety. This suggests that the concept “filial piety is obedience”, as advocated by Confucian culture, has become greatly challenged in China today. Moreover, the results of multivariate analysis indicate that regional economic development, urbanisation, and improved educational level all greatly reduced the approval of the idea of being obedient to one’s parents, suggesting that this idea is declining. The challenge to this idea reflects the fact that the authority of children has been rising and the relationship between generations has become equal in China; a trend that has been more obvious in one-child families. As some scholars have pointed out, intergenerational relationships tend to be more equal and democratic in China today, and intergenerational interactions pay more attention to spiritual exchange and independence, which has been one of the important consequences of the one-child policy since it was adopted over thirty years ago [7; 8].

Parental Concerns over Adult Children Receive Less Approval

In traditional intergenerational relationships, the filial piety of children is associated with the affection of parents. Researchers point out that there is never an absolute equivalence between the nurturing by the parental generation and the feedback from the offspring [9]. In fact, the intergenerational feedback model, and that of the family which cares for the elderly, can be realised only when parental “responsibility ethics” are emphasised. For example, only when the parental generation try their best to take care of their children and expect nothing in return, and attempt to reduce their children’s burden in supporting the aged, can a good relationship be formed between the parents and their children [10]. As mentioned above, in the familistic value system, parents’ responsibility for their children lasts for a lifetime, and they should not only raise their children to grow up, but also raise their children “well”, which means providing the best education for their children, helping them to establish their own family, and looking after their grandchildren. Table1 displays four indicators that express ideas of parental support for children. One of the four ideas refers to a general description of the parental image according to traditional

virtues – “parents would sacrifice every-thing for the sake of their children” (“sacrifice for their children” in brief); the other three indicators involve responsibilities shouldered by parents for their adult children during their different stages of life: “parents should bear all the costs for their children’s higher education” (“bear all the costs” in brief), “parents should provide a wedding room for their son/pay down-payments on property for their children” (“preparing a wedding room” in brief), and “grandparents are bound to look after their grandchildren” (“looking after grandchildren” in brief).

Table 2. Attitudes towards concepts related to parents supporting children

Indicators	Question items	Sample numbers	Agreement	Mean* value	Standard deviation
Being concerned about children	Parents would sacrifice everything for the sake of their children	2199	57,8%	3.50	1.316
	Parents should bear all the costs for their children’s higher education	2200	74,3%	3.87	1.105
	Parents should provide a wedding room for their son/pay down-payments on property for their children	2199	46,4%	3.20	1.188
	Grandparents are bound to look after their grandchildren	2200	33,1%	2.76	1.306

Note: *Value range from 1 to 5 and options 1–5 stand for “totally disagree”, “not totally agree”, “not be able to express it clearly/it doesn’t matter”, “somewhat agree with it”, “totally agree” respectively.

Source: *Survey on Family Value Changes* (2008).

The results of table 1 and table 2 indicate that the general public gives much higher approval ratings to the idea of filial piety than to the idea of being endlessly concerned about children. The approval ratings of the four indicators demonstrate that the idea that “parents should bear all the costs for their children’s higher education” enjoys the highest approval rating, more than 70 per cent. However, this is still lower than the approval rating of “being obedient to parents”, which has the lowest approval rating among the ideal views on filial piety. The overall attitudes tend to be those which “somewhat agree”. Among the other three indicators, the lowest approval rating refers to “grandparents are bound to look after their grandchildren”, only reaching 30 per cent and the overall attitude tending to be “not totally agree”. As for “parents should provide a wedding room for their son”, the approval rating is not more than 50 per cent and the overall attitude tends to be “not able to express it clearly”. The general idea that “parents would sacrifice everything for the sake of their children” receives an almost 60 per cent approval rating, and the overall attitudes tend to be something between “not able to express it clearly” and “quite agree with it”. In addition, the standard deviations of this group’s indicators are generally greater than those related to the idea of filial piety. This suggests that the interviewees hold scattered and diversified attitudes towards the traditional view that parents should shoulder unlimited responsibilities for their children.

Compared with the approval ratings of above 70 % or even above 90 per cent, the approval rating for parents' responsibility in the culture of traditional familism is not high. In fact, our survey also shows that 64,2 % per cent of interviewees clearly agree that an 'adult child over 18 should be independent/earn his/her own living'. This suggests that the interviewees prefer the modern value of adult children breaking away from their parents' protection and earning their own living.

Familism Makes Family Resources Flow to the Offspring

The statistical results of intergenerational support show that the interviewees who have old parents and also adult children give more help to their adult children than to their old parents. Table 3 demonstrates that the share of those 'often' giving adult children economic, housework, and emotional support are much higher than those supporting their parents. Furthermore, when comparing the data between urban and rural areas, we find that the intergenerational support preference for offspring in rural areas is more obvious than in urban areas. Based on this, we can conclude that the aged (grandparents) in rural areas get less support from their families than those in urban areas.

Table 3. The support preferences of interviewees who have both parents and adult children (%)

			1	2	3	4	MV	SN	F test
Economic Support	To parents	R	13,4	43,3	38,8	9,5	1,39	231	5,147*
		U	22,4	21,1	30,8	25,7	1,60	237	
	To child	R	14,5	17,4	34,0	34,0	1,88	231	4,107*
		U	28,2	14,1	20,7	36,9	1,66	241	
Houswork support	To parents	R	6,9	29,9	46,8	16,5	1,73	231	3,801
		U	15,2	20,7	22,8	41,4	1,90	237	
	To child	R	18,0	7,0	27,2	47,8	2,05	228	2,039
		U	15,9	7,3	17,7	59,1	2,20	232	
Emotional support	To parents	R	6,1	29,0	48,5	16,5	1,75	231	19,475***
		U	7,2	16,0	35,9	40,9	2,11	237	
	To child	R	6,8	15,3	45,5	32,3	2,03	235	3,622
		U	7,1	14,1	31,5	47,3	2,19	241	

Notes: R = Rural, U = Urban; Value range: 1 = No, 2 = Seldom, 3 = Sometimes, 4 = Often; MV = Mean value; SN = Sample numbers; Significance level: * $P < 0.05$; *** $P < 0.001$.

Source: *Survey on Family Value Changes* (2008).

The phenomenon of "attaching greater importance to the aged than the young" in theory but "attaching greater importance to the young than the aged" in reality suggests that intergenerational relationships still retain the characteristics of the traditional "corporate model" in China today in spite of the fact that parents' authority has been declining. This corporate model emphasises that family is an economic unit which is formed by members who are absolutely rational and who are clearly aware of their own interests. According to the explanation of this model, the various forms of the Chinese family structure and relationship as well as the changes to them are

all driven by the pursuit of maximising family economic interests [26, p. 5–8; 12]. In accordance with the Pareto efficiency principle of resource distribution, children would use the lowest-cost method to satisfy their parents' needs for intergenerational support, and thus would maximise the overall welfare of individuals and the family [13; 14]. On one hand, offspring are in the life-cycle which requires more family economic resources and labour resources, and the reason why adult children obtain more support than the aged parents is due to the rational principle of each receiving aid according to his or her needs in the family 'corporate' unit. On the other hand, since it is the development of the younger generation that decides the future of the family, investing more resources in the younger generation is a family strategy which would be most in accordance with the family's future interest. We can see that when elderly people do not possess family resources they usually obtain only the lowest basic necessities of life even if intergenerational cohesion and cooperative nature are kept unchanged. As a result, the life of elderly people becomes more difficult in rural families that usually have only very limited resources. Since the model of this kind of familistic cohesiveness between generations continues to exist, laying a social and psychological foundation to a certain degree, elderly people's interests tend to be largely marginalised so that they have no choice but to accept their position of being ignored. Middle-aged people are conflicted in that they are grateful to their elders but have to take care of their children at the same time. The family has great expectations of the younger generation that enjoys all the love, affection, and resources of all other generations.

Age Differences in Marriage and Family Values

Marital View among Young People Tends to Be More Diversified

As was mentioned above, young people under thirty-five hold much more tolerant attitudes towards premarital sex than middle-or old-aged people. Table 4 shows that young people under thirty-five also show significant differences from other generations when it comes to other indicators of marital views.

First of all, the traditional views on getting married and having children as well as being faithful to one's husband unto death have been broken somewhat. Young people under the age of thirty-five give more support to the idea that "pursuing personal happiness is more important than tolerating an inharmonious marriage" and "no childbearing after marriage" than to the idea that "one would marry whatever happens". Secondly, people are likely to be more rational and open on the issue of cohabitation. As we have mentioned above, the acceptance of cohabitation is not high in general, however, significance tests indicate that young people under the age of thirty-five hold a strikingly different set of ideal views from people above thirty-six. Young people under the age of thirty-five are more willing to accept the idea that "cohabitation could make the two sides know each other before marriage so as to judge whether they are fit for each other or not". They are more willing to recognise the legitimacy of premarital cohabitation, and they are more willing to agree that "single men and women can live together even if they do not plan to marry". Thirdly, young people under the age of thirty-five are significantly more tolerant of

homosexuality than people above thirty-six, which suggests that there have been remarkable improvements recently in the perception of respecting personal choice and privacy.

Table 4. The age difference on the attitudes towards marital diversity

Indicators	Question items	Mean value		F test
		Under 35 years old	Over 36 years old	
		N = 594	N = 1606	
Marriage, divorce, childbearing	One would marry anyway	3,78	3,95	11,555**
	Pursuing personal happiness is more important than tolerating an inharmonious marriage	3,44	3,21	19,061***
	No childbearing after marrying	1,84	1,69	17,455***
Cohabitation	Cohabitation could make the two sides know each other before marriage so as to judge whether they are fit for each other or not	2,76	2,28	77,850***
	Single man and woman could live together so long as they intend to marry	2,56	2,23	40,933***
	Single men and women could live together even if they do not plan to marry	2,13	1,79	55,087***
Homosexuality	Homosexuality is sexual orientation/practice that belongs to personal freedom and deserves respect	2,89	2,26	130,142***
	Homosexual families should be accepted by society	2,72	2,14	112,995***

Notes: The value range is from 1 to 5. 1–5 stand for “totally disagree”, “not totally agree”, “not be able to express it clearly/it doesn’t matter”, “somewhat agree with it”, “totally agree” respectively. Significance level: ** $P < 0.01$; *** $P < 0.001$.

Source: *Survey on Family Value Changes* (2008).

It is necessary to clarify that, compared with most Western countries, China has never been strongly against intimacy between two persons of the same sex, however, the general knowledge and recognition of homosexuality is also different from Western societies, which put it into rational frameworks in terms of civil rights; or social, political and religious problems; and which discuss it openly. The majority of Chinese people still consider homosexuality a private and moral affair. Family relationships and ethics are still very important in the daily life of Chinese people, and homosexuality is often taken as a harmless private affair since the act will not produce children. It also received much less attention at the time before there was risk-consciousness of aids. However, as homosexual couples are not able to produce children and this is against traditional Chinese family ethics, it is more difficult for the public to accept homosexual families. The traditional view on filial piety and moral ethics hold to the idea that “having no male heir is the gravest of three cardinal offences against filial piety”. This makes homosexuals bear significant pressure from parents and relatives and makes the general public reluctant to recognise the combination of homosexual partners as “families”.

No Decline Can Be Concluded in Filial Piety

There is a moral anxiety over a decline of 'filial piety' that mainly refers to young people. However, this study finds that young people are more willing to support their parents rather than neglect them when compared with middle or old-aged people. First of all, among the four aspects of the idea of filial piety, a significant age difference appears only in the case of "supporting parents" and attending upon parents, but this does not mean that filial piety is declining among young people (see table 5). On the contrary, interviewees of thirty- five years old and under have a stronger recognition of the ideas that "children should try their best to support their parents and make their parents live more comfortably" and that "children should live together with their parents when their parents become old and are not able to take care of themselves" than those over thirty-six.

Table 5. The age difference of attitudes towards intergenerational support (%)

		1	2	3	4	5	MV	SN	<i>F</i> test
Support parents	35-	0,5	1,5	2,2	34	61,8	4,55	594	12,200***
	36+	0,4	2,4	3,4	41,0	52,8	4,43	1606	
Attend upon parents	35-	0,7	4,4	7,4	42,3	45,3	4,27	594	25,401***
	36+	1,7	9,3	7,5	45,8	35,7	4,04	1606	
Sacrifice for children	35-	8,8	39,2	9,1	22,6	20,4	3,07	594	92,610***
	36+	4,0	23,5	9,2	29,1	34,3	3,66	1605	
Pay college fee	35-	2,5	28,8	9,6	38,4	20,7	3,46	594	116,137***
	36+	1,4	12,9	5,9	42,3	37,5	4,02	1606	
Provide wedding room	35-	8,2	34,2	18,5	30,3	8,8	2,97	594	31,796***
	36+	4,9	27,9	18,1	31,2	17,8	3,29	1605	
Look after grandchild	35-	15,8	47,6	11,6	17,7	7,2	2,53	594	25,839***
	36+	14,2	39,9	9,8	19,4	16,7	2,85	1606	

Notes: 1 = Totally disagree; 2 = Not totally disagree; 3 = Not able to express it clearly; 4 = Quite agree; 5 = Totally agree; MV = Mean value; SN = Sample number; Significance level: *** $P < 0.001$.

Source: *Survey on Family Value Changes* (2008).

Young people are not only more willing to agree to be kind to their parents but also more willing to live together with their old-aged parents. This result is different from the idea that young people stress privacy more and are not willing to live together with parents and to bear the burdens of family. The phenomenon that young people have a stronger perception of being kind to parents has something, on the one hand, to do with the life-cycle. The study of filial piety carried out in Taiwan shows that children and teenagers who are not at a complicated stage of life hold a relatively absolute, concrete and pure idea of filial piety and take it for granted. However adults who are faced with many more life and career objectives hold a more complicated idea of filial piety that is not so absolute and is in accordance with certain other principles [15, p. 99–101]. On the other hand, as a result of the one-child policy, young people under the age of thirty-five have more positive emotional interactions with their parents while receiving more love and care from them too. The deep driving force for them to be filial towards their parents may decrease due to the pressure of

public opinion or changing moral standards, but this force may also become stronger because of the “love” for their parents deep in their hearts [16]. Meanwhile, since they are the only child of the family, young people under the age of thirty-five may have a stronger sense of responsibility and pressure than people in large families.

Secondly, as for the four indicators on caring about children, all the interviewed young people of thirty-five years old and under are significantly more likely to disagree than middle and old-aged people. The reason why young people believe in the idea of intergenerational support of ‘attaching greater importance to the old than the young’ may be due to the fact that they do not have their own children yet. Besides, they are more likely to disagree with the idea of sacrificing for their children, with this being their ideal judgement for a kind of state of lifestyle to which they have as yet no direct connection. On the other hand, it is also related to the condition that recently young people obtain more help from their parents. Our survey shows that the average economic aid young people of thirty-five and under get from parents is 7.8 times more than that of people who are thirty-six years old and above (9,128 rmb versus 1,171 rmb). About 54.5 per cent of interviewees of thirty-five and under ‘often’ receive help from parents in doing housework, while among people of thirty-six and above, only 21.0 % per cent receive such help.

It can be argued that the traditional Chinese altruistic responsibility ethic may also lead to this different attitude, alongside life-cycle effects and the emotional factor in actual intergenerational mutual benefits. That is to say, old-aged interviewees think that as parents they should follow the moral standard of being “good parents” and try to relieve the burdens on their children, so they prefer caring about their children; but young interviewees follow the moral standard of being a “filial child” and hold that they should try to think of and look after their parents, thus they prefer taking care of their parents. Similar findings also appear in other studies discussing the ethics of intergenerational responsibility. For example, Martin Whyte studied the intergenerational relationships in Baoding City and found that parents are more willing (than their children) to agree that “people should be more concerned about caring for their own children than about caring for their parents or parents-in-law” (the proportion of parents and children who agree with the above idea: 46 % versus 31 %). Parents were also seen to be more willing to agree that “young people should be more concerned about their careers than about caring for their parents” (the proportion of parents and children who agreed with the above idea: 71 % versus 38 %)¹. Whatever the reason is, the study could not prove the idea that contemporary young people are extremely egotistical, demand from parents endlessly, and disregard their responsibility to support their parents.

Conclusion and Discussion

A Mixed Tendency of Loose Marriage Relationships and Close Intergenerational Relationships

Contemporary Chinese family values present a quite clear mixed tendency of traditional “close intergenerational relationships” with “pure relationships”, in-

¹ The statements of the two indicators are as follow: “people should be more concerned about caring for their own children than about caring for their parents or parents-in-law”; “young people should be more concerned about their careers than about caring for their parents” [21].

fluenced by both modernity and post-modernity¹. On one hand, with the general improvement of education and the improvement of urbanisation and industrialisation, the development of Chinese family values presents a quite clear feature of modernity, that is, as a result of accepting modern concepts such as equality, freedom, and democracy, people in China tend to emphasise more the liberation of the human being and the pursuit of self-realisation; and as to marital views they tend to emphasise more individual independence and autonomy. In line with the conclusions of many previous empirical studies, this study also suggests that young people have increasingly open sexual views and stronger self-consciousness [17], and the tolerance for premarital sex and cohabitation is increasing [18]. Compared with people born in earlier decades, the acceptance of premarital sex, cohabitation, and homosexuality by young people under the age of thirty-five is increasing. The whole of society shows a tendency that the older an individual is, the more conservative his or her marital views are.

On the other hand, from the perspective of intergenerational relationships, China does not show the phenomenon of individualization – the post-modern tendency that features the atomisation of family members and the disappearance of family links, which have been seen in Western societies when it comes to values and attitudes [19]. People in China rather tend to keep showing relatively strong family values and attitudes. The weakening of intergenerational relationships and the disappearance of family communities characterising Western societies are largely absent in China. On the contrary, in recent years there has been a stronger tendency to lay stress more on basic family obligations, wherein people enjoy closer intergenerational relationships, maintaining the features of the aforementioned “corporate” model of family. In terms of marriage, there is still a high level of affirmation for the value of marriage and high expectation of faithfulness within marriage. Furthermore, the differences between generations in this area are tiny. Aside from this, the approval rating for the cohabitation of middle- and old-aged people is higher than that for cohabitation by unmarried young people, and the objection to homosexual marriage is stronger than that towards homosexual acts.

These survey results indicate to a certain degree that people in China are still more concerned about non-emotional factors like economic interest and existing family relationships when they judge whether certain lifestyles are rational or not. As for intergenerational relationships, our survey does not find any tendency towards a decline in filial piety. The survey data suggest that the idea of filial piety still enjoys an absolutely mainstream position. Moreover, among the eight traditional familistic views on intergenerational relationships, interviewees are more willing to agree with the idea of being filial to their parents rather than being concerned about their adult children. On the other hand, data results show that young people's ideal view of supporting their parents has not weakened; on the contrary, their ideal view on intergenerational relationships tends to be the one of “attaching greater

---

¹ Pure relationship refers to “an intimate relationship formed for the sake of an intimate relationship”. This kind of relationship can be maintained only when both sides are satisfied with what they get (mainly with reference to feelings of intimacy and love) from the relationship [6, p. 77].

importance to the elder than the younger". They are more traditional and closer to the ideal view of supporting their parents. All these results show that Chinese families managed to maintain a strong familistic culture during the rapid process of modernization.

Familistic Ideals of Intergenerational Relations Combined with Individualism

In terms of intergenerational relationships, contemporary Chinese still have a strong wish to unite across generations, but this "traditional" wish is not just a simple copy and continuation of the previous familistic culture of inter-generational relationships. Instead, it has some distinguishing features of individualistic culture, such as the rise of emotional relationships, the decline of authoritarian relationships, and the sense of obligation with unlimited liability. As psychological studies in Taiwan have found, the development of modernisation itself does promote the transformation of traditional intergenerational relationships. In modern Taiwan, individualistic culture and traditional filial piety have gradually transformed into a new filial piety based on individualism. The traditional views of filial piety include the authority of parents and the duties of children, accompanied by fixed role orientations. These have now gradually been transformed into new notions of filial piety that include the coexistence of authority and duties on the part of both the parents and the children, accompanied by flexible roles and emotional orientations. The influence of authority and exchange has fallen and fulfilling filial piety is not seen as an attitude and behaviour forced on children by their parents, but as a method and channel for self-fulfilment [20, p. 36–45; 21, p. 10].

The comparison between the generations in this study shows that the advancing of age brings about both the positive effect of being kind to one's parents and the negative effect of being concerned about one's children endlessly. Young people have a strong sense of responsibility in behaviour towards their parents but they seem to have a strong sense of self-consciousness in dealing with children, whereas the idea of unlimited altruism seems to have weakened. The study of young migrant workers conducted by Mette H. Hansen and Pang Cuiming points out that young people's sense of obligation should not be misunderstood as altruism in traditional familism. The foundation of this sense of obligation is to give an actual and practical evaluation to a kind of life in which individuals have the right to pursue individual interests, while at the same time family is still guaranteed as the stable source of a sense of security. Family is the only source for people to obtain social security when they are confronted with disease, need for care and affection, and when they suffer from property loss or unemployment. For young people, family is the indisputable "collective" having social, emotional, and psychological values. On one hand they emphasise that their closest relatives and family are their only important "collective", on the other hand they persist in striving for their own interests, rights, and ambitions as individuals [8]. Therefore, it can be argued that the strong sense of responsibility of being kind to one's parents among young people today is a form of "modern familism", that is, an ideal view of intergenerational relationships based on individualistic values.

Before the national reform of the economic system, welfare mainly came from the individual's Danwei (work unit), and family played a limited role. However, after entering the twenty-first century, with life risks caused by the disintegration of the Danwei system and the emergence of the market economy, the family's role as a safety net in personal life has increased significantly. Furthermore, there is a growing number of private enterprises and family firms, and there is also an increase in family income. In particular, the foundation of the stock market and the commercialisation of housing have further promoted this increase of family income. These factors contributed to the growth of property owned by parents that could be inherited by their children; house prices have also escalated rapidly and parents have to invest more for the wedding room for their children, sometimes having to use the savings of three generations to purchase an apartment. However, the availability of child day-care services lags behind demand and young working couples often have to depend on their parents to look after the third generation. All these structural factors constitute the forces that promote a closer family intergenerational relationship. Hence, on the path of China's rapid modernisation, it is becoming more and more difficult for individuals to live without the guarantees and assistance of their families, despite the fact that a sort of individualistic culture is currently becoming more and more popular. As a result, in comparison with the period of time before the economic reform and opening-up, the importance of family values has been enhanced rather than threatened.

At the same time, in having a strong sense of responsibility to be kind to one's parents, contemporary young people present a sort of "modern familism", which refers to an ideal view of intergenerational relationships based on individualistic values. On one hand they emphasise that their closest relatives and family members are their only important "collective", whereas, on the other hand, they persist in striving for their own interests, rights, and ambitions as individuals. Although the tolerance of non-marital intimate relationship is increasing, the survey results presented in this article also indicate to a certain degree that people in China are still more concerned about non self-expressive factors like economic interest and existing family relationships when they judge their private life. This state is also in conformity with the definition of the dilemma of the individualised Asian without individualism, as proposed by Chang Kyung-Sup (2010).

References

1. *Ji Qiufa*. Beijing qingnian de hunynguan – Yixiang shizheng diaocha fenxi [Marital views of young people in Beijing: An empirical analysis] / Ji Qiufa // Qingnian yanjiu [Youth Study]. – 1995. – N 7. – P. 19–25.
2. *Xu Anqi*. Zhuanxingqi de Zhongguo jiat-ing jiazhi guan yanjiu [Research on Family Values in Transitional China] / Xu Anqi [et al.]. – Shanghai : Shanghai shehui kexueyuan chubanshe [Shanghai : Shanghai Acad. of Social Sciences Press], 2013.
3. *Wang Shuxin*. Renkou laolinghua guocheng zhong de daiji guanxi xin zouxiang [New trends in generational relationships in the process of population ageing] / Wang Shuxin, Ma Jin // Renkou yu jingji [Population and Economics]. – 2002. – N 4. – P. 15–21.

4. *Sun Longji*. The Deep Structure of Chinese Culture / Sun Longji. – Guilin : Guangxi Normal Univ. Press, 2011. – 462 p.
5. *Zhang Zhixin*. Jiabenwei yu daijian guanxi – Zhongguo chuantong jiating zhidu moshi [Family-centredness and intergenerational relationships: The institutional model of traditional Chinese family] / Zhang Zhixin, Zhang Zuojian // Minzheng luntan [Civil Affairs Forum]. – 1997. – N 6. – P. 14–16.
6. *Lin Yutang*. My Country and My People / Lin Yutang. – Shanghai : Acad. Press, 2013. – 370 p.
7. *Guan Ying*. Jiating daiji guanxi: Fuyang yu shanyang [Intergenerational family relationships: Raising children and supporting the aged] / Guan Ying // Wuyan xia de ningjing biange: Zhongguo jiating 30 nian [Quiet Reforms under the Eaves: Thirty Years of the Chinese Family] / ed. Xu Chunlian. – Guangzhou : Guangdong gaodeng jiaoyu chubanshe [Guangzhou : Guangdong Higher Education Press], 2008. – P. 79–95.
8. *Feng Xiaotian*. Dusheng zintu jiating: Youyu yu chongai [The one-child family: Rearing a better child and doting on a child] / Feng Xiaotian // Wuyan xia de ningjing biange: Zhongguo jiating 30 nian [Quiet Reforms under the Eaves: Thirty Years of the Chinese Family] / ed. by Xu Chunlian. – Guangzhou : Guangdong gaodeng jiaoyu chubanshe [Guangzhou : Guangdong Higher Education Press], 2008. – P. 172–185.
9. *Wang Yuesheng*. Zhongguo jiating daiji guanxi de lilun fenxi [Theoretical analysis of family intergenerational relationships in China] / Wang Yuesheng // Renkou yanjiu [Population Research]. – 2008. – N 4. – P. 13–21.
10. *Yang Shanhua*. Zeren lunli yu chengshi jumin de jiating yan-glao – Yi “Beijingshi laonianren xuqiu diaocha” wei li [Ethics of responsibility and family care for elderly people in urban areas: Taking the example of ‘The survey of elderly people’s demands in the City of Beijing’] / Yang Shanhua, He Changmei // Beijing Daxue xuebao (Zhhexue shehui kexueban) [J. of Beijing University (Philosophy and Social Sciences)]. – 2004. – N 1. – P. 71–84.
11. *Yan Yunxiang*. Private Life under Socialism: Love, Intimacy, and Family Change in a Chinese Village, 1949–1999 / Yan Yunxiang. – California : Stanford Univ. Press, 2003. – 290 p.
12. *Zimmer, Z.* Family size and support of older adults in urban and rural China: Current effects and future implications / Z. Zimmer, J. Kwong // Demography. – 2003. – Vol. 40, iss. 1. – P. 23–44.
13. *Lee, Y.* Sons, daughters, and intergenerational support in Taiwan / Y. Lee, W. L. Parish, R. J. Wills // American J. of Sociology. – 1994. – Vol. 99, N 40. – P. 1010–1041.
14. *Zhang Wenjuan*. Nongcun laonianren jiating daiji zhichi yanjiu [Study on family intergenerational support of elderly people in rural areas] / Zhang Wenjuan, Li Shuzhuo // Tongji yanjiu [Statistical Research]. – 2004. – N 5. – P. 44–52.
15. *Yang Guoshu*. Xiaodao de shehui taidu yu xingwei: Lilun yu celiang’ [Social attitudes and filial piety behaviour: Theory and analysis] / Yang Guoshu, Ye Guanghui and Huang Lili // Zhongguoren de xiaodao: Xinlixue de fenxi [Chinese People’s Filial Piety: A Psychological Analysis] / eds.: Ye Guanghui, Yang Guoshu. – Chongqing : Chongqing Daxue chubanshe [Chongqing : Chongqing Univ. Press], 2009. – P. 46–103.
16. *Wu Chao*. Dui dangdai daxuesheng xiaodaoguan de diaocha – Gaige kaifang yilai Zhongguo shehui qingnian jiazhi guan bianqian yanjiu [Survey of contemporary college students’ views on filial piety: A study of Chinese young people’s value changes since the beginning of reform and opening-up] / Wu Chao, Qin Qiwen, Li Yajuan // Qingnian tansuo [Youth Exploration]. – 2008. – 1. – P. 40–43.
17. *Zhu Jinyi*. Jianshe 80hou xiandai shehui zhengque jiazhi lixing [Constructing a proper rationality of values for the generation born after 1980] / Zhu Jinyi // Jingji yanjiu daokan [Econ. Research Guide]. – 2008. – N 3. – P. 194–195.
18. *Cheng Yi*. Xing guannian: Dangdai Zhongguo daxuesheng de shiji zouxiang yu xianzhuang – Jiyu Shanghai ruogan gaoxiao shizheng diaocha de yanjiu he fenxi [Sexual views: Actual tendencies and the status quo of contemporary college students; based on the study and analysis of empirical surveys on several universities in Shanghai] / Cheng Yi // Huadong Ligong Daxue (Shehui kexue ban) [J. of East China University of Science and Technology (Social Science Edition)]. – 2005. – N 4. – P. 8–13.

19. *Beck, U.* Individualization: Institutionalized Individualism and Its Social and Political Consequences / U. Beck, E. Beck-Gernsheim. – London : Sage, 2002. – 222 p.

20. *Yang Guoshu.* Xiandai shehui de xin xiaodao [The new filial piety in modern society] / Yang Guoshu // Zhongguoren de xiaodao: Xinlixue de fenxi [Chinese People's Filial Piety: A Psychological Analysis] / eds.: Ye Guanghui, Yang Guoshu. – Chongqing : Chongqing Daxue chubanshe [Chongqing : Chongqing Univ. Press], 2009. – P. 23–45.

21. *Ye Guanghui.* Taiwan minzhong zhi xiaodao guannian de bianqian qingxing [The change of people's views of filial piety in Taiwan] / Ye Guanghui // Zhongguoren de xiaodao: Xinlixue de fenxi [Chinese People's Filial Piety: A Psychological Analysis] / eds.: Ye Guanghui, Yang Guoshu. – Chongqing : Chongqing Daxue chubanshe [Chongqing : Chongqing Univ. Press], 2009. – P. 104–136.

Date accepted 18.10.2015.

LAN KANG,

Assistant Research Professor, Institute of Sociology, SASS

DIFFERENCES AND SAMENESS BETWEEN GENERATIONS: THE EMERGENCE OF NEO-FAMILISM¹

By offering an analysis of the differences and sameness seen in various levels of familism identification between two generations, this paper arrives at a conclusion that the current younger generation is selective in its familism identification. The selection of familism identification can be counted as the origin of “neo-familism”, marked by the dual characteristics of the solidification of family values and the rise of individual consciousness. Young people, in contrast to an elder generation that cherishes the traditional familism in which the interests of the family rank higher than that of the individual attach more importance to the balance between family and individual interest. The emergence of neo-familism values comes as forceful evidence of the proceeding of individualization in Chinese society.

Keywords: neo-familism, intergenerational differences, value change.

РАЗЛИЧИЯ И СХОДСТВА МЕЖДУ ПОКОЛЕНИЯМИ: ВОЗНИКНОВЕНИЕ НЕОФАМИЛИЗМА

Осуществляя анализ различий и сходств, прослеживаемых на разных уровнях идентификации фамилизма между двумя поколениями, автор статьи приходит к выводу, что нынешнее молодое поколение избирательно в идентификации семейственности. Выбор идентификации семейственности может быть расценен как происхождение «неофамилизма», характеризующегося закреплением семейных ценностей и ростом индивидуального сознания. Молодежь, в отличие от старшего поколения, дорожающего традиционной семейственностью и ставящего интересы семьи выше, чем индивидуальные, придает большее значение балансу между семьей и личными интересами. Появление ценностей неофамилизма является убедительным доказательством индивидуализации китайского общества.

Ключевые слова: неофамилизм, межпоколенческие различия, изменение ценностей.

1. Introduction: Raising the Question

The distinction between familism and individualism, being an important issue of value identification of contemporary young people and the focus of researches on the transition of generation value of contemporary families, is deemed as the watershed of traditional and modern family values. On one hand, the proceeding of modernization is universally recognized; on the other hand, the defense and restoration of the tradition is distinct as well. The contradiction in the social issue is mirrored especially prominently in the youth. Whether or not there has been a “change” in the younger generation has become a topic from which controversy keeps arising.

---

¹ This paper in Chinese was originally published on Youth Studies, May 2012.

Some surveys suggest that “a happy family” remains as the most cherished value of life in the young [1; 2]; that the young people in general agree with the notion that family should be superior to individual [3], they boast a strong sense of family obligation and identify themselves as being responsible for the happiness of their family members [4; 3]; and that the young generation turns out to be even more traditional and idealized in supporting their parents [5].

But there are other findings in studies: young people in a changing society are in the period of transition from being “family-oriented” to “individual-oriented” [6]; there is an increasingly obvious distinction in value outlook when it comes to filial piety between the two generations. The incessant pursuit of individual rights, desire and freedom among the younger generation, as a result of marketization, has shaped a self-centered orientation which is extremely utilitarian and which has led to the decadence of filial piety and a fading sense of family responsibility [7; 8]. Young people are avoiding their family obligations in their pursuit of personal pleasure and are lack of spirit of sacrifice and tolerance [9]. As for the “generation” in cultural sense, more research findings support the conclusion that the young generations do have “changed”. According to studies, the personal value of the younger generation is developing towards an orientation which is characterized by the emphasis on individualism, post-materialism, modern rationality, secularism and a pursuit of freedom and equality, individual self-fulfillment, comfort and happiness. In a word, modern value orientation is taking the place of the traditional one [10; 11; 5; 12].

The article argues that it naturally makes a difference to decide whether the “change” does exist based on different research perspectives. The article therefore on the premise of putting aside for the time being the research methods which might generate various conclusions (although influence of research methods on the result is inevitable) is more concentrated on the topic: what are the criteria for the discussions of whether the young people have “changed”?

2. Theoretical Framework: Individuals in a Family

To put it briefly, familism and individualism are two idealized types of identification of the unit of interest body. Familism, by taking the whole family as a rational unit of measurement, argues that family interest should be put in a position above all and that individuals are only parts of the family, who at any time should put the exist of the whole family as the premise and the development of the family in a superior position, and whose own interest ought to be subject to the interest of the family [13], and also whose value is realized through the group value. Familism is therefore the value identification with family interest as the standard. By contrast, individualism maintains that every family member makes one interest unit who enjoys the right and capability of free choice and at the same time is held responsible for his/her own life [13] and whose value ought to transcend the group value. Hence individualism is the value identification with individual as the standard. The essential difference between the two lies in the “consciousness of standard”. The so-called “standard” implicates the origin, the foothold and the core. At the phenomenon level, young people are likely to sway and mix up in their identification of the two. However, the central logic behind the contradictory phenomenon is what this article attempts to reach.

According to the classical theory on modernization, the process of family modernization is bound to be one characterized with the transition from the family interest-oriented “familism” to the individual interest-oriented individualism in which the rise of individuals is necessarily bound up with the decline of family. Nevertheless, an increasing number of studies have challenged the presumption put forward by the theory of linear evolution [14; 15; 3]. The article argues that the problem in its essence is about whether there is only one relation between family and individual – outright conflict and clash. It can be concluded from above that the units of analysis for the two issues are different. As is shown in fig. 1, the identification unit for familism is “family” whereas the one for individualism is “individual”.

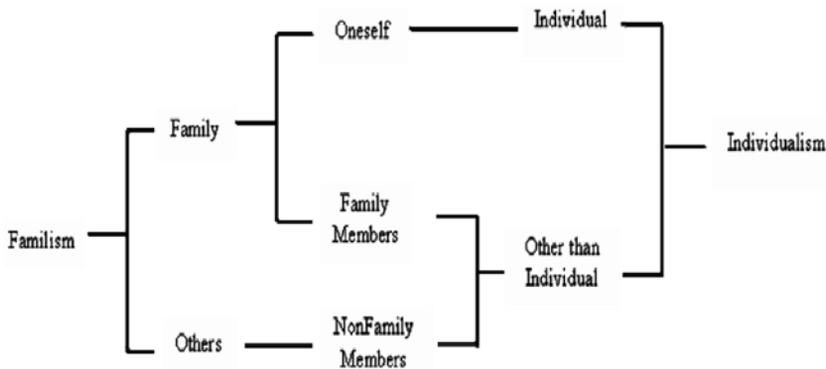

Fig. 1. Diagram of the Analysis Units in “Familism” and “Individualism”

When individual is incorporated in a family, there can be two possible relations between the two parts: one is zero-sum and the other is win-win. The potential for change can be found in the double roles of “individual in a family”. Take “family members” as an example. When we classify “family members” into the category of “other than individual”, the relation between family and individual goes into zero-sum; but when we treat “family members” as people within a “family”, there is a possible win-win relation. An insight into the matter of one’s relation with his/her family members, i. e. the relation between family and individual, will help us answer the question as to whether to the contemporary youth the relation between family and individual should be conflicting or favorable for both sides, or in other words, whether family turns out to be a constraint or a source of support for an individual.

3. New Research Perspectives on Familism Identification: Individual Perspectives

To answer the question, it is necessary to make clear of the various levels within the concept of “familism” first.

Familism as the major principle for social orientation in China, although having received continued attention from researchers for long, has not yet reached consensus. YANG Guoshu (2004) in his article “Familism of the Chinese: Concept Analysis and Case Assessment” put forward a fairly complete and exploratory concept

framework for family/familism. YANG first pointed out in a conceptive way that familism of the Chinese people is closely correlative with the agricultural economic pattern of the traditional Chinese society where family, being the core of farming life, was considered of significant importance for its protection, harmony, togetherness and continuation. Such was the base from which derived the family-oriented familism of the Chinese people. Then YANG illustrated the connotation of familism from the three levels of identification, emotion and will, namely: (1) identification: where importance is attached to the continuation, harmony, togetherness, affluence, and reputation of the family; (2) emotion: the senses of integration, belonging, care, honor and disgrace, responsibility, and safety; (3) will: extending of the family line, mutual dependence, self-restraint, humility and obedience, fighting for the family, generation disparity, and clear familial bounds. Thus we could roughly summarize two major aspects of “familism”.

3.1. Family as “Responsibilities”

Family as “responsibilities” treats family as a social organ and focuses on the obligations and responsibilities of family members. For example the importance of family continuation, togetherness and reputation in identification level, senses of honor and disgrace, responsibility in emotion level, and extending of the family line, self-restraint, humility and obedience, fighting for the family, and generation disparity in will level. It can be seen that this aspect of familism stands opposite to “individual” by emphasizing individual’s loyalty, obedience and responsibilities toward family and limiting of individual freedom, rights and desire. The emphasis is on individual’s group value which is close to the concept of “collectivism”.

Responsibilities, by covering the majority of the 3 levels and 12 connotations set by YANG Guoshu, can be considered as the most momentous and essential part in the structuring of “familism” concept.

3.2. Family as “Rights”

Family as “rights” treats family as a social resource and focuses on family’s protection and support for individuals. In this regard, there are, for example, the senses of integration, safety, belonging, care of the emotion connotation and mutual dependence and clear familial bounds which belong to the will connotation. It could be seen familism in this aspect of does not stand opposite to “individual” but provides protection and support for individual interests. But on the other hand it is not fully equal to the concept of “western individualism” because while the protection of individual interests is emphasized here, there is no acknowledgement of the equal importance of individual interests inside and outside a family, as a result the element of “public value” contained in “western individualism” is absent. What we are talking about is actually much more of “egoism” or “narrow individualism”.

After introduction of the perspective of individual (i. e. the relation between family and individuals), we are well equipped to clarify the two aspects of Chinese “familism”, i. e.: For one thing, family imposes rigid restraints (i. e.: family over individual) on individuals; for another, family provides individuals with elastic support (i. e.: there can be, to some extent, overlapped interests between family and individuals).

Recently there have been more and more researches fixed on the rise of individuals in Chinese families. These researches by some coincidence have found that the so-called rise of “individual” in Chinese families is much more of the shaking off of the restraint of the “generation disparity”. The nature of family as a resource which provides individual with elastic support, especially in China today when securities from work exit, market risks increase and social securities are still immature, tends to grow instead of fading away [7; 16]. That seems to explain why YAN Yunxiang’s researches finally came to the conclusion that the logical outcome of the younger generation when out of their lineage shelter, was quite contrary to his anticipation of an individual rise characterized by true self-dependence, but was actually a self-centered orientation characterized by extreme utilitarianism with which they ask more for personal rights while rejecting to fulfill obligations [7].

The paper maintains that to study the value transition, instead of focusing on the differentiation of tradition and modernity and the question whether the younger generation has “changed” (in a framework with one single aspect, change is bound to exist), should rather observe what they accept and what they reject in their inheritance and choice of culture (i. e.: where the change happens before we can answer if there has been a change at the essence level) and the correlation between the choice and tradition, and between the choice and the current situation.

The research goals of the paper are: first exploration of the differences and sameness in various aspects of familism identification between two generations of a family (the author argues that differences and sameness between generations are of equal importance), and then, on the basis of the foregoing, discussion about the transition characteristics of familism identification.

4. Research Methods: Hypothesis, Index and Data

4.1. Research Hypothesis

The article puts forward the following research hypotheses: (1) Generation differences are mostly reflected in familism identification in the “responsibility”, for which the identification degree of the younger generation is lower than that of the elder one; (2) Generation sameness is mostly mirrored in familism identification in the “right”, for which there are no prominent clashes between the two generations; (3) The transition feature of familism identification is that the younger generation turns to be selective in their identification of familism (there is among the youth an obvious dip of identification of the element of restraint imposed on them by the family as their consciousness of right increases rapidly. But at the same time for the “supportive” nature of family, the youth still hold a fairly high identification of family values) and the feature, has contributed to the emergence, within the younger generation, of the “neo-familism” with the dual characterizes of the solidification of family values and the rise of individual consciousness.

4.2. Measurement Indexes and Operational Parameters

For proving the above hypothesis, the positive analysis in the paper is mainly made up of three aspects (with the first two primarily about the verification of “familism” identification and the third for “individual consciousness”). They are consisted of the following indexes in respective. See table 1 for details.

Table 1. Content and Basic Descriptions of Measurement Indexes

Measurement Indexes	Operational Parameters	Point Scope	Average	Standard Deviation	Agreement
Family as “Responsibilities”	Family harmony weighs heavier than individual interests (to measure: humility and obedience)	1–5	4.477	0.680	92,7 %
	Individual gets fulfilled when family is fulfilled (family loyalty)	1–5	4.519	0.711	91,8 %
	Parents suffer from a sense of loss when their children lead an unhappy life (responsibilities and obligations)	1–5	3.329	1.173	52,8 %
Family as “Rights”	Family makes me feel secure and relieved (sense of safety)	1–5	4.596	0.597	96,7 %
	People are family-bound (sense of belonging)	1–5	4.525	0.618	94,7 %
	I need familial affection and love from my family (sense of care)	1–5	4.633	0.544	97,7 %
	Parents and children complement and supplement each other in all aspects (sense of integration)	1–5	4.596	0.555	97,0 %
	Parents get best rewarded to see the children get well with their work and family (sense of integration)	1–5	4.475	0.709	92,6 %
Individual Freedom And Desire	Family doesn't make the entire of my life. I want my own social Circle (self-fulfillment)	1–5	3.559	0.993	65,7 %
	I live for pleasure (principle of happiness)	1–5	3.761	0.996	68,9 %
	Material makes a crucial element for personal pleasure (Desire for material)	1–5	3.687	1.024	67,9 %

Note 1: Points from 1 to 5 respectively stand for: disagree, slightly disagree, not clear, slightly agree, agree.

Note 2: In light of the target and object for research in this article, the family mentioned here refers to the concept of a stem family including the parents.

4.3. Data Source and Sample Features

These data for research come from the household questionnaire survey conducted in 2009 in downtown Shanghai. The respondents were permanent residents in Shanghai, among whom the samples of children varied from 25 to 40 in age and the samples of parents were collected from those with children aged from 25 to 40. A method of proportionate stratified sampling was applied. 146 effective parent samples and 163 children samples were collected finally, totaling 309 altogether. Before the questionnaire survey was launched, an in-depth interview was conducted with 26 families which produced abundant raw materials and made the measurement indexes of the questionnaire easy to operate.

The population features of the children samples are: (1) gender: male accounts for 51,3 % and female 48,7 %; (2) age: 25–29 accounts for 33 %, 30–34 31,1 % and

35–40 35,9 %; (3) educational background: junior high school degree and below accounts for 3,8 %, senior high school and technical secondary school degree 37,7 %, junior college degree 28,7 %, bachelor's degree and above 29,8 %; (4) marital status: single people account for 15,8 %, married but without children 23,7 %, married with children under 7 years old 28,4 %, married with children above 7 years old 32,1 %; (5) the family's only child or not: only child accounts for 53,8 %, otherwise 46,2 %.

5. Research Findings and Analysis

5.1. Familism Identification in the “Responsibility” Aspect

Data of table 2 show that there are evident differences between the two generations in all the three measurement sentences for familism identification in the “responsibility” aspect. Although there is a substantial proportion in the children samples who agree that family weighs heavier than individual, it is still easy to see that when it comes to the matter of family-individual relation, an obvious larger majority of the parent samples tend to favor family over individual. In attitude to the sentence “Individual gets fulfilled when family is fulfilled”, in particular, up to 98,5 % of the parents voice their agreement – while the figure of the children is 86,3 % – and this suggests that in general parents agree more for interest consistency of family and individual.

As for the obligations of roles of family members, the sentence “Parents suffer from a sense of loss when their children lead an unhappy life”, is applied to test the role as parents. Data suggest that prominent differences between the two generations still exist in that children who do not agree with it are 21 percentage points higher than parents.

Table 2. Familism Identification in the “Responsibility” Aspect (%)

Measurement Sentence	Sample Type	Agree	Slightly Agree	Not Clear	Slightly Disagree	Disagree	
Family harmony weighs heavier than individual interests	Parents	69	28,2	2,1	0,7		$X^2 = 18.800$
	Children	46	42,9	8,6	2,5		$Df = 3$ $P < 0.000$
Individual gets fulfilled when family is fulfilled	Parents	73,9	24,6	1,5	0		$X^2 = 20.726$
	Children	52,8	33,5	9,9	3,7		$Df = 3$ $P < 0.000$
Parents suffer from a sense of loss when their children lead an unhappy life	Parents	23,6	40,7	11,4	23,6	0,7	$X^2 = 18.803$
	Children	11,9	30,2	12,6	40,9	4,4	$Df = 4$ $P < 0.001$

Note: * $P < 0.05$, ** $P < 0.01$, *** $P < 0.001$, the same below.

5.2. Familism Identification in the “Right” Aspect

For familism identification in the “right” aspect, there are five measurement sentences in all among which the first three are designed mainly to test to which extent family can satisfy individual needs, including the senses of safety, belonging and

care. Data of table 3 show no prominent differences in the two generations' judgment of family's ability to satisfy individual needs.

The last two sentences in table 3 are mainly for measuring of mutual dependence, support amongst family members and of the sense of integration and relation maintenance between parents and children. Figures implicate that no prominent differences are seen in the attitude towards the issue between the two generations.

Table 3. Familism Identification in the "Right" Aspect (%)

Measurement Sentence	Sample Type	Agree	Slightly Agree	Not Clear	Slightly Disagree	Disagree	
Family makes me feel secure and relieved	Parents	70,5	26,6	2,2	0,7		$X^2 = 5.376$ $Df = 3$
	Children	58,4	37,9	1,9	1,9		$P > 0.1$
People are family-bound	Parents	64,7	29,5	5	0,7		$X^2 = 4.970$ $Df = 3$
	Children	52,8	41,7	4,9	0,6		$P > 0.1$
I need familial affection and love from my family	Parents	68,5	31,5				$X^2 = 6.394$ $Df = 3$
	Children	64,2	31,5	3,7	0,6		$P > 0.05$
Parents and children complement and supplement each other in all aspects	Parents	64,1	35,2	0,7	0	0	$X^2 = 4.727$ $Df = 3$
	Children	61,7	33,3	4,9	0	0	$P > 0.1$
Parents get best rewarded to see the children get well with their work and family	Parents	64,3	30,7	4,3	0,7	0	$X^2 = 7.206$ $Df = 3$
	Children	51,9	38,8	5	4,4	0	$P > 0.05$

5.3. Attitude towards Individual Freedom and Desire

Data of table 4 show that in the pursuit of individual desire based on the happiness principle and material pleasure, differentiation is prominent the two generations. A noticeably larger proportion of the children support that "material makes a crucial element in personal pleasure".

Table 4. Attitudes towards Individual Freedom and Desire (%)

Measurement Sentence	Sample Type	Agree	Slightly Agree	Not Clear	Slightly Disagree	Disagree	
Family doesn't make the entire of my life. I want my own social circle	Parents	6,8	46,6	15	27,8	3,8	$X^2 = 23.769$ $Df = 4$
	Children	17,5	58,1	13,1	10,6	0,6	$P < 0.000$
I live for pleasure	Parents	17,4	54,5	10,6	16,7	0,8	$X^2 = 13.664$ $Df = 4$
	Children	29	37,7	19,1	14,2		$P < 0.01$
Material makes a crucial element in personal pleasure	Parents	15,9	42	13	26,8	2,2	$X^2 = 21.430$ $Df = 4$
	Children	24,1	52,5	14,8	8	0,6	$P < 0.000$

The most noticeable differentiation between the two generations is found in their attitudes toward the argument “Family doesn’t make the entire of my life. I want my own social circle”, for which the supportive ratio among the children samples is 22 percent points higher than that among the parent samples. Such figure serves as a potent revelation of the different reactions toward individual self-fulfillment outside family between the generations; and it, to some degree, reflects the inclination to individualism of the young people.

From our record of case interviews, many similar expressions can be found in the younger generation, like:

I believe people of each age group should have their own life, like the things you love to do, or your friends. People of my parents’ generation seem not to be as open-minded as we are in that they give family the top priority and their own life second to that. Our generation, I mean, people of my age, put us in the center of our life, just like my friends and colleagues do. But they (parents) basically don’t have their own life. Their life circle is far much smaller... it seems that I would not like my life to be that way... (take care of the juniors like my mother does) because it would waste my own time off. My mom does not have a life of her own at all. She gets busy with us every day. I am not willing to be like that... (CF302)

The greatest difference between the two generations is our attitudes toward life. I live for pleasure and happiness; but they just live with responsibilities and pressure. Of course this might have something to do with the fact that they have children. But even if I have my own child, I will live for my own sake, or at least so to a large extent. They live for the family or for others. This is what makes the difference. (MM309)

They (parents) just focus on their children. For my part, though, I hope they care more about themselves. Wouldn’t it be worry-free for them if I don’t need them to prepare the dinner? Wouldn’t it be bliss for them if I asked for less? Right? They could have led their own life, but they just give it up for the sake of the children... On the contrary, they are always fussing around. They should care more about themselves... I have always been looking for a state of life, that is, when I need their help, they come along; other than that, everything’s up to them. I will make it to the least to require things from them. But for the baby, as we have our baby now, I would ask as little as possible from them. I am not good at cooking, or at housework, but I think we can fix it on our own. They might think it unacceptable to always eat outside and make unnecessary spending, but I believe they should have their own space and life circle. (CF307)

5.4. The Transition Features of Familism Identification

It is noticeable with the figures shown in table 2 and table 4 that the generation difference is mainly reflected in familism identification in the “responsibility” aspect and in the attitude towards individual freedom and desire. It is implicated in this finding that the individual consciousness within the youth has already been in the rise and the rapidly growing individual consciousness of right has taken them far away from the attitude of their parent generation towards the issue whether fami-

ly should weigh more than individual. Compared with their parent generation, the young people hold a generally lower degree of identification of family's superiority over individual. But as the statistics shown in table 1 to table 4, overall young people's identification of familism stays at a high level in that the agreement rate of the majority of measurement sentences for family (including parental responsibilities) is found to be over 85 %; on the other hand, among them, the agreement rate of measurement sentences for individual freedom and desire is generally above 75 %, which indicates that amongst the younger generation, family is put in a position higher than individual after all and family values is stable.

In the meanwhile, however, what should not be neglected comes precisely from the findings about the "sameness between generations" which is mainly reflected in the familism identification in the "right" aspect. Thus we could arrive at ratiocination with reason that the high identification of family value from young people who are self-focused mainly attributes to the protection of individual interest from the family. There included two major implications: for one thing, family satisfies individual needs including such basic human psychological needs as the senses of safety, belonging and care. It is also popular among the society of individualism, which in turn cannot be counted as the evidence of the youth's identification of traditional Chinese familism (though it makes an integral part in the concept of "familism"). For another, features of the Chinese society are manifested which is the identification of relation orientation, mainly referring to the protection of individual interests ("the sense of integration between parents and children" is applied as the measurement index here in this article) from intergeneration support and mutual dependence among family members. In this matter, the agreement rate among the youth is above 90 %. The absence of differentiation in relation identification between the two generations suggests that young people approve there is consistency between family and individual interests.

Hence the paper argues the transition of familism identification lies in: while the two generations reach a consensus in the matter of family significance, they do follow different logic. The parent generation agrees more of the consistency of interests between family and individual (which can be verified from figures in table 2); but the children hold an obviously lower identification of traditional familism characterized by family's superiority over individual and the way to realize individual values through family values. They are more sensitive about the clashes between family and individual interests and have built up the awareness of individual pursuit outside the confines of family. Therefore family might well be resources and means in their efforts to satisfy individual needs and achieve self-fulfillment instead of being their ultimate goal. Interviews recorded of the samples of the younger generation could be helpful for a better understanding of the points above.

I can't make it clear which is more important between individual and family, although I will put family on the top of my list – because when my family is all right, I will be happy. If everything is taken into account, I will generally attach more importance to family. (MM309)

I put family before personal pursuit for it is more essential to me – it's not because I will be happier with it, but because I would get nowhere without it. Family makes me feel warm and safe. I value the sense of safety the most. (CF310)

What you get from work is a sense of achievement and what you get from your family is a sense of safety. Everyone will ultimately... I mean, you can't feel truly relieved, heart and soul, if you have only the sense of achievement in the absence of the sense of safety... to feel safe is really important... at least I have my sense of safety assured. When you fight for the success in your career without that sense of safety, you will end up in feeling lonely. (CF402)

6. Conclusion and Discussion

The result of analysis with real cases generally testifies the hypothesis of the article. As the change has taken shape, will the result of the change be “individualism-oriented”? In light of the above discussion about the features of the change, the answer is “No”. Despite the rise of individual consciousness in young people, the focus on individual interests has not challenged the position of family interests in them. Therefore the article contends that the transition ultimately brings forth the “Neo-familism” with the dual characteristics of solid family values and the rise of individual consciousness. Distinct from the traditional familism which invariably emphasizes family's superiority over individual and individual's unconditional sacrifice and contribution for the sake of family, neo-familism with the unique combination of individual rights and familial obligations, attempts to seek balance between family and the individual.

In transition from “familism” to “neo-familism”, the following points are worth summing up and discussing.

Firstly, up to now, the intergeneration inheritance of familism identification, which can be interpreted as the consensus that the two generations have on the protection of individual interests from families with “clear familial bounds”, is as clear as it is powerful. It is precisely on this point that the young people have based their identification of familism, i. e., family is an abundant resource for self-fulfillment. The only difference is that compared to the parent generation who gives more attention to the individual interest within and outside the family, while the younger generation incorporates the demarcation of individual and family, apart from the demarcation of the individual interests within and outside the family, as shown in fig. 2.

No matter what the stance is, familial bounds come first when it comes to the attitude toward individual interests. Within a family, children cherish the domestic harmony as their parents do. When family interest clashes with individual interest, the younger ones tend to strike a balance between the two based on the specific situation and individual needs. If the balance fails to be achieved, they are likely to give up personal interests for the sake of family interests. Scholars have pointed out that the most evident distinction between the familism principle and the public principle (author's note: equal to the individualism principle) in their treatment of clashes is that the clashes within a family is considered an inharmonious and

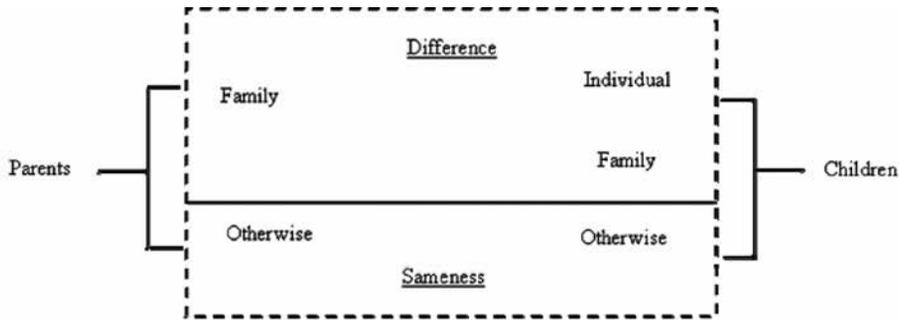

Fig. 2. The Difference between the Generations in the Stance of Familism Identification

abnormal phenomenon because familism presumes family members have consistent interests while a pluralistic society is incapable of making such presumptions [17]. This attitude toward conflict disposition precisely mirrors the perceivable track of familism identification within the contemporary youth. Moreover it indicates the Chinese youth, who are born and bred in the intensified Chinese culture, have still a long way off the realization of a complete “individualism” transition. Instead what is possible to grow within them is none but the “neo-familism”.

Secondly, as the individualization process in Chinese families has already started, young people are selective in their identification of family and their stance for selection is based on their own needs. Scholars when studying the topic of “family identification” proposed such concepts as “multiple family member identities” and “individual family” to illustrate the uncertainty and extensibility of family bounds from the perspective of individual. They also emphasized that family relations under such elastic family bounds fully reflect the consistency between economic interests and individual emotion [18; 14]. Such elastic principle of family identification can be seen, to some extent, as the evidence of the argumentation that young people derive their attention on family values from “individual”. To the contemporary youth in China, personal happiness and self-fulfillment have undoubtedly become the ultimate goals of life, to achieve which, judging from the current situation. Family is one of the most important resources. Family has become irreplaceable for relieving personal pressure, leveling up the senses of safety and happiness with the exit of workplace security, increase of market risks, and inadequacy of social securities. Therefore what comes along with the rise of individual is the returning of family values instead of the fading away of such values. However, family with the return of such values has changed essentially. Just as YAN Yunxiang pointed out, family is gradually turning into the center of personal life and the haven for individual. The expression “personal life” boasts a double meaning of family and individual [7]. “Neo-familism” might well be a response to such personal life with “double meaning”.

Thirdly, the introduction of “neo-familism” has inspired us with a dual-dimension research framework of family and individual. In the studies of family transition, family and individual are likely to be independent variables instead of being two ex-

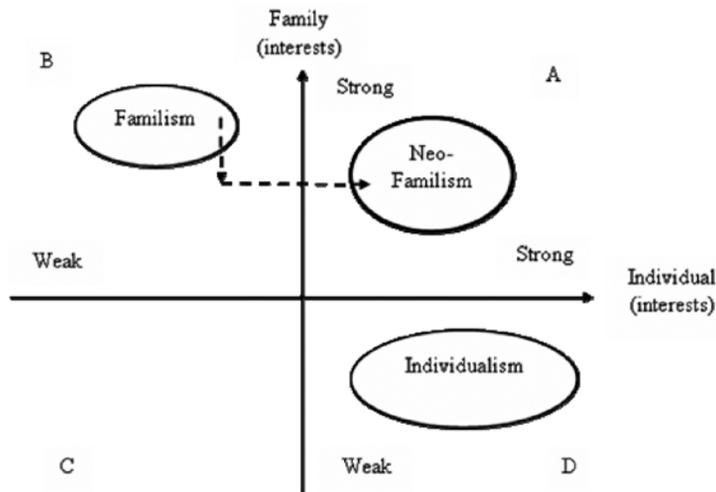

Fig. 3. A Diagram of “Neo-Familism”

tremes with complete and plain opposite relations. In a dual dimension framework, as shown in fig. 3, although “familism” and “individualism” are positioned in two quadrants (Quadrant B and Quadrant D) of the diagonal, in the context of today’s China, the Chinese youth, who give more and more attention to “individual interests”, might sacrifice a small part of family interests for their individual interests when facing clashes between the two. However with the important support from family for individual interests, the significance of family interests is still prominent, and as a result, the outcome of the transition may well fall to Quadrant A, indicating the youth will work hard to strike a balance between the two.

Finally the paper reaches a conclusion that the identification transition among the young people from “familism” to “neo-familism” is the transition of orientation consciousness. The noticeable rise of subject value of individual within the youth is forceful evidence of the individualization process of Chinese society and it makes the cornerstone of value transition of the contemporary society.

References

1. Zhou Yi. A Sociology Research of the Generation Gap / Zhou Yi // Sociol. Studies. – 1994. – N 4.
2. Zhou Yi. Tradition and Generation Gap – Duality of “Filial Piety” and “Mean” in Intergeneration Relations / Zhou Yi // Social Science Front. – 1995. – N 2.
3. Liu Wenrong. The Transition and Extension of Family Values / Liu Wenrong // J. of Social Sciences. – 2011. – N 10.
4. Wang Meiping. A Research of Teenagers’ Sense of Family Obligation / Wang Meiping, Zhang Kun, Zhang Wenxin // Psychological Development and Education. – 2001. – N 3.
5. Liu Wenrong. The Transition and Trend of Chinese Family Value Outlook – an Experience Research with People Born after 1980s as the Reference / Liu Wenrong // The Collection of the 6th Annual Academic Conference of Shanghai Social Science Community, 2008.

6. *Li Yinhe*. Fertility and Village Culture – Grandchildren of the Same Grandfather / Li Yinhe. – Culture and Art Publishing House, 2003.
7. *Yan Yunxiang*. Change in Private Life: Love, Family and Intimate Relationships in a Chinese Village, 1949–1999 / Yan Yunxiang. – California : Stanford Univ. Press, 2003. – 290 p.
8. *Guo Yuhua*. The Logic of Fairness in Intergeneration Relations and its Transition – an Analysis of the Elderly Supporting Issue in Villages of Hebei Province / Guo Yuhua // China Academics. – 2001. – N 4.
9. *Meng Xianfan*. Family: Three Impacts in a Century and our Choice / Meng Xianfan // J. of Tsinghua Univ. (Philosophy and Social Science). – 2008. – N 3.
10. *Wen Ping*. A Diachronic Research of the Changing Features of the Value Outlook of Chinese Teenagers at Different Periods / Wen Ping, Li Hong, Ma Kuanbin // Youth Studies. – 2005. – N 12.
11. *Qiu Ke*. A Probe into the Value Outlook of Contemporary Chinese College Students / Qiu Ke, Bian Hongguang // Chinese Youth Study. – 2005. – N 8.
12. *Liu Wenrong*. The Current Situation and Contributory Factors of Premarital Sex and Cohabitation Perception – Empirical Verification of the Modern Sex Explanation Framework / Liu Wenrong // Youth Studies. – 2010. – N 2.
13. *Li Guimei*. Contemplation on the Spiritual Construction of Modern Family Ethics – a Probe into Freedom and Responsibility / Li Guimei // Morality and Civilization. – 2004. – N 2.
14. *Shen Yifei*. Reconstruction of the Relation between Individualization and Family Structure – Take Shanghai as the Example / Shen Yifei. – Doctoral Thesis of Fudan Univ., 2010.
15. *Ma Chunhua*. The Transition Trend and New Findings of China's Urban Families / Ma Chunhua [et al.] // Sociol. Studies. – 2011. – N 2.
16. *Kang Lan*. The Transition of the Response Mode – a Research on the Urban Intergeneration Relations in the Perspective of Generation Gap / Kang Lan. – Doctoral Thesis of Shanghai Univ., 2009.
17. *Zhang Jingji*. Commonality and Familism — Basic Principle Differentiation of Social Construction / Zhang Jingji // J. of Beijing Univ. of Technology (Social Science). – 2011. – N 3.
18. *Chen Jieming*. China's Elderly Supporting Pattern: Traditional Culture, Familial Bounds and Intergeneration Relations / Chen Jieming // J. of Xi'an Jiaotong Univ. (Social Science). – 2010. – N 6.

Date accepted 18.10.2015.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

ОБЗОР НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОГО СЕМИНАРА «БЕЛАРУСЬ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ РАЗВИТИЯ: СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЭКОНОМИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ»

25 марта 2015 г. в зале заседаний Президиума Национальной академии наук Беларуси состоялся научно-практический семинар «Беларусь на современном этапе развития: социально-политический и экономический анализ». Организаторами семинара выступили Институт социологии НАН Беларуси и Республиканское общественное объединение «Белая Русь» при участии Отделения гуманитарных наук и искусств НАН Беларуси.

В работе семинара приняли участие: Л. М. Ермошина – Председатель Центральной комиссии Республики Беларусь по выборам и проведению республиканских референдумов; В. Л. Сенько – Председатель Постоянной комиссии Совета Республики Национального собрания Республики Беларусь по международным делам и национальной безопасности; С. А. Чижик – первый заместитель Председателя Президиума Национальной академии наук Беларуси, академик НАН Беларуси; С. Ю. Пигарев – заместитель Председателя РОО «Белая Русь»; А. В. Шатько – заместитель Председателя РОО «Белая Русь»; А. А. Коваленя – председатель организации по производственному принципу РОО «Белая Русь» Национальной академии наук Беларуси, академик-секретарь Отделения гуманитарных наук и искусств НАН Беларуси, член-корреспондент НАН Беларуси; И. В. Котляров – директор Института социологии НАН Беларуси, доктор социологических наук, профессор. На семинар были приглашены председатели первичных организаций РОО «Белая Русь» и идеологический актив объединения.

На семинаре были рассмотрены актуальные проблемы формирования белорусского гражданского общества и вопросы идеологического обеспечения важнейшей политической кампании 2015 г. – выборы Президента Республики Беларусь.

Председатель Центральной комиссии Республики Беларусь по выборам и проведению республиканских референдумов Л. М. Ермошина отметила, что семинар проводится накануне выборов Президента Республики Беларусь. Она ознакомила идеологический актив РОО «Белая Русь» с особенностями проведения избирательной кампании 2015 г. и отметила, что РОО «Белая Русь» уже имеет хороший опыт деятельного участия в избирательной кампании по выборам Президента Республики Беларусь.

В работе семинара приняли участие ведущие ученые научных организаций Отделения гуманитарных наук и искусств НАН Беларуси. В выступлениях и докладах участников семинара были проанализированы актуальные

проблемы современного этапа развития Беларуси и роль общественных объединений в становлении белорусского гражданского общества.

С докладами выступили сотрудники Института социологии НАН Беларуси: И. В. Котляров («Социально-политическая ситуация в Республике Беларусь на современном этапе развития белорусского общества»); И. В. Лашук («Образ семьи в общественном сознании жителей Беларуси: социологический анализ»); Н. Л. Балич («Религиозная ситуация на современном этапе развития белорусского общества»); М. И. Артюхин («Государственная молодежная политика: достижения и проблемы»).

Участникам научно-практического семинара «Беларусь на современном этапе развития: социально-политический и экономический анализ» были вручены сертификаты.

Проведенный научно-практический семинар внес существенный вклад в идеологическое обеспечение избирательной кампании по выборам Президента Республики Беларусь, а также способствовал расширению роли ученых НАН Беларуси в политическом образовании идеологического актива первичных организаций РОО «Белая Русь».

*Руководитель Центра мониторинга миграции
научных кадров Института социологии НАН Беларуси,
кандидат философских наук М. И. Артюхин*

ОБЗОР МЕЖДУНАРОДНОГО КРУГЛОГО СТОЛА «СИРИЙСКАЯ АРАБСКАЯ РЕСПУБЛИКА НА РУБЕЖЕ ВЕКОВ»

6 апреля 2015 г. состоялся Международный круглый стол «Сирийская Арабская Республика на рубеже веков», посвященный Дню независимости Сирийской Арабской Республики. Организаторами круглого стола выступили Институт социологии НАН Беларуси, Посольство Сирийской Арабской Республики в Республике Беларусь, Отделение гуманитарных наук и искусств Национальной академии наук Беларуси, а также представители сирийской диаспоры в Беларуси.

В работе круглого стола приняли участие Чрезвычайный и Полномочный Посол Сирийской Арабской Республики в Республике Беларусь г-н Бассам Абдуль Мажид, академик-секретарь Отделения гуманитарных наук и искусств НАН Беларуси, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент НАН Беларуси А. А. Коваленя, директор Института социологии НАН Беларуси, доктор социологических наук, профессор И. В. Котляров, ведущие ученые институтов Отделения гуманитарных наук и искусств НАН Беларуси, высших учебных заведений страны, а также представители сирийской диаспоры в Беларуси.

На круглом столе были рассмотрены следующие темы: белорусско-сирийские двусторонние отношения на современном этапе; Сирия в зоне бифуркации «арабских революций»: социально-политический анализ; вооруженные конфликты на Ближнем Востоке после Арабской весны 2011 г.; геополитические аспекты агрессии против Сирии и секрет стойкости Башара Аль-Асада и сирийской армии; особенности деятельности террористических организаций в Сирии; проблема кибертерроризма в современном обществе; феномен террористической организации «Исламское государство» в свете вызовов, стоящих перед Ближним Востоком; информационная война как инструмент агрессии против Сирии; религиозный диалог как стратегический фактор стабильности и безопасности Сирии.

В своем заключительном слове Чрезвычайный и Полномочный Посол Сирийской Арабской Республики в Республике Беларусь г-н Бассам Абдуль Мажид поблагодарил организаторов круглого стола и его участников за поддержку справедливой борьбы сирийского народа и президента Сирии Башада Асада против агрессоров и международных террористов.

*Руководитель Центра мониторинга миграции научных кадров
Института социологии НАН Беларуси,
кандидат философских наук М. И. Артюхин*

ОБЗОР МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «ТРАДИЦИОННЫЕ ЦЕННОСТИ ОБЩЕСТВА – ОСНОВА СОХРАНЕНИЯ МЕЖНАЦИОНАЛЬНОГО СОГЛАСИЯ И ТОЛЕРАНТНОСТИ», ПРОШЕДШЕЙ В г. МИНСКЕ 3 НОЯБРЯ 2015 г.

Международная научно-практическая конференция «Традиционные ценности общества – основа сохранения межнационального согласия и толерантности» была инициирована Посольством Республики Казахстан в Республике Беларусь и проведена совместно с Институтом социологии НАН Беларуси. Центральным вопросом конференции стала чрезвычайно важная для современного общества проблема – сохранение межнационального и духовно-культурного согласия с опорой на национальные духовно-культурные традиции. В современных условиях, характеризующихся небывалым ростом социальной напряженности, актуальность заявленной тематики значительно возросла. В условиях глобализации, когда базовые национальные ценности подвергаются мощному давлению со стороны псевдокультурных унифицирующих тенденций, сохранение и пропаганда национального духовно-культурного достояния предстает актуальной теоретической и практической задачей.

Участники конференции дали адекватную оценку вызовов и угроз, проистекающих из различных альтернатив развития, а также подвергли анализу ситуацию, связанную с особенностями сохранения и трансляции традиционных ценностей казахстанского и белорусского обществ. Внимание было направлено как на концептуальное осмысление поднятых вопросов, так и на рассмотрение на базе обширного эмпирического материала особенностей ценностных трансформаций, наблюдающихся в различных сферах общества.

В ходе конференции большое внимание было уделено проблемам этнокультурных взаимоотношений, значительно обострившимся в связи с усилением миграционных процессов. Данная проблематика была представлена в сообщениях Е. Б. Булегенова, М. М. Жусупова, И. В. Лашук, М. И. Артюхина. Важнейшим выводом стало осознание факта, что рост экстремизма и радикализма ставит на повестку дня необходимость формирования новых надежных механизмов преодоления социальной, этнической и религиозной напряженности и конфликтов. Вопросам сохранения и укрепления межнационального согласия, межэтнической и конфессиональной толерантности были посвящены сообщения И. В. Котлярова, Н. Л. Балич.

В ходе конференции ее участниками поднималась проблема необходимости сохранения традиционных ценностей в контексте развития постиндустриального общества и в соотношении с ценностями креативности, предпримчивости и индивидуализма, считающимися основой инновационного

развития. Интегрирующая роль общенародных базовых ценностей белорусского народа, среди которых на первых позициях находятся любовь к Родине и толерантность, всесторонне проанализирована в докладе Е. М. Бабосова. Такой важный ракурс анализа, как ценность Родины и уже – идентификация с территорией проживания, затронут Т. В. Кузьменко. На результатах эмпирического исследования докладчик показала, что территориальная идентичность населения провинции является достаточно сильной и проявляется, в первую очередь, посредством актуализации ее когнитивного компонента. Обращаясь к описанию состояния и степени изменения ценностей населения малых городов и сел (аглогородков), Р. А. Смирнова продемонстрировала неизменность, однородность и устойчивость ценностного ядра, включающего традиционные ценности семьи, детей, здоровья, достатка. Тема ценностных трансформаций, характерных для института семьи, обсуждалась в докладах, представленных Н. А. Сосновской, О. Н. Ображей.

Таким образом, на конференции рассматривался широкий круг вопросов, затрагивающих сложные и противоречивые процессы, происходящие в системе ценностей современных обществ. Выводы конференции создают условия для дальнейшего теоретического поиска в направлении разработки общей системы базовых традиционных национальных ценностей как фундамента сохранения межнационального согласия.

*Руководитель Центра социологии культуры и социальной сферы
Института социологии НАН Беларуси,
кандидат социологических наук, доцент И. В. Лашук*

**ОБЗОР МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ «СОЦИАЛЬНОЕ ЗНАНИЕ И ПРОБЛЕМЫ
ИНТЕНСИФИКАЦИИ РАЗВИТИЯ БЕЛОРУССКОГО ОБЩЕСТВА»,
ПРОШЕДШЕЙ В г. МИНСКЕ 12–13 НОЯБРЯ 2015 г.**

12–13 ноября 2015 г. в Институте социологии НАН Беларуси прошла пятая Международная научно-практическая конференция «Социальное знание и проблемы интенсификации развития белорусского общества». Следуя неизменной традиции, организаторы конференции задали содержательную перспективу, сфокусированную на связи знания и общества. В этом году тематический фокус конференции был направлен на изучение возможностей и механизмов интенсификации развития белорусского общества в современных социокультурных реалиях. Участники конференции минутой молчания почтили память безвременно ушедшего видного белорусского социолога В. Л. Абушенко.

В этом году в конференции приняли участие более 100 исследователей из Беларуси и стран ближнего и дальнего зарубежья. Были представлены выступления и материалы представителей различных регионов России (Астрахань, Вологда, Волгоград, Орел), Украины (Центр исследований научно-технического потенциала и истории науки имени Г. М. Доброва НАН Украины) и других стран. Стало уже доброй традицией делать конференцию площадкой для широкого участия и ведения активной научной дискуссии по наиболее актуальным и злободневным вопросам социально-политического, экономического и культурного развития наших стран и регионов.

Конференция Института социологии традиционно выступает местом встреч социологов из разных стран и регионов, живым научным форумом для обмена опытом и знаниями. Принципиально важно значение данного научного форума для развития и поддержки социологии во всех регионах и крупнейших городах Беларуси (Могилев, Гродно), где ведется и вузовская подготовка социологов. Не менее важно объединение усилий академической и вузовской социологии: на конференции присутствовали представители кафедр социологии (а также родственных кафедр философии, культурологии и т. д.) практически всех основных университетов страны.

Активные дискуссии участников развернулись по всем ключевым сферам и направлениям социологической мысли: о теориях и методах социологических исследований, о политическом лидерстве и общественном развитии, об экономических основах и механизмах социального развития, о состоянии и проблемах в социальной сфере, о региональной динамике и потенциале, о современном значении науки и образования, о культурных трендах и транс-

формациях. Многие вопросы получили новые прочтения, многие остались открытыми и будут вдохновлять исследователей на дальнейшие изыскания и открытия.

Без социологии невозможно надежное знание об обществе, в котором мы живем. Она обеспечивает обратную связь между взаимодействующими субъектами и структурами, снабжает их необходимой достоверной информацией. Востребованность социологической науки напрямую связана с эффективностью проводимой научной деятельности, обеспечением ее престижа как в государстве, так и в глазах населения. Прошедшая конференция внесла свой значимый вклад в решение данных задач.

*Научный сотрудник Отдела социологии социальной сферы
Института социологии НАН Беларуси,
кандидат социологических наук А. В. Комаровский*

**ПАМЯТИ БЕЛОРУССКОГО СОЦИОЛОГА И ФИЛОСОФА
ВЛАДИМИРА ЛЕОНИДОВИЧА АБУШЕНКО
ПОСВЯЩАЕТСЯ**

26 сентября 2015 г. скоропостижно скончался известный белорусский социолог и социальный философ, кандидат философских наук, доцент, заместитель директора Института социологии НАН Беларуси по научной работе Владимир Леонидович Абушенко. Его жизнь – это история интенсивнейшего труда, безоглядного самопожертвования во благо белорусской культуры, науки и, конечно же, социологии.

Владимир Леонидович родился 22.04.1957 г. в г. Пинске Брестской области. В 1979 г. закончил отделение философии исторического факультета Белорусского государственного

университета, а в 1984 г. – аспирантуру Института социологических исследований АН СССР. В 1985 г. он успешно защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата философских наук на тему «Проблемы построения системы показателей духовной деятельности личности в концепции социалистического образа жизни (Теоретико-методологический аспект)».

Дальнейший профессиональный путь Владимира Леонидовича связан с научной деятельностью в Институте философии и права АН БССР. С апреля 1990 г. по апрель 2002 г. В. Л. Абушенко – доцент кафедры социологии БГУ. С апреля 2002 г. он являлся заместителем директора по научной работе Института социологии НАН Беларуси.

Главные направления научных исследований В. Л. Абушенко – теоретическая социология, социология знания, социология культуры, история общественно-политической мысли в Беларуси. Разработанная им методология культурологических исследований внесла заметный вклад в развитие теоретических проблем духовной культуры. В. Л. Абушенко является автором более 400 научных публикаций. Владимир Леонидович был соруководителем и деятельным участником международного проекта «Гуманитарная энциклопедия» минской философской школы, членом редколлегии журнала «Социология» (Минск), Международного журнала социальных и гуманитарных наук «Личность. Культура. Общество» (Москва).

Научную работу В. Л. Абушенко успешно совмещал с преподавательской деятельностью на кафедре социологии БГУ.

На должности заместителя директора Института социологии НАН Беларуси по научной работе он курировал выполнение заданий ряда важнейших Государственных программ фундаментальных исследований, а также активно участвовал в подготовке молодых перспективных социологов.

Двери кабинета заместителя директора по научной работе Института социологии были открыты для любого и в любое время. Каждый сотрудник, приходя к Владимиру Леонидовичу с вопросом или проблемой, уходил с ответом и решением, оставляя его в ожидании следующего посетителя и с надеждой на возможность заняться в тишине и уединении чем-то «своим». Деликатность его натуры не знала меры: редкий человек мог услышать злое слово, насмешку или упрек в свой адрес. Эти простые человеческие качества позволяли ему объединять центробежных личностей в цельные коллективы, семинары, проекты, порождающие новое и ценное знание.

Сферу его научных интересов сложно уместить в какие-то конкретные дисциплинарные рамки: в трудах Абушенко ценнейшие идеи найдет для себя представитель практически любой социогуманитарной дисциплины. В рамках же конкретных дисциплин он чувствовал себя скованным, стремясь освободить знание из под власти концептов и институций, сделать его над-и, по возможности, внедисциплинарным интеллектуальным достоянием. Редкие появления в СМИ становились ярким событием и образцом «миграции смыслов» с теоретических высот до туманных равнин повседневности.

Его беспокойство об имидже и статусе социологии в современности было выражением не личностной «схваченности» дисциплиной, а глубокой рефлексией изменившихся реалий социального бытования социальной науки. Будущие исследователи еще по достоинству оценят его «ходы» и «развороты», сделанные в пространстве фундаментальной социологии, культуросоциологии, социологии знания и науки. Разработки В. Л. Абушенко по рамочному анализу, типологический подход к культуре, концепция креольства и другие идеи имеют безусловную теоретическую, дидактическую и просветительскую ценность, масштаб которой еще предстоит осознать и измерить на практике.

Владимир Леонидович был не просто профессионалом. Он был профессионалом с большой буквы, мастером. Его мастерство можно было наблюдать в неспешной, упорядоченной и аккуратной работе с текстами, людьми, мыслями. Абушенко не любил торопливости и торопливых, понимая, что идеи любят тишину и порядок. Именно эти качества характера и позволили ему сделать значимый вклад в интеллектуальную историю страны и, нужно не бояться сказать, русскоязычной гуманитаристики. Время не сможет умалить ценности той редакторской и авторской работы, которая легла в основу новаторских энциклопедических проектов по философии и социологии.

Может быть, это и странно, но по-настоящему комфортно, «как дома», Владимир Леонидович чувствовал себя скорее в «универсуме смыслов», чем

среди людей и бисерной россыпи их, конечно же тоже важных, житейских дел. Он ежедневно кропотливо собирал и вплетал в свой человеконепомерный «гипертекст» рассеянные по дисциплинарному космосу частички смыслов и идей о культуре и знании, теории и практике, социуме и личности, нации и идентичности. Написанное еще ждет своего перепрочтения и открытия новых смыслов в грядущих событиях и ситуациях. Собранное, но ненаписанное, ждет своего часа и, хочется надеяться и верить, оно дождется встречи с читателем.

Многого он не успел написать и уже не напишет. Повседневная рутина год от года убавляла драгоценное время, не оставляя сил и надежд на творчество. Прирожденная аккуратность, порядочность и честь не давали ему снизить планку или не «удержать норму», написать или сделать что-то на «скорую руку» – для кого бы оно ни предназначалось. Владимир Леонидович больно переживал любые ситуации, где нужно было поступаться личностными и научными нормами.

Он многим и многим был и остался должен – его ум и талант были остро востребованы не только в стенах «родного» Института. Активные творческие связи оборвались с коллегами из России, Украины и других стран. Но в стенах Института прошли годы личностной и творческой зрелости, которые он пожертвовал ради развития гуманитарной мысли и социологической науки в Беларуси – как ученый, педагог, организатор науки.

В некрологе «Памяти Александра Алексеевича Грицанова» Абушенко завещал беречь себя и тех, кто нам близок. К сожалению, следовать в полной мере этому совету-завещанию он сам не сумел. Заботясь о близких, он мало заботился о себе, отдавая им себя полностью и искренне.

Голос его оборвался на полуслове. Но мы уверены, что это слово будет сказано – и его услышат.

Коллектив Института социологии НАН Беларуси

Научное издание

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ

Основан в 2010 году

Выпуск 7

Редактор *М. И. Ременница*

Художественный редактор *Т. Д. Царева*

Технический редактор *О. А. Толстая*

Компьютерная верстка *М. Э. Маляревич*

Подписано в печать 10.03.2016. Формат 70×100^{1/16}. Бумага офсетная. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 40,14. Уч.-изд. л. 36,0. Тираж 150 экз. Заказ 53.

Издатель и полиграфическое исполнение:
Республиканское унитарное предприятие «Издательский дом «Беларуская навука».
Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий № 1/18 от 02.08.2013.
Ул. Ф. Скорины, 40, 220141, г. Минск.